РПА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
1970

СБОРНИК СТАТЕЙ

Москва

5-7 НОЯБРЯ 2025

XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Державинские чтения»

2026

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(Москва, 5–7 ноября 2025 года)

Сборник статей

г. Москва
ВГУЮ (РПА Минюста России)
2026

УДК 340
ББК 67
Д 25

Ответственный редактор:
Александрова О.И., ректор ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:
Гурьев Д.В., первый проректор ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат экономических наук
Гуреев В.А., проректор по научной работе ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Бабенко В.Н., главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор исторических наук, профессор
Илюшина М.Н., заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Казачкова З.М., заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Кирсанова Е.В., старший научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Колосова И.М., заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
Красиков В.И., главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор философских наук, профессор
Оганесян Р.Г., младший научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Макеева А.М., помощник ректора ВГУЮ (РПА Минюста России)
Панченко В.Ю., заведующий кафедрой теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент
Сангаджиев Б.В., заведующий кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Яцеленко Б.В., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Д 25 **XIX Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения»** (Москва, 5–7 ноября 2025 года) : сборник статей / отв. ред. О. И. Александрова ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». – М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2026. – Текст: электронный. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 5 Мб. – 500 экз. – ISBN 978-5-00220-531-8
Системные требования: Intel Pentium® или аналогичный с тактовой частотой 1,3 ГГц, 500 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Mac OS; Adobe Acrobat Reader.

В сборнике представлены материалы, подготовленные к проведению XIX Международной научно-практической конференции «Державинские чтения». Издание предназначено для студентов высших учебных заведений юридического профиля, аспирантов, всех тех, кто делает первые шаги в научном осмыслении юриспруденции.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Издание подготовлено при информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12+

УДК 340
ББК 67

ISBN 978-5-00220-531-8

© ВГУЮ (РПА Минюста России), 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Александрова О.И. Организационные основы расследования преступлений киевского режима Следственным комитетом Российской Федерации....13

Вагапова Е.Д. Проблемы практики назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ....19

Жукова А.А. Альтернативные виды наказания как решение кризиса уголовного правосудия....25

Захарова А.Ю. Гуманистические воззрения Верховного Суда РФ на индивидуализацию наказания для наркозависимых лиц....29

Иоанну Г. Реабилитация граждан в уголовном процессе: анализ судебной практики....34

Комолятов Г.Д. Кровная месть как обстоятельство, отягчающее наказание: дискуссионные аспекты и поиск правового баланса....39

Королева К.Д. Административный надзор и пробация как средства ресоциализации осужденных....44

Матвеева М.О. Перспектива введения конфискации имущества в качестве вида уголовного наказания....51

Муромцев Д.А. Совершенствование санкции ст. 151 УК РФ как условие повышения эффективности борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность....55

Пинчугин Д.Е. Эффективность уголовного наказания в Российской Федерации....59

Подколзина К.В. Проблемы дифференциации уголовной ответственности и наказания для лиц, совершивших преступление в состоянии виктимно обусловленной аффектации....64

Савкина А.С. Проблемы применения наказания в виде исправительных работ на современном этапе развития уголовного законодательства....68

Свищенкова К.А. Проблемы построения уголовно-правовых санкций с учетом характера и степени общественной опасности преступления....73

Сеидов С.М. Эволюция уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии....77

Скирда М.В. Конвенция ООН против киберпреступности: исторический аспект и современная перспектива....84

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ, АНТИЦЕННОСТИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Абдулатипова М.А. Социальные ценности: природа и особенности правового регулирования....91

Анисимова Д.А. Герой своего времени: истоки формирования и приоритетные ценности ... 95

Бедринова Д.С., Фокина Е.П. Эволюция социальных ценностей в праве: сравнительно-исторический подход ... 99

Бойко К.В. Государственное управление территорией Крыма: от Российской империи до Российской Федерации ... 104

Васильев К.И. Анализ судебного процесса в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» ... 111

Грошикова П.А. Патриотизм как социальная ценность и фактор правового противодействия терроризму и экстремизму: сравнительно-историко-правовой анализ ... 114

Зайнутдинов Д.Р. Некоторые мысли Мусы Бигиева об английском политико-правовом влиянии на исламский мир ... 118

Коршунова К.Н. Права женщин в России: собственность и судопроизводство как зеркало эпохи (до начала XX века) ... 126

Красиков В.И. Ложные сообщения, дезинформация в современных СМИ: современная исследовательская ситуация ... 133

Потапова Л.А. Квинтэссенция терроризма в российской и зарубежной литературе ... 143

Потапова Н.С. Этапы исторического развития имущественных прав несовершеннолетних ... 149

Рябцева Е.М. Трансформация института семьи в России: историко-правовой анализ и эволюция традиционных ценностей ... 153

Тер-Акопьян В.А. Вклад Г.Р. Державина в развитие медиации ... 158

Тетерин А.И. «Бессмертный полк» в России и за рубежом как способ сохранения исторической памяти ... 165

Халилова А.Г. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования ... 168

Цай Э.А. Эволюция правовых норм в контексте социальных ценностей: историко-правовое исследование на примере определенных институциональных сфер ... 172

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Абрамов В.Д. Роль искусственного интеллекта в информационной безопасности ... 179

Арзуманова А.А. Искусственный интеллект – страж закона или слуга преступного мира? ... 183

Асадуллахова Г.В. Информационная безопасность подростков в интернете как фактор предупреждения преступности несовершеннолетних ... 187

Ахмеднабиев А.Л. Проблемы обеспечения международной информационной безопасности ... 191

Журавлева Т.И. Информационная безопасность в цифровую эпоху: уголовная ответственность за преступления с использованием искусственного интеллекта ... 196

Зайдуллина Д.М. Утечка персональных данных: проблемы законодательной регламентации и реализации уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 272.1 УК РФ ... 202

Исаков Ш.Я. Ответственность за дипфейки и кибермошенничество ... 206

Курбанова З.М. Этика и юридические ограничения: правовые аспекты использования *Telegram* в продвижении юридических услуг ... 210

Меркулова В.О. Угрозы цифровой эпохи: частноправовые средства защиты от вредоносного и манипулятивного искусственного интеллекта ... 214

Пантюшенко Ю.И. Правовой статус данных, полученных с помощью нейроинтерфейсов: проблемы регулирования в контексте защиты персональных и биометрических данных 220

Тетерин А.Ю. Уголовно-правовая защита персональных данных 225

Шамсудинов Г.Ш. Технологии искусственного интеллекта в противодействии киберугрозам в отношении детей и подростков 229

Шуплецова Д.С. Имя гражданина в цифровую эпоху: особенности гражданско-правового регулирования и защиты 235

РАСШИРЕНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ

Абашина К.М. Расширение цифрового контроля в России и в мире: новые вызовы и эффективные решения 241

Белова В.А. Кибертерроризм как угроза национальной безопасности: расширение уголовно-правового контроля в цифровую эпоху 246

Бембеев М.А. Правовой статус и полномочия Росфинмониторинга как национального координатора по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем 251

Грассевич С.В. Смарт-контракт: понятие, сфера применения и риски использования 255

Иванова М.В. Цифровизация адъюдикации как проявление цифрового контроля в сфере альтернативного разрешения споров 259

Ильчинская А.А. Риски, связанные с внедрением цифровых систем в систему правосудия 264

Красина Е.Д., Мамашева О.А. Правовые аспекты цифровой трансформации инвестирования на примере краудфандинга 269

Куликова А.Н. Проблемы обеспечения судебной защиты прав владельцев цифровой валюты в Российской Федерации 273

Логинов Е.А. Таможенный контроль в рамках Евразийского экономического союза с применением цифровых технологий 277

Магомедова А.Ш. Цифровой этикет адвоката: проблемы конфиденциальности и профессиональной этики в интернет-пространстве 282

Маркова О.А. Проведение ДНК-экспертизы в гражданском судопроизводстве: о перспективах 287

Михин Н.Д. Проблемы правового регулирования совершения дистанционных сделок 293

Неговора М.Н. Правовые аспекты использования системы распознавания лиц в публичных пространствах: поиск баланса между безопасностью и приватностью 298

Петровская А.А. Биометрические данные как новый ресурс государственного управления: сравнительный анализ политики России, Китая и стран Европейского союза 302

Полатов О.М. Цифровая трансформация государственного управления: технологические и институциональные аспекты 307

Тихонова Е.К. Мобильное приложение как инструмент цифрового контроля: оценка эффективности на примере «ПАК ПМ» 311

Филиппова А.П. Роль искусственного интеллекта в государственном цифровом контроле в мире и в Российской Федерации 316

Шафиева Л.Р. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности в России 320

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ И КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Астапова Т.Ю. Защита прав несовершеннолетних лиц при приобретении жилого помещения за счет материнского (семейного) капитала 325

Бандурина Н.В. Вопросы злоупотребления брачными правами в современных условиях 330

Бапинаева М.М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект наследования 336

Барышников М.Ю. Частноправовые механизмы медиации в семейном праве 342

Батрова Т.А. Проблемы защиты наследственных прав членов семьи наследодателя при учреждении личного (наследственного) фонда 347

Березовская А.Е. Правовая природа преимуществ статуса залогового кредитора при несостоятельности (банкротстве) должника 351

Буй Анг Хьеу. Практическая реализация законодательства о работе с просроченной задолженностью во Вьетнаме 355

Гулевич К.Д. Особенности регулирования цифровых прав и краудфандинга в гражданском праве 370

Злобин И.А. Нарушение прав потребителей как следствие злоупотребления правом маркетплейсами 375

Илюшина М.Н. Современное состояние механизма принятия и подтверждения решения единственного участника хозяйственного общества 380

Казакова Н.А. Фактические брачные отношения и проблемы их регулирования в российском праве 384

Картавенко А.И. Правовой режим товарного агрегата по законодательству Российской Федерации 388

Катышевцев В.А. Сравнительное преимущество концессионного соглашения как перспективный критерий эффективного осуществления публично-частного партнерства 392

Кирилина М.А., Конов И.В. Сравнительно-правовой анализ финансовых технологий и релевантных правовых инструментов в России и во Франции 396

Кленова Н.А. Реализация прав супругов в корпоративных правоотношениях 401

Комарова С.И. Информация как особый объект гражданских прав в условиях цифровизации 407

Крымов Е.Д. Особенности принятия решения об изменении личного закона юридического лица 412

Лобащук В.Е. Залог цифровых активов: проблемы взыскания и законодательные перспективы 416

Никольский Н.В. Некоторые проблемы защиты цифровых прав и пути их решения 421

Потапова Е.Н. Телемедицина как вид предпринимательской деятельности в сфере возмездного оказания услуг (на примере законодательства ОАЭ) 424

Потеряев В.А. Правовое регулирование привлечения иностранных граждан для работы в Российской Федерации 429

Рожков Н.Г. Влияние правового положения Российской Федерации на реализацию корпоративных прав 434

Сайнароева Х.М. Проблемы лицензирования медицинской деятельности в условиях цифровой трансформации 440

Слепнев А.Д. Запрос разъяснений как механизм взаимодействия субъектов

закупок по Закону № 44-ФЗ:
понятие, классификация и особенности
применения....446

Фролов В.И. Правовые проблемы
использования смарт-контрактов
в предпринимательской деятельности:
гражданско-правовая квалификация
и судебная защита....450

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ И УГРОЗ

Брисберг С.А. Перспективы наделения
правосубъектностью искусственного
интеллекта в рамках гражданского
права....457

Горланова Д.А. Деликтная
ответственность за вред, причиненный
решениями искусственного интеллекта:
поиск оптимальной модели....461

Гуликов К.К. Смарт-контракты:
перспективы и реальность....466

Кондратей А.А. Цифровые активы
в сфере интеллектуальной
собственности....470

Косынкина А.С. Наследственное
право в условиях цифровизации
нотариата в современной России....476

Малачиева П.Р. Правовое
регулирование использования
искусственного интеллекта при создании
объектов авторского права....480

Мельникова Е.А. Правовая природа
и ответственность по сделкам,
заключенным с использованием
искусственного интеллекта
и алгоритмов....484

Миронова А.И. Актуальные вопросы
гражданско-правового регулирования
института персональных данных....489

Митрохин А.А. Искусственный
интеллект и защита нематериальных
благ: проблемы правоприменения
и предложения по совершенствованию
законодательства....495

Морозов Н.В. Правовая квалификация
цифровых технологий в качестве
объектов патентного права....500

Москалец М.М. Проблемы правовой
защиты товарного знака в условиях
цифровой торговли....505

Ножкина А.О. Внедрение технологии
искусственного интеллекта в процесс
купли-продажи жилых помещений....510

Семенцов Е.В. Искусственный
интеллект как возможный объект
гражданских правоотношений....514

Степанян А.С. Законодательство
о применении цифровых технологий
при разрешении семейно-правовых
споров: основные тенденции становления
и развития....519

Ушаков А.А. Медицинские изделия
как объект гражданского оборота....523

Халемендик М.Р. Применение
искусственного интеллекта в гражданском
обороте: проблемы правового
регулирования и ответственности....531

Цуркану К.В. Ответственность
за вред, причиненный искусственным
интеллектом....536

Шаханова М.А. Нейросети: проблемы
регулирования в авторском праве....541

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Васин П.В. Судебная экспертология
в цифровом мире на примере
железнодорожно-транспортной
экспертизы....547

Гаджиханов М.З. Личный бренд юриста
в цифровую эпоху....552

Жувага А.А., Олейник Р.В. К вопросу
о нравственных аспектах деятельности
суда в уголовном процессе....555

Магомедова Д.Р. Нравственные начала уголовного процесса в условиях цифровизации: принципиальная незыблемость или неизбежная трансформация? 560

Пеньковский П.Э. Профилактическая экспертная деятельность в условиях цифровой трансформации: на примере судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности 564

Подгорный Л.Н., Родина К.Е. Нравственные начала уголовного судопроизводства 570

Поляков В.А., Серебренников К.С. Нравственные начала в деятельности адвоката: современные проблемы 575

Пронькина О.Д. О некоторых проблемах обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи по уголовным делам 579

Саргсян Г.М. Пассивная защита как нарушение профессиональной этики адвоката 583

Серегина Е.В. Использование цифровых технологий и информационных ресурсов при производстве судебной землеустроительной экспертизы 588

Соболева А.А. Некоторые аспекты проблемы виктимблейминга 595

Солошенко Н.А. К вопросу об этической основе профессиональной деятельности адвоката 599

Цицкиева Т.А. Проблемы интеграции примирительных процедур и медиативных технологий в уголовное судопроизводство 604

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) СЛУЖАЩЕГО

Алексеева А.П. Этический кодекс как «мертвая буква»: причины и механизмы преодоления формализма в профессиональной этике юриста 611

Гвоздев Д.В. Процессуальная форма внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь 615

Куракина С.С. Этические проблемы цифровизации государственной службы: деформация поведения чиновников в новых условиях и стратегии формирования цифровой этики 622

Лазарев Я.А. Проблема профессионального выгорания среди государственных и муниципальных служащих 628

Путилова М.В. Взаимодействие суда и медиатора: проблемы разграничения полномочий и этики 634

Татаурова В.В. «Калужское дело» с точки зрения современного российского законодательства 638

Урусов Р.М. Психологические особенности сотрудников Федеральной службы безопасности 642

Фейгина О.С. Проблемы реализации права сотрудника полиции на жилищное обеспечение 648

Шангереев С.А. Традиционные ценности в деятельности государственных служащих: особенности и значение 653

Шевчук О.М. Современные проблемы государственной службы в Российской Федерации 656

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ (ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ)

Бымбыгыденов Р.А. Сложности правового регулирования досудебных процедур в России 663

Васягина М.М., Кисткин Н.В. Актуальные вопросы досудебного и судебного разрешения споров,

рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства....668

Гаджаева З.А. Участие помощника судьи: процессуальное положение в гражданском судопроизводстве....673

Грибков Д.С. Повышение размера государственной пошлины при обращении в суд как ограничение реализации принципа доступности правосудия....679

Олейник Р.В. Проблемы допустимости и достоверности косвенных доказательств в гражданском судопроизводстве....684

Павлова Н.В. Предмет доказывания в делах о защите деловой репутации юридических лиц....689

Сейфединова Л.М. Теоретические и практические проблемы исполнения медитативных соглашений....693

Слепухин Ю.А. Добросовестность при раскрытии доказательств и процессуальная экономия....697

Чолокян М.В. Применение современных технологий в процедуре досудебного урегулирования гражданско-правовых споров: за и против....703

СОВРЕМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Адышкина П.Н. Использование цифровых технологий в работе службы судебных приставов....711

Акобян Р.А. Бремя доказывания при оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя: судебная практика....718

Крылова Т.А. Актуальные проблемы исполнительного производства в России....722

Полионов А.П. Взыскание цифровых активов: проблемы и перспективы....726

Серебрякова Д.И. Цифровое исполнительное производство: проблемы и перспективы....731

Чуринов А.П. Обращение взыскания на цифровые активы: актуальные проблемы и новые возможности....735

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В БАНКРОТСТВЕ И ВНЕБАНКРОТНЫХ ПРОЦЕДУР

Асельдеров М.А. О некоторых вопросах субсидиарной ответственности в делах о банкротстве....743

Ашурматова М.Т. Субсидиарная ответственность при банкротстве муниципальных унитарных предприятий: проблемы баланса интересов и пути совершенствования законодательства....747

Мережкина М.С. Защита прав участников общей долевой собственности при продаже доли одним из участников....752

Фаталиева О.Н. Международный опыт банкротства физических лиц и его применимость в Российской Федерации....756

РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

Абрамов А.В. Защита исторической памяти как традиционная ценность российского общества: конституционное закрепление и развитие на современном этапе....763

Аташева А.С. Возрастной ценз как угроза функционированию власти, или Правовые пробелы в вопросе формирования «верхней» палаты Федерального Собрания Российской Федерации....768

Борисова-Жарова В.Г. Особенности совместного завещания супругов по Гражданскому кодексу РФ: правовой анализ и практические аспекты....771

Буракова В.Е. Традиционные ценности как конституционная основа развития российского государства....776

Ваховский Д.В. «Дружба народов России» как принцип российской государственности: перспективы отнесения к традиционным ценностям и конституционализации....780

Лебедев А.Г. Конституционные основы двойного гражданства в России: вызовы современности и национальные интересы....785

Лысенко Н.К. Защита прав ребёнка в конституционно-правовом измерении Российской Федерации: институт опеки и попечительства на стыке современного права и традиционных семейных ценностей....790

Магомедов И.А. К вопросу о духовных основаниях российской государственности: конституционно-правовой аспект....795

Парфенчиков Я.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как ориентиры государственной политики по обеспечению биологической безопасности....799

Саадуев М.М. Права национальных меньшинств и конституционные гарантии равенства....805

Сотников П.А. Конституционные обязанности как отражение традиционных ценностей: новая интерпретация ч. 3 ст. 44 Конституции РФ....811

Смоляров А.С. Конституционно-правовые основы реализации традиционных ценностей в демографической политике государства....814

Фурсова С.Р. Статья 67.1 Конституции Российской Федерации как оплот традиционных ценностей: эффективность и возможные противоречия....819

Хомич Е.Д. Практическая роль Государственного совета Российской Федерации в обеспечении традиционных ценностей....823

Наказание в системе мер уголовно-правового характера

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КИЕВСКОГО РЕЖИМА СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Ивановна Александрова
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ректор ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Rpa.press@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены организационные основы расследования преступлений киевского режима Следственным комитетом Российской Федерации.

Ключевые слова: расследование; организация; преступления против мира и безопасности человечества; терроризм; наемничество.

С началом специальной военной операции (далее – СВО) Вооруженных сил Российской Федерации на Украине террористическая активность украинских вооруженных формирований, включая иностранных наемников, спецслужбы, националистические структуры и террористические организации, приобрела беспрецедентный антигуманный и бесчеловечный характер.

С апреля 2014 года и по сей день представители украинских силовых структур постоянно ведут обстрелы населенных пунктов Донбасса. При этом применяется предназначенное для максимально эффективного уничтожения людей и инфраструктуры тяжелое наступательное вооружение неизбирательного действия, имеющее высокие поражающие свойства. Используя такое вооружение в отношении мирного населения, украинские военнослужащие и националисты нарушают нормы международного гуманитарного права. Умысел на уничтожение жителей Донбасса очевиден.

Все эти годы наблюдаются безжалостность, ненависть, жестокость и подлость по отношению к мирному населению Донбасса со стороны украинских силовиков. Именно поэтому понадобилось проведение специальной военной операции, которая началась 24 февраля 2022 года для демилитаризации и де-

нацификации Украины, с целью предать суду всех военных преступников, ответственных за кровавые преступления против мирных жителей Донбасса[1]. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин назвал ее целью «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима»[2].

Поддерживая мнение профессоров А. Ф. Волынского и И. В. Тишутиной, можно отметить, что для организации расследования преступлений киевского режима, «недопущения необоснованного и неэффективного использования потенциала всех следственных действий, избежания существенных временных затрат, исключения чрезмерного использования человеческого ресурса при реализации расследования преступления, необходимо планирование как самого процесса, так и отдельных следственных действий, использование наиболее эффективных организационных форм взаимодействия, применение современных криминалистических методик, средств и методов»[3].

Организационные основы расследования преступлений в наиболее общем виде представляют собой некую систему правил, методов и практических действий, которые способствуют унификации процесса расследования при максимальном использовании доступных ресурсов в соответствии с нормами законодательства. В научной литературе рассматриваются следующие условия, обеспечивающие организацию расследования:

- правовой фундамент – расследование строится на нормах уголовно-процессуального закона;
- создание условий расследования – специализация следователей на расследовании конкретных видов преступлений;
- применение современных методик расследования преступлений, а также криминалистических средств и методов, адаптированных, в числе прочего, для работы по преступлениям определенной направленности;
- планирование как всего расследования, так и отдельных следственных действий, последовательности их производства;
- целеопределение, которое включает анализ исходной следственной ситуации, выдвижение версий, проверку версий;

---

1 Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / под ред. докт. юрид. наук А. И. Бастрыкина. М., 2023. С. 10.

2 Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/67843 (дата обращения: 05.11.2025).

3 См.: *Волынский А. Ф., Тишутина И. В.* Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 24–31.; *Сажаев А. М.* Организационные основы расследования преступлений следственной группой // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2(16). С. 131–134.

– применение необходимых форм взаимодействия[4].

Учитывая вышеизложенное, организационные основы расследования преступлений киевского режима Следственным комитетом Российской Федерации можно представить следующим образом.

Правовой фундамент – расследование преступлений киевского режима Следственным комитетом Российской Федерации производится в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в условиях правовых режимов, включая проведение контртеррористических операций (КТО) и военного положения[5].

Так, нормативная правовая основа работы Следственного комитета в новых внутри- и внешнеполитических условиях создана принятием ведомственных приказов, которые по времени своего издания также в целом соотносятся с рассмотренными выше периодами: приказ от 10 сентября 2014 г. № 78 «О мерах безопасности при производстве следственных и иных процессуальных действий на территориях Российской Федерации, приграничных с Украиной», приказ от 7 декабря 2022 г. № 152 «О мерах по обеспечению безопасности сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации при производстве следственных и иных процессуальных действий», приказ от 20 января 2025 г. № 3 «О мерах по обеспечению безопасности сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации при производстве следственных и иных процессуальных действий», признавший утратившим силу приказ № 152.

Результаты анализа содержания этих документов позволяют выделить следующие блоки поручений руководства Следственного комитета Российской Федерации организационного и криминалистического характера:

1) поручения, направленные на создание новых алгоритмов межведомственного взаимодействия (с МВД России, МЧС России, командованием воинских частей Минобороны России, региональными органами государственной власти и местного самоуправления), прежде всего в целях обеспечения безопасности следователей, следователей – криминалистов ведомства и других участников следственных действий, выезжающих на места происшествий;

---

[4] См.: *Пацкевич А. П.* Организационные основы расследования многоэпизодных групповых преступлений // Проблемы криминалистики : сборник научных трудов. Вып. 7. Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2009. С. 207–215; Хлус А. М. Организационная основа расследования преступлений // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с международным участием, Минск, 25–26 октября 2024 года. Минск : Белорусский государственный университет, 2024. С. 456–460.

[5] См.: *Обухов И. А., Ким Д. В.* Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции. Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 188 с.

2) поручения, направленные на организацию и проведение непосредственно следственной работы;
3) поручения в сфере организационного и криминалистического обеспечения следственной работы на локальном уровне.

Создание условий расследования – Следственным комитетом Российской Федерации приняты следующие организационные решения:

введение специализации следователей (создание специализированных следственных управлений в структуре Главного следственного управления по расследованию военных преступлений, геноцида и реабилитации нацизма, а также новых военных следственных отделов в структуре Главного военного следственного управления);

- создание нового подразделения – отдела криминалистического сопровождения следствия (с дислокацией в г. Донецке) ГУК (КЦ);
- создание организационной основы для участия в расследовании указанных преступлений и его криминалистическом сопровождении других следователей и следователей-криминалистов ведомства, как следственных органов на новых и прилегающих к ним территориях, так и путем командирования на постоянной основе сотрудников иных территориальных следственных органов в зону проведения СВО;
- создание координирующего эту работу ведомственного центра – оперативного штаба Следственного комитета Российской Федерации[6].

В *целях организации надлежащего планирования расследования* преступлений киевского режима анализ разработанного методического обеспечения практики расследования преступлений в новых условиях позволяет сформулировать выводы о необходимости дальнейшего существенного обновления уже созданных и формирования новых частных криминалистических методик, которые можно объединить в три группы:

1) обновленные методики расследования «традиционных» видов преступлений (ст. 205.1–205.3, 338, 357 УК РФ);
2) методики расследования новых видов преступлений (ст. 207.3, 275.1, 276.1, 280.4, 281.1–281.3, 282.4, 284.2, 354.1, 356.1 УК РФ);
3) методики расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами – военнослужащими иностранных государств, а также осуществляющими террористическую и экстремистскую деятельность на территории России.

С учетом организационной структуры Следственного комитета Российской Федерации, включающей в себя криминалистические подразделения, в организационные основы расследования преступлений киевского режима следует включать его *криминалистическое сопровождение*, заключающееся в следующем:

- обновленный уровень развития «полевой криминалистики», характеризующийся в числе прочего разработкой особенностей осмотра та-

---

[6] См.: *Александрова О. И.* Расследование преступлений киевского режима : монография. М. : Блок-Принт, 2025. 872 с.

кого вида объектов, как территории с многочисленными объектами (населенные пункты), производимого с целью фиксации разрушений и установления причиненного ущерба, а также тактики дистанционного осмотра мест происшествий, и включающий рекомендации по обеспечению безопасности участников следственных действий;

- тактические рекомендации по производству следственных действий в особой обстановке специальной военной операции, основанных на принципах обеспечения безопасности участников, оперативности, максимально полной фиксации обстановки происшествия, обусловленных следующими особенностями производства следственных действий в условиях специальной военной операции: обусловленность времени проведения следственного действия условиями боевых действий; значительные площади осматриваемых территорий; привлечение к проведению следственных действий специалистов инженерно-саперных подразделений, войск радиационной, химической и биологической защиты и т.п.; использование новых методов осмотров поврежденных в результате применения оружия объектов инфраструктуры; использование новой криминалистической техники (в первую очередь БПЛА);
- новый уровень развития системы криминалистической регистрации, как в целях идентификации погибших, так и для установления виновных в совершении преступлений киевского режима.

Экспертное сопровождение расследования осуществляется для решения следующих новых специфических экспертных задач: идентификация неопознанных трупов (в том числе по данным мобильных телефонов, обнаруженных при неопознанных лицах, погибших в зоне специальной военной операции); идентификация наемников по информационным данным, полученным из открытых источников (сети Интернет, информационно-коммуникационных сетей); определение степени повреждения зданий с целью возможности последующей оценки ущерба, нанесенного в результате боевых действий, и др.

Целеопределение расследования рассматриваемой категории преступлений направлено на одновременное производство следственных действий по большому количеству эпизодов, объединенных общим умыслом, централизованным руководством и способом совершения.

Межведомственное взаимодействие. Для целей обеспечения безопасности следователей и получения оперативных данных следственные группы работают в тесном контакте с ФСБ России, МВД России, МЧС России, командованием воинских частей Минобороны России, региональными органами государственной власти и местного самоуправления по следующим направлениям:

- оперативное получение сведений об обстановке на месте планируемого выезда;
- соблюдение установленных правил согласования выездов на место происшествий и доклада о перемещениях участников следственного действия;

- обеспечение участников выезда вооруженным сопровождением, средствами оперативной связи;
- резервирование бронетехники с экипажем для обеспечения выезда участников следственных действий на место происшествия;
- обеспечение обязательного участия в работе на месте происшествия саперов, взрывотехников Минобороны России, МВД России, ФСБ России, МЧС России.

Таким образом, организационные основы расследования преступлений киевского режима представляют собой комплексную межведомственную систему мер и управленческих решений, реализуемую в первую очередь Следственным комитетом Российской Федерации совместно с другими органами государственной власти для фиксации, документирования и правовой оценки преступлений, совершаемых с 2014 года по настоящее время.

Список использованной литературы

1. *Александрова, О. И.* Расследование преступлений киевского режима : монография / О. И. Александрова. – Москва : Блок-Принт, 2025. – 872 с.
2. Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / под ред. докт. юрид. наук А. И. Бастрыкина. – Москва, 2023. – 214 с.
3. *Волынский, А. Ф.* Об организационных основах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений / А. Ф. Волынский, И. В. Тишутина // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1–2. – С. 24–31.
4. *Обухов, И. А.* Особенности расследования преступлений террористического характера в условиях действия правового режима контртеррористической операции / И. А. Обухов, Д. В. Ким. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. – 188 с.
5. *Пацкевич, А. П.* Организационные основы расследования многоэпизодных групповых преступлений / А. П. Пацкевич // Проблемы криминалистики : сборник научных трудов. – Выпуск 7. – Минск : Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2009. – С. 207–215.
6. *Сажаев, А. М.* Организационные основы расследования преступлений следственной группой / А. М. Сажаев // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 2 (16). – С. 131–134.
7. *Хлус, А. М.* Организационная основа расследования преступлений / А. М. Хлус // Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации : материалы круглого стола с международным участием, Минск, 25–26 октября 2024 года. – Минск : Белорусский государственный университет, 2024. – С. 456–460.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Евгения Дмитриевна Вагапова
студентка 3-го курса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
vagapovaevgenia5@gmail.com

Аннотация. Принудительные работы продолжают оставаться одним из самых обсуждаемых и противоречивых видов наказания в России. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с применением труда осужденных в рамках данного вида наказания, включая существующие недостатки в правовом регулировании. Предлагаются возможные потенциальные решения этих проблем для повышения эффективности назначения и исполнения принудительных работ.

Ключевые слова: назначение наказания; исправительные центры; трудоустройство осужденных; уголовное наказание; принудительные работы; уголовно-исполнительная система.

Одной из приоритетных задач современной уголовной политики России является оптимизация системы наказаний. В соответствии с данной тенденцией Федеральным законом № 420-ФЗ[7] в российскую систему наказаний была введена новая мера государственного принуждения – принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ)[8], но их применение началось только с января 2017 г. Ежегодно количество осужденных к принудительным работам возрастает (см. рис. 1)[9].

---

[7] Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113. (далее – УК РФ).

[9] См.: Данные судебной статистики. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 26.03.2024).

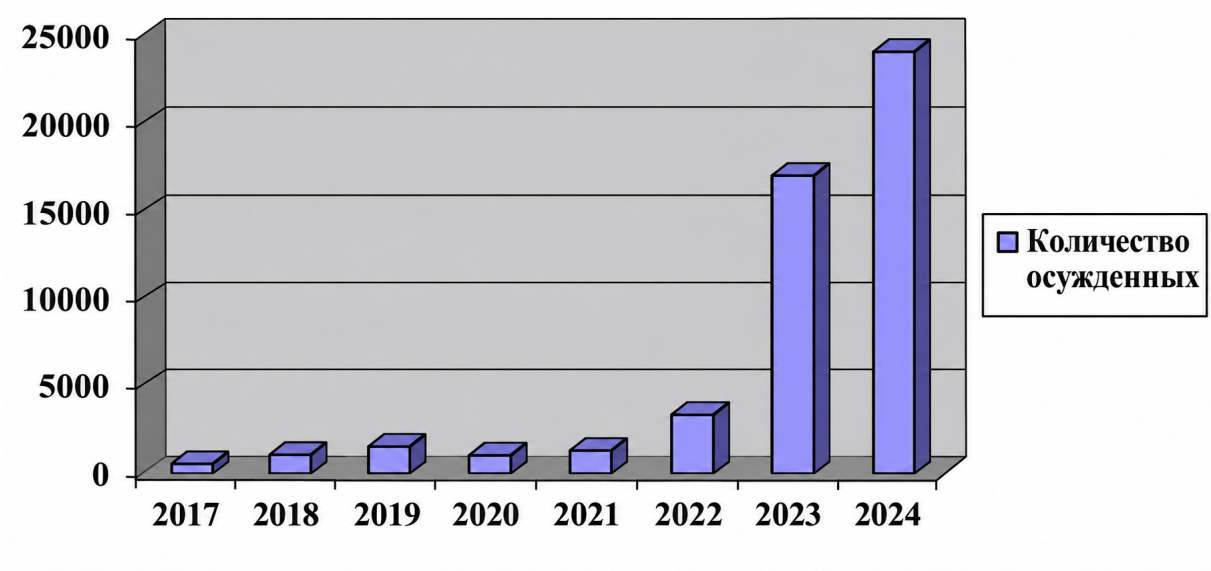

Рисунок 1. – Количество осужденных к принудительным работам в России

Принудительные работы долгое время являлись альтернативной мерой наказания, заменяющей лишение свободы, но с 20 января 2026 г. данное наказание будет назначаться как самостоятельное за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение впервые тяжкого преступления, в связи с вступлением в силу Федерального закона № 218-ФЗ[10]. Данное изменение в законодательстве устранит существующие сложности в процедуре назначения принудительных работ и минимизирует вероятность судебных ошибок.

В соответствии с внесенными изменениями, «принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых учреждением уголовно-исполнительной системы». Из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда в пределах от 5 до 20%. Порядок функционирования исправительных центров регламентируется гл. 8.1 УИК РФ[11]. Согласно ст. 60.1 УИК РФ, наказание исполняется в исправительном центре того же региона России, где осужденный проживал или был осужден. В случае отсутствия свободных мест в центре данного региона, осужденный может быть направлен в другой регион. Это правило также касается тех, кому назначены принудительные работы вместо иного наказания, но это возможно только при наличии необходимых условий для их выполнения. Проблема нехватки мест в исправительных

---

[10] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (далее – УИК РФ).

учреждениях может быть решена путем создания при них изолированных участков, которые будут действовать как исправительные центры.

В ч. 7 ст. 53.1 УК РФ определяются категории лиц, которым не назначаются принудительные работы. Однако Постановлением Конституционного Суда РФ[12] данная часть статьи была признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой она, исключая замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами осужденному мужчине единственно в силу достижения им 60-летнего возраста, даже если он отвечает всем иным необходимым для замены наказания нормативным условиям, не сбалансирована в системе действующего правового регулирования гарантиями возможности применения иных вариантов смягчения наказания такому осужденному[13]. В связи с этим Конституционный Суд РФ обязал внести изменения в уголовное законодательство. Так, в соответствии с изменениями пенсионного законодательства в части повышения пенсионного возраста и решением КС РФ с 14 апреля 2023 г. вступил в силу Федеральный закон № 111-ФЗ[14], который внес поправки в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. Теперь принудительные работы не назначаются лицам, достигшим «возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством РФ, и признанным полностью неспособными к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением».

Еще одним из важных изменений в ч. 7 ст. 53.1 в соответствии с новым Федеральным законом от 23 июля 2025 г. к категориям лиц, которым не могут назначаться принудительные работы, будут относить мужчин, являющихся единственным родителем детей в возрасте до трех лет. Данное изменение законодательства устранит противоречие между ч. 7 ст. 53.1 УК РФ и ст. 82 УК РФ, регулирующими основания и условия предоставления отсрочек отбывания наказания.

Однако, несмотря на внесение поправок, сохраняются определенные проблемы, связанные с назначением исполнения принудительных работ.

Важно отметить, что до сих пор не решен вопрос о применении принудительных работ к осужденным с социально значимыми заболеваниями. Несмотря на то, что список таких заболеваний установлен Постановлением Правительства РФ[15], возникают определенные трудности: повышается вероятность

---

[12] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 УК РФ в связи с жалобой гражданина В. Н. Егорова» // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2022 года // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Федеральный закон от 3 апреля 2023 г. № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СПС «КонсультантПлюс».

распространения заболеваний среди осужденных и работников уголовно-исполнительной системы. Чтобы избежать этой ситуации, необходимо рассмотреть ограничение или же запрет на применение принудительных работ для лиц, являющихся переносчиками активной формы туберкулеза, а также имеющих инфекции, передаваемые половым путем, и страдающих от иных заболеваний, представляющих угрозу для окружающих. Предлагается внести изменения в ч. 7 ст. 53.1. УК РФ[16].

Одним из существенных препятствий для применения принудительных работ является законодательное ограничение на назначение к ним иностранных граждан. Согласно ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 115-ФЗ, иностранные граждане, пребывающие на территории России, обязаны получить разрешение на работу или патент[17]. Назначение им принудительных работ является незаконным, поскольку лишает их возможности выполнить данное наказание. В силу того, что после вынесения любого приговора по уголовному делу у таких лиц автоматически аннулируется разрешение на трудовую деятельность или патент, делающее невозможным их занятость в Российской Федерации, тогда отмена приговора становится необходимой, чтобы избежать нарушение прав иностранных граждан[18].

Применение наказаний в виде принудительных работ сталкивается с проблемой удержания части заработной платы осужденных. Согласно ст. 60.10 УИК РФ, удержания производятся по приговору суда, но ст. 60.8 Кодекса не уточняет порядок выплаты заработной платы. В соответствии со ст. 136 Трудового кодекса РФ[19], заработная плата должна выплачиваться по месту работы или переводиться в указанный осужденным банк, что противоречит ч. 3 ст. 60.10 УИК РФ – требованию выплаты не менее 25% в исправительные центры. Для решения этой проблемы предлагается законодательно установить процедуру удержания и перечисления части заработка таких осужденных, а также назначить ответственного за выполнение этих действий.

Также еще одним пробелом в законодательстве является то, что увольнение осужденного, который объявлен в розыск или отправлен в изолятор для нарушителей, невозможно, поскольку ст. 60.9 УИК РФ не указывает основания для такого увольнения. Это препятствует трудоустройству других осужденных, так как за ними сохраняется место. В таких случаях необходимо искать замену такого исправительного центра для отбывания наказания

---

16 См.: *Маторин М. А., Маторина Ю. Н.* Проблемы применения уголовного наказания в виде принудительных работ // Ученые записки Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) [Электронный ресурс]. Саранск, 2024.

17 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

18 См.: *Мельчаев А.* Методика проверки приговора на ошибки в наказании. М., 2023. С. 11.

19 Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

либо назначать более строгое наказание, что сильно распространено на данный момент в судебной практике. В связи с вышеизложенным, возникает необходимость в рассмотрении и последующем расширении перечня оснований, которые могут послужить основанием для увольнения осужденных с принудительных работ. Это обеспечит более дифференцированное и адаптивное управление вопросами занятости и перераспределения трудовых ресурсов в учреждениях, где применяются принудительные работы, что позволяет эффективно использовать трудовой потенциал осужденных за счет оптимальных организационных решений.

Трудоустройство осужденных к принудительным работам сталкивается с рядом проблем. К основным из них относятся: недостаток подходящих рабочих мест, нежелание работодателей нанимать осужденных из-за отсутствия у них профессионального образования и навыков, а также сложности с оформлением необходимых документов. Это приводит к ограничению возможностей для осужденных и затрудняет исполнение наказания.

Для решения этих проблем предлагается стимулировать организации к трудоустройству осужденных, особенно в малых населенных пунктах. Меры могут включать квотирование рабочих мест и предоставление налоговых льгот. Однако на данный момент такие льготы не предусмотрены законодательством, требуется их закрепление в Налоговом кодексе РФ[20].

Таким образом, несмотря на то, что процесс разработки нормативной базы для регулирования назначения и исполнения наказания в виде принудительных работ можно считать в целом завершенным, в практической работе судебных органов и исправительных центров обнаруживаются некоторые сложности правового и организационного характера. Они касаются проблем назначения принудительных работ осужденным с социально значимыми заболеваниями (туберкулез, инфекции, передающиеся половым путем, и другие опасные заболевания), создающих угрозу безопасности и здоровью как для лиц, отбывающих наказание в исправительных центрах, так и для сотрудников уголовно-исполнительной системы. Также одной из проблем является привлечение иностранных граждан к принудительным работам, не имеющих разрешения на работу, что вызывает вопросы правомерности их участия в трудовой деятельности. Кроме того, возникают трудности с удержанием средств из заработной платы для покрытия содержания осужденных в исправительном центре. Недостаточно разработаны основания для увольнений осужденных, объявленных в розыск и числящихся в изолированных участках, из-за чего возникает дефицит мест и неопределенность статуса таких лиц. Подчеркнем и трудности, связанные и с ограниченными возможностями трудоустройства таких лиц из-за отсутствия профессиональных навыков и сложностей с оформлением документов.

---

[20] См.: *Устинов А. А., Гаманенко Л. И.* Проблемы организации трудовой деятельности осужденных при исполнении принудительных работ // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13, №7. С. 123–124.

Для решения этих проблем необходимо совершенствование нормативно-правовой базы и разработка механизмов стимулирования работодателей к трудоустройству осужденных, что повысит эффективность их реабилитации и использования трудового потенциала.

Список использованной литературы

1. *Маторин, М.А.* Проблемы применения уголовного наказания в виде принудительных работ / М. А. Маторин, Ю. Н. Маторина // Ученые записки Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) : сборник научных статей преподавателей [Электронный ресурс]. – Саранск, 2024.
2. *Мельчаев, А.* Ошибки в наказании. Методика проверки приговора / А. Мельчаев. – Москва, 2023.
3. *Устинов, А.А.* Проблемы организации трудовой деятельности осужденных при исполнении принудительных работ / А. А. Устинов, Л. И. Гаманенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 7. – С. 122–126.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВИДЫ НАКАЗАНИЯ КАК РЕШЕНИЕ КРИЗИСА УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Алена Алексеевна Жукова
студентка 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alenazhukova.05@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой глубокий анализ правового регулирования системы уголовного наказания. Актуальность темы обусловлена тенденцией гуманизации уголовной политики в российской правовой системе и активным поиском решения актуальных проблем, связанных с несостоятельностью уголовного наказания. Содержание уголовного наказания должно обеспечивать его выполнение в соответствии с законом.

Ключевые слова: уголовное право; альтернативные виды наказания; правосудие; условное осуждение; лишение свободы.

В сфере уголовного правосудия традиционный образ наказания часто ассоциируется с тюремным заключением и лишением свободы. Однако, исходя из множества исследований, лишение свободы не способствует выполнению всех поставленных перед уголовным наказанием задач. В такой ситуации целесообразно прибегнуть к расширенному назначению альтернативных видов наказания. Альтернативные наказания – это уголовно-правовые формы реагирования государства на преступление, содержащие карательные свойства для осужденного, не связанные с изоляцией его от общества и нарушением социальных связей[21]. Их основная цель – способствовать реабилитации, устранять первопричины преступного поведения и сокращать количество заключенных. Во многих случаях альтернативные варианты вынесения приговоров могут быть более эффективными и способствовать реабилитации как преступника, так и общества.

Согласно ст. 56 Уголовного кодекса РФ, «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-по-

---

[21] См.: *Расторопова О. В.* Уголовные наказания и их альтернативы // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3. С. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnye-nakazaniya-i-ih-alternativy (дата обращения: 01.11.2025).

селение, помещения в воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо в тюрьму»[22]. Важно отметить, что учеными-криминологами уже давно доказано, что если человек провел 7–8 лет в местах лишения свободы, то его социальная реабилитация становится достаточно сложной, а порой и невозможной. Также, приводя опыт практиков, важно отметить, что, по общему правилу, если в первые 3–4 месяца человек не осознает своей ошибки и не делает попытки к исправлению, то дальнейшее его пребывание в местах заключения фактически бесполезно, ведь зачастую цель становится абсолютно недостижима. Тюремное заключение влияет на все аспекты человеческой жизни, семейные отношения заключенных, благополучие их детей и близких, уровень жизни их семьи. Приговор к тюремному заключению изолирует их от общества и ресурсов, которые им необходимы, чтобы в дальнейшем изменить свое отношение к содеянному. Это может иметь очень отрицательные последствия и фактически усилить преступность, знакомя людей с антисоциальными ценностями в абсолютно неподходящей для них среде.

Вследствие этого актуализируется потребность в применении альтернативных видов наказания. Такой подход позволяет судам назначать наказание с учетом особенностей преступления и личности преступника, делая упор на исправление, а не только на наказание. Гибкость в назначении альтернативных наказаний позволяет судам при вынесении решения принимать во внимание все аспекты – от возраста виновного до социального статуса и других значимых факторов. Это представляется особенно значимым в случаях, если осужденным является несовершеннолетний, так как в данном случае основная задача наказания – следовать воспитательной функции.

Говоря о плюсах назначения именно альтернативных наказаний, следует отметить, что они могут быть гораздо более экономичными, чем тюремное заключение. Они снижают финансовую нагрузку на систему уголовного правосудия, сводя к минимуму переполненность тюрем и связанные с этим расходы[23]. Переполнение создает порочный круг: ухудшаются условия содержания, обостряются проблемы управления, снижается эффективность исправительных программ. Альтернативы позволяют разорвать этот круг, способствуя усиленному содержанию в таких условиях наиболее опасные категории преступников, которые представляют серьезную угрозу причинения вреда обществу или самим себе.

---

[22] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[23] См.: *Казак Б. Б.* Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект) // Пенитенциарная наука. 2025. № 2. С. 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-deyatelnost-v-sfere-ispolneniya-alternativnogo-nakazaniya-v-vide-obyazatelnyh-rabot-organizatsionno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 07.11.2025).

В наше время, к сожалению, такая санкция, как лишение свободы, превалирует над другими, что создает множество проблем в реализации гуманизации системы уголовного наказания и перенаправления ее с карательных целей на исправительные.

В качестве примера можно привести дело 2025 г., где при вынесении приговора суд заверил, что «что цели исправления могут быть достигнуты только при назначении осужденному наказания в виде лишения свободы», хотя и были перечислены исключительно смягчающие обстоятельства[24]. Суд указал на невозможность применения условного лишения свободы, но не привел никаких мотивов для данного вывода, что вызвало заинтересованность этим делом как у общественности, так и у Верховного Суда РФ. По мнению ВС РФ, приговор по данному делу не соответствует разъяснениям Пленума о справедливости и индивидуализации наказания[25]. «Учитывая обстоятельства совершенных преступлений, данные о личности осужденного, установленные судом смягчающие обстоятельства, Судебная коллегия полагает возможным определить назначенное ему окончательное наказание за совершенные преступления с применением положений ст. 73 УК РФ (считать условным)», – определил ВС РФ.

Также для подкрепления данной позиции следует обратиться к статистике по наказаниям за 2020–2024 гг. Так, при общем снижении числа осужденных с 530 998 человек в 2020-м до 512 845 человек в 2024 г., доля лиц, осужденных к реальному лишению свободы, только возросла с 28,5% в 2020-м до 29,6% в 2024 г.[26] Это наводит на мысль о чрезмерном применении данного вида наказания в последние годы.

Абсолютно противоположная ситуация просматривается в отношении условного осуждения, удельный вес которого заметно снижается с 28,2% в 2020-м до 22,6% в 2024 г., что свидетельствует о действительном ужесточении практики назначения наказания. Произведя общий подсчет лиц, привлеченных к альтернативным видам наказания в 2020 и 2024 гг., также просматривается неутешительная картина, а именно – более 360 тысяч в 2020 г. и около 321 тысячи в 2024 г. Общее падение числа лиц данной категории окончательно формирует картину системного ужесточения практики вынесения уголовных наказаний.

Примером положительного применения альтернативных видов наказаний хотелось бы привести Северную Ирландию, в которой с 2018 г. действует система «восстановительного правосудия». Таким образом, применяется

---

[24] Московская коллегия адвокатов №°1 : сайт. URL: https://mka1.ru/publication-blog/vs-prizval-sudy-primenyat-alternativnye-vidy-nakazanij (дата обращения 26.10.2025).

[25] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»// Российская газета. 2015. 29 дек.

[26] Сборник судимости 2020–2024: сайт. URL:https://clck.ru/3Qcp2p (дата обращения: 28.10.2025).

соглашение о возмещении вреда и предотвращении дальнейших правонарушений. Данные соглашения строго контролируются и в случае невыполнения нарушителя возвращают в суд. По статистике от 85 до 90% потерпевших удовлетворены своим опытом восстановительного правосудия и не требуют дальнейшего наказания[27]. Это сделало восстановительное правосудие очень популярным среди судей и способствовало резкому сокращению использования содержания под стражей тех лиц, для которых данная мера не является превалирующей.

Подводя итоги, хочется сказать, что сейчас наше государство делает верные шаги к изменению парадигмы мышления в отношении суровости назначения наказания, активно заявляя об институте альтернативных видов наказаний. Следует отметить, что назначение альтернативных наказаний должно выйти на качественно новый методологический уровень, что позволит рассматривать лицо, совершившее преступление, как личность, способную измениться.

Конечно, не стоит полностью отказываться от практики назначения наказания в виде лишения свободы, но верным будет определить такую меру четко установленным лицам, для которых это действительно единственное справедливое наказание.

Список использованной литературы

1. *Казак, Б. Б.* Судебная деятельность в сфере исполнения альтернативного наказания в виде обязательных работ (организационно-правовой аспект) / Б. Б. Казак // Пенитенциарная наука. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-deyatelnost-v-sfere-ispolneniya-alternativnogo-nakazaniya-v-vide-obyazatelnyh-rabot-organizatsionno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 07.11.2025).
2. *Расторопова, О. В.* Уголовные наказания и их альтернативы / О. В. Расторопова // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnye-nakazaniya-i-ih-alternativy (дата обращения: 01.11.2025).

[27] European forum for restorative justice : сайт. URL: https://www.euforumrj.org/alternatives-detention (дата обращения 15.11.2025).

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ НА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЮ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ ЛИЦ

Анастасия Юрьевна Захарова
студентка 4-го курса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
zaharovaanastasia46@gmail.com

Аннотация. В статье автором рассмотрены детерминанты и перспективы реализации проекта федерального закона, предложенного Верховным Судом РФ по вопросам гуманизации уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств без цели сбыта. Особое внимание уделяется анализу официальной статистики, позволяющему констатировать преобладание среди лиц, осужденных за преступные деяния указанной направленности, представителей молодого поколения, значительная часть из которых является наркозависимой, в связи с чем возникает необходимость в пересмотре подходов к реализации уголовной ответственности и, как следствие, проявлении со стороны государства гуманистических начал при назначении наказания.

Ключевые слова: принцип гуманизма; незаконный оборот наркотических средств; молодежная среда; наркозависимость.

В Российской Федерации борьба с наркотиками является значимым вектором уголовно-правовой политики. В принятом в 1996 г. Уголовном кодексе (далее – УК РФ) отношение законодателя к ответственности за действия, совершенные в отношении наркотических средств и иных запрещенных веществ, закреплено в гл. 25 УК РФ, где им посвящена практически половина этой главы. Помимо УК РФ, в нашей стране также действуют различные федеральные законы и постановления Пленумов Верховного Суда РФ, регулирующие общественные отношения в этой сфере. Кроме того, в России реализуется Указ Президента РФ о Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 года[28].

[28] Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Гарант».

Говоря о росте преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, стоит отметить, что такая тенденция стала наиболее популярной именно в XXI в., а в настоящее время можно говорить о парадоксальной ситуации, складывающейся в молодежной среде, когда неупотребление запрещенных веществ есть что-то неприличное и несовременное.

В юридической среде сформировались схожие мнения, что подобная линия поведения стала возможной благодаря следующим факторам: рост уровня жизни, появление различных мегаполисов, наибольшая распространенность наркотиков в объектах развлекательной инфраструктуры (ночных клубах, публичных домах и т.п.)[29]. По мнению отдельных авторов, для борьбы с молодежной наркоманией следует разработать комплекс государственных мер по трудоустройству несовершеннолетних с целью занять их работой[30]. Однако такая позиция не учитывает реалии, складывающиеся среди той части молодого поколения, которая как раз и находится на пороге трудоустройства.

Как показывают результаты последних исследований, 83% молодежи, уже получившей высшее образование, занято интеллектуальным и творческим трудом, наиболее привлекательной нишей для работы предстает сфера технологий, и самым, пожалуй, примечательным является то, что свыше 60% молодежи стремится ощущать себя творцом собственной карьеры и жизни, и для убеждения их в работе на компанию, нужно говорить про карьерные перспективы, профессиональный коллектив, инновационность, гибкость и свободу в решениях[31]. Позволим себе на основе этих данных сделать вывод о том, что стремление к свободе, предпочтение творческих направлений профессиональной деятельности и отторжение коллективной среды и свойственной ей обязательств есть не что иное, как новоявленное условие, детерминирующее увлеченность молодежи потреблением наркотических средств и психотропных веществ.

Подтверждает факт наибольшей распространенности преступления, предусмотренного ст. 228 УК РФ, именно в среде молодежи, и Пленум Верховного Суда РФ. В своем Постановлении Пленум ВС РФ обозначил изменение уголовно-правовой политики в отношении лиц, совершающих преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотических

---

29 См.: *Сидорова Е. З.* Об особенностях предмета наркопреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 85.

30 См.: *Абдулкадирова М. М., Гитинова М. М.* Проблемы совершенствования норм об уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов // Закон и право. 2024. № 3. С. 202.

31 Как молодежь выбирает работу: итоги масштабного исследования // РБК : сайт. 17 декабря 2024. URL: https://companies.rbc.ru/news/BvBlASIRFR/kak-molodezh-vyibiraet-rabotu-itogi-masshtabnogo-issledovaniya/ (дата обращения: 05.10.2025).

средств без цели сбыта, предложив смягчить санкции по статьям УК РФ, регулирующим эту сферу[32].

Названное Постановление содержит проект Федерального закона о внесении изменений в УК РФ. Предлагаемые поправки исключают наказание в виде лишения свободы из ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231, ст. 233 УК РФ. Также предлагается уменьшить максимальные сроки в виде лишения свободы по ч. 2 ст. 228 (за незаконный оборот наркотических средств в крупном размере без цели сбыта) с 10 до 5 лет и по ч. 3 ст. 228 (те же деяния, совершенные в особо крупном размере) – с 15 до 10 лет. Кроме того, достаточно серьезным с точки зрения либерализации института наказания нам видится предложение об исключении из ч. 1 ст. 56 УК РФ ссылок на ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ и распространении на осужденных за указанные преступления общего правила, установленного в ст. 56, – возможность назначения им наказания в виде лишения свободы при условии совершения преступления впервые, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ.

В пояснительной записке к проекту федерального закона указано, что в преступную деятельность по незаконному обороту наркотиков без цели сбыта довольно часто вовлекаются молодые, в том числе и несовершеннолетние, лица[33]. Высшая судебная инстанция в подтверждение своего тезиса приводит статистические данные за 2024 г., отмечая, что из числа осужденных по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, 33,8% лиц относились к возрастной группе от 18 до 29 лет. Объясняя свое отношение к гуманизации уголовно-правовой политики в этой сфере, Верховный Суд РФ отмечает, что, как правило, лица, осуждаемые по составам, не связанным со сбытом наркотических средств, нуждаются не в лишении свободы, а в принудительном лечении. Приводя статистику преступности за 2024 г., Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что среди всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 73% от общего количества составляют действия в виде незаконных приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, совершенные для личного потребления.

В свою очередь, мы также для получения представления о динамике преступности в сфере незаконного оборота наркотиков обратились к статистике

---

[32] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 г. № 3 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ»» // Правовой навигационный сервис по законодательству РФ : сайт. URL: https://www.zakonrf.info/postanovlenie-plenum-verkhovnogo-suda-rf-3-27052025/?ysclid=mgz4hjr58x694214969 (дата обращения: 17.10.2025).

[33] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Правовой навигационный сервис по законодательству РФ : сайт. URL: https://www.zakonrf.info/postanovlenie-plenum-verkhovnogo-suda-rf-3-27052025/?ysclid=mgz4hjr58x694214969 (дата обращения: 05.10.2025).

преступности в РФ уже за 2025 г., взяв за основу период с января по август 2025 г., а для сравнения использовали аналогичный период 2024 г.

В 2025 г. за указанный период было совершено 147 049 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 14,8 % больше, чем за 2024 г. Увеличилось и количество преступлений, совершенных с целью сбыта: если в 2024 г. за 8 месяцев с целью сбыта было совершено примерно 84 тысячи преступлений, то в 2025 г. уже 109 тысяч, что составило 72% от общего количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков[34]. Также необходимо заметить, что выросло и количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения. В 2025 г. за указанный период таких преступлений было совершено 5009, что на 6,1% больше прошлогодних показателей.

Проанализировав предложенный ВС РФ проект федерального закона, пояснительную записку к нему, а также статистические сведения за 2024 и 2025 гг., можно прийти к следующим выводам. Гуманизация уголовно-правовой политики к лицам, совершающим преступления в сфере незаконного оборота наркотиков без цели сбыта, является, безусловно, оправданной мерой, но в то же время, как подчеркивает сама судебная инстанция, законопроект, не предусматривая кардинальной либерализации уголовно-правовой политики, снижает избыточную репрессию имеющихся норм в отношении ограниченного числа лиц, в том числе больных наркоманией, молодежи, и направлен на гармонизацию действующего уголовно-правового регулирования указанных общественных отношений.

Признавая очевидным тот факт, что склонность к преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, – это одна из ключевых характеристик молодежной преступности, развитие которой имеет стратегическое значение для нашего государства, в котором кроется залог успешного формирования здорового общества, огромное внимание должно уделяться именно борьбе с распространением такого заболевания, как наркотическая зависимость.

Реализация государственной стратегии по борьбе с наркотической заболеваемостью путем введения поправок в УК РФ, предлагаемых ВС РФ, поможет кардинально изменить подход в борьбе с преступлениями по незаконному обороту наркотиков без цели сбыта. Предоставление таким осужденным возможности пройти лечение от наркомании станет одним из важных средств ресоциализации личности и профилактики совершения повторных преступлений.

В случае положительной оценки предлагаемого законопроекта законодателем, безусловно, следует говорить о приверженности последнего гуманистическим началам уголовного законодательства РФ. Уместно здесь вспом-

---

[34] Состояние преступности в России за январь – август 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/70644759 (дата обращения: 17.10.2025).

нить и изречение Э. Ф. Побегайло: «Гуманизм должен проявляться прежде всего по отношению к обществу в целом. Человечность, гуманизм есть терпимость к человеческим слабостям и нетерпимость к тяжким, бесчеловечным преступлениям»[35].

Принимая природу наркозависимости за человеческую слабость, с которой справиться подвластно далеко не многим, именно в позиции Верховного Суда РФ о замене наказания в виде лишения свободы для осужденных за наркопреступления, не связанные со сбытом наркотиков, на возможность избавления от этой слабости, путем лечения и реабилитации, и кроется, на наш взгляд, проявление терпимости и снисхождения со стороны государства к тем представителям молодого поколения, чья воля и сознание в силу не успевшей сформироваться (подчеркнем, в силу разных причин) системы личностных ценностей оказываются порабощенными самым страшным «гипнотизером» на планете Земля – наркоманией.

Список использованной литературы

1. *Абдулкадирова, М. М.* Проблемы совершенствования норм об уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов / М. М. Абдулкадирова, М. М. Гитинова // Закон и право. – 2024. – № 3. – С. 200–205.
2. *Побегайло, Э. Ф.* Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях / Э. Ф. Побегайло // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 2. – С. 203–207.
3. *Сидорова, Е. З.* Об особенностях предмета наркопреступлений / Е. З. Сидорова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (51). – С. 84–88.

[35] *Побегайло Э. Ф.* Проблема гуманизации российского уголовного законодательства в современных условиях // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 203–207.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Георгос Иоанну
студент 3-го курса Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, г. Москва, Россия
igeorgos@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью рассмотрения судебной практики реабилитации граждан после незаконного и необоснованного обвинения органами государственной власти. Целью данной статьи является консолидация судебно-правового разрешения споров относительно реабилитации граждан в уголовном процессе. Проанализированы нормативные правовые акты, решения судов, постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Конституционного Суда РФ. В результате сделан вывод, что решения судов соответствуют принципам справедливости и разумности при назначении суммы возмещения вреда.

Ключевые слова: уголовный процесс; реабилитация; мера пресечения; незаконные действия органов; моральный вред.

Реабилитация в уголовном судопроизводстве – порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК РФ)[36]. Конституцией РФ в ст. 53 прописано право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц[37]. В понятие вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти, входит и вред, причиненный органами следствия, дознания, прокуратуры, суда в результате незаконного или необоснованного преследования, подозрения или обвинения.

---

[36] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 (далее – УПК РФ).

[37] Конституция Российской Федерации (с изменениями от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

Право на обвинение имеют лица, оправданные приговором, дело по которым прекращено по реабилитирующим основаниям или в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, а также осужденный при частичной или полной отмене приговора или постановления суда о применении принудительных мер медицинского характера.

В случае реабилитации лицу полностью возмещается имущественный, моральный вред, причиненный государством в связи с незаконным или необоснованным преследованием, а также восстановление в социальных, трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Темой нашей научной статьи является анализ судебной практики при реабилитации прав граждан.

Прежде всего стоит отметить характеристику реабилитационного производства, а именно выявить сам процесс предъявления.

Во-первых, реабилитационное производство является самостоятельным, отдельным от уголовного, гражданским делом, из чего следует диспозитивность его возбуждения. Гражданин имеет право предъявлять или не предъявлять требование о возмещении вреда, понесенного действиями органов государственной власти.

Во-вторых, реабилитационное производство – это, как правило, производство, истцом в котором является само пострадавшее лицо, а ответчиком – Министерство финансов РФ или управление Федерального казначейства по субъекту, а также, в редких случаях, Министерство внутренних дел субъекта. Согласно ст. 242.2 Бюджетного кодекса РФ, исполнение решения о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органов, возлагается на Министерство финансов РФ или финансовый орган субъекта Российской Федерации[38].

В-третьих, в случае если потерпевший подвергся незаконным действиям со стороны органов власти, а затем был освобожден от наказания или уголовного преследования по вышеизложенным основаниям, требования истца удовлетворяются всегда как минимум в частичном объеме.

В-четвертых, для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания. Суд в данном случае способствует собиранию доказательств, а также их истребованию.

Основополагающим при разборе поставленного вопроса следует отметить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 17, на которое ссылаются судьи при рассмотрении дел о реабилитации[39].

---

[38] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[39] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 1.

Согласно Постановлению, действие норм о реабилитации не распространяется на амнистированных лиц в связи с истечением сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении достигших возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии не могущих в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния.

Если уголовное дело было возбуждено, несмотря на наличие указанных выше обстоятельств, либо вред причинен вследствие продолжения уголовного преследования после возникновения или установления таких обстоятельств, лицо имеет право на возмещение вреда в порядке реабилитации. Таким же образом право на реабилитацию имеют лица, возражавшие против завершения производства по нереабилитирующим основаниям.

По уголовным делам частного обвинения ситуация специфичнее. Поскольку по частному обвинению дела возбуждается частным обвинителем и прекращение дела либо постановление по делу оправдательного приговора судом первой инстанции не является следствием незаконных действий со стороны государства, правила о реабилитации на лиц, в отношении которых вынесены такие решения, не распространяются. В то же время право на реабилитацию лицо приобретает при оспаривании решений на дальнейших инстанциях. Юридическая логика в этом имеется, поскольку частным обвинителем является сам потерпевший, соответственно, представление доказательств и участие в их исследовании по делу частного обвинения возлагается целиком на него.

При разрешении требований реабилитированного суд не вправе возлагать на него обязанность доказать наличие вины конкретных должностных лиц органов государственной власти, поскольку вред, причиненный реабилитированному, должен быть возмещен в полном объеме независимо от вины данных должностных лиц или органов[40].

Далее для наглядности и объективности следует углубиться в анализ судебных решений по конкретным делам.

При определении размера морального вреда, причиненного в результате незаконных действий органов власти, суд оценивает приведенные доказательства и утверждения субъективно, по своему внутреннему убеждению, опираясь лишь на фактические обстоятельства каждого дела в отдельности.

В качестве примера приведем решения судов по двум разным делам.

В деле № 2-756/2025 Завьяловский районный суд (Удмуртская Республика) решил из требуемой истцом компенсации морального вреда в размере трехсот тысяч рублей взыскать лишь пять тысяч, обосновывая это отсутствием доказательств морального вреда, а именно тем, что истец

---

[40] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17.

не обращался в медицинское учреждение, а утверждения о «плохом сне» и о том, что от него отвернулись родственники и друзья, являются голословными[41].

По делу № 2-15045/2024 Набережночелнинский городской суд вынес решение о взыскании восьмисот двадцати тысяч рублей, из которых взыскание двадцати тысяч было связано с контактом истца с больным туберкулезом внутри СИЗО. Данная сумма обоснована тем, что лицу в августе 2020 г. было назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок, вследствие чего до исполнения решения суда лицу была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Однако решение не исполнялось на протяжении более трех лет, поэтому мера пресечения в виде заключения под стражу неоднократно продлевалась. По итогу по части дел лицо было оправдано, по части истекли сроки давности исполнения наказания, и лицо полностью освободилось от уголовного преследования и признано реабилитированным лишь в 2024 г. Таким образом, на данном примере можно также отметить, что в сумму компенсации может входить вред, причиненный лицу во время отбывания наказания, в том числе в связи с контактом с больным человеком[42].

Подавляющее большинство дел связаны именно с компенсацией морального вреда, истцами требование о возмещении имущественного вреда не подается. Однако существуют дела, по которым требование о возмещении имущественного вреда судом удовлетворяется. Согласно вышеизложенному Постановлению Пленума Верховного Суда РФ, расходы, которые понесены реабилитированным лицом непосредственно в ходе уголовного преследования (например, в связи с привлечением специалиста), как и расходы, понесенные им в целях устранения последствий незаконного или необоснованного уголовного преследования, включая затраты на возмещение расходов, связанных с рассмотрением вопросов реабилитации, восстановления здоровья и других[43]. Также об этом дал пояснение Конституционный Суд РФ в своем определении[44]. Так, по делу № 2-190/2024 2-9/2025 Новолакский районный суд (Республика Дагестан) взыскал в пользу истца шестьсот тысяч рублей,

---

41 Решение Завьяловского районного суда Удмуртской Республики от 18 мая 2025 г. по делу № 2-4089/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

42 Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 16 марта 2025 г. по делу № 2-15045/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

43 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17.

44 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2024 г. № 3558-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буркова Виктора Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьями 133, 135 и 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьей 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: ksrf.ru.

вдобавок к этому сто двадцать тысяч рублей компенсации расходов по оплате услуг представителя[45].

Дополнительно следует отметить, что, поскольку реабилитационное производство происходит в рамках гражданского процесса, право на возмещение имущественного вреда, причиненного реабилитированному, переходит к его наследникам, о чем также говорится в вышеуказанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ[46].

Подходя к заключению и проанализировав судебные решения по делам о возмещении вреда реабилитированным лицам, мы сделали вывод, что дела реабилитационного производства в подавляющем большинстве случаев удовлетворяются. Цены исков в данных делах варьируются в среднем от пятидесяти тысяч до пяти миллионов, а суды могут взыскивать в пользу пострадавшего вплоть до миллиона рублей. По нашему мнению, решения судов соответствуют принципам справедливости и разумности при назначении суммы возмещения вреда.

Список использованной литературы

1. Основы уголовного судопроизводства : учебник для бакалавриата / специалитета / под ред. О. В. Качаловой. – Москва : РГУП им. В.М. Лебедева, 2025. – 460 с.
2. *Черникова, В.* Право на реабилитацию и порядок ее реализации в уголовном судопроизводстве / В. Черникова // Информационный ежемесячник «Верное решение». – 2019. – Вып. № 12 (206).

[45] Решение Новолакского районного суда Республики Дагестан от 30 марта 2025 г. по делу № 9-35/2022.

[46] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17.

КРОВНАЯ МЕСТЬ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ОТЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ И ПОИСК ПРАВОВОГО БАЛАНСА

Григорий Дмитриевич Комолятов
студент 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
komolyatov.grigory@yandex.ru

Аннотация. Проведен комплексный уголовно-правовой анализ мотива кровной мести как квалифицирующего признака убийства по российскому законодательству. Рассмотрены исторические и социальные предпосылки выделения данного мотива в отдельный пункт ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено полемике в научной среде относительно актуальности сохранения данного квалифицирующего признака в УК РФ, а также поиску правового баланса между необходимостью противодействия экстремистским практикам и учетом региональной специфики.

Ключевые слова: кровная месть; уголовная ответственность; квалифицирующий признак убийства; отягчающие обстоятельства; субъект преступления; мотив; общественная опасность; Уголовный кодекс Российской Федерации.

Теория и практика применения уголовной ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью служат одними из фундаментальных основ построения любой национальной правовой системы, так как объектом посягательств является человеческая жизнь – высочайшая ценность любого правового государства. Российский законодатель, следуя этой логике, устанавливает суровые санкции за простое убийство и еще более строгие – за убийство при отягчающих обстоятельствах, перечисленных в ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[47]. Мотив преступления здесь выступает весомым обстоятельством, вынесенным в отдельный квалифицирующий признак (п. «е. 1» ч. 2 ст. 105 УК РФ). К таким мотивам относят кровную месть – жестокий обычай, возникший еще в первобытном обществе в качестве средства защиты жизни, чести и имущества, долг, не ис-

[47] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

полнить который считалось позором, тем не менее сохранившийся в некоторых регионах и по сей день.

Кровная месть как внеправовой обычай, разрешающий и оправдывающий насилие, представляет собой прямую угрозу основам государственного суверенитета. Как справедливо отмечает С. В. Волков: «Кровная месть – это не только личный мотив совершения преступления, это явление, имеющее более широкую сферу действия. Именно обязательность кровной мести и придает ей наибольшую общественную опасность»[48]. Острая дискуссия вокруг этого понятия была вновь возобновлена в октябре 2024 г., когда представитель Госдумы В. Милонов охарактеризовал кровную месть как «дикую, экстремистскую практику», подчеркнув ее абсолютную недопустимость на территории России[49]. Вместе с тем в научной и практической среде возникают вопросы о реальной распространенности таких преступлений и целесообразности сохранения отдельного пункта в ст. 105 УК РФ.

Важно отметить терминологическую эволюцию: первоначально использовалась формулировка «на почве», которая в действующем УК РФ 1996 г. была заменена на «по мотиву». Лингвистически словосочетание «на почве чего-либо» означает «вследствие, по причине чего-либо», что является более широким понятием, чем «мотив» как непосредственная побудительная причина действия. Это различие имеет существенное практическое значение, так как убийство «на почве» кровной мести может включать в себя не только непосредственно месть, но и преступления, связанные с обстоятельствами мести, вызванные иными побуждениями. В 2007 г. Федеральным законом № 211-ФЗ мотив кровной мести был выделен в отдельный квалифицирующий признак – п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Убийство по мотиву кровной мести в соответствии с п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ относится к категории «особо тяжких преступлений», так как за его совершение предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь.

Мотив кровной мести определяется как осознанное стремление виновного отомстить потерпевшему за причиненную ранее обиду (чаще всего – убийство родственника) путем лишения его жизни, основанное на обычаях родового быта. О. П. Левченко предлагает следующее определение: убийство по мотиву кровной мести – это «умышленное противоправное лишение жизни лица за причиненную виновному или его родственникам тяжкую кровную обиду, совершаемое во исполнение долга, по обычаям родового быта, с целью отмщения этому лицу или его родственникам»[50].

---

48 *Волков Б. С.* Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1982. С. 52.

49 В Госдуме напомнили, что кровная месть находится вне законодательства РФ // Аргументы и факты : сайт. URL: https://aif.ru/politics/russia/v-gosdume-napomnili-chto-krovnaya-mest-nahoditsya-vne-zakonodatelstva-rf

50 *Левченко О. П.* Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 97.

Особую проблему представляет собой определение субъекта данного преступления. В юридической литературе высказывается точка зрения, согласно которой субъект убийства, совершенного по мотиву кровной мести, является специальным. Сторонники этой позиции полагают, что субъектом может выступать исключительно лицо определенной национальности и этнической группы, где подобный обычай исторически существует и признается[51]. Однако с данной позицией можно поспорить, поскольку уголовный закон не связывает применение п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ с национальной или этнической принадлежностью виновного. Ключевым критерием выступает именно мотив, обусловленный обычаем кровной мести, независимо от происхождения лица, его исповедующего. Одной из центральных проблем правоприменительной практики является разграничение убийства по мотиву кровной мести (п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и убийства, совершенного из мести, возникшей на почве личных отношений (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Личная месть служит мотивом так называемого простого убийства, в то время как кровная месть, будучи мотивом, подкрепленным внеправовым обычаем, обладает качественно иной степенью общественной опасности. Это связано с ее коллективным, индивидуальным характером. Кровная месть – это акт, исполняемый по установленному протоколу сплоченной группой людей, соединенных прочными родственными связями, что ставит под угрозу не только жизнь конкретного человека, но и основы правопорядка в целом.

Яркой иллюстрацией такого разграничения служит пример из судебной практики, приведенный С. В. Бородиным. Так, родственник А., опасаясь кровной мести со стороны родственника М. за ранее совершенное убийство, предвосхищая возможное нападение, убил М., когда тот направлялся в его сторону с оружием. Несмотря на то что преступление было совершено на почве кровной мести (т.е. вследствие страха перед ней), мотивом непосредственного убийства была не реализация обычая, а самооборона (или, скорее, превентивная расправа). В подобной ситуации действия виновного не должны квалифицироваться по п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а подпадают под состав простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) или иного преступления – в зависимости от обстоятельств[52].

В научном сообществе ведется активная дискуссия о самой необходимости сохранения п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сторонники исключения данного пункта из числа квалифицирующих признаков апеллируют к тому, что число убийств, совершаемых по этому мотиву, статистически незначительно по сравнению с убийствами по другим мотивам. В качестве альтернативы предлагается не квалифицировать такие убийства по п. «е.1», а рассматривать мотив кровной мести как обстоятельство, отягчающее наказание, в соответствии со ст. 63

---

[51] *Шульгин С. И.* Проблемы квалификации убийства по мотиву кровной мести // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. № 1. С. 190–193.

[52] См.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 215.

УК РФ. Это, по мнению сторонников данной позиции, позволило бы упростить структуру Особенной части УК РФ без ущерба для правосудия.

Однако противники этой инициативы указывают на исключительную символическую и предупредительную значимость отдельной нормы. Выделение кровной мести в специальный квалифицирующий признак является мощным сигналом со стороны государства о недопустимости и непримиримости к подобным экстремистским практикам, которые прямо оспаривают монополию государства на отправление правосудия.

Как отметил депутат В. Милонов: «...с точки зрения закона кровная месть является тем же самым преступлением, потому что, пытаясь наказать преступника, ты сам преступаешь закон и становишься преступником»[53]. Таким образом, сохранение п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ имеет не только практическое, но и важное идеологическое значение в контексте защиты основ конституционного строя.

Поиск правового баланса в вопросах противодействия убийствам по мотиву кровной мести заключается в необходимости сочетания жестких репрессивных мер с профилактической работой, направленной на искоренение самих основ этого архаичного обычая.

Представляется, что для достижения правового баланса необходимы следующие меры:

1. Закрепление легального определения мотива кровной мести в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Это позволило бы унифицировать судебную практику и выработать единые подходы к разграничению кровной мести и личной мести, а также к определению круга субъектов преступления.

2. Развитие и законодательное регулирование восстановительных технологий и медиативных процедур в тех регионах, где обычай кровной мести еще сохраняет свое влияние. Важно, чтобы эти процедуры не подменяли собой уголовное правосудие, а действовали на досудебной стадии для предотвращения преступления.

3. Сохранение п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ в качестве квалифицирующего признака убийства. Исключение данной нормы может быть воспринято как ослабление государственной позиции в отношении этого опасного явления. Квалификация по специальному пункту подчеркивает повышенную общественную опасность не только самого деяния, но и мотива, его порождающего.

4. Активная разъяснительная работа и сотрудничество с институтами гражданского общества в регионах для формирования правового сознания и неприятия кровной мести как способа разрешения конфликтов.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что кровная месть, будучи архаичным социальным обычаем, продолжает оставаться ак-

---

[53] См.: В Госдуме напомнили, что кровная месть находится вне законодательства РФ // Аргументы и факты : сайт. URL: https://aif.ru/politics/russia/v-gosdume-napomnili-chto-krovnaya-mest-nahoditsya-vne-zakonodatelstva-rf

туальной проблемой для российского уголовного права, обладая значительной общественной опасностью в силу своего коллективного характера и прямого противоречия основам государственного суверенитета.

Список использованной литературы

1. *Борзенков, Г. Н.* Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : практическое пособие / Г. Н. Борзенков. – Москва : Зерцало-М, 2013. – 256 с.
2. *Бородин, С. В.* Преступления против жизни / С. В. Бородин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.
3. *Вугерничек, В. С.* Убийство по мотиву кровной мести: правовые проблемы и способы их разрешения / В. С. Вугерничек, Р. И. Алиев // Журн. юридических исследований. – 2020. Т. 5, № 2. – С. 84–92.
4. *Волков, Б. С.* Мотивы преступлений / Б. С. Волков. – Казань. : Изд-во Казанского ун-та, 1982. – 152 с.
5. *Даурбеков, А. А.* Дискуссионные вопросы понятия и квалификации убийств по мотиву кровной мести / А. А. Даурбеков, А. С. Ужахов // Российский следователь. – 2013. – № 15. – С. 20–23.
6. *Левченко, О. П.* Расследование убийств, совершенных по мотиву кровной мести / О. П. Левченко. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 208 с.
7. *Чечель, Г. И.* Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести: вопросы квалификации и индивидуализации наказания : монография / Г. И. Чечель, Н. Г. Рахматуллина. – Ставрополь : Сервисшкола, 2005. – 140 с.
8. *Шульгин, С. И.* Проблемы квалификации убийства по мотиву кровной мести / С. И. Шульгин // Вестник НГУ. – Серия: Право. – 2011. – № 1. – С. 190–193.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ НАДЗОР И ПРОБАЦИЯ КАК СРЕДСТВА РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Кира Дмитриевна Королева
студентка 3-го курса Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
korolevak919@gmail.com

Аннотация. Ресоциализация – один из важнейших государственных механизмов уголовно-исполнительной системы, способствующих исправлению осужденных. Это связано в первую очередь с тем, что в процессе нахождения лица в исправительном учреждении теряются многие навыки коммуникации и функционирования в обществе. Более того, при освобождении соответствующего учреждения уголовно-исполнительной системы осужденный, как правило, теряет семейные, дружеские, деловые и иные связи. Данная категория лиц сталкивается с отсутствием жилья, минимального финансового обеспечения, проблемами поиска работы. Такие люди все чаще становятся представителями маргинальных слоев населения либо повторно прибегают к совершению преступлений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право; осужденный; исправление; ресоциализация; социальная адаптация; социальная реабилитация.

Уголовно-исполнительная политика Российской Федерации на современном этапе развития правового государства детерминирована принципами гуманизма, законности и приоритета мер, направленных на исправление осужденных и их ресоциализацию[54]. Целью уголовно-исполнительного права является не только изоляция лиц, совершивших преступления, но и создание условий для их возвращения в законопослушное общество. В этом контексте ключевыми инструментами, опосредующими процесс постпенитенциарной (иногда и внутрипенитенциарной) адаптации и ресоциализации выступают административный надзор и пробация. Оба механизма, хотя и имеют различные правовые основания, цели и субъектный состав, интегрированы в об-

[54] *Бровкина А. А.* Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. №. 1. С. 97–102.

щую систему мер, направленных на минимизацию рецидивной преступности и обеспечение социальной реабилитации осужденных (или лиц, освобожденных от отбывания наказания).

Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 11 месяцев 2024 г. расследовано 475,2 тыс. фактов противоправных деяний, которые совершены лицами, уже преступавшими уголовный закон, при этом их абсолютное число снизилось на 13,3%. За аналогичный период 2023 г. было зарегистрировано более 547 тыс. фактов противоправных деяний, совершенных лицами, уже преступавшими уголовный закон[55]. По мнению министра юстиции РФ Константина Анатольевича Чуйченко, высокий процент рецидива среди бывших осужденных является одной из главных проблем уголовно-исполнительной системы, и государству необходимо принимать меры, направленные на снижение данного показателя.

Анализ актуальной нормативно-правовой базы показывает дальнейшее развитие доктрины пробации, закрепление ее статуса как комплексной системы мер, а также уточнение полномочий органов, осуществляющих административный надзор. При этом фундаментальной базой остаются положения Конституции РФ, Федеральный закон № 197-ФЗ «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ)[56], а также соответствующие подзаконные акты, регламентирующие порядок осуществления надзора и контроля.

Административный контроль, в контексте исполнения наказаний, традиционно ассоциируется с надзорными функциями, осуществляемыми уголовно-исполнительными инспекциями (далее – УИИ) в отношении лиц, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, либо в отношении лиц, освобожденных условно-досрочно или по отбытии срока наказания, но нуждающихся в дополнительном контроле.

Предметом административного контроля выступает соблюдение осужденным (или условно осужденным) установленных судом ограничений, обязанностей, а также выполнение предписаний, направленных на его исправление.

Ключевым нормативным актом, регулирующим этот аспект, является ст. 79 УИК РФ, а также положения, касающиеся условно-досрочного освобождения (УДО) и условного осуждения. В соответствии с Федеральным законом от 15 марта 2025 г. № 88-ФЗ, вносящим изменения в УИК РФ, были расширены полномочия уголовно-исполнительных инспекций по проведению профилактических и надзорных мероприятий в отношении лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, а также в отношении лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре

---

55 Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://epp.genproc.gov.ru (дата обращения: 06.10.2025).

56 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»[57]. Так, согласно ст. 3 данного закона, административный надзор устанавливается судом при наличии оснований, предусмотренных ч. 3 ст. 3, в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение:

1) тяжкого или особо тяжкого преступления;

2) преступления при рецидиве преступлений;

3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего;

4) двух и более преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ст. 228.3, ч. 1 ст. 231, ч. 1 ст. 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[58].

Административный надзор осуществляется посредством:

1) регистрационного учета: постоянный мониторинг места жительства и занятости осужденного;

2) индивидуальной профилактической работы: проведение бесед, разъяснительная работа о недопустимости совершения новых правонарушений;

3) контроля исполнения возложенных судом обязанностей: регулярные явки в УИИ, прохождение медицинских освидетельствований (при необходимости), запрет на посещение определенных мест или общение с определенными лицами.

С точки зрения ресоциализации административный надзор является палкой о двух концах[59]. С одной стороны, он обеспечивает максимальную изоляцию от криминальной среды и минимизирует риск совершения нового преступления, в чем проявляется его превентивная функция. С другой стороны, чрезмерно жесткие ограничения могут препятствовать социальной адаптации, трудоустройству и формированию позитивных социальных связей, что противоречит цели ресоциализации.

Неисполнение осужденным или условно осужденным лицом законных требований, предъявляемых в рамках административного контроля (или надзора), влечет применение мер государственного принуждения.

В случае условного осуждения, предусмотренного ст. 74 УК РФ, неисполнение обязанностей может привести к отмене условного осуждения и замене его реальным лишением свободы (по решению суда). При ограничении свободы (ст. 53 УК РФ) систематическое уклонение влечет замену наказания лишением свободы в пределах, установленных ст. 58 УК РФ. В отношении лиц, находящихся под административным надзором, несоблюдение пред-

---

[57] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.

[58] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 2507.

[59] *Козловский С. Н.* Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. №. 1. С. 122–128.

писаний может повлечь привлечение к административной ответственности или, при наличии состава преступления, к уголовной ответственности по ст. 314.1 УК РФ, а именно – уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом запретов и ограничений.

Таким образом, административный контроль функционирует как жесткий каркас, обеспечивающий внешнюю дисциплину, необходимую для стабилизации поведения осужденного перед переходом к более мягким формам интеграции[60].

По словам Президента РФ Владимира Владимировича Путина, все осужденные являются гражданами Российской Федерации, а значит, имеют право на реализацию своих прав и обязанностей, предусмотренных как Конституцией РФ, так и иными нормативными правовыми актами, а для этого необходимы совместные действия как государства, общественности, так и самих осужденных[61].

По состоянию на 2025 г. в Российской Федерации активно реализуются государственные программы социальной адаптации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Например, в Хабаровске начал работу социальный проект «Готов к свободе», направленный на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию осужденных, в том числе и бывших. В рамках проекта осужденным, готовящимся к освобождению из мест лишения свободы, условно осужденным, а также освободившимся из мест лишения свободы предусмотрено оказание комплексной помощи.

Пробация в российском правовом поле претерпела значительную эволюцию, трансформируясь из узкоспециализированного инструмента, связанного с условно-досрочным освобождением, в самостоятельную, многоуровневую систему социальной работы с осужденными и лицами, освободившимися из мест лишения свободы.

Ключевым элементом, закрепившим статус пробации, является Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»[62]. Статья 5 указанного закона определяет пробацию как систему мер, направленных на обеспечение социальной адаптации осужденных, освобождаемых от наказания, а также лиц, которым наказание не связано с лишением свободы. Пробация реализуется на трех стадиях:

---

60 *Коробейникова Т. С.* Социальная поддержка и административный надзор как средства ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Бизнес. Образование. Право. 2019. №. 4. С. 336–340.

61 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенными законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

62 Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6. Ст. 917.

1) пенитенциарная пробация: проводится в период отбывания наказания в виде лишения свободы, начиная с момента подачи прошения об УДО или за один – два года до окончания срока наказания (в зависимости от категории осужденного). Цель – разработка индивидуальной программы ресоциализации;

2) постпенитенциарная пробация: осуществляется после освобождения из ИУ, направлена на помощь в трудоустройстве, получении жилья, восстановлении социальных связей;

3) пробация в период отбывания условного осуждения и других альтернативных мер: контроль и коррекционная работа, осуществляемая УИИ.

Индивидуальная программа ресоциализации является основным юридическим документом, фиксирующим цели, задачи и конкретные мероприятия по ресоциализации, при этом разрабатывается совместно с осужденным (или лицом, находящимся под пробационным контролем) и включает:

1) социально-психологическую диагностику: оценка уровня дезадаптации, наличия зависимостей, криминогенных качеств личности (с использованием утвержденных методик);

2) план мероприятий: обязательные и рекомендуемые шаги, включая направление на профессиональное обучение, участие в терапевтических группах, получение юридической помощи;

3) мониторинг прогресса: регулярная оценка эффективности предпринятых мер.

Юридическая сила данной программы заключается в том, что она является основанием для предоставления осужденному мер социальной поддержки, а также инструментом оценки его добросовестного поведения судом (например, при рассмотрении ходатайства об УДО). Неисполнение сотрудником УИИ своих обязательств по разработке или реализации индивидуальной программы ресоциализации может быть обжаловано в порядке гражданского или административного судопроизводства.

С 1 января 2025 г. введена обязательная межведомственная система обмена данными, функционирующая на базе ГИС «Единая информационная система пробации», что значительно повысило оперативность реагирования на изменения в статусе осужденного.

Хотя административный контроль и пробация являются разными правовыми институтами, их взаимодействие критически важно для успешной ресоциализации. Сравнив данные понятия, можно определить, что различия заключаются в основной цели, правовых основах и субъектах функционирования каждого правового института.

Синергия достигается в тех случаях, когда жесткий контроль (административный) создает необходимое условие для продуктивной работы по ресоциализации (пробация). Например, лицо, условно-досрочно освобожденное, находится под административным надзором УИИ, который требует ежемесячной явки и запрещает употребление алкоголя.

Одновременно с этим на него распространяется постпенитенциарная пробация, в рамках которой разрабатывается индивидуальная программа ресо-

циализации, включающая обязательное посещение нарколога и прохождение курсов повышения квалификации.

Административный надзор обеспечивает исполнительность, а пробация обеспечивает содержание надзора, переводя его из карательной плоскости в коррекционную[63].

В случае выявления фактов нарушения режима контроля (например, неявка) сотрудник УИИ, действуя в рамках административных полномочий, инициирует процедуру привлечения к ответственности, но одновременно, в рамках пробационной работы, анализирует причину неявки (например, потеря документов, страх перед обществом) и вносит коррективы в индивидуальную программу ресоциализации.

Несмотря на законодательное закрепление данных правовых институтов, существует риск, что лица, находящиеся под жестким административным надзором, не получают достаточной поддержки для изменения криминогенного образа жизни. Ограничения, связанные с надзором (например, запрет на свободное перемещение или общение с определенными лицами), могут искусственно сужать возможности для легальной ресоциализации, тем самым косвенно провоцируя рецидив по истечении срока надзора.

Административный надзор и пробация представляют собой две неотъемлемые, но разнонаправленные составляющие современного уголовно-исполнительного процесса, ориентированного на ресоциализацию. Административный надзор выполняет функцию стабилизации и первичной превенции, обеспечивая внешнюю дисциплину. Пробация выступает как комплексный, ориентированный на личность механизм социальной реабилитации, направленный на устранение глубинных причин девиантного поведения[64].

Эффективность системы зависит от гармоничного их сочетания: жесткий, но обоснованный надзор должен служить надежным фундаментом, на котором строится индивидуальная программа ресоциализации.

В заключение можно отметить, что процесс возобновления утраченного уровня жизни после освобождения из мест лишения свободы, как следствие, осложняется тем, что осужденный может сохранять те психические установки и стереотипное поведение, которые были естественны социальной среде исправительного учреждения. Государству необходимо принимать все меры по предотвращению повышения уровня рецидивной преступности в целях сохранения общественной гармонии, для этого осуществляя необходимые условия для ресоциализации и социальной адаптации осужденных, освобожденных из мест лишения свободы.

---

63 *Коротких Н. Н.* Административный надзор в теории и на практике // Право и практика. 2024. №. 3. С. 65–72.

64 *Торяникова И. В.* Пробация и административный контроль как меры предупреждения повторного совершения преступлений // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. №. 2 (22). С. 53–61.

В последние годы статистика показывает, что благодаря мерам по содействию в социальной реабилитации уровень совершения преступлений гражданами, ранее преступившими закон, действительно снижается. Для сведения этого показателя к нулю необходимы совместные действия государства и общественности, разработка социальных программ и предоставление гарантий, позволяющих личности осужденного полностью адаптироваться к жизни в обществе, восстановить утраченные семейные, деловые связи и предотвратить возможность распространения рецидивной преступности.

Список использованной литературы

1. *Бровкина, А. А.* Ресоциализация осужденных как цель уголовного наказания / А. А. Бровкина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 97–102.
2. *Козловский, С. Н.* Ресоциализация осужденных в исправительных учреждениях / С. Н. Козловский // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 1. – С. 122–128.
3. *Коробейникова, Т. С.* Социальная поддержка и административный надзор как средства ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы / Т. С. Коробейникова // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 4. – С. 336–340.
4. *Коротких, Н. Н.* Административный надзор в теории и на практике / Н. Н. Коротких // Право и практика. – 2024. – № 3. – С. 65–72.
5. *Торяникова, И. В.* Пробация и административный контроль как меры предупреждения повторного совершения преступлений / И. В. Торяникова // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – № 2 (22). – С. 53–61.

ПЕРСПЕКТИВА ВВЕДЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В КАЧЕСТВЕ ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Мария Олеговна Матвеева
студентка 3-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
mari.matveeva.2@mail.ru

Аннотация. Текст посвящен конфискации имущества в российском уголовном праве. Автор анализирует эволюцию указанной уголовно-правовой меры. На основе опыта КНР предлагается вернуть конфискацию как дополнительное наказание за тяжкие корыстные преступления, возложив бремя доказывания законности имущества на обвиняемого и его семью с целью подорвать экономические основы преступности, лишив преступников финансовой выгоды.

Ключевые слова: наказание; обвиняемый; конфискация имущества.

В русле общемировой тенденции российская государственная политика движется в сторону гуманизации уголовного законодательства, делая акцент на наказаниях, альтернативных лишению свободы. Так, особую роль играет конфискация имущества, которая справедливо рассматривается как один из наиболее действенных инструментов подрыва экономических основ преступной деятельности. Лишая преступников незаконно нажитых активов, государство не только наносит удар по их финансовым возможностям, но и изымает ресурсы, используемые для финансирования новых преступлений.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. конфискация имущества четко определялась как дополнительный вид наказания, который не мог назначаться самостоятельно, а только в сочетании с основным наказанием (лишением свободы, ссылкой, смертной казнью и т.д.). Согласно УК РСФСР 1960 г., имущество изымалось в собственность государства без какой-либо компенсации, конфискации подлежало только имущество, являвшееся личной собственностью осужденного, а не его семьи, был закрытый список имущества, не подлежащего конфискации, для обеспечения жизни иждивенцев осужденного[65].

---

[65] *Амирова А. Р.* Конфискация имущества в истории российского уголовного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 4.

В 2003 г. конфискация имущества как вид уголовного наказания была исключена из Уголовного кодекса РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в рамках крупной реформы, направленной на гуманизацию уголовного законодательства[66]. Полная конфискация всего имущества считалась чрезмерно суровой мерой, которая могла лишить осужденного и его семью средств к существованию и шансов на ресоциализацию после отбытия наказания.

В настоящее время согласно ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ: «Конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, указанного в статье»[67]. Под имуществом, принадлежащим обвиняемому, законодатель понимает не только имущество, находящееся в его непосредственной собственности, но также общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов[68]. При этом имущество конфискуется у того лица, которое должно было знать или знало, что имущество получено в результате преступных действий обвиняемого. Согласно закону, сторона обвинения (следователь, прокурор) должна доказать в суде, что имущество получено в результате конкретного преступления или использовалось для его финансирования или совершения, если конфискация происходит у добросовестного приобретателя, то сторона обвинения должна доказать, что лицо, получившее имущество от осужденного, знало или должно было знать о его преступном происхождении, другим вариантом будет провести процедуру конфискации в рамках гражданского иска в уголовном процессе, тогда истцу необходимо доказать свои права на имущество, также правоохранительные органы могут доказать явное несоответствие стоимости имущества законным доходам владельца, затем бремя доказывания легальности происхождения активов переходит на их владельца[69]. Указанные выше факты свидетельствуют о том, что дела такой направленности часто очень сложны, требуют глубокого анализа финансовых потоков обвиняемого, привлечения экспертов, изучения огромного количества документов. Это создает огромную нагрузку на следствие и суды.

---

66 Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

67 Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

68 О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 // СПС «КонсультантПлюс».

69 О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17.

Альтернативой сложившейся ситуации может быть возвращение в Уголовный кодекс РФ конфискации имущества как дополнительного вида наказания. Эффективность данного решения можно увидеть на примере Китайской Народной Республики. Конфискация имущества в Китае – один из видов дополнительных наказаний, предусмотренных Уголовным кодексом Китайской Народной Республики (УК КНР). По уголовному закону подвергается изъятию все имущество, принадлежащее преступнику. При этом, согласно ст. 59 УК КНР, сохраняется необходимый прожиточный минимум для осужденного и членов его семьи, находящихся у него на иждивении[70]. Не подлежат конфискации предметы, принадлежащие семье осужденного либо необходимые самому осужденному.

Так, в Китае конфискация имущества является одним из ключевых инструментов в борьбе с коррупцией. Особенно показательным является тот факт, что китайское законодательство позволяет изымать незаконно приобретенные активы, даже если само уголовное дело не может быть доведено до суда. В 2012 г. в Уголовно-процессуальный кодекс КНР были внесены поправки, вводящие специальные процедуры конфискации незаконных активов[71]. Они применяются, когда подозреваемый умер или скрылся от правосудия. Благодаря этому государство может конфисковать средства и имущество, полученные преступным путем, даже при отсутствии самого обвиняемого в суде.

Таким образом, рассмотрев опыт прошлых лет и международную практику применения конфискации имущества, полагаем необходимым рассмотреть вопрос о законодательных изменениях, которые позволили бы вернуть конфискацию имущества в качестве дополнительного вида наказания в системе мер уголовно-правового характера Российской Федерации. Данный вид наказания должен распространяться на тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Для восстановления социальной справедливости, покрытия ущерба, нанесенного преступлением государству и обществу, и минимизации временных затрат со стороны следствия и судов предлагается практиковать конфискацию всего имущества обвиняемого и его семьи, оставляя только необходимый минимум для жизнедеятельности самого обвиняемого и его иждивенцев. Бремя доказывания законности приобретения имущества предлагается возложить на самого обвиняемого или членов его семьи.

Данная мера лишит преступника финансовой выгоды от преступления, подрывая его основную мотивацию, ликвидирует экономическую основу организованной преступности и коррупции, позволит компенсировать ущерб государству и потерпевшим, послужит серьезным предупреждением для других, повышая риски занятия преступной деятельностью.

---

[70] *Аверьянова Ю. В.* История и тенденции развития института конфискации имущества в уголовном праве Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2-3.

[71] Там же.

Список использованной литературы

1. *Аверьянова, Ю. В.* История и тенденции развития института конфискации имущества в уголовном праве Китая / Ю. В. Аверьянова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – № 2–3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-tendentsii-razvitiya-instituta-konfiskatsii-imuschestva-v-ugolovnom-prave-kitaya (дата обращения: 07.10.2025).
2. *Амирова, А. Р.* Конфискация имущества в истории российского уголовного законодательства / А. Р. Амирова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2007. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konfiskatsiya-imuschestva-v-istorii-rossiyskogo-ugolovnogo-zakonodatelstva (дата обращения: 06.10.2025).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ САНКЦИИ СТ. 151 УК РФ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В АНТИОБЩЕСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Джавуд Азоевич Муромцев
помощник депутата Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва, Россия
muromtsev_1307@mail.ru

Аннотация. В статье приводится комплексный анализ санкции ст. 151 Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Автор, опираясь на данные судебной статистики и практики, доказывает, что действующая санкция не в полной мере эффективна в борьбе с данным преступлением. На основе сравнительно-правового анализа предлагается принятие ряда мер, которые могли бы повысить превентивный потенциал нормы и обеспечить более эффективную защиту прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная ответственность; несовершеннолетние; антиобщественная деятельность; ст. 151 УК РФ; санкция; эффективность наказания.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних является одним из приоритетов государственной политики современной России. Это обусловлено не только международными актами, например, Конвенцией о правах ребенка[72], но и осознанием того, что благополучие подрастающего поколения определяет будущее нации. Вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную деятельность представляет собой особую общественную опасность, поскольку посягает не только на их нормальное нравственное и психическое развитие, но и деформирует личность, закладывая основу для будущего противоправного поведения.

---

[72] Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

Как отмечают М. К. Кумышева и М. Х. Шигалугова, несовершеннолетние начинают противоправную деятельность с мелких деяний (распитие алкоголя, употребление запрещенных веществ и др.) и позднее под воздействием представителей преступных сообществ развивают масштабы своей деятельности[73]. Что и требует особого контроля.

Основным уголовно-правовым инструментом противодействия данному деянию служит ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий». Однако, несмотря на некоторые изменения, вносимые в диспозицию и санкцию данной нормы, ее эффективность остается предметом дискуссий среди ученых и практиков, что подтверждается судебной статистикой (см. таблицу № 1).

Таблица № 1. Количество осужденных по ст. 151 УК РФ

	2019 г.	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**
ч. 1 ст. 151 УК РФ	120	94	130	117	95	95
ч. 2 ст. 151 УК РФ	55	49	43	30	35	22
ч. 3 ст. 151 УК РФ	1	0	0	0	1	0

В связи с этим необходимо разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию санкции ст. 151 УК РФ, чтобы повысить эффективность борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность.

Санкция ч. 1 ст. 151 УК РФ предусматривает следующие виды наказаний: обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительные работы на срок от одного года до двух лет, либо арест на срок от трех до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до четырех лет.

Первым и наиболее существенным недостатком является низкая эффективность и символический характер таких наказаний, как обязательные (см. таблицу № 2) и исправительные работы (см. таблицу № 3).

Таблица № 2. Количество осужденных, приговоренных к наказанию в виде обязательных работ

	2019 г.	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**
ч. 1 ст. 151 УК РФ	56	49	78	68	49	65
ч. 2 ст. 151 УК РФ	0	0	0	0	0	0
ч. 3 ст. 151 УК РФ	0	0	0	0	0	0

[73] *Кумышева М. К., Шигалугова М. Х.* Уголовно-правовая ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий // Социально-политические науки. 2020. Т. X, № 2. С. 144.

Таблица № 3. Количество осужденных, приговоренных к наказанию в виде исправительных работ

	2019 г.	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**
ч. 1 ст. 151 УК РФ	17	11	6	12	13	9
ч. 2 ст. 151 УК РФ	0	0	0	0	0	0
ч. 3 ст. 151 УК РФ	0	0	0	0	0	0

По данным Судебной статистики РФ, наблюдается большее количество назначения в качестве вида наказания именно обязательных и исправительных работ[74]. В качестве наглядного практического примера можно привести уголовное дело в отношении достигшего 18-летнего возраста гражданина А., обвиненного в вовлечение несовершеннолетней Б. в систематическое потребление алкогольной продукции. При этом А. действовал умышленно, при полном знании о возрасте потерпевшей, а также понимая негативное влияние употребления алкоголя на ее психофизическое развитие и создание предпосылок для формирования алкогольной зависимости. Осознавая противоправный характер своих действий и реализуя единый преступный умысел, направленный на систематическое вовлечение несовершеннолетней в распитие алкогольной продукции, обвиняемый приобретал алкоголь.

Красноуфимский районный суд Свердловской области признал А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 151 УК РФ, и назначил наказание в виде обязательных работ сроком на 240 часов[75].

Однако исполнение этих видов наказаний сопряжено с многочисленными трудностями: уклонение от отбывания, проблемы с трудоустройством для осужденных к исправительным работам, отсутствие реального исправительного воздействия. Фактически данные меры часто воспринимаются как формальность, не несущая существенной кары и не оказывающая превентивного эффекта ни на самого осужденного, ни на его окружение.

Вторым проблемным вопросом является дисбаланс в конструкции квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Части 2 и 3 ст. 151 УК РФ предусматривают повышенную ответственность за совершение деяния родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет) (ч. 2), а также с применением насилия или с угрозой его применения, в отношении двух или более несовершеннолетних или в отношении лица, не достигшего

---

74 Данные о назначенном наказании по статьям УК. Уголовное судопроизводство // Судебная статистика РФ. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 16.10.2025).

75 Приговор Красноуфимского районного суда Свердловской области от 21 июля 2024 г. по делу № 1-1-70/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Q6LGQzRa3ElT/

14-летнего возраста (ч. 3). Однако санкция за их совершение (лишение свободы от 3 до 5 лет по ч. 2 и от 4 до 8 лет по ч. 3) не в полной мере отражает специфику причиняемого вреда. Например, вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление алкоголя, повлекшее развитие у него хронического заболевания или суицидальные попытки, по своей тяжести последствий может значительно превосходить вовлечение с применением насилия, не повлекшее тяжкого вреда здоровью. Тем не менее такого квалифицирующего признака, как «причинение тяжких последствий», в ст. 151 УК РФ не содержится.

И, наконец, третья проблема – размер штрафа, который в санкции ст. 151 УК РФ отсутствует как вид наказания. Введение его в качестве дополнительного наказания могло бы преследовать не только цели исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, но и восстановления социальной справедливости путем целенаправленного взыскания денежных средств в пользу государства или, что более целесообразно, в специальные фонды, занимающиеся реабилитацией несовершеннолетних. Это могло бы стать важным элементом восстановительного подхода.

На основе вышеприведенного анализа необходимо принять комплекс мер по совершенствованию ст. 151 УК РФ.

Во-первых, ввести в санкционную часть в качестве вида наказания штраф, размеры которого должны быть существенными и дифференцированными:

- по ч. 1 – от 20 000 до 150 000 рублей;
- по ч. 2 – от 150 000 до 300 000 рублей;
- по ч. 3 – от 300 000 до 500 000 рублей.

Важно отметить, чтобы средства от штрафов направлялись в целевые бюджетные фонды, финансирующие программы реабилитации и социальной адаптации несовершеннолетних, пострадавших от преступлений.

Во-вторых, считаем, что будет целесообразно ввести новую часть (ч. 4) с особо квалифицирующим признаком: деяние, повлекшее по неосторожности смерть, тяжкий вред здоровью или иные тяжкие последствия. В санкционной части предусмотреть лишение свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что действующая санкция ст. 151 УК РФ не в полной мере является эффективным инструментом борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность. В случае реализации предложенных мер есть высокая вероятность того, что несовершеннолетние потерпевшие получат более эффективную защиту вместе с реабилитацией и компенсацией причиненного вреда.

Список использованной литературы

Кумышева, М. К. Уголовно-правовая ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий / М. К. Кумышева, М. Х. Шигалугова // Социально-политические науки. – 2020. – Т. X, № 2. – С. 143–146.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Денис Егорович Пинчугин
студент 3-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
denis_pinchugin@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена проблемой низкой эффективности уголовных наказаний в Российской Федерации и высоким уровнем рецидивной преступности. Рассматриваются цели наказания, закрепленные в Уголовном кодексе РФ. В статье приводятся статистические данные, мнения экспертов и сравнительный анализ с зарубежными странами. В заключении предлагаются направления реформирования системы наказаний для повышения эффективности.

Ключевые слова: уголовное наказание; рецидив; пробация; ресоциализация; уголовная политика; пенитенциарная система.

Уголовное наказание представляет собой ключевой институт уголовного права и является одним из основных механизмов уголовной политики государства. Его роль выходит далеко за рамки простого возмездия за совершенное преступление: оно отражает баланс между необходимостью защиты общества, интересами потерпевших и правами личности, нарушившей закон. Вопрос об эффективности наказания в Российской Федерации на сегодняшний день остается предметом споров и дискуссий.

Современные проблемы правоприменения показывают, что назначение наказания далеко не всегда реализует задачи, закрепленные в законе. Высокий уровень рецидива, сложности в системе исполнения наказаний и слабое развитие механизмов ресоциализации осужденных поднимают вопрос о необходимости реформирования всей концепции уголовного наказания в стране. В отношении этой темы справедливо высказывание В. Н. Кудрявцева о том, что служебная роль права неизбежно сводилась бы к нулю, если бы оно не было эффективным[76].

---

[76] См.: *Кудрявцев В. Н.* Социологический анализ правовых явлений // О структуре марксистской социологической теории / редколл.: П. А. Рачков и др. М. : Изд-во МГУ, 1970. С. 59.

Основополагающим документом, закрепляющим содержание и цели уголовного наказания, является Уголовный кодекс Российской Федерации[77]. В соответствии с его положениями наказание – это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Оно применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в лишении или ограничении его прав и свобод. Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Эти цели служат нормативной базой для оценки эффективности наказаний.

Цель исправления осужденного предполагает формирование у него устойчивого правопослушного поведения. По мнению И. С. Ноя, лишь в случае подлинного исправления и перевоспитания лица можно говорить об эффективности наказания, поскольку именно тогда реализуется цель специальной превенции[78]. Однако возникает вопрос: если человек после отбытия наказания живет законопослушно, но через некоторое время вновь совершает преступление, можно ли утверждать, что он был действительно исправлен? Каким образом измерить, изменились ли его ценностные ориентиры, мировоззрение и отношение к совершенному преступлению?

Любопытную точку зрения относительно превентивного потенциала наказания высказывал Л. И. Спиридонов. Он отмечал, что оценить реальную результативность уголовного наказания можно лишь посредством социального эксперимента, в ходе которого следовало бы на время отменить действие уголовного закона и устранить правоохранительные органы, чтобы проверить, будет ли общество способно сдерживать преступность без их участия[79].

Что же в таком случае представляет из себя термин «эффективность»? Под эффективностью наказания в науке уголовного права понимают степень достижения целей, закрепленных в законе[80]. К сожалению, на данный момент не определены четкие критерии для оценки эффективности того или иного уголовного наказания. В качестве таких часто используются: рецидив преступлений, исправление осужденного, предупреждение преступлений, состояние преступности, применяемость уголовного наказания. Исходя из этого, наказание можно считать эффективным, если:

1) потерпевший и общество воспринимают его как справедливое;

2) лицо после отбытия наказания не совершает новых преступлений;

3) применение наказания оказывает сдерживающее воздействие на потенциальных правонарушителей.

---

77 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 43.

78 См.: *Ной И. С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 140.

79 *Спиридонов Л. И.* Социология уголовного права. М. : Юридическая литература, 1985. С. 184.

80 *Наташев А. Е.* Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. С. 71.

Одним из главных показателей эффективности наказания является рецидив. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь – ноябрь 2024 г. в России зарегистрировано 475,2 тыс. преступлений, совершенных лицами, ранее судимыми. Их доля составила 57,1% от всех расследованных преступлений. Несмотря на то, что абсолютное число рецидивов снизилось на 13,3% по сравнению с 2023 г., когда было выявлено 547 тыс. подобных случаев, он остается крайне высоким: более половины всех преступлений в стране совершается рецидивистами[81].

Согласно статистике, к реальному лишению свободы за прошлый год были приговорены 89 552 рецидивиста. В 2023 г. их было 106 419. Условное осуждение к лишению свободы также применялось реже: в 2024 г. – 33 684 раза, в 2023 г. – 46 470, т. е. число условно осужденных рецидивистов сократилось почти на 30%. Статистику Прокуратуры подтверждают и данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Согласно документам, число осужденных с непогашенной судимостью сократилось с 207 тыс. в 2023 г. до 177 тыс. в 2024 г. Это положительная динамика, но абсолютные показатели все еще значительны[82].

Снижение уровня повторной преступности, по мнению адвоката *BGP Litigation* Алексея Лямина, может быть обусловлено действием закона о пробации. Вместе с тем он считает более вероятным объяснением предоставленную осужденным возможность заключать контракты с Министерством обороны. Несмотря на отсутствие официальных сведений о масштабах такого явления, косвенные факторы – в частности, уменьшение числа лиц, реально отбывающих наказание в местах лишения свободы, – свидетельствуют в пользу данной версии. Существует и другая точка зрения на этот счет. Так, по мнению управляющего партнера адвокатского бюро Даниила Мархиева, сокращение уровня рецидивной преступности во многом связано с изменениями в правоприменительной практике. Он отмечает, что судебные и следственные органы нередко воздерживаются от квалификации деяния как рецидива, что объясняется загруженностью уголовно-исполнительной системы[83].

Для лучшего понимания специфики российской ситуации необходимо сопоставить ее с зарубежной практикой. В странах Европы повторные рецидивные показатели варьируются в пределах 25–50%, в зависимости от методологии подсчета. Например: в Финляндии около 31% бывших заключенных совершают повторное преступление в течение пяти лет после освобождения[84].

---

81 Генпрокуратура сообщила о сокращении рецидивной преступности в РФ // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/22821309.

82 *Недогибченко Г.* Количество рецидивистов в России сократилось на 30 000 в 2024 году // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/19/1110876-kolichestvo-retsidivistov-v-rossii-sokratilos

83 Там же.

84 *Jones R., Ekunwe I.* Doing Re-entry: Accounts of Post-prison release in Finland and the United States / Social and Cultural Sciences Faculty Research and Publications. Finland: Tampere University Press, 2011. C. 446.

В Дании показатель составляет 22,7%, в Норвегии – 23,1%, в Швеции – 37,1%. В Германии уровень повторной преступности около 48% за три года, во Франции – до 59% за пять лет, в Нидерландах – около 48% за два года. Таким образом, даже в странах с развитой системой социальной поддержки повторная преступность остается значительной. Однако средние показатели в ряде государств Европы ниже российских, где более половины всех расследованных преступлений совершаются ранее судимыми.

Ключевое отличие состоит в том, что европейские государства активно применяют альтернативные меры наказания (пробацию, электронный мониторинг, общественные работы), а также уделяют внимание постпенитенциарной адаптации: социальным и трудовым программам, психологической помощи, образовательным курсам, что помогает бывшим осужденным быстрее и легче влиться в общество.

На основе анализа российской и зарубежной практики можно выделить несколько направлений реформирования: расширение применения альтернативных наказаний, реформирование системы исполнения наказаний, развитие системы ресоциализации, индивидуализацию наказания, акцент на профилактику преступности.

Таким образом, эффективность уголовного наказания в Российской Федерации является одной из важнейших проблем уголовной политики. Несмотря на позитивную динамику последних лет – снижение числа рецидивов и уменьшение доли рецидивных преступлений, – уровень повторной преступности остается высоким. Более половины расследованных преступлений совершаются ранее судимыми лицами, что свидетельствует о недостаточной исправительной и профилактической функции наказания. Российская практика пока ориентирована преимущественно на лишение свободы и карательный подход, что снижает эффективность уголовного наказания в целом. Для решения проблемы требуется комплексный подход, включающий реформирование пенитенциарной системы, внедрение института пробации, развитие программ ресоциализации и смещение акцента на профилактику преступности.

Список использованной литературы

1. *Кудрявцев, В. Н.* Социологический анализ правовых явлений / редколл.: П. А. Рачков и др.; В. Н. Кудрявцев // О структуре марксистской социологической теории. – Москва : Изд-во МГУ, 1970. – 90 с.
2. *Наташев, А. Е.* Основы теории исправительно-трудового права / А. М. Наташев, Н. А. Стручков. – Москва, 1967. – 191 с.
3. *Недогибченко, Г.* Количество рецидивистов в России сократилось на 30 000 в 2024 году / Г. Недогибченко // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/05/19/1110876-kolichestvo-retsidivistov-v-rossii-sokratilos

4. *Ной, И. С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование / И. С. Ной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 193 с.
5. *Спиридонов, Л. И.* Социология уголовного права / Л. И. Спиридонов. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 236 с.
6. *Jones R., Ekunwe I.* Doing Re-entry: Accounts of Post-prison release in Finland and the United States / Social and Cultural Sciences Faculty Research and Publications. Finland: Tampere University Press, 2011, pp. 443–467.

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СОСТОЯНИИ ВИКТИМНО ОБУСЛОВЛЕННОЙ АФФЕКТАЦИИ

Кристина Владимировна Подколзина
студентка 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kristinagallager777@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено дифференциации уголовной ответственности и наказания за преступления, совершенные в состоянии виктимно-обусловленной аффектации. Анализируется доктринальное понимание этого состояния, его отличие от физиологического аффекта. Рассматриваются аспекты квалификации по ст. 107 и 113 УК РФ. На основе анализа судебной практики выявляются противоречия в подходах к дифференциации ответственности и наказания, предлагаются меры по совершенствованию правоприменения.

Ключевые слова: виктимно-обусловленная аффектация; аффект; уголовная ответственность; дифференциация наказания; провоцирующее поведение потерпевшего; убийство в состоянии аффекта; судебная практика.

Современное уголовное право России, основываясь на принципах гуманизма и справедливости[85], стремится к индивидуализации ответственности, учитывая не только характер и степень общественной опасности деяния, но и особенности личности виновного, а также конкретные обстоятельства совершения преступления. Актуальной и непростой задачей представляется квалификация поступков, совершенных в специфическом психическом состоянии, которое возникает в ответ на длительное психологическое травмирование, спровоцированное незаконным или неэтичным поведением потерпевшего. Это состояние в теории уголовного права получило название

[85] *Попов А. Н.* Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. ст. 107, 113 УК РФ). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 21.

«виктимно-обусловленная аффектация»[86]. Классический физиологический аффект, регламентированный ст. 107, 113 УК РФ, понимается как внезапно возникшая сильная кратковременная эмоциональная вспышка, вызванная насилием, издевательством, тяжким оскорблением со стороны потерпевшего или иными противоправными либо аморальными действиями (бездействием), а также длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Виктимно-обусловленная аффектация (далее – ВОА) является разновидностью последнего основания – реакции на длительную психотравмирующую ситуацию. Ключевое отличие от внезапно возникшего аффекта заключается в кумулятивном характере эмоционального напряжения. Лицо длительное время подвергается психическому насилию, унижению, издевательствам, и конкретное действие потерпевшего, ставшее «последней каплей», провоцирует взрыв неконтролируемых эмоций. При этом сам по себе этот финальный эпизод может не являться тяжким насилием или оскорблением в отрыве от предшествующего контекста.

Данное состояние характеризуется сужением сознания, нарушением волевой и интеллектуальной сферы, что снижает возможность лица в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Однако, в отличие от невменяемости, это состояние не исключает вменяемости, а лишь учитывается как смягчающее обстоятельство, влияющее на квалификацию.

Основная проблема при квалификации деяний, совершенных в состоянии ВОА, заключается в разграничении ст. 105 (убийство) и ст. 107 (убийство в состоянии аффекта) УК РФ. Правоприменитель сталкивается со следующими сложностями:

1. Доказывание наличия длительной психотравмирующей ситуации. Следствие и суд должны установить не просто факт конфликтных отношений, а именно систематическое противоправное или аморальное поведение потерпевшего, которое привело к накоплению аффективной напряженности. Доказательствами могут служить показания свидетелей, жалобы в правоохранительные органы, медицинские справки, переписка и т.д. Однако сбор таких доказательств часто затруднен.

2. Оценка «последнего» провоцирующего действия. Нередко суды отказывают в переквалификации с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ст. 107 УК РФ, если последнее действие потерпевшего (например, словесная ссора) само по себе не подпадает под критерии «насилия, издевательства или тяжкого оскорбления». Это формальный подход, игнорирующий психологическую природу ВОА, где важен именно кумулятивный эффект.

3. Субъективное восприятие виновного. Оценка поведения потерпевшего как противоправного или аморального должна быть не только субъективной

---

[86] *Попов А. Н.* Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. ст. 107, 113 УК РФ). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 41.

(со стороны обвиняемого), но и объективной. Однако суд должен учитывать и личностные особенности виновного (например, повышенную ранимость, состояние здоровья), которые могли повлиять на восприятие ситуации.

Пример из судебной практики[87]. Суд переквалифицировал действия осужденной с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 107 УК РФ, установив, что убийство было совершено в состоянии аффекта, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией. Ситуация заключалась в систематическом пьянстве и аморальном поведении потерпевшего (сожителя), который длительное время паразитировал за счет осужденной, оскорблял и унижал ее. Конкретный конфликт, в ходе которого было совершено убийство, стал кульминацией многомесячных страданий женщины.

Анализ судебных решений позволяет выявить два основных подхода:

1. Либеральный подход: суды, следуя разъяснениям Пленума ВС РФ, тщательно исследуют обстоятельства, предшествовавшие преступлению, и при наличии достаточных доказательств длительной психотравмирующей ситуации применяют ст. 107 или 113 УК РФ. Например, в деле, где женщина годами терпела физическое и психологическое насилие со стороны мужа, а затем в ходе очередной ссоры нанесла ему смертельные повреждения, суд может признать наличие аффекта[88].

2. Формально-репрессивный подход: суды концентрируются только на последнем эпизоде конфликта, игнорируя предшествующий контекст. Если последнее действие не было актом насилия или тяжкого оскорбления, в применении ст. 107 УК РФ отказывается. Так, в одном из дел суд не усмотрел состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, поскольку «словесная перепалка» перед убийством, даже на фоне предыдущих конфликтов, не была признана достаточным провоцирующим фактором[89].

Подобная противоречивость приводит к судебным ошибкам и нарушению принципа справедливости. Лица, фактически действовавшие в состоянии суженного сознания под влиянием вины потерпевшего, приговариваются к более строгим наказаниям, нежели те, на кого распространяется действие специальных норм.

Для унификации судебной практики и обеспечения адекватной дифференциации ответственности представляется необходимым:

---

87 Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 3 сентября 1996 г. // Бюллетень ВС РФ. 1999. № 6.

88 Приговор суда по ч. 1 ст. 107 УК РФ № 1-612/2014 // Юрист онлайн : сайт. URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-107-uk- rf-ubijstvo-sovershennoe-v-sostojanii-affekta/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-107-uk-rf--1-6122014--sudebnaja-praktika.html (дата обращения: 23.10.2025).

89 Убийство за оскорбление. В Виноградовском районе вынесен приговор по уголовному делу об убийстве // Двиноважье : сайт. URL: https://dv1930.ru/iz_prokuraturi/ubijstvo-za-oskorblenie-v-vinogradovskom-rajone-vynesen- prigovor-po-ugolovnomu-delu-ob-ubijstve/ (дата обращения: 23.10.2025).

1. Закрепить в постановлении Пленума ВС РФ об убийстве в состоянии аффекта развернутое толкование понятия «длительная психотравмирующая ситуация», указав на необходимость комплексной оценки всех обстоятельств, а не только финального эпизода.

2. Рекомендовать судам назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу во всех случаях, когда сторона защиты заявляет о состоянии ВОА. Экспертиза должна отвечать на вопросы о том, находилось ли лицо в состоянии аффекта, и каков был вклад длительной психотравмирующей ситуации в его возникновение.

3. Расширить перечень доказательств, принимаемых судом для установления ВОА. Активнее использовать свидетельские показания соседей, коллег, родственников, данные о вызовах полиции, медицинские документы, подтверждающие обращение за психологической помощью, и т.д.

4. При невозможности квалификации по ст. 107 УК РФ в силу формальных причин, но при доказанности виктимного поведения потерпевшего, признавать это обстоятельство смягчающим наказание в соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ (противоправность или аморальность поведения потерпевшего). Это позволит хотя бы на стадии назначения наказания учесть специфику ситуации.

Таким образом, проблема дифференциации уголовной ответственности для лиц, совершивших преступление в состоянии виктимно-обусловленной аффектации, остается острой и актуальной. Несмотря на наличие в уголовном законе специальных норм, их применение на практике сопряжено с существенными трудностями доказывания и противоречиями в толковании.

Для обеспечения принципа справедливости необходим переход от формального к содержательному подходу, при котором суд будет оценивать всю совокупность обстоятельств, приведших к преступлению. Совершенствование руководящих разъяснений Верховного Суда РФ и более широкое использование специальных познаний в области судебной психологии и психиатрии будут способствовать выработке единообразной и гуманной правоприменительной практики, адекватно отражающей степень вины и общественной опасности лица, доведенного до отчаяния длительным противоправным поведением потерпевшего.

Список использованной литературы

1. *Попов, А. Н.* Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. ст. 107, 113 УК РФ) / А. Н. Попов. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2004. – 131 с.
2. Убийство за оскорбление. В Виноградовском районе вынесен приговор по уголовному делу об убийстве // Двиноважье : сайт. – URL: https://dv1930.ru/iz_prokuraturi/ubijstvo-za-oskorblenie-v-vinogradovskom-rajone-vynesen-prigovor-po-ugolovnomu-delu-ob- ubijstve/ (дата обращения: 23.10.2025).

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анастасия Сергеевна Савкина
студентка 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
savkinaanastasia676@gmail.com

Аннотация. Значимость данной темы в современный период определяется изменением соответствующих статей Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов РФ. В статье разбираются проблемы, с которыми сталкивались уголовно-исполнительные инспекции в ходе применения этого наказания в предыдущей редакции ст. 50 Уголовного кодекса РФ, анализируются причины внесения изменений в Уголовный кодекс РФ, а также предлагается решение одной из важных проблем применения данного вида наказания в новой редакции.

Ключевые слова: наказание; исправительные работы; трудоустройство; несовершеннолетние; осужденные; изменения.

Современный этап развития государства характеризуется тем, что органы власти стремятся оптимизировать нагрузку на пенитенциарные учреждения, сокращая применение наказаний, связанных с изоляцией от общества. Также гуманизация данной сферы приводит к существенному снижению бюджетных расходов на содержание лиц, находящихся в местах лишения свободы[90].

Значительную долю в структуре наказаний, не связанных с изоляцией осужденного, составляют исправительные работы, число осужденных к данному наказанию на 2024 г., согласно судебной статистике РФ, составляет 45 924 человека, что на 0,3% больше, чем в 2023 г. (45 780 осужденных)[91].

---

[90] См.: *Новиков А. В., Слабкая Д. Н.* Альтернативные лишению свободы наказания. Исправительные и обязательные работы // Вопросы российского международного права. 2021. Т. 11, № 6А. С. 128.

[91] Судебная статистика // Агентство правовой информации : официальный сайт. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/12/s/8 (дата обращения: 09.10.2025).

Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ[92], который вступит в силу с 20 января 2026 г., меняет устоявшееся понимание наказания в виде исправительных работ. Законодатель в новой редакции ч. 1 ст. 50 УК РФ прямо устанавливает, что применение исправительных работ возможно исключительно в отношении осужденного, имеющего основное место работы[93]. Предполагается, что такие изменения будут способствовать устранению проблем, которые возникают в процессе исполнения анализируемого наказания.

Систематическое нарушение порядка отбывания исправительных работ, обусловленное распространенным среди безработных осужденных отрицательным отношением к труду и асоциальным образом жизни, в конечном счете служит основанием для замены данного вида наказания на более строгий.

Дефицит рабочих мест в учреждениях, определяемых местными властями, усложняет работу уголовно-исправительных инспекций, возлагая на них обязанность трудоустроить осужденных, а это увеличивает срок исполнения наказания.

В условиях сельской местности процесс трудоустройства для осужденных значительно осложняется из-за отсутствия необходимой инфраструктуры и рабочих мест. Хотя им и выдаются предписания о работе в районном центре, физическая невозможность ежедневно туда добираться приводит к формальному признанию их злостными нарушителями. В результате исправительные работы заменяются на более строгую меру наказания[94].

По итогам 2022 г. исполнение наказания в виде исправительных работ было сопряжено с существенными трудностями. При общем числе осужденных в 60 157 человек 32 689 не были трудоустроены. Из 77 951 выданных предписаний 21 256 были проигнорированы осужденными, а 20 532 – получили отказ от работодателей. Последствием данной ситуации стала замена наказания для более чем четверти осужденных (26,51%) на принудительные работы или лишение свободы[95] (см. рис. 1).

---

92 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30. Ст. 4367.

93 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

94 См.: *Яшин А. В.* Проблемы исполнения уголовных наказаний в виде исправительных и обязательных работ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 2. С. 161.

95 Пояснительная записка к проекту федерального закона № 585548-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной инициативы : официальный сайт. URL:https://sozd.duma.gov.ru/bill/585548-8 (дата обращения 09.10.2025).

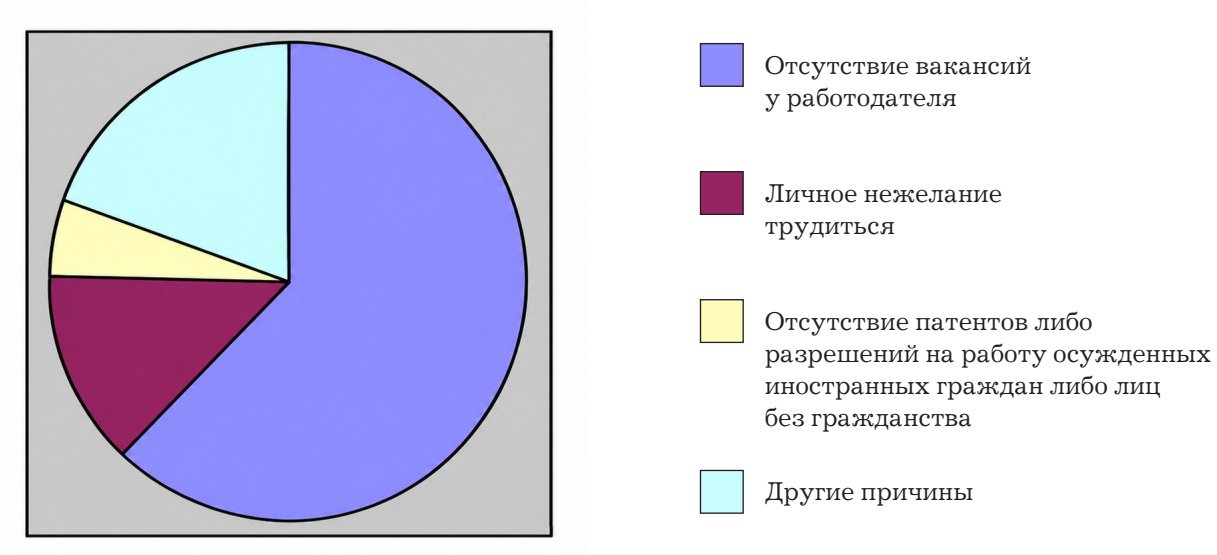

Рисунок 1. – Причины нетрудоустройства осужденных

Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 219-ФЗ, который вступит в силу с 20 января 2026 г., внес изменения в срок, в течение которого осужденные привлекаются к исполнению наказания: он сократился с 30 дней до 15 дней[96]. В случае увольнения после вступления приговора в силу осужденному в течение 15 дней надлежит либо самостоятельно найти новое место труда, либо зарегистрироваться в центре занятости для содействия в трудоустройстве. При этом он лишается права отклонить предложенную ему вакансию или прохождение профессиональной переподготовки.

Трудоустройство через службу занятости занимает много времени, а осужденные, уволенные после приговора, являются для работодателей наименее предпочтительными кандидатами. Это затягивает процесс и увеличивает сроки исполнения наказания. Поэтому осужденных нужно сделать приоритетными для службы занятости и подготовить список готовых их трудоустроить организаций.

При этом осужденный не может отказаться от вакансии, а многие из них оплачиваются на уровне прожиточного минимума. С учетом удержаний в государственный бюджет (5–20%) от заработной платы у осужденного на жизнь остается сумма менее прожиточного минимума, что может негативно сказаться на его качестве жизни (нехватка денег на предметы первой необходимости). Также это может повлиять на уровень жизни его иждивенцев. Считаем, что при подборе работы осужденному к исправительным работам необходимо, чтобы органы службы занятости при подборе вакансии учитывали все жизненные обстоятельства осужденного. Также нужно установить срок, в течение которого осужденный может проходить переквали-

---

[96] О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 219-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230009 (дата обращения: 10.10.2025).

фикацию для трудоустройства на новое место работы. Время поиски работы и при необходимости время на переквалификацию в счет отбывания наказания не засчитывать.

Для контроля целесообразно создать общую платформу для уголовно-исполнительной инспекции и службы занятости. На платформе стоит отражать все личные данные осужденного, дату обращения, вакансии, на которые он откликнулся, информацию о прохождении переквалификации, общий срок, в течение которого с ним работает сотрудник органа службы занятости. Это поможет уголовно-исполнительной инспекции отслеживать действия осужденного и, в случае нарушений, быстро реагировать.

Помимо проблем с трудоустройством, есть и другие проблемы применения данного наказания. Например, назначение его несовершеннолетним. В ч. 4 ст. 88 говорится, что исправительные работы им назначаются на срок до одного года, как поясняет Пленум Верховного Суда РФ, снижается только срок наказания, а не процент удержания из заработной платы[97].

С точки зрения Е. Н. Федотовой, повышению эффективности наказания способствовало бы не сокращение срока, а уменьшение размера удержаний из доходов несовершеннолетних, которое могло бы составлять от 3 до 10 процентов. Максимальный срок, на который можно назначить данное наказание, сокращать не нужно[98].

Установленное Трудовым кодексом РФ возрастное ограничение для заключения трудового договора (16 лет, а в исключительных случаях – 14) создает объективный правовой барьер для широкого применения исправительных работ в отношении несовершеннолетних, что и объясняет редкую практику его использования. Можно сделать вывод, что после вступления в силу изменений в ст. 50 УК РФ назначать исправительные работы несовершеннолетним будут крайне редко.

Таким образом, ключевой проблемой применения исправительных работ в России является их системная неэффективность, порождаемая массовой невозможностью трудоустроить осужденных к данному наказанию. Законодательные изменения, которые вступят в силу в 2026 г. (ФЗ № 218-ФЗ и 219-ФЗ), направлены на частичное разрешение этой ситуации путем внесения изменений в ст. 50 УК РФ. Теперь наказание будет назначаться только лицам, имеющим основное место работы. Это приведет к уменьшению осужденных к данному наказанию среди как совершеннолетних, так и несовершеннолетних лиц и более эффективному исполнению данного наказания.

---

97 О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. (ред. от 28.10.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

98 См.: *Федотова Е. Н.* Исправительные работы как вид наказания, назначаемого несовершеннолетним // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2. С. 297.

Список использованной литературы

1. *Новиков, А. В.* Альтернативные лишению свободы наказания. Исправительные и обязательные работы / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Вопросы российского международного права. – 2021. – Т. 11, № 6А. – С. 127–132.
2. *Садыкова, Р. А.* К вопросу о проблемах исполнения наказания в виде исправительных работ / Р. А. Садыкова // Аграрное и земельное право. – 2021. – № 12. – С. 156–157.
3. *Федотова, Е. Н.* Исправительные работы как вид наказания, назначаемого несовершеннолетним / Е. Н. Федотова // Человек: преступление и наказание. – 2017. – № 2. С. 297.
4. *Яшин, А. В.* Проблемы исполнения уголовных наказаний в виде исправительных и обязательных работ / А. В. Яшин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 2. – С. 161.

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ С УЧЕТОМ ХАРАКТЕРА И СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Карина Александровна Свищенкова
студентка 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kasv-2004@mail.ru

Аннотация. Правильное назначение санкций является неотъемлемой задачей законодателя. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) существует немало статей с недостаточно продуманными, а подчас противоречивыми санкциями, затрудняющими правоприменение, не способствующими эффективности наказания, соблюдению принципа справедливости при осуществлении правосудия. В статье содержатся некоторые рекомендации по устранению данных противоречий и совершенствованию санкций уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: наказание; санкции; уголовная ответственность; сроки лишения свободы.

Понятие «верховенство закона» не поддается четкому определению, но играет важнейшую роль в правовой системе нашей страны. Санкции уголовно-правовых охранительных норм являются неотъемлемой частью того правового механизма, который обеспечивает реализацию данного принципа. В юридической литературе отмечается: «построение и применение санкций должно базироваться на принципах и целях уголовной ответственности, закрепленных в главе 1 УК РФ»[99].

В этой части наказание должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Законодатель фактически пытается найти баланс между интересами общества, правами и законными интересами виновного. Однако

---

[99] *Силкин В. П.* Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 25.

в УК РФ есть немало статей с недостаточно продуманными, а подчас противоречивыми санкциями, затрудняющими правоприменение, не способствующими эффективности наказания, соблюдению принципа справедливости при осуществлении правосудия.

Так, при построении уголовно-правовых санкций наблюдаются случаи, когда в них указывается только верхний предел назначения наказания. В этом случае минимальный срок наказания в виде лишения свободы по умолчанию составляет два месяца. При этом в силу общественной опасности и тяжести криминализованного правовой нормой деяния данного срока явно недостаточно. Например, если рассматривать санкцию ч. 1 ст. 111 УК РФ, то можно заметить, что лишение свободы варьируется в ней в пределах от двух месяцев до восьми лет. Более того, согласно ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, можно назначить наказание в пределах от двух месяцев до 15 лет. Вследствие этого допущения наблюдается существенное увеличение удельного веса лиц, осужденных к реальному лишению свободы на срок, не превышающий двух лет. При этом ч. 4 ст. 111 УК РФ не включается в общую статистику по убийствам, а составляет отдельный вид преступлений против здоровья, не входящий в статистику преступлений против жизни. В юридической литературе отмечается, что за последние 6 лет показатели, отражающие удельный вес тяжких насильственных преступлений в общей структуре преступлений против личности в Российской Федерации, находились практически на одном уровне[100], то есть не снижались. В связи с этим представляется важным вернуть в санкции минимальные сроки, существовавшие до 2011 г., установив нижние пределы следующим образом: по ч. 1 ст. 111 УК РФ – 2 года лишения свободы, по ч. 2 ст. 111 УК РФ – 4 года, ч. 3 и ч. 4 ст. 111 УК РФ – 4 и 5 лет соответственно.

В продолжение вопроса о необходимости введения низшего предела можно привести пример по ч. 2 ст. 161 УК РФ и ч. 2 ст. 167 УК РФ, где существующие санкции не отражают степень общественной опасности криминализованных деяний. «Среди грабежей самым распространенным его видом является грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ)»[101]. Это свидетельствует о том, что законодателю следует пересмотреть санкцию данной нормы и установить более четкие и соразмерные минимальные пределы наказания, обеспечивающие справедливость наказания и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений.

---

100 См.: *Изаксон Р. А.* Некоторые аспекты предупреждения насильственной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 3 (106). С. 126.

101 *Раров А. С., Кокин Д. М.* Анализ общественной опасности грабежа в российском уголовном праве // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 810.

Другой пример: ч. 1 и 2 ст. 171 УК РФ предусмотрена ответственность за занятие незаконной предпринимательской деятельностью, но в них установлены несоразмерно мягкие санкции, зачастую выраженные лишь в штрафах, которые существенно ниже реального ущерба или дохода от преступной деятельности. Это снижает превентивную роль закона и не обеспечивает как эффективности профилактики, так и соблюдения принципа справедливости при выявлении и назначении наказания за данные посягательства на экономическую деятельность.

Наиболее впечатляющей представляется санкция, в которой существует разрыв между максимально возможным пределом и не определенным низшим пределом. Речь идет о санкции ч. 1 ст. 356 УК РФ, где наказание в виде лишения свободы предусмотрено в пределах от двух месяцев до двадцати лет.

В связи с изложенным необходимо заключить, что, на наш взгляд, уголовно-правовые санкции должны быть четко определены, взаимосвязаны с деянием, установленным в диспозиции правовой нормы, а также все уголовно-правовые санкции должны быть взаимосвязаны между собой, и только тогда санкция будет представлять собой облеченную в правовую форму оценку общественной опасности деяния. В этом мы солидарны со специалистами, исследовавшими вопрос о влиянии общественной опасности конкретных преступлений на формирование санкций уголовно-правовых норм об ответственности за них[102].

Так, штрафы, предусмотренные в УК РФ, часто оказываются несоразмерными тяжести и негативному экономическому эффекту преступления: в большинстве статей их верхний предел значительно меньше полученного преступного дохода, а нижний – практически ничтожен (от 5 тыс. руб. до 100 тыс. руб.). Такое несоответствие подрывает превентивную функцию наказания, делая преступление экономически выгодным. Размер штрафа должен быть не ниже фактически полученного от преступления дохода либо хотя бы его значительной части (не менее 50–100%); в особо тяжких и тяжких преступлениях (ст. 111, ст. 167) следует ввести обязательный нижний предел, который бы исключал наказание в виде двухмесячного лишения свободы.

Список использованной литературы

1. *Изаксон, Р. А.* Некоторые аспекты предупреждения насильственной преступности / Р. А. Изаксон // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 3 (106). – С. 122–132.
2. *Простосердов, М. А.* О различных подходах к определению понятия «санкция» в науке уголовного права России / М. А. Простосердов // Уголовная юстиция. – 2023. – № 22. – С. 23–27.

[102] См., напр.: *Простосердов М. А.* О различных подходах к определению понятия «санкция» в науке уголовного права России // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 25.

3. *Раров, А. С.* Анализ общественной опасности грабежа в российском уголовном праве / А. С. Раров, Д. М. Кокин // Вестник науки. – 2024. – № 12 (81). – С. 807–814.
4. *Силкин, В. П.* Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности: дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Силкин. – Санкт-Петербург, 2004. – 203 с.

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХ ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Сеидрза Миратифович Сеидов
аспирант 1-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
seidrza.seidov@bk.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию эволюции уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в российском уголовном законодательстве. Проанализированы исторические аспекты формирования института соучастия, а также современные тенденции криминализации статуса лидеров преступного мира. Особое внимание уделено вопросам соответствия введенных норм принципам уголовного права и проблемам их практического применения. В работе рассмотрены различные точки зрения, высказанные в научной литературе, и предложены аргументированные выводы, отражающие стремление государства к эффективной борьбе с организованной преступностью при соблюдении гарантий законности и прав личности. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступная иерархия; организованная преступность; вор в законе; криминализация; оценочные признаки; основания уголовной ответственности; зарубежный опыт.

Современная ситуация в сфере борьбы с организованной преступностью характеризуется усилением внимания к роли лидеров и организаторов преступных формирований. В связи с этим российским законодателем предприняты шаги по криминализации не только соучастия в преступлениях, но и самого факта занятия высшего положения в преступной иерархии. Однако данный подход вызывает множество вопросов, касающихся соответствия принципам уголовного права, юридической определенности, а также эффективности применяемых мер. Существенные проблемы возникают при определении критериев отнесения лица к высшему положению в преступной иерархии, доказывании данного факта и реализации принципа индивидуализации

ответственности. Проблема уголовной ответственности лиц, занимающих доминирующее положение в преступных структурах, – новый виток в развитии отечественного уголовного права. Изучение данного вопроса требует обращения к истории института соучастия, который, как справедливо отмечается, берет свое начало в древнерусском праве.

Отечественная история уголовного законодательства демонстрирует эволюцию взглядов на институт соучастия в преступлении, начиная с архаичных норм и заканчивая современными концепциями. Первые упоминания об ответственности за организацию преступных сообществ можно обнаружить в памятниках древнерусского права. Хотя в Русской Правде и не содержится прямых указаний на ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, анализ отдельных норм позволяет сделать вывод, что виновные в организации преступлений и оказании влияния на принятие преступных решений лица несли повышенную ответственность. Тяжесть наказания, как правило, определялась характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, а также личностью преступника[103].

В период Московского царства уголовное законодательство претерпело значительные изменения, связанные с укреплением централизованного государства и усилением борьбы с преступностью. Соборное уложение 1649 г., являвшееся кодифицированным источником права, предусматривало ответственность за организацию бунтов, мятежей и других преступлений против государственной власти. Лица, возглавлявшие данные преступные группы, подвергались суровым наказаниям, включая смертную казнь. По нашему мнению, в этот период прослеживается тенденция к усилению ответственности за организацию преступной деятельности, что было обусловлено политической обстановкой и необходимостью поддержания стабильности в государстве.

В период Российской империи уголовное законодательство продолжало развиваться, отражая процессы модернизации и вестернизации. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало ответственность за организацию преступных сообществ, а также за участие в них. Степень ответственности определялась ролью лица в преступной группе, а также характером совершенных преступлений. В этот период, отметим, формируются первые научные представления об организованной преступности и необходимости дифференциации ответственности в зависимости от степени участия в преступной деятельности[104].

---

[103] См.: *Першина Е. А.* История развития законодательства об ответственности лидеров преступных сообществ // Конституционное развитие России: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию Конституции РФ) : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 8 декабря 2023 года. Тамбов : Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2024. С. 271.

[104] См.: *Авдеев А. О.* История развития института соучастия в российском уголовном законодательстве // Научное образование. 2022. № 1(14). С. 334.

Советское уголовное законодательство первоначально характеризовалось стремлением к социальной справедливости и переоценке ценностей, включая пересмотр принципов уголовной ответственности. Однако вскоре, в связи с усилением борьбы с контрреволюционными элементами и организованной преступностью, была усилена ответственность за организацию и участие в преступных группах. Уголовный кодекс РСФСР 1922 и 1926 гг. предусматривал наказания за создание и руководство бандами, а также за организацию преступных сообществ с целью совершения преступлений против советской власти и общественной безопасности.

Отметим, что в период становления советской власти законодатель предусматривал меры социальной защиты за деяния и «опасное состояние личности». УК РСФСР 1922 г. содержал специальную главу о социально опасных лицах, а УК РСФСР 1926 г. – о лицах, объявленных врагами трудящихся. Мы согласны с С. В. Терещенко в том, что такой расширительный подход создавал предпосылки для злоупотреблений[105].

Предложенный исторический экскурс показывает, что российское уголовное право на протяжении столетий концентрировалось преимущественно на формах и видах соучастия в преступлении, определяя степень ответственности соучастника. Применяемые меры социальной защиты в отношении определенных категорий лиц не были специально направлены против верхушки криминального мира. Лица, стоящие во главе преступных сообществ, несли ответственность лишь за те конкретные преступления, в которых они участвовали, в зависимости от конкретной формы и вида их соучастия. Сам факт доминирования в преступной иерархии долгое время не считался преступным деянием. Полагаем, что это объясняется тем, что до недавнего времени российское уголовное законодательство строилось на постулатах классической школы уголовного права, где краеугольным камнем уголовной ответственности выступало совершение конкретного преступления. Идея же «опасного состояния личности», потенциально способная лечь в основу криминализации самого лидерства в преступном мире, развивалась представителями социологического направления в уголовном праве.

Следует подчеркнуть, что в первых советских уголовных кодексах применялись меры социальной защиты, учитывающие не только совершенные деяния, но и «опасное состояние личности» преступника. Однако законодатель отказался от этой концепции в 1958 г. В дальнейшем советское уголовное право, как и действующий Уголовный кодекс Российской Федерации[106]

---

[105] См.: *Терещенко С. В., Шебалкин И. В.* Историко-правовые аспекты развития института соучастия в советском уголовном праве // 100-летие образования СССР в контексте государства и права : сборник статей / под ред. Д. И. Самодурова, Н. А. Синяевой, Г. Ф. Чекмарева. М. : Русайнс, 2023. С. 271.

[106] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2025. № 31. Ст. 4636.

(далее – УК РФ), основывались на принципах классической школы, в соответствии с которыми основанием для привлечения к уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все элементы состава преступления.

Эволюция уголовной ответственности лидеров преступной иерархии в современной России может быть условно разделена на два этапа, каждый из которых характеризуется внесением значимых изменений в уголовное законодательство.

В современной уголовно-правовой доктрине и практике Российской Федерации наблюдается последовательное ужесточение ответственности за деяния, связанные с занятием высшего положения в преступной иерархии. Первоначально это выразилось в дополнении ст. 210 УК РФ частью 4, устанавливающей ответственность лица, занимающего высшее положение, за создание преступного сообщества, руководство им, координацию действий, создание связей, разработку планов и раздел сфер влияния. Данное нововведение, как известно, вызвало неоднозначную реакцию в научном сообществе. Наряду с поддержкой расширения сферы применения ст. 210 УК РФ, были высказаны опасения относительно размытости понятий и критериев отнесения лиц к лидерам преступного мира.

А. С. Морозов, в частности, выразил критическое отношение к проникновению элементов криминальной субкультуры в уголовное право, считая, что применение таких терминов, как «вор в законе» и аналогичных, нарушает принцип правовой определенности[107]. Следующий этап в развитии уголовной ответственности за подобный статус связан с принятием Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ, которым была введена ст. 210.1 в УК РФ, предусматривающая ответственность непосредственно за факт занятия высшей позиции в преступной иерархии[108]. И здесь мнения ученых разделились.

Оппоненты криминализации столь специфического статуса, как нам представляется, обоснованно указывали на то, что ст. 210.1 УК РФ фактически признает «опасное состояние личности» основанием для уголовной ответственности, а не деяние, содержащее признаки состава преступления. Е. А. Паламарчук, в свою очередь, утверждает, что современная правовая система не нуждается в использовании подобного основания для уголовной ответственности, предлагая внедрить для таких лиц меры безопасно-

---

[107] См.: *Морозов А. С., Бабкина Е. В.* Развитие норм криминальной субкультуры в России с начала XX века по настоящее время // Вестник Кузбасского института. 2022. № 2 (51). С. 73.

[108] Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 14 (ч. 1). – Ст. 1459.

сти, аналогичные существующим в некоторых европейских государствах[109]. Считаем, что критика оценочного характера ст. 210.1 УК РФ, в которой отсутствует четкое определение понятия «преступной иерархии» и критериев определения «высшего положения лица» в этой структуре, что создает значительные трудности при доказывании признаков состава данного преступления, вполне обоснованна.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, находит отражение в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран, таких как Грузия, США и ФРГ[110]. По нашему мнению, эта практика свидетельствует о международном стремлении к эффективной борьбе с организованной преступностью.

В заключение отметим, что действующее российское уголовное законодательство расширило ответственность лидеров преступного мира, предусмотрев ответственность не только за конкретные преступления, но и за сам факт занятия высшего положения в иерархии. Считаем, что данный подход отражает стремление государства к более эффективной борьбе с организованной преступностью, однако требует крайне осторожного применения и четкого определения критериев, исключающих произвольное толкование и необоснованное привлечение к уголовной ответственности.

Для повышения эффективности применения ст. 210.1 УК РФ и недопущения нарушений принципов уголовного права необходимо:

Уточнить понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» путем разработки критериев, учитывающих как формальные (например, наличие «воровского титула»), так и неформальные признаки (например, влияние в преступной среде, способность координировать действия различных преступных групп).

Конкретизировать оценочные признаки, используемые в ст. 210.1 УК РФ, в том числе дать определение понятия преступной иерархии и раскрыть содержание «высшего положения лица» в этой иерархии. Предлагаем следующее определение понятия преступной иерархии и раскрытие содержания «высшего положения лица» в этой иерархии: «Преступная иерархия – это устойчивая структурированная система взаимосвязей и подчинения между группами лиц, объединенных общей целью совершения преступлений и извлечения из них материальной или иной выгоды, характеризующаяся наличием организованных структур, распределением ролей и функций, соблюдени-

---

109 См.: *Паламарчук Е. А., Семенцова И. А., Толопченко О. В.* Ретроспектива уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 5 (168). С. 133.

110 См.: Волосюк П. В., Урусов М. М. Уголовная ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в уголовном законодательстве зарубежных стран // Евразийский юридический журнал. 2024. № 8(195). С. 271.

ем негласных правил и норм поведения, а также признанием иерархического статуса входящих в нее лиц».

Разработать методические рекомендации для правоприменителей по доказыванию признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, с учетом необходимости соблюдения принципа индивидуализации ответственности.

Рассмотреть возможность введения мер безопасности, альтернативных уголовному наказанию, для лиц, представляющих опасность для общества, но не совершивших конкретных преступлений, с учетом опыта использования мер социальной защиты в ранний советский период.

Изучить и адаптировать положительный зарубежный опыт в сфере борьбы с лидерами организованной преступности, в частности, методы выявления и пресечения их деятельности, а также механизмы защиты свидетелей и потерпевших.

В заключение следует отметить, что эволюция уголовной ответственности лидеров преступной иерархии представляет собой сложный и противоречивый процесс, отражающий борьбу различных школ уголовного права и изменение социальных приоритетов. Реализация данных предложений позволит усовершенствовать уголовно-правовые меры борьбы с лидерами организованной преступности, обеспечить соблюдение законности и справедливости при привлечении их к ответственности, а также повысить эффективность противодействия организованной преступности в целом.

Список использованной литературы

1. *Авдеев, А. О.* История развития института соучастия в российском уголовном законодательстве / А. О. Авдеев // Научное образование. – 2022. – № 1 (14). – С. 333–337.
2. *Волосюк, П. В.* Уголовная ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, в уголовном законодательстве зарубежных стран / П. В. Волосюк, М. М. Урусов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8 (195). – С. 271–273.
3. *Морозов, А. С.* Развитие норм криминальной субкультуры в России с начала XX века по настоящее время / А. С. Морозов, Е. В. Бабкина // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 2 (51). – С. 73–89.
4. *Паламарчук, Е. А.* Ретроспектива уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / Е. А. Паламарчук, И. А. Семенцова, О. В. Толопченко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 5 (168). – С. 133–138.
5. *Першина, Е. А.* История развития законодательства об ответственности лидеров преступных сообществ / Е. А. Першина // Конституционное развитие России: прошлое, настоящее, будущее (к 30-летию Конституту-

ции РФ) : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тамбов, 8 декабря 2023 года. – Тамбов: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2024. – С. 271–278.

6. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев, А. С. Васнецова [и др.] // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2021 году : сборник научных докладов. – Москва : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2022. – Выпуск 10. – С. 161–189.
7. *Терещенко, С. В.* Историко-правовые аспекты развития института соучастия в советском уголовном праве / С. В. Терещенко, И. В. Шебалкин // 100-летие образования СССР в контексте государства и права : сборник статей / под ред. Д. И. Самодурова, Н. А. Синяевой, Г. Ф. Чекмарева. – Москва : Русайнс, 2023. – С. 137–140.

КОНВЕНЦИЯ ООН ПРОТИВ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Максим Владимирович Скирда
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
начальник Управления Министерства юстиции
Российской Федерации по Республике Татарстан,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
skimax@mail.ru

Аннотация. Преступность в информационном пространстве являет собой глобальную угрозу миру и безопасности. В статье автор проводит анализ положений принятой Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности (Ханойская конвенция). Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации национальных правовых систем, в частности российской, к новациям, предусмотренным положениями международно-правового документа ООН. Методологической основой исследования выступил диалектический метод познания в совокупности формально-юридическим и историко-правовым. Первый универсальный международно-правовой документ регламентирует вопросы сотрудничества государств по борьбе с киберпреступниками, техническую помощь и обмен информацией, предусматривает для ратифицировавших его стран-участников обязательное принятие дополнительных организационно-правовых мер, направленных на реализацию конвенционных положений. В частности, в целях неотложной помощи в расследовании уголовных дел о киберпреступлениях необходимо создать круглосуточные национальные контактные центры. Принятие конвенции неизбежно повлечет модернизацию национальных правовых систем, прежде всего в вопросах, касающихся терминологии и криминализации противоправных деяний в рассматриваемой сфере цифровых правонарушений.

Ключевые слова: ООН; Конвенция ООН против киберпреступности; информационно-коммуникационные технологии; международное сотрудничество по борьбе с преступностью; киберпреступление.

Очевидно, что глобальная угроза цифровых атак продолжает расти в прогрессивном масштабе. Мировое сообщество, выражая крайнюю обеспокоенность вопросами кибербезопасности, аккумулирует усилия по созданию эффективных систем противодействия цифровой преступности[111].

25 октября 2025 г. состоялось историческое событие мирового уровня: в Ханое (Вьетнам) представители 71 государства подписали Конвенцию Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (далее – Конвенция ООН против киберпреступности, Ханойская конвенция)[112]. От имени главы государства в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 23 октября 2025 г. № 409-рп Конвенцию ООН против киберпреступности подписал Генеральный прокурор России. Преступления в цифровом мире зачастую связаны с террористической деятельностью и представляют собой высокую степень опасности как для индивида, так и для государства[113]. Подписание Ханойской конвенции, призванной противостоять одному из глобальных вызовов современного мира, произошло в результате российской инициативы 2019 г. Предложения Российской Федерации по разработке конвенции были направлены на дальнейшее укрепление международного сотрудничества и соблюдение принципа суверенного равенства государств, в том числе информационном пространстве, в соответствии с Уставом ООН. Россия призывает все государства – члены Объединенных Наций подписать и ратифицировать новую конвенцию ООН с целью ее скорейшего вступления в силу. Ханойская конвенция, устанавливая универсальные стандарты противодействия цифровой преступности, образует, на взгляд автора, необходимый международно-правовой базис для глобального сотрудничества.

Обратим внимание на то, что США, Великобритания и иные страны коллективного Запада не принимают положения Ханойской конвенции, придерживаясь правовой позиции, основанной на гипотетической опасности нарушения прав человека (в частности, выраженном в виде злоупотребления правом при формировании запросов на предоставление электронных доказательств).

Конвенция ООН против киберпреступности, состоящая из девяти глав и 68 статей, предлагает криминализировать 11 категорий правонарушений, включая незаконный доступ (ст. 7) и подлог с помощью информационно-ком-

---

111 См.: *Афанасьева О. Р.* Состояние и тенденции киберпреступности в России и зарубежных государствах // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 7. С. 183.

112 См.: Документ ООН A/RES/79/243 от 31.12.2024. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2024 года // Организация Объединенных наций : сайт. URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/79/243/ (дата обращения 28.11.2025).

113 См.: *Ковалев О. Г.* Киберпреступность – угроза национальной безопасности современной России // Военно-юридический журнал. 2021. № 3. С. 12.

муникационных систем (ИКС) (ст. 12). Так, Ханойская конвенция обязывает государства установить уголовную ответственность за незаконное распространение устройств, предназначенных для воздействия на информационно-коммуникационные сети. К таким устройствам, например, можно отнести индукционные датчики и скиммеры, оборот которых действующим в России уголовным правом не регламентирован. Кроме того, в отечественное законодательство, как представляется автору, необходимо внести изменения, направленные на криминализацию деяний по незаконному использованию паролей и электронных подписей.

Вместе с тем существенным фактором, влияющим на практическое применение указанных конвенционных норм в конкретном государстве, является, на взгляд автора, положение пункта первого ст. 5 Ханойской конвенции, направленное на защиту цифровых национальных интересов. Установленные Ханойской конвенцией принципы суверенного равенства, территориальной целостности государств, невмешательства во внутренние дела других государств, безусловно, защищая национальные интересы суверенных государств, могут, с позиции автора, в результате их практической реализации привести к возможности принятия вариативных государственных решений, исходя из политической воли государств. Конвенционными положениями регламентировано, каким образом государства устанавливают юрисдикцию в отношении лиц, совершивших киберпреступление, обозначены возможные процессуальные меры и их правовое применение. Вопросы координации межгосударственного взаимодействия возложены на Управление ООН по наркотикам и преступности, основной орган конвенции – конференция государств-участников.

Обратимся к историческим предпосылкам создания универсальной конвенции. Автор полностью согласен с правовой позицией Е. В. Ушаковой и Д. Г. Ткаченко, которые справедливо считают, что законодатель должен не отставать от достижений технического прогресса, гармонизировать и актуализировать законодательство для построения эффективных систем кибербезопасности[114]. Обратимся к наиболее известному среди принятых до Ханойской конвенции международных правовых актов в сфере борьбы с цифровой преступностью. Принятую в 2001 г. Конвенцию Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (Будапештская конвенция) отметим двумя следующими тезисами. Во-первых, количество присоединившихся к конвенции государств (68) – незначительное, что свидетельствует о неоднозначном отношении государств к этому региональному документу. Во-вторых, Россия не поддерживает юрисдикцию данной конвенции, рассматривая Будапештскую инициативу в качестве инструмента нарушения суверенных внутригосударственных интересов в цифровом сегменте. Так, ст. 32.b этого акта Совета Европы пред-

---

114 См.: *Ушакова Е. В., Ткаченко Д. Г.* Киберпреступность в современном мире: популярность или доступность цифровых технологий // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 1 (13). С. 15.

полагает, что государства-участники имеют возможность получить трансграничный доступ к информации, размещенной в рамках внутригосударственной ИКС. В этом контексте представляет интерес позиция К. К Клевцова, который формулирует вывод о том, что большинство правоохранительных органов, расследуя преступления в сфере ИКТ, получают физически находящиеся на территории других государств доказательства, не имея при этом официального согласия соответствующих иностранных государственных органов[115]. Исследователь И. Б. Горелик выражает в своем исследовании суждение о том, что комплексного международно-правового регулирования отношений в киберпространстве вообще не существует[116]. Двусторонние соглашения между отдельными государствами и работа через различные международные организации на практике характеризуются недостаточной оперативностью. По мнению автора, перечисленные инструменты не являются идеальными, прежде всего в ракурсе оценки их эффективности. Россия денонсировала Будапештскую конвенцию, отвергая для иных государств возможность проведения на своей суверенной территории мероприятий по розыску киберпреступников или сбору доказательств вне решений официальных органов власти нашей страны. В связи с этим основным недостатком, как полагает автор, актуального состояния сотрудничества государств на основе двусторонних соглашений является низкая эффективность и высокий уровень бюрократии в существующих процессах взаимодействия национальных правоохранительных органов при использовании каналов Интерпола.

Автор считает важным подчеркнуть, что Россия выступила инициатором разработки Конвенции ООН против киберпреступности и закрепила в принятом акте ключевой принцип защиты цифрового суверенитета государства. Вместе с тем предложение России по включению в конвенционный список широкого перечня преступлений, которые совершаются с использованием компьютера (в частности, терроризм), не было поддержано США и странами коллективного Запада. Итоговый вариант конвенции базируется на правовой позиции сторонников более узкой криминализации правонарушений в сфере ИКТ. Полагаем перспективным инициированный российской стороной вариант принятия дополнительного протокола к Ханойской конвенции, который расширил бы перечень криминализованных цифровых противоправных деяний.

Естественно, в условиях полярных правовых позиций у различных государств возникает резонный вопрос о целесообразности и эффективности принятия новой универсальной специализированной конвенции. С позиции автора, Ханойская конвенция должна составить единую международно-правовую основу противодействия киберпреступности. С ее подписанием государства

---

115 См.: *Клевцов К. К.* Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 3. С. 694–695.

116 См.: *Горелик И. Б.* Сдерживание киберпреступности: международно-правовой аспект // Вестник ученых-международников. 2022. № 1 (19). С. 235.

получили единый терминологический стандарт. Считаем важным отметить, что новая конвенция ООН предусматривает возможность сотрудничества, в том числе для государств, не обладающих двусторонними соглашениями. Одновременно отметим, что выполнение запроса другого государства не осуществляется, если это угрожает суверенитету и безопасности страны. В текущих условиях миропорядка данное обстоятельство может быть использовано государствами в политических целях и может привести к значительному ограничению универсального применения конвенции.

В заключение отметим основные выводы. Во-первых, главный вывод, поддерживаемый автором, заключается в том, что Ханойская конвенция позволит установить единые стандарты противодействия киберпреступности применительно ко всем без исключения государствам-участникам. Во-вторых, понимая, что киберпреступность представляет собой транснациональную угрозу, объединение государственных усилий под флагом ООН создает новый фундаментальный правовой инструмент, сокращающий возможности сокрытия киберпреступников в так называемых серых юрисдикциях. В-третьих, автор прогнозирует рост эффективности применения конвенционных норм в перспективе стабилизации геополитических интересов ведущих государств мира.

Список использованной литературы

1. *Афанасьева, О. Р.* Состояние и тенденции киберпреступности в России и зарубежных государствах / О. Р. Афанасьева // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 7. – С. 183–189.
2. *Горелик, И. Б.* Сдерживание киберпреступности: международно-правовой аспект / И. Б. Горелик // Вестник ученых-международников. – 2022. – № 1 (19). – С. 223–236.
3. *Клевцов, К. К.* Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам / К. К. Клевцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия: Право. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 678–695.
4. *Ковалев, О. Г.* Киберпреступность – угроза национальной безопасности современной России // Военно-юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 11–15.
5. *Ушакова, Е. В.* Киберпреступность в современном мире: популярность или доступность цифровых технологий / Е. В. Ушакова, Д. Г. Ткаченко // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1, № 1 (13). – С. 15–27.

Социальные ценности, антиценности и правовое регулирование: сравнительное и историко-правовое измерения

СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ: ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Маазат Абдулкадировна Абдулатипова
студентка 1-го курса юридического факультета
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
medzhidova_1984@list.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению социальных и ценностных основ нормативно-правового воздействия. Этот вопрос изучается для оптимизации такого воздействия. При совершенствовании правового надзора необходимо учитывать социальные и культурные особенности.

Ключевые слова: законы; нормативные акты и правовые последствия; личность; общество и ценностные основы.

Социальные основы могут предопределять характер государственно-правовых ценностей. Достаточно долго считали, что именно социальные ценности первичны. В этом легко убедиться, обратившись к трудам советских ученых-юристов. Некоторые люди думают, что коммунизм и интересы – это абсолютные и высшие ценности.

Социальные ценности современного российского общества все еще находятся на стадии трансформации. Можно даже сказать, что наблюдается некий переходный период к более цельным ценностям. Очевидно, что российское общество и государственность выработали в течение тысячелетней истории свои, особые ценности. Однако смена общественного строя, которая наблюдалась за последнее столетие, изменения идеологии, причем несколько раз, привели к гибридным ценностям. Различные слои российского общества придерживались и придерживаются разных ценностей. Переход к рыночной экономике, смена политической системы фактически разбавили систему ценностей, характерную для советского общества. В нынешний период мы видим обращение к отечественным традиционным ценностям. По крайне мере, такая предпринята попытка на государственном уровне. Для этого сложились определенные условия: противостояние с коллективным Западом через Украину, консолидация и мобилизация общества и очевидный запрос на патриотизм.

Сегодня фактически общество и личность проходит сложный процесс самоидентичности. Мы закономерно поляризуемся с западным миром: господствующая в течение столетий парадигма, что Россия – это Европа с некоторыми особенностями, уступает место более радикальным установкам: Европа и Россия относятся к различным типам культур и, следовательно, ценностям. Для многих из числа российского общества стало очевидным, что Европа и в целом Западный мир не считал и не считает Россию близкой цивилизацией[117]. Оправдываются мрачные выводы Н. Я. Данилевского, которые не воспринимались значительной частью интеллигенции России.

В такой ситуации огромное значение приобретают ценности, которые разделяются большинством. И эти ценности могут быть названы социальными. Они могут и должны касаться мировоззренческих установок общества, четких признаков выбранной самоидентичности и стратегии развития страны и государства. Они должны быть пронизаны ценностями. Надо определиться именно с ценностными ориентирами. Так, следует системно изучить выделяемые отдельными мыслителями, учеными и общественными деятелями.

В частности, это коллективизм, доверчивость, приверженность к существующим устоям, или консерватизм, противоречивость «русской души» и т.п., например, если мы действительно считаем, что мировоззрение россиянина и общества в целом коллективно, то целесообразно отразить хотя бы декларативно в базовых нормативных правовых актах, в частности, в ст. 2 Конституции РФ. Сегодня же мы видим нарушение баланса между личностью, обществом и государством. Необходимо обозначить права общества и других коллективных субъектов. Такое же требует и консерватизм. Важно выделить доминирующие аспекты консерватизма в российском мировоззрении. В числе их можно назвать обращенность к актуальному прошлому и исключение препятствий для развития нового. При этом речь идет не о простом изменении и копировании чужих форм и институтов, а действительно о новеллах, которые сохраняют преемственность.

Однако не все так однозначно. За последние столетия в российской мысли господствовали идеи, формировавшиеся в европейской традиции. Интересен вопрос: насколько марксизм соответствовал отечественной интеллектуальной традиции? Ведь в советский период утверждалось, что базовые положения были «приспособлены» к условиям российской действительности. На наш взгляд, в такой ситуации право «бессильно». Интеллектуальные пристрастия не могут определяться правовыми нормами.

Правовая ценность – это одна из идеальных (субъективных) ценностей, которая объединяет в себе многие другие социальные ценности. Законы воплощают социальные ценности, придают им юридическую силу и создают

---

[117] Российская государственность как важнейший фактор стабильности, безопасности и развития полиэтнической цивилизации: материалы VIII Международного молодежного юридического конгресса (27–28 октября 2022 г.) / сост.: Б. Б. Сулейманов (отв. ред.), А. М. Чахиева. Махачкала, 2023. С. 1113.

механизмы для их реализации и защиты. Эти ценности включают свободу, справедливость, равенство и взаимопомощь. Они направляют поведение человека на достижение определенных целей, стандартов и моделей поведения. Эти ценности изначально были не правовыми, но присущими праву как социальному регулятору, а ценностями культуры, в которой зародилось право.

Правовая ценность и оценка в сфере правосознания имеют нормативное значение. Правовые нормы, в свою очередь, приобретают значение ценности и становятся объектом оценки. Более того, сознательное и волевое поведение индивида всегда в какой-то степени основано на действии социальных норм, которые были усвоены и оценены индивидом. Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные Конституцией РФ, должны стать высшими ценностями страны, общества и личности. Государство может предоставить экономические, организационные и правовые гарантии, а также повысить эффективность правоохранительных органов, судебной системы и качество работы законодательной и исполнительной власти. Ценностная ориентация обычно указывает на различное отношение к одной и той же ценности: в одних случаях она рассматривается как цель, в других – как средство.

В процессе совершенствования правового надзора и реализации функций правового надзора все это должно приниматься во внимание. Иерархическая структура социально-правовых целей и социальных ценностей должна способствовать более целенаправленному и точному юридическому надзору, что, в свою очередь, приводит к более эффективному юридическому надзору.

Следовательно, вопросы социальной основы и ценностных оснований правового регулирования нуждаются в научном анализе и практической реализации для обеспечения их эффективности.

Список использованной литературы

1. *Балаклеец, И. И.* Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы : автореф. … дис. канд. юрид. наук / Балаклеец Ирина Ивановна. – Казань, 2012. – 26 с.
2. *Бойков, В. Э.* Ценности и ориентиры общественного сознания россиян / В. Э. Бойков // Социс. – 2024. – № 7.
3. *Жинкин, С. А.* Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : дис. … д-ра юрид. наук / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 401 с.
4. *Мамут, Л. С.* Социальное государство с точки зрения права / Л. С. Мамут // Государство и право. – 2021. – № 7. – С. 5–14.
5. *Палазян, А. С.* Функциональная характеристика права: вопросы методологии : монография / А. С. Палазян, В. П. Малахов. – Москва, 2019. – 232 с.
6. *Ручка, А. А.* Социальные ценности и нормы / А. А. Ручка. – Киев, 1976. – 152 с.

7. Российская государственность как важнейший фактор стабильности, безопасности и развития полиэтнической цивилизации: материалы VIII Международного молодежного юридического конгресса (27–28 октября 2022 г.) / сост.: Б.Б. Сулейманов (отв. ред.), А.М. Чахиева. – Махачкала, 2023. – 568 с.
8. *Тихомиров, Ю. А.* Право и саморегулирование / Ю. А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2025. – № 9. – С. 86–96.

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕННОСТИ

Дарья Александровна Анисимова
студентка 1-го курса юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
dayw07@mail.ru

Аннотация. В статье осуществляется междисциплинарный анализ феномена героизма в контексте ментальных и социокультурных особенностей российской цивилизации. Анализируются истоки формирования героизма и основные типы его развития: от первоначальной формы этнокультурного архетипа до современного состояния, характеризующегося институциональной поддержкой в рамках государственной политики. На конкретных исторических примерах, от Древней Руси до современности, выявляется устойчивый комплекс ценностных ориентаций, характеризующих «Человека-Подвига». Рассматривается роль правовых институтов в формировании и распространении героического идеала.

Ключевые слова: героизм; национальная идентичность; патриотизм; традиционные ценности; историческая память.

Российская цивилизация исторически сформировалась и остается государством, пропитанным духом героизма. «Человек-Подвиг» является здесь не чем-то уникальным, а вполне типичным и распространенным явлением, для знакомства с которым не нужно заглядывать в учебник истории, достаточно просто оглянуться вокруг. Пониманию сущностных характеристик, отличительных черт героя служит подвиг многократного чемпиона мира по подводному плаванию Шаварша Карапетяна, который 16 сентября 1976 г. во время утренней пробежки в Ереване, не задумываясь, нырнул в холодную воду вслед за затонувшим троллейбусом. Несмотря на многочисленные порезы и нулевую видимость, он смог поднять на берег 46 пассажиров. Этот подвиг едва не стоил спортсмену жизни и означал завершение его блестящей чемпионской карьеры. Но он всегда жалел только о том, что не смог спасти большее количество людей.

Соответственно, герой – это «Человек-Подвиг», человек невероятного мужества и отваги, который готов пожертвовать жизнью ради других людей и своей Родины. Героизм – это не про правила, а про секундные решения, которые принимаются во имя блага общества и спасения других людей. При этом возникает вопрос: так откуда же берутся герои и как формируется готовность к подвигу?

Первый образ воина-героя, способного на самопожертвование во имя своей Родины и вдохновлявшего на подвиги своих дружинников, в Древней Руси – это образ Святослава-воителя. Его воинский опыт стал основой формирования облика героя и ключевых принципов воинской чести: князь всегда предупреждал противника о своем нападении, первым шел в бой и призывал своих воинов насмерть стоять за свое Отечество: «Да не посрамим земле Русские, но ляжем костьми, мертвые ибо срама не имам»[118]. Этот призыв стал девизом русских войск на столетия вперед, а личный пример мужественного, решительного и стойкого военачальника – образцом для подражания рядовым воинам. Пример воина-воителя демонстрирует, что факторами взращивания «Человека-Подвига» исторически выступали личный пример и окружающая будущего героя социальная среда. Этот фактор сохраняет свое значение и сегодня, когда в условиях специальной военной операции (СВО) отец готов на личном примере подтвердить те ценности, которые с детства вкладывал в своего сына. Так, командир минометной батареи Тимур Сергеев и его сын Артем вместе находятся в зоне СВО с 2022 г. Сергеевы, старший и младший, похожи в своем понимании чести и долга, а также отличаются умением брать на себя ответственность.

Важным фактором становления героя традиционно выступают и патриотические традиции, передаваемые из поколения в поколение. Так, например, девиз Святослава нашел новую жизнь в знаменитом призыве А. Невского: «Положим жизнь за други своя». Идеи самопожертвования во имя спасения сотоварищей живы и поныне: Екатерина Иванова, первая женщина-герой СВО, 27 февраля 2022 г. под минометным обстрелом ВСУ закрыла собой раненых бойцов и вынесла с поля боя, получив при этом осколочное ранение.

Другим фактором взращивания «Человека-Подвига» на протяжении всей российской истории стала Вера в Бога. В самые сложные для нашего Отечества времена россияне всегда прибегали к русским святым, посту, молитве, молебнам и чудотворным иконам. Так, знаменитый русский святой Сергий Радонежский в тяжелейшую для России эпоху Смутного времени явился во сне Кузьме Минину и сказал: «Разбуди спящих». Тот обратился к русскому народу с призывом: «Продадим жен своих и детей, но спасем наше Отечество, святую Русь, удел Богородицы». Два месяца второе ополчение пыталось взять Москву, но безрезультатно. И лишь после того, как ополченцы провели три дня в строгом посте и отслужили молебен перед иконой Казанской Богоматери, они смогли освободить столицу.

---

[118] *Вяземский Е. Е.* История России с древнейших времен до наших дней : учебник / Е. Е. Вяземский, Л. В. Жукова, В. А. Шестаков ; под ред. В. А. Шестакова. М. : АСТ, 2016. С. 87–89.

В настоящее время СВО рождает новых героев, которые по отваге и мужеству не уступают своим предкам. Лейтенант Александр Лебедев в одиночку уничтожил 20 минометчиков и шесть боевых машин противника, Сергей Черный на своем СУ-25 колонну вражеской бронетехники. Лейтенант медицинской службы Алексей Писарев вытащил из-под обстрела 15 товарищей. Ефрейтор Виталий Хисматуллин выстрелом из РПГ уничтожил 29 националистов.

Такие проявления героизма находят правовую поддержку со стороны государства. В соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным источником их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы. Денежное довольствие состоит из месячного оклада в соответствии с присвоенным воинским званием (оклад по воинскому званию), месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью (оклад по воинской должности) и из ежемесячных и иных дополнительных выплат (дополнительных выплат)[119]. Что касается наградной системы, то, согласно Указу Президента РФ от 2 мая 2024 г. № 299 «О присвоении воинских званий высших офицеров военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации», воинские звания были присвоены 25 военнослужащим[120]. Это свидетельствует о поощрении государством мужества и отваги граждан. Помимо этого, осуществляются денежные выплаты и компенсации, оказывается бесплатная медицинская и юридическая помощь. Однако справедливости ради следует отметить, что в определенные исторические периоды государство использовало не только позитивные, но и негативные санкции как фактор формирования героизма. В этом отношении показателен знаменитый приказ № 227 народного комиссара обороны И. В. Сталина от 28 июля 1942 г. «Ни шагу назад», который объявлял всех бойцов, отступающих со своих позиций без соответствующего приказа, «предателями Родины»[121]. Но не следует забывать, что именно такие жесткие меры во многом обеспечили знаменитый коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Подводя итоги, следует отметить, что способность к подвигу всегда отличала российскую цивилизацию. Ее можно назвать генетической, потому что наша страна из века в век подвергалась нашествию внешних врагов, войны ве-

---

119 О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат : Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 45. Ст. 6336.

120 О присвоении воинских званий высших офицеров военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 мая 2024 г. № 299 // СПС «КонсультантПлюс».

121 «Ни шагу назад!». Приказ народного комиссара обороны Союза ССР. Без публикации. 28 июля 1942 г. (Цит. по: *Самсонов А. М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М., 1988. С. 343, 344).

лись практически постоянно, иногда по четверти столетия. Не случайно многие исследователи утверждают, что больше нет в мире такого государства, которое имело бы столь серьезную, глубокую и победоносную историю. Героизм – это часть русского менталитета. Для русского народа в целом и для каждого русского солдата в частности всегда были свойственны храбрость, стойкость, презрение к смерти, готовность к самопожертвованию во имя Родины и жизни будущих поколений.

Каждое время рождает своих героев, которых характеризуют такие ценности, как мужество, отвага, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. При этом героизм выступает явлением, аккумулирующим все эти ценности, это некий генетический код русского народа. Его формирование обусловлено самой победоносной, самой богатой военной историей России, которой не имеет ни одно другое государство, героико-патриотическими традициями российского общества, православными традициями, правовой поддержкой государства, уникальной воспитательной средой русского воинства. Именно поэтому «мы рождены с победой в сердце, у русского она в крови», именно поэтому «Человек-Подвиг» – скорее правило, чем исключение российской истории.

Список использованной литературы

1. *Вяземский, Е. Е.* История России с древнейших времен до наших дней : учебник / Е. Е. Вяземский, Л. В. Жукова, В. А. Шестаков; под ред. В. А. Шестакова. – Москва : АСТ, 2016. – 878 с.
2. Герои «Операции Z» : спецпроект о подвигах российских военных на Украине // Комсомольская правда : сайт. – URL: https://www.kp.ru/putevoditel/spetsproekty/geroi-z/ (дата обращения: 22.10.2025).
3. Герои нашего времени: истории мужества и отваги бойцов СВО // ФедералПресс : сайт. 2023. 25 мая. – URL: https://fedpress.ru/article/3352598 (дата обращения: 22.10.2025).
4. *Мединский, В. Р.* История России, 1914–1945 годы. 10 класс : учебник для общеобразовательных организаций. Базовый уровень / В. Р. Мединский, А. В. Торкунов; под ред. А. В. Торкунова. – Москва : Просвещение, 2023. – 496 с.
5. Подвиг советского пловца Шаварша Карапетяна // Чемпионат : сайт. 2022. 16 сентября. – URL: https://www.championat.com/other/article-4041935-podvig-sovetskogo-plovca-shavarsha-karapetjana--spas-ljudej-iz-tonuschego-trollejbusa.html (дата обращения: 22.10.2025).

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Дарья Сергеевна Бедринова
Елизавета Павловна Фокина
студентки 3-го курса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
bedrenovapoiu@gmail.com

Аннотация. Актуальность темы эволюции социальных ценностей в праве возникает в контексте постоянного изменения общества, его культурных, экономических и политических основ. Право, как важнейший инструмент регулирования общественных отношений, отражает и формирует социальные ценности, которые со временем подвергаются изменениям под воздействием различных факторов, включая технологические достижения, изменения в системе образования, миграционные процессы и глобализацию. Понимание динамики этих изменений помогает юристам, социологам и историкам лучше воспринимать, анализировать и оценивать современные правовые системы и практики. Целью исследования эволюции социальных и антисоциальных ценностей в праве является выявление и анализ того, как изменения в социальной, экономической и культурной сферах влияют на формирование правовых норм и институтов. Также важно изучить, как правовое регулирование, в свою очередь, сказывается на социальных ценностях и на формировании общественного сознания. Проанализированы основные положения эволюции ценностей, их влияние на общественную безопасность на территории Российской Федерации. В результате был сделан вывод о значении ценностей в контексте современной России.

Ключевые слова: ценности; общество; философия; Конституция; право; личность.

Развитие аксиологии как самостоятельного философского направления, исследующего природу и роль ценностей в обществе, дало возможность глубже осмыслить функции права в социуме. Право в цивилизованном обществе рассматривается не только как инструмент регулирования, но и как значимая

социальная ценность, обеспечивающая порядок и стабильность. Для полноценного понимания этого феномена требуется учет институциональных характеристик права: общеобязательности, формальной определенности и высокой гарантированности, – которые определяют его специфическую роль в общественной жизни[122].

В толковом словаре Ожегова слово «ценность» взаимосвязано со словом «ценный».

Рассматривая эти понятия, видим следующую интерпретацию в словаре:

ЦЕННЫЙ, ая, ое; ценен, ценна и ценна, ценно.

1. Имеющий большую цену (в 1 знач.), дорогой.

2. перен. С большими достоинствами, важный, нужный.

3. полн. ф. С обозначенной стоимостью, ценой.

ЦЕННОСТЬ, и, ж.

1. см. ценный.

2. (в 1 знач.), стоимость.

3. чего. Важность, значение.

4. обычно мн. Ценный предмет, явление[123].

Термин «ценность» обозначает то, что приобретает значимость для индивида, группы или общества. В ценностной оценке участвуют материальные предметы, природные явления, социальные институты, культурные феномены, поведенческие акты и моральные нормы. Ценности служат основой культуры и общественной интеграции: они обеспечивают смысловое упорядочение реальности и формируют ориентиры поведения. Социальная устойчивость во многом зависит от ценностного консенсуса, разделяемого участниками сообщества[124].

Ценности выполняют функцию структурирования мира, придавая ему осмысленность и оценочный характер; они помогают соотносить поведение индивида с нормами, идеалами и целями общества. Исторически ценности формировались как духовные опоры для адаптации человека к сложным условиям жизни. В их основе лежат базовые категории добра и зла, из которых развиваются более конкретные ценностные идеи и убеждения.

В философских дискуссиях ценности трактуются двояко: одни авторы признают их объективным элементом бытия, другие видят в них продукт субъективных оценок и социальных установок. Различие между знанием и ценностью подчеркивалось еще в античной традиции: знание оценивается по критерию истины, тогда как ценность – по значимости

---

122 См.: *Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д.* Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2020. Т. 9, №1. С. 172–181.

123 См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка : сайт. URL: https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/

124 См.: *Малеева М. С.* Актуальные вопросы сущности и характеристика социальных ценностей личности // Вестник Университета «Кластер». 2022. С. 95.

для человека и общества. Понятия «ценность» и «благо» близки, но «благо» чаще указывает на объективную сторону, а «ценность» – на субъективную оценку[125].

Ценности всегда связаны с практической деятельностью людей и эволюционируют вместе с обществом: то, что имело ценность ранее, со временем может утратить ее значимость. Относительность ценностей определяется как объективными свойствами объектов, так и актуальными потребностями общества. Ценность проявляется тогда, когда человек реализует практическую потребность или смысл, связанный с объектом.

Ценностные установки формируются с раннего возраста и продолжают трансформироваться в течение жизни. У каждого индивида складывается уникальная система ценностей, но при изучении коллективов можно выделить общие подсистемы, позволяющие классифицировать людей по ценностным парадигмам (например, профессиональные сообщества – математики, юристы и т.д.). Ценностные ориентации не статичны: они меняются под воздействием исторического контекста и внешних факторов[126].

Исследователи предлагают разные классификации ценностей:

- терминальные (конечные цели) и инструментальные (средства достижения целей);
- кардинальные (фундаментальные, универсальные) и субкардинальные (конкретизирующие принципы в социуме);
- по функциональной принадлежности: общесоциальные, ценности права и коммуникаций.

Такие типологии помогают соотнести ценности с задачами и институтами общества.

Ценности права представляют собой базовые принципы, формирующие отношение личности к нормам. Они проявляются через правосознание, правовую культуру, традиции, морально-этические установки и принципы.

Правовая традиция – совокупность правовых установок и ценностей, передающаяся и модифицирующаяся в обществе, – обеспечивает преемственность и устойчивость правовой системы. Значимые правовые ценности можно разделить:

- на универсальные (свобода, равенство, жизнь, здоровье, безопасность, легитимность);
- национальные (характерные для конкретной политико-правовой традиции)[127].

---

[125] См.: *Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д.* Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2020. Т. 9, №1. С. 172–181.

[126] См.: *Рашева Н. Ю., Гомонов Н. Д.* Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ. 2020. Т. 9, №1. С. 172–181.

[127] См.: *Алексеева Н. И.* Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. С. 9–12.

Право обладает пластичностью: его ценностные ориентиры трансформируются под влиянием социальных, политических и экономических изменений. Эволюция прав человека (три поколения прав) иллюстрирует такой процесс. Теории Инглхарта и Кузнецова предлагают разные интерпретации ценностного дрейфа: Инглхарт – смена наборов ценностей в ходе модернизации; Кузнецов – относительная стабильность набора ценностей с трансформацией их содержательного наполнения.

В ходе модернизации правовой системы возникает дилемма: сохранить традиционные ценности или интегрировать инновации. Потенциальные риски ускоренной модернизации включают несовпадение институтов и новых социальных реалий, инерционность правовой системы и угрозу деформации базовых ценностей. В то же время кризис и технологические изменения (информатизация, цифровизация) могут стимулировать реформы и обновление правовой доктрины[128].

Для эффективного регулирования общественных отношений необходим не только нормативный аппарат, но и ценностный консенсус – своего рода «договор о ценностях» между различными субъектами (государством, обществом, группами). Этот консенсус облегчает легитимацию институтов и способствует социальной интеграции. Важную роль играет представление о справедливости как интерсубъективно разделяемой ценности, обеспечивающей доверие к политическим институтам.

Конституция нередко оперирует широкими ценностными категориями («достойная жизнь», «свободное развитие личности»), которые трудно нормативно определить. Такое символическое закрепление ценностей формирует образ общества и задает ориентиры правовой политики, но требует последующей конкретизации в правовых нормах для обеспечения реализации и соблюдения[129].

Переходные периоды (например, постсоветская трансформация) характеризуются изменениями в распределении интересов, социальной стратификации и мировоззренческой структуре населения. Усиление индивидуализма и атомизация общества снижает доверие к государственным институтам и усложняет формирование общего интереса. В таких условиях важной задачей государства является создание компромиссной политической модели, приемлемой для разных поколений и социальных групп, а также разработка идеологии, включающей приоритеты и принципы общественной жизни.

Формирование правового сознания требует учета исторически усвоенных установок и адаптации правового воспитания к современным реалиям. Знание права само по себе недостаточно; необходимы уважение к праву и убежден-

---

128 См.: *Алексеева Н. И.* Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2021. С. 9–12.

129 См.: *Александров Е. М., Моисеенко И. В.* Соотношение правовых ценностей и антиценностей // Актуальная культура. 2025. С. 7–9.

ность в его справедливости как личностные качества, поддерживающие гражданскую активность.

Изучение ценностных оснований права имеет важное научное и практическое значение: оно помогает выявить ключевые характеристики правовой системы, повысить ее роль в общественной жизни, противодействовать правовому нигилизму и формировать правовую культуру.

Настоящая нравственная правовая система возможна только при ясном и правильном восприятии социальных ценностей. Правовые нормы отличаются от других тем, что предполагает особого носителя – человека, способного их признавать. В этих нормах отражаются уже реализованные ценности[130].

В современных условиях глобальных и локальных вызовов приоритетами являются сохранение культурно-исторической идентичности при одновременной гибкости правовых институтов, разработка социокультурных стратегий интеграции общества и ориентация права на обеспечение прав и свобод личности.

В итоге аксиологический фундамент права должен сочетать уважение к универсальным ценностям и способность к адаптации, обеспечивая легитимность, устойчивость и социальную эффективность правовой системы.

Список использованной литературы

1. *Акопов, Л. В.* Философ права Н. Н. Алексеев о ценностях в праве / Л. В. Акопов, Р. А. Левина // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2, № 1. С. 9–14.
2. *Александров, Е. М.* Соотношение правовых ценностей и антиценностей / Е. М. Александров, И. В. Моисеенко // Актуальная культура. 2025. № 3. С. 1–12.
3. *Алексеева, Н. И.* Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений / Н. И. Алексеева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки, 2021. № 4. С. 8–15.
4. *Малеева, М. С.* Актуальные вопросы сущности и характеристика социальных ценностей личности / М. С. Малеева // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 3 (3). С. 94–100.
5. *Рашева, Н. Ю.* Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества / Н. Ю. Рашева, Н. Д. Гомонов // Вестник МГТУ. 2020. Т. 9, № 1. С. 172–181.

130 См.: *Акопов Л. В., Левина Р. А.* Философ права Н. Н. Алексеев о ценностях в праве // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. С. 4.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИЕЙ КРЫМА: ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Константин Владимирович Бойко
Федеральный инспектор по Республике Крым,
аппарат полномочного представителя Президента
Российской Федерации в Южном федеральном округе,
доцент кафедры предпринимательского и экологического права
юридического факультета Института «Таврическая академия»
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия
konstantin.boyko82@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию историографии вопросов государственно-территориального управления, приобретающих особую актуальность в свете уникального опыта правоприменения, заключающегося во вхождении в состав Российской Федерации новых субъектов на фоне цифровизации управленческих процессов. Итогом работы стали выводы о формировании российского законодательства с учетом исторических предпосылок и требований времени, в числе которых – применение цифровых технологий как формы реализации публичной власти.

Ключевые слова: государственно-территориальное управление; цифровизация управления; цифровая трансформация; модель управления; искусственный интеллект.

Процесс интеграции Крыма в российскую юрисдикцию восходит к периоду правления Екатерины II. В течение промежутка времени, прошедшего с момента издания императрицей Манифеста о присоединении полуострова к Российской империи[131], были заложены основы российского федерализма, приобретающего в свете современной глобальной цифровизации новые функциональные очертания. В плоскости управления территорией Крыма отрезок

[131] Манифест от 19 (8) апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны под российскую державу» // История России в документах : сайт. URL: https://hisdoc.ru/laws/15553/ (дата обращения 30.10.2025).

времени от эпохи Екатерины II до настоящих дней может быть разделен на четыре интервала, включающих первичную адаптацию нового региона в составе Российской империи (конец XVIII в.); развитие в контурах общеимперских тенденций и преобразований (XIX – начало XX в.); советский период – от революции до распада СССР; современный этап, отправной точкой которого является 2014 г. Каждый из периодов имеет свою специфику, органично вписываясь в системный процесс формирования российской государственности.

Особый интерес в условиях современности вызывает период адаптации Крыма как новой территории, вошедшей в состав Российской империи. Перед государством на тот момент стояли сложнейшие задачи по обустройству и хозяйственному освоению присоединенного края с учетом этнической самобытности населения, социально-экономической организации общества, системы права, ведущая роль в которой отводилась мусульманским правовым институтам[132], особого порядка установления прав на землю, существенно отличавшегося от принятого в центральной части империи[133]. Изложенные исходные данные требовали серьезного, осмысленного подхода и выработки комплексной стратегии, направленной на постепенное укрепление позиций государства на полуострове.

Административные очертания территория Крыма приобрела спустя год после принятия политического решения о ее включении в состав Российской империи. Указом Екатерины II от 2 февраля 1784 г. была основана Таврическая область[134], как временная, переходная административно-территориальная единица, существование которой предполагалось до момента ее полной интеграции в правовую систему империи, с последующим преобразованием в губернию, что подразумевало увеличение численности населения, создание «необходимых учреждений». Ключевая задача, которую органы власти стремились решить таким образом, заключалась в установлении законодательных предпосылок для формирования единого правового пространства путем унификации правовых институтов Крымского ханства, основанных на нормах шариата, тюркского обычного права, с имперским правопорядком. Правовая регламентация функционирования области осуществлялась с учетом индивидуальных особенностей[135], что позволяло на начальном этапе переход-

---

132 См.: *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды / ред. И. М. Миргалеев. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 43.

133 См.: *Михальчук Ю. М.* К вопросу о правах на землю в Крыму в конце XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 2. С. 120.

134 Указ Екатерины II от 2 февраля 1784 г. «Об учреждении Таврической области» // Исторический портал : сайт. URL: http://historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-920.html#/overview (дата обращения: 09.11.2025); см. также: *Кошман В. А.* Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 59.

135 Указ Екатерины II от 8 (19) февраля 1784 г. «Об устройстве Таврической области» // Исторический портал : сайт. URL: http://www.historyru.com/docs/rulers/ekaterina-2/ekaterina-2-doc-15-925.html#/overview (дата обращения: 29.10.2025).

ного периода сохранять сложившийся к моменту вхождения в состав империи уклад жизни ее населения. Именным указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г.[136] Таврическая область была упразднена. Позднее, в ходе общеимперской административной реформы Александра I, воссоздана в форме Таврической губернии[137].

Конструктивный опыт Таврической области послужил основой для формирования в XIX в. института областей, как специальных административно-территориальных единиц[138], создававшихся для администрирования регионов, нуждавшихся в особых управленческих подходах: вновь присоединяемых, этнически неоднородных с преобладанием коренного населения, что, во избежание волнений, требовало осторожности в проведении интеграционной политики государства. В качестве современной параллели может быть приведено создание Крымского федерального округа, существовавшего с 2014 по 2016 г., в числе ключевых задач которого была адаптация законодательства Республики Крым, имевшего на момент присоединения к Российской Федерации основу, характерную для унитарного государства, к правовой системе, опирающейся на принципы федерализма[139].

В течение XIX в. Таврическая губерния развивалась в общем контуре функционирования государства с акцентом на продолжение процессов интеграции в правовую систему Российской империи. В целом рассматриваемое столетие может быть охарактеризовано как период реформ, центральное место в понимании смысла которых отводится попыткам законодателя найти баланс в распределении полномочий между центральными органами исполнительной власти и органами регионального управления[140]. Итогом проводимых в Российской империи преобразований стало создание единой системы органов власти, составляющих строгую исполнительную вертикаль, иерархически возглавляемую императором[141].

---

136 Указ Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении Государства на губернии» // СПС «Гарант» : сайт. URL: https://base.garant.ru/55003385/ (дата обращения: 09.10.2025).

137 См.: *Кравчук А. С.* Из истории государственного строительства в Крыму: таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и Время. 2014. № 3 (17). С. 189. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-gosudarstvennogo-stroitelstva-v-krymu-tavricheskaya-guberniya-v-svoi-pervye-desyatiletiya (дата обращения: 01.11.2025).

138 См.: *Кошман В. А.* Создание и становление системы государственных учреждений Таврической области (1784–1796): автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 12–13.

139 См.: *Кошман В. А.* Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь.: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 180.

140 См.: *Малкин И. Н.* Организация и полномочия органов регионального управления в Российской Империи в XIX – начале XX вв. // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 43-1. С. 42.

141 См.: *Дахина А. А.* Система органов власти и управления в Российской империи XIX – начала XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 166.

Период Союза ССР характеризуется централизацией государственной власти, ее концентрацией в союзных органах, управомоченных на решение любых вопросов, отнесенных ими к числу имеющих общесоюзное значение. Приведенный подход послужил предпосылкой к тому, что федеративное по форме территориального устройства государство оказалось унитарным по способу организации власти, что существенно сужало объем прав и свобод, предоставленных регионам, включая Крымскую АССР, входившую в состав РСФСР (1921–1954 гг.), позднее – Крымскую область в составе УССР (1954–1991 гг.).

Действующее российское законодательство формируется с учетом исторических предпосылок и требований времени. Оно предусматривает, что основу современного регионального управления составляет устойчивая вертикаль центральной власти, опирающаяся на разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными государственными органами и органами субъекта федерации. Ключевым инструментом законодателя, одной из национальных целей развития РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., установленных Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309[142] (далее – Указ Президента № 309), является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, имеющая следующие правовые очертания.

Указом Президента № 309 вводится принципиально новая «модель управления на основе данных» (подп. а п. 8). Формулировка термина имеет широкое толкование, может быть охарактеризована как относительно новое видение процессов дальнейшего развития государственного администрирования. В первую очередь отметим применение законодателем категории «модель», предполагающей наличие определенной структуры, складывающейся из совокупности элементов. С точки зрения юридической техники под «моделью» может пониматься форма унификации, типологизации процессов, находящих отражение в праве в форме документа либо правопредписания (например, модельный закон[143], модельный устав муниципального образования[144]), что позволяет говорить о рассматриваемом управленческом решении как об универсальном инструменте, единообразно применяемом на всей территории государства. Подход, безусловно, заслуживает поддержки, поскольку подчеркивает равенство всех субъектов федерации между собой. Вместе с тем в редакции Указа Президента № 309 он не предполагает учета специфики регионов, отличающихся между собой по уровню технического развития, экономическим показателям, степени готовности населения к пере-

---

142 Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

143 См.: *Малышева И. В.* Модельный закон как средство унификации систем законодательства субъектов Российской Федерации // Теория и практика социо-гуманитарных наук. 2021. № 3 (15). С. 109–114.

144 См.: *Карева И. А.* Типовой устав муниципального образования как средство юридической техники // Legal Concept. 2021. № 3. С. 97.

ходу на электронный формат получения государственных услуг. Кроме того, подход не отражает динамику развития каждого отдельно взятого региона с течением времени. Например, по состоянию на 2021 г. цифровая сфера Республики Крым характеризовалась недостаточным уровнем развития ИТ-инфраструктуры, нехваткой квалифицированных кадров, неготовностью граждан к внедрению информационных технологий[145], что могло быть объяснено относительно низким уровнем владения цифровыми навыками у 55% населения[146]. К настоящему моменту в рассматриваемой сфере наблюдается положительная динамика: по показателям за период с 1 января 2025 г. по 30 сентября 2025 г. Республика Крым заняла 31-е место в рейтинге субъектов РФ по внедрению Платформы обратной связи[147]. Изложенное свидетельствует о целесообразности дифференцированного подхода к каждому субъекту Федерации, исходя из анализа текущего уровня его цифровизации, являющегося обоснованием мер поддержки со стороны федерального центра, объема финансирования, подлежащих корректировке с учетом динамики развития региона. Считаем целесообразным внести указанное положение в правовое поле, дополнив абз. 9 п. 7.1 Единого плана по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036[148] г. после слов «в том числе на территориях субъектов РФ» фразой «с учетом их технологического оснащения и динамики развития». Предлагаемая формулировка видится оправданной и апробированной в исторической ретроспективе: она опирается на характерный для Российской империи индивидуальный подход к регулированию отдаленных или имеющих особенности территорий, учитывает опыт Советского Союза, заключающийся в стремлении к централизованному единообразию, и его последствия.

Основу анализируемой модели составляют «данные». Понимание того, о каких данных идет речь, строится на исследовании положений законодательных актов, в совокупности составляющих нормативную основу рассма-

---

145 Постановление Совета министров Республики Крым от 30 декабря 2022 г. № 1318 «О внесении изменений в постановление Совета министров Республики Крым от 20 августа 2021 года № 487». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/respublika-kryim.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

146 Индикаторы цифровой экономики: 2022 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. С. 306. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

147 Рейтинг субъектов Российской Федерации по внедрению Платформы обратной связи за период 1 января 2025 г. – 30 сентября 2025 г. URL: https://adm.digital.gov.ru/app/uploads/2025/10/71ad52_rejting-subektov-rossijskoj-federaczii-po-vnedreniyu-platformy-obratnoj-svyazi-za-iii-kvartal-2025-goda.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

148 Единый план по достижению национальных целей развития РФ до 2030 г. и на перспективу до 2036, утв. резолюцией Председателя Правительства РФ 30 декабря 2024 г. № ММ-П13-47086. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411156963/#review (дата обращения: 11.11.2025).

триваемых преобразований. В частности, мы делаем вывод о том, что идея законодателя предполагает анализ персональных данных[149], иных данных, поступающих из различных источников информации в большом объеме, обработать который вручную в течение разумного промежутка времени не представляется возможным[150]. В документации Национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» отмечается, что речь идет о 500 наборах данных для использования в различных сферах и отраслях[151]. Изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что, с одной стороны, предлагаемый подход является универсальным, позволяет в любой момент включать в сферу цифровой трансформации любую область государственного управления. С другой стороны, отсутствие конкретики в рассматриваемом вопросе может создавать предпосылки для формирования недоверия со стороны граждан и организаций, что в результате может негативно сказываться на скорости интеграции нововведений.

Наряду с данными, важным структурным элементом, без которого изучаемая модель не сможет существовать в предлагаемом формате, является искусственный интеллект. О значимости отмеченной технологии свидетельствует обозначение в числе задач цифровой трансформации обучения работников органов государственной власти с целью формирования у них компетенций «управления данными для искусственного интеллекта»[152]. Нам видится, что в представленной редакции относительно человеческого, «ручного» труда искусственный интеллект ставится в приоритетную позицию, работникам государственных органов отводится второстепенная, вспомогательная роль. В связи с этим полагаем важным подчеркнуть на законодательном уровне ведущую роль человека в принятии управленческих решений. В отмеченную формулировку, имеющую дискуссионный характер, предлагается внести изменения и изложить ее в следующей редакции: «в целях формирования у них компетенций управления данными для организации работы искусственного интеллекта…».

Вывод из сказанного сводится к тому, что современные подходы к государственно-территориальному управлению опираются на опыт законотворчества предыдущих столетий. В настоящее время в РФ укореняется новая модель

---

149 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

150 Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017 г. № 20. Ст. 2901.

151 Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: http://static.government.ru/media/files/Mfmc7JI8A90E7KVfowedDeshpshSGNYt.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

152 Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». URL: https://docs.cntd.ru/document/1305259154 (дата обращения: 10.11.2025).

реализации государственных функций, основанная на применении цифровых технологий. Модель, несмотря на совершенно новый принцип функционирования, позволяет сохранить централизованный подход к управлению, характерную для России устойчивую вертикаль власти, опирающуюся при этом на автоматизированный анализ большого объема данных, позволяющий учитывать специфику каждого отдельно взятого региона.

Список использованной литературы

1. *Дахина, А. А.* Система органов власти и управления в Российской империи XIX – начала XX вв. / А. А. Дахина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 11. – С. 164–166.
2. Индикаторы цифровой экономики: 2022 : статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2023. 332 с. – URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/780810055.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
3. *Карева, И. А.* Типовой устав муниципального образования как средство юридической техники / И. А. Карева // Legal Concept. – 2021. – № 3. – С. 94–99.
4. *Кошман, В. А.* Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796) / В. А. Кошман. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – 238 с.
5. *Кошман, В. А.* Создание и становление системы государственных учреждений Таврической области (1784–1796) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кошман Владимир Алексеевич. – Москва, 2018. – 36 с.
6. *Кравчук, А. С.* Из истории государственного строительства в Крыму: таврическая губерния в свои первые десятилетия / А. С. Кравчук // Пространство и Время. – 2014. – № 3 (17). – С. 189–197. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-gosudarstvennogo-stroitelstva-v-krymu-tavricheskaya-guberniya-v-svoi-pervye-desyatiletiya (дата обращения: 01.11.2025).
7. *Малкин, И. Н.* Организация и полномочия органов регионального управления в Российской Империи в XIX – начале XX вв / И. Н. Малкин // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 43–1. – С. 41–44.
8. *Малышева, И. В.* Модельный закон как средство унификации систем законодательства субъектов Российской Федерации / И. В Малышева // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 3 (15). – С. 109–114.
9. *Михальчук, Ю. М.* К вопросу о правах на землю в Крыму в конце XVIII в. / Ю. М. Михальчук // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2007. – № 2. – С. 117–120.
10. *Почекаев, Р. Ю.* Право Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев; ред. И. М. Миргалеев. – Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. – 260 с.

АНАЛИЗ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Кирилл Иванович Васильев
студент 3-го курса Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
kirillvasiljev1222@gmail.com

Аннотация. Анализ судебного процесса в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» сохраняет свою научную и практическую значимость в современных условиях по нескольким причинам. Так, например роман представляет собой уникальный историко-правовой документ, детально фиксирующий особенности российской судебной системы периода судебной реформы 1864 г. Описание процедуры следствия и судебного разбирательства позволяет проследить становление принципов состязательности, гласности и независимости суда, которые остаются фундаментальными для современного правосудия. Также изучение литературного произведения как источника знаний о праве способствует формированию правовой культуры и развитию критического мышления у будущих юристов. Анализ художественного текста позволяет увидеть право в действии, в его человеческом измерении, что особенно ценно для учебного процесса.

Ключевые слова: уголовное право в литературе; анализ произведения; судебная система конца XIX в.; Карамазов; «Братья Карамазовы»; сравнение с настоящим законодательством; Уголовно-процессуальный кодекс.

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» представляет собой уникальный материал для исследования особенностей российской судебной системы конца XIX в. Детальный анализ описания следствия и суда над Дмитрием Карамазовым позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны уголовного процесса того времени, а также сравнить с современными принципами правосудия, закрепленными в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации[153].

---

[153] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 (далее – УПК РФ).

Начальная стадия расследования убийства Федора Павловича Карамазова была проведена с существенными процессуальными нарушениями, которые противоречат современным стандартам доказывания, установленным ст. 75 УПК РФ. Место преступления не было должным образом ограждено, что привело к неконтролируемому доступу посторонних лиц. Как было написано в романе: «Все ходили, смотрели, трогали».

Особого внимания заслуживает работа со свидетельскими показаниями. Допросы проводились без учета психологического состояния свидетелей. Показания слуги Григория, который «был в ту ночь пьян», не были подвергнуты критической оценке, хотя ст. 187 УПК РФ требует учета особенностей личности допрашиваемого.

Судебный процесс над Дмитрием Карамазовым демонстрирует характерные особенности российского правосудия того периода. Речь прокурора Ипполита Кирилловича строилась на психологических предположениях: «Он любил ее, но мог убить из-за денег... Это психология!»

Защитник Фетюкович также избрал эмоциональную стратегию: «Нет, не мог он убить, не мог! Не та душа!» Вместо анализа доказательств он апеллировал к чувствам присяжных, что не соответствует современным стандартам адвокатской деятельности.

Сравнительный анализ с принципами современного правосудия выявляет существенные различия. Сегодня дело было бы возвращено на дополнительное расследование из-за наличия многочисленных процессуальных нарушений; назначены дополнительные экспертизы согласно ст. 283 УПК РФ.

Как отмечал Достоевский устами своего героя: «Главное, не забывать, что все мы люди, и что мы все можем ошибаться». Этот принцип особенно важен в уголовном судопроизводстве, где цена ошибки может быть человеческая жизнь.

Отдельного анализа в «Братьях Карамазовых» требует причинно-следственная связь убийства Карамазова-старшего.

Центральной фигурой в этом деле традиционно считается лакей Смердяков, который в ходе диалога с Иваном Карамазовым признается в совершении преступления. Однако при ближайшем рассмотрении его признание вызывает серьезные сомнения с юридической точки зрения.

Прежде всего, необходимо учитывать психическое состояние обвиняемого. Смердяков страдал эпилепсией, что документально подтверждается его двухдневным пребыванием в больнице после предполагаемого убийства. Из медицинской практики известно, что при эпилептических расстройствах возможны состояния временного помрачения сознания. Это позволяет предположить, что Смердяков мог появиться на месте преступления уже после совершения убийства, но в помутненном состоянии сознания воспринять это как собственное деяние.

Кроме того, существуют серьезные противоречия в вещественных доказательствах. Сам Смердяков утверждал, что использовал для убийства тяжелое пресс-папье, тогда как в материалах дела фигурирует пестик. С крими-

налистической точки зрения полное удаление следов крови с металлического пресс-папье представляется маловероятным даже при использовании средств того времени.

Если же убийство действительно было совершено пестиком, это полностью опровергает показания Смердякова и ставит под сомнение его причастность к преступлению.

Возникает закономерный вопрос: кто же тогда является истинным виновником? Проанализируем возможных подозреваемых.

Дмитрий Карамазов, безусловно, имел мотив: ему были необходимы три тысячи рублей для погашения долга. Однако хронология событий, представленная в материалах дела, предоставляет ему определенное алиби.

Нельзя исключать и заинтересованность других братьев. Иван Карамазов, чей отъезд в Чермашню не имеет должного документального подтверждения, теоретически мог присутствовать на месте преступления. Его философские воззрения, изложенные в беседах со Смердяковым, могли послужить идеологической основой для преступления. Однако его последующие действия: активное участие в расследовании, многочисленные встречи со свидетелями – свидетельствуют, скорее, о его непричастности.

Что касается Алеши Карамазова, то хотя теоретически он мог быть заинтересован в получении наследства для благотворительных целей, эта версия не находит подтверждения в материалах дела. Его поведение после убийства объясняется скорее духовными исканиями, нежели корыстными мотивами.

Таким образом, установление истинного виновника невозможно в силу отсутствия неопровержимых доказательств против любого из фигурантов, а первоначальная версия о виновности Смердякова не выдерживает критики из-за несоответствия в описании орудия преступления и его психической невменяемости.

Литературное произведение «Братья Карамазовы» остается актуальным источником для рефлексии над вечными вопросами права и справедливости, предлагая богатый материал для философско-правовых размышлений и методологических поисков в области теории и практики правосудия и расследования.

Список использованной литературы

Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. – Ленинград : Наука, 1991. – Т. 9–10. – 402 с.

ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ И ФАКТОР ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Полина Алексеевна Грошикова
студентка 3-го курса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
polinatrubetskayyaaa@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена ростом угрозы терроризма и экстремизма, принимающих новые формы в условиях цифровой среды и вовлекающих молодежь в противоправную деятельность. Цель работы – выявить значение патриотизма как ценностного и правового механизма противодействия деструктивным идеологиям. В исследовании проанализированы историко-правовые аспекты терроризма и экстремизма, нормативные правовые акты России и международные документы, а также психологические и социокультурные факторы радикализации молодежи. В результате выводом стало то, что патриотизм, основанный на праве, гуманизме и гражданской ответственности, формирует ценностный иммунитет общества, снижает риск вовлечения граждан в радикальные движения и выступает стратегическим ресурсом обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: терроризм; идеология экстремизма; патриотизм и правовое сознание; общество; безопасность.

Идеология терроризма и экстремизма представляет собой одну из наиболее опасных форм деструктивного общественного сознания, подрывающих основы безопасности личности, государства и общества. Эти явления не являются новыми: их исторические корни уходят в периоды политических кризисов и общественных потрясений. Уже в XIX в. в России действовали радикальные организации, использовавшие насилие как средство политического давления, например, «Народная воля». Следовательно, терроризм и экстремизм – не просто современные угрозы, а социальные феномены, сопровождающие кризисные этапы истории.

В современном мире терроризм определяется как идеология насилия и практика устрашения населения для воздействия на органы государственной власти[154]. Экстремизм, в свою очередь, отражает идеологическую нетерпимость, оправдывающую насилие как средство борьбы. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» закрепляет широкий перечень форм экстремизма – от попыток насильственного изменения конституционного строя до пропаганды национального превосходства[155]. Международное право квалифицирует терроризм как глобальную угрозу, требующую не только уголовного, но и культурно-просветительского противодействия[156].

Историко-правовой анализ позволяет утверждать, что экстремизм – это идеологическая стадия, а терроризм – практическая форма проявления насильственного радикализма. Особое внимание сегодня уделяется вовлечению молодежи в экстремистскую деятельность. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, до 80 % участников группировок экстремистской направленности составляют молодые люди в возрасте от 14 до 20 лет[157]. Основными причинами становятся социальная неустойчивость, психологическая уязвимость и влияние деструктивного интернет-контента.

В условиях цифровизации проблема приобретает новые черты: анонимные чаты, видеоплатформы и игровые сообщества становятся площадками вербовки. Так называемый цифровой экстремизм угрожает молодежи, не обладающей сформированной гражданской идентичностью. По мнению Е. С. Палеха и Р. О. Галиевой, вовлечение учащейся молодежи в противоправную деятельность во многом объясняется «травматогенным детством» и отсутствием защиты от негативных информационных потоков[158].

В этом контексте особое значение приобретает патриотизм как ценностный и правовой феномен. Исторически понятие «патриот» появилось в России в XVIII в., однако идея любви к Родине укоренилась гораздо раньше – в традициях древнерусской литературы, например, в «Слове о полку Игореве»[159].

---

154 Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» // Российская газета. 2006. 10 марта. № 48.

155 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2002. 30 июля. № 138–139.

156 Резолюция 1373 (2001), принята Советом Безопасности на его 4385-м заседании, 28 сентября 2001 года. Москва : ИНФРА-М, 2003. С. 17–21. (Высшее образование). ISBN 5-16-001527-2.

157 См.: Статистические данные Санкт-Петербурга // Администрация Санкт-Петербурга : сайт. URL: https://www.gov.spb.ru/law/ (дата обращения: 24.09.2025).

158 *Галиева Р. О., Палеха Е. С.* Предпосылки радикализации и вовлечения учащейся молодежи в деятельность террористических организаций // Казанский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 108–113.

159 Слово о полку Игореве (Древнерусский текст) / пер. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова // Древнерусская литература. Москва, 2002. С. 131–144. (Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах). ISBN 5-7107-6553-8.

Со временем патриотизм стал осмысляться не только как эмоциональная привязанность, но и как правовая категория, выражающая ответственность гражданина за судьбу государства.

Подлинный патриотизм исключает агрессию и национальную исключительность, так как истинная любовь к Родине не может строиться на ненависти к «чужим».

Правовой патриотизм – концепция, объединяющая моральную и юридическую ответственность гражданина. Он проявляется в уважении к закону, государственным символам и общественному порядку. Именно такая форма укрепляет правовую культуру и противостоит экстремизму.

История России подтверждает прямую зависимость между снижением уровня патриотизма и ростом деструктивных тенденций. В 1990-е гг., на фоне ослабления духовных ориентиров, в стране участились террористические акты – в Буденновске (1995), в Москве (1999). Эти события показали, что утрата ценностных ориентиров ведет к социальной фрагментации.

Сегодня патриотическое воспитание рассматривается как элемент национальной безопасности. Президент Российской Федерации В. В. Путин в 2024 г. подчеркнул, что терроризм остается одной из главных угроз XXI века[160].

Медиапространство играет ключевую роль: в цифровую эпоху необходимо проактивно продвигать патриотические ценности онлайн, создавая контент-альтернативу экстремистской пропаганде.

Развитие волонтерских инициатив и вовлечение молодежи в социальные проекты формируют гражданскую идентичность и ответственность.

Следует создавать релевантные для молодежи символы патриотизма (фестивали, арт-проекты), трансформируя его восприятие на динамично-современное.

Важно позиционировать Россию как страну возможностей в науке, технологиях, культуре и образовании, транслируя молодежи перспективные сценарии развития.

Российский патриотизм не должен ограничиваться внутригосударственным контекстом. Россия обладает потенциалом для позиционирования себя как носителя уникального гуманитарного и культурного опыта, включая многоконфессиональное сосуществование и миротворческие инициативы.

В многонациональном обществе фундаментом патриотизма должно служить уважение к культурному многообразию и солидарная ответственность. Такой подход нивелирует предпосылки для развития радикальных идеологий, стремящихся к общественному расколу.

Ключевым выводом является необходимость диалога с молодым поколением на понятном ему языке, адаптации патриотического воспитания к актуальным социально-культурным реалиям.

---

[160] Первый канал. Новости : сайт. URL: https://1tv-ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2024-04-24/475493-v_putin_terrorizm_ostaetsya_odnoy_iz_samyh_serieznyh_ugroz_hhi_veka (дата обращения: 25.09.2025).

Список использованной литературы

1. *Галиева, Р. О.* Предпосылки радикализации и вовлечения учащейся молодежи в деятельность террористических организаций / Р. О. Галиева, Е. С. Палеха // Казанский педагогический журнал. – 2019. – № 3. – С. 108–113.
2. Слово о полку Игореве (Древнерусский текст) / пер. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова // Древнерусская литература. – Москва, 2002. – С. 131–144. (Библиотека отечественной классической художественной литературы в 100 томах). – ISBN 5-7107-6553-8.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ МУСЫ БИГИЕВА ОБ АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ВЛИЯНИИ НА ИСЛАМСКИЙ МИР

Динар Рафаилович Зайнутдинов
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева; профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), г. Казань, Россия
knight_1988@mail.ru

Аннотация. В процессе вестернизации исламских стран в начале XX в. произошла интеграция ряда элементов английского права в исламский правовой базис, что привело к появлению новых смешанных правовых семей (англо-индийское, англо-магометанское). Свидетелем этих процессов стал татарский правовед Муса Бигиев, побывавший в тот период во многих государствах Востока. Целью работы является анализ воззрений М. Бигиева на процесс английского политико-правового влияния на страны исламского мира. В результате своих наблюдений М. Бигиев пришел к выводу, что британский империализм отчасти способствовал возрождению исламского права, что было выражено в новом осмыслении его источников.

Ключевые слова: английское право; исламское право; колониализм; Муса Бигиев; Британская Индия.

Мировой юридической науке известны четыре правовых семьи: романо-германская, англо-американская, религиозная, традиционная. Каждая из них имеет свои ответвления. Например, для романо-германской таковыми являются скандинавское право, российское право и другие; для англо-американской правовой семьи – это английское, американское, австралийское и т.д.

Среди существующих в мире правовых семей старейшей, после традиционного права, является религиозная семья. К ней относятся иудейское, каноническое, индуистское и исламское право. Например, история иудейского права – галахи – насчитывает более трех тысячелетий, и истоки его сродни другим правовым системам Древнего Востока (Аккада, Шумера, Вавилона).

Самой юной ветвью в религиозной правовой семье стало исламское право. В то же время оно является самой развитой правовой системой среди всех вышеуказанных. Исламское право ушло далеко вперед и от иудейского, и от индуистского, и от канонического права в вопросах выработки теории и практики. В вопросах регулирования частноправовой сферы оно сравнимо разве что с нормами частного римского права.

Подчеркнем, что ни одна правовая система не развивается замкнуто. Не является исключением и исламское право. В историческом пространстве серьезное влияние на него оказали как родственная система иудейского права, так и светские – романо-германское и англо-американское. Этот аспект подчеркивал Муса Бигиев, в частности, указывая, что «иудеи оказывали на исламский мир серьезное влияние»[161]. Он отмечал и то, что «Благородный Коран всегда придавал особо важное значение иудейской Торе, иудейскому закону, их природе и истории»[162].

Западные правовые системы также сыграли свою роль в эволюции исламского права. Так, С. О. Мавед пишет: «Существует определенное различие между Индийским субконтинентом, где шариатское право было заменено и были ограничены сферы его действия правом английского образца; и Ближним Востоком, где шариат подвергался постоянной кодификации в соответствии с духом арабской юриспруденции, но испытал влияние Франции, с реформами, способствующими установлению шариатских принципов»[163]. Влияние западных правовых систем на исламское право, безусловно, существенно. Результатами такого влияния стали ныне действующие правовые системы стран с подавляющим числом мусульманского населения. Один из крупных специалистов в области исламского права Л. Р. Сюкияйнен указывает следующее: «Как в прошлом, так и в наши дни исламское право вполне успешно взаимодействует с двумя основными европейскими моделями – континентальным и общим (прецедентным) правом. Знаменательно, что эти правовые системы строятся по разным критериям и с трудом сочетаются друг с другом на уровне правовых институтов. Исламское же право вполне успешно взаимодействовало в средние века с ними обеими»[164]. Это взаимодействие осуществлялось на протяжении каждой исторической эпохи, что обусловило формирование

---

161 Воззвание к мусульманским нациям о религиозных, моральных, социальных и политических проблемах и действиях // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2 / сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. С. 119–120.

162 Там же. С. 118.

163 *Мавед С. О.* Генезис мусульманского права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2 (14). С. 189.

164 *Сюкияйнен Л. Р.* Исламское право: понятие, соотношение с шариатом и фикхом, место в современных правовых системах, взаимодействие с европейской правовой культурой (ридер) // Казанский (Приволжский) федеральный университет : Офиц. сайт. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1979005079/Rider_2016_L.R..Sjukiyajnen.pdf (дата обращения: 14.10.2025).

уникального и неповторимого характера исламского права. Со временем оно также придало определенную устойчивость его нормам к нежелательным изменениям.

В значительной степени исламское право контактировало с правом английским. Из целого ряда западных правовых моделей лишь английское право смогло максимально близко приблизиться к пониманию природы религиозной правовой семьи, которая была создана на основании норм священных писаний. Это утверждение вовсе не безосновательно. О данном факте, например, говорит В. К. Самигуллин[165]. Поскольку исламское право в первые века ислама развивалось на основе судебного прецедента, то это также роднит его с англосаксонским правом[166]. Отсюда и появление такого интересного юридического симбиоза – «англо-исламское право», которое также имело свои подвиды. Его появление было обусловлено историческими контактами мусульманского населения Азии с англичанами и другими подданными Британской империи.

Основными направлениями английской колонизационной политики на протяжении начала XIX – середины XX в. являлись Индия, Пакистан, Афганистан и Египет. А. Х. Саидов пишет: «В регионах, непосредственно контролируемых колониальными властями, развитие мусульманского права шло иным путем. Там по-прежнему считалось, что споры между мусульманами должны разрешаться на основе норм мусульманского права. Однако в Британской Индии, например, решение выносили судьи, являвшиеся по рождению или образованию британцами, а последней инстанцией в спорах были судьи Тайного совета в Лондоне. Таким образом, со временем мусульманское право так много заимствовало из общего права, что даже появилась возможность говорить об "англо-магометанском праве". Это обусловливалось тем, что всякий раз, когда судьи считали правила шариата неполными, туманными, устаревшими или не соответствующими "справедливости, равенству и чистой совести", они обращались к более знакомым принципам и концепциям английского общего права»[167].

Результатом взаимодействия в Индии исламского и английского права стало издание Акта о шариате 1937 г. «Данный светский акт обобщал и систематизировал нормы шариата, придавая им дополнение к религиозной санкции обеспеченность силой государственного принуждения Британской империи. Двояко можно оценивать данный акт и с точки зрения ислама. С одной стороны, светское законодательство, тем более неисламской страны, не может претендовать на определение обязательности или необязательности предписаний шариата. С другой стороны, с этого момента в Индии стало возможно

---

165 См.: *Самигуллин В. К.* Восточная правовая традиция. Уфа: ООО «ПрофиПлюс», 2015. С. 80–81.

166 См.: Основы теории и истории исламского права / под общ. ред. И. Ю. Козлихина, И. А. Васильева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2018. С. 25.

167 *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. М. : Юристъ, 2003. С. 304.

утверждать, что даже светское законодательство неисламского государства признает отдельные нормы шариата»[168].

Английское право оставило свой яркий след не только в Британской Индии, но и в некоторых других исламских государствах. Например, оно наложило заметный отпечаток на правовую систему Йемена посредством создания специфичной судебной власти. Это стало возможным после образования Англией в 1886 г. Аденского протектората. Так, в городе Аден была введена особая система гражданского законодательства, которая ставилась в зависимость от решений верховного правителя (комиссара). Система эта получила название «англо-мухаммеданское право», на основе которой работали все суды и адвокаты[169].

Сходство исламского права с английской правовой системой во многом относится к сфере их источников. А это прежде всего правовая доктрина, судебный прецедент и разум.

Например, разум (акл) – это особый источник права в ряде правовых систем. Таковым он является в английском и исламском праве. В целом, в отличие от английского права, иерархия источников в исламском праве имеет более выраженный характер. Однако в отношении разума обе системы склоняются к тому, что разум – это в большей степени неосязаемый источник, который сложно встроить в иерархическую лестницу источников. Осмыслению разума в качестве всепронизывающего источника права Муса Бигиев посвятил свою одну из важнейших работ, написанную в 1912 г., – «Почему цивилизованный мир прогрессировал, а мир Ислама пришел в упадок?»[170]. В этой работе даны главные ответы на вопрос о должном месте разума в мусульманском мире, а также о его значении в развитии исламской правовой системы стран Востока.

Если сказать, что Муса Бигиев придавал разуму огромную роль в развитии исламского права, значит ничего не сказать. В его воззрениях человеческий разум выступал фундаментом всего правотворчества в мусульманском мире. М. Бигиев считал необходимым, чтобы факихи в намного большей степени в своих трудах уделяли внимание разуму. В этом контексте может показаться, что татарский ученый выступал за интеграцию акл в иерархическую систему исламского права. Возможно, это и так. Но тогда его правовые воззрения сближаются с взглядами шиитских юристов. Однако сам ученый открыто об этом не говорил. Можно сказать лишь то, что М. Бигиев был принципиаль-

---

168 Основы теории и истории исламского права / под общ. ред. И. Ю. Козлихина, И. А. Васильева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 57.

169 См.: *Аль-Раухани А.* Эволюция традиционных форм институтов власти в Йемене // Азия и Африка сегодня. 2007. № 9 (602). С. 53.

170 Почему цивилизованный мир прогрессировал, а мир Ислама пришел в упадок? // Бигиев М. Д. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / ЦДО ДУМ РФ, Моск. Ислам. ин-т, Санкт-Петербург гос. Ун-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. М. : Медина, 2022. С. 63–70.

ным сторонником увеличения общей роли акл в системе источников исламского права. Он вполне обоснованно полагал, что акл способен укрепить всю систему источников.

Любой, кто знаком с трудами Мусы Бигиева, с полной уверенностью скажет, что ученый не испытал особой любви к английской колониальной политике. Он был прямо ей враждебен. Однако к научным достижениям английских ученых он относился с должной степенью уважения. Например, татарский правовед писал: «В прошлом Британия являлась миром дикости, а сегодня она превратилась в центр культуры, политики и мудрости»[171]. Также объективно он оценивал и развитие английского права. Тот вклад, который сделали английские философы, политики и юристы в мировую копилку прав и свобод человека, М. Бигиев никогда не отрицал.

Первоначально немалые надежды в реформировании исламского права М. Бигиев возлагал на революционное правительство Турции. Здесь примечательно то, что он сравнивал будущее развитие Турции с тем национальным и религиозным путем, который прошла в свое время Англия, руководствуясь высшими идеалами свободы и индивидуализма. Здесь можно дать слово самому ученому: «Старое правительство... доктрины ислама не поняло, поэтому на таких благородных, богатых землях природы, как Турция, самые благородные нации, как арабы и турки, превратились в самые бедные, в самые невежественные народности, и все мусульманские государства подпали под чужую власть, но новое Революционное Правительство Турции, пожалуй, поймет эти стороны политики ислама. Оно, наверное, воскресит турецкую культуру. Наверное, тюркская нация достигнет высшей идеи, как англичане, но только в другой форме, с другой моралью, подходящей к инструкциям ислама»[172].

Светские правовые системы (французскую, германскую, английскую) Муса Бигиев считал динамично развивающимися, тогда как исламское право не просто не развивалось, а вовсе выходило из обращения[173]. Его нужно было оживить с учетом опыта западных стран. В этом отношении английская государственно-правовая модель, пожалуй, подходила лучшим образом. Стоит вспомнить независимое формирование английского права, в отрыве от римского правового базиса, а также появление англиканства – как особого течения религиозной мысли в эпоху реформации.

В период пребывания за границей в 1927 г. Муса Бигиев в своем дневнике кратко затронул административную реформу, проводимую в Британской

---

171 Будущее ислама // Бигиев М. Д. Некоторые актуальные проблемы нашего общества / ЦДО ДУМ РФ, Моск. Ислам. ин-т, Санкт-Петербург гос. ун-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. М. : Медина, 2022. С. 121.

172 Обращение к Великому Турецкому Национальному Собранию // Бигиев М. Д. Избранные труды : в 2 т. Т. 2 / сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. С. 24.

173 Мой взгляд на исламский шариат // Бигиев М. Д. Избранные труды / сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. С. 331.

Индии во второй половине 1920-х гг. Эта реформа прежде всего коснулась Основного закона об управления Индией («Реформа Монтегю-Челмсфорда»), принятого английским парламентом в 1919 г. в условиях усиления национально-освободительного движения. «В рамках административной реформы весной 1927 г. англо-индийское правительство инициировало обсуждение проектов разделения административных и судебных функций, в котором участвовал ряд провинциальных правительств. При этом британские власти в очередной раз подчеркивали свое стремление к расширению сферы местного самоуправления и дальнейшей децентрализации административной системы в целом»[174]. Этой реформе М. Бигиев дал свой комментарий: «Если комиссия по надзору за реформой Основного закона останется в своей существующей форме, то есть до тех пор, пока одна половина ее не будет представлена англичанами, а другая половина – индусами, исламская организация не будет оказывать ей содействие»[175]. Это показывает, что М. Бигиев был хорошо осведомлен с ходом реформы 1927 г., а также с очередным витком трансформации англо-индийского права. Данный процесс он оценивал в большей степени положительно, так как возрождалось национально-религиозное право Индии, его две части – индуистское и исламское.

В своих дневниковых записях Муса Бигиев проанализировал и влияние Англии в формировании государственной системы арабских стран – Королевства Хиджаза (1916–1925 гг.), Султаната Неджда (1921–1926 гг.) и их объединения (1926–1932 гг.). В ходе этого процесса свою роль сыграло английское право. Здесь ученый отмечал: «Все, что только есть в Хиджазе и Неджде, сегодня находится в руках англичан. Абсолютно все функционирует так, как выгодно англичанам. Импорт и экспорт – все осуществляется их руками и за счет их капиталов»[176]. Британское правительство приложило немало усилий в деле объединения арабских государств и полусуверенных территорий в единое государство, которое в будущем станет Саудовской Аравией.

Процесс арабского объединения Муса Бигиев исследовал с позиции противопоставления двух сил на Востоке – Англии и Турции. В этом контексте он подчеркивал: «Сегодня английская политика нацелена на привязку объединенного арабского единства посредством Двух святынь к Индии и, в свою очередь, привязку Индии к мечети ал-Харам. Так они стремятся уравновесить весь мир ислама по аналогии с большевизмом. Либо арабских эмиров объединят англичане, либо арабские вожди объединятся сами. И английская политика, которая внутри противопоставляет друг другу арабских эмиров под предлогом освобождения от власти Турции, вполне способна на внеш-

---

174 *Сагимбаев А. В.* Проблема реализации реформы Монтэгю-Челмсфорда в Индии в британской политической дискуссии 1920-х гг. // Уральское востоковедение. 2019. № 9. С. 56.

175 *Хайрутдинов А. Г.* Мусульманский Восток 20-х годов XX века в дневниках Мусы Бигеева // Minbar. Islamic Studies. 2018. № 11(2). С. 220.

176 *Хайрутдинов А. Г.* Мусульманский Восток 20-х годов XX века в дневниках Мусы Бигеева // Minbar. Islamic Studies. 2018. № 11(2). С. 220.

ней арене провозгласить лозунг арабского единства»[177]. Однако нужно учитывать то, что в правовом плане революционные идеи Турции вообще воспринимались арабскими шейхами враждебно. Во многом на их стороне был и Муса Бигиев.

Критика М. Бигиева в отношении Англии, высказываемая им на протяжении десятилетий на страницах различных периодических изданий, явно не устраивала английскую администрацию. В результате этого в 1939 г. он смог «поближе» познакомиться с английским уголовным законодательством, проведя в тюрьме шесть месяцев. А в целом он вынужден был находиться в Британской Индии до 1947 г. (по информации Ю. Уралгирея)[178]. «Тем не менее все эти негативные обстоятельства не смогли прервать его научных исследований. Более того, этот период, вероятно, стал в его жизни наиболее плодотворным. Находясь в вынужденном заточении, он написал восемь трактатов, касающихся различных проблем мусульманского богословия и фикха»[179] (хотя последние исследования А. Г. Хайрутдинова сообщают о десяти трактатах)[180]. В этот период времени Муса Бигиев смог изучить и основные источники английского права (судебный прецедент и правовую доктрину), а также его влияние на религиозную правовую семью.

Подытоживая, хочется заметить, что Муса Бигиев был хорошим знатоком теории английского права и его практического воплощения в колониальном спектре. С одной стороны, он резко критиковал английскую империалистическую политику. С другой стороны, татарский ученый не мог не отметить, что именно усиление британского империализма способствовало возрождению исламского права. Это возрождение началось через новое осмысление его источников, в том числе и через разум. Более чем семилетнее пребывание в Британской Индии стало достаточным для Мусы Бигиева временем, чтобы дать внутреннюю оценку той роли, которую сыграло английское право в базисе права исламского.

Список использованной литературы

1. *Аль-Раухани, А.* Эволюция традиционных форм институтов власти в Йемене / А. Аль-Раухани // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 9 (602). – С. 48–54.

---

177 *Хайрутдинов А. Г.* Дневниковые записи Мусы Бигеева // Minbar. Islamic Studies. 2018. № 11(1). С. 24–25.

178 Муса Җаруллаһ Бигиев: фәнни-биографик җыентык / авт.-төз.: Хәйретдинов А. Г. Казан: Җыен, 2022. Б. 370.

179 *Хайрутдинов А. Г.* Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева : монография. Казань: Инст. Ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 55–56.

180 Муса Җаруллаһ Бигиев: фәнни-биографик җыентык / авт.-төз.: Хәйретдинов А. Г. Казан: Җыен, 2022. Б. 435.

2. *Бигиев, М. Д.* Некоторые актуальные проблемы нашего общества / М. Д. Бигиев; ЦДО ДУМ РФ, Моск. Ислам. ин-т, Санкт-Петербург гос. ун-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. с тат.-осман. и примеч. А. Г. Хайрутдинова. – Москва : Медина, 2022. – 168 с.
3. *Бигиев, М. Д.* Избранные труды / М. Д. Бигиев; сост. и пер. с османского яз., введ., сн. и коммент. А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2014. – 398 с.
4. *Бигиев, М. Д.* Избранные труды : в 2 т. Т. 2 / М. Д. Бигиев; сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. – 256 с.
5. *Мавед, С. О.* Генезис мусульманского права / С. О. Мавед // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Серия: Право. – 2013. – № 2 (14). – С. 185–190.
6. Муса Җаруллаһ Бигиев: фәнни-биографик җыентык / авт.-төз.: Хәйретдинов А. Г. – Казан: Җыен, 2022. – 832 б.
7. Основы теории и истории исламского права / под общ. ред. И. Ю. Козлихина, И. А. Васильева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 110 с.
8. *Сагимбаев, А. В.* Проблема реализации реформы Монтэгю-Челмсфорда в Индии в британской политической дискуссии 1920-х гг. / А. В. Сагимбаев // Уральское востоковедение. – 2019. – № 9. – С. 47–63.
9. *Саидов, А. Х.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Саидов; под ред. В. А. Туманова. – Москва : Юристъ, 2003. – 448 с.
10. *Самигуллин, В. К.* Восточная правовая традиция / В. К. Самигуллин. – Уфа : ПрофиПлюс, 2015. – 100 с.
11. *Сюкияйнен, Л. Р.* Исламское право: понятие, соотношение с шариатом и фикхом, место в современных правовых системах, взаимодействие с европейской правовой культурой (ридер) / Л. Р. Сюкияйнен // Казанский (Приволжский) федеральный университет : Офиц. сайт. – URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F1979005079/Rider_2016_L.R..Sjukiyajnen.pdf (дата обращения: 14.10.2025).
12. *Хайрутдинов, А. Г.* Дневниковые записи Мусы Бигеева / А. Г. Хайрутдинов // Minbar. Islamic Studies. – 2018. – № 11(1). – С. 15–28.
13. *Хайрутдинов, А. Г.* Мусульманский Восток 20-х годов XX века в дневниках Мусы Бигеева / А. Г. Хайрутдинов // Minbar. Islamic Studies. – 2018. – № 11 (2). – С. 211–220.
14. *Хайрутдинов, А. Г.* Письменное наследие Мусы Джаруллаха Бигиева : монография / А. Г. Хайрутдинов. – Казань : Инст. Ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 188 с.

ПРАВА ЖЕНЩИН В РОССИИ: СОБСТВЕННОСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК ЗЕРКАЛО ЭПОХИ (ДО НАЧАЛА XX В.)

Кристина Николаевна Коршунова
аспирант 1-го курса Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия
kriskorshunova@vk.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию прав женщин в России с древнерусского периода до распада Российской империи. В ней рассматриваются изменения в правовом статусе женщин, их права на собственность и участие в судебных процессах. Автор анализирует, как социальные, экономические и культурные факторы влияли на положение женщин в разные исторические эпохи. Особое внимание уделяется тому, как право собственности и судебные практики отражали общественные нормы и ценности своего времени. Исследование основано на исторических источниках, законодательных актах и судебных делах, что позволяет глубже понять эволюцию прав женщин и их роль в обществе.

Ключевые слова: правовое положение; история права; собственность женщин; дореволюционная Россия; женские права; имущество; правосудие; социальные нормы; имущественные права; судебная практика.

Вопрос о правах женщин в России с IX по XX столетия привлекал внимание исследователей как в дореволюционную эпоху, так и в советский период. Однако особый всплеск интереса к данной теме возник с развитием гендерных исследований. Права женщин в различные периоды истории нашей страны давно изучаются отечественными и зарубежными исследователями. При оценивании важности роли русских женщин в обществе, политике, а также культуре Древней Руси стоит вспомнить таких известных героинь, как, например, княгиня Ольга, которая стала регентом у своего сына Святослава; дочерей Ярослава Мудрого и множество других женщин, которые оставили неизгладимый след в истории России[181].

---

[181] См.: *Яговец В. В.* Статус женщины в Древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. № 4. С. 144–151.

Значимую роль в изучении правового положения женщин в тот или иной период играют юридические документы, которые показывают нам на своих страницах особенности развития правовой деятельности в стране.

Важным фактором в изучении прав женщин в период с IX по XV в. можно назвать имущество, которым могла владеть женщина, быть субъектом гражданско-правовых сделок. В Русской Правде, которая была написана в период правления Ярослава Мудрого, женскому имуществу определялась особая роль, в своде она именовалась как «часть», помимо приданого, в него могло входить и другое имущество женщины, которым она могла распоряжаться самостоятельно[182].

В то же самое время следует отметить, что женщина в Древней Руси домонгольского периода обладала целым рядом прав. До выхода замуж она могла стать наследницей имущества отца. По нормативным актам XI–XII вв. женщины предстают владелицами и распорядительницами движимого имущества. Также следует упомянуть, что, в отличие от положения женщин в Западной Европе, в Древнерусском государстве женщины играли достаточно важную роль в наследственном праве, это видно опять из Русской Правды, а именно из ст. 106. В этом нормативном пункте фиксируется, что у женщин Древней Руси помимо наследственных прав существовало и особое право, отличающееся от мужского, – возможность самостоятельно определить, кому из детей передать свое имущество. Согласно положениям статьи, преимущество предоставлялось тому ребенку, который оказывал наибольшую заботу маме: «…и даже если сыновья ей не помогут, дочь может получить то, что сама кормила». Позднее данное правило было отражено в Псковской судной грамоте.

После кончины супруга женщины в Древней Руси получали обширные права на имущество. Вдов на Руси глубоко уважали, и они занимали положение полноправных хозяек в своих домах. По сути, после смерти мужа именно они становились главами семьи.

Имущественные права женщин в Древней Руси, особенно среди высших сословий, были весьма значительными по сравнению с возможностями женщин в Западной Европе того времени. Однако не следует считать их абсолютно равными правам мужчин, поскольку женщина в семье находилась под контролем мужа или отца, которые могли нивелировать своими решениями преимущества, гарантированные женщинам древнерусскими законами.

Когда женщина не находилась под чьей-либо мужской властью, например, в случае вдовства, она получала почти равные с мужчинами права собственности. Относительно приданого при первом браке в русских исторических источниках нет точных указаний. Более понятной представляется структура имущества, которым женщина владела после повторного замужества. Это имущество, прежде всего, также является приданым, которым русские женщины обладали правом не только владеть, но и распоряжаться. В противном случае сложно объяснить наличие у женщин самостоятельной собственности в браке.

---

[182] См.: *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. Москва : Мысль, 1989. С.70–85.

В правовых нормах, регулирующих наследование, отражаются как развитие, так и значительные изменения, произошедшие в системе личных и общественных отношений супругов, особенно в положении женщин. Практически все правовые источники, включая Русскую Правду, уделяли этой сфере права особое внимание. Что касается наследования в низших сословиях, Русская Правда предоставляет лишь скудные сведения. После смерти мужа в семье его несовершеннолетние дочери получали содержание, поскольку считалось, что замужние дочери уже получили свою долю в виде приданого или другими способами[183].

Устав князя Владимира, составленный в конце X – начале XI в., доказывает, что женщины в судебных процессах стали еще более самостоятельны и стали полноправными участниками суда. Интересно отметить, что в XIV столетии юридическая правосубъектность была присуща не только женщинам, принадлежащим к высшим слоям общества, но и тем, кто находился в зависимом положении. Следовательно, к XV в. ситуация с правами женщин в Древней Руси, согласно нормам феодального, светского и церковного законодательства, по сути, не имела значительных различий с мужским положением. Юридически все женщины Древнерусского государства находились под опекой феодальных законов и считались независимыми участниками правовых отношений[184].

В церковном уставе, составленном Ярославом Мудрым в XI столетии, содержатся положения, определяющие меру ответственности для женщин. Самым строгим наказанием, предусмотренным этим документом, являлось заточение в монастырские стены, которое применялось в случаях детоубийства вне брака, повторного брака при живом первом супруге, а также при вступлении в брачные отношения с представителем иудейской или мусульманской веры. Менее суровые проступки наказывались денежным штрафом или обязательным побоем со стороны мужа[185].

С изданием Судебника 1497 г. положение женщин в обществе претерпевает изменения, в частности, они получают определенные права. Им предоставляется возможность наследовать имущество по завещанию, если нет наследников мужского пола (п. 60). Также женщины наделяются правом выступать в качестве свидетелей в судебных процессах (ст. 52).

Впоследствии Судебник 1550 г. расширяет юридические возможности женщин. Теперь они могут самостоятельно выступать в суде в качестве истца (ст. 19). Кроме того, вводятся санкции за оскорбление женщины, устанавливается штраф за подобные действия (ст. 26)[186].

---

183 См.: Правда русская : в 3 т. / под ред. Б. Д. Грекова; Ин-т истории Акад. наук СССР. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940–1963. Т. 1. С. 11–45.

184 См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / отв. ред. акад. Л. В. Черепнин; Изд. подгот. Я. Н. Щапов; АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва : Наука, 1976. С. 11–25.

185 См.: Там же. С. 80–110.

186 См.: Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. 56. С. 473–538.

Соборное Уложение 1649 г., которое действовало с периода правления Алексея Михайловича и вплоть до 1832 г. В данном своде законов ярко прослеживаются обычаи и нравы русского народа, именно они содержатся в статьях, касающихся уголовного законодательства в отношении семьи. Именно в Соборном Уложении четко прописаны нормы семейного права, уголовного права, опекунское право и другие. Но стоит заметить, что роль традиций в обществе в данный период была достаточно велика. Это, например, касалось приданого женщины, которым не мог распоряжаться муж, а в случае смерти жены и отсутствия детей оно возвращалось родственникам женщины. Правовой статус женщины напрямую зависел от статуса мужчины, например, вышедшая замуж за дворянина становилась дворянкой, вышедшая за холопа – холопкой. Жена была обязана следовать за мужем на поселение, в изгнание, при переезде. Также в Уложении, как и в предыдущих законодательных документах, важнейшую роль играет наследственное право, например, родовые или жалованные вотчины могли наследовать не только сыновья, но и дочери. Но только в том случае, если не было сыновей. Вдовы также могли получить от вотчины часть, она называлась «прожиток» и являлась пожизненным владением[187].

В древнерусской правовой системе не существовало формальных преград для участия женщин в судопроизводстве. Несмотря на то, что в реальности женщины не часто выступали в роли свидетелей, истцов или ответчиков в суде, это не отменяет наличие у них процессуальной правоспособности. Важно отметить, что в некоторых регионах с развитой экономикой и демократическими институтами, таких как Новгород и Псков, женщины обладали определенными процессуальными льготами. Например, в установленных законом случаях они могли направлять в суд вместо себя мужа или сына. Некоторые исследователи проводят параллель между этим правом и привилегией, позволявшей представителям высших сословий отправлять в суд своих слуг.

При анализе положения женщины как субъекта преступления или лица, пострадавшего от преступного деяния, необходимо учитывать отсутствие в древнерусском законодательстве разницы, основанной на поле. Различия в ответственности определялись социальным статусом женщины.

Впервые изменения в правовом положении женщин произошли при Петре I. В этот период привычная затворническая жизнь женщин стала незаконной, происходят многие изменения в привычном укладе жизни русского общества. Также происходят значительные изменения в различных отраслях права, в том числе и имущественных правоотношениях. Именно по решению Петра I женщины исключительно из высшего сословия могли наследовать имущество мужа, но в то же время этот же закон ограничивал права мужчи-

---

187 См.: *Рябова О. С.* Особенности уголовной политики в отношении женщин и несовершеннолетних по Соборному Уложению 1649 года // Государство и право: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 62–64. – URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/37/509/ (дата обращения: 06.10.2025).

ны в отношении женского приданого. Также муж не имел права совершать какие-либо сделки от имени жены, и это доказывает, что женщина должна была сама подписывать все документы[188].

В царствование Екатерины II начинается постепенное развитие женского образования, открываются известные институты благородных девиц, к сожалению, они не могли похвастаться качеством образования, но они оставили важный след в истории развития женского образования. Также в этот период прославились своей деятельностью многие знаменитые женщины, которые сыграли немаловажную роль в нашей истории, например, Екатерина Романовна Дашкова, занявшая высокие государственные посты – директора Санкт-Петербургской академии наук и председателя Российской академии.

Права женщин на протяжении всей российской истории до начала XX в. определялись многими факторами: сословной и национально-религиозной принадлежностью, семейным положением, местом проживания и т.д.[189] В связи с изменениями общественных устоев постепенно происходит эмансипация женщин, изменялись устаревшие взгляды на многие важные аспекты жизни тогдашнего общества. Особенно это было показано в наследственном праве. Женщины из любого сословия могли получить наследство исключительно по завещанию или если не было наследников мужского пола[190].

В период «Великих реформ» происходит резкое изменение правового положения женщин, именно данный период становится началом женской эмансипации в патриархальном российском обществе. Его можно охарактеризовать как кризисный в семейном и традиционном патриархальном обществе. Именно в XIX в. русская женщина направила свои силы на борьбу за равные политические, трудовые права, также начинается постепенное развитие высшего женского образования. Самой знаменитой организацией дореволюционной России являлось Русское женское взаимно-благотворительное общество (РЖВБО), оно занималось достаточно большим кругом проблем: борьбой против алкоголизма, женским образованием и другими. В XIX в. происходят изменения в семейном праве. В России стали стараться ограничить принудительные браки, но все равно многие женились и выходили замуж по выбору родителей. Но именно в таких семьях чаще всего наступал кризис и открытое противостояние, которое приводило к расколу традиционной семьи, именно привычный и устаревший уклад жизни подавлял женщин. Вспомним образ Катерины из драмы Островского «Гроза».

---

188 См.: *Синайский В. И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев : тип. К. Маттисен, 1910. С. 29–38.

189 См.: *Давыдова А. Д.* Правовое положение женщин в России XIX – начале XX вв. // Молодой ученый. 2017. № 10 (144). С. 347–349. URL: https://moluch.ru/archive/144/40274/ (дата обращения: 06.10.2025).

190 См.: *Синайский В. И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев : тип. К. Маттисен, 1910. С. 215.

Права женщин затрагивало умы многих видных политиков и юристов того времени, именно в начале XX в. многие стали критиковать Свод законов Российской империи, многие деятели стали говорить о расширении прав женщин в семейном, трудовом, а также в наследственном праве[191].

Если рассматривать не только юридические документы, а также обратить внимание на обычаи русского народа. Они на протяжении долгого времени играли достаточно важную роль в жизни дореволюционного общества, но если в городе это не так было заметно, то в крестьянской жизни это достаточно важный фактор, показывающий нам не только положение женщины в крестьянской общине, но и в семье.

Революция 1905 г. подняла вопрос о политических правах женщины. Царская власть сопротивлялась распространению женской эмансипации. В 1908 г. произошел «Первый женский съезд»[192]. На нем было принято 20 резолюций, достаточно важных для дальнейшего развития борьбы за женскую эмансипацию. Основой этих резолюций было: страхование работниц, помощь в охране материнства и детства и другие. Но полная эмансипация женщин произошла только после прихода к власти большевиков, после Октябрьской революции права женщин во многих сферах общественной жизни были уравнены с мужскими[193].

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что женщины, хоть и были ограничены в ряде прав и жили под мужской опекой, в Российской империи (особенно из привилегированных сословий) имели ряд преимуществ, которые были неизвестны аристократкам других стран. Особенно это видно в наследственном праве: в России замужняя женщина могла иметь свое имущество и распоряжаться им вне зависимости от мужа. Также нередко женщины владели и управляли крупным имуществом[194].

В заключение, анализируя права женщин в России от Древнерусского государства до распада Российской империи, можно сделать вывод, что в нашей стране на протяжении веков существовали уникальные условия, способствовавшие более высокому уровню правовой защищенности женщин по сравнению с Западной Европой. Несмотря на существующие ограничения и социальные нормы, женщины в России обладали значительными правами на собственность и участие в судебных процессах, что отражало не только

---

191 См.: Свод законов Российской империи. Т. X: Свод законов гражданских (с примечаниями и ссылками на позднейшия узаконения и оглавлением). СПб. : Рус. кн. товарищество «Деятель», 1899. С. 3–98.

192 См.: *Коршунова К. Н.* Правовое положение женщин в Российской империи в конце XIX века // Студенческий форум: электрон. научн. журн. 2022. № 25(204). С. 14–16. URL: https://nauchforum.ru/journal/stud/204/116153 (дата обращения: 06.10.2025).

193 См.: *Коршунова К. Н.* Развитие движения феминисток в Российской империи // Молодой ученый. 2022. № 25 (420). С. 166–167. URL: https://moluch.ru/archive/420/93348/ (дата обращения: 06.10.2025).

194 См.: *Маррезе М. Л.* Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 1–10.

их экономическую независимость, но и активную роль в общественной жизни. Эти исторические реалии служат важным напоминанием о том, что права женщин формировались в контексте культурных и социальных изменений, и их эволюция является зеркалом эпохи, в которой они существовали. Понимание этого наследия позволяет нам лучше осознать современные вызовы и достижения в области прав женщин, а также вдохновляет на дальнейшую работу по обеспечению равенства и справедливости в нашем обществе.

Список использованной литературы

1. *Давыдова, А. Д.* Правовое положение женщин в России XIX – начале XX вв. / А. Д. Давыдова // Молодой ученый. – 2017. – № 10 (144). – С. 347–349. URL: https://moluch.ru/archive/144/40274/ (дата обращения: 06.10.2025).
2. *Коршунова, К. Н.* Правовое положение женщин в Российской империи в конце XIX века / К. Н. Коршунова // Студенческий форум: электрон. научн. журн. – 2022. – № 25(204). – С. 14–16. – URL: https://nauchforum.ru/journal/stud/204/116153 (дата обращения: 06.10.2025)
3. *Коршунова, К. Н.* Развитие движения феминисток в Российской империи / К. Н. Коршунова // Молодой ученый. – 2022. – № 25 (420). – С. 166–167. – URL: https://moluch.ru/archive/420/93348/ (дата обращения: 06.10.2025).
4. *Маррезе, М. Л.* Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861) / М. Л. Маррезе. – Москва : Новое литературное обозрение, 2009. – С. 1–10.
5. *Пушкарева, Н. Л.* Женщины Древней Руси / Н. Л. Пушкарева. – Москва : Мысль, 1989. – 286 с.
6. *Рябова, О. С.* Особенности уголовной политики в отношении женщин и несовершеннолетних по Соборному Уложению 1649 года / О. С. Рябова // Государство и право: теория и практика : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 62–64. – URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/37/509/ (дата обращения: 06.10.2025).
7. *Синайский, В. И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве / В. И. Синайский. – Юрьев : типография К. Маттисен, 1910. – 352 с.
8. *Яговец, В. В.* Статус женщины в Древнерусском обществе (историографический и методологический аспекты) / В. В. Яговец // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2009. – № 4. – С. 144–151.

ЛОЖНЫЕ СООБЩЕНИЯ, ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ: СОВРЕМЕННАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СИТУАЦИЯ

Владимир Иванович Красиков
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник центра научных исследований
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
KrasVladIv@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрены современное состояние исследований по данной проблеме, основные подходы к ней в зарубежной литературе. Ложные сообщения порождаются в специфической медиасреде, делающей их не только возможными, но и органичными в подобном контексте. Сознательное и профессиональное искажение информации нужны не сами по себе. Это подчинено сверхзадаче – реконфигурации смыслов в создании «контронтологий» для большинства населения данного социума. Если люди, особенно молодые, в силу психологических особенностей возраста, подвергаются воздействию деструктивного информационно-психологического контента в социальных сетях, то возникает проблема их дерадикализации, т.е. превенции, нейтрализации, либо уже и устранения последствий негативного воздействия.

Ключевые слова: информационно-понятийные искажения; дезинформация; сетевая пропаганда; отравленный дискурс; среда высшего образования.

В наши дни, в условиях стремительного развития цифровых и сетевых технологий, информационно-психологическое воздействие на людей приобретает глобальные масштабы. Основным оружием идущей на наших глазах информационной войны является особым образом препарированная информация, целенаправленное применение которой ведет к изменению массового сознания и в конечном итоге создает возможность манипулировать как жителями своей страны, так жителями и правящих элит страны противника.

Главной целью данной войны является воздействие на духовный мир человека через применение различных приемов: от манипулирования общественным мнением до пропаганды чуждой идеологии. Информационные войны проникают в самые чувствительные для любого государства сферы самосознания и национальной идентичности граждан, подвергают сомнению

и переворачивают ценностные установки и ориентиры. Особенно уязвима в условиях информационной агрессии молодежь – поколение, чьи ценности, самосознание и идентичность находятся в процессе становления. Она – основная мишень формирующего информационно-психологического воздействия извне, так как является одной из самых внушаемых категорий населения. И именно цифровое медиапространство становится средой, во многом влияющей на формирование сознания и самосознания молодежи. Важно понимать, что цифровое медиапространство не воспринимается ею как потенциально опасное, ведь это среда, в которой растут молодые люди, но именно в ней циркулирует колоссальное количество дезинформации (фейков) и рекламируемых контрсмыслов.

Проблема ложных сообщений в современных СМИ стала остро актуальной в последнее время (особенно с подачи президента Д. Трампа как «фейки»), однако она, конечно же, не нова. Так, *McNair* исследует роль СМИ в распространении ложных сообщений начиная уже с конца XIX в., приводя исторические примеры использования этого термина с течением времени. Актуализация темы произошла не так давно – в качестве причин указывают рост релятивизма и кризис объективности, современное доминирование цифровых медиа-платформ в производстве и потреблении новостей, растущее стремление генерировать онлайн-контент, который привлекает пользователей и приносит доход[195].

Появились и первые концептуализации в виде разработки концепций «киберпропаганды»[196], «сетевой пропаганды»[197]. Разброс в определениях ложных сообщений довольно большой.

Можно выделить следующие основные направления исследований по этой проблеме в мировой науке.

Так, они интерпретируются как дезинформация, синонимом пропаганды, умышленное искажение фактической информации для достижения определенного конечного результата или для внесения путаницы в отношении противоположной точки зрения. «Ложные сообщения – это выдуманные новости, которыми манипулируют, чтобы они выглядели как заслуживающие доверия журналистские репортажи, предназначенные для того, чтобы обмануть нас»[198].

Ложные сообщения понимаются и как слухи, заблуждения, непреднамеренные искажения, возникающие из-за незнания или же повторения оши-

---

195 См.: *McNair B.* Fake news: Falsehood, fabrication and fantasy in Journalism. Fake News: Falsehood, Fabrication and Fantasy in Journalism. Routledge, 2021. 122 p.

196 См.: *Woolley S. et al.* (eds.) Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media. Oxford University Press, 2018.

197 См.: *Benkler Y. et al.* Network propaganda: Manipulation, disinformation, and radicalization in American politics. Oxford University Press, 2018.

198 *Khan A. et al.* The anatomy of «fake news»: Studying false messages as digital objects. Journal of Information Technology. 2022. 37(2):122-143. doi:10.1177/02683962211037693

бочной информации[199]. Малодостоверные, непроверенные сообщения или же какие-либо аналогичные рассуждения могут стать ложными, т.е. быть принятыми как достоверные и заслуживающими внимания вследствие информационной перегрузки и «принципа наименьших усилий». Это сбой или системная информационная патология в механизме обмена информацией, когда люди достигают «точки невозврата», когда их способность обрабатывать информацию становится менее эффективной, а принятие решений – менее точным. В какой-то момент люди либо выбирают то, что знают, либо не выбирают ничего, по сути, становясь «неграмотными»[200]. Онлайн-среда переизбытка и перегрузки информацией может способствовать выгоранию людей в выборе. Аналогично, «принцип наименьших усилий» – это хорошо документированное явление в литературе по библиотечному делу и информатике. Люди, ищущие информацию, предпочитают ресурсы, к которым легко получить доступ, независимо от их интеллектуальной ценности или релевантности. В результате ложные новости могут распространяться всякий раз, когда люди не хотят или не могут потратить время на изучение фактов.

Довольно оригинальна интерпретация ложных сообщений как пародии, сатиры, своего рода политического *kayfabe* (создание иллюзии жестокой борьбы под реальность, инсценировка в профессиональном рестлинге). Ложные сообщения также можно рассматривать как часть более широкого явления пародийных новостей, поскольку они имеют тенденцию имитировать форму легальных новостей, чтобы обмануть читателей. Пародия выполняет особую функцию в литературе как способ высмеять жанры и литературные условности. Сатира также имитирует свой исходный материал, но с целью представить поведение людей в шаржированном виде. Как и рестлинг, преднамеренная ложь есть своего рода *kayfabe*, «принимаемая подмена реальности и добровольная приостановка недоверия»[201]. Приостановка недоверия наряду с распространением ложной информации может быть как добровольной, так и невольной, намеренной и непреднамеренной. Это лишь усугубляет общую путаницу и отсутствие четкого понимания.

Еще одна позиция: ложные сообщения – это следствие «отравленного» общественного дискурса, логических ошибок и излишней самоуверенности. В дополнение к проблеме информационной перегрузки, которая мешает людям делать рациональный выбор, публичный дискурс часто отравляется

---

199 *Cosgrove T. et al.* Monological or Ideological? Themes and Psychosocial Predictors of Conspiracy Belief. PsyArXiv. 2023. July 13. doi:10.31234/osf.io/2kwbx

200 См.: *Caled D., Silva M. J.* Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. J Comput Soc Sc. 2022. 5, 123–159. https://doi.org/10.1007/s42001-021-00118-8

201 *Stodden W. P., Hansen J. S.* Politics by Kayfabe: Professional wrestling and the creation of public opinion. 2016. http://static1.1.sqspcdn.com/static/f/332308/26781726/1452481855523/wrestfin.pdf?token=rq1phFIu3%2Bd2hD1Qnz%2BvGVl47wU%3D

преднамеренным использованием логических заблуждений, которые люди не могут или не хотят распознавать (теории заговора, вменение враждебности этническими или религиозным группам)[202].

Резюмируя эти правомерные подходы, можно предложить следующее рабочее определение. Ложные сообщения (информационно-понятийные искажения) – это один из феноменов процесса обмена информацией между субъектом и объектом воздействия, который имеет функцию девальвации общепринятых социокультурных оснований в данном обществе с целью изменения устоявшихся структур власти.

Ложные сообщения существуют в специфической медиасреде, делающей их не только возможными, но и органичными в подобном контексте. Это контекст других медиа-феноменов социальных сетей, таких, как когнитивный диссонанс[203], политическая поляризация[204] и «эхо-камеры»[205]. Изучаются и инструменты, способствующие распространению дезинформации на цифровых платформах. К ним относятся работы, в которых определяются типы распространяемых ложных сообщений[206], а также проводится углубленный анализ построения сообщений и достоверности их создателей[207].

Во многих исследованиях проводится широкий обзор различных каналов (как цифровых, так и нецифровых) для распространения дезинформации, например, изучается, как используются телевидение, социальные сети, интернет-тролли и бот-сети для проведения политических кампаний по дезинформации, нацеленных на другие государства и роли алгоритмических рекомендательных систем во влиянии на вовлеченность пользователей и распространение дезинформации в социальных сетях[208].

В других работах изучались цифровые технологии, доступные во всей экосистеме услуг, включая как платформы, так и других поставщиков услуг,

---

202 См.: *Weiss A. P. et al.* Surveying fake news: Assessing university faculty's fragmented definition of fake news and its impact on teaching critical thinking. In. *J.Educ Integr.* 2020. 16. https://doi.org/10.1007/s40979-019-0049-x

203 См.: *Bright J.* Explaining the emergence of political fragmentation on social media: The role of ideology and extremism. *Journal of Computer-Mediated Communication.* 2018. 23.: 17–33.

204 См.: *Barberá P.* Social media, echo chambers, and political polarization. In: N. Persily, J. A. Tucker (Eds.), Social media and democracy: The state of the field, prospects for reform, 34. Social Media and Democracy. Cambridge University Press, 2020, pp. 34–55. https://doi.org/10.1017/9781108890960

205 См.: *Boulianne S. et al.* Right-wing populism, social media and echo chambers in Western democracies. *New media & society.* 2020. 22.4: 683–699.

206 См.: *Tandoc Jr. et al.* Defining «fake news». A typology of scholarly definitions. Digital journalism. 2018. 6.2: 137–153.

207 См.: *Zhou X., Zafarani R. A.* survey of fake news: Fundamental theories, detection methods, and opportunities. *ACM Computing Surveys (CSUR).* 2020. 53.5: 1-40.

208 См.: *Bright J. et al.* Disinformation in Open Online Media. *Springer International Publishing*, 2021.

которые позволяют проводить массовые целевые политические кампании. В частности, они анализируют инструменты, используемые для сбора и анализа поведенческих данных, а также то, как цифровые рекламные платформы профилируют и настраивают сообщения, ориентированные на разные сегменты аудитории[209].

Особое место уделено анализу специальных алгоритмов обработки данных, которые становятся все более влиятельными «инструментами восприятия», формулируя повестку дня социальных проблем, которые объявляются достойными коллективного внимания, а какими пренебрегают. Эта способность управлять созданием «общественных проблем» имеет решающее значение для того, как платформы социальных коммуникаций и их данные влияют на конструирование социальных и политических реалий[210].

Появились уже и монографии, что свидетельствует о достигнутом уровне фундаментально-теоретического обобщения, обсуждающие «упадок правды», определяемый как усиление разногласий по поводу фактов, стирание границы между мнением и фактом, увеличение относительного объема мнений по сравнению с фактами и снижение доверия к ранее существовавшим уважаемым источникам фактической информации[211]. И это становится повседневной рутиной: передача новыми технологиями социальных сетей ложной информации и дезинформации (искаженной)[212].

Быстрорастущую эмпирическую литературу по ложным сообщениям можно разделить на три большие категории:

1) исследования того, как ложные сообщения возникают в публичном дискурсе, насколько граждане верят им, выявляют структуру, способы распространения в социальных сетях и их содержание;

2) исследования, сосредоточенные на описании медиаэффектов, сопровождающих ложные сообщения;

3) те, которые исследуют, как можно противодействовать их распространению[213].

---

209 См.: *Ghosh D., Scott B.* Digital deceit: the technologies behind precision propaganda on the internet. 2018. Policy Paper. https://www.newamerica.org/pit/policy-papers/digitaldeceit/

210 См.: *Couldry N., Hepp A.* The mediated construction of reality. *John Wiley & Sons*, 2018.

211 См.: *Rich M. D.* Truth decay: An initial exploration of the diminishing role of facts and analysis in American public life. *Rand Corporation*, 2018.

212 См.: *Kakutani M.* The death of truth: Notes on falsehood in the age of Trump. *Tim Duggan Books*, 2019.

213 См.: *Horne B. D., Sibel Adali.* This just in: Fake news packs a lot in title, uses simpler, repetitive content in text body, more similar to satire than real news. In: *Eleventh international AAAI conference on web and social media.* 2017; Shao C. et al. The spread of low-credibility content by social bots. *Nature communications.* 2018. Nov 20. 9 (1):1-9; *Mustafaraj E., Metaxas P. T.* The fake news spreading plague: was it preventable? In Proceedings of the 2017 ACM on web science conference 2017 Jun 25. pp. 235–239.

В исследовательской литературе разрабатываются различные модели обнаружения ложных сообщений и решения для борьбы с дезинформацией, обычно основанные на комбинации алгоритмических подходов, сочетающих методы машинного обучения и человеческий контроль[214]. Это модели: экспертной проверки фактов, отчетов пользователей, сбора проблемных ссылок, проверки новых сообщений по известной базе дезинформации, анализа текста сообщений на наличие определенных фраз. Это различные семантические подходы к фильтрации ложных сообщений, техник обработки естественного языка (включает в себя применение лексического и семантического анализа с использованием регрессии, кластеризации, а также методов классификации, таких как двоичная классификация текста, когда новости классифицируются как реальные и ненастоящие, в двух категориях), интеллектуальный анализ текста для проверки его подлинности. Машинное обучение (*ML*) используется в числе прочего для обнаружения социальных ботов, а также автоматической проверки фактов[215].

Известно, что сознательное и профессиональное искажение информации нужны не сами по себе. Это подчинено сверхзадаче – реконфигурации смыслов в создании «контронтологий» для большинства населения данного социума или же конструирование желаемых для пропагандиста-манипулятора «реальностей» или «значений реальности», интерпретаций, которые воспринимаются за саму «объективную социальную действительность».

Конечно, для политических деятелей – у власти либо к ней рвущихся – не ново обманывать, уговаривать или сбивать с толку население в попытках добиться политических результатов или для государственных лидеров использовать пропаганду как часть своего военного арсенала. Однако с распространением социальных сетей информационно-психологические операции стали более заметными и значимыми в политических действиях[216]. Их платформы, чья «политическая экономия» построена на «больших данных», целевой рекламе, микротаргетировании людей на основе их психографических профилей, создают возможности для политического вмешательства, направ-

---

214 См.: *Zannettou S. et al.* The web of false information: Rumors, fake news, hoaxes, clickbait, and various other shenanigans. *Journal of Data and Information Quality (JDIQ)*. 2019. T. 11. 3. pp. 1–37.

215 См.: *Aniyath A.* A survey on fake news detection by the data mining perspective. *International Journal of information and computer Science*. 2019; 6(1):9-28; *Klyuev V.* Fake news filtering: Semantic approaches. In: 2018. 7-th International Conference on Reliability, Infocom Technologies and Optimization (Trends and Future Directions) (ICRITO) 2018 Aug 29 (pp. 9–15); *Oshikawa R. et al.* A survey on natural language processing for fake news detection. arXiv preprint arXiv:1811.00770. 2018. Nov 2; *Botambu Collins. et al.* Trends in combating fake news on social media – a survey. *Journal of Information and Telecommunication*, 2021. 5:2, pp. 247–266, DOI: 10.1080/24751839.2020.1847379.

216 См.: *Singer P. W., Brooking E. T.* Like War: The weaponization of social media. *Eamon Dolan Books*, 2018.

ленного на дестабилизацию восприятия реальности и вовлечение пользователей в построение новых идеологически полезных реалий[217].

Новая сетевая пропаганда преследует те же цели, что и классическая (манипулирование в идеологических целях), но использует те аспекты онлайн-экосистемы, которые делают ее более уязвимой для распространения вводящих в заблуждение сообщений[218]. Растущее количество работ посвящено исследованию работы этой новой «цифровой пропаганды» посредством исследований «троллинга», автоматических учетных записей в социальных сетях («ботов») и «эхо-камер»[219].

Если люди, особенно молодые, в силу психологических особенностей возраста, подвергаются воздействию деструктивного информационно-психологического воздействия в социальных сетях и это становится известным в ходе соответствующих мониторингов, то возникает проблема их дерадикализации, т.е. превенции, нейтрализации, либо уже и устранения последствий негативного воздействия. Проблема не нова, вот уже практически четверть века мы живем в мире, в котором экстремизм и терроризм стали имманентным компонентом современных реалий. И, вполне естественно, существует уже обширная научная литература, посвященная разработке стратегий борьбы с дезинформацией и радикальным мышлением. Понятно, что многопрофильность проблемы также востребует учет различных перспектив борьбы, предполагая журналистские, образовательные, правительственные и цифровые решения. Однако в итоге все сводится к информационной и медиа-компетентности или же, далее упрощая, – к рациональности и критичности[220], нейтрализации «языка ненависти»[221].

В области же высшего образования важнейшим инструментом противодействия является развитие навыков критического мышления[222]. С педагогической точки зрения это необходимое условие для того, чтобы студенты имели способность к целенаправленным, саморегулирующим суждениям, только это и позволит им занять проактивную позицию, быть избирательны-

---

217 См.: *Hall N.-A. et al.* Online misinformation and everyday ontological narratives of social distinction. *Media, Culture & Society*, 2024. 46(3), 572–590. https://doi.org/10.1177/01634437231211678

218 *Benkler Y. et al.* Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics. Oxford: Oxford University Press, 2018.

219 *Tumber H., Waisbord S.* (eds) The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism. London: Routledge, 2021.

220 *Caled D., Silva M. J.* Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. J Comput Soc Sc. 2022. 5, 123–159. https://doi.org/10.1007/s42001-021-00118-8

221 См.: *Castellví J. et al.* Future teachers confronting extremism and hate speech. *Humanit Soc Sci Commun.* 2022. 9. https://doi.org/10.1057/s41599-022-01222-4

222 См.: *Egan A.* Confidence in critical thinking: Developing learners in higher education. Routledge, 2019.

ми и сохранять необходимый скептицизм[223]. Целесообразно разработать курсы, специально для повышения способностей студентов мыслить критически, в виде обязательной части общеобразовательных требований. Подобная же специальная подготовка, вероятно, необходима и для многих преподавателей, и для библиотечных работников. Также необходима и дальнейшая разработка методологических средств распознавания искажений, мифологизаций, софистики – структурообразующих оснований деструктивного информационно-психологического воздействия со стороны главных недружественных акторов в социальных сетях.

Список использованной литературы

1. *Aniyath A.* A survey on fake news detection by the data mining perspective. *International Journal of information and computer Science.* 2019; 6(1):9-28.
2. *Barberá P.* Social media, echo chambers, and political polarization. In N. Persily, J. A. Tucker (Eds.), Social media and democracy: The state of the field, prospects for reform, 34. Social Media and Democracy. Cambridge University Press, 2020. pp. 34–55. https://doi.org/10.1017/9781108890960
3. *Benkler Y. et al.* Network propaganda: Manipulation, disinformation, and radicalization in American politics. Oxford University Press, 2018.
4. *Botambu Collins. et al.* Trends in combating fake news on social media – a survey. *Journal of Information and Telecommunication*, 2021. 5:2, pp. 247–266, DOI: 10.1080/24751839.2020.1847379
5. *Boulianne S. et al.* Right-wing populism, social media and echo chambers in Western democracies. *New media & society.* 2020. 22.4: 683-699.
6. *Bright J. et al.* Disinformation in Open Online Media. S*pringer International Publishing*, 2021.
7. *Bright J.* Explaining the emergence of political fragmentation on social media: The role of ideology and extremism. J*ournal of Computer-Mediated Communication.* 2018. 23.: 17-33.
8. *Caled D., Silva M. J.* Digital media and misinformation: An outlook on multidisciplinary strategies against manipulation. J Comput Soc Sc. 2022. 5, 123–159. https://doi.org/10.1007/s42001-021-00118-8
9. *Castellví J. et al.* Future teachers confronting extremism and hate speech. *Humanit Soc Sci Commun.* 2022. 9. https://doi.org/10.1057/s41599-022-01222-4
10. *Cosgrove T. et al.* Monological or Ideological? Themes and Psychosocial Predictors of Conspiracy Belief. PsyArXiv. 2023. July 13. doi:10.31234/osf.io/2kwbx

---

[223] См.: *Bright J.* Explaining the emergence of political fragmentation on social media: The role of ideology and extremism. *Journal of Computer-Mediated Communication.* 2018. 23.: 17–33.

11. *Couldry N., Hepp A.* The mediated construction of reality. *John Wiley & Sons*, 2018.
12. *Egan A.* Confidence in critical thinking: Developing learners in higher education. Routledge, 2019.
13. *Ghosh D., Scott B.* Digital deceit: the technologies behind precision propaganda on the internet. 2018. Policy Paper. https://www.newamerica.org/pit/policy-papers/digitaldeceit/
14. *Hall N.-A. et al.* Online misinformation and everyday ontological narratives of social distinction. *Media, Culture & Society*, 2024. 46(3), 572–590. https://doi.org/10.1177/01634437231211678
15. *Horne B. D., Sibel Adali.* This just in: Fake news packs a lot in title, uses simpler, repetitive content in text body, more similar to satire than real news. In: E*leventh international AAAI conference on web and social media*. 2017.
16. *Kakutani M.* The death of truth: Notes on falsehood in the age of Trump. *Tim Duggan Books*, 2019.
17. *Khan A. et al.* The anatomy of «fake news»: Studying false messages as digital objects. *Journal of Information Technology*. 2022. 37(2):122-143. doi:10.1177/02683962211037693
18. *Klyuev V.* Fake news filtering: Semantic approaches. In: 2018. 7-th International Conference on Reliability, Infocom Technologies and Optimization (Trends and Future Directions) (ICRITO) 2018 Aug 29 (pp. 9–15).
19. *McNair B.* Fake news: Falsehood, fabrication and fantasy in Journalism. Fake News: Falsehood, Fabrication and Fantasy in Journalism. Routledge. 2021. 122 p.
20. *Mustafaraj E., Metaxas P. T.* The fake news spreading plague: was it preventable? In Proceedings of the 2017 ACM on web science conference 2017 Jun 25. pp. 235–239.
21. *Oshikawa R. et al.* A survey on natural language processing for fake news detection. arXiv preprint arXiv:1811.00770. 2018. Nov 2.
22. *Rich M. D.* Truth decay: An initial exploration of the diminishing role of facts and analysis in American public life. Rand Corporation, 2018.
23. *Shao C. et al.* The spread of low-credibility content by social bots. *Nature communications*. 2018. Nov 20. 9(1):1-9.
24. *Singer P. W., Brooking E. T.* Like War: The weaponization of social media. *Eamon Dolan Books*, 2018.
25. *Stodden W. P., Hansen J. S.* Politics by Kayfabe: Professional wrestling and the creation of public opinion. 2016. http://static1.1.sqspcdn.com/static/f/332308/26781726/1452481855523/wrestfin.pdf?token=rq1phFIu3%2Bd2hD1Qnz%2BvGVl47wU%3D
26. *Tandoc Jr. et al.* Defining «fake news». A typology of scholarly definitions. *Digital journalism*. 2018. 6.2: 137-153.
27. *Tumber H., Waisbord S.* (eds) The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism. London: Routledge, 2021.

28. *Weiss A. P. et al.* Surveying fake news: Assessing university faculty's fragmented definition of fake news and its impact on teaching critical thinking. In. J. Educ Integr. 2020. 16. https://doi.org/10.1007/s40979-019-0049-x
29. *Woolley S. et al.* (eds.) Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media. Oxford University Press, 2018.
30. *Zannettou S. et al.* The web of false information: Rumors, fake news, hoaxes, clickbait, and various other shenanigans. J*ournal of Data and Information Quality (JDIQ)*. 2019. T. 11. 3. pp. 1–37.
31. *Zhou X., Zafarani R.* A survey of fake news: Fundamental theories, detection methods, and opportunities. *ACM Computing Surveys (CSUR)*. 2020. 53.5: 1–40.

КВИНТЭССЕНЦИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Людмила Александровна Потапова
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lap-law@yandex.ru

Аннотация. В статье актуализируется связь права и мониторинга общественных отношений на предмет выявления террористической идеологии в русской классической и зарубежной литературе. Обозначено, что основными тенденциями современного терроризма являются: увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших, расширение географии терроризма, использование новых технологий и появление новых форм участия в террористической деятельности. Террористы используют зашифрованные платформы для коммуникации, краудфандинг для финансирования и все активнее экспериментируют с искусственным интеллектом для пропаганды. Автор отмечает, что в поисках современных правовых регламентов борьбы с терроризмом незаслуженно забыт инструмент художественной и публицистической литературы, содержащей квинтэссенцию исторических событий, судеб, настроений, духовно-нравственных ценностей, позволяющий прочувствовать всю ответственность в ситуациях нравственного выбора.

Ключевые слова: квинтэссенция; право; художественная литература; публицистическая литература; нравственная ответственность; факторы терроризма.

Сегодня терроризм превратился в одно из наиболее непредсказуемых явлений. Современные исследования пестрят трендами и изменениями в тактике и стратегиях терроризма в связи с переходом террористической деятельности в онлайн-пространство. Пытаясь найти то самое главное, самое важное, наиболее существенное, что составляет это социально опасное явление, ученые озадачиваются квинтэссенцией (от лат. *quīnta essentia* – «пятая сущность») его причинности. Обострение внутренних и внешних социальных факторов, как основа терроризма, во все времена находило свое отражение в художественной литературе, содержащей сплетение событий, судеб, настроений и духовно-нравственных ценностей людей отдельного исторического периода.

Терроризм в правовых актах закреплен как действия (взрыв, поджог и другое), создающие опасность гибели людей, причинения большого имущественного ущерба или наступления других опасных для общества последствий, в том числе если эти действия были совершены с целью устрашения населения, нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти определенного решения (ст. 205 Уголовного кодекса РФ)[224]. Правовой дефиниции «террористический акт» чуть более ста лет. Впервые она была введена ст. 64 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и предусматривала ответственность за «организацию в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций». Однако первой русской женщиной-террористкой считается Вера Засулич, которая 24 января 1878 г. пришла на прием к петербургскому градоначальнику Федору Трепову и выстрелила в него из револьвера «Бульдог», тяжело ранив. Суд над Верой Засулич был описан в книге А. Ф. Кони «Воспоминания о деле Веры Засулич». Он вошел в историю из-за невиданного в те времена прецедента: покушение на убийство полномочного представителя власти, Засулич грозило от 15 до 20 лет тюремного заключения, но она была оправдана судом присяжных 31 марта (12 апреля) 1878 г. В своей книге А. Кони пишет: «всякий намек на политический характер из дела устранялся с настойчивостью, просто странною со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам». Было установлено, что мотивом преступления стала месть за приказ Трепова высечь арестанта Боголюбова, за защиту чести которого вступилась Засулич. Анатолий Федорович Кони, будучи председателем Петербургского окружного суда, провел дело беспристрастно, чем навлек недовольство императора Александра II и придворных[225].

Федор Михайлович Достоевский в произведении «Бесы», написанном в 1872 г., исследует не конкретный теракт, а идеологию, которая оправдывает насилие ради «светлого будущего», выделяя то, как «благие намерения», оторванные от нравственности и сострадания, превращаются в разрушительную силу. По сути, писателем предсказана последующая революция в России и «царство бесов», наступившее после 1917 г. В романе происходит глубочайшее психологическое исследование природы одержимости, внутренней пустоты и саморазрушения человеческой души. Федор Михайлович повествует о том, что любая идея: политическая, социальная, религиозная, – может стать опасной, когда она перестает быть инструментом поиска истины, а превращается в идола, которому приносят в жертву человечность[226].

Виктор Ламм в своем рассказе «Последний народоволец» описывает судьбу Николая Морозова, революционера-народовольца, зарекомендовавшего

---

[224] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[225] *Кони А.* Воспоминания о деле Веры Засулич. М. : Директ-Медиа, 2025. С. 185.

[226] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л. : Наука, 1974. Т. 11. С. 117.

себя идеологом террора и участвовавшего в неудачном покушении в 1881 г. на Александра II. Морозов был осужден на «вечное» заточение в Петропавловскую крепость, а потом в Шлиссельбург, где он отсидел двадцать три года. Уже в тюрьме он узнает, что во время покушения, в подготовке которого он принимал активное участие, погиб мальчик, случайно оказавшийся в зоне поражения. Этот факт стал для него судьбоносным и привел его к идее утопии кровопролития, ради каких бы высоких целей оно ни осуществлялось. Во время отбывания наказания Н. Морозов посвятил себя науке. «Он вынес на волю 26 томов различных рукописей, включавших множество работ по физике, химии, математике, астрономии, философии, авиации, политэкономии. Сверх того изучил 11 иностранных языков». С 1918 г. и до конца дней был директором Естественнонаучного института имени П. Ф. Лесгафта в Петрограде, а в 1939 г., в возрасте 85 лет, окончил снайперские курсы Осоавиахима и лично участвовал в военных действиях на Волховском фронте. Николай Александрович Морозов скончался 30 июля 1946 г. Из воспоминаний Морозова о терроре: «Неизвестно откуда явилась карающая рука и, совершив казнь, исчезала туда же – в никому не ведомую область»[227].

За рубежом впервые упоминают о терроре как о феномене массовых репрессий в якобинский период Французской революции, между 5 сентября 1793 г. (издание серии указов о «внесении террора в повестку дня») и 27 июля 1794 г. (падение Робеспьера). В романе «Девяносто третий год» Виктор Гюго описывает Французскую революцию, революционный террор, якобинскую диктатуру и подавление восстания в Вандее. По мнению Виктора Гюго, особенности революционного движения – террор и милосердие. В романе присутствует противопоставление таких образов, как священник-революционер Симурдэн и его ученик Говэн. Симурдэн, отрекшийся от сана и посвятивший себя революции, абсолютно суров и безжалостен к врагам революции и символизирует беспощадность революционного террора. Говэн – персонаж, олицетворяющий справедливость и милосердие, который видит в терроре переходный момент, трагическую необходимость. По своей сути, произведение повествует о противостоянии двух моделей общества, двух видений истории, двух систем человеческих ценностей[228]. Известный лидер Великой французской революции – Максимильен Робеспьер – первым дал содержание этой правовой дефиниции: «террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, она, следовательно, является эманацией добродетели; он не столько частный принцип, как следствие общего принципа демократии, используемого при наиболее неотложных нуждах отечества»[229].

---

[227] *Ламм В.* Последний народоволец // Проза.ру : сайт. URL: https://proza.ru/2016/03/22/576

[228] *Гюго В.* Девяносто третий год. М. : Правда, 1981. С. 23.

[229] Robespierre Maximilien. «Virtud y terror». URL: https://fixquotes.com/works/the-terror-and-virtue/.

Однако следует отметить, что французские революционеры не изобретали концепцию террора. Его источником служит латинское слово *terror* – «испуг», «ужас», а латинский глагол *terrere* означает «вызывать страх, пугать». Считается, что первое упоминание о государственном терроре содержится в истории Рима. Плутарх, древнегреческий писатель и историк, описывает в книге «Сравнительные жизнеописания», что для расправы над своими политическими соперниками диктатор Луций Корнелий Сулла применил «проскрипции» – списки лиц, объявленных вне закона на территории Римской империи. Подобные списки подкреплялись указанием на то, что гражданин, убивший указанного в проскрипции человека, получал половину имущества убитого. «Списки составлялись не в одном Риме, но в каждом городе Италии. И не осталось незапятнанными убийством ни храм Бога, ни очаг гостеприимца, ни отчий дом. Мужей резали на глазах жен, детей – на глазах матерей». Отрывок относится к началу I в. н.э., 80-е, 90-гг.[230]

В книге «Иудейская война», написанной Йосефом бен Матиттьяху, бывшим повстанцем, попавшим в плен к римлянам и получившим впоследствии имя Иосиф Флавий, описаны события, относящиеся ко второй половине I века н. э., в том числе про террористическую группировку секариев, которые убивали людей среди белого дня в самом городе, преимущественно в праздничные дни. Зелоты и секарии – агрессивное течение в иудаизме, так называемая четвертая секта. Последователи этого учения призывали к жесткому исполнению иудейских законов, к уничтожению всех несогласных, в том числе римлян. Если зелоты имели в планах установление мирового господства, то секарии таких целей не преследовали. Каждый секарий преследовал цель достижения максимально возможного личного благополучия. Флавий сообщает, что убийцы предпочитали действовать в толпе, что позволяло произвести больший эффект и заодно давало нападавшему возможность скрыться[231].

При этом интерес представляют рассуждения Иоанна Кассиана Римлянина, христианского аскета IV–V вв., который в книге «Собеседование аввы Серапиона о восьми главных страстях» пишет: «нам нечего бояться внешнего неприятеля, враг в нас самих скрывается, а у нас ежедневно происходит внутренняя война». Он называет первопричиной восемь главных страстей (чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость), которые мучают человека, мешают жить и в конечном итоге приводят к духовной, а то и физической смерти. Универсальным средством борьбы со страстями Иоанн Кассиан называет пост и молитву[232].

В более поздних литературных произведениях современных авторов – Экхарта Толле «Сила настоящего момента», Вадима Зеланда «Трансерфинг

---

230 *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания в двух томах / пер. С. А. Ошерова. М. : Наука, 1994. Т. I. С. 121.

231 *Флавий И*. Иудейская война. Минск : Беларусь, 1991. С. 201.

232 *Римлянин И. К*. Собеседование аввы Серапиона о восьми главных страстях // Предание.ру : сайт. URL: https://predanie.ru/book/67891-ioann-kassian-tvoreniya/

реальности», Джона Кехо «Квантовый воин», Ронда Берна «Тайна», Барбары Шер «Психология возможных миров» также описывается, как внутреннее состояние создает реальность вокруг нас, объясняется, как негативные мысли и эмоции притягивают соответствующие ситуации. В романе Д. И. Рубиной «девушка включает телевизор и видит очередной дурацкий боевик – верх мастерства компьютерной графики: на экране самолет врезается в один из нью-йоркских небоскребов-близнецов. У нее мелькает мысль, что когда-нибудь голливудские выдумщики доиграются, и этот кошмар претворится в жизнь. Она переключает каналы в поисках новостей и постепенно понимает, что вот этот «боевик» теперь и есть новости»[233]. С. С. Минаев в «Дневнике информационного террориста», описывая главного героя своего романа – циничного медийщика, специалиста по пиару, выдумывающего сюжет о несуществующем военном конфликте, при этом самого попадающего в сложную ситуацию, – цитирует: «вы знаете, почему в первые часы катастрофы башен-близнецов никто не пытался прийти на помощь? Задымленность, отсутствие вертолетов, шок, плохая видимость, невозможность действий в воздухе – все это отмазки для прессы. Просто весь мир был очень занят в эти часы. Он смотрел прямую трансляцию с места атаки по *CNN*»[234].

И в заключении рассуждения о квинтесенции терроризма в российской и зарубежной литературе можно привести цитату из книги «Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте»: чистая правда» Э. В. Тополя, посвященной событиям в театральном центре на Дубровке в октябре 2002 г.: «это не было спектаклем – это был один из тех моментов, когда они ждали штурма, подтянулись, заставили нас сесть плотнее и готовились взорваться. Это была сгущенная атмосфера страха и концентрация смертельного ужаса. Я закрыл лицо, чтобы дети, которые сидели рядом, не видели моего страха, и только молился, только молился...»[235].

Художественная и публицистическая литература, отражающая действительное и фантастическое сплетение террористических событий и человеческих судеб, содержит очень важную и значимую рекомендацию человечеству – о трезвлении и понимании глубины человеческого порока, подобного рабскому клейму. Как раб служит своему господину, так и порочное общество рабски служит греху. Пятая сущность терроризма – это страсти, страхи и страдания, которые испытывает современный человек. Они составляют не только звенья одной цепи, связанные единым индоевропейским корнем «-стр-», но и формируют вторичность внимания к своему собственному внутреннему состоянию, а также к состоянию находящихся рядом людей. Хотя следует отметить, что в литературных произведениях последних лет умело

---

233 *Рубина Д. И.* Синдикат : роман-комикс. М. : ЭКСМО, 2006. С. 575.

234 *Минаев С. С.* MEDIA SAPIENS. Дневник информационного террориста. М. : Астрель; АСТ, 2007. С. 113.

235 *Тополь Э. В.* Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте»: чистая правда. М. : АСТ, 2011. С. 218.

подчеркивается, как общественные пороки маскируются под общественные достижения (пропаганда однополых союзов, сквернословие, гедонизм, культ успеха и достижений и др.). О сильнейшем пороке последнего времени говорит Иисус Христос: по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь (Мф. 24:12). Мексиканский писатель Джонни Уэлч в поэме «Кукла» пишет: «человек имеет право взглянуть на другого сверху вниз лишь для того, чтобы помочь ему встать на ноги»[236]. Так побеждается причина заболевания общества терроризмом, а не затираются в процессе диагностики его важные симптомы.

Список использованной литературы

1. *Гюго, В.* Девяносто третий год / В. Гюго. – Москва : Правда, 1981. – 223 с.
2. *Достоевский, Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1974. – Т. 11. – 417 с.
3. *Кони, А.* Воспоминания о деле Веры Засулич / А. Ф. Кони. – Москва : Директ-Медиа, 2025. – 385 с.
4. *Ламм, В.* Последний народоволец / В. Ламм // Поза.ру : сайт. URL: https://proza.ru/2016/03/22/576.
5. *Минаев, С. С.* MEDIA SAPIENS. Дневник информационного террориста / С. С. Минаев ; худож. А. Казакевич. – Москва : Астрель; АСТ, 2007. – 313 с.
6. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах / Плутарх; пер. С. А. Ошерова. – Москва : Наука, 1994. – Т. I. – 341с.
7. *Римлянин, И. К.* Собеседование аввы Серапиона о восьми главных страстях / Иоанн Кассиан Римлянин // Предание.ру : сайт. URL: https://predanie.ru/book/67891-ioann-kassian-tvoreniya/
8. *Рубина, Д. И.* Синдикат : роман-комикс / Д. И. Рубина. – Москва : ЭКСМО, 2006. – 575 с.
9. *Тополь, Э. В.* Роман о любви и терроре, или Двое в «Норд-Осте»: чистая правда / Э. В. Тополь. – Москва : АСТ, 2011. – 408 с.
10. *Уэлч, Д.* Кукла (Прощальное письмо) / Джонни Уэлч // Нондуализм : сайт. URL: https://nondualism.ru/dzhonni-uelch-kukla/.
11. *Флавий, И.* Иудейская война / И. Флавий. – Минск : Беларусь, 1991. – 511 с.
12. *Robespierre Maximilien* «Virtud y terror». URL: https://fixquotes.com/works/the-terror-and-virtue/.

[236] *Уэлч Д.* Кукла (Прощальное письмо) // Нондуализм.ру : сайт. URL: https://nondualism.ru/dzhonni-uelch-kukla/

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Наталья Сергеевна Потапова
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России);
советник директора АНО ДПО «Центр научно-методического обеспечения нотариальной деятельности», г. Москва, Россия
Potapova@notarynmc.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена анализом историко-правового развития имущественных прав несовершеннолетних с точки зрения семейного права. В статье рассматривается сравнение советского и современного становления института алиментирования, связанных с историческими процессами, а также имущественные права несовершеннолетних, регулируемые семейным и гражданским законодательством. Сделан вывод о необходимости изучения исторического опыта правоприменения и разрешения вопросов в области алиментирования, понимания значимости имущественных прав несовершеннолетних, дальнейшего совершенствования законодательства и проведения доктринальных исследований в данной сфере.

Ключевые слова: несовершеннолетние; семейное право; гражданское право; имущественные права; алименты; содержание; родители; индивидуальный предприниматель.

На протяжении развития законодательства нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы имущественных прав несовершеннолетних, прошли долгий путь становления и развития: от регулирования имущественных отношений в Древней Руси до регулирования имущественных прав несовершеннолетних в период Российской империи, Советского Союза, а также в современном российском законодательстве.

Первое упоминание о правах ребенка содержалось в Русской Правде[237]. Особый интерес представляло правило следования детей судьбе родителей.

---

[237] Правда Русская / под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940–1963. Т. I: Тексты; подгот. к печати В. П. Любимов и др., 1940. 505 с.

Право наследования имели только дети бояр и дружинников (в отличие от детей смердов). Над малолетними детьми и их имуществом устанавливалась опека с назначением близкого родственника или отчима опекуном. Опекун нес материальную ответственность за сохранность имущества подопечного и моральную – за воспитание ребенка до совершеннолетия.

Впервые обязанность обеспечивать ребенка материально была закреплена только в ст. 176 Артикула воинского[238], изданного в период правления Петра I как первого военно-уголовного и военно-процессуального кодекса 1715 г. Однако это обременение возлагалось только на отца ребенка. Одновременно с этим отец обязывался содержать мать ребенка, даже если родители не находились в браке. Реализация имущественных прав детей была закреплена в Указе Петра I от 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»[239], устанавливающем над несовершеннолетним наследником опеку. Из числа близких родственников или иных лиц назначался опекун, на которого возлагался ряд обязательств: обеспечить сохранность наследственного имущества до достижения подопечным возраста 18 лет (17 лет – для лиц женского пола), а также «кормить, снабжать, учить грамоте, а также наукам, к которым преклонность будет кто иметь»[240].

Свод законов гражданских Российской империи[241] включал статьи об имущественных правах детей, регулирующие содержание детей, не только рожденных в браке, но и внебрачных. Положения ст. 132.4 Свода законов предписывали отцам внебрачных детей содержать их, а также мать ребенка, если уход за ребенком ставит ее в трудное финансовое положение.

В советский период в Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г.[242] содержались обязанности родителей и иных законных представителей по содержанию ребенка, а также имущественная защита всех членов семьи, в том числе несовершеннолетних. До 1937 г. термин «алименты» в советском законодательстве отсутствовал и был полностью заменен термином «содержание». Вопрос по содержанию детей при отсутствии соглашения между родителями передавался в местный суд, в котором учитывались средства и трудоспособность обоих родителей. Следует обратить внимание на специфический порядок установ-

---

238 Артикул воинский (1715 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

239 Указ Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 г. // Российское законодательство X—XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юридическая литература, 1986.

240 *Брючко Т. А.* Обеспечение интересов несовершеннолетних наследников при разделе наследства: исторический аспект // Наследственное право. 2010. № 1. С. 3.

241 Свод законов Российской империи. Т. X // СПС «КонсультантПлюс».

242 Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

ления алиментной обязанности отца ребенка: если суд не мог определить, кто из фактических сожителей матери является биологическим отцом, суд возлагал обязанность по расходам на содержание ребенка в равной степени на всех установленных сожителей. Позиция Верховного суда РСФСР[243] по содержанию детей определялась в том, что мать обязана ухаживать за детьми, поэтому в равной мере расходы по содержанию ребенка между отцом и матерью не подлежат разделению. В дальнейшем указанная позиция корректировалась, и к 1944 г. суды полностью отошли от практики взыскания алиментных платежей с лиц, которые не находились с матерью ребенка в зарегистрированном браке, в связи с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи, беременным женщинам и одиноким матерям...»[244].

Дальнейшим серьезным этапом развития института алиментных обязательств стал Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г.[245] (далее – КоБС РСФСР). Впервые в советский период появились понятия «алиментные обязанности», «алименты» и «содержание». Становится очевидным, что законодатель советского времени не разграничивал понятия «алименты» и «содержание».

Следующим и последним на данный момент этапом стал ныне действующий Семейный кодекс Российской Федерации[246] (далее – СК РФ), содержащий главу 11, посвященную исключительно правам несовершеннолетних детей. Следует иметь в виду, что имущественные права, помимо семейного законодательства, закрепляющего лишь некоторые имущественные отношения с участием ребенка (ст. 60 СК РФ), регулируются и гражданским законодательством, которое определяет особенности совершения сделок малолетними (ст. 28 ГК РФ) и лицами в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ), основания ограничения права гражданина в возрасте от 14 до 18 лет распоряжаться своими доходами (п. 4 ст. 26 ГК РФ), особенности отдельных договорных правоотношений с участием несовершеннолетних (п. 1 ст. 575 ГК РФ), имущественную ответственность по обязательствам из причинения вреда (ст. ст. 1073, 1074 ГК РФ), особенности наследования несовершеннолетним ребенком (ст. ст. 1166, 1167 ГК РФ), сделки с жилыми помещениями, где проживают несовершеннолетние (п. 4 ст. 292 ГК РФ) и т.п. Важно отметить, что ст. 60 СК РФ об имущественных правах ребен-

---

243 Определение Верховного суда РСФСР от 18 января 1924 г. // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 16. С. 383.

244 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждения ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // СПС «КонсультантПлюс».

245 Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30 июля 1969 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

246 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. 27 янв. № 17.

ка является новой для отечественного семейного законодательства, поскольку в ранее действовавшем КоБС РСФСР аналогичная норма отсутствовала. По действующему законодательству содержание ребенка предоставляется родителями из своего заработка (дохода), а в случае непредоставления содержания взыскание с родителей средств на содержание несовершеннолетнего (алименты) производится в судебном порядке (п. 2 ст. 80 СК РФ). В СК РФ под «алиментами» понимается «предоставление содержания». При сопоставлении ст. 20, 42 и 80 СК РФ термины «содержание» и «алименты» понимаются в действующем законодательстве как равнозначные. Отождествление советского и современного понимания алиментов связано с историческим развитием института, получившим значительное расширение в советский период. Несомненно, законодатель перенял опыт предшественника (круг лиц алиментных правоотношений, подход к размеру платежей, юридические факты). Действующим законодательством, помимо основных прав, выделяются некоторые отдельные имущественные права, закрепленные в нормативных правовых актах. Так, например, Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[247] установлено, что несовершеннолетний индивидуальный предприниматель вправе владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, необходимым для обеспечения предпринимательской деятельности. Являясь индивидуальным предпринимателем, несовершеннолетний вправе заключать различные сделки, приобретать и отчуждать имущество, отвечать принадлежащим ему имуществом по возникшим обязательствам.

Таким образом, сравнивая этапы развития имущественных прав несовершеннолетних, можно констатировать, что имущественные права – это комплекс прав, возникающих у несовершеннолетнего как субъекта гражданско-правовых и семейных правоотношений по поводу владения, пользования и распоряжения различными видами имущества. Изучение исторического опыта правоприменения, понимания значимости имущественных прав несовершеннолетних позволит предложить наиболее оптимальные пути рационального реформирования семейного законодательства.

Список использованной литературы

1. *Брючко, Т. А.* Обеспечение интересов несовершеннолетних наследников при разделе наследства: исторический аспект / Т. А. Брючко // Наследственное право. – 2010. – № 1. – С. 3–7.
2. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – Москва : Юридическая литература, 1986.

[247] Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 2001. № 153–154.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Елизавета Михайловна Рябцева
студентка 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
liza02062004@mail.ru

Аннотация. Важность статьи обусловлена тем, что в XXI в. вопрос сохранения института семьи и поддержания традиционных семейных ценностей в условиях глобальной трансформации общепринятых убеждений стоит довольно остро, так как облик морального сознания общественности имеет большое значение для государства. В процессе исследования удалось определить, что традиционные семейные ценности, как и сам институт семьи, прошли длинный путь становления от патриархального господства в семье и многодетности до равенства супругов в нуклеарной семье. Проведенное исследование позволяет констатировать, что обеспечение сохранения и преемственности традиционных семейных ценностей приобретает характер насущной общественной задачи.

Ключевые слова: семья; традиционные семейные ценности; духовно-нравственные установки; брак; поколения.

Семья является основой формирования культурного кода населения России, поэтому данный социальный институт играет ключевую роль в формировании стабильного и процветающего общества. Устойчивость традиционных семейных ценностей способна определять благополучие как отдельной семьи, так и целого государства. Однако определение категории «традиционные семейные ценности» невозможно без понимания исторического пути, который прошел институт семьи от зарождения первобытного общества до настоящего времени. Данная необходимость продиктована самой природой рассматриваемого понятия, так как традиционные ценности, в частности семейные, представляют собой совокупность нравственных установок, которые формировались многими поколениями людей на протяжении нескольких столетий. Стоит учитывать, что семья – довольно подвижный и изменчивый институт, который на протяжении многих веков трансформи-

ровал свой облик под влиянием социальных, экономических и политических процессов модернизации общества.

Первые отношения, которые можно считать прообразом современной семьи, зародились еще в условиях первобытнообщинного строя и получили название «человеческое стадо». Оно представляло собой простейшую форму социальной организации общества, главной целью которой было объединение нескольких десятков людей для совместного противостояния внешним угрозам. О семье в понимании, близком к современному, можно говорить с периода родового строя, когда сформировались отдельные коллективы (рода). Люди, вступая в брак, брали на себя обязанности: главной задачей женщины было воспитание детей и ведение хозяйства, в то время как мужчина выполнял роль основного работника и защитника. Рассматриваемый период характеризуется сохранением тесных связей с предыдущими поколениями (допускалось совместное проживание нескольких поколений), распространением патриархальных ценностей (главенство мужчины в семье), традицией заключения полигамного брака (форма брачного союза, допускающего многоженство), многодетностью (продолжение рода являлось главной целью семьи), а также регулированием семейно-брачных отношений нормами обычая (отсутствовало законодательство, регламентирующее вопросы семьи).

Представления о семье поменялись после крещения Руси в 988 г. Христианство устанавливало моногамный брак как единобрачный союз между одним мужчиной и одной женщиной, полигиния была под запретом по религиозным соображениям и осталась пережитком прошлого. Впервые появилась отдельная книга, в которой были изложены основы уклада православной семьи. «Домострой» протопопа Сильвестра, написанный в 1547 г., стал уникальным литературным произведением средневековой России, который регламентировал семейно-брачные отношения и фактически стал неофициальным сборником правил и наставлений в вопросах быта и семьи. Первым официальным документом, который содержал правовые нормы, регулирующие институт семьи, стало Соборное Уложение 1649 г., которое закрепило юридическую природу церковного брака. Развитие семейного законодательства как самостоятельной составляющей правовой системы России связано с приходом к власти Петра I, который издал первый указ, провозглашавший принцип добросовестности вступления в брак.

Учитывая то обстоятельство, что религия стала важнейшим постулатом нравственного воспитания русского народа в IX–XVII вв., можно сделать вывод, что в рассматриваемый временной отрезок очень ценилась супружеская верность (целомудрие); иерархия в семье, согласно которой главенствующая роль отводилась мужу; любовь к ближнему; покорность перед судьбой и послушание; забота о телесном благополучии членов семьи. К другим семейным ценностям данного периода отечественной истории можно отнести преемственность поколений, почитание к старшим и многодетность.

С первой половины XVIII в. начинается процесс трансформации семьи из религиозного института в светский. Данные изменения начались с переда-

чи полномочий патриаршества в сфере регулирования семейных отношений в пользу государственных органов.

Отдельного внимания заслуживает период с XVIII по начало XX в., в рамках которого образ семьи подвергся значительным изменениям, но характер и степень преобразований в семейных отношениях зависели от принадлежности той или иной семьи к определенному сословию. У высших слоев общества, таких как дворянство, а позже и интеллигенция, постепенно сменился ориентир от составной, сложной семьи к малой, нуклеарной. Несмотря на то обстоятельство, что в Российской империи церковь не была столь влиятельна в сфере формирования мировоззрения дворянства и интеллигенции, высшее сословие сохранило авторитарно-патриархальную семейную систему, а также ценности уважения и почитание к старшим, что свидетельствует о преемственности поколений. Рождение нескольких детей в высокопоставленной семье было нормой, однако численность потомства явно уступала количеству детей в крестьянских семьях, для которых многодетность являлась залогом выживания. Обычаи и ценности расширенной и многопоколенной крестьянской семьи сохранялись до эпохи великих реформ 1860-х годов. Со второй половины XIX в. уменьшается численность членов семьи даже в крестьянской семье, тем не менее религия оставалась важным регулятором семейных отношений.

Кардинальные перемены в политических и социальных устоях российского государства в начале XX в. не могли не отразиться на институте семьи. Советская власть, опираясь на идеологию классового равенства, отрицала буржуазные формы брака и семьи, а также стремилась вытеснить влияние Церкви на общественное сознание. Антирелигиозная пропаганда главной своей целью ставила отказ от идеалов традиционной семьи. Последствием подобного вмешательства в семейные отношения стал кризис института семьи, выражающийся в высокой статистике разводов. 1920-е гг. также характеризовались демократизацией внутрисемейных отношений, о чем свидетельствует юридическое уравнивание женщин с мужчинами. Расширение прав представительниц женского пола поменяло как их положение в обществе, так и в семье: жена стала равноправным участником семейных отношений. Стоит отметить, что брак перестал иметь авторитарно-патриархальные черты, поэтому лица, вступающие в союз, при выборе супруга или супруги учитывали такие качества, как общность взглядов, доверие и взаимоуважение. Институт семьи стал опираться на детоцентрированные ценности, в основе которых стоит концентрация внимания на воспитании ребенка. В условиях развития индустриального советского общества, стремившегося достичь высоких экономических показателей, родители мало времени уделяли своим детям, поэтому большой вклад в формировании нравственных установок внесло поколение бабушек и дедушек, воспитанных в рамках традиционных (религиозных) ценностей и взглядов. Безусловно, имела место преемственность поколений. После 1930-х гг. государство, осознавая важность института семьи в советском обществе, взяло

под контроль вопросы, связанные с поддержкой и защитой семьи, материнства и детства, поэтому важным источником нравственного воспитания детей стала школа.

В конце XX в. перестало существовать советское государство, что привело к дестабилизации всех сфер жизни. В сознании русского народа 1990-е ассоциируются с экономическим и политическим кризисами, ростом преступности и беззаконием, коррупцией и социальной неустойчивостью. Институт семьи был в глубочайшем упадке. Особо острой проблемой была деморализация населения, ставшая следствием распространения идей свободы и вседозволенности. Традиционные семейные ценности были частично забыты не только из-за широкой популярности новых концепций, но и потому, что многие дети из неполных семей и дети-сироты в рассматриваемый период времени не имели такой источник формирования традиционных семейных ценностей, как полная семья.

Современная среднестатистическая российская семья XXI в. представляет собой нуклеарную, малую семью с одним ребенком. Многодетность в современном обществе является большой редкостью. Вопрос об определении семейных ценностей настоящего столетия является дискуссионным, так как наряду с традиционным процессом воспитания личности ребенка предыдущими поколениями не исключено влияние прогрессивных идей на мировоззрение подрастающего поколения. Ценности, определяющие внутреннее содержание современной семьи, сводятся к таким духовно-нравственным ориентирам, как любовь, понимание, верность, поддержка, единство, забота, равенство, взаимоуважение, справедливость, честность, преемственность поколений, историческая память.

Подводя итог, можно отметить, что современное состояние института семьи и составляющих его духовно-нравственных ценностей является результатом длительного исторического развития. Процесс сохранения, поддержания и возрождения традиционных семейных ценностей имеет важное значение для современного общества. Именно поэтому важно уже сейчас решать все потенциальные и реально существующие угрозы, касающиеся семьи и ее ценностей.

Список использованной литературы

1. *Долгополова, М. Е.* Жизненные ценности современной молодежи / М. Е. Долгополова, Е. В. Яценко // Юный ученый. – 2023. – № 4 (67). – С. 177–180.
2. *Дюльдина, Ж. Н.* Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках / Ж. Н. Дюльдина // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 11. – С. 96–99.
3. *Елисеева, А. А.* Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права / А. А. Елисеева // Legal Bulletin. – 2024. – № 1. – С. 18–28.

4. *Несмеянова, И. А.* Современные семейные ценности и их особенности / И. А. Несмеянова // Legal Bulletin. – 2024. – № 1. – С. 18–28.
5. *Разбегаева, Л. П.* Семья как ценность в трудах отечественных философов / Л. П. Разбегаева, М.С. Коренькова // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». – 2011. – № 3 (13). – С. 1–4.
6. *Хатунцева, А. С.* Историческое развитие института семьи / А. С. Хатунцева, Ю. В. Мащенко // Территория науки. – 2012. – С. 95–99.
7. *Шахназарян, К. Э.* История развития семейного законодательства / К. Э. Шахназарян // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 122–124.

ВКЛАД Г.Р. ДЕРЖАВИНА В РАЗВИТИЕ МЕДИАЦИИ

Владимир Александрович Тер-Акопьян
доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент,
Сочинский институт ВГУЮ (РПА Минюста РФ), г. Сочи, Россия
2790491@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вклад Г. Р. Державина в развитие медиации и третейского разбирательства в России. На основе архивных материалов анализируется его посредническая деятельность в конце XVIII – начале XIX в., включая урегулирование семейных, наследственных, земельных и имущественных споров. Особое внимание уделяется роли Державина как авторитетного арбитра, действовавшего на принципах беспристрастия и совести, а также его влиянию на становление примирительных процедур в отечественной правовой традиции.

Ключевые слова: медиация; третейский суд; примирительные процедуры; Г. Р. Державин; альтернативное разрешение споров; арбитраж; мировое соглашение; история права России; совестный суд; Соборное уложение 1649 г.; судебная реформа 1864 г.; наследственные споры; земельные конфликты; брачно-семейные отношения.

Использование примирительных механизмов в России – таких, как посредничество (медиация), третейское разбирательство и их классический итог в виде мирового соглашения – на протяжении веков служит органичной составляющей национальной хозяйственной и юридической традиции.

Уже в VI столетии летописные источники фиксируют обращения славян к данным способам урегулирования конфликтов. Тогда основой обычного права становились мировые вердикты посредников, которыми чаще всего выступали уважаемые племенные старейшины.

На заре русской государственности миротворческую функцию часто брали на себя посредники, стремившиеся погасить княжеские распри и междоусобицы без кровопролития. Самое раннее упоминание о таком «альтернативном разрешении споров» встречается в новгородской берестяной грамоте конца XIII – начала XIV в. (1281–1313 гг.), где зафиксировано заключение мирового соглашения при свидетелях. До нас дошла и «мировая запись» 1538 г., фик-

сирующая условия земельного компромисса между монастырем (игумен Нафанаил) и боярским сыном Нечаем Харламовым. Еще раньше, в договорной грамоте 1362 г. великого князя Дмитрия Ивановича Донского и серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго, прямо говорится о «суде перед третьим», то есть о третейском разбирательстве. Следовательно, консенсусная, договорная модель урегулирования конфликтов укоренилась на Руси задолго до варяжского влияния. Наибольшее развитие институт третейских судей получил в свободолюбивых республиканских центрах – Новгороде и Пскове. Новгородская судная грамота XV в. демонстрирует целый спектр дел, решавшихся «на посуде у третьих людей». В Московском царстве арбитраж тоже применяли, но масштабы были скромнее: воеводы ревниво относились к самостоятельной юрисдикции гражданских общин, а ужесточение законодательства XVII в. подталкивало тяжущихся к государственным судам. Изначально арбитражное соглашение заключалось устно, со временем же стало оформляться письменно в виде «записи». Вердикт третейских судей должен был быть единогласным и считался окончательным. Ключевым прорывом стало Соборное уложение 1649 г., впервые приравнявшее решения третейского суда к государственным: любой человек получал право по взаимному согласию «с противной стороной» сформировать состав третейских судей, уполномоченных «судить и сыски сыскивать», чьи постановления следовало добровольно исполнять.

Норма Уложения легла в основу многочисленных имперских актов XVIII – начала XIX в.: с 1734 по 1831 г. вышло свыше двадцати регламентов, определявших, когда арбитраж возможен, а когда обязателен, кто вправе к нему прибегать, как формировать состав судей и в какой процедуре они должны действовать. Разрозненность и противоречивость этих документов осложняли практику: одни предусматривали арбитраж лишь по соглашению сторон, другие – как обязательную инстанцию; часть актов ограничивалась общей отсылкой к «определенным лицам», иные детально описывали механизм функционирования судов. Перелом наступил в 1831 г., когда император Николай I утвердил единое Положение о третейском суде. Оно отменило почти все прежние нормы и стало всеобъемлющим арбитражным законом. С этого момента и вплоть до судебной реформы 1864 г. функционировали так называемые узаконенные третейские суды, специализировавшиеся на корпоративных конфликтах: спорах между членами торговых товариществ, акционерами и иными участниками хозяйственных объединений. Таким образом, третейский суд, зародившийся как традиционная форма народного правосудия, постепенно эволюционировал в институционализированный механизм альтернативного правосудия, признанный российским законодательством наравне с государственными судами.

Судебная реформа 1864 г. окончательно ликвидировала узаконенный ранее третейский суд, который к тому моменту уже превратился в источник затяжной и изнурительной волокиты; по существу он прекратил работу задолго до официальной отмены, сохранившись лишь в форме добровольного третейского разбирательства. Принятый в том же году Устав гражданского судопроизводства упразднил учрежденные еще Екатериной II в 1775 г. совестные суды, заменив

их выборными мировыми судами, отделенными от окружных судов, чтобы приблизить правосудие к широким слоям населения. Предполагалось, что мировые судьи, пользующиеся всеобщим доверием, будут выступать главным образом в роли посредников-примирителей. Нормы Устава закрепляли обязанность мирового судьи до начала разбирательства подробно выслушать стороны и предложить им урегулировать спор полюбовно, указав наиболее эффективные, по его мнению, способы достижения согласия. Попытки склонить тяжущихся к примирению судья должен был предпринимать на всех стадиях процесса; лишь полная безрезультатность этих усилий давала ему право вынести решение по существу спора. Правовед Д. Е. Михель отмечал, что Устав 1864 г. оказал заметное влияние на формирование дореволюционного, советского и даже современного процессуального законодательства. Однако со временем многие его прогрессивные черты, включая детальную регламентацию примирительных процедур и ориентацию на консенсус, были утрачены или сведены к формальности, что ослабило примирительный потенциал отечественного правосудия[248].

Тем самым, наряду с третейским разбирательством, отечественная правовая практика знала и иные формы участия беспристрастных посредников, осуществлявших примирительные процедуры, – посредничество, или медиацию. С конца XVIII до середины XIX столетия данный институт не существовал изолированно: он взаимодействовал с государственными судами, встраиваясь в их деятельность как примирительный модуль. Механизм примирения продолжал применяться параллельно с прочими публично-правовыми механизмами урегулирования споров и конфликтов.

Серьезная посредническая деятельность Гавриила Романовича Державина, поэта и министра, включавшая примирение противоборствующих сторон и урегулирование общественных конфликтов, незаслуженно меркнет на фоне его поэтических триумфов и государственных заслуг, хотя занимала значительную часть его жизненного пути.

Закрепившаяся после знаменитого конфликта с Павлом I (1796) репутация Г. Державина как неподкупного, совестливого и беспристрастного человека открыла перед ним новое поприще. К поэту и сенатору все чаще обращались как к высокоавторитетному третейскому судье по сложным имущественным тяжбам; ему доверяли попечительство над обширными дворянскими имениями и контроль за сохранностью капиталов. В годы правления императора Павла Гавриил Романович превратился в едва ли не самого востребованного арбитра эпохи: представители знатнейших фамилий поручали ему урегулирование наследственных, земельных, брачно-семейных и иных дел, боясь произвола государственных канцелярий. Поток прошений рос настолько стремительно, что к 1800 г. Державин пристроил к своему петербургскому дому дополнительный флигель, разместил там штат писарей и устроил регулярные приемы, фактически создав собственную «малую палату правосудия».

---

248 См.: *Михель Д. Е.* Ретроспективный взгляд на развитие примирительных процедур в России // Философия права. 2014. № 4. С. 51–53.

Державин имел опыт участия в совестных и третейских судах задолго до описываемых событий: именно он рассматривал нашумевшую тяжбу уральских промышленников братьев Демидовых, связанную с имением, оцененным в миллион рублей, и сумел посредством примирительного соглашения ликвидировать конфликт. Подобным образом он не раз выступал арбитром и в иных имущественных спорах, однако наибольший объем примирительной практики пришелся на конец 1790-х. Император Павел, будучи апологетом мирного урегулирования, способствовал расцвету этого института.

По указу самодержцев, а также по взаимному согласию конфликтующих сторон, самые разнообразные судебные споры передавались на беспристрастное рассмотрение Державину. Выступая арбитром – третейским судьей, он блестяще урегулировал свыше ста запутанных тяжб – семейных, наследственных, земельных, долговых и вексельных. Размер предъявляемых исков нередко исчислялся многомиллионными рублями.

В числе доверителей Державина фигурировали многие сановные персоны Российской империи, и под его ведение попадали процессы исключительной сложности, где решалась судьба капиталов, исчислявшихся миллионами рублей. Помимо судебной работы по таким спорам на плечи Державина легло восемь официальных опек и попечительств: шталмейстера великой княгини Екатерины Павловны, князя И. А. Гагарина, представителей рода Голицыных, графа Г. И. Чернышева, бывшего фаворита Екатерины II С. Г. Зорича и других[249]. Все опекунские функции он исполнял с подлинным бескорыстием, неизменно обеспечивая подопечным ощутимую материальную и правовую поддержку[250].

Все рассмотренные Державиным дела условно делятся на пять категорий: семейные споры, наследственные вопросы, земельные конфликты, долговые и вексельные обязательства.

Работая в Межевом департаменте Сената, Г. Р. Державин регулярно сталкивался с конфликтами, неизбежно вспыхивавшими после Генерального межевания, и выступал в них признанным арбитром. Так, в 1797 г. он взял на себя посредничество в тяжбе майора Извекова с государственными крестьянами села Дьяконова Курской губернии, споривишими о праве собственности на 4 тыс. десятин пустоши Черемонь. Разбирая материалы, Державин тщательно сопоставил нормы Уложения, межевые инструкции, долговые и «полюбовные» записи, купчие грамоты и прочие акты, что позволило ему выявить самовольный захват земли крестьянами. В 1798 г. столь же детально он рассматривал земельный спор тульских помещиков Черепова, Челищева, Гамалеи и Константинова[251].

---

249 Шталмейстер – придворный конюшенный в чине III класса по Табели о рангах.

250 Коллекция Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ): фонд 247, опись 1, том 17, листы 17–18; 94–95.

251 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1400. Оп. 1. Д. 726. Л. 9–16; Л. 2–4.

Самым запутанным из всех споров, оказавшихся на столе Гавриила Романовича Державина, стало наследственное дело семьи Лопухиных. Личное повеление императора Павла I велело передать материалы именно ему и «рассудить по существу», минуя обычную тяжбу. Изучив заявления сторон, представленные в третейский суд, а также архивные бумаги, медиатор реконструировал цепочку событий. Первоначально предмет спора – несколько деревень и три дома в Москве и Петербурге – принадлежал Александре Никаноровне Лопухиной, супруге вице-адмирала Н. Г. Лопухина. После ее кончины в 1756 г. собственниками стали вдовец и пятеро их детей: Борис, Александр, Николай, Наталья и Анна. Семья владела недвижимостью «сообща, без определенного раздела долей», что было типично для тогдашней дворянской практики. Лишь позднее наследники оформили раздел, и именно этот момент дал почву для дальнейших конфликтов. Ключевым эпизодом оказалось поведение Николая: «падши в невоздержанную жизнь», он оброс как казенными, так и частными долгами. Чтобы закрыть их, Николай в 1770-х гг. уступил брату Александру свою часть имения в селе Спасском Тверской губернии. Истцы – его вдова Мария и малолетний сын Александр, действующий через мать, – утверждали, будто передача была фиктивной, «безвременной и безденежной», призванной скрыть имущество от кредиторов с обязательством вернуть его после урегулирования долгов. Державин, однако, представил письмо Александра к отцу, в котором недвусмысленно говорилось о покупке; более того, из приходно-расходных книг следовало, что за участок уплачено почти 25 тыс. руб., и дополнительно покрыты долги Николая. После смерти Николая (1780 г.) Мария обвинила деверя в незаконной опеке над ее сыном и в присвоении доходов на сумму 800 тыс. руб. Запрошенные из Опекунского совета документы показали: официальная опека Александром не открывалась, денег племянника он не трогал, напротив – выплатил остаточные долги умершего и содержал вдову с ребенком. Отдельно Мария настаивала, что Анна, жена Александра, забрала ее драгоценности, платья и белье стоимостью 60 тыс. руб. Державин сослался на отсутствие описи имущества и напомнил норму Соборного уложения 1649 г.: украшения, подаренные супруге, после смерти мужа возвращаются в его род. Не нашлось подтверждений и требованию о доле в старых владениях Лопухиных в Галицком и Ростовском уездах – те земли при жизни вице-адмирала были легально отчуждены Евреиновой и Загряжской. Анна Лопухина подала встречное заявление: ее вдовью седьмую часть захватила Мария с сыном. Проверка показала, что юный Александр уже унаследовал основные недвижимые активы дяди – имения с 1600 крепостных душ – и находится под материнской опекой. Если бы истцы возвратили Анне ее долю и возместили выплаченные братские долги с процентами, у них оставалось бы около 1000 душ, подчеркивал Державин. Он резюмировал: все претензии Марии «равны наглой клевете», ибо без поддержки Александра ее сыну едва ли досталось бы больше после расточительства отца[252].

[252] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 731. Л. 27–27 об.

В итоговом постановлении по конфликту Лопухиных Державин указал: Мария и Александр обязаны вернуть Анне седьмую часть наследственного имущества, выплатить пеню за насильственное присвоение имения, погасить за Николая принятые на себя долги, компенсировать казенные расходы на свое содержание и разделить спорное поместье поровну. Завершая изложение, он подчеркивал, что руководствовался голосом совести, как того требовал император Павел I[253].

Урегулирование сложных имущественных претензий и семейных коллизий требовало от посредника тонкой наблюдательности, психологической чуткости, гибкости, выдержки и житейской прозорливости. Эта корпоративно-общественная медиация почти не вознаграждалась материально, поглощала массу времени и энергии, однако Державин неизменно откликался на просьбы сторон и гордился сотнями успешно завершенных процессов. Для него эта правотворческая миссия оставалась бескорыстным увлечением, продиктованным позывами сердца.

По распоряжению царствующих особ и по добровольному волеизъявлению противоборствующих сторон судебные коллизии нередко передавались Гавриилу Державину. Выступая в ранге частного арбитра – третейского судьи, поэт-чиновник урегулировал свыше сотни запутанных процессов: бракоразводных, наследственно-правовых, поземельных, долговых и вексельных. Суммы исковых требований подчас измерялись миллионами рублей, а состав клиентов включал представителей высшей аристократии. Характерный пример – спор графа М. Ф. Апраксина с супругой Е. И. Апраксиной (урожденной Гендриковой), требовавшей реституции приданого с начисленными процентами за пользование капиталом и доходами имений. Проанализировав имущественные отношения супругов, Державин убедительно мотивировал свое арбитражное определение: графиня на протяжении брака получала полноценное содержание, а граф фактически не извлек выгоды из ее активов; следовательно, взыскание стоимости приданого с процентами является юридически необоснованным и несоразмерно обременительным для ответчика.

В 1800 г. поэт-государственник Гавриил Державин блестяще завершил тяжбу о наследстве незаконнорожденной Александры, дочери новороссийского помещика Терентия-Владислава Надаржинского, сына духовника Петра I. Хотя помещик еще при жизни публично признал девочку и обвенчался с ее матерью, после его смерти ближайшие родственники попытались аннулировать ее притязания на обширные вотчины и оспорить родовое достоинство. Взяв на себя защиту юной Надаржинской, Державин составил развернутый юридико-публицистический трактат «Рассуждение о браке», где обосновал ее права, и сумел убедить Правительствующий сенат. Итоговым вердиктом столь высшей инстанции за Александрой закреплялись дворянское звание, отцовская фамилия и полное наследственное право на имения. В своем трактате Державин развил представление о двойственной сущности брачного союза.

---

[253] РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 731. Л. 1–13.

Первая, «естественная», трактуется им как плотское содружество мужчины и женщины; вторая, «политическая», утверждается церковным или гражданским обрядом, превращая семейную связь в публично признанный и охраняемый законом институт. По мнению Державина, именно эта огласка дает браку правовую устойчивость, но само по себе свободное сожительство не является ни противозаконным, ни «неполноценным». Поэтому поэт-мыслитель настаивал: дети, рожденные как в освященном, так и в свободном браке, должны пользоваться равными гражданскими и имущественными правами, разумеется, если они крещены и официально признаны родителями. Таким образом, дело Надаржинской не только восстановило справедливость в конкретной семье, но и зафиксировало в российской судебной практике более прогрессивное понимание брака и наследования.

Г. Р. Державину удалось окончательно распутать затянувшийся земельный спор между обер-камергером И. И. Шуваловым и графом А. И. Мусиным-Пушкиным, касавшийся угодий дворцовых сел Ярославской губернии. Этот типичный для эпохи процесс наглядно демонстрировал масштабы самовольных захватов и пробелы в регламентации межевых работ. Проявив дотошность и опираясь на превосходное знание Уложения о межах и судебной практики, Державин досконально проверил расположение и правовой статус всех 41 оспариваемой пустоши. Итоги выяснений показали, что причина многолетнего конфликта крылась в ошибках местных землемеров, неверно вынесших границы, а также в халатности межевой канцелярии, утвердившей дефектные планы. Впоследствии документы были исправлены и проведено повторное, уже нормативное межевание.

Державин, накопивший солидный опыт медиатора, ярко реализовал его, возглавив Министерство юстиции: тогда он подготовил масштабный проект модернизации российского третейского разбирательства, предусматривавший унификацию процедур и расширение компетенции суда. Не менее плодотворной была его деятельность по предотвращению расточительства титулованных фамилий: государству он предложил конкретные механизмы усовершенствования опеки, попечительства и льготного кредитования дворянского сословия.

Список использованной литературы

1. *Грот, Я. К.* Жизнь Державина, составленная по его сочинениям, письмам и прочим историческим источникам / Я. К. Грот. – Санкт-Петербург, 1880. – С. 721–722.
2. Записки Гавриила Романовича Державина (1743–1812) в издании с развернутыми литературными и историческими примечаниями, составленными П. И. Бартеневым. – Москва, 1860. – С. 395.
3. *Михель, Д. Е.* Ретроспективный взгляд на развитие примирительных процедур в России / Д. Е. Михель // Философия права. – 2014. – № 4. – С. 51–53.

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Александр Игоревич Тетерин
студент 1-го курса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
aleksandr-2007ll@list.ru

Аннотация. Данная тема является актуальной, особенно в 2025 г., который был объявлен Годом защитника Отечества, а также во время проведения специальной военной операции. Цель: заинтересовать современное поколение историей своей страны и простимулировать формирование у молодежи чувств, таких как гордость и уважение к прошлому своей Родины и подвигам предков. В статье проанализировано взаимодействие поколений, а также внедрение новых технологий и изменение форматов акций как в России, так и за рубежом. В результате сделан вывод, что за многие годы проведения акция «Бессмертный полк» стала уже особенным ритуалом, который объединяет большое количество людей во благо исторической памяти, поэтому эту акцию можно поистине рассматривать как часть культурного кода страны, где история передается из поколения в живом формате.

Ключевые слова: «Бессмертный полк»; патриотические акции; патриотизм; Великая Отечественная война; современные подростки; образовательные функции; новые форматы акций; зарубежные страны;, семейные ценности; нравственные принципы; православие.

«Бессмертный полк» – международное общественное гражданско-патриотическое движение по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны, а также название акций-шествий, организуемых данным движением. Во многих странах мира участники акции ежегодно в День Победы проходят колонной по улицам городов с фотографиями своих родственников – ветеранов армии и флота, партизан, подпольщиков, бойцов Сопротивления, тружеников тыла, узников концлагерей, блокадников, детей войны, – и записывают семейные истории о них в Народную летопись на сайте движения. Девиз Полка: «Они должны идти победным строем во все времена».

Движение «Бессмертный полк» решает одновременно и образовательные, и воспитательные, и социальные, и духовные задачи:

1) образовательные: школьники осуществляют поисковую деятельность, беседуют со своими родственниками, пересматривают фотографии из семейных архивов, изучают старые документы, чтобы подготовить рассказ о своих родственниках – участниках войны;

2) воспитательные: главная цель акции – сохранение в каждой российской семье памяти о солдатах Великой Отечественной войны. Необходимо решать очень нелегкую задачу: заинтересовать историей своей страны поколение Интернета.

Как было справедливо отмечено участниками Парламентских слушаний «Патриотическое воспитание граждан России: «Бессмертный полк»», которые прошли в Государственной Думе России, память – это мост между прошлым и настоящим. Ее сохранение – повод и метод воспитания. А семья –начало воспитательной цепочки, в которую логически встраиваются детские и молодежные движения, искусство, литература, кинематограф для детей и юношества. Любая форма их привлечения должна носить увлекательную идею и качественное исполнение;

3) социальные: патриотизм формируется в единстве духовности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывную связь с Отечеством. Для воспитания достойных граждан необходимо прививать уважение к своему народу, к своим национальным традициям и культуре, растить и развивать в детях чувство гордости от принадлежности к своей стране и своей нации. И лучшим примером воспитания патриотизма может послужить «Бессмертный полк».

4) духовные: у каждого поколения есть общий набор ценностей, которые его представители приобретают за первое десятилетие, пока не научатся мыслить критически. Постепенно уходит поколение, которое помнит эту войну, которая закончилась 80 лет назад. События, подобные «Бессмертному полку», демонстрируют искреннюю приверженность россиян нравственным принципам и могут стать мощным объединяющим духовным началом.

В общей сложности в 120 странах и более 200 городах мира прошел «Бессмертный полк». Новые и привычные форматы акции провели единомышленники общероссийского движения в Европе, Азии, Африке и Австралии, в Америке и даже в Антарктиде.

Сотни людей с портретами ветеранов Великой Отечественной войны вышли на улицы Нью-Йорка, Мадрида, Рима, Вены, Копенгагена, Сиднея, Стокгольма, Афин и многих других мировых городов. В столице Конго – Киншасе – участники шествия несли шестиметровый флаг России, в индийской Калькутте – пятиметровую Георгиевскую ленточку, в тунисском городе Хаммамете – частицу Вечного огня с Могилы Неизвестного солдата в Москве.

Новые форматы «Бессмертного полка» подхватили неравнодушные граждане ближнего и дальнего зарубежья. «Песни Победы» пели в Албании, «Свечи Памяти» зажгли в Афганистане, с автопробегами проехали по улицам

Дублина и Лондона, «Диктант Победы» писали в Замбии, в десятках городов прошли субботники, мероприятия возложения цветов к могилам солдат, фотовыставки и пр.

В Киргизии в канун Дня Победы альпинисты совершили горное восхождение на высоту четырех тысяч метров над уровнем моря и водрузили копию Знамени Победы.

На праздничный концерт, посвященный Дню Победы, в российском Ивангороде, несмотря на запреты властей, пришли и жители соседней Эстонии. Они смотрели концерт, подпевали и соучаствовали тут же, на противоположном берегу реки Нарвы, которая разделяет два государства. Неравнодушные жители Эстонии своим присутствием доказали, что память о событиях Великой Отечественной войны не разделить берегами и границами.

Новые и привычные форматы «Бессмертного полка» России позволяют принять участие в ней жителям всех континентов, тем самым еще раз продемонстрировав, что память о подвиге героев Великой Отечественной войны, освободивших мир от нацизма, хранится в сердцах граждан большинства стран планеты.

Таким образом, значение «Бессмертного полка» в том, что это движение имеет ярко выраженное гуманистическое и нравственное измерение, тесно связанное с православной и семейной ценностной системой. «Бессмертный полк» позволяет каждому гражданину исследовать, изучить и искренне показать свою приверженность православным нравственным принципам, на которых основывается жизнь нашего народа, одновременно содействует мощной образовательной задаче – приблизить для современных детей и юношества героическую эпоху 1941–1945 гг.

Список использованной литературы

1. *Зенина, А. С.* «Бессмертный полк» как историко-культурный феномен России XXI века / А. С. Зенина // История и археология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). – Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. – С. 29–31. – URL: https://moluch.ru/conf/hist/archive/168/9207/.
2. *Лазебная, К. П.* Феномен ситуативной сплоченности – теоретический анализ и кейс-стади («Бессмертный полк») / К. П. Лазебная // Практики сплоченности в современной России: социокультурный анализ / рук.: Н. Е. Покровский; под общ. ред.: Н. Е. Покровский, М. А. Козлова. – Москва : Университетская книга, 2016. – С. 199–229.
3. Бессмертный полк шествует по странам и континентам // Бессмертный полк России : официальный сайт. – URL: https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/bessmertnyj-polk-shestvuet-po-stranam-i-kontinentam

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аминат Гаджиевна Халилова
студентка 1-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
aminkakhalilova80@gmail.com

Аннотация. Тема данной статьи рассматривает такие исследования, как российские духовно-нравственные ценности, которые соотносятся с правовым регулированием, и проводится глубокий анализ этой взаимосвязи.

Ключевые слова: российские духовно-нравственные ценности; правовая политика; правовая охрана; юридизация общественных отношений; традиционные ценности.

Исследование данной темы представляется крайне актуальным, поскольку оно затрагивает ключевые аспекты социально-политического и правового развития современного российского общества. В последний период развития страны ее правовая политика стала отличаться достаточно консервативным характером, в ходе которого она стремилась сохранить и укрепить традиционные устои общества и государства. Это нашло отражение в закреплении на конституционном уровне таких принципов, как защита семейных ценностей, воспитание патриотизма и многое другое. Однако юридическая наука до сих пор недостаточно внимания уделяет этой сфере, не осознавая в полной мере роль традиционных духовно-нравственных ценностей в государственном строительстве.

Необходимость правовой охраны традиционных ценностей и юридизации общественных отношений в соответствующей области возникает в момент появления таких культурных инноваций, внедрение которых направлено на разрушение фундамента социального бытия, отрицание основополагающих инвариантов культуры конкретного общества, нарушение баланса в сосуществовании интересов личности, общества и государства[254]. Набор прису-

[254] См.: *Устиленцев К.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования // Право и управление. XXI век. 2024. № 1 (70). С. 47.

щих традиционным ценностям характеристик обусловливает возможность их юридической формализации и разработки соответствующих правовых механизмов охраны. Эти ценности тесно переплетаются с фундаментальными принципами нравственного поведения человека, поскольку «формирование нравственных ценностей субъекта (индивида, социальной группы) определяется, с одной стороны, существующей в обществе системой нравственных ценностей, с другой – потребностями самого субъекта в духовном, как необходимом условии его жизнедеятельности»[255].

Необходимо отметить, что в российском обществе одной из инициатив по определению традиционных духовно-нравственных ценностей и формализации ряда связанных с ними общественных отношений является Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[256].

Правовая система, укорененная в национальных традициях, обретает уникальные черты, отличающие ее от других. Правотворческий процесс предполагает определенную опору на аутентичную культурную традицию, поскольку, «сверяя процесс развития либо с традицией, либо с тенденциями общественного развития в мире, можно принимать адекватные сложившимся реалиям решения еще на этапе законотворчества»[257]. Таким образом, перед правом может ставиться вполне определенная задача. Традиционные ценности формируют «своеобразный генетический код, связанный со стереотипами массового сознания, менталитетом»[258], что создает условия для развития чувства общности и культурной самобытности. Российская культура уникальна благодаря своим традиционным ценностям, которые обретают «российский» характер, отражая особый путь развития общества. Упоминание духовно-нравственных ценностей подчеркивает, что речь идет не о любых обычаях, а именно о тех, что касаются морали и этики. То есть в заявленном изначально словосочетании обращает на себя внимание наличие в его составе признака «духовно-нравственные», что позволяет ограничить несколько более общее понятие «традиционные ценности». Нравственность человека и общества тесно связана с традиционными ценностями. Эти ценности, будучи неотделимы от морали, выполняют двойную функцию: они отражают сложившиеся моральные нормы и одновременно служат каналом их передачи последующим поколениям, что напрямую влияет на формирование будущих общественных отношений. Включение в это понятие духовности (как более широкого аспекта, включающего нравственность) позволяет точно определить, что имен-

---

255 *Бояк Т. Н.* Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14-1. С. 43.

256 Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5351.

257 *Полякова Т. М.* Реализация принципов правового государства в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 115.

258 *Савка А. В.* Социокультурные традиции России и философия хозяйства // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 3. С.44.

но подлежит правовой защите. В данной сфере юридизация общественных отношений означает не создание общих правовых механизмов для охраны любых ценностей, поскольку такое обобщение затруднительно и порождает проблемы. Вместо этого правовая защита направлена на конкретные, духовно-нравственные по своей сути, традиционные российские ценности. Данное ограничение рассматриваемого понятия является конструктивным средством конкретизации предмета правовой охраны. Новые культурные идеи, которые идут вразрез с привычными и проверенными временем общественными укладами, являются главной угрозой для давних и проверенных норм, а именно традиционных ценностей. Проблема обеспечения правовой защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей все чаще поднимается в связи с опасениями по поводу морального разложения (речь идет о «разложении семьи и деградации семейных и других общественных отношений»)[259]. Применение юридических мер для защиты традиционных ценностей поднимает вопросы морали и этики, расширяя рамки простого юридического анализа. Так, правовая защита традиционных ценностей может рассматриваться как борьба с иными ценностями, которые не разделяются обществом. Исходя из сказанного, ключевые российские духовные и нравственные ценности служат фундаментом и основой общества, представляя собой устоявшиеся практики и нормы, передаваемые из поколения в поколение. Их утрата ведет к разрушению общества, деградации общественных связей и ослаблению социальной структуры.

Именно духовно-нравственные ценности, в противоположность ценностям эстетики или материальным ценностям, составляют концентрат цивилизационной самобытности российского общества, устранение которого имеет фатальный характер. Содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей указывает на сложный характер их внутренней структуры, в рамках которой объединяются ценности различной социально-политической значимости. Возможность формализации традиционных ценностей, их закрепление в позитивном праве зависит от степени конкретизации предмета правовой охраны, возможности установления объективных критериев для оценки посягательства на традиционные ценности.

Список использованной литературы

1. *Бояк, Т. Н.* Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» / Т. Н. Бояк // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14-1. – С. 42–45.
2. *Нишнианидзе, О. О.* Социальные нормы как регулятор социального взаимодействия в процессе стабилизации общества / О. О. Нишнианидзе //

[259] *Пантин В. И.* Запад и Восток: социально-экологические кризисы в прошлом и настоящем // История и современность. 2021. № 4 (42). С. 27.

Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2012. – № 1. – С. 90–94.
3. *Пантин, В. И.* Запад и Восток: социально-экологические кризисы в прошлом и настоящем / В. И. Пантин // История и современность. – 2021. – № 4 (42). – С. 20–38.
4. *Полякова, Т. М.* Реализация принципов правового государства в современной России / Т. М. Полякова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 112–117.
5. *Савка, А. В.* Социокультурные традиции России и философия хозяйства / А. В. Савка // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2007. – Т. 25, № 3. – С. 26–46.
6. *Субочев, В. В.* Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема / В. В. Субочев // Право и государство: теория и практика.– 2006. – № 5. – С. 125–135.
7. *Устиленцев К.* Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект правового исследования / К. Устиленцев // Право и управление. XXI век. – 2024. – № 1. – С. 44–51.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СФЕР

Элина Андреевна Цай
студентка 3-го курса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
elinatsay.22200512@gmail.com@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется историко-правовая эволюция российского законодательства в сфере семьи и труда как фундаментальных социальных ценностей. Цель работы – выявить исторически обусловленные основы современного правового регулирования данных областей, что иллюстрируется на материалах судебной практики. На основе сравнительно-правового метода анализа в статье показана преемственность ключевых правовых принципов, а также трансформация подходов законодателя под влиянием социально-экономических изменений.

Ключевые слова: семейное право; семья; брак; социальные ценности; труд; трудовое право; законодательство; история.

В каждой исторической эпохе фундаментальными социальными ценностями являются семья и труд, которые всегда находились в центре пристального внимания со стороны государства. Законодательное регулирование данных сфер не просто закрепляет основы частной и профессиональной жизни населения, но и отражает глубинные ценности и приоритеты общества на конкретном этапе его развития. В связи с этим историко-правовой анализ эволюции законодательной базы о семейных и трудовых отношениях является особенно актуальным и значимым, поскольку позволяет не только проследить истоки современных правовых норм, но и выявить устойчивые, обусловленные историческим развитием принципы, продолжающие оказывать влияние на законодательство[260].

[260] См.: *Полянский П. Л.* Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 3–33.

Развитие семейного законодательства в России наглядно демонстрирует переход от жесткой патриархальной модели к концепции семьи, основанной на равенстве, взаимном уважении, здоровом психологическом климате и защите прав рожденных в браке детей.

В эпоху российского империализма брак был, прежде всего, сословным и религиозным институтом, а не добровольным союзом, основанным на согласии и взаимных чувствах двух равных в правовом статусе людей. Законодательное регулирование семейных отношений носило ярко выраженный патриархальный и сословный характер, главным кодифицированным правовым актом являлся Свод законов Российской империи 1832 г. Данный законодательный акт закреплял главенство мужчины в семейных отношениях. Положение женщины в тот период исторического развития государства было незавидным, поскольку правовая система не защищала права женщин и существенно ограничивала их, а также права детей. Главной социальной ценностью, которая защищалась законом и церковью, провозглашалась незыблемость и власть главы семьи.

Кардинальным переломом в семейном законодательстве стали события после Октябрьской революции 1917 г. Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.[261] и последующая редакция от 1969 г. провозгласили совершенно революционные для того времени принципы семейных основ, например, равенство супругов, светский характер брака, свободу развода, уравнивание в правах законных и незаконнорожденных детей. Однако можно предположить, что подобные феминистические веяния в правовой сфере были необходимой для власти мерой, поскольку для укрепления и успешного развития советской власти было целесообразно позволить женщинам трудиться, получать образование наравне с мужчинами, освободив их из-под патриархальных устоев общества и беспокойства за свое положение в браке. Социальной ценностью стала правовая защита женщины как «освобожденной» личности и интересы государства в построении новой идеологии общества.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) 1995 г. собрал все лучшие достижения предшествующих эпох. На смену императивным нормам пришли диспозитивные начала, на первый план вышла защита интересов и прав ребенка, важной инновацией в этом стало введение института судебного лишения родительских прав, также получили развитие договорные формы регулирования имущественных отношений супругов – брачный договор[262].

---

[261] См.: *Фишман Л. И.* По поводу нового Кодекса законов о браке // Право и Жизнь. 1927. Кн. 3. С. 91–101.

[262] См.: *Демичев А. А.* О роли исторического подхода в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сборник научных трудов по материалам Третьей всероссийской научной конференции. Н. Новгород : НИУ РАНХиГС, 2020. С. 9–20.

Преемственность и развитие принципов прослеживается в вопросах алиментных обязательств. В Своде законов Российской империи супруг был обязан содержать жену только при ее «невиновности» в разводе, а в период становления советского права акцент был на защите нуждающегося нетрудоспособного супруга. В настоящее время ст. 89 СК РФ закрепила право на алименты за нуждающимся супругом, который осуществляет уход за общим ребенком-инвалидом. Это отражает современную социальную ценность – признание социальной значимости труда по уходу за ребенком, который в большинстве случаев осуществляет женщина. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» подчеркивается, что нуждаемость и размер алиментов определяются с учетом всех заслуживающих внимания обстоятельств, что позволяет судам гибко подходить к защите более слабой стороны, продолжая намеченный еще в советский период вектор.

Следующим объектом изучения нашей работы является эволюция трудового права России. Историческое развитие трудового законодательства ярко демонстрирует переход от понимания труда как обязанности к его признанию в качестве основы достойной жизни и развития личности.

В Российской империи долгое время трудовые отношения регламентировались нормами о найме, об оказании услуг, которые были закреплены Сводом законов Российской империи, и отличались низким качеством защиты прав работника. Фабричное законодательство, например, законы от 1882, 1885 и 1887 гг. о регулировании рабочего времени, труда женщин и подростков, формировалось под воздействием растущего рабочего движения. Социальной ценностью данного этапа можно назвать стабильность промышленного производства и защиту прав и интересов предпринимателей, однако власть была вынуждена признать необходимость законодательного закрепления минимальных социальных гарантий для предотвращения социального «взрыва»[263].

С приходом советской власти труд был провозглашен «делом чести, славы, доблести и геройства». Кодекс законов о труде (1918, 1922 гг.) закреплял всеобщую трудовую повинность, централизованное регулирование условий труда, запрет забастовок. Труд стал конституционной обязанностью. Ценностью объявлялась «диктатура пролетариата» и построение социалистического хозяйства. При этом советское трудовое право первое в мире закрепило и встало на защиту социальных прав и гарантий рабочих: 8-часовой рабочий день, ежегодные оплачиваемые отпуска, гарантии для беременных. Эти нормы и стали фундаментальной основой для дальнейшего развития трудового законодательства страны.

Трудовой кодекс Российской Федерации от 2001 г. «впитал» в себя все лучшее от советской правовой системы. Кодекс сохранил базовые социаль-

---

263 См.: *Маврин С. П., Хохлова Е. Б.* Трудовое право России. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Норма, 2007. 655 с.

ные гарантии, но ввел и гибкие механизмы, как, например, срочные трудовые договоры[264]. Социальной ценностью, оказывающей влияние на современное трудовое законодательство, является баланс интересов сторон трудовых отношений.

Проблемы дискриминации в профессиональной деятельности корнями уходят в историю. В дореволюционное время дискриминация по полу и возрасту была повсеместной, можно сказать – легальной. В советский период начинается расцвет социального равенства, «равная оплата за равный труд», хотя во многих сферах существовал «стеклянный потолок» для женщин. Сегодня Трудовой кодекс Российской Федерации прямо запрещает дискриминацию по любому признаку. В Определении Верховного Суда РФ от 16 января 2019 г. № 18-КГ18-23 Суд, отменяя решение нижестоящей инстанции, указал, что сам по себе факт отказа в приеме на работу женщины, имеющей малолетнего ребенка, при прочих равных условиях с другим кандидатом, является дискриминационным, если работодатель не докажет наличие иного законного основания для отказа. Данная позиция Верховного Суда – прямое продолжение и развитие направленности правовой сферы на защиту от дискриминации, начало которой было положено еще в раннем советском трудовом законодательстве, но наполненное новым, соответствующим международным стандартам, содержанием.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о глубокой исторической преемственности в регулировании семейных и трудовых отношений в России. Современное российское законодательство о семье и труде представляет собой диалектический синтез традиционных для российской правовой системы ценностей, идущих сквозь историческое развитие, и современных подходов, что и формирует его уникальную и динамично развивающуюся природу.

Список использованной литературы

1. *Демичев, А. А.* О роли исторического подхода в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения / А. А. Демичев // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сборник научных трудов по материалам Третьей всероссийской научной конференции. – Нижний Новгород : НИУ РАНХиГС, 2020. – С. 9–20.
2. *Полянский, П. Л.* Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) / П. Л. Полянский // Вестник Московского университета. – Серия 11: Право. – 2010. – № 2. – С. 3–33.

---

[264] См.: Трудовое право Российской Федерации. Изд. 2-е, стереотип. М. : Омега-Л, 2006. 424 с.

3. *Фишман, Л. И.* По поводу нового Кодекса законов о браке / Л. И. Фишман // Право и Жизнь. – 1927. – Кн. 3. – С. 91–101.
4. *Маврин, С. П.* Трудовое право России / С. П. Маврин, Е. Б. Хохлова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва : Норма, 2007. 655 с.
5. Трудовое право Российской Федерации / под ред. А. К. Исаева. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : Омега-Л, 2006. – 424 с.

Информационная безопасность и защита персональных данных

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вадим Дмитриевич Абрамов
студент 2-го курса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
abramov45458@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается роль искусственного интеллекта в информационной безопасности. В работе приводятся конкретные направления применения искусственного интеллекта в правовой сфере, а также перечисляются возможности его применения. Помимо этого, изучаются также вопросы правового регулирования искусственного интеллекта и возможные тенденции его развития в правовом поле Российской Федерации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; информационная безопасность; кибербезопасность; информация.

Информация становится одной из важнейших ценностей современного общества. Это обстоятельство демонстрирует необходимость обеспечения информационной безопасности. Для достижения этой цели необходимо использование современных ключевых технологии, таких как: аналитика больших данных, интернет вещей, искусственный интеллект (далее – ИИ) и др.

Особую роль в обеспечении информационной безопасности играет ИИ, поскольку данные технологии предлагают уникальные возможности для улучшения защиты данных и сетевых систем.

Использование ИИ в информационной безопасности, согласно предложениям Д. Е. Намиота, имеет несколько направлений:

– ИИ в кибератаках (наступательный или атакующий ИИ);
– ИИ в защите от кибератак;
– кибербезопасность самих систем ИИ (атаки на системы ИИ);
– зловредные воздействия, осуществляемые с помощью ИИ[265].

ИИ, с его способностью обрабатывать огромные объемы данных, выявлять закономерности и адаптироваться к динамическим угрозам, предлагает мно-

[265] См.: *Намиот Д. Е.* Искусственный интеллект в кибербезопасности. Хроника. Выпуск 1 // International Journal of Open Information Technologies. 2025. № 9. С. 34.

гообещающий подход к решению проблем безопасности. Среди возможностей ИИ можно перечислить:

– прогнозирование потенциальных атак и принятие проактивных мер;

– снижение зависимости от человеческого фактора за счет автоматизации процессов;

– автоматическое реагирование на инциденты безопасности;

– распознавание фишинговых попыток и улучшение механизмов цифровой фильтрации;

– анализ поведения пользователей и выявление отклонения от нормального поведения, что помогает выявить потенциальные угрозы;

– проверку системы на наличие уязвимостей и предложение приоритетных путей их устранения, что снижает вероятность успешных атак[266].

Кроме того, ИИ-технологии способствуют повышению устойчивости систем к новым видам угроз, включая минимизацию последствий уже произошедших инцидентов.

ИИ может применяться для различных целей в информационной безопасности. Использование ИИ необходимо, поскольку параллельно происходит усиление кибератак с помощью этой технологии. Поэтому необходимо своевременно находить методы информационной безопасности.

Применение технологий ИИ в сфере информационной безопасности создает новые общественные отношения, для которых необходимо установить правовое регулирование в целях реализации социально полезных задач.

В научной литературе выделяют несколько основных моделей регулирования ИИ, в соответствии с которыми в дальнейшем будет определяться правовое регулирование. Выделяют **три основные модели регулирования**[267].

Первая модель предполагает наиболее мягкий подход к регулированию отношений. В этой модели основную роль играют документы стратегического планирования и программные документы, которые не устанавливают жестких рамок общественных отношений. В этой модели также применяется свод этических правил использования ИИ-технологий. Данная модель позволяет в быстром темпе развивать технологии, однако она может не предусматривать потенциальные риски их злоупотребления.

Вторая модель предполагает принятие большого количества правовых норм, которые регламентируют четкое применение систем ИИ. Такая модель означает жесткий подход, в основе которого будет действовать императивный метод правового регулирования. Данный подход акцентирует внимание на защиту прав человека от посягательств и злоупотреблений ИИ-технологий, однако эта модель способна тормозить развитие технологий.

---

266 См.: *Назарова З. К.* Будущее кибербезопасности в эпоху искусственного интеллекта // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). 2025. № 10. С. 527.

267 См.: *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие. Нижний Новгород : Тип. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2025. С. 59.

Третья модель регулирования основывается на сочетании первой и второй моделей. Такая модель предполагает существование как рекомендательных норм, так и обязывающих и запрещающих норм права.

В настоящее время правовое регулирование ИИ-технологий в Российской Федерации основывается на первом методе. На данный момент времени действуют национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года, Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Федеральный закон № 123 об экспериментальных правовых режимах в целях внедрения технологий ИИ в городе Москве, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта; установлены госстандарты ИИ в различных областях (152 стандарта), в том числе в сфере функциональной безопасности ИИ.

В настоящее время не установлено прямого обязательства (как способа правового регулирования) использования ИИ в сфере информационной безопасности. Однако с развитием технологий защита информации становится все сложнее, в связи с чем необходимо использование таких технологий. В ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» защита информации представляет собой принятие технических мер. В частности, обладатель информации и оператор информационной системы обязаны предотвращать несанкционированный доступ к информации, не допускать воздействия на технические средства обработки информации, вести постоянный контроль за обеспечением уровня защищенности информации. В настоящих условиях выполнение этих требований без использования ИИ становится сложнее, в связи с чем необходим учет правового регулирования в этой сфере.

Запрет на применение технологий ИИ и установление наказания за их использование при совершении правонарушений в настоящее время не зафиксированы ни в Кодексе об административных правонарушениях, ни в Уголовном кодексе. Технологии ИИ могут признаваться лишь в качестве орудия или средства совершения правонарушения. Однако в настоящее время предложен законопроект, согласно которому предлагается дополнить ч. 1 ст. 63 УК РФ пунктом, в котором использование ИИ признается в качестве отягчающего обстоятельства при совершении преступлений.

Таким образом, ИИ становится неотъемлемой частью современной цифровой инфраструктуры. Его использование в информационной безопасности позволит улучшить защиту конфиденциальных данных и информационных ресурсов от неправомерных действий злоумышленников. Однако не следует забывать и про комплексное развитие ИИ, которое заключается в решении этических вопросов и вопросов правового регулирования. Только в этом случае ИИ сможет стать надежным инструментом для создания устойчивой и безопасной цифровой среды.

Список использованной литературы

1. *Намиот, Д. Е.* Искусственный интеллект в кибербезопасности. Хроника. Выпуск 1 / Д. Е. Намиот // International Journal of Open Information Technologies. – 2025. – № 9. – С. 34–41.
2. *Назарова, З. К.* Будущее кибербезопасности в эпоху искусственного интеллекта / З. К. Назарова // Raqamli iqtisodiyot (Цифровая экономика). – 2025. – № 10. – С. 524–531.
3. *Филипова, И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта : учеб. пособие / И. А. Филипова. – Нижний Новгород : Тип. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2025. – 321 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – СТРАЖ ЗАКОНА ИЛИ СЛУГА ПРЕСТУПНОГО МИРА?

Анна Арамовна Арзуманова
студентка 3-го курса Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
arzo2007@bk.ru

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ влияния технологий искусственного интеллекта (ИИ) на современную преступность и правоохранительную деятельность. Рассматриваются новые формы киберпреступности, использующие ИИ, и инновационные инструменты противодействия им. Исследуются ключевые направления применения ИИ в правоохранительной работе, включая прогностическую аналитику, распознавание образов и автоматизацию следственных действий. Особое внимание уделяется правовым и этическим вызовам, связанным с использованием ИИ. На основе изучения зарубежного и отечественного опыта формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект; преступность; правоохранительная деятельность; кибербезопасность; прогнозирование; большие данные; правовое регулирование.

Применение технологий искусственного интеллекта как в криминальной среде, так и в правоохранительной системе приобрело характер глобального вызова. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 г. более 60% всех зарегистрированных мошенничеств в России были совершены с использованием методов социальной инженерии, усиленных возможностями генеративного ИИ для создания убедительных фишинговых сообщений и глубоких подделок (дипфейков)[268]. Параллельно с этим правоохранительные органы наращивают технологический потенциал: по информации МВД, внедрение систем прогнозирования на базе ИИ в пилотных регионах (включая Москву, Санкт-Петербург и Ростовскую область) позволило повысить предупредительную эффективность на 25% и сократить время расследования экономических преступлений

[268] Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законов в сфере IT-технологий за 2024 год // Генеральная прокуратура РФ : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru

в среднем на 30%. Таким образом, актуальность темы обусловлена необходимостью оперативного правового реагирования на стремительно эволюционирующие цифровые угрозы и обеспечение законного и этичного использования передовых технологий в правоохранительной практике.

Ключевая проблема исследования заключается в двойственной роли ИИ: с одной стороны, он используется для совершенствования правоохранительной деятельности, а с другой – для совершения преступлений. К числу основных проблем относятся:

Нормативно-правовая база: отсутствие комплексного законодательства, регулирующего применение ИИ в правоохранительной деятельности, включая вопросы легитимности доказательств, полученных с помощью ИИ, и ответственности за вред от автономных систем.

Дискриминационный потенциал: риски алгоритмической предвзятости, ведущей к системной дискриминации отдельных социальных групп при прогнозировании преступности и оценке рисков.

Угрозы приватности и неприкосновенности частной жизни: опасность создания системы тотального наблюдения под предлогом повышения эффективности борьбы с преступностью.

Криминогенная адаптация: использование преступными группами технологий ИИ для создания новых, более изощренных и масштабируемых видов противоправной деятельности.

Разрешение данного противоречия требует формирования сбалансированной правовой модели, основанной на приоритете прав и свобод человека.

Современный криминальный мир активно адаптирует технологии ИИ для достижения преступных целей. Злоумышленники используют генеративный искусственный интеллект (ГенИИ) для повышения эффективности кибератак, нахождения уязвимостей системы и автоматизации мошеннических операций. Одним из ключевых направлений является проведение фишинговых атак. Мошенники способны эффективно генерировать фишинговые письма или создавать веб-сайты для накопления учетных данных.

Исследования показывают, что фишинговые сообщения, созданные алгоритмом, имитирующим реального человека, имеют высокий показатель успеха по сравнению с письмами, написанными человеком: 54% против 12%. Кроме того, благодаря применению ГенИИ значительно сокращаются затраты на подготовку фишинговой кампании[269].

Серьезную угрозу представляют дипфейки – технологии, позволяющие злоумышленникам имитировать голос и изображение высокопоставленных руководителей компаний, чиновников и других лиц. Эти дипфейки затем могут использоваться для реализации различных мошеннических операций. Например, распространена схема, когда киберпреступники выдают себя за генеральных директоров различных организаций, пытаясь убедить сотрудников

---

[269] Искусственный интеллект в преступности // Tadviser : сайт. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/

перевести средства под тем или иным предлогом. Голосовые дипфейки часто используются для телефонного мошенничества: злоумышленники могут имитировать речь родственников или друзей жертвы, пытаясь получить деньги[270].

ГенИИ широко применяется для дезинформации в соцсетях, генерируя правдоподобные, но ложные статьи и посты, что позволяет злоумышленникам манипулировать общественным мнением и дискредитировать людей и организации. Мошенники используют ИИ для создания фальшивых аккаунтов и групп для совершения мошеннических схем, таких как дезинформация общества, кража личных данных, а также материальных средств[271].

Особую опасность представляет использование ГенИИ для автоматизации написания вредоносных программ: нейросети позволяют создавать новые вирусы и находить уязвимости системы, и люди,имеющие даже минимальные навыки и познания, могут использовать нейросеть в злых целях. Российская Федерация разрабатывает меры уголовной ответственности за преступления с применением ИИ, предусматривающие штрафы до 2 млн рублей и сроки до 15 лет.

Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Когда наступит понимание того, что беспредельное и бесконтрольное развитие искусственного интеллекта, либо генетики, либо еще каких-то современных направлений, остановить которые невозможно, все равно эти исследования будут, так же, как невозможно было скрыть, что такое порох, от человечества, и невозможно прекратить исследования в той или другой области, эти исследования все равно будут, но когда человечество почувствует угрозу для себя, человечества в целом, тогда, мне кажется, наступит период договариваться на межгосударственном уровне о том, как мы будем это регулировать»[272].

В противовес криминальному использованию, технологические основы применения систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности включают использование искусственных нейронных сетей, обладающих способностью адаптации к обучению и выявлению неочевидных связей и закономерностей. Можно выделить три основных типа операций в сфере правоохранительной деятельности, которые могут быть разрешены посредством использования систем искусственного интеллекта: распознавание визуальных образов и связей между объектами криминалистического познания, предсказание и классификация[273].

---

[270] *Лаптев В.* Нейросети как угроза развитию судебной практики и профессиональная юридическая этика // Право.ру : сайт. URL: https://pravo.ru/opinion/260283/

[271] См.: *Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А.* Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 206–214.

[272] Путин: Угроза от развития ИИ заставит мир договариваться // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20240209/

[273] *Гресева И.* Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды // Softline : сайт. URL: https://softline.ru

Однако внедрение ИИ в деятельность органов вызывает серьезные проблемы, требующие регулирования и надзора. Одной из ключевых проблем является алгоритмическая предвзятость, когда алгоритмы могут усиливать исторические предрассудки, дискриминируя социальные группы. Отсутствие прозрачности в нейронных сетях создает проблему «эффекта черного ящика», затрудняя проверку и оспаривание их решений. Как считает Председатель Следственного комитета Российско Федерации Александр Бастрыкин, использовать искусственный интеллект в работе следствия необходимо осторожно и под контролем человека, чтобы не навредить правосудию. Кроме того, массовый сбор и анализ персональных данных для прогнозной аналитики повышает риск создания системы тотального наблюдения и утечки конфиденциальной информации[274].

Таким образом, искусственный интеллект представляет собой двуединый феномен в современной правовой реальности: с одной стороны, он выступает как мощный инструмент в руках правоохранительных органов, способный значительно повысить эффективность предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, а с другой – становится опасным орудием в арсенале преступного мира, порождая новые, более изощренные и масштабируемые формы киберпреступности.

Технологии ИИ, такие как прогностическая аналитика, распознавание образов и автоматизация процессов, открывают новые горизонты для борьбы с преступностью. Однако их внедрение сопряжено с серьезными вызовами, включая риски алгоритмической предвзятости, нарушения прав на приватность, отсутствие прозрачности и подотчетности, а также недостаточность нормативного регулирования.

Следовательно, будущая роль искусственного интеллекта – будь он «стражем закона» или «слугой преступного мира» – зависит не от самой технологии, а от правовых, этических и организационных рамок, в которые будет поставлено его развитие и применение. Необходимо срочное формирование сбалансированной правовой модели, основанной на приоритете прав человека, принципах прозрачности, подотчетности и недискриминации. Только так можно раскрыть потенциал ИИ для укрепления правопорядка, минимизировав при этом связанные с ним риски и превратив его из потенциальной угрозы в надежного союзника в обеспечении безопасности и справедливости.

Список использованной литературы

Степаненко, Д. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д. А. Степаненко, Д. В. Бахтеев, Ю. А. Евстратова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 206–214.

---

274 *Бастрыкин А. И.* Применение искусственного интеллекта в следствии возможно только под контролем человека // Интерфакс : сайт. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1026425

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Гюльханум Вадимовна Асадуллахова
студентка 1-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gulhanumasad15@mail.ru

Аннотация. Несовершеннолетним в силу возрастных психологических особенностей присущи неразборчивость и слепая доверчивость, которые делают их мишенью для преступников и злоумышленников, ищущих как раз такие неокрепшие умы в сети интернет и социальных сетях. Осуществляя пропаганду, преступники завлекают ничего не подозревающих подростков в преступную деятельность. Огромный массив информации, находящийся в настоящее время в сети интернет, способен сбить с толку не только несовершеннолетнего но и некоторых взрослых людей. В связи с этим необходимо проводить крупномасштабную работу со стороны государства по контролю хранения и фильтрации информации, находящейся в интернете.

Ключевые слова: интернет; информационная безопасность; социальные сети; информационные технологии; правоохранительные органы.

К 2023 г. развитие информационных технологий достигло невероятного размаха, произошла целая революция в методах и приемах обработки, хранения и передачи информации и данных. С невероятной скоростью развиваются самого разного плана социальные сети и даже программы искусственного интеллекта. При этом следует отметить, что сеть интернет раскрывает не только широкие возможности для развития способностей, знаний и интересов, но и содержит в себе реальные угрозы для граждан, особенно для молодого поколения[275].

---

[275] См.: *Бураева Л. А., Дадова З. И.* Об актуальных проблемах негативного влияния социальных сетей на формирование личности подростка // Социально-политические науки. 2019. Т. 9, № 6. С. 90–93.

К сожалению, в последнее время наблюдается тенденция к тому, что несовершеннолетние все меньше времени начинают уделять семье, друзьям, и личному, живому общению, с головой уходя в общение через социальные сети, компьютерные игры либо осваивание разного рода компьютерных программ.

Несовершеннолетние в силу психологической незрелости легко поддаются воздействию со стороны, что создает почву для деятельности злоумышленников и преступников, занимающихся пропагандой преступной, в том числе террористической, деятельности. Например, террористические группировки пользуются социальными сетями для распространения своих идей среди несовершеннолетних и побуждения к автономному совершению преступлений.

Огромный массив информации, находящейся в прямом доступе, вызывает острую необходимость в надзоре со стороны государства, о чем и гласят работы таких отечественных и зарубежных исследователей, как В. В. Белоус, В. М. Бутузов, В. Б. Вехов, А. Ф. Волобуев, А. Воронов, В. Д. Гавловский.

На сегодняшний день работе в сфере информационной безопасности уделяется катастрофически мало внимания, а вопросам информационной безопасности подростков – и того меньше, что является недопустимым в эру развитых технологий, когда зачастую подростки могут сутками сидеть за компьютером либо за телефоном. Необходимо проводить анализ хотя бы самых популярных информационных потоков, игр, программ, содержащихся в сети и находящихся в доступности для подростков, причем в работе этой должны принимать участие не только представители правоохранительных органов, но и психологи, квалифицирующиеся на работе с подростками.

Стремительный рост и развитие компьютерных технологий, увеличение массива информации, находящейся в сети интернет, а также увеличение количества подростков, и не только, использующих компьютерные технологии и гаджеты, не могут не вызвать необходимости большего контроля со стороны государства. Правоохранительные органы должны двигаться в ногу с развитием технологий и успевать проводить мониторинг и фильтрацию всего массива информации, находящейся в легком доступе.

Подрастающее поколение, бесспорно, является наиболее незащищенной частью общества, и это является неоспоримым фактом, о котором свидетельствуют как отечественные, так и международные исследования. Подростки слепо с детской доверчивостью подаются влиянию преступников, действующих с сети интернет с целью использования тинейджеров в своих незаконных схемах. Речь может идти об установлении между злоумышленником и ребенком незаконного контакта (груминга) с последующими преступными действиями, киберпреследовании, онлайн-насилии, мошенничестве и др. Причем иногда может иметь место и так называемая инверсия ролей, когда подросток из жертвы превращается в нарушителя[276].

---

[276] См.: *Кожарский Ю. А., Масеев Д. Д.* Теоретические основы и основные модели информационной безопасности // National Science. 2023. № 3 (7). С. 51–58.

Наглядным примером является совершение краж либо мошеннических действий подростками с целью покупки новой игры либо какого-либо устройства для тех же игр.

Такие случаи должны сразу становиться поводом для полной проверки правоохранительными органами с подключением психологов с полной проверкой тех игр или программ, под влияние которых попал подросток, для того чтобы избавить его от зависимости, подтолкнувшей его к совершению незаконных действий.

В настоящее время недооценивается разрушительная и деструктивная сила некоторых компьютерных игр, которые воспринимаются как игры, а на самом деле представляют собой продуманный шаг по пропаганде насилия заинтересованных на моральное разрушение нашей молодежи сил. В связи с этим считаем, что правоохранительные органы, двигаясь в такт с развитием компьютерных технологий, должны отслеживать каждую подозрительную игру и программу и проводить проверку на факт наличия нарушений. Иначе мы получим поколение людей, считающих насилие главным способом решения проблем, поколение раздражительных и вспыльчивых людей, моральные ценности которых потеряли свой ориентир.

Дабы сохранить психологическое здоровье подрастающего поколения, необходимо оградить их от опасного для них контента, а именно любого материала, содержащего намек на терроризм, пропагандирующего наркоманию, азартные игры, насилие, агрессию и многие другие отрицательные и деструктивные явления современного мира[277].

Мы, соглашаясь с мнением изученных нами авторов, предлагаем следующие методы защиты несовершеннолетних от действий преступников, осуществляющих пропаганду через всемирную сеть интернет: 1) автоматическое компьютерное наблюдение; 2) мероприятия, связанные с привлечением родителей, учителей, общественности к получению информации об использовании несовершеннолетними социальных сетей в деструктивных целях; 3) оперативное внедрение в виртуальные социальные группы подростков, имеющих деструктивные цели, для получения информации

В качестве примера можно взять *Google*, который запустил на *YouTube* экспериментальный «Метод перенаправления», чтобы перенаправить людей, в том числе подростков, которые ищут «террористический контент», на другие информационные ресурсы[278].

Нет никакого смысла запрещать подросткам посещать игровые клубы и похожие заведения, напрямую связанные с доступом в сеть интернет, как

---

277 См.: *Фасхутдинов Р. Ф.* Некоторые аспекты психического насилия в сети интернет как одного из способов совершения преступления против несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10. С. 284–285.

278 См.: *Баранова Ю. М.* К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 122–129.

и нет никакого смысла запрещать им пользоваться гаджетами. Нам необходимо просто оградить их от информационного шлака, который содержит в себе сцены насилия и призывы к нему путем тщательного контроля за информационными потоками, содержащимися в сети интернет.

Подводя итог вышеизложенному, считаем просто обязательным скорейшее создание и внедрение в работу технологий, которые бы определенным образом фильтровали данные сети и тем самым ограждали подростков от информационного мусора, являющегося на сегодняшний день опасным как для здоровья подрастающего поколения, так и для национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. *Баранова, Ю. М.* К вопросу об информационно-психологической безопасности детей и подростков в сети Интернет / Ю. М. Баранова // Социальная психология и общество. – 2012. – № 4. – С. 122–129.
2. *Бураева, Л. А.* Об актуальных проблемах негативного влияния социальных сетей на формирование личности подростка / Л. А. Бураева, З. И. Дадова // Социально-политические науки. – 2019. – Т. 9, № 6. – С. 90–93.
3. *Кожарский, Ю. А.* Теоретические основы и основные модели информационной безопасности / Ю. А. Кожарский, Д.Д. Масеев // National Science. – 2023. – № 3 (7). – С. 51–58.
4. *Фасхутдинов, Р. Ф.* Некоторые аспекты психического насилия в сети интернет как одного из способов совершения преступления против несовершеннолетних / Р. Ф. Фасхутдинов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10. – С. 284–285.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ахмеднаби Лабазанович Ахмеднабиев
студент 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
ahmednabiahmednabiev88@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что в XXI веке наблюдается новый этап развития, обусловленный широким распространением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Уязвимость цифровой среды в сочетании с возможностями современных ИКТ привела к формированию информационного оружия, что обусловило необходимость обеспечения информационной безопасности как ключевого элемента глобальной повестки дня. Цель представленной работы посвящена анализу проблем международно-правового регулирования в сфере информационной безопасности и предложению подходов к их решению. Проанализировано общее состояние информационной безопасности на международной арене, выявлены основные детерминанты проблемного содержания. В результате мы пришли к выводу, что вопросы международной информационной безопасности являются составной частью более широкой проблемы обеспечения безопасности в мире. Сегодня мы наблюдаем критическое положение механизмов обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: безопасность; информационная безопасность; общество и международная информационная безопасность; информационное общество; информационно-коммуникационные технологии; информационное пространство.

Сегодня, в век цифровых технологий, информационная сфера, информационные отношения и все цифровое пространство стало неотъемлемой частью наиболее важных сфер жизнедеятельности общества и государственной политики. Цифровая трансформация коснулась социально-экономической, политической, культурной, военной сфер. Масштабная взаимосвязанность и корреляционность глобального диапазона, основанные на развитых информационно-телекоммуникационных технологиях, представляют нам новые возможности и формы сотрудничества и прогресса. Однако она также создает

беспрецедентные угрозы для безопасности государств, организаций и отдельных граждан. Вопросы информационной безопасности (ИБ) приобретают все большую актуальность на международной арене, поскольку киберпространство становится ареной для конкуренции и конфликтов.

Обеспечение международной информационной безопасности (МИБ) является сложной и многогранной задачей, требующей согласованных усилий со стороны всех заинтересованных сторон. Отсутствие общепризнанного определения МИБ, разногласия в подходах к регулированию киберпространства, асимметрия в технологическом развитии и геополитическая напряженность являются серьезными препятствиями на пути к формированию эффективной системы МИБ.

В научной литературе, к сожалению, отсутствует единый научный общепринятый термин «международная информационная безопасность». Некоторые авторы предлагают рассматривать его в контексте понятийно-категориального аппарата Организации Объединенных Наций. Однако в международных нормативных правовых актах, в частности в официальных документах ООН, нет легального определения рассматриваемого явления. Данный термин можно встретить в национальном законодательстве некоторых стран, в положениях региональных соглашений. Изучив различные определения, можно обозначить международную информационную безопасность как обеспечение защиты информационной сферы, информационных ресурсов и технологий от террористических, военно-политических и других угроз. Особое место следует выделить таким угрозам, как информационные войны, кибератаки. В некоторых источниках это понятие трактуется как состояние международных отношений, исключающее угрозы мировой стабильности и безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве[279].

В нашем государстве на законодательном уровне есть определение международной информационной безопасности: «Международная информационная безопасность представляет собой такое состояние глобального информационного пространства, при котором на основе общепризнанных принципов и норм международного права и на условиях равноправного партнерства обеспечивается поддержание международного мира, безопасности и стабильности»[280].

Информационная безопасность современных систем и интернет-ресурсов находится под постоянной угрозой из-за растущего числа и сложности киберугроз. Россия, как и другие государства, подвергается кибератакам и другим враждебным действиям в киберпространстве, при этом в первом квартале 2025 г. зафиксирован рост числа атак на 30%. Это создает дополнительные

---

279 См.: *Ефимова Н. А.* Эстония: опыт трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Самоуправление. 2019. С. 217–218.

280 Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности : Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 // СПС «КонсультантПлюс».

трудности для защиты данных и инфраструктуры. Говоря о новых законопроектах, нельзя не затронуть новую Конвенцию ООН против киберпреступности, полное название «Конвенция против киберпреступности. Укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям» (была принята Генеральной ассамблеей ООН в декабре 2024 г.). Церемония подписания конвенции запланирована на октябрь 2025 г. в Ханое (Вьетнам). Чтобы документ вступил в силу, его должны подписать и ратифицировать не менее 40 государств[281].

Необходимо учитывать совокупность факторов, формирующих ландшафт МИБ:

– геополитическая напряженность. Конкуренция между государствами за влияние в киберпространстве, обвинения в кибершпионаже и кибератаках, использование ИКТ для вмешательства во внутренние дела других стран подрывают доверие и препятствуют сотрудничеству;

– разрыв в технологическом развитии. Неравномерное распределение технологических ресурсов и компетенций между странами создает асимметрию в возможностях защиты и нападения в киберпространстве;

– отсутствие единой международно-правовой базы. Разные государства придерживаются различных подходов к регулированию киберпространства, что затрудняет разработку общих правил и стандартов[282];

– межгосударственный характер киберпреступности. Преступления в информационной сфере давно пересекли национальный уровень и стали транснациональными. Это и усложняет проведение мероприятий по их предотвращению и пресечению.

– появление новых информационных технологий, их стремительное развитие. Например, за последние годы появились такие технологии, как искусственный интеллект (нейросети), невзаимозаменяемые токены (блокчейны), квантовые технологии и другие. Такой прорыв создает абсолютно новые возможности, вместе с тем появляются и новые угрозы информационной безопасности[283];

---

281 Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г. // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 29.09.2025).

282 См.: *Прокофьев К. В.* Международно-правовые проблемы обеспечения международной информационной безопасности в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 7.

283 См.: *Сафронова И. Л.* Политические проблемы обеспечения международной информационной безопасности : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2006. С. 12.

– значительным препятствием для обеспечения международной информационной безопасности является отсутствие унифицированной политики государств в этой сфере. Необходимо искоренить имеющиеся разногласия стран относительно принципов, стандартов, положений, регулирующих информационные отношения, поведение в информационной сфере в целом, и разработать конвергированные документы международного уровня с четко обозначенными целями и задачами;

– разнообразная интерпретация суверенитета в кибернетическом пространстве. Одни государства считают правомерным и логичным распространение суверенитета и на виртуальное пространство, так как только таким образом будет возможным обеспечение защиты всем информационным данным, ресурсам, инфраструктуре. Другие, напротив, выступают за более открытый и свободный киберпространственный режим, опасаясь, что строгие ограничения могут сдерживать развитие инноваций и обмен информацией.

Вопрос о том, какие действия считаются пропорциональными и законными в ответ на кибератаки, остается предметом острых дискуссий. Некоторые страны допускают возможность применения даже военных мер в киберпространстве, в то время как другие отдают предпочтение дипломатическим и экономическим инструментам.

Атрибуция кибератак – это сложный и трудоемкий процесс, особенно учитывая использование прокси-серверов и других методов маскировки. В результате обвинения в киберагрессии часто не имеют достаточных доказательств, что затрудняет привлечение злоумышленников к ответственности.

Согласно Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), для всех стран-участниц первостепенным и обязательным является защита информационной сферы. Как само государство, так и отдельные частные лица должны участвовать в процессах защиты цифрового пространства, так как это общее дело и государства, и общества. Только совместными усилиями можно достичь поставленной цели. В рамках деятельности вышеуказанной Организации выделяются несколько приоритетных направлений: грамотное управление рисками в информационной сфере; защита и сохранность персональных данных, конфиденциальность персональных данных; обеспечение информационной (цифровой) безопасности; защита от негативного и пагубного воздействия социальных сетей на детей и подростков; наличие страхования от информационных угроз и вызовов, в частности от киберугроз.

Реализация этих мер позволит снизить угрозу киберпреступности и повысить уровень доверия к цифровым технологиям, не ограничивая при этом потенциал цифровой экономики[284].

---

[284] См.: *Полякова Т. А.* Теоретико-методологические проблемы цифровизации и трансформация информационного права // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Н. Савенкова; отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеева. М., 2020. С. 64.

Таким образом, мы приходим к пониманию, что вопросы международной информационной безопасности являются составной частью более широкой проблемы обеспечения безопасности в мире. Современные ИКТ представляют собой сложный феномен: безусловно, эти технологии способствуют устойчивому развитию общества, с одной стороны, но с другой – являются конструкциями, создающими абсолютно новые угрозы и вызовы для человечества всего международного сообщества, гражданам отдельно взятых национальных общественных организмов. Данные вызовы предстают перед нами в виде терроризма, различных межнациональных, межгосударственных конфликтов, помех в дипломатических отношенях, а также в виде роста преступности по всему миру. Появляются новые формы споров на международном уровне, ранее не знакомые обществу. В связи с таким положением дел появляется крайняя необходимость регламентации основных проблем по обеспечению информационной безопасности на международной арене в международных нормативных правовых актах, на уровне межгосударственных договоров и соглашений с учетом международных принципов и стандартов мироздания и общежития человечества в мире. Новая формирующаяся отрасль международного права – право международной информационной безопасности, должна аккумулировать основные и второстепенные вопросы и проблемы в указанной сфере. Первым шагом для этого должно быть формулирование официального термина «международная информационная безопасность» в нормативном правовом акте транснационального уровня.

Список использованной литературы

1. *Ефимова, Н. А.* Эстония: опыт трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики / Н. А. Ефимова // Самоуправление. – 2019. – С. 217–218.
2. *Прокофьев, К. В.* Международно-правовые проблемы обеспечения международной информационной безопасности в сети Интернет : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Прокофьев Константин Викторович; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2009. – 22 с.
3. *Полякова, Т. А.* Теоретико-методологические проблемы цифровизации и трансформация информационного права // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Н. Савенкова; отв. ред. Т. А. Полякова, А. В. Минбалеева. – Москва, 2020. – 312 с.
4. *Сафронова, И. Л.* Политические проблемы обеспечения международной информационной безопасности : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / И. Л. Сафронова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – Москва, 2006. – 27 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Татьяна Ивановна Журавлева
студентка 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
t.zhuravleva.2005@bk.ru

Аннотация. Учащаются случаи совершения преступлений с использованием систем искусственного интеллекта, что вызывает угрозу информационной безопасности Российской Федерации. Цель данного исследования – выявить, какие опасности несет искусственный интеллект. В статье проанализированы различные способы использования новых систем злоумышленниками. Сделаны выводы о том, как уголовная ответственность помогает обеспечить информационную безопасность в эпоху цифровизации.

Ключевые слова: информационная безопасность; технологии искусственного интеллекта; уголовный закон; цифровизация; преступления.

Искусственный интеллект в эпоху цифровизации набирает большую популярность и внедряется в самые различные области общественной жизни. Несмотря на то, что технология искусственного интеллекта была создана с благими намерениями, инструмент с таким большим функционалом не мог остаться незамеченным со стороны преступников.

Информационная безопасность подвергается рискам и угрозам со стороны корыстных пользователей искусственного интеллекта (далее – ИИ). Еще в 2018 г. А. В. Бортников, занимающий пост директора ФСБ России, высказал свои опасения, касающиеся применения ИИ и робототехники при совершении противоправных актов международными террористическими организациями и другими преступными сообществами. Что как не закон в этой ситуации призвано обеспечивать безопасность и защищать общество от преступных посягательств?![285]

[285] См.: *Егоров И.* Атаки в сети и наяву // Российская газета : сайт. URL: https://rg.profkiosk.ru/693529 (дата обращения: 09.10.2025).

В законах Российской Федерации определение ИИ дается только в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[286]. В этом определении учтен широкий спектр явлений с учетом различных подходов к понятию и отражены интеллектуальные способности системы. Однако с момента вступления в силу этого документа прошло значительное для современного технологического прогресса время. Появились новые технологии ИИ с возможностями самообучения и умением длительное время самостоятельно исполнять запросы пользователя.

В российском праве нет единого описания потенциальных рисков цифровизации общества. Информационная безопасность как часть национальной безопасности признается ключевым аспектом безопасности государства и охватывает всю совокупность информации, ее объектов и систем[287].

В отечественном праве в терминах, относящихся к цифровизации и, в частности, раскрывающих понятия систем ИИ и кибербезопасности, имеется значительное расхождение с определением данных понятий в зарубежном законодательстве. Инициативы Российской Федерации в ООН, касающиеся информационной безопасности, приводят только к формированию определенных дорожных карт в кибербезопасности[288]. Такое расхождение приводит к отсутствию единого представления о рисках, появляющихся в киберпространстве, и информационных угрозах.

Большинство систем ИИ были разработаны недружественными нам странами, при этом применять эти технологии можно из любой точки мира, имея только компьютер и доступ в Сеть. Это создает риски для системы информационной безопасности России.

Атаки на информационные объекты с применением ИИ становятся реальными. Дистанционные преступления с использованием новых программ с каждым годом все больше распространяются. Такие атаки могут быть направлены как на физических лиц, так и на корпоративные и государственные информационные системы.

Новые виды и модификации систем ИИ, такие как ИИ-агенты, способны самостоятельно и продолжительное время выполнять задание, данное пользователем, при этом сам он не затрачивает много ресурсов, а только прописывает задачу для ИИ[289].

---

286 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

287 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 // СПС «КонсультантПлюс».

288 См.: *Грачева Ю. В.* Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка. М., 2022. С. 271.

289 См.: *Русскевич Е. А.* Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. М., 2022. С. 351.

Системы, такие как *Adversarial AI*, способны обмануть систему безопасности, манипулируя данными. Эти действия направлены на выведение из строя различных систем, от видеонаблюдения до серьезных государственных программ.

На данный момент в уголовном законе России не существует конкретной нормы, где упоминается использование ИИ, но в скором времени законодатель планирует криминализовать использование ИИ в преступных целях, как это произошло с сервисом *VPN*. Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[290] был расширен перечень отягчающих наказание обстоятельств. Если преступление совершено с использованием сервисов *VPN*, у суда появился дополнительный аргумент назначения более сурового наказания.

Так, в апреле 2025 г. в Государственную Думу был внесен на рассмотрение Федеральный закон «О внесении изменений в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». В перечень отягчающих обстоятельств предложили добавить пункт «с использованием технологий искусственного интеллекта». Законодатель аргументирует свое решение колоссальным ростом киберпреступлений[291]. За 11 месяцев 2024 г. было зарегистрировано 702 тысячи дистанционных преступлений, что на 36% больше, чем в предыдущие годы. Ущерб, причиненный этими действиями, составил 200 миллиардов рублей. В 2025 г. наблюдается снижение количества преступлений в сфере компьютерной информации на 34,4%, дистанционных краж – на 17,1%[292].

Самая распространенная модель использования ИИ преступниками – это создание дипфейков. Понятие «дипфейк» происходит от иностранного термина *deep learning*, что в переводе на русский означает «глубокое обучение» и *fake* «подделка»[293]. С помощью ИИ изменяются фотографии, видеозаписи, голоса или создаются новые на основе запроса пользователя системы. Появляется возможность обманным путем добиваться корыстных целей.

Летом 2025 г. в Ростовской области обманным способом с использованием дипфейка злоумышленники получили от 36-летней женщины крупную денежную сумму в 4,1 миллиона рублей. Преступник позвонил женщине по видеосвязи от имени якобы начальника компании, где она ранее работала, затем предложил перейти в мессенджер для дальнейшего общения. В переписке он сообщил женщине об утечке персональных данных. Затем в дело вклю-

---

290 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

291 О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // Государственная Дума : сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8#bh_note (дата обращения: 10.10.2025).

292 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – август 2025 года // МВД РФ : сайт. URL: https://мвд.рф/reports/item/70644759/ (дата обращения: 09.10.2025).

293 См.: *Лукинина Ю. В.* Использование дипфейков в общественно-политической жизни // Русская политология. 2023. № 2(27). С. 41–48.

чился сообщник и под видом следователя позвонил женщине, сказав, что с ее счета пытались перевести средства для финансирования вражеской армии. Женщина, поверив в обман, под угрозой наказания сняла накопленные средства и передала их в руки аферистам[294].

С помощью технологий создаются дипфейки для таких вредоносных действий, как публичные призывы к осуществлению экстремистской или террористической деятельности. В сети появляются видео с пропагандой или оправданием терроризма, на этих видео – знаменитые политики, журналисты, актеры; их голоса и движения изменены преступниками с использованием системы ИИ.

Особые опасения вызывает возможность систем ИИ, особенно ИИ-агентов, захватить управление компьютерной программой, изменить программу или полностью ее уничтожить. Статьи 272, 273, 274 УК РФ регулируют область неправомерного доступа к компьютерной информации, однако они не охватывают всей специфики преступных деяний с использованием ИИ. Неправомерное использование ИИ может привести к более тяжким последствиям, чем описано в норме, таким как безвозвратная утрата данных, модификация системы безопасности, копирование и преобразование данных. Такие системы могут блокировать доступ к средствам безопасности на длительный срок. Создается угроза безопасности стратегических информационных объектов.

Информационная безопасность в наше время – важнейшая часть национальной безопасности. Мы постепенно переводим всю информацию на электронные носители. Системы обеспечения безопасности должны быть надежны, но возникает вопрос: стоит бороться с прогрессом или использовать его во благо и создать контрмеры против неправомерных посягательств?

Перед научным сообществом ставятся задачи создания систем на основе ИИ, способных отражать атаки себе подобных систем. Это наиболее удачная стратегия: скорость обработки информации у ИИ выше, чем у людей, он может работать безостановочно, а человеку нужно только правильно поставить перед ним задачу.

В нашем государстве ведутся разработки единой цифровой платформы, объединяющей усилия государственных структур, банков, операторов связи и других субъектов цифрового пространства, для противодействия *IT*-преступлениям. Создание этой системы закреплено в Распоряжении Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий»[295]. К платформе планируется

---

[294] С помощью дипфейка аферисты похитили у жительницы Ростовской области 4 миллиона // Комсомольская правда : сайт. URL: https://www.rostov.kp.ru/online/news/6457443/ (дата обращения: 10.10.2025).

[295] Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р // СПС «КонсультантПлюс».

подключить ФСБ, МВД, Генеральную Прокуратуру, Следственный комитет, Минцифры, которые будут куратором системы. С июня 2025 по март 2026 г. проводится тестирование цифровой платформы вышеуказанными структурами. Система будет обеспечивать быстрый обмен и доступ к информации между правоохранительными органами, вести мониторинг подозрительных действий в цифровом пространстве, собирать и хранить базу данных о лицах, привлеченных к уголовной ответственности за киберпреступления. Контролировать законодательно новые разработки критически необходимо, а также устанавливать соразмерные наказания за использование систем ИИ при совершении преступлений.

В Концепции предусматривается комплекс дополнительных мер, способствующих снизить риски таких деяний при помощи ужесточения законов, международного сотрудничества, проведения профилактических программ среди населения. Планируется создание единой системы, где будут представлены безопасные для посещения сайты и интернет-площадки. Российская Федерация готовится принять участие в разработке международной Конвенции ООН, обеспечивающей общемировую безопасность в *IT*-сфере.

Уголовное законодательство планируется менять в сторону ужесточения наказаний за IT-преступления. В настоящее время нет квалифицирующего признака, который бы учитывал использование ИИ, но внесение данного признака на данный момент необходимо, так как в значительной степени выросла доля таких деяний. Однако внесение использования ИИ в отягчающий признак преступление и расширения перечней статей УК РФ, где будет фигурировать использование ИИ как квалифицирующий признак, вызывает беспокойство со стороны Ассоциации больших данных, куда входят одни из самых крупных компаний, использующих современные технологии в России. Они высказали свое мнение, что такое ужесточение законов может привести к торможению развития технологий ИИ. В замечаниях Ассоциации больших данных говориться: «Не исключено, что в ближайшие время большинство приложений в интернете и устройств пользователей будут использовать «технологии ИИ», а значит, почти любое преступление можно будет квалифицировать по предлагаемым отягчающим составам»[296]. Такое беспокойство оправдано, ведь ИИ все больше популяризируется и используется во многих сферах, закрепление ИИ в УК РФ, требует тщательной разработки, с учетом всех возможных рисков, чтобы это не привело к криминализации всей отрасли ИИ.

Технологии ИИ для отечественного законодательства – совершенно новый и не до конца изученный инструмент, способный в правильных руках облегчить жизнь общества. В настоящее время ИИ выступает в роли инструмента, выполняющего запрос человека, и от человека зависит, как будет вести

---

[296] Уголовная боль: бизнес выступил против поправок в УК от Минцифры // Форбс. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.forbes.ru/tekhnologii/545778-ugolovnaa-bol-biznes-vystupil-protiv-popravok-v-uk-ot-mincifry (дата обращения: 12.10.2025).

себя ИИ. Пока еще рано говорить о самостоятельных действиях системы, хотя ежедневно во всем мире идет улучшение технологий ИИ, и какими возможностями они будут обладать завтра – неизвестно, но законодательно этот вопрос следует рассматривать заранее.

Список использованной литературы

1. *Грачева, Ю. В.* Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка / Ю. В. Грачева. – Москва : Проспект, 2022. – 271 с.
2. *Лукинина, Ю. В.* Использование дипфейков в общественно-политической жизни / Ю. В. Лукинина // Русская политология. – 2023. – № 2 (27). – С. 41–48.
3. *Русскевич, Е. А.* Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения / Е. А. Русскевич. – Москва : Юстиция, 2022. – 351 с.

УТЕЧКА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 272.1 УК РФ

Диляра Маратовна Зайдуллина
студентка 3-го курса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
zaydullinadiluara07@gmail.com

Аннотация. Институт совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с утечкой персональных данных – одна из самых актуальных тем в современном мире. Представленная научная статья направлена на выявление проблем юридической техники ст. 272.1 УК РФ, введенной в конце 2024 г. В ходе работы были выявлены существенные нарушения при определении объективных признаков состава преступления, которые мешают эффективному правоприменению данной нормы в современных реалиях.

Ключевые слова: персональные данные; компьютерная информация; состав преступления; юридическая техника; правоприменение.

Представим ситуацию: между сотрудницей Центральной районной больницы (далее – ЦРБ) и пациентом данного учреждения произошел конфликт, вследствие чего возникла неприязнь. Долго не задумываясь, сотрудница ЦРБ во время санитарной уборки в помещении решает, находясь в кабинете врача и в отсутствие медицинских работников, будучи лицом, не имеющим доступа к данным, содержащимся в информационной системе «Единая цифровая платформа», сфотографировать на камеру мобильного телефона экран монитора компьютера, на котором была отображена информация, содержащая персональные данные специальной категории о потерпевшей (сведения об обращениях за медицинской помощью и диагноз)[297]. После чего – распростра-

[297] Артемовский городской суд на основании доказательств, представленных государственным обвинителем, вынес приговор по уголовному делу в отношении бывшей сотрудницы ГАУЗ Свердловской области // Прокуратура Свердловской области : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_66/mass-media/news/?item=105580253 (дата обращения: 27.10.2025).

нить данную информацию путем направления изготовленного фотоизображения третьим лицам в сервисе мгновенного обмена сообщениями.

Однако не нужно ничего представлять, ведь это наша реальность. 8 июля 2025 г. Артемовская городская прокуратура сообщила о факте вынесения приговора по уголовному делу в отношении бывшей сотрудницы ГАУЗ Свердловской области «Артемовская центральная районная больница», признанной по приговору суда виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[298]. К сожалению, это наша действительность.

Представим статистические данные. Лишь в первой половине 2025 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций зафиксировала 35 фактов утечек персональных данных граждан нашей страны. И в открытом доступе оказались более 39 млн записей на российских пользователей, являющихся персональными данными. В данном контексте принципиальное значение приобретает совершенствование законодательства, точно регламентирующего важнейший правовой институт – персональные данные, ответственность за нарушение требований законодательства в области защиты персональных данных от незаконного посягательства[299]. Так, Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[300] УК РФ был дополнен ст. 272.1 УК РФ.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[301] информация – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. В свою очередь, персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), что регламентировано п. 1 ч. 1 ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»[302].

Следует признать, что в законодательстве отсутствует нормативно закрепленный исчерпывающий перечень сведений, которые являются персональными данными. В настоящее время отношение законодателя к понятию «персональные данные» трансформировалось: законодатель по смысловой

---

298 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

299 Щепельков В. Ф. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (статья 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 3 (74). С. 35–42.

300 Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Гарант».

301 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

302 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

нагрузке сделал данное понятие более объемным, при этом понимание персональных данных стало контекстно-ориентированным, позволяющим определить физическое лицо в совокупности с другими данными.

Начнем уголовно-правовую характеристику с первой составляющей объективных признаков состава преступления – с объекта преступления. Первым выделяется общий объект, перечень которых указан в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок. Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 272.1 УК РФ, выступают общественные отношения, охраняющие сферу компьютерной информации. Непосредственным основным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие защиту прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Законодатель регламентировал понятие информации, но не определил понятие компьютерной информации. Сегодня ее легальное определение содержится только в уголовном законе, а именно – в примечании к ст. 272 УК РФ. Так, компьютерной информацией признается следующее: «Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи». До принятия указанного выше закона понятия компьютерной информации не существовало, и его приходилось трактовать, исходя из диспозиции ст. 272 УК РФ «информации на машинном носителе, в электронно-вычислительной машине (ЭВМ), системе ЭВМ или их сети»[303]. Теперь действующая редакция УК РФ отсекает не только устаревшие способы передачи сигнала, но и современные, такие как оптоволоконный кабель, где сигнал передается с помощью переноса света внутри нитей.

Объективная сторона преступления, предусмотренная ч. 1 ст. 272.1 УК РФ, представлена незаконным использованием и (или) передачей (распространением, предоставлением, доступом), сбором и (или) хранением компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем, за исключением деяний, совершенных в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные, предусмотренные ч. 2 ст. 272.1 УК РФ. Давайте разберемся. Уголовная ответственность по ст. 272.1 УК РФ наступает только в том случае, если эти данные были изначально получены незаконным путем. Понятия данным незаконным действиям, совершаемым в отношении компьютерной информации, не установлены, что составляет проблему для ее эффективного правоприменения. Лишь в п. 5 и 6 ч. 1 ст. 3 «Основные понятия, используемые

---

[303] *Князьков А. А.* Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 2721 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2025. № 5 (129). С. 65–73.

в настоящем Федеральном законе» Федерального закона «О персональных данных» установлены понятия «распространение и предоставление персональных данных».

В рамках данной работы обратим внимание именно на ч. 6 ст. 272.1 УК РФ. Объективная сторона преступления, предусмотренная ч. 6 ст. 272.1 УК РФ, указывает на создание и (или) обеспечение функционирования информационного ресурса (сайта в сети Интернет и (или) страницы сайта в сети Интернет, информационной системы, программы для электронных вычислительных машин), заведомо предназначенного для незаконных хранения, передачи (распространения, предоставления, доступа) компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем. Данные понятия не раскрыты ни на законодательном уровне, ни в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Выскажем положение о том, что необходимо выделить ч. 6 ст. 272.1 УК РФ в самостоятельную статью УК РФ для более детального регламентирования данного состава преступления, представляющего совершенно качественно другие деяния в отношении персональных данных.

Субъективные признаки состава преступления не содержат проблем при их регламентировании, при привлечении к уголовной ответственности лица по ст. 272.1 УК РФ следует обращать внимание на то, чтобы умысел лица был конкретно направлен изначально на незаконные действия в отношении компьютерной информации, что является возможным способом преодоления конкуренции ст. 272.1 УК РФ и ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[304].

Таким образом, важно отметить, что дополнение УК РФ новым составом преступления – ст. 272.1 УК РФ – произведено своевременно, целесообразно, справедливо и обоснованно, однако недостаточно просто ввести новый уголовно-правовой состав, важно доработать его.

Список использованной литературы

1. *Князьков, А. А.* Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 2721 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации / А. А. Князьков // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2025. – № 5 (129). – С. 65–73.
2. *Щепельков, В. Ф.* Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (статья 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) / В. Ф. Щепельков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 3 (74). – С. 35–42.

[304] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИПФЕЙКИ И КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО

Шамиль Яхъяевич Исаков
студент 1-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
05ru290055@gmail.com

Аннотация. В статье представлен криминологический взгляд на преступность в информационно-коммуникационной среде, совершаемую гражданами. Для анализа были использованы различные источники: уголовно-правовая статистика, материалы судебных дел, научные публикации и результаты эмпирических исследований, посвященных данной проблеме. На основе полученных данных разработаны рекомендации по усилению мер профилактики киберпреступлений.

Ключевые слова: *Deepfake*; дипфейк; искусственный интеллект; правовое регулирование.

Технология дипфейк (*deepfake*) представляет собой метод создания искусственного медиаконтента, основанный на алгоритмах искусственного интеллекта, чаще всего в нейросетях. Главная цель *deepfake* – это замена одного лица другим в видео или создание реалистичной имитации речи, включая голос и интонации. *Deepfakes* относятся к категории синтетических медиа, то есть контента, сгенерированного системами искусственного интеллекта (ИИ) путем интеграции различных медиа-компонентов в новый цифровой продукт. «В последнее время *deepfakes* стали активно применяться в политике, бизнесе, сфере развлечений и социальных медиа»[305]. Одной из важнейших проблем, связанных с технологией *deepfake*, является отсутствие четкого юридического контроля за незаконным использованием этой технологии в Российской Федерации. Российское законодательство пока не содержит прямых норм, предусматривающих наказание за использование технологии *deepfake* в преступных целях. Действующий закон может применяться косвенно.

---

[305] См.: *Игнатенков Г. К.* Технология дипфейк как угроза информационной безопасности // Наука. Исследования. Практика : сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 25 июня 2022 г.). СПб., 2022. С. 74–77.

В самом начале глубокие подделки применялись в индустрии развлечений и киноиндустрии для замены лиц актеров в сценах, а затем их начали использовать в политической сфере и на платформах социальных сетей. Через некоторое время технология *deepfake*, к сожалению, стала использоваться в преступных целях: киберпреступлениях, вторжении в частную жизнь, распространении клеветы и ложной информации. В контексте борьбы с глубокой подделкой особое внимание следует уделять защите персональных данных. Это важный аспект, поскольку глубокие подделки часто используют личную информацию. Российский закон о персональных данных (№ 152-ФЗ) играет ключевую роль в регулировании обработки изображений, видео- и аудиозаписей, содержащих персональные данные (например, лица и голоса).

Контрафактная и некачественная продукция приведет к появлению материалов, дискредитирующих физических и юридических лиц. Однако, согласно ст. 150 и 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, каждый имеет право на защиту своей чести, достоинства и деловой репутации. Лица, столкнувшиеся с распространением ложной информации в форме откровенных подделок, могут подать иски о возмещении психического ущерба и опровергнуть сфабрикованные данные.

В эпоху цифровизации возникли новые возможности для совершения преступлений, в частности, для распространения фейковых преступлений. Самым распространенным видом таких преступлений является мошенничество в интернете. Хотя его суть, как и прежде, заключается в обмане, цифровые технологии привнесли в него новые формы и методы. Исходя из этого, современное мошенничество можно рассмотреть как типичный пример фейкового преступления, где обман является ключевым элементом.

Официальная статистика МВД России вывела за период с января по август 2025 г. в сфере *IT*-технологий около 470,5 тыс. преступлений. Больше половины из них – 51,1 % – составило мошенничество. В 2024 г. количество цифровых преступлений составляло 765,5 тыс.

По словам представителей МВД и Прокуратуры по Республике Дагестан, за 4 месяца 2025 г. в республике зарегистрировано 855 преступлений в информационной сфере, в частности, совершенных с применением киберсредств и технологий. Если обратиться к статистическим данным 2024 г., то мы увидим, что процент киберпреступлений относительно всей преступности в Дагестане составил более 15.

Особое и пристальное внимание заслуживают правонарушения в киберпространстве, совершаемые студенческой категорией общества. Это объясняется широким распространением применения информационных технологий молодежью. Конечно, большая часть студентов пользуются киберсредствами в доброжелательных и прагматичных целях, но, к сожалению, есть часть, которая применяет эти технологии в неправомерных целях. Наблюдается тревожная тенденция: студенческая преступность активно перетекает из реального мира в виртуальное пространство. «Это требует срочного пересмотра существующих методов мониторинга криминогенной обстановки и разработки

эффективных мер раннего предупреждения»[306]. Стоит напомнить, что в феврале 2018 г. Президент России Владимир Путин определил профилактику преступности в образовательных учреждениях и киберпространстве как требующую большего внимания со стороны правоохранительных органов и совместных усилий общества и государства. В Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» говорится о том, что киберпространство нашей страны – многогранное, разношерстное, включает в себя самые различные технологии, средства, ресурсы, продукты информационного характера, в частности, это и беспроводные технологии, и средства связи (мобильные устройства), средства вещания, средства программного обеспечения, сервиса. По статистическим показателям на начало 2024 г. в России более 130 миллиона жителей зафиксированы как активные пользователи трансграничных информационно-телекоммуникационных технологий. А это большая часть всей численности населения страны. Социальными сетями пользуются более 106 миллиона человек. В 2024 г. в среднем житель России пользуется интернетом около 8 часов в сутки, что на 4,5% больше, чем в 2023 г.[307]

Интеграция информационных и телекоммуникационных технологий во все сферы жизни, от работы до личного быта, ведет к экспоненциальному росту объема информации. Однако эта тенденция сопровождается тревожным ростом киберпреступности, который правоохранительные органы наблюдают последние десятилетия[308]. К середине 2023 г. киберпреступления составляли уже более трети всех преступлений (32,9%), а среди наиболее серьезных – более половины (56,4%). Низкая раскрываемость таких преступлений (29,9% в целом, 28,8% через интернет, 35,7% с использованием карт) свидетельствует о серьезных проблемах. Поэтому верны утверждения, которые гласят, что невозможно эффективно организовать процессы воздействия и правового регулирования киберпространства и все общественные отношения, связанные с информационной сферой и технологиями. Достаточно серьезные опасения также вызывает сложность привлечения к ответственности лиц за киберпреступления, учитывая динамичное развитие рассматриваемой сферы. В связи с этим возникает необходимость формирования адекватного, конструктивного, отвечающего современным технологическим реалиям, механизма правового регулирования кибермира, информационного пространства. И это тяжело удастся отдельным государствам, так как цифровой мир не подконтролен от-

---

306 *Рыбокитова Ж. И.* Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций (по материалам Центрального федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2024. 321 с.

307 См.: Расширенное заседание коллегии МВД России. URL: http: //www. kremlin.ru/events/president/news/56949 (дата обращения: 07.09.2025).

308 См.: *Васильев А. А.* Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А.А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.

дельно взятым странам. Это необходимо сделать при тесном взаимодействии стран, находя компромиссные решения по информационным вопросам, и особенно по вопросам защиты частной жизни, свободы информации, публичных интересов[309].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что нейросети стремительно развиваются, следовательно, возможности дипфейков растут, процессы их генерации разветвляются и диверсифицируются. Поэтому необходимо дипфейки облачить в достаточно жесткую правовую регламентацию. Для этого мы предлагаем:

– ввести уголовную ответственность за совершение дипфейков и квалифицировать эти деяния отдельным составом преступления, введя новую статью в УК РФ под номером 159.7, которая будет называться «Мошенничество с применением методик синтеза изображения и голоса человека, основанных на искусственном интеллекте»;

– ввести административную ответственность и добавить в главу 13 КоАП РФ статью о дипфейках, по которой деяния будут квалифицироваться, если они не подпадают под уголовную ответственность.

Список использованной литературы

1. *Васильев, А. А.* Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. – 432 с.
2. *Игнатенков, Г. К.* Технология дипфейк как угроза информационной безопасности / Г. К. Игнатенков // Наука. Исследования. Практика : сборник избранных статей по материалам Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 25 июня 2022 г.). – Санкт-Петербург : Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «Нацразвитие», 2022. – С. 74–77.
3. *Овчинников, А. В.* Распространение дипфейков в интернет-пространстве: проблемные аспекты правового регулирования / А. В. Овчинников // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской научной конференции / под ред. Ю. В. Анохина. – Барнаул, 2022. – С. 245–255.
4. *Рыбокитова, Ж. И.* Предупреждение преступности среди студентов образовательных организаций (по материалам Центрального федерального округа) : дис. ... канд. юрид. наук / Ж. И. Рыбокитова. – Курск : Юго-Западный государственный университет, 2024. – 321 с.

---

309 См.: Состояние цифровых технологий в РФ // Школа жизни : сайт. URL: https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/101755/ (дата обращения: 07.09.2025).

ЭТИКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ *TELEGRAM* В ПРОДВИЖЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Заира Магомедовна Курбанова
студентка 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
zairakurbanova014@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых и этических рисков, связанных с использованием мессенджера *Telegram* для продвижения юридических услуг на территории Российской Федерации. В работе исследуются противоречия между маркетинговыми возможностями платформы (каналы, боты, чаты) и установленными законодательством ограничениями.

Ключевые слова: юридические услуги; продвижение; *Telegram*; правовая этика; реклама; адвокатская тайна; ответственность юриста; цифровой маркетинг.

Современный рынок юридических услуг характеризуется высокой конкуренцией, что вынуждает практикующих юристов и адвокатов активно осваивать цифровые каналы коммуникации для привлечения клиентов. Мессенджер *Telegram*, благодаря своей популярности, гибкости и широкому набору инструментов (каналы, боты, приватные чаты), стал одним из ключевых платформ для профессионального нетворкинга и маркетинга. Однако его использование в коммерческих целях представителями юридической профессии сопряжено с рядом существенных правовых и этических коллизий.

Правовое поле, регулирующее оказание юридических услуг, традиционно консервативно и строго регламентировано. Оно находится на стыке жестких законодательных норм и неписаных, но обязательных правил профессиональной этики. Активное проникновение в эту сферу цифровых технологий, в частности инструментов *Telegram*, создает «серую зону», где маркетинговые преимущества могут вступать в конфликт с профессиональными стандартами. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выработки четких ориентиров для юридического сообщества в условиях цифровизации.

Целью статьи является выявление и систематизация основных правовых и этических рисков использования *Telegram* для продвижения юридических услуг, а также разработка на этой основе практических рекомендаций.

В частности, для предоставления юридических услуг мессенджер Telegram используют юридические фирмы, частнопрактикующие юристы, юристы-эксперты и адвокаты.

Применение *Telegram* для продвижения юридических услуг регулируется рядом ключевых нормативных актов, которые устанавливают строгие рамки и требования к рекламной деятельности в данном сегменте. В частности, Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» регламентирует основные аспекты размещения рекламных материалов в каналах, требуя их достоверности и добросовестности.

Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает основные принципы обработки персональных данных [310].

Адвокаты, в свою очередь, обязаны соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, принятый Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. [311] Этот документ уделяет особое внимание адвокатской тайне, которая распространяется на любую информацию, полученную от потенциального клиента в *Telegram*-чате, даже в случае отсутствия заключенного договора.

При предложении юридических услуг в *Telegram* нарушаются этические и юридические нормы, которые бросают тень на всю профессию. Рассмотрим конкретные примеры этих нарушений:

1. В *Telegram*-каналах консультации может осуществлять человек без статуса адвоката. Определенное лицо создает канал, под названием «Представительство в суде», принимает деньги и ведет дело клиентов. Это является неправомерным в соответствии со ст. 2 закона об адвокатской деятельности и адвокатуре РФ, согласно данному Федеральному закону, такая деятельность без статуса адвоката является незаконной и может повлечь за собой административную и даже уголовную ответственность. На наш взгляд, решить эту проблему можно, создав централизованный онлайн-реестр лиц, имеющих право на предоставление юридических услуг в публичном доступе (в том числе адвокатов), с *API* для проверки статуса. Также предлагаем ввести поправки в законодательство о том, что размещать предложения о предоставлении юридических услуг в сети возможно только при наличии в объявлении регистрационного номера адвоката (свидетельства) или иного документа, подтверждающего право на занятие юридической деятельностью.

2. Владелец канала публикует «кейс» для привлечения клиентов, указывая все детали дела, по которым можно идентифицировать клиента. Данное

---

[310] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Консультант плюс».

[311] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.).

действие является нарушением профессиональной этики, так как адвокатская тайна в соответствии со ст. 8 Закона об адвокатской деятельности подразумевает, что любая информация, связанная с оказанием юридической помощи, является конфиденциальной. Эти действия подрывают доверие к профессии и могут стать основанием для дисциплинарного разбирательства. Для решения этой проблемы необходимо ввести поправки в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», уточняющие и ужесточающие ответственность за нарушение адвокатской тайны в цифровой среде, т. е. введение четких критериев для публикации юридических кейсов с обязательной анонимизацией. Также предлагаем создать независимый надзорный орган или совет при адвокатской палате, который будет мониторить публикации и рассматривать жалобы на нарушения.

В научной и экспертной среде нет единого подхода к оценке цифрового продвижения юридических услуг.

Сторонники адаптации утверждают, что цифровизация – объективный процесс, и запреты лишь оттолкнут потенциальных клиентов. Они призывают к разработке гибких этических стандартов, которые бы позволили юристам эффективно использовать цифровые площадки, не роняя достоинства профессии[312].

Консерваторы указывают на непреодолимые, по их мнению, риски, связанные с защитой адвокатской тайны. Они подчеркивают, что любая публичная активность в открытых каналах потенциально компрометирует принцип конфиденциальности и рекомендует ограничиваться традиционными методами поиска клиентов[313].

Практики-юристы часто занимают промежуточную позицию. Они признают риски, но считают их управляемыми при условии строгого внутреннего контроля контента, использования шифрования и отказа от обсуждения деталей дел в открытых источниках.

Ключевыми проблемными зонами продвижения юридических услуг в мессенджере *Telegram* являются соблюдение требований к рекламе, обеспечение конфиденциальности передаваемой информации (особенно в части адвокатской тайны) и легальная обработка персональных данных.

Для минимизации этих рисков юристам и адвокатам рекомендуется:

1. Разработать внутреннюю политику ведения каналов и чатов, исключающую гарантии результата и обсуждение деталей конкретных дел.

2. Использовать инструменты для получения явного согласия на обработку персональных данных (например, через настройки бота).

3. Любая реклама должна основываться на фактах, а не на мифических гарантиях.

---

312 См.: *Петров А. Н.* Цифровой маркетинг для юриста: вызовы и возможности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 48.

313 *Корякин В. В.* Адвокатская тайна в цифровую эпоху: новые старые угрозы // Закон. 2022. № 3. С. 81.

4. Использовать канал как площадку для правового просвещения, что соответствует принципам профессиональной этики и одновременно формирует лояльную аудиторию.

5. Для конфиденциальных консультаций незамедлительно переходить из публичного пространства канала в режим приватной переписки с использованием сквозного шифрования, предупреждая клиента о рисках.

В перспективе необходима выработка развернутых рекомендаций со стороны профессиональных сообществ (например, Федеральной палаты адвокатов РФ), которые бы детализировали допустимые границы цифрового продвижения для юристов.

Список использованной литературы

1. *Петров, А. Н.* Цифровой маркетинг для юриста: вызовы и возможности / А. Н. Петров // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 48.
2. *Корякин, В. В.* Адвокатская тайна в цифровую эпоху: новые старые угрозы / В. В. Корякин // Закон. 2022. – № 3. – С. 81.

УГРОЗЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ОТ ВРЕДОНОСНОГО И МАНИПУЛЯТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Виктория Олеговна Меркулова
студентка 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
tveeeer@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует гражданско-правовые угрозы, связанные с использованием искусственного интеллекта. Автор систематизирует причиняемый вред – репутационный, частной жизни и гражданскому обороту – и доказывает, что существующие средства защиты могут быть адаптированы для противодействия новым вызовам. В качестве ключевого предложения рассматривается квалификация сложных систем искусственного интеллекта как источника повышенной опасности. На примере судебного спора о колоризации фильма демонстрируется несовершенство современного правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; гражданско-правовая ответственность; деловая репутация; алгоритмический сговор; деликт; недействительность сделки.

Цифровая трансформация, движимая достижениями в области искусственного интеллекта (далее – ИИ), фундаментально меняет ландшафт гражданско-правовых отношений. Однако «теневая сторона» технологического прогресса проявляется в возникновении новых, высокотехнологичных форм гражданских правонарушений. Вредоносные и манипулятивные алгоритмы способны причинять масштабный ущерб, оставаясь при этом в «серой зоне» классического права.

К таким новым угрозам относятся, прежде всего:

1) подделки и синтетические медиа: технологии, позволяющие создавать поддельные фото-, видео- и аудиоматериалы, которые практически

неотличимы от оригинала[314]. Они используются для дискредитации публичных лиц, компрометации бизнеса и шантажа;

2) манипуляция поведением: системы ИИ, анализирующие *Big data* (технологию по работе с огромными массивами информации), которые собирают, обрабатывают и анализируют с помощью специализированных инструментов и аналитики[315] о пользователе (цифровой след), способны с высочайшей точностью влиять на его принятие решений, навязывая определенные покупки, политические предпочтения или заключая его в «информационный пузырь»;
3) алгоритмический сговор: самообучающиеся алгоритмы ценообразования, используемые различными компаниями на онлайн-платформах, могут, не вступая в прямое соглашение, выявлять и поддерживать монопольно высокие цены, что наносит ущерб потребителям и нарушает основы конкуренции[316].

Перед цивилистикой встает задача: адаптировать существующий арсенал частноправовых средств защиты для противодействия этим вызовам.

Угрозы, исходящие от манипулятивного ИИ, можно систематизировать по трем основным видам причиняемого вреда.

Первый вид, который выделяет автор книги «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» Ник Бостром, – причинение вреда репутации (деловой репутации юридического лица и чести, достоинству гражданина). Распространение подделок является мощнейшим инструментом информационных атак. Сфабрикованное видео, где руководитель компании якобы признается в мошенничестве, или компрометирующий фото-контент с участием публичного лица могут в кратчайшие сроки уничтожить репутацию, годами выстраиваемую упорным трудом. Ущерб проявляется в падении стоимости акций, разрыве контрактов, потере клиентов и общественного доверия. Доказывание ложности таких сведений и размера убытков представляет значительную процессуальную сложность[317].

Вторым видом вреда выступает вторжение в частную жизнь. ИИ-системы, использующие данные с камер наблюдения, социальных сетей и трекеров, позволяют создавать детальные цифровые профили личности. Это приводит к следующим нарушениям: сбор и использование персональных данных без согласия; нарушение тайны частной жизни путем анализа и прогнозирования личных привычек, состояния здоровья, мест перемещения; манипулятивное влияние, основанное на знании слабых сторон и психологических

---

314 См.: *Баюк Д. А.* Правовые и этические проблемы искусственного интеллекта : учебник для магистратуры. М. : Прометей, 2022. С. 164.

315 См.: *Анналин Ын, Кеннет Су.* Теоретический минимум по Big Data. Все, что нужно знать о больших данных. СПб.: Питер. 2019. С. 11.

316 См.: *Сурова Н. А.* Искусственный интеллект : монография. М. : Юнити-Дана, 2021. 184 с.

317 См.: *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 324.

особенностей индивида. Такое вмешательство в личную автономию является современной формой посягательства на нематериальные блага.

Последний вид – это заключение кабальных сделок под влиянием манипулятивного ИИ. Персонализированное ценообразование, навязчивая реклама, использующая уязвимое состояние потребителя, например, навязчивая реклама для людей с игровой зависимостью, или интерфейсы, «подталкивающие» к невыгодным условиям – все это примеры того, как ИИ может искажать волю участника гражданского оборота. Пользователь, подвергнутый высокотехнологичной манипуляции, формально соглашается с условиями договора, но его воля не является свободной, а информированность – полной[318].

Таким образом, угрозы искусственного интеллекта представляют собой системную опасность, которую можно классифицировать по трем ключевым направлениям причиняемого вреда: репутационный вред, вторжение в частную жизнь, подрыв основ гражданского оборота. В совокупности эти угрозы требуют разработки комплексных мер правового и технологического противодействия для защиты как частных лиц, так и стабильности экономики и общества в целом.

Несмотря на новизну вызовов, связанных с манипулятивным искусственным интеллектом, российская правовая система предлагает ряд апробированных цивилистических институтов, которые могут быть адаптированы для противодействия этим угрозам и применены для частноправовой защиты.

Как защитить честь, достоинство и деловую репутацию? В случае распространения поддельной информации, в соответствии со ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), потерпевший вправе требовать[319]:

- опровержения порочащих сведений тем же способом, которым они были распространены (например, публикация опровержения в том же социальном медиа);
- удаления соответствующего контента и пресечения его дальнейшего распространения;
- компенсации репутационного вреда и причиненных убытков.

Основная сложность заключается в доказывании ложности и порочащего характера сведений, так как подделка часто представляет собой смонтированное изображение, а не утверждение о факте. Потребуется судебная экспертиза и переосмысление понятия «ложные сведения» применительно к синтетическим медиа.

Для защиты от манипуляций при заключении сделок гражданское законодательство предоставляет несколько оснований для признания их недействительными:

---

[318] См.: *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. С. 326.

[319] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Статья 178 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения» может быть применена, если манипуляция ИИ привела к существенному искажению воли лица (например, относительно сущности предмета сделки).

Статья 179 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств»:

манипулятивные практики ИИ (навязчивая реклама, скрытые условия) могут быть квалифицированы как обман;

сделка, навязанная лицу, находящемуся в стечении тяжелых обстоятельств, может быть признана кабальной.

Ключевую трудность представляет установление причинно-следственной связи между манипуляцией алгоритма и решением пользователя. Это можно увидеть, исходя из решения Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 4 февраля 2025 г. по делу № А56-102880/2024: суд отклонил иск компании к ИП о признании недействительным договора на оказание консультационных услуг как сделки, совершенной под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ). Истец настаивал, что оказанная услуга – изготовление стратегии развития – была подготовлена предпринимателем не самостоятельно, а с использованием нейросети, предназначенной для генерирования текстов и презентаций, что свидетельствовало о некомпетентности предпринимателя и отсутствии у него профессионализма. Отклоняя указанный довод, суд отметил, что претензий по качеству и иным параметрам предоставления услуг у компании не было; в договоре не содержалось каких-либо требований относительно порядка и условий оказания услуг, в связи с чем предприниматель как исполнитель был свободен в выборе способов, методов и инструментов, в том числе искусственного интеллекта[320]. Для преодоления этого необходима разработка презумпций в пользу потребителя, подвергшегося целенаправленному воздействию.

Наиболее гибким инструментом является институт обязательств вследствие причинения вреда (глава 59 ГК РФ).

Общий деликт позволяет требовать возмещения всего причиненного вреда (репутационного, имущественного, морального) при доказанности противоправности действий, вины причинителя и причинной связи.

Ответственность за источник повышенной опасности – это наиболее перспективный путь. Сложные самообучающиеся системы ИИ могут быть признаны источником повышенной опасности. Это возлагает ответственность на его владельца (оператора) независимо от вины, что кардинально упрощает положение потерпевшего.

Сложности с идентификацией надлежащего ответчика (разработчик, владелец, оператор) и доказыванием вины в рамках общего деликта. Решением может стать законодательное закрепление презумпции вины

---

[320] См.: *Рябчиков Г. С.* Использование технологий искусственного интеллекта: что говорит суд // Юридический справочник руководителя. 2025. № 10. С. 5.

оператора ИИ и введение обязательного страхования его гражданской ответственности.

Ярким примером частноправовой защиты, связанной с искусственным интеллектом, является спор киностудии «Мосфильм», которая выдала «Крупному плану» лицензию на колоризацию (переработку) черно-белого фильма. Когда телеканал показал цветную версию без разрешения, суд признал это нарушением прав «Крупного плана» как владельца прав на производное произведение. Арбитражный суд Москвы взыскал с АО «Москва Медиа» 300 тыс. рублей в пользу ЗАО «Крупный план» за показ колонизированной версии фильма «Берегись автомобиля». Однако это дело содержит парадоксы, выходящие за рамки обычного спора. Колоризация была выполнена компьютерной программой с минимальным творческим участием человека. Поскольку авторское право требует творческого вклада (ст. 1228 ГК РФ), выходит, что создателем производного произведения де-факто признан искусственный интеллект. Исходный правообладатель («Мосфильм») не имел прав на переработку отдельных элементов фильма (сценарий, музыка), права на которые сохранялись за их авторами. Следовательно, «Мосфильм» выдал лицензию неправомерно; ИИ, создав цветную версию, незаконно использовал произведения авторов; ответчик нарушил права, которых изначально не было у истца. По исходу дела компенсацию получила компания, которая спровоцировала создание произведения-нарушителя силами ИИ, а сам ИИ оказался «злостным пиратом», оставшимся без вознаграждения. Это наглядно показывает неготовность современного права к коллизиям, порождаемым искусственным интеллектом.

Цифровая эпоха, породившая угрозы со стороны вредоносного и манипулятивного ИИ, требует не создания права «с чистого листа», а умной и творческой адаптации классических цивилистических средств. Институты защиты репутации, недействительности сделок и деликтной ответственности обладают достаточным потенциалом для реакции на новые вызовы.

Однако для повышения их эффективности необходима определенная модернизация, включающая:

- смещение бремени доказывания в сторону операторов технологически сложных систем;
- расширительное толкование таких понятий, как «обман», «заблуждение» и «противоправность» применительно к действиям алгоритмов;
- закрепление на законодательном уровне подхода к сложным автономным системам как к источникам повышенной опасности.

Только так частное право сможет выполнить свою основную функцию – обеспечить справедливый баланс интересов и защиту прав в условиях непрерывной технологической революции[321].

---

[321] См.: *Миятович Д.* Соблюдение прав человека в эру искусственного интеллекта / Д. Миятович // Совет Европы : сайт. URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/safeguarding-human-rights-in-the-era-of-artificial-intelligence

Список использованной литературы

1. *Анналин, Ын, Кеннет, Су*. Теоретический минимум по Big Data. Все, что нужно знать о больших данных / Ын Анналин, Су Кеннет. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. 208 с.
2. *Баюк, Д. А*. Правовые и этические проблемы искусственного интеллекта : учебник для магистратуры / Д. А. Баюк, А. В. Попова. – Москва : Прометей, 2022. – 300 с.
3. *Бостром, Н*. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 404 с.
4. *Миятович, Д*. Соблюдение прав человека в эру искусственного интеллекта / Д. Миятович // Совет Европы : сайт. – URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/safeguarding-human-rights-in-the-era-of-artificial-intelligence
5. *Рябчиков, Г. С*. Использование технологий искусственного интеллекта: что говорит суд / Г. С. Рябчиков // Юридический справочник руководителя. – 2025. – № 10. – С. 5.
6. *Сурова, Н. А*. Искусственный интеллект : монография. – Москва : Юнити-Дана, 2021. – 407 с.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОИНТЕРФЕЙСОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ И БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Юлия Ивановна Пантюшенко
студентка 3-го курса Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
pantyushenkoyulia@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования данных, генерируемых с использованием нейроинтерфейсов (*brain-computer interfaces, BCI*), в Российской Федерации. Стремительное развитие нейротехнологий опережает формирование адекватной правовой базы, что создает значительные риски для фундаментальных прав человека, в первую очередь права на неприкосновенность частной жизни и защиты персональных данных. Проводится анализ квалификации нейроданных в рамках действующего законодательства о персональных данных, в частности, исследуется их отнесение к биометрическим персональным данным. Выявляются пробелы и коллизии в правовом режиме, устанавливаемом Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Предлагаются направления для совершенствования российского законодательства, включая необходимость разработки специальных нормативных правовых актов, закрепляющих понятийный аппарат и специфические условия обработки нейроданных.

Ключевые слова: нейроинтерфейсы; нейроданные; персональные данные; биометрические данные; правовой статус; защита данных; конфиденциальность; цифровое право.

Стремительное развитие нейротехнологий, особенно в сфере неинвазивных нейроинтерфейсов, трансформирует взаимодействие человека с цифровой средой. Применение BCI варьируется от медицинской реабилитации пациентов с нейродегенеративными заболеваниями до управления «умным»

домом и взаимодействия с виртуальной реальностью[322]. Однако генерируемый в процессе такой работы массив информации – нейроданные – представляет собой новый вызов для правовой системы. Высокая чувствительность этой информации, ее потенциальная способность раскрывать глубочайшие личные переживания, предпочтения, когнитивные состояния и даже намерения индивида требует четкого определения ее правового статуса и адекватных механизмов защиты.

Основным нормативным правовым актом, регулирующим отношения в данной сфере, является Федеральный закон «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152-ФЗ)[323]. Согласно данной норме, персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу.

Нейроданные, представляющие собой информацию об электрической активности мозга (электроэнцефалограмма, далее – ЭЭГ), гемодинамических процессах (функциональная магнитно-резонансная томография, далее – фМРТ) или иных физиологических показателях, бесспорно, относятся к персональным данным, так как позволяют идентифицировать субъекта. Исследования подтверждают, что паттерны мозговой активности являются уникальными для каждого индивида, что делает их надежным идентификатором[324].

Ключевой вопрос заключается в отнесении нейроданных к биометрическим персональным данным. В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ, биометрические персональные данные – это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека и которые используются для установления его личности. Законодатель прямо относит к ним изображения человека (фотографию и видеозапись), отпечатки пальцев, рисунок радужной оболочки глаза и т.д.

ЭЭГ, как характеристика физиологической особенности работы мозга, используемая (или потенциально используемая) для идентификации, формально подпадает под это определение. Однако возникают сложности с квалификацией более сложных данных, например, паттернов мозговой активности, связанных с конкретными мыслями, эмоциональными состояниями или ментальными командами. Являются ли они «сведениями, характеризующими физиологические особенности», или это уже информация о психических про-

---

322 См.: *Шепелев Д. В.* Цифровизация и право: современное состояние и перспективы взаимовлияния // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 3. С. 110. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-pravo-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-vzaimovliyaniya

323 Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 2006. 28 июля.

324 См.: *Кузнецов А. А.* Правовые основы биометрических методов аутентификации личности // ЭПИ. 2021. № 1. С. 86–87. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-biometricheskih-metodov-autentifikatsii-lichnosti

цессах, которая в действующем ФЗ № 152-ФЗ не выделена в отдельную специальную категорию? Данный пробел создает правовую неопределенность.

Действующий режим обработки биометрических персональных данных, установленный ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ, является одним из наиболее строгих. Их обработка разрешена только в исключительных случаях, например, в связи с осуществлением правосудия, обеспечения государственной безопасности или при наличии письменного согласия субъекта. Применение этого режима к нейроданным порождает ряд практических проблем.

Целевое ограничение. Жесткая привязка обработки биометрических данных исключительно к цели идентификации не соответствует многообразию применения нейроинтерфейсов. Например, сбор ЭЭГ для управления протезом или для мониторинга уровня концентрации водителя транспортного средства не преследует цели установления личности. Подведение такой обработки под строгий режим ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ может избыточно ограничивать развитие технологий.

Требование об обезличивании. Законодательство требует принятие мер по обезличиванию персональных данных. Однако применительно к нейроданным эффективность классических методов обезличивания (например, удаление прямых идентификаторов) сомнительна, поскольку сами данные являются уникальным идентификатором. Как справедливо отмечают исследователи в данной области, «нейроданные по своей природе псевдоанонимны, но не анонимны, так как всегда существует риск реидентификации при сопоставлении с другими наборами данных»[325].

Проблема информированного согласия. Для обработки биометрических данных требуется получение письменного согласия субъекта. Однако информированное согласие на обработку нейроданных должно быть особенно детализированным. Субъект должен понимать, какие именно данные собираются (сырая ЭЭГ, расшифрованные паттерны, выводы о его эмоциональном состоянии), каковы потенциальные риски их утечки или неправомерного использования, включая возможность дискриминации на основе раскрытых когнитивных особенностей, а также повышается риск попадания данных, в частности ограниченного доступа, в руки третьих лиц, которые могут использовать их не по назначению и в своих собственных корыстных целях[326]. Действующая форма согласия, как правило, не учитывает данной специфики.

Сложность формирования последовательного правового поля усугубляется фрагментарностью существующих норм, их отсылочным характером, а также отсутствием единого подхода со стороны законодателя, правоприме-

---

325 См.: *Селюк А. С.* Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 119. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-ramkah-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta.

326 См.: *Мельников В. Ю., Агаян В. А.* Актуальные вопросы уголовного права и процесса. Ростов н/Д. : Мини Тайп, 2023. С. 108.

нителей и разработчиков. Правовую неопределенность усиливают стремительное развитие технологий, в частности искусственного интеллекта, и недостаточная изученность связанных с ними рисков, что создает серьезные угрозы для безопасности личности, общества и государства[327].

В качестве основных направлений совершенствования правового регулирования можно предложить следующее:

1. Необходимо законодательно разделить нейроданные, используемые строго для идентификации (аналог отпечатка пальца), и нейроданные, отражающие функциональное состояние, когнитивные процессы и иную психическую деятельность. Для первой категории может сохраняться строгий режим ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ. Для второй – должен быть разработан специальный, более гибкий, но не менее защищенный режим, учитывающий повышенную чувствительность этой информации.

2. Закрепление специализированного понятийного аппарата. Требуется внесение изменений в ФЗ № 152-ФЗ или принятие отдельного федерального закона (например, «Об обращении нейротехнологий и защите нейроданных»), где будут даны четкие определения: «нейроинтерфейс», «нейроданные», «биометрические нейроданные», «психофизиологические нейроданные» и т.д.

3. Введение многоуровневой модели информированного согласия. Следует закрепить обязанность операторов разъяснять в доступной форме не только цели сбора, но и возможные психологические, социальные и правовые последствия обработки нейроданных. Целесообразно предусмотреть возможность отзыва согласия в любой момент с обязательным уничтожением всех полученных данных.

4. Установление запрета на использование нейроданных для манипулятивного воздействия. В Уголовный кодекс РФ[328] (далее – УК РФ) может быть введена новая норма, криминализирующая использование нейротехнологий для скрытого воздействия на принятие решений человеком против его воли и интересов. Наиболее логично разместить данную норму в главе 19 УК РФ «Преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Ее можно представить следующим образом: «Неправомерное использование нейротехнологий для воздействия на принятие решений человеком против его воли и интересов.

1. использование нейроинтерфейсов или иных нейротехнологий для скрытого воздействия на психику человека с целью принуждения его к принятию решения против своей воли и (или) интересов, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам данного лица, –

---

[327] См.: *Агаян В. А.* Реалии новой цифровой преступности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : сборник статей участников XV научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2023 года. М. : Ун-т прокуратуры РФ, 2023. С. 72.

[328] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч рублей до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет».

Существующие пробелы и коллизии требуют незамедлительного реагирования со стороны законодателя. Это позволит не только ответить на вызовы нейротехнологий, но и занять ведущие позиции в формировании этико-правовых стандартов в данной области.

Список использованной литературы

1. *Агаян, В. А.* Реалии новой цифровой преступности / В. А. Агаян // Актуальные проблемы юридической науки и практики: взгляд молодых ученых : сборник статей участников XV научно-практической конференции, Москва, 27 апреля 2023 года. – Москва : Университет прокуратуры РФ, 2023. – С. 68–72.
2. *Кузнецов, А. А.* Правовые основы биометрических методов аутентификации личности / А. А. Кузнецов // ЭПИ. – 2021. – № 1. – С. 85–90. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-biometricheskih-metodov-autentifikatsii-lichnosti.
3. *Мельников, В. Ю.* Актуальные вопросы уголовного права и процесса / В. Ю. Мельников, В. А. Агаян. – Ростов-на-Дону : Мини Тайп, 2023. – 520 с.
4. *Селюк, А. С.* Защита персональных данных в рамках использования технологий искусственного интеллекта / А. С. Селюк // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 117–120. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-personalnyh-dannyh-v-ramkah-ispolzovaniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta.
5. *Шепелев, Д. В.* Цифровизация и право: современное состояние и перспективы взаимовлияния / Д. В. Шепелев // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 3. – С. 109–113. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-pravo-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-vzaimovliyaniya.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Артем Юрьевич Тетерин
студент 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
artemtetenin@gmail.com

Аннотация. Каждое действие в сети Интернет оставляет цифровой след, которой содержит персональные данные. Их распространение может создать угрозу для прав и свобод личности. В данной статье автор рассматривает защиту персональных данных уголовно-правовыми средствами.

Ключевые слова: персональные данные; интернет; уголовная ответственность; оператор.

Современный мир сложно представить без интернета, который пронизывает всю частную жизнь и стирает ее неприкосновенность. Любое действие в сети Интернет оставляет цифровой след с персональными данными. Если раньше для сохранения персональных данных требовалось соблюдать обычные меры предосторожности, то сейчас это стало почти невозможно. Научно-технический прогресс открыл перед человечеством новые горизонты в области информационных технологий. Эти технологии предоставляют практически неограниченные возможности для сбора, анализа, обработки и распространения данных о личной жизни людей и их персональных данных.

Для совершения любого действия требуется оставлять свои персональные данные, например, подача документов в государственные органы, поступление в образовательную организацию или регистрация в интернет-сервисах и т. д. К сожалению, персональные данные зачастую становятся предметом преступного посягательства и предметом купли-продажи.

Понятие персональных данных закреплено законодательно в Федеральном законе «О персональных данных»: персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)[329].

---

[329] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

Законодатель классифицирует персональные данные следующим образом:

1) персональные данные, разрешенные к распространению субъектом. Это данные, доступ к которым неограниченного круга лиц предоставлен субъектом данных с его согласия на обработку и распространение;
2) специальные категории персональных данных. К данной группе относятся сведения, касающиеся расовой или национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных либо философских убеждений, а также информации о состоянии здоровья и личной жизни;
3) биометрические персональные данные. Это информация, отражающая физиологические и биологические характеристики человека, которая позволяет его идентифицировать. Обработка таких данных возможна только при наличии письменного согласия самого субъекта, за исключением случаев, прямо предусмотренных законодательством Российской Федерации[330].

Закон дает определение лиц, ведущих обработку персональных данных. Ими являются операторы. Ими могут являться как государственные или муниципальные органы, так и физические и юридические лица.

Все персональные данные строго конфиденциальны. Операторы не имеют права разглашать их третьим лицам без разрешения субъекта персональных данных.

Из-за растущего нелегального рынка персональных данных 30 ноября 2024 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена ст. 272.1 «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения» (далее – УК РФ)[331].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за первую часть 2025 г. по данной статье был осужден 1 человек (ч. 2 ст. 272.1 УК РФ) и приговорен к наказанию в виде штрафа[332].

Статья содержит два основных состава в части первой и части шестой. Непосредственным объектом данных посягательств являются общественные отношения, связанные с обеспечением безопасности компьютерной информации, где хранятся персональные данные. В качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения, направленные на защиту неприкосновенности частной жизни. Факультативным объектом рассматриваемых пре-

---

330 См. об этом: *Смольнова И. В.* Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 134–142.

331 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

332 Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 10.10.2025).

ступлений могут выступать честь и достоинство личности, общественные отношения собственности и т.д.[333]

Далее рассмотрим объективную сторону преступления. Основные составы по конструкции – формальные, особо квалифицированные в п. «б» ч. 3 и ч. 5 – материальные. В первом основном составе объективная сторона выражается альтернативными действиями, такими как незаконное использование и (или) передача (распространение, предоставление, обеспечение доступа), сбор и (или) хранение компьютерной информации с персональными данными, которая была получена через неправомерный доступ.

Незаконное использование персональных данных включает ряд действий, таких как создание фальшивых страниц пострадавшего в социальных сетях или сервисах с целью осуществления действий от его лица, а также получения гражданско-правовых услуг.

Под распространением информации понимается только процесс передачи определенных данных от одного лица к другому, без учета различных способов незаконного использования персональных данных.

Во втором основном составе наказуем иной перечень действий: создание и (или) поддержка работы информационного ресурса, который изначально предназначен для применения компьютерной информации с персональными данными, полученной незаконным способом.

В составе преступления, предусмотренном ст. 272.1 УК РФ, субъект общий. Прямого указания на признаки специального субъекта нет. Какие-то действия может совершить только оператор, которому были предоставлены персональные данные, однако перечень действий, входящих в объективную сторону, очень широк и часть из них (сбор, хранение) может осуществить любое лицо путем неправомерного доступа к компьютерной информации.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Одной из наиболее распространенных целей преступлений, связанных с неправомерным доступом к общедоступной персональной информации, является стремление виновного нанести ущерб репутации потерпевшего, унизить его или оскорбить. В наши дни злоумышленники чаще всего достигают своей цели не через раскрытие личной информации жертвы, а посредством распространения в интернете ложных и компрометирующих сведений от ее имени, используя ее персональные данные. В п. «а» ч. 3 ст. 272.1 УК РФ указывается на корыстную заинтересованность как квалифицирующий признак указанного преступления.

Статья 272.1 УК РФ содержит специальные нормы по отношению к ст. 137 и 272 УК РФ, поэтому квалификация по совокупности не требуется.

Несмотря на многообразие квалифицированных составов, самая строгая санкция в виде лишения свободы не превышает 10 лет, чего недостаточно. Причиненный вред может принимать значительные масштабы, особен-

---

[333] См.: *Малешина А. В., Озерова А. С.* Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 171.

но при массовом использовании персональных данных злоумышленниками или террористами. Это обуславливает необходимость ужесточения мер ответственности за такие преступления.

Можно сделать вывод, что введение уголовной ответственности за распространение персональных данных стало значительным шагом в противодействии преступлениям в области компьютерной информации, что особенно актуально в условиях развития компьютерных технологий и глобализации.

Список использованной литературы

1. *Смольнова, И. В.* Защита персональных данных в уголовном судопроизводстве / И. В. Смольнова // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 134–142.
2. *Малешина, А. В.* Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных / А. В. Малешина, А. С. Озерова // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 2. – С. 166–182.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРУГРОЗАМ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Гусен Шамилевич Шамсудинов
студент 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gusen77@bk.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены актуальные проблемы, с которыми сталкиваются дети и подростки. Современные информационные средства и технологии в руках злоумышленников представляют угрозу для подрастающего поколения. Враждебные стране организации пытаются путем введения информационной войны нанести ей ущерб. В статье мы предлагаем определенные пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: цифровизация; искусственный интеллект; информационная война; интернет.

Сегодня в период цифровизации общества и развития информационных технологий дети и подростки как самая уязвимая часть общества больше всех подвержены влиянию информационных средств. Современные информационные средства и технологии способны управлять общественным сознанием и влиять на психику людей[334]. В современном мире информационное воздействие является частью любого общества. Развитие информационных технологий и техники оказывает значительное влияние на внутренний и внешний мир человека, что отражается на уровне информационной защищенности и безопасности. В жизнь людей активно внедряются *IT*-технологии. Информационные технологии в условиях информатизации общества становятся важным инструментом для жизни многих людей, у некоторых людей профессия напрямую связана с подобными технологиями.

Несмотря на то, что компьютерные технологии являются масштабной, и даже, скажем так, глобальной проблемой, все же они определяют будущее

---

[334] См.: *Айсина Р. М.* Психологическая безопасность взрослых интернет-пользователей: анализ современных исследований // Вестник Омского университета. 2019. № 1. С. 28–38.

общества и главным образом представляют для человечества благо[335]. В руках же злоумышленников информационные технологии могут представлять значительную угрозу и опасность. Информационные сети являются удобной площадкой для осуществления информационно-криминальных и информационно-террористических действий. В сети свободно могут распространяться пропагандистские материалы преступных организаций, распространение оружия, рецепты изготовления как оружия, так и взрывчатых веществ, распространение психотропных и наркотических веществ, алгоритмов вскрытия шифров.

М. Н. Турунова отмечает, что детерминантами девиантного поведения несовершеннолетних признаны пропагандируемые в сети Интернет антисоциальные явления, что повышает необходимость внимания к медиабезопасности молодежной аудитории[336].

В настоящее время в России наблюдается тревожная линия: количество преступлений против детей, не достигших совершеннолетия, увеличилось на 10%. Этот рост вызывает серьезную обеспокоенность как у государства, так и у общества в целом. Рассмотрим основные виды преступных деяний против несовершеннолетних, а также новые риски, возникшие в современном мире.

Покушение на жизнь и на половую неприкосновенность. Это самые серьезные злодеяния, включающие убийства и другие акты насилия.

Невыполнение обязательств по контролю за физическим, нравственным развитием и воспитанием. Сюда входят преступления, связанные с жестоким обращением, халатным отношением к воспитанию и нарушением детских прав ребенка.

Нарушение чести и достоинства детей и подростков. К этой категории относятся оскорбления, ложь и другие формы психологического давления.

Однако, как показывает практика, это не весь список угроз, с которыми сталкивается подрастающее поколение. В последние годы наблюдается рост правонарушений, связанных с воздействием на психику несовершеннолетних. Это включает в себя следующее:

1) завлечение в деструктивные организации. В качестве примера можно привести организацию ЦИПсО – украинский центр информационно-психологических операций. Данная террористическая организация причастна ко многим террористическим актам путем вербовки и подкупа людей. Яркий пример их деятельности – теллеграм-канал «Утро Дагестан», который организовывал митинги, спонсировал и поддерживал террористические акты в г. Махачкале, в том

---

335 См.: *Шкаев Д. Г.* Философия компьютерных игр // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2018. № 4.

336 См.: *Турунова М. Н.* Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Н. Турунова; ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». СПб., 2023. URL: https://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-vliyaniyu-seti-internet-na-prestupnoe-povedenie-nesovershennoletnikh (дата обращения: 21.10.2023).

числе митинг в аэропорте «Уйташ» Махачкалы. Как известно, все причастные к этой акции организаторы находились за пределами России и получают за свои провокации деньги от украинских и иных враждебных нам стран спецслужб;

2) увеличение количества преступлений, связанных с наркотическими и психотропными веществами. Основываясь на статистических данных органов правопорядка, объем злодеяний, связанных с популяризацией опасных, вызывающих зависимость веществ, в сети даркнета неуклонно растет. Исходя из этого, если в 2022 г. было зарегистрировано 104,4 тыс. преступлений, то в 2023 г. их число увеличилось до 120,9 тыс., а в 2024 г. достигло 129,2 тыс.;

3) омоложение наркомании. Из года в год наблюдается такая ситуация, что зависимыми от наркотических средств становятся даже дети. Раньше основными потребителями сильно действующих препаратов были люди старше 18 лет, но теперь все чаще наркозависимыми становятся учащиеся 14–15 лет. Такую ситуацию можно объяснить тем, что на смену традиционным вызывающим эйфорию наркотикам пришли химические средства, такие как «шарики», «веселящие газы» и никотинсодержащие составы. Эти синтетические вещества не вызывают зависимости сразу, и поэтому у молодых людей создается мнение, что это неопасно.

Одной из основных причин роста количества преступлений является использование сети Интернет для торговли наркотиками. Конфиденциальность даркнета способствует тому, что вербовщикам легко находить и завлекать детей и подростков, которые даже не осознают всю серьезность этого преступного деяния.

Все это и многое другое предопределило высокий рост интереса к средствам массовой информации и запрету масс-медиа, связанных с транслированием безжалостных сценариев. В Государственную Думу 27 декабря 2023 г. был внесен законопроект № 522033-8 «О внесении изменения в статью 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» для корректировки перечня информации, относящейся к конфиденциальной, распространение которой запрещено. Мы также поддерживаем идею о распространении применения на практике стратегии «скрытого предупреждения» путем наложения запрета на транслирование жестоких эпизодов в интернет-пространстве[337].

Примеры киберугроз демонстрируют не только их разнообразие, но и устойчивые механизмы воздействия на несовершеннолетних. Злоумышленники используют доверительность общения, создание ощущения срочности, перевод коммуникации в закрытые каналы и апелляцию к секретности. Цель предлагаемых рекомендаций состоит в снижении вероятности инцидента и уменьшении его последствий при сохранении доверительных отношений между взрослыми и детьми. Ниже изложены меры, которые могут быть внедрены в семейной и образовательной среде без существенных затрат и с предсказуемым эффектом.

---

[337] См.: *Круковский В. Е., Мосечкин И. Н.* Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право: журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196–215.

Первичная линия защиты формируется за счет цифровой гигиены на всех устройствах ребенка и родителей. Практически это означает включение двухфакторной аутентификации в почтовых сервисах, мессенджерах, социальных сетях и игровых платформах. Пароли должны иметь достаточную длину и уникальность, приоритетно в форме парольной фразы. Рекомендуется использование менеджера паролей, что упрощает поддержание уникальности и регулярную смену. Профили в социальных сетях переводятся в приватный режим, контактные данные и геолокация скрываются, а разрешения приложений на доступ к камере, микрофону и местоположению выдаются только по необходимости и пересматриваются. Операционные системы и программы регулярно обновляются, неиспользуемые приложения и расширения удаляются, старые учетные записи деактивируются.

Родительский контроль целесообразно строить на принципах прозрачности и договоренности. Для ребенка создается отдельная учетная запись с семейными настройками и возрастными рейтингами, а правила доступа к сети фиксируются письменно. В таких правилах определяются временные окна для онлайна, порядок добавления новых контактов и установка новых приложений только после согласования со взрослыми. Родители заранее объясняют, какая агрегированная информация о поведении в сети будет просматриваться, например суммарное экранное время и факты установки программ. Использование скрытых средств слежения нежелательно, так как это разрушает доверие и снижает готовность ребенка сообщать о проблемах.

Навыки распознавания манипуляции формируются через регулярную тренировку, а не за счет разовой лекции. Эффективной практикой является короткое еженедельное обсуждение типовых сценариев, включающее просьбы о передаче одноразового кода доступа, приглашения в закрытый чат и требования немедленно отправить изображение или личные данные. Для внутренней самооценки риска ребенку предлагается простой эвристический тест, основанный на трех признаках, а именно секретность, срочность и переход в приватный канал. Наличие двух и более признаков трактуется как высокий риск. Отрабатывается алгоритм реакции, который включает отказ от ответа, фиксацию доказательств с помощью скриншотов, немедленное информирование взрослого и последующее блокирование нарушителя.

Технические меры второго уровня уменьшают вероятность случайных контактов с вредоносным контентом и облегчают контроль финансовых рисков. В домашней сети активируются семейные фильтры доменных имен и безопасный поиск на платформах с пользовательским контентом. На мобильных устройствах включаются уведомления о новых установках, а в цифровых магазинах задаются лимиты расходов. Для покупок в играх и подписок используется отдельный платежный инструмент с небольшим балансом, что ограничивает потенциальный ущерб при компрометации.

Для ситуаций высокой эмоциональной нагрузки необходим заранее подготовленный порядок действий. Ребенок должен знать, что вступать в переписку с вымогателем или отправлять средства нельзя. В первую очередь сохраня-

ются доказательства, то есть скриншоты и ссылки. Далее нарушитель блокируется, и на него подается жалоба через инструменты платформы. На всех задействованных аккаунтах меняются пароли, завершаются активные сессии на других устройствах и включается двухфакторная аутентификация. Совершеннолетний уведомляется без промедления, при угрозах и вымогательстве инициируется обращение в правоохранительные органы, а при финансовом ущербе проводится оперативный контакт с банком для оспаривания операций. Наличие четкой схемы снижает стресс и сокращает время реагирования.

Результативной практикой является краткий письменный цифровой договор в семье. Документ занимает одну страницу и фиксирует время присутствия в сети, уровень приватности профилей, запрет на публикацию адреса, расписания и изображений документов, а также порядок согласования новых приложений и игр. В договор включается изложенный выше порядок действий при инциденте. Документ подписывается всеми участниками и пересматривается с заранее установленной периодичностью. Такая форма повышает предсказуемость и формирует единое понимание норм.

Образовательным организациям следует формировать внутреннюю политику по цифровой безопасности и назначать ответственного за координацию. Политика должна описывать уровни серьезности инцидентов и последовательность действий при каждом уровне с определением каналов эскалации и шаблонов информирования законных представителей. На уровне инфраструктуры рекомендуется разделение гостевого и учебного трафика, использование фильтрации доменных имен, централизованное обновление систем, отсутствие прав администратора у обучающихся и запрет неучтенных съемных носителей. В пространствах общего пользования размещаются краткие памятки с алгоритмом фиксации доказательств и контактами ответственного. Работа с пострадавшими строится без обвинительных формулировок и с приоритетом психологической безопасности, с последующим подключением специалистов и компетентных органов при наличии оснований.

Педагогическая часть профилактики опирается на регулярные краткие занятия в течение учебного года. Тематические блоки включают методы социальной инженерии, вопросы приватности и осознанного управления цифровым следом, а также основы сетевой этики и противодействия буллингу. Рекомендуется использовать анализ реальных кейсов и безопасные симуляции, которые позволяют обучающимся закреплять навыки распознавания рискованных ситуаций и корректного реагирования.

Для самих подростков базовыми считаются несколько правил, которые следует усвоить и применять постоянно. Приватность устанавливается по умолчанию, а новые контакты добавляются только при наличии подтвержденного знакомства в офлайн-среде. Публикация геометок и демонстрация текущего местоположения отключаются. Любая просьба, где присутствуют признаки секретности, спешки и перевода в непубличный канал, рассматривается как потенциально опасная. Одноразовые коды доступа и пароли не передаются никому, в том числе знакомым и формально авторитетным лицам. В играх и торговых

площадках используются только официальные механизмы покупки, а денежные переводы в личной переписке не осуществляются. При столкновении с травлей не дается ответ по существу, сохраняются доказательства и подается жалоба через инструмент модерации, после чего инцидент обсуждается со взрослым.

Предложенный комплекс мер сочетает организационные, технические и образовательные компоненты. Его внедрение возможно в бытовых условиях и в массовой школе без специализированной подготовки персонала и дорогостоящего оборудования. Ожидаемый эффект выражается в снижении частоты событий с неблагоприятными последствиями и в повышении готовности несовершеннолетних к самостоятельной и корректной реакции на попытки манипуляции и принуждения.

Все это показывает, что киберпространство и цифровизация меняют облик преступности несовершеннолетних: привычные преступления совершенно иначе выглядят в новой «одежде», а также нарастает практика удаленного использования несовершеннолетних в преступных целях. Предоставление подросткам инструментов для защиты себя в киберпространстве имеет решающее значение в борьбе с новыми формами преступности.

Назрела необходимость объединения опыта и знаний инженеров, юристов и практических работников. Наше внимание к этой теме очень важно, и работа по повышению осведомленности может сыграть ключевую роль в безопасности несовершеннолетних пользователей интернета.

Список использованной литературы

1. *Айсина, Р. М.* Психологическая безопасность взрослых интернет-пользователей: анализ современных исследований / Р. М. Айсина // Вестник Омского университета. – 2019. – № 1. – С. 28–38.
2. *Круковский, В. Е.* Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств / В. Е. Круковский, И. Н. Мосечкин // Право: журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 196–215.
3. *Михалькова, Е. И.* Взаимосвязь жизнестойкости и особенностей совладания с профессиональными трудностями / Е. И. Михалькова // Молодой ученый. – 2023. – № 33 (480).
4. *Турунова, М. Н.* Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних : автореф. дис. … канд. юрид. наук / М. Н. Турунова; ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». – Санкт-Петербург, 2023. – URL: https://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-vliyaniyu-seti-internet-na-prestupnoe-povedenie-nesovershennoletnikh (дата обращения: 21.10.2023).
5. *Шкаев, Д. Г.* Философия компьютерных игр / Д. Г. Шкаев // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. – 2018. – № 4.

ИМЯ ГРАЖДАНИНА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ

Дарья Сергеевна Шуплецова
студентка 3-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
shupleczova95@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено двойственной природе имени гражданина в цифровую эпоху как нематериального блага и элемента персональных данных. Анализируется правовая связь между этими аспектами и современные риски их нарушения. На основе гражданско-правового анализа предлагаются конкретные меры защиты, включая внесудебный механизм оспаривания кредитных записей и внедрение механизма блокировки последствий мошеннических операций.

Ключевые слова: право на имя; персональные данные; нематериальные блага гражданина.

Право на имя, закрепленное в ст. 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[338], в цифровую эпоху проявляется через его материальную форму – персональные данные, используемые для идентификации. Недобросовестное использование этого цифрового идентификатора ведет к прямым нарушениям – ущемлению чести, достоинства и деловой репутации человека. Таким образом, для эффектной защиты имени в цифровую эпоху необходимо сочетать традиционные гражданско-правовые механизмы со специальными мерами противодействия современным информационным рискам.

В гражданско-правовом поле имя может рассматриваться в двух ключевых аспектах: как нематериальное благо и как элемент персональных данных. Правовая доктрина закрепляет комплексный подход к определению имени гражданина, охватывающий фамилию, имя и отчество, если иное прямо

[338] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

не предусмотрено законодательством или национальным обычаем[339]. С момента рождения данное право, закрепленное в ст. 19 ГК РФ, приобретает режим фундаментального неотчуждаемого нематериального блага (ст. 150 ГК РФ), призванного юридически обеспечить формальную индивидуализацию личности. Особенность права на имя раскрывается через его трехэлементное содержание, включающее возможность приобретения и изменения имени в установленном порядке; требование к третьим лицам об обращении в соответствии с ним, а также право требовать прекращения неправомерного использования имени[340].

Гражданско-правовая защита права на имя приобретает ключевое значение в случаях, когда его искажение или неправомерное использование наносит ущерб деловой репутации, чести и достоинству гражданина, поскольку причиненный таким образом вред подлежит обязательному возмещению.

Как справедливо отмечал И. А. Покровский, ценность имени напрямую соотносится со степенью развития индивидуального самопознания. Поскольку имя функционирует как уникальный маркер личности, аккумулирующий комплекс представлений о ее носителе, рост личностного потенциала закономерно приводит к повышению значимости имени[341].

Исходя из этого, право на имя как неотчуждаемое личное неимущественное право служит не только ключевым средством правовой идентификации, но и юридическим выражением самой личности, поскольку именно через имя происходит формирование и закрепление индивидуального правового образа человека в системе общественных отношений.

Параллельно с ролью средства индивидуализации личности имя в современном правовом поле приобретает фундаментальное значение как структурообразующий элемент персональных данных. Согласно легальному определению, закрепленному в Приказе Роскомнадзора[342], персональные данные представляют собой комплекс сведений, обеспечивающих прямую или косвенную идентификацию физического лица. К числу таких сведений относятся фамилия, имя, отчество, дата, место рождения и др. Понятие

---

339 См.: *Алексеев С. С., Аюшеева И. З., Васильев А. С.* [и др.] Гражданское право : учебник : в 3 т. /под общ. ред. С. А. Степанова. М. : Проспект; Институт частного права, 2011. Т. 1. С. 44.

340 См.: Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2018. С. 60.

341 *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2013. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava/ (дата обращения: 07.10.2025).

342 Приказ Роскомнадзора от 24 марта 2023 г. № 39 «О признании утратившими силу приказа Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 30 мая 2017 г. № 94 „Об утверждении методических рекомендаций по уведомлению уполномоченного органа о начале обработки персональных данных и о внесении изменений в ранее представленные сведения“ и внесенных в него изменений» // СПС «КонсультантПлюс».

«персональный» (от лат. *persona* – личность) акцентирует принадлежность информации к конкретному индивидууму и его отличительным характеристикам[343]. Так, в рамках Федерального закона «О персональных данных» ФИО, являясь ключевым идентифицирующим элементом, представляет собой особую категорию данных, неразрывно связанную с нематериальными благами личности, что обуславливает его повышенную уязвимость к различным видам посягательств. Например, утечка базы данных с персональной информацией создает риски мошенничества, дискредитации репутации и имущественного ущерба[344].

Ярким примером совершения преступных действий в отношении имени как нематериального блага является дело, рассмотренное Боханским районным судом. Согласно материалам, специалист микрокредитной компании оформила 196 займов на 3,6 млн рублей, используя анкетные данные граждан, ранее являвшихся клиентами этой организации, в связи с чем был причинен вред деловой репутации и доброму имени граждан. С целью защиты прав пострадавших прокуратура Боханского района направила иски в суд, для того чтобы исключить персональные данные граждан из реестра недобросовестных плательщиков[345]. Также с целью восстановления прав граждан могут быть приняты иные меры, предусмотренные законом (ст. 12 ГК РФ).

Таким образом, имя гражданина является ключевым нематериальным благом и правовым средством индивидуализации личности, которое воплощается в персональных данных (фамилии, имени, отчестве). Понятие «доброе имя» интегрирует в себя собственно имя, честь, достоинство и деловую репутацию, отражая сложившееся в обществе представление о высоких нравственных и профессиональных качествах гражданина. Поскольку персональные данные, служащие идентификатором личности, регулярно становятся объектом преступных посягательств, требуются эффективные меры их защиты. В связи с этим необходимо внедрить ускоренную процедуру исправления кредитной истории на основании судебного акта о мошенничестве (установить обязанность Бюро кредитных историй в трехдневный срок исключать недостоверную информацию из кредитной истории гражданина).

---

343 См.: *Добробаба М. Б.* Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 2 (102). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-problema-pravovoy-opredelennosti (дата обращения: 07.10.2025).

344 *Ефимова Е. А., Семенов С. А.* Персональные данные как объект преступных посягательств // StudNet. 2021. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnye-dannye-kak-obekt-prestupnyh-posyagatelstv (дата обращения: 08.10.2025).

345 В Иркутской области вынесен приговор в отношении бывшего специалиста микрокредитной компании // Прокуратура Иркутской области : сайт. URL: https://прокуратура.рф/irkutsk/news (дата обращения: 08.10.2025).

Список использованной литературы

1. *Алексеев, С. С.* Гражданское право : учебник : в 3 т. / С. С. Алексеев, И. З Аюшеева, А. С. Васильев [и др.]; под общ. ред. С. А. Степанова. – Москва : Проспект; Институт частного права, 2011. – 379 с.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2018. – 326 с.
3. *Добробаба, М. Б.* Понятие персональных данных: проблема правовой определенности / М. Б. Добробаба // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 2 (102). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-personalnyh-dannyh-problema-pravovoy-opredelennosti (дата обращения: 07.10.2025).
4. *Ефимова, Е. А.* Персональные данные как объект преступных посягательств // Е. А. Ефимова, С. А. Семенов // StudNet. – 2021. – № 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalnye-dannye-kak-obekt-prestupnyh-posyagatelstv (дата обращения: 08.10.2025).
5. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Москва : Статут, 2013. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava/ (дата обращения: 07.10.2025).

Расширение цифрового контроля в россии и в мире: новые вызовы и эффективные решения

РАСШИРЕНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ И В МИРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ

Ксения Михайловна Абашина
студентка 4-го курса Института правосудия и организации деятельности службы судебных приставов
ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции», г. Донецк, Россия
kseniya.abashina@gmail.com

Аннотация. Текст посвящен анализу современных практик цифрового контроля и защите персональных данных в контексте европейской модели *GDPR*. Рассматриваются угрозы приватности, цифровая дискриминация, риски для демократии и проблемы цифрового суверенитета. Отмечаются ключевые направления противодействия: технические, правовые и институциональные меры, включая защиту шифрования, прозрачность алгоритмов и международное сотрудничество.

Ключевые слова: цифровой контроль; защита персональных данных; искусственный интеллект; приватность и цифровые права; цифровой суверенитет; прозрачность алгоритмов.

Расширение цифрового контроля обусловлено рядом глобальных и региональных факторов. Во-первых, экспоненциальный рост объема цифровых данных требует разработки новых механизмов их управления и защиты. Во-вторых, пандемия *COVID*-19 легитимировала и ускорила внедрение технологий слежения в целях обеспечения общественной безопасности и контроля за соблюдением карантинных мер, таких как системы отслеживания контактов и цифровые пропуски[346].

В мировом масштабе наблюдается рост инвестиций в системы кибербезопасности и цифрового управления. Мировой рынок систем видеонаблюде-

[346] См.: *Дмитриев А. П.* Стремительный рост цифровых данных: анализ мировых трендов и прогноз развития в России // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 1 С. 141–152. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stremitelnyy-rost-tsifrovyh-dannyh-analiz-mirovyh-trendov-i-prognoz-razvitiya-v-rossii (дата обращения: 09.10.2025).

ния, например, демонстрирует значительный рост. Многие правительства развивают экосистемы цифровой идентификации для предоставления государственных услуг. Однако наблюдается и фрагментация глобального цифрового управления, когда страны соревнуются за лидерство в регулировании ИИ, а технологические гиганты лоббируют ослабление контроля. В некоторых странах (например, Китай) внедряются системы социального рейтинга.

В России также активно развивается цифровой контроль, в том числе через внедрение цифровых платформ, таких как Единая биометрическая система (ЕБС) и системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц в крупных городах. Законодательные инициативы, направленные на усиление контроля за информационными потоками и контентом в сети, также являются частью этой тенденции[347].

Развитие информационно-коммуникационных технологий и массовая цифровизация общественной жизни расширили возможности сбора, анализа и использования данных о поведении граждан. Государства и коммерческие акторы получают доступ к все более детализированной информации, что увеличивает потенциал как для улучшения публичных услуг, так и для масштабного контроля. Рост применения алгоритмов машинного обучения, технологий распознавания лиц, централизованных баз данных и систем мониторинга создает новые угрозы гражданским свободам и приватности. Развитие таких технологий, как искусственный интеллект, системы видеонаблюдения, биометрическая идентификация и Большие данные (*Big Data*), предоставляет беспрецедентные возможности для повышения эффективности, безопасности и предоставления государственных услуг, но одновременно порождает серьезные вызовы, связанные с приватностью, правами человека и демократическими институтами.

Отметим позиции различных исследований по данной теме.

1. Позиции международных правозащитных организаций (*Freedom House, Amnesty International*) фиксируют ухудшение условий интернет-свободы в ряде стран вследствие сочетания законодательных ограничений, блокировок и технических мер против обхода фильтрации.

2. Академические исследования подчеркивают концепцию «цифрового авторитаризма», где государство использует искусственный интеллект (ИИ) и большие данные для мониторинга поведения[348].

3. Китайский опыт (система социального кредита) показывает пример масштабного применения цифрового мониторинга[349].

---

[347] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[348] См.: *Roberts T*. Digital authoritarianism: a systematic literature review // Journal of Cyber Policy. 2024. Vol. 9. № 2. P. 123–146.

[349] См.: Stanford China FSI. Assessing China's "National Model" Social Credit System. Stanford University, 2024.

4. Европейская модель (*GDPR* (*General Data Protection Regulation* – общий регламент по защите данных, нормативный акт, который определяет правила сбора, обработки, хранения и распространения персональных данных на территории Европейского Союза) и деятельность *EDPB* (*European Data Protection Board* – независимый орган Европейского Союза. Цель – обеспечение последовательного применения Общего регламента по защите данных (*GDPR*)) направлена на защиту данных и ограничение произвольной их обработки[350].

5. Рекомендации правозащитников включают защиту шифрования и прозрачность алгоритмов.

Новые вызовы и характерные практики. Основные технологические драйверы цифрового контроля включают массовый сбор данных, внедрение биометрии и использование ИИ для предиктивного анализа. Государства применяют законодательные меры, локализацию данных и давление на платформы для усиления контроля. В России наблюдается сочетание технических блокировок и правового регулирования[351].

Расширение цифрового контроля создает ряд критических вызовов:

1. Нарушение приватности и цифровых прав граждан. Массовый сбор и анализ персональных данных государством и корпорациями угрожает праву на частную жизнь и анонимность. Создание «цифровых профилей» граждан позволяет осуществлять тотальный контроль за их поведением и предпочтениями.

2. Цифровая дискриминация и асимметрия. Чрезмерное усиление контроля может привести к цифровой дискриминации, когда доступ к услугам или определенным правам будет зависеть от цифрового рейтинга или биометрических данных[352]. Возникает «цифровая асимметрия», когда государство и корпорации обладают неизмеримо большим объемом данных, чем граждане[353].

3. Угроза демократическим институтам. Цифровой контроль может быть использован для ограничения свободы слова, подавления инакомыслия и манипуляции общественным мнением, что подрывает основы демократического общества.

4. Проблемы цифрового суверенитета. Вопросы контроля над критической инфраструктурой, информационными потоками и разработкой собствен-

---

350 См.: European Data Protection Board. EDPB Annual Report 2024. Brussels, 2025.

351 См.: *Roberts T*. Digital authoritarianism: a systematic literature review // Journal of Cyber Policy. 2024. Vol. 9. № 2. P. 123–146.

352 См.: *Подмаркова И. П*. Перспективы применения социального рейтинга в рамках программы стимулирования рождаемости и социальной поддержки семей с детьми // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность : материалы V международной научно-практической конференции. Донецк, 2023. С. 291-298.

353 См.: *Маниковская М. А*. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vyzovy-traditsionnym-normam-i-printsipam-morali (дата обращения: 09.10.2025).

ного ИИ становятся ключевыми для обеспечения национальной устойчивости и независимости[354].

Однако можно найти эффективные решения. Ключевые направления противодействия:

1. Технические меры – применение *PET* (сквозное шифрование, децентрализация), независимые аудиты алгоритмов.

2. Правовые меры – прозрачность алгоритмов, надзор за органами обработки данных, контроль экспорта технологий наблюдения.

3. Институциональные – поддержка независимых СМИ, цифровая грамотность и международное сотрудничество[355].

Таким образом, расширение цифрового контроля представляет собой сложное явление, объединяющее технологические, политические и социальные аспекты, оно является неизбежной реальностью современного мира. В России и на глобальном уровне этот процесс несет как потенциал для повышения эффективности и безопасности, так и серьезные риски для гражданских свобод и демократии. Эффективное управление этой тенденцией требует не только внедрения передовых технологий, но и создания надежной правовой базы, усиления общественного контроля и развития этических норм в сфере цифровых технологий. Только через сбалансированное сочетание инноваций и защиты прав человека можно обеспечить устойчивое и справедливое цифровое будущее. Эффективная стратегия противодействия требует сочетания технических, правовых и институциональных мер. В российском контексте важны защита шифрования, развитие независимого надзора и участие в международных инициативах по защите прав человека в цифровой среде.

Список использованной литературы

1. *Гаврилов, Е. О.* Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты / Е. О. Гаврилов // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 4. – С. 146–149. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-v-usloviyah-globalizatsii-filosofskiy-i-pravovoy-aspekty (дата обращения: 09.10.2025).
2. *Дмитриев, А. П.* Стремительный рост цифровых данных: анализ мировых трендов и прогноз развития в России / А. П. Дмитриев // Региональная и отраслевая экономика. – 2024. – № 1. – С. 141–152. – URL: https://

---

354 См.: *Гаврилов Е. О.* Цифровой суверенитет в условиях глобализации: философский и правовой аспекты // Вестник КемГУ. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (14). С. 146–149. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-suverenitet-v-usloviyah-globalizatsii-filosofskiy-i-pravovoy-aspekty (дата обращения: 11.10.2025) (дата обращения: 09.10.2025).

355 См.: *Иванов И. И.* Цифровая безопасность : учебно-методическое пособие. М. : Юрайт, 2020. 176 с.

cyberleninka.ru/article/n/stremitelnyy-rost-tsifrovyh-dannyh-analiz-mirovyh-trendov-i-prognoz-razvitiya-v-rossii (дата обращения: 09.10.2025).
3. *Зубов, Б. Ш.* Наблюдательный капитализм и общество : монография / Б. Ш. Зубов. – Москва : Наука, 2021. – 312 с.
4. *Иванов, И. И.* Цифровая безопасность : учебно-методическое пособие / И. И. Иванов. – Москва : Юрайт, 2020. – 176 с.
5. *Маниковская, М. А.* Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали / М. А. Маниковская // Власть и управление на Востоке России. – 2019. – № 2 (87). – С. 100–106. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-vyzovy-traditsionnym-normam-i-printsipam-morali (дата обращения: 09.10.2025).
6. *Подмаркова, И. П.* Перспективы применения социального рейтинга в рамках программы стимулирования рождаемости и социальной поддержки семей с детьми / И. П. Подмаркова // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность : материалы V международной научно-практической конференции. – Донецк : Цифровая типография, 2023. – С. 291–298.
7. *Roberts. T.* Digital authoritarianism: a systematic literature review // Journal of Cyber Policy. – 2024. – Vol. 9, № 2. – P. 123–146.
8. Stanford China FSI. Assessing China's "National Model" Social Credit System / Stanford University, 2024. European Data Protection Board. EDPB Annual Report 2024. – Brussels, 2025.

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РАСШИРЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Валерия Алексеевна Белова
студентка 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
lera04belova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме противодействия кибертерроризму в условиях цифровой трансформации. Анализируется отсутствие в российском законодательстве юридического определения этого понятия, что приводит к правовой неопределенности и неполному охвату данной угрозы. На примере уязвимости критической инфраструктуры, такой как аэропорты, показана реальная опасность кибератак. Рассматриваются различные научные позиции: от необходимости введения специальных норм в УК РФ до мнения о достаточности существующих статей. В заключение обосновываются конкретные предложения по совершенствованию уголовного закона для эффективной квалификации кибертеррористических актов.

Ключевые слова: кибертерроризм; уголовная ответственность; Уголовный кодекс РФ; информационная безопасность; киберпреступность.

Мы живем в эпоху, когда информация становится основой для нормального функционирования общества. Развитие интернета дало возможность людям обмениваться большими объемами информации на расстоянии, что создало новые реалии – от общения и визуального взаимодействия между людьми из разных уголков мира до совместной работы исследовательских команд, которые могут эффективно сотрудничать, находясь в разных странах и даже на разных континентах.

Тем не менее интернет используется не только во благо. В мировом масштабе наблюдается стремительный рост киберпреступности. Особую тревогу вызывает активность террористических групп в интернете. Количество сайтов, используемых для вербовки, распространения экстремистских материалов и других целей, постоянно увеличивается.

Ввиду высокой степени риска, связанного с кибертерроризмом, государство обязано обеспечить скорейшую реализацию законодательных норм, отвечающих современным вызовам кибербезопасности.

В российском законодательстве отсутствует четкое определение кибертерроризма, несмотря на широкое использование этого термина в медиа, юридических текстах и научных работах. Это приводит к неоднозначности и различным толкованиям, поскольку каждый автор трактует его по-своему.

Ю. В. Гаврилов и Л. В. Смирнов выделяют следующие ключевые признаки кибертерроризма: во-первых, это противоправное воздействие на информационные системы; во-вторых, цель – создание опасности для жизни, здоровья или имущества неопределенного круга лиц; в-третьих, способ достижения цели – создание условий для техногенных аварий и катастроф или угроза их возникновения[356].

Но при этом ни один из ключевых документов, включая Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», а также постановления Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях террористической и компьютерной направленности, и даже методические рекомендации Генпрокуратуры по надзору за расследованием преступлений в сфере компьютерной информации, не содержит определения термина «кибертерроризм».

Есть упоминание данного явления в «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации», в той ее части, где речь идет о направлениях противодействия терроризму. Кибертерроризм назван в качестве одного из видов террористических угроз[357].

Использование информационных технологий в различных областях общественной и государственной деятельности делает их уязвимыми для кибертеррористических атак. Особенно это касается объектов транспортной инфраструктуры, таких как аэропорты. Кибертерроризм может проявляться в разных формах: от распространения ложной информации и психологического давления, вызывающих сбои в работе аэропорта и авиарейсов, до более серьезных угроз. К ним относятся взломы систем управления полетами, которые могут привести к катастрофическим последствиям, а также атаки, направленные на физическое повреждение инфраструктуры аэропортов и самолетов.

Взяв за основу положения Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и, в частности, определение понятия «терроризм», содержащееся в ст. 1[358], анализ деятельности террористических групп и мер противодействия со стороны государства позволяет утверждать, что кибертерроризм представляет собой более комплексное яв-

---

356 *Гаврилов Ю. В., Смирнов Л. В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М. : ЮИ МВД РФ, 2003. 66 с.

357 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

358 См.: *Лобач Д. В.* Кибертерроризм как нетипичное проявление (форма) терроризма в современном мире // Advancesinlawstudies. 2022. Т. 10, № 3. С. 36–40.

ление, чем просто совершение кибератак, нацеленных на повреждение критически важных объектов, систем жизнеобеспечения или создание угрозы для жизни, здоровья и имущества неопределенного круга лиц и национальной безопасности.

Кибертерроризм можно рассматривать как общее понятие, объединяющее различные виды террористической деятельности в интернете. В частности, кибератаки, совершаемые с террористическими целями с использованием информационных сетей, являются конкретными примерами кибертеррористических актов.

Цифровое пространство стало идеальной средой для распространения идеологии кибертерроризма. Это привело к тому, что она приобрела новые свойства: стала охватывать разные страны, распространяться с высокой скоростью и влиять на огромное количество людей.

Российское законодательство не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность за террористические акты, совершенные с использованием компьютерных систем и сети Интернет. В настоящее время уголовно наказуемыми являются только действия, связанные с публичными призывами к терроризму или его оправданием, осуществляемые через средства массовой информации (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ).

В сложившейся обстановке предложение И. Г. Чекунова о дополнении ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) становится более актуальным. Он говорит о том, что необходимо предусмотреть ответственность за террористические акты, совершенные с использованием компьютерных технологий для нарушения работы критически важных объектов (опасных производств, объектов жизнеобеспечения), что может привести к авариям и техногенным катастрофам[359].

Несмотря на это, в юридических кругах существуют и другие точки зрения. Часть специалистов считает, что действующая ст. 205 УК РФ уже содержит все необходимые определения для квалификации кибертеррористических актов. Например, Е. В. Старостина и Д. Б. Фролов утверждают, что признаки, характерные для кибертерроризма (включая политическую мотивацию, намерение посеять панику в обществе, публичный характер действий и направленность на широкую аудиторию), полностью соответствуют признакам, описанным в данной статье[360]. Хотя данное действие не является взрывом или поджогом, оно, тем не менее, соответствует определению «иных действий».

В. Н. Черкасов также возражает против введения в уголовный закон самостоятельного понятия кибертерроризма, считая, что без него вполне можно обойтись, поскольку значение этого понятия находит выражение в других тек-

---

359 См.: *Чекунов И. Г.* Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. 2012. № 2. С. 43.

360 См.: *Старостина Е. В., Фролов Д. Б.* Пути совершенствования законодательной системы в борьбе с кибертерроризмом в России и за рубежом // Законодательство и экономика. 2005. № 5. С. 64.

стуальных формах («неправомерный доступ», «перехват информации», «нарушение работы информационно-телекоммуникационной системы»)[361]. Ученый предупреждает, что расширение понятийного аппарата УК РФ станет началом лавины: в ближайшем будущем потребуется криминализировать все новые виды киберпреступлений. Это приведет к постоянному пополнению кодекса новыми статьями, охватывающими широкий спектр деяний, от мошенничества до саботажа, и в конечном итоге может привести к его перегрузке.

Мы считаем, что кибертерроризм может привести к таким же разрушительным последствиям, как и традиционный терроризм. В связи с этим введение уголовной ответственности за теракты, совершенные с использованием информационных сетей, включая интернет, кажется нам обоснованным в качестве квалифицирующего признака в ст. 205 УК РФ. В случае если в процессе теракта применялись взломы систем или вредоносные программы (вирусы), такие действия должны рассматриваться как совокупность преступлений, в том числе по соответствующим статьям главы 28 УК РФ.

Статьи 272–274.5 УК РФ, определяющие ответственность за преступления в сфере компьютерных технологий, не включают в себя положения, касающиеся кибертерроризма. Хотя кибератаки, совершаемые с террористическими целями и с использованием вредоносных программ, являются реальностью, ст. 273 УК РФ, посвященная созданию и распространению вредоносного ПО, не учитывает этот террористический контекст. Для решения данной проблемы можно предложить два варианта: либо дополнить ст. 205 УК РФ квалифицирующим составом, либо включить в ч. 3 ст. 273 УК РФ, определяющую особо тяжкие преступления, ответственность за создание и использование вредоносных программ в террористических целях, рассматривая это как отягчающее обстоятельство.

Ключевой проблемой является несоответствие существующих правовых норм высокой опасности кибертерроризма. Взламывая информационные системы государственных органов, преступники получают доступ к базам данных, содержащим критически важную информацию (коммуникационные схемы, данные о стратегических объектах, персональные данные), что создает угрозу национальной безопасности. Статья 272 УК РФ, регулирующая неправомерный доступ к компьютерной информации, не предусматривает усиленной ответственности за совершение этого преступления в террористических целях, что является существенным упущением.

---

[361] См.: *Черкасов В. Н.* Информационная безопасность. Правовые проблемы и пути их решения // Информационная безопасность регионов. 2007. № 1. С. 6–14.

Список использованной литературы

1. *Гаврилов, Ю. В.* Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия / Ю. В. Гаврилов, Л. В. Смирнов. – Москва : ЮИ МВД РФ, 2003. – 66 с.
2. *Лобач, Д. В.* Кибертерроризм как нетипичное проявление (форма) терроризма в современном мире / Д. В. Лобач / Advancesinlawstudies. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 36–40.
3. *Старостина, Е. В.* Пути совершенствования законодательной системы в борьбе с кибертерроризмом в России и за рубежом / Е. В. Старостина, Д. Б. Фролов // Законодательство и экономика. – 2005. – № 5. – С. 62–66.
4. *Чекунов, И. Г.* Киберпреступность: понятие и классификация / И. Г. Чекунов // Российский следователь. – 2012. – № 2. – С. 37–44.
5. *Черкасов, В. Н.* Информационная безопасность. Правовые проблемы и пути их решения / В. Н. Черкасов // Информационная безопасность регионов. – 2007. – № 1. – С. 6–14.

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ РОСФИНМОНИТОРИНГА КАК НАЦИОНАЛЬНОГО КООРДИНАТОРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОТМЫВАНИЮ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Мингиян Алексеевич Бембеев
студент 5-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
mbembeev02@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается статус и полномочия Росфинмониторинга как центра национального координирования по противодействию отмыванию доходов, полученных преступным путем. В современную эпоху стремительно развиваются цифровые технологии, что и порождает актуальность развития цифрового контроля, в связи с чем было рассмотрено, каким образом Росфинмониторинг осуществляет контроль в цифровой среде. Исходя из проведенного анализа, делается вывод, что Росфинмониторинг занимает важное место в системе финансового контроля.

Ключевые слова: Федеральная служба по финансовому мониторингу; Росфинмониторинг; противодействие отмыванию доходов; финансовый мониторинг; контроль; полномочия.

Масштабы и новые угрозы требуют постоянного совершенствования механизмов противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД / ФТ). Бурное развитие цифровых технологий создает новые возможности для финансовых преступлений, включая использование криптовалют и социальной инженерии, что обусловливает необходимость адаптации к цифровизации финансов. В этом контексте важной задачей становится анализ роли Росфинмониторинга как элемента правового реагирования на вызовы цифровой эпохи. В целях борьбы с ПОД / ФТ в Российской Федерации была создана Федеральная служба

по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг)[362]. Непосредственно свое правовое регулирование Росфинмониторинг получил в Указе Президента РФ[363]. Изначально Росфинмониторинг именовался как Комитет Российской Федерации по финансовому мониторингу (КФМ России)[364], затем Указом Президента РФ[365] КФМ России был преобразован в Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

В настоящее время можно наблюдать, что Росфинмониторинг представляет собой самостоятельный федеральный орган исполнительной власти, подчиненный Президенту РФ, и одновременно – координатор по противодействию отмыванию доходов. Росфинмониторинг выполняет роль национального центра финансовой разведки России[366]. Федеральный закон о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма[367] (далее – Федеральный закон № 115-ФЗ), выступает ключевой нормативный правовой базой, он также формирует систему правовых механизмов для борьбы с отмыванием доходов. Реализация этого акта должна обеспечивать защиту прав и интересов граждан, общества и государства, а также создавать правовые инструменты, препятствующие совершению противоправных деяний.

У Росфинмониторинга имеется широкий перечень полномочий по мониторингу за соблюдением законодательства, призванных препятствовать отмыванию доходов. В соответствии со ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ и Положением о Росфинмониторинге, служба осуществляет контроль (надзор) за организациями, относящимися к субъектам, осуществляющим операции с денежными средствами и иным имуществом, на предмет исполнения предусмотренных законом обязанностей, т.е. за исполнением «антиотмывочных» требований. По итогам проверок Росфинмониторинг при выявлении нарушений вправе возбуждать дела об административных правонарушениях. Не-

---

362 Финансовый мониторинг : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Братко А. Г., Волуевич И. Е., Глотов В. И. и др.; под ред. Чиханчина Ю. А., Братко А. Г. М. : Юстицинформ, 2018. Т. 1. С. 10.

363 Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу) // СПС «КонсультантПлюс».

364 Указ Президента РФ от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» // Российская газета. 2001. 3 нояб.

365 Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов власти» // Российская газета. 2005. 12 марта.

366 Евразийская группа по ПОД/ФТ (ЕАГ). Российская Федерация – национальная система противодействия отмыванию денег // Офиц. сайт ЕАГ, 2023. (Раздел «Члены ЕАГ – Российская Федерация»). URL: https://eurasiangroup.org/ru

367 О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

редко случается, что организации не соглашаются с результатами проверок и пытаются обжаловать их в судебном порядке.

Однако судебная практика в основном подтверждает законность действий федеральной службы при наличии доказанных нарушений у организаций. Например, в решении суда № 12-5/2019 12-500/2018 от 21 января 2019 г. по делу № 12-5/2019 указано, что в ходе проверки Росфинмониторингом был выявлен однократный факт несвоевременного предоставления информации о сделке с недвижимым имуществом и применил меру в виде административного штрафа. Суд подтверждает, что факт нарушения генеральным директором ООО требований законодательства присутствует[368].

Ключевой механизм мониторинга реализуется через непрерывный процесс формирования информационной картины финансовых операций: сначала – сбор сведений об операциях с финансовыми ресурсами, затем обработка и всесторонний анализ. На основании закона № 115-ФЗ Служба применяет риск-ориентированный подход при проведении контроля в данной сфере, с помощью мониторинга определяют, насколько велик риск того, что контролируемые лица отступают от соблюдения законодательства. Организации должны направлять в Росфинмониторинг сообщения об операциях, подлежащих обязательному контролю, также субъекты обязаны направлять информацию о денежных операциях в соответствии с критериями. Затем служба собирает эти данные в единой информационной системе и проводит анализ подозрительных схем движения денежных средств. Если существуют убедительные аргументы считать, что операции связаны с легализацией (отмыванием) доходов, добытых незаконным путем, или финансированием терроризма, информация сообщается в правоохранительные органы. В компетенцию Росфинмониторинга входит также разработка нормативных и методических документов в сфере противодействия отмыванию доходов.

Современное развитие системы ПОД / ФТ характеризуется активным внедрением цифровых технологий. Дистанционный мониторинг осуществляется через единую информационную систему Росфинмониторинга, позволяющую собирать, обрабатывать и анализировать данные для выявления рисков и принятия мер. Это означает переход от традиционного контроля к цифровому. На официальном сайте Росфинмониторинга функционирует «Личный кабинет», определяемый как информационный ресурс в аспекте ст. 3 Федерального закона № 115-ФЗ. Посредством данного портала обязанные лица осуществляют взаимодействие со службой, ведут процедуры внутреннего контроля, подают обращения и получают консультации. В рамках развития и трансформации цифровых технологий разрабатывается Интеллектуальная цифровая технологическая платформа (ИТЦП)[369], то есть это позволит пере-

---

[368] Решение Омского суда от 21 января 2019 г. по делу № 12-5/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/

[369] См.: *Склонюк Т. В.* Цифровая трансформация дистанционного мониторинга в сфере ПОД / ФТ / ФРОМУ // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15, № 5. С. 1–7.

йти от анализа, при котором специалист вручную изучает подозрительные операции, сразу к работе с результатами, которые самостоятельно получает автоматическая система, и уже на основе этого принимать решения. За счет применения автоматизированных систем подразумевается сделать деятельность службы более эффективной и быстрой.

Несмотря на достижения в ПОД / ФТ, сохраняются серьезные вызовы. Требует совершенствования законодательная база: закон № 115-ФЗ, многократно изменявшийся, содержит пробелы, а подзаконные акты – правовые коллизии, особенно в цифровой сфере. Усугубляют ситуацию кадровые и технические проблемы, связанные с постоянно растущими массивами данных. Особую озабоченность вызывает вовлечение молодежи в кибераферы через цифровые каналы, а также новые угрозы в сфере операций с цифровым рублем и майнингом. Для решения необходимы внедрение защищенных цифровых технологий, обучение персонала и своевременная актуализация законодательства под новые риски.

Проведенное исследование подтверждает, что Росфинмониторинг занимает ключевое место в национальной системе по противодействию отмыванию доходов, обладая соответствующим правовым статусом и полномочиями: он совмещает в себе роль координатора, контрольного (надзорного) и аналитического органа, что отражено в российском законодательстве.

Список использованной литературы

1. *Голушко, А.* Актуальные киберугрозы: IV квартал 2024 года – I квартал 2025 года / А. Голушко // Positive Technologies. – 2025. – URL: https://ptsecurity.com/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-iv-kvartal-2024-goda-i-kvartal-2025-goda/
2. *Коваленко, Е. В.* Роль Росфинмониторинга в финансовом контроле / Е. В. Коваленко, В. К. Мазняк, А. А. Тарновский // Образование и право. – 2022. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-rosfinmonitoringa-v-finansovom-kontrole
3. *Прошунин, М. М.* Финансовый мониторинг (противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма) : учебник / М. М. Прошунин, М. А. Татчук. – Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. – 417 с.
4. *Склонюк, Т. В.* Цифровая трансформация дистанционного мониторинга в сфере ПОД / ФТ / ФРОМУ / Т. В. Склонюк // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 5. – С. 1–7.
5. Финансовый мониторинг : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. Г. Братко, И. Е. Волуевич, В. И. Глотов и др.; под ред. Ю. А. Чиханчина, А. Г. Братко. – Москва : Юстицинформ, 2018. Т. 1. С. 10.

СМАРТ-КОНТРАКТ: ПОНЯТИЕ, СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ И РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

София Викторовна Грассевич
студентка 5-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sofigrass841@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что смарт-контракты помогают автоматизировать процессы, сокращать издержки и повышать безопасность сделок, что делает их востребованными в разных областях. Цель данной статьи – рассмотреть особенности смарт-контракта и сферу его применения. Проанализировано текущее состояние регулирования смарт-контракта и перспективы его дальнейшего использования. Сделан вывод, что смарт-контракт – это программный код, который автоматически выполняет определенные условия сделки между двумя или более сторонами на основе технологии блокчейн.

Ключевые слова: код; блокчейн; смарт-контракт; цифровой договор; государственные закупки.

Смарт-контракт – это автоматизированный цифровой договор, который выполняется автоматически, когда заранее уже заданы условия. Он работает на блокчейне – распределенной базе данных, которая не подлежит подделке и не контролируется одним центром. Основная идея – устранение необходимости доверия к посредникам, так как выполнение условий обеспечивается кодом и криптографией.

Сначала разработчик пишет код смарт-контракта на языке, например, *Solidity* (для *Ethereum*), *Rust* (для *Solana*, *Polkadot*), *Move* (для *Aptos*, *Sui*). Данный код определяет: 1) условия выполнения (например, «если пользователь А переведет 1 *ETH* пользователю В до 15 ноября 2025 г., то *NFT* передастся А»); 2) кто может инициировать действия; 3) какие действия происходят при выполнении конкретных условий.

Код смарт-контракта загружается (развертывается) в блокчейн, как специальный «аккаунт» с кодом. После этого он не может быть изменен (если специально не предусмотрена возможность обновления – но это редко и опасно). Смарт-контракт не автоматизируется самостоятельно, так как внешний

аккаунт (пользователь, другая программа или даже другой смарт-контракт) должен совершить что-то, запустить конкретное действие и т.п.

Когда контракт выполняет действия (переводит токены, меняет статус, выдает *NFT* и т.д.), эти все изменения записываются в блокчейн как транзакция. И данное изменение тут же видят все участники сети.

Так же все участники могут проверить код контракта, который является открытым исходным, увидеть историю выполнения данного контракта, и при этом никто не может влезать в данную цепочку, приостановить ее или ускорить, потому что, если заданные условия выполнены, контракт сработает в любом случае автоматически.

На сегодняшний день применяют смарт-контракт в сфере закупок. Так, в Московской области создали технологию «Умный контракт» на базе подсистемы Портала исполнения контрактов Единой автоматизированной системы управления закупками (ЕАСУЗ). Умный контракт формирует цифровую модель условий проектов контрактов, которые создаются без нарушений автоматически. Исполнение условий контрактов контролируется в реальном режиме времени. А информация о результатах исполнения контрактов формируется из первичных документов (на основе форматов ФНС).

Немаловажным аспектом является интеграция в Евразийском экономическом союзе. Ради упрощенного взаимодействия между государствами – членами ЕАЭС был предпринят ряд изменений. В частности, в 2019–2021 гг. были приняты пакеты оптимизационных поправок к закону о контрактной системе[370] (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ), которые были направлены на упрощение и автоматизацию закупочных процессов, в том числе на перевод всех закупок в электронную форму.

Согласно проекту поправок к этому закону, к концу 2025 г. запланировано взаимное признание усиленных квалифицированных электронных подписей в государствах – членах Евразийского экономического союза. Это было сделано для того, чтобы заполнить пробелы в национальных законодательствах государств-членов при применении квалифицированных электронных подписей (КЭП). В Российской Федерации применение КЭП в госзакупках является обязательным согласно Федеральному закону № 44-ФЗ, и поэтому многие поставщики из ЕАЭС не могут участвовать в госзакупках на территории России. Для них идет активное создание платформы, где они могут заключать смарт-контракты с заказчиками напрямую. На наш взгляд, это самый оптимальный вариант, так как смарт-контракт позволит обеспечить госзаказ, если одна из сторон запустит процесс. Например, если контрактом предусмотрена предоплата, то заказчик должен сначала оплатить часть суммы, чтобы запустился процесс поставки.

---

[370] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Помимо госзакупок, смарт-контракт активно применяют на биржах, в страховании, в строительстве и в других сферах, где огромное число участников собираются на одной платформе. Смарт-контракт позволяет автоматизировать выполнение условий сделок, исключая человеческий фактор. Так, например, участники платформы имеют равный доступ к информации по всем сделкам, заключаемым на данной платформе, исключается возможность подать заявку на участие более одного раза, так как система фильтрует повторные заявки, также невозможно нарушить «конфликт интересов», так как смарт-контракт может выявить такие правонарушения и т.д.

Из этого можно выделить основные характеристики смарт-контрактов: 1) автоматизация – условия исполняются автоматически, не нужно заново задавать программу, напоминать контрагенту о выполнении конкретных действий; 2) прозрачность – код и логика выполнения доступны всем участникам сети; 3) невозможность изменения – после размещения в блокчейне код нельзя изменить (в большинстве случаев); 4) децентрализация – не зависит от одного централизованного органа; 5) безопасность – защищен криптографией и консенсусом сети.

Но при этом возникают некоторые риски, среди которых:

1) ошибки в коде, которые могут привести к необратимым потерям: если есть уязвимость, хакеры могут украсть средства (например, в 2016 г. *The DAO* потерпела хакерскую атаку из-за ошибки «открытого кода», в результате чего владельцы потеряли свои активы);

2) нет «отмены»: если установили дату отправки товаров 28 числа каждого месяца на протяжении года, соответственно, 28 декабря сработает автоматически алгоритм – отправится в путь фура с грузом, и может приехать она до пункта назначения под Новый год, когда уже никто не работает;

3) зависимость от платформы. Смарт-контракты работают на блокчейн-платформах, и их выполнение зависит от технического состояния этих платформ. Проблемы с сетью или перегрузка могут замедлить или приостановить выполнение контрактов.

Некоторые юристы и регуляторы допускают, что если в смарт-контракте выражены все существенные условия договора и действия сторон свидетельствуют о намерении заключить сделку (например, подписание транзакции с кодом), то такой смарт-контракт может быть признан договором в правовом смысле.

Согласно ст. 434 ГК РФ, договор может быть заключен в любой форме, если законом для такой сделки не установлена обязательная письменная или нотариальная форма. При этом на основании ст. 160, 434, 438 ГК РФ электронные документы и действия в цифровом пространстве признаются юридически значимыми.

С 2019 г. в ГК РФ была введена новая категория «цифровые права» (ст. 128, 141.1, 160, 162.1 и др.). Согласно ст. 128 ГК РФ, цифровые права – это имущественные права, которые определяются в цифровой форме, могут быть предметом обязательств, не являются традиционными вещами, результатами ин-

теллектуальной деятельности или средствами индивидуализации. То есть цифровые права – это право требовать передачи криптовалюты, право на получение доходов по токенизированным активам и т.п.

Следовательно, смарт-контракт может быть договором, если его правовая природа зависит от контекста использования, содержания кода и наличия волеизъявления сторон, соответствующего требованиям ГК РФ, иначе смарт-контракт будет выступать в качестве дополнительного соглашения – обязательства к письменному договору.

Центральный Банк и Минцифры в официальных документах подчеркивают, что законодательство РФ не запрещает использование смарт-контрактов, но их юридическая сила зависит от соответствия общим требованиям к сделкам.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259- ФЗ «О цифровых финансовых активах» регулирует использование смарт-контрактов в рамках обращения цифровых финансовых активов, но не приравнивает их автоматически к договорам.

Что касается судебной практики, то в Арбитражном суде Омской области (№ А46-4990/2019) разбирали конфликт о поставке товаров, где договор был заключен в электронной форме с применением блокчейн-технологии. Суд признал такой формат законным: стороны подписали договор электронной подписью. Согласно ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ, электронные документы могут быть представлены в суд в качестве письменных доказательств. Это свидетельство того, что смарт-контракт может быть вполне легитимным способом фиксировать договоренности.

Список использованной литературы

Дьяченко, О. Г. Умный контракт. Опыт внедрения в Московской области / О. Г. Дьяченко // Главное контрольное управление Московской области : офиц. сайт. URL: file:///C:/Users/79153/Downloads/6_Дьяченко_О.Г._Умный_контракт__опыт_внедрения_Московской_области-1619084711.pdf.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ АДЪЮДИКАЦИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Мария Витальевна Иванова
студентка 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
mvivanovaa100@gmail.com

Аннотация. В настоящее время цифровизация и цифровой контроль активно проникают в различные сферы правоотношений и возникают новые формы их массового применения. Цифровая адъюдикация стала новым витком развития цифровых технологий, позволяющим оптимизировать разрешение споров. Цифровизация также способствует внедрению цифрового контроля в сфере разрешения споров, что повышает эффективность, скорость и доступность разрешения споров без умаления правильности и качества их разрешения.

Ключевые слова: адъюдикация; альтернативное разрешение споров; цифровизация; цифровой контроль; онлайн-урегулирование споров.

XXI век принято именовать веком технологий, в частности, информационных и цифровых технологий, которые в настоящее время проникают во все сферы общественных отношений. Альтернативное разрешение споров, в частности адъюдикация, не стало исключением.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) и соответствующие программные обеспечения (далее – ПО) наиболее активно применяются при альтернативном разрешении споров в сфере торговли, особенно при адъюдикации в силу ее экспертного характера, а также сферы ее применения – для экономических споров, тесно связанных с оценкой фактических обстоятельств. ИИ и соответствующие ПО выступают одновременно и как участники отношений, разрешающие спор, и как средство цифрового контроля в сфере разрешения споров в торговле.

Так, в странах ЕС на данный момент набирает обороты адъюдикация споров во внесудебном порядке онлайн. Такой способ рассмотрения споров касается прежде всего потребительских споров и представляет собой альтернативный (несудебный) вид урегулирования конфликтов, ко-

торый носит название «онлайн-урегулирование споров» (*Online Dispute Resolution*)[371].

В связи с определенной спецификой онлайн-урегулирования споров можно утверждать, что речь идет о качественно новом, цифровом способе альтернативного разрешения споров[372]. В данном случае мы говорим не о цифровой форме стандартной адъюдикации, а о адъюдикации, сущностной и первоначальной характеристикой которой является ее цифровой характер, то есть о специальных цифровых отношениях, предполагающих цифровой контроль за разрешением споров[373].

Регулирование онлайн-урегулирования споров содержится в основном в актах ЕС, а именно в Директиве ЕС «Об альтернативном разрешении споров с участием потребителей»[374] и Регламенте № 524/2013 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об урегулировании споров с участием потребителей онлайн»[375].

Онлайн-урегулирование споров представляет собой форму разрешения споров в интернете, например, потребительских, вытекающих из онлайн купли-продажи, касательно доменных имен в интернете, при рассмотрении которых активно применяются современные цифровые технологии, включая ИИ, системы распределенного реестра, блокчейны и т.д.[376]

Роль ИИ в онлайн-урегулировании споров может заключаться в выполнении двух функций: 1) сторона, разрешающая спор, как эксперт или компетентный орган, или 2) сторона, управляющая информационными потоками и процедурой рассмотрения конфликтов. Во втором случае ИИ называют «четвертой стороной» конфликта, поскольку ему предоставлена собственная роль в автоматизации и организации процедуры разрешения споров[377].

---

371 См.: *Калинина И. А., Федоренко Ю. В.* Альтернативное разрешение споров (АРС): понятие, общая характеристика, история возникновения и развития // StudNet. 2021. № 11.

372 См.: *Ahalt A. M. M.* What You Should Know about Online Dispute Resolution // The Practical Litigator. 2009. March.

373 См.: *Вайпан В. А.* Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1.

374 Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Directive on consumer ADR). URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013L0011.

375 Regulation (EU) No 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR). URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2013/524/oj.

376 См.: *Кутовая А. Н., Хаджи К. Р.* Онлайн-урегулирование споров: международные, страновые и частные практики и дальнейшие перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2020. № 4. С. 95–112.

377 См.: *Katsh E., Wing L.* Ten Years of Online Dispute Resolution (ODR): Looking at the Past and Constructing the Future // University of Toledo Law Review. 2006. Vol. 38. P. 19–31; Gaitenby A. The Fourth Party Rises: Evolving Environments of Online Dispute Resolution // University of Toledo Law Review. 2006. Vol. 38. P. 371–372.

Во втором случае проявление цифрового контроля с ИИ в онлайн-разрешении споров связано с осуществлением следующих полномочий: сбор и обработка информации о разрешении споров, исправление претензий и состязательных документов в более конструктивную форму, организационные полномочия по контролю занятости специалистов-посредников, медиаторов и арбитров, расписания и порядка проведения раундов и сессий, уточнения интересов сторон и спорных вопросов, ранжирования приоритетности конфликтов и т.д.[378]

Тем не менее в рамках данной статьи нас больше интересует первое проявление функции ИИ, позволяющее ему осуществлять полноценный цифровой контроль за разрешением споров.

В качестве такого примера онлайн-разрешения спора, построенного полностью на применении ИИ, можно привести ПО, поставляемые компаниями *SquareTrade* и *NetNeutrals* для разрешения большого количества споров на онлайн-платформах *eBay* и *PayPal*. В рамках указанных программ ИИ, собирая и анализируя данные о большом количестве споров, разрешаемых в онлайн-формате, группирует споры по категориям и вырабатывает стратегии и решения для каждой категории споров.

Процесс разрешения спора начинается с подачи жалобы потребителем через стандартную форму, что позволяет ИИ идентифицировать спор и отнести его к отдельной категории. После определения категории спора на основе уже созданных ИИ алгоритмов последний предлагает заявителю несколько типовых решений и уведомляет ответчика (продавца) о жалобе и выбранном варианте разрешения конфликта. Окончанием спора является выбор истцом и ответчиком одного и того же варианта разрешения спора. Если стороны не достигают соглашения посредством заполнения электронных форм, ИИ предоставляет сторонам виртуальное переговорное пространство, которое ИИ контролирует, что позволяет коммуникации происходить в конструктивной форме: ограничение объема текста, поощрение формулирования предложений вариантов соглашения, установление сроков принятия решения и даже перефразирование высказываний сторон относительно предмета разногласий в более эффективную для разрешения спора форму.

Таким образом, ИИ в рамках онлайн-урегулирования споров не только контролирует процесс разрешения споров, но и на основе собранных и обработанных им данных проверяет, что итогом спора стало такое его разрешение, которое соответствует допустимым и стандартным результатам разрешения споров данной категории.

Положительные черты использования цифрового контроля за альтернативным разрешением споров трудно переоценить.

---

[378] См.: *Katsh E., Rifkin J.* Online Dispute Resolution: Resolving Conflicts in Cyberspace. // San Francisco: Jossey-Bass. 2001. P. 1-29; Авдыев М. А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. 2015. № 8 (56).

Во-первых, это позволяет снизить издержки как производителей, так и потребителей на судебный или арбитражный порядок рассмотрения споров, что особо актуально в случае небольшой суммы требований, заявленных в споре, или для эффективной защиты прав слабой стороны – потребителей[379].

Во-вторых, эффективные и доступные правозащитные механизмы повышают доверие потребителей и способствуют созданию более конкурентного и прозрачного рынка товаров и услуг.

В-третьих, в случае возникновения большого количества однотипных споров применение ИИ для их анализа и контроля стандартных вариантов их решения вполне оправданно, поскольку это позволяет экономить время и в довольно сжатые сроки разрешать большое количество споров при наличии контроля со стороны ИИ за правильностью их разрешения.

Тем не менее стоит отметить, что значительная часть споров, возникающая в сфере экономических отношений, на данный момент не поддается стандартизации и цифровому контролю, на которые способен существующий ИИ, поскольку в рамках таких споров поднимаются сложные фактические и правовые вопросы, требующие подробного анализа обстоятельств дела и норм применимого права, с которым может справиться только профессиональный арбитр, адъюдикатор или эксперт.

Поэтому в обозримом будущем мы не можем утверждать о наличии перспективы разрешения всех споров, возникающих из экономических отношений с использованием ИИ. Однако это утверждение не может умалять важности цифровизации альтернативного разрешения споров с использованием технологий в той части, в которой это не повлияет на справедливость и правильность рассмотрения споров, а также позволит ускорить и упростить процедуру рассмотрения споров и цифровой контроль за ней.

Список использованной литературы

1. *Авдыев, М. А.* Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы / М. А. Авдыев // Современные технологии управления. – 2015. – № 8 (56).
2. *Вайпан, В. А.* Источники цифрового права / В. А. Вайпан // Вестник арбитражной практики. – 2024. – № 1.
3. *Калинина, И. А.* Альтернативное разрешение споров (АРС): понятие, общая характеристика, история возникновения и развития / И. А. Калинина, Ю. В. Федоренко // StudNet. – 2021. – № 11.
4. *Кутовая, А. Н.* Онлайн-урегулирование споров: международные, страновые и частные практики и дальнейшие перспективы / А. Н. Кутовая, К. Р. Хаджи // Международная торговля и торговая политика. – 2020. – № 4. – С. 95–112.

379 См.: *Micklitz H. W.* The Future of Consumer Law – Plea for a Movable System // Journal of European Consumer and Market Law. 2013. No. 1. Vol. 2. P. 5–19; Hodges C., Benohr I., Creutzfeldt-Banda N. Consumer ADR in Europe // Civil Justice Systems. 2012. P. 367–453.

5. *Ahalt, A. M. M.* What You Should Know about Online Dispute Resolution // The Practical Litigator. – 2009. – March.
6. *Gaitenby, A.* The Fourth Party Rises: Evolving Environments of Online Dispute Resolution // University of Toledo Law Review. – 2006. – Vol. 38. – P. 371–372.
7. *Hodges, C., Benohr, I., Creutzfeldt-Banda, N.* Consumer ADR in Europe // Civil Justice Systems. – 2012. – P. 367–453.
8. *Katsh, E., Wing, L.* Ten Years of Online Dispute Resolution (ODR): Looking at the Past and Constructing the Future // University of Toledo Law Review. – 2006. – Vol. 38. – P. 19–31.
9. *Katsh, E., Rifkin, J.* Online Dispute Resolution: Resolving Conflicts in Cyberspace // San Francisco: Jossey-Bass. – 2001. – P. 1–29.
10. *Micklitz, H. W.* The Future of Consumer Law – Plea for a Movable System // Journal of European Consumer and Market Law. – 2013. – No. 1. – Vol. 2. – P. 5–19.

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ВНЕДРЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ СИСТЕМ В СИСТЕМУ ПРАВОСУДИЯ

Алиса Александровна Ильчинская
студентка 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ilchinskaya_a_a@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией судебной системы Российской Федерации, которая, несмотря на достижимые цели повышения доступности и эффективности, порождает целый комплекс фундаментальных рисков основам правосудия. Целью статьи является систематизация и комплексный анализ ключевых рисков, связанных с внедрением цифровых технологий. Делается вывод о необходимости приоритета гуманитарной составляющей правосудия над технологической эффективностью.

Ключевые слова: цифровизация правосудия; искусственный интеллект; риски; электронное правосудие; видео-конференц-связь; цифровое неравенство.

Современная система правосудия переживает период глобальных изменений, вызванный повсеместным внедрением цифровых технологий. Такой процесс часто называют «цифровым правосудием». Он предполагает использование различных цифровых технологий и систем с целью обеспечения эффективности, доступности и прозрачности всей судебной системы. В настоящее время различные информационные и цифровые технологии активно используются при организации видео-конференц-связи (далее – ВКС), аудиопротоколировании и прямой трансляции судебных заседаний, в процессе доказывания в качестве предоставления доказательства на электронных носителях, при систематизации правовой информации.

Как сообщают М. Ю. Порохов и А. С. Федорова, «Недавно проблему правосудия и искусственного интеллекта (далее – ИИ) подняли в региональном суде. В частности, в докладе Владимирского областного суда «Об итогах работы судов общей юрисдикции в 2023 году и задачах на 2024 год»[380] была сде-

[380] Об итогах работы судов общей юрисдикции в 2023 году и задачах на 2024 год : Доклад // Владимирский областной суд : официальный сайт. URL: https://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=60 (дата обращения 14.11.2025).

лана отсылка к ИИ при осуществлении правосудия и отмечено, что Указом Президента РФ внесены изменения в Национальную стратегию развития ИИ, предусматривающие постепенный переход к его использованию органами власти»[381].

Существует официальная трактовка электронного правосудия, согласно которой под электронным правосудием в нормативных правовых актах судебной системы предлагается понимать «способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде»[382]. По мнению А. А. Фомина, заслуживает внимания рассмотрение широкого понимания электронного правосудия как «основанных на применении информационно-коммуникационных технологий способов организации и функционирования судебной деятельности во всех ее проявлениях (имеются в виду организационная структура и количество судов, судопроизводство и виртуальные судебные процедуры, судебное делопроизводство и межведомственный документооборот, администрирование деятельности судов и обеспечение доступа граждан к правосудию)»[383].

Однако, несмотря на безусловное преимущество в сокращении временных издержек и разгрузке аппарата суда, введение в систему правосудия различных технологий несет за собой комплекс рисков, влияющих на безопасность, доступность и иные сферы. Правосудие связано с беспристрастностью, установлением объективной истины и учетом индивидуальных особенностей дела. Отсюда следует, что цифровизация может навредить вышеуказанным составляющим, приведя судебную систему к «шаблонизации» и формализации. Необходимо систематизировать и проанализировать эти риски, используя примеры из правоприменительной практики.

Существуют технологические и инфраструктурные риски, связанные с безопасностью, доступностью и стабильностью правосудия. Основным риском стоит выделить незащищенность цифровых каналов связи. Для *IT*-специалистов не составляет труда подменить вложения, направляемые по незащищенным каналам, или подделать электронный документ. В условиях «шаблонного» и ускоренного правосудия это многократно повы-

---

381 *Порохов М. Ю., Федорова А. С.* Искусственный интеллект в судебной деятельности – от идеи к применению // Российский судья. 2024. № 8. С. 58.

382 Перечень основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и Судебного департамента : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 26 ноября 2015 г. № 362 // Бюллетень актов по судебной системе. 2016. № 2.

383 *Фомин А. А.* Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России // Администратор суда. 2024. № 3. С. 3.

шает риск вынесения неправосудного решения на основе сфальсифицированных доказательств. Говоря о «шаблонном» правосудии, следует понимать обобщенный подход к судопроизводству, в котором решения суда выносятся по шаблону без учета особенностей конкретного дела. О таком риске пишут многие авторы, говоря о введении искусственного интеллекта в судопроизводство в качестве помощника судьи при разрешении дел. Цифровизация неизбежно ведет к усилению формализации судебных процедур. Автоматизация обработки типовых дел, безусловно, эффективна для разгрузки судебного аппарата, однако в ней есть риск утраты учета индивидуальных особенностей дела. Судья, ориентируясь на автоматизированные шаблоны и системы анализа, может упускать особые обстоятельства дела, что противоречит самым базовым принципам правосудия.

Кроме того, следует рассмотреть риск, связанный с цифровым неравенством. В настоящий момент часть населения страны, проживающая в отдаленной географической местности, не имеет стабильного широкополосного интернета, что делает электронное судопроизводство технически невозможным. В качестве примера можно привести поселок Диксон Красноярского края, село Акбом, Республика Алтай, в которых скорость интернета не позволяет загружать фотографии, смотреть видео и выходить в сеть, не говоря уже о подаче искового заявления или участии в судебном заседании с помощью ВКС. В настоящее время существует федеральный проект «Устранение цифрового неравенства 2.0», который реализуется в рамках нацпроекта «Цифровая экономика Российской Федерации»[384] с целью обеспечения услугами голосовой связи и высокоскоростным доступом в интернет жителей сел и деревень. Проект реализуется с 2021 г. и должен быть окончен в 2030 г. Помимо географических препятствий существуют также демографические. Для значительной части пожилого населения недоступны не только необходимые гаджеты, но и навыки их использования, а также процедуры получения усиленной квалифицированной электронной подписи. Это создает дискриминационный барьер для данной социальной группы.

Одним из самых значительных рисков являются технические сбои. Зависимость от исправности технических составляющих порождает риск срыва судебных заседаний и переноса слушаний. Экономия времени и ресурсов от цифровизации может быть сведена на нет дополнительными затратами, связанными с устранением последствий технических ошибок или кибератак. Хорошим примером может послужить крупная хакерская атака, произошедшая в октябре 2024 г., из-за которой были выведены из строя ГАС «Правосудие», сайты судов, личные кабинеты работников суда и интернет-телефония арбитражных судов.

---

[384] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://digital.gov.ru/target/naczionalnaya-programma-czifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii (дата обращения: 14.11.2025).

Также следует упомянуть о процессуальных рисках. Одним из таких можно назвать снижение достоверности свидетельских показаний и идентификации личности. Участие в судебном заседании посредством ВКС может создать серьезные препятствия для установления истины. Давать ложные показания, участвуя в заседании дистанционно, психологически проще. Критически актуальной становится проблема верификации личности: существующие системы уязвимы для использования дипфейков с целью введения суда в заблуждение. Существует план по внедрению единой биометрической системы, который призван решить эту проблему, но ее эффективность еще предстоит оценить, ведь у этой системы также будут свои риски – утечка данных, технические сбои и др.

Стоит также упомянуть о рисках, связанных с ИИ. В России, как отмечает Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов, ИИ рассматривается прежде всего как инструмент для анализа практики и оптимизации рабочих процессов. Поэтому перед введением искусственного интеллекта необходимо определить, какую функцию он будет выполнять[385].

Однако, несмотря на ограниченность предполагаемой роли ИИ в системе правосудия, возникает множество рисков. Например, одним из серьезных рисков можно назвать отсутствие механизма ответственности. В случае судебной ошибки, возникшей из-за следования рекомендациям искусственного интеллекта, не является очевидным, на кого ляжет ответственность – разработчика или судью, утвердившего решение.

Кроме того, как справедливо отмечается в литературе, ИИ не сможет обеспечить полноценное справедливое правосудие, поскольку его применение может быть оправдано только лишь в ограниченных рамках, например, при рассмотрении бесспорных гражданских и административных дел, но что касается вопросов, требующих долгого и глубокого анализа сложных правоотношений, здесь является очевидным то, что ИИ не сможет заменить профессионального судью.

Помимо этого, особой проблемой можно назвать отсутствие «прозрачности» работы искусственного интеллекта. Недостаточная прозрачность работы систем искусственного интеллекта, или так называемая проблема черного ящика, заключается в отсутствии понимания участниками судебного разбирательства порядка работы инструментов на базе искусственного интеллекта. По мнению Д. А. Черноусова и Ж. Ю. Юзефовича, «одним из вариантов решения данной проблемы будет разработка стандартов работы таких систем в судах, возможность контроля за системами на всем этапе их работы, логирование (журналирование) работы искусственного интеллекта для проведения проверки, подобно протоколу судебного заседания в процессуальном законодательстве. Похожая проблема также может возникнуть в ходе использова-

---

[385] Цифровая правда: Игорь Краснов заявил о планах внедрять ИИ в работу судебной системы // Российская газета : официальный сайт. URL: https://rg.ru/2025/10/22/cifrovaia-pravda.html (дата обращения: 14.11.2025).

ния проприетарных систем в работе судов, поскольку программное обеспечение является объектом охраны со стороны авторского права и не все авторы предоставляют доступ к исходному коду»[386].

Цифровая трансформация системы правосудия в России – сложный, динамичный и тяжелый процесс. С одной стороны, он ведет к повышению эффективности, доступности и упрощению многих рутинных задач, но с другой – порождает множество рисков, способных навредить судебной системе. Повышение технического качества и создание новых цифровых систем не должно вредить основам судопроизводства. Технологии должны быть дополнением, а не заменой очного правосудия. Только при таком условии цифровизация сможет реализовать свой позитивный потенциал, не посягая на фундаментальные принципы справедливости и верховенства права.

Список использованной литературы

1. *Порохов, М. Ю.* Искусственный интеллект в судебной деятельности – от идеи к применению / М. Ю. Порохов, А. С. Федорова // Российский судья. – 2024. – № 8. – С. 57–61.
2. *Фомин, А. А.* Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России / А. А. Фомин // Администратор суда. – 2024. – № 3. – С. 2–6.
3. *Черноусов, Д. А.* Использование искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации: pro et contra / Д. А. Черноусов, Ж. Ю. Юзефович // Гражданское право. – 2023. – № 3. С. 19–24.

386 *Черноусов Д. А., Юзефович Ж. Ю.* Использование искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации: pro et contra // Гражданское право. 2023. № 3. С. 23–24.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ КРАУДФАНДИНГА

Екатерина Дмитриевна Красина,
Ольга Алексеевна Мамашева
студентки 4-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
katya.krasina@gmail.com
mamashevaolya@mail.ru

Аннотация. Развивающаяся цифровая трансформация ускоряет внедрение краудфандинга, который, в свою очередь, требует четкого правового регулирования. Проведенный в данной статье анализ правовой базы российского законодательства и результатов зарубежных практик позволил выявить необходимость в уточнении понятийного аппарата в сфере рассмотренной проблематики, в усилении надзора за происходящими в этом поле процессами, а также в адаптации российской системы к международным стандартам для более эффективной защиты интересов инвесторов.

Ключевые слова: краудфандинг; инвестиционная платформа; альтернативное финансирование; цифровая экономика; защита инвесторов; правовое регулирование.

Цифровая трансформация экономики привела к активному развитию новых финансовых инструментов, среди которых особое место занимает краудфандинг – механизм коллективного инвестирования, реализуемый через специализированные онлайн-платформы. Эти цифровые сервисы упрощают доступ к капиталу и стимулируют инновационное предпринимательство, но одновременно создают правовые риски, связанные с защитой инвесторов и прозрачностью операций. Основная проблема заключается в недостаточной определенности правового регулирования и необходимости усиления государственного контроля со стороны Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ), обеспечивающего законность и стабильность функционирования инвестиционных платформ.

Краудфандинг представляет собой относительно новый для сформировавшихся реалий и альтернативный механизм привлечения финансовых

средств, используемый в целях реализации проектов «на принципах «народного финансирования», предлагает огромный выбор моделей и стратегий, обоснование которых при различных входных условиях может быть проблематичным»[387].

В 2018 г. был разработан и внесен в Государственную Думу Российской Федерации проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)». Указанный законопроект был разработан в рамках реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства, предусматривающей внедрение механизмов поддержки альтернативного финансирования, в частности – краудфандинга и краудинвестинга, для субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) на ранних стадиях, особенно в сфере высоких технологий.

Данный законопроект принят не был, но 1 января 2020 г. в законную силу вступил Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[388]. Данный закон направлен на правовое регулирование отношений краудфандинга, то есть отношений, которые связаны с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных площадок. При этом в данном законе не используется законодателем слово «краудфандинг», вместо этого дается данное понятие: «..деятельность по организации привлечения инвестиций осуществляется на основании договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций и договоров об оказании услуг по содействию в инвестировании» (ст. 3), что делает его похожим на договор оказания услуг.

Стоит отметить, что у закона есть положительные моменты, ведь краудфандинг регулируется двумя договорами. Так, используется договор об оказании услуг по привлечению инвестиций, который заключается между оператором инвестиционной платформы и лицом, привлекающим инвестиции, и договор об оказании услуг по содействию в инвестировании, заключенный между оператором инвестиционной платформы и инвестором. То есть в данном случае инвесторы получают полную информацию о проекте для инвестирования, а также получают дополнительную защиту по возврату денежных средств.

Инвестиционная платформа является «цифровым посредником», который использует комплекс технологий для создания эффективного и доступного рынка между теми, кто ищет финансирование, и теми, кто готов его предоставить.

---

387 *Родина Л. А.* Краудфандинг в условиях современной цифровой трансформации российской экономики // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2024. № 4. С. 26.

388 О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ).

Регулирование осуществляется посредством Федерального закона № 259-ФЗ. Закон устанавливает конкретные количественные требования к минимальному размеру собственных средств (капитала) оператора инвестиционной платформы – 5 млн рублей. Аналогичные подходы реализованы и в зарубежной практике: например, в Финляндии установлен минимальный капитал в размере 50 тыс. евро, а в Литве – 40 тыс. евро в качестве одной из возможных величин. Также оператором и.п. может быть только российское юридическое лицо, также оно должно быть включено в реестр ЦБ РФ[389] и соблюдать требования к Правилам инвестплатформ.

Согласно данному нормативному правовому акту, операторы платформ обязаны согласовывать с ЦБ РФ изменения в правилах своей платформы. Также был расширен перечень операций, которые могут проводиться по номинальному счету.

На сайте ЦБ РФ в данный момент есть реестр инвестиционных платформ, которые являются добросовестными участниками финансового рынка, что помогает их легко находить. В качестве основных направлений инвестирования ЦБ РФ указывает сферы оптовой и розничной торговли, общепита, производственных предприятий пищевой и легкой промышленности, IT-сектор. Также ЦБ РФ осуществляет предупредительный надзор и меры воздействия при нарушении операторами и.п. законодательства.

Большинство экспертов считают, что Федеральный закон № 259-ФЗ стремится к защите интересов инвесторов, но при этом имеет недостатки. Так, в законе среди лиц, которые могут привлекать инвестиции, выделяются российские юридические лица и индивидуальных предпринимателей, но при этом отсутствуют положения касательно иностранных юридических лиц. Поэтому данный федеральный закон является достаточно новым и содержит неясности формулировок и нуждается в доработке.

Что касается других стран, то действуют Директивы (ЕС) от 7 октября 2020 г. № 2020/1504 Европейского Парламента и Совета о внесении изменений в Директиву № 2014/65/ЕС4 о рынках финансовых инструментов и Регламента (ЕС) от 7 октября 2020 г. № 2020/1503 Европейского Парламента и Совета «О европейских поставщиках услуг краудфандинга для бизнеса и внесении изменений в Регламент (ЕС) № 2017/1129 и Директиву (ЕС) № 2019/1937». Здесь, в отличие от законодательства России, дается понятие краудфандинга: это финансово-технологическое решение, предоставляющее субъектам МСП, в частности стартапам и скейлапам, альтернативный доступ к финансированию в целях содействия развитию инновационного предпринимательства, в меньшей степени зависящей от банковского финансирования[390].

---

389 Реестр операторов инвестиционных платформ // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/finm_infrastructure/oper/ (дата обращения: 17.10.2025).

390 См.: Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева и М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что краудфандинг, способствует развитию альтернативных форм инвестирования, что также приводит к расширению финансовых возможностей для малого и среднего бизнеса. Но при этом стоит помнить, что цифровая специфика функционирования инвестиционных платформ требует четкого и комплексного регулирования, направленного на обеспечение правовой устойчивости и доверия участников рынка. Решение выявленных проблем возможно через совершенствование законодательства, унификацию терминологического аппарата, развитие механизмов цифрового надзора и адаптацию отечественной нормативной базы к международным стандартам регулирования краудфандинговой деятельности.

Список использованной литературы

1. *Родина, Л. А.* Краудфандинг в условиях современной цифровой трансформации российской экономики / Л. А. Родина // Вестник ОмГУ. – Серия: Экономика. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 25–32.
2. Цифровое право : учебник / под ред. В. В. Блажеева и М. А. Егоровой. – Москва : Проспект, 2020. – 640 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анастасия Николаевна Куликова
студентка 4-го курса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
anst.kulikova@gmail.com

Аннотация. В научной статье рассматривается спор о конституционности нормы Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», закрепляющей ограничение права на судебную защиту. Анализируется вопрос об отнесении цифровой валюты к объектам гражданских прав. Актуальность темы подтверждается рассмотрением Конституционным Судом РФ жалобы о несоответствии п. 6 ст. 14 данного закона Основному Закону Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; цифровая валюта; владельцы цифровой валюты; ограничение права; судебная защита.

Активное развитие цифровой экономики повлекло за собой возникновение в гражданском обороте новых объектов прав – цифровой валюты, цифровых финансовых активов. Законодательное регулирование сферы цифровой экономики в данный момент находится все еще на начальном этапе становления. Это порождает многочисленные дискуссии в доктрине, включая вопрос о конституционности п. 6 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте» (далее – Закон о ЦФА).

Данная норма устанавливает, что судебная защита требований, которые связаны с обладанием цифровой валютой, возможна только в случае, если владелец проинформировал компетентные органы власти о факте владения, совершения гражданско-правовых сделок, операциях с цифровой валютой.

Отметим, что в Конституции РФ закреплены равенство всех перед законом и судом и право на судебную защиту. Положения Конституции РФ коррелируют с нормами международного права: в ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливается обязанность госу-

дарств-участников обеспечивать эффективные меры защиты нарушенных прав любому человеку.

Конституционный Суд РФ в своих постановлениях не раз отмечал, что право на судебную защиту не может быть ограничено каким-либо способом (см., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2014 г. № 8-П).

В этом аспекте можно говорить о противоречии Закона о ЦФА Конституции РФ.

Кроме того, сомнения вызывает обоснованность отказа в судебной защите по мотивам неисполнения обязанности по информированию налогового органа. Р. М. Янковский в своем научном труде делает акцент на том, что налоговые обязательства существуют независимо от гражданских, и, следовательно, даже при совершении налогового правонарушения гражданин не лишается права на защиту. Лишение права на судебную защиту возможно в отношении активов, которые ограничены в обороте или вовсе изъяты из него[391]. Но даже в данном случае право гражданско-правовой защиты не зависит от исполнения правовых обязанностей, которые связаны с активом.

Ученые проводят некую параллель, например, со ст. 67 Закона «Об исполнительном производстве», в которой указывается на возможность ограничения выезда за границу для должника, а также со ст. 67.1 того же закона, устанавливающей запрет на управление транспортным средством при неисполнении должником определенных требований[392]. Однако даже эти меры отличаются от отказа в судебной защите:

– согласно ст. 56 Конституции РФ ограничение права на судебную защиту, в отличие от ограничения специальных прав, недопустимо;

– ограничения, установленные вышеприведенными нормами, накладываются исключительно на основании судебного решения. Иными словами, для ограничения прав должника недостаточно только невыполнения им обязательств. Ключевую роль играет наличие решения суда и исполнительного листа.

В случае с цифровыми активами законодатель закрепляет, что для отказа в судебной защите достаточно отсутствия доказательства, что истцом были выполнены все обязанности. То есть гражданин должен доказывать свое право на обращение в суд за защитой своего права.

Необходимо обратить внимание и на то, что на данный момент в отечественном законодательстве отсутствует закрепленный порядок информирования о фактах обладания цифровой валютой, совершении сделок или операций с ней. Это свидетельствует о наличии правового пробела: обязанность уведомить государство для права на судебную защиту есть, а установленный порядок такого информирования отсутствует. Только в 2024 г. Федеральная

---

391 См.: *Янковский Р. М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 69.

392 См.: *Гальперин М. Л.* Исполнительные действия – меры ответственности? // Lex russica. 2018. № 3. С. 16.

налоговая служба представила сервис подачи информации о доходах от майнинга цифровой валюты. Однако сервис не затрагивает куплю-продажу или иные сделки между частными лицами.

При внесении законопроекта Закона о ЦФА в 2018 г. на рассмотрение в Государственную Думу РФ в пояснительной записке не указывалась причина введения положения о праве на судебную защиту только в определенных случаях.

М. И. Аманлиев в интервью для газеты «Коммерсант» (№ 173/П от 22 сентября 2025 г., с. 3) предполагает, что закрепление данного механизма регулирования сделок с цифровыми активами направлено на упрощение работы Федеральной налоговой службы. Но Конституционный Суд РФ заявлял: основанием для ограничения прав не может быть только цель организации более эффективной деятельности органов власти (см., например, Постановление КС РФ от 29 июня 2012 г. № 16-П).

В газете «Коммерсант» (№ 173/П от 22 сентября 2025 г., с. 3) юристы отмечают, что положение усугубляется неоднозначным правовым статусом цифровой валюты. Законодатель закрепил цифровой финансовый актив как разновидность цифрового права, из этого следует, что ЦФА являются объектами гражданских прав[393]. А вот цифровая валюта в такой интерпретации не рассматривается, хотя в Законе о ЦФА упоминается о возможности совершения сделок, операций с цифровой валютой.

Помимо этого, в ряде нормативных правовых актов, например, в федеральных законах «О противодействии коррупции», «Об исполнительном производстве», цифровая валюта признается имуществом. Иными словами, для целей публичных правоотношений в ряде случаев цифровая валюта закреплена как имущество[394].

Такая неопределенность, несомненно, влечет неурегулированность механизма совершения сделок с цифровой валютой[395].

Ярким примером отказа в судебной защите из-за неуведомления государства является дело Д. И. Тимченко, который в 2023 г. подал иск о востребовании имущества из чужого незаконного владения: 1 тыс. токенов в *Tether* (*USDT*), переданных по договору для извлечения краткосрочной прибыли. Савеловский районный суд Москвы и вышестоящие инстанции в иске отказали, основываясь на ст. 14 Закона о ЦФА. 18 сентября 2025 г. Конституционный Суд принял к рассмотрению жалобу Дмитрия Тимченко об оспаривании конституционности вышеприведенной нормы.

---

393 См.: *Герцен П. О., Чурилов А. Ю.* Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4 (42). С. 18.

394 См.: *Ситник А. А.* Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11 (120). С. 106.

395 См.: *Горбунов Е. А.* Правовая природа цифровой валюты // Вестник ННГУ. 2024. № 6. С. 113.

Положения п. 6 ст. 14 Закона о ЦФА явно противоречат Конституции РФ. Необходимо не только признать норму неконституционной, но и внести ряд поправок в отечественное законодательство, чтобы устранить правовые пробелы.

Сама идея об уведомлении государственных органов о сделках с цифровой валютой имеет место быть, но без положения о зависимости наличия права на судебную защиту от факта информирования государства. В целях обеспечения должного уровня соблюдения обязанности по уведомлению налоговых органов о совершаемых сделках видится целесообразным установить меры юридической ответственности за неисполнение.

Также не обойтись без законодательного закрепления самого порядка уведомления государства о сделках с цифровой валютой, создания эффективной и исправно работающей системы приема сведений от граждан.

Представляется важным унифицировать подходы к пониманию цифровой валюты и цифровых финансовых активов как объектов гражданских прав, чтобы урегулировать порядок и механизм совершения гражданско-правовых сделок.

В условиях активного развития цифровой экономики, роста популярности и значимости цифровой валюты в современном мире появляется все больше правоотношений, которые нуждаются в регулировании со стороны государства. Законодательство должно быть динамичным и при этом не должно содержать правовых пробелов, которые как-либо умаляют право на судебную защиту. Постоянный мониторинг нормативных правовых актов на предмет их соответствия Конституции РФ позволит избежать прецедентов, когда ограничивается право на обращение в суд в зависимости от каких-либо обстоятельств.

Список использованной литературы

1. *Гальперин, М. Л.* Исполнительные действия – меры ответственности? / М. Л. Гальперин // Lex russica. – 2018. – № 3. – С. 9–22.
2. *Герцен, П. О.* Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы / П. О. Герцен, А. Ю. Чурилов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 4 (42). – С. 16–26.
3. *Горбунов, Е. А.* Правовая природа цифровой валюты / Е. А. Горбунов // Вестник ННГУ. – 2024. – № 6. – С. 111–118.
4. *Ситник, А. А.* Цифровые валюты: проблемы правового регулирования / А. А. Ситник // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 11 (120). – С. 103–113.
5. *Янковский, Р. М.* Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги / Р. М. Янковский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 43–77.

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Евгений Александрович Логинов
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ealo2011@yandex.ru

Аннотация. Таможенные органы осуществляют контроль за безопасностью ввозимых в Российскую Федерацию товаров в целях недопущения возникновения рисков, связанных с причинением вреда жизни или здоровью человека, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде. Таким образом, посредством осуществления таможенного контроля ФТС России вносит значительный вклад в обеспечение экономической безопасности РФ. В статье рассматривается необходимость дальнейшего совершенствования таможенного контроля, основным инструментом чего является расширение использования цифровых технологий, т. е. перспективная цифровизация таможенной деятельности.

Ключевые слова: ФТС России; таможенный контроль; экономическая безопасность; ЕАЭС.

Таможенные органы осуществляют контроль за безопасностью ввозимых в Российскую Федерацию товаров в целях недопущения возникновения рисков, связанных с причинением вреда жизни или здоровью человека, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде. Таким образом, посредством осуществления таможенного контроля ФТС России вносит значительный вклад в обеспечение экономической безопасности РФ[396]. Однако осуществление ука-

[396] См.: *Логинов Е. А.* К вопросу о совершенствовании системы обеспечения экономической безопасности России // Приоритетные направления экономического, социального и политического развития информационного общества (ПН-2022) : материалы Международной научно-практической конференции : в 3 т., Тюмень, 25 ноября 2022 года. Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2024. С. 460–465.

занной деятельности имеет ряд существенных проблем, которые оказывают влияние на эффективность таможенного контроля. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование, основным инструментом чего является расширение использования цифровых технологий, т. е. перспективная цифровизация таможенной деятельности, в том числе системы осуществления таможенного контроля.

Стратегией развития таможенных органов до 2030 г. определены основные векторы развития таможенного администрирования, включающие расширение практики автоматической регистрации и автоматического выпуска товаров с использованием передовых цифровых технологий, а также снижение сроков совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля[397].

В первую очередь необходимо отметить, что к целому комплексу актуальных проблем относятся вопросы по совершенствованию таможенного контроля, особенно в пунктах пропуска, которые обусловлены, прежде всего, темпами развития информационных технологий и института предварительного информирования[398].

Во-первых, предварительная информация о товарах, планируемых к перемещению через таможенную границу ЕАЭС[399], т.е. получение в электронном (цифровом) виде сведений о товарах, становится своеобразным (причем основным) инструментом в императиве снижения к минимальному значению числа ситуаций, когда таможенными органами РФ используются дополнительные инструменты контроля (это вызвано тем, что предварительная информация содержит все необходимые сведения). Следует сказать, что в настоящее время обязательному предварительному информированию подлежат только те товары, которые ввозятся на таможенную территорию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) автомобильным и железнодорожным видами транспорта.

Во-вторых, в целях обеспечения возможности получать налоговыми органами РФ в электронном (цифровом) виде сведения о факте ввоза и вывоза товаров исключительно важным является развитие взаимодействия Федеральной таможенной службы с налоговыми органами России[400]. Требуется

---

397 Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г. : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р // СПС «КонсультантПлюс».

398 См.: *Логинов Е. А.* Государственно-правовой статус и валютный контроль таможенных органов в сфере обеспечения внешнеэкономической безопасности Российской Федерации / под ред. проф. Е. А. Логинова. Москва : МГЭУ, 2025. С. 65–74.

399 См.: ст. 11 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».

400 Соглашение о сотрудничестве Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы : заключено в г. Москве 21 января 2010 г. № 01-69/1, № ММ-27-2/1 // СПС «КонсультантПлюс».

ускорение формирования системы прослеживаемости перемещения товаров через таможенную границу в масштабах ЕАЭС, так как современные условия диктуют необходимость расширения и завершения деятельности в этом направлении.

Еще одним этапом, в рамках которого следует провести мероприятия по совершенствованию таможенного контроля, является декларирование товаров. В настоящее время посредством введения декларирования в электронной форме была получена возможность отказаться от предоставления некоторых документов, а затем постепенно автоматизировать принимаемые таможенными органами России решения. В конечном итоге были внедрены технологии совершения таможенных операций без необходимости непосредственного участия должностных лиц таможенных органов, такие как автоматическая регистрация деклараций и автоматический выпуск товаров. Цель расширения практики применения автоматического принятия решений при декларировании товаров (т.е. полномасштабное внедрение) побуждает к дальнейшему развитию системы центров электронного декларирования (ЦЭД), которые в своей деятельности используют исключительно электронные документы. Основным преимуществом указанной выше технологии является необходимость предоставлять в таможенный орган документы только один раз (имеются в виду документы, необходимые для совершения таможенных операций), а использоваться они будут на всех этапах совершения таможенных операций.

Исключительно важным элементом системы таможенного контроля на обеспечение благоприятных условий для внешнеэкономической безопасности и обеспечения соблюдения экономических интересов России посредством сокращения времени (временных затрат) при осуществлении таможенных формальностей является система управления рисками (далее – СУР). В настоящее время в рамках СУР с использованием информационных технологий внедряются соответствующие механизмы по обеспечению определения (выявления) рисков нарушения таможенного законодательства на протяжении всех стадий совершения таможенных операций (в том числе включая фазы до и после выпуска товаров)[401]. Однако одним из условий обеспечения оперативного контроля за процессами совершения таможенных операций и принятия мер реагирования на обнаруженные (либо выявляемые) риски нарушения таможенного законодательства является дальнейшее развитие или совершенствование системы центров оперативного мониторинга и управления рисками.

Развитию процессов информационно-аналитического сопровождения таможенного контроля должно способствовать расширение взаимодействия

---

[401] См.: главу 54 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2025) (СПС «КонсультантПлюс»).

со специализированными организациями, такими как профессиональные объединения импортеров, крупные производители, отраслевые союзы и ассоциации и прочее. Последние зачастую осуществляют мониторинг и анализ ценовой информации (ценовые исследования), результаты которых посредством доведения до таможенных органов России в рамках СУР будут оказывать содействие в минимизации фискальных рисков.

Следует отметить, что внедряемые в настоящее время ФТС России перспективные информационные технологии для таможенных органов (таможенной деятельности) и комплексы функциональных автоматизированных систем предъявляют соответствующие требования к процессу управления рисками в таможенных органах по обеспечению всеобъемлющего оперативного контроля[402]. В данном случае исключительно важным является соблюдение одного из главных принципов применения СУР (его необходимо реализовать в практической деятельности), который заключается в необходимости проведения таможенного контроля оперативно и в минимальном объеме.

В соответствии с Договором о ЕАЭС[403] и Планом мероприятий по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г. (переход от электронной таможни к таможне интеллектуальной), одной из задач, поставленных перед таможенными органами, является оснащение современными техническими средствами таможенного контроля и внедрение новейших технических решений в организацию работы всех государственных органов, организаций транспортно-логистического комплекса и иных организаций, осуществляющих свою деятельность в пунктах пропуска через таможенную границу ЕАЭС. Данное решение позволит осуществлять прохождение пунктов пропуска для безрисковых поставок в автоматическом режиме без непосредственного участия должностных лиц государственных контрольных органов и сократить сроки проведения контрольных мероприятий в отношении поставок, требующих проведения форм фактического таможенного контроля.

В заключение можно отметить, что совершенствование системы таможенного контроля в рамках обеспечения экономической безопасности России связано с развитием применения информационных технологий на этапе как электронного декларирования, так и фактического контроля, а также в рамках таможенного контроля после выпуска товаров. В данном случае необходимо повышение эффективности функционирования системы управления рисками (СУР) и ее дальнейшая автоматизация, что связано с перспективной цифровизацией. Параллельно с вышеотмеченным, на постоянной основе должны совершенствоваться технические средства, с помощью которых осуществляется таможенный контроль.

---

402 См.: *Козырин А. Н.* От электронной таможни к таможне цифровой: развитие таможенно-правового регулирования в Российской Федерации // Закон. 2021. № 2. С. 37.

403 См. приложение № 3 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Реализация предложенных мероприятий приведет к повышению уровня экономической безопасности России через рост эффективности таможенного контроля на всех стадиях перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Список использованной литературы

1. *Козырин, А. Н.* От электронной таможни к таможне цифровой: развитие таможенно-правового регулирования в Российской Федерации / А. Н. Козырин // Закон. – 2021. – № 2. – С. 37.
2. *Логинов, Е. А.* Государственно-правовой статус и валютный контроль таможенных органов в сфере обеспечения внешнеэкономической безопасности Российской Федерации / Е. А. Логинов, А. Ф. Голубев; под ред. проф. Е. А. Логинова. – Москва : МГЭУ, 2025. – С. 65–74.
3. *Логинов, Е. А.* К вопросу о совершенствовании системы обеспечения экономической безопасности России / Е. А. Логинов // Приоритетные направления экономического, социального и политического развития информационного общества (ПН-2022) : материалы Международной научно-практической конференции : в 3 т. Тюмень, 25 ноября 2022 года. – Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2024. – С. 460–465.

ЦИФРОВОЙ ЭТИКЕТ АДВОКАТА: ПРОБЛЕМЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Аида Шамилевна Магомедова
студентка Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия

Аннотация. Актуальность статьи определяется ростом цифровизации адвокатской деятельности и увеличением числа нарушений профессиональной этики в онлайн-среде. Цель – анализ правовых основ цифрового поведения адвоката, рисков разглашения тайны и практики дисциплинарных органов. Проанализированы нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики и процессуального законодательства. Сделан вывод о необходимости строгого соблюдения конфиденциальности и ответственного онлайн-поведения.

Ключевые слова: цифровой этикет адвоката; адвокатская тайна; интернет-пространство; профессиональная этика; Федеральный закон № 63-ФЗ; дисциплинарная ответственность.

Цифровизация юридической сферы в России идет ускоренными темпами: электронный документооборот, видеозаседания, онлайн-запросы, переписка через защищенные каналы стали повседневной частью адвокатской работы. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 63-ФЗ) не содержит отдельной главы о цифровых коммуникациях, но его положения, в частности ст. 8 о сохранении адвокатской тайны и ст. 17 о профессиональных правах адвоката, полностью распространяются и на интернет-пространство. Нарушения правил обращения с информацией в цифровой среде могут повлечь не только дисциплинарную ответственность по Кодексу профессиональной этики адвоката, но и гражданско-правовые, и даже уголовно-правовые последствия.

Что касается существования цифрового этикета в России, то в адвокатском сообществе он формируется как совокупность требований, вытекающих

из Федерального закона № 63-ФЗ и Кодекса профессиональной этики. Статья 8 Федерального закона № 63-ФЗ прямо указывает, что адвокат не вправе разглашать сведения, связанные с оказанием юридической помощи, без согласия доверителя. При этом П. Е. Короткова отмечает: «нарушение этой нормы в цифровой среде часто происходит не преднамеренно, а по небрежности: пересылка документов по незащищенным каналам связи, использование личных мессенджеров без шифрования, хранение материалов дел в публичных облачных сервисах без должных настроек доступа». Практика показывает, что адвокаты нередко направляют клиентам документы по электронной почте без паролей, используют популярные мессенджеры без двухфакторной аутентификации или обсуждают детали дел в корпоративных чатах с недостаточным уровнем контроля. Такие действия, по мнению Д. Р. Багаува, «создают риск несанкционированного доступа и могут быть квалифицированы как разглашение адвокатской тайны».

Отдельного внимания требует вопрос ведения адвокатской переписки в мессенджерах. Несмотря на удобство *WhatsApp, Telegram* и аналогичных сервисов, они не являются официальными каналами связи и не гарантируют абсолютной защищенности. Устройства могут быть взломаны, а облачные резервные копии сообщений – получены третьими лицами. Так, Т. С. Коробицына подчеркивает: «если информация о деле попадет в распоряжение органов предварительного расследования или оппонентов, доверитель может заявить о нарушении адвокатской тайны. Юридические последствия здесь могут быть значительными: от дисциплинарного взыскания вплоть до лишения статуса (п. 4 ст. 17 ФЗ-63) утраты доверия со стороны клиентов и коллег».

Проблема конфиденциальности проявляется и при дистанционной работе. С 2020 г. суды активно используют систему видео-конференц-связи, а также ГАС «Правосудие» и другие электронные платформы. Адвокат, участвуя в заседании дистанционно, обязан обеспечить, чтобы третьи лица не имели возможности услышать или записать ход судебного процесса, если заседание закрытое или содержит конфиденциальные сведения. Случаи, когда родственники или посторонние находились в одном помещении во время онлайн-заседаний, уже становились предметом жалоб. Такие действия могут рассматриваться как нарушение профессиональной этики и требований процессуального законодательства, включая ст. 10 ГПК РФ и ст. 241 УПК РФ, гарантирующих закрытость отдельных категорий заседаний.

Серьезные риски возникают при хранении документов и переписки в облачных сервисах. По закону адвокат обязан хранить материалы в условиях, исключающих доступ третьих лиц. Использование бесплатных облаков без шифрования и без установленных ограничений доступа противоречит этой обязанности. Нарушение может быть квалифицировано как разглашение адвокатской тайны, даже если фактической утечки не произошло. Рекомендованная практика – хранение документов на серверах коллегий, использование защищенных корпоративных облаков или шифрованных локальных хранилищ с регулярным резервным копированием.

Отдельный блок вопросов касается поведения адвоката в социальных сетях. Кодекс профессиональной этики (п. 5 ст. 9) требует от адвоката уважительного отношения к коллегам, органам власти и участникам процессов. Публичные высказывания, содержащие информацию о ходе или деталях дел, даже без указания имен, могут нарушать адвокатскую тайну, если позволяют идентифицировать участников. Практика дисциплинарных палат показывает, что репост публикации СМИ с собственным комментарием, содержащим уточнения по делу, уже может считаться разглашением. Также недопустимы публикации, которые подрывают авторитет суда или следственных органов. Статья 17 Федерального закона № 63-ФЗ прямо запрещает использовать статус адвоката вопреки задачам адвокатуры, в том числе в публичных высказываниях.

Проблема этикета проявляется и в онлайн-рекламе юридических услуг. Адвокаты ограничены в способах продвижения. Реклама не должна содержать обещаний результата, сравнения с другими адвокатами или ссылок на конкретные дела без согласия доверителей. Размещение рекламных постов в социальных сетях с описанием реальных дел и ссылкой на собственную роль адвоката нередко квалифицируется как нарушение ст. 17 Федерального закона № 63-ФЗ и п. 4 ст. 10 Кодекса этики. Адвокат Елизавета Селезнева, ссылаясь на результаты анкетирования, проведенного с марта по август 2023 г., сообщила, что «на местах многие адвокаты не знают, как себя позиционировать». Они размещают рекламные объявления о своих услугах на сайтах «Авито», «Профи.Ру», что недопустимо. Даже если доверитель формально не возражает, публикация может затронуть интересы третьих лиц или повлиять на ход процесса.

Практические вопросы цифрового этикета включают и использование электронной подписи. Адвокат, направляющий документы через ГАС «Правосудие», обязан подписывать их усиленной квалифицированной электронной подписью, что вытекает из ст. 6 Федерального закона «Об электронной подписи». Использование незащищенных подписей или пересылка ключей третьим лицам категорически недопустимы. Если ключ электронной подписи хранится на общем компьютере, адвокат обязан обеспечить ограничение доступа.

Нельзя не упомянуть и проблему участия адвокатов в профессиональных сообществах и форумах в интернете. Обсуждение дел, даже в закрытых группах, должно происходить с соблюдением тех же правил, что и в офлайн-общении. Публикация фрагментов документов, скриншотов переписки с клиентом или отрывков из процессуальных материалов без согласия доверителя нарушает адвокатскую тайну. Прецеденты дисциплинарных производств по таким фактам уже есть: адвокаты подвергались взысканиям за размещение фрагментов документов в профессиональных *Telegram*-каналах, даже без указания сторон.

Что касается использования искусственного интеллекта в адвокатской деятельности, адвокат А. Глушенков отмечает, что ключевой проблемой при-

менения систем искусственного интеллекта в правоприменительной практике является их склонность к «галлюцинациям», выражающимся в генерации несуществующих правовых норм и судебных прецедентов. Он привел ряд любопытных примеров. Так, например, разработчики одной из программ искусственного интеллекта в США предлагали один миллион долларов тому адвокату, который использует их разработку непосредственно в судебном процессе, однако ассоциация юристов (*bar association*) штата предупредила, что решившийся на такой шаг будет лишен статуса. ИИ не заменит юристов и адвокатов, но юристов, которые вообще не используют ИИ, наверняка заменят юристы, которые разумно используют системы ИИ, резюмировал Александр Глушенков.

Для создания прочного каркаса профессионального поведения адвоката в цифровой среде необходимы целенаправленные действия на уровне корпорации и законодательства. Во-первых, адвокатским сообществам целесообразно инициировать создание и внедрить единые рекомендации по формированию политики информационной безопасности для адвокатов и адвокатских образований. Этот документ должен устанавливать минимальные стандарты защиты информации, относящейся к адвокатской тайне, и практические правила работы с данными в цифровом пространстве. Во-вторых, на законодательном уровне необходимо внести изменения в Федерального закона № 63-ФЗ, чтобы детально описать правовой режим работы КИС АР(комплексная информационная система адвокатуры России) и ее взаимодействия с государственными информационными системами. В-третьих, необходима стимуляция использования отечественного программного обеспечения. Адвокатским образованиям рекомендуется переходить на отечественные программные продукты и сервисы, которые в большей степени соответствуют российскому законодательству и гарантируют, что данные не попадут под юрисдикцию иностранных государств.

Таким образом, цифровой этикет адвоката – это не абстрактный набор правил, а конкретные правовые и этические обязанности, вытекающие из Федерального закона № 63-ФЗ, Кодекса профессиональной этики адвоката, процессуальных норм и дисциплинарной практики. Ключевые риски связаны с небрежным обращением с цифровыми каналами связи, публичной активностью в интернете, хранением информации и дистанционным участием в процессах. Их игнорирование может привести не только к профессиональным санкциям, но и к реальной утрате доверия клиентов и репутационным потерям. Современный адвокат обязан выстраивать цифровое поведение так же тщательно, как и работу с бумажными документами, осознавая, что каждое действие в сети может иметь юридические последствия. Формирование устойчивых цифровых привычек, использование надежных технических средств защиты, строгое соблюдение тайны и корректное публичное поведение – это необходимый минимум для сохранения профессиональной этики в условиях цифровой эпохи.

Список использованной литературы

1. *Багаува, Д. Р.* Этика адвоката как система норм и принципов, регламентирующая поведение профессионального юриста / Д. Р. Багаува // Вестник науки. – 2024. – Т. 2, № 11 (80). – С. 462–467.
2. *Коробицына, Т. С.* Правовой статус адвоката / Т. С. Коробицына // Молодой ученый. – 2023. – № 2 (449). – С. 291–293.
3. *Короткова, П. Е.* Практические навыки адвоката : учебное пособие / П. Е. Короткова. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2023. – 144 с.
4. *Черная, А. Д.* Особенности правового статуса адвоката и представительства / А. Д. Черная // Гармония знаний: взаимодействие науки и общества. – Стерлитамак, 2024. – С. 250–254.

ПРОВЕДЕНИЕ ДНК-ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: О ПЕРСПЕКТИВАХ

Ольга Андреевна Маркова
студентка 4-го курса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саранске, г. Саранск, Россия
lelya.markova.03@mail.com

Аннотация. В данном исследовании устанавливается значимость института ДНК-экспертизы в гражданском судопроизводстве. Определено, что молекулярно-генетическая экспертиза стала одним из наиболее мощных инструментов в руках правосудия. Однако, несмотря на положительные моменты применения молекулярно-диалектической экспертизы, методом диалектического анализа выявляются следующие проблемы: пробелы в правовом регулировании данного института, сложности в получении образцов для проведения экспертизы, недостаточно четкая и обоснованная формулировка вопросов для эксперта. Предусмотрены пути решения данных проблем: создание отдельного законодательного акта, регламентирующего проведение ДНК-экспертиз, для преодоления сложностей, связанных с назначением и оценкой ДНК-экспертиз, необходимо внедрить практику привлечения профильных специалистов в суды общей юрисдикции.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза; ДНК-экспертиза; гражданское судопроизводство; специальные знания; идентификация личности.

Актуальность исследования продиктована широким и возрастающим применением ДНК-экспертиз в российском судопроизводстве. Судебные эксперты Следственного комитета РФ с 2021 г. – момента создания Судебно-экспертного центра ведомства – провели порядка 120 тысяч экспертиз, согласно данным председателя Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина[404]. Объем мирового рынка ДНК-экспертизы оценивался примерно в 3,5 милли-

[404] Судебные эксперты СК провели около 120 тысяч экспертиз с 2021 года. URL: https://ria.ru/20250724/bastrykin-2031039841.html

арда долларов США в 2024 г., и, по оценкам, будет расти со среднегодовым темпом роста 5,4% с 2025 по 2034 г.[405]

По мнению В. В. Кубанова и Ю. А. Шаровой, ДНК-экспертиза по праву считается одним из наиболее мощных и достоверных доказательств в современном судопроизводстве. Ее уникальная способность с высокой точностью устанавливать биологическое родство, идентифицировать личность и связывать биологические следы с конкретным индивидом сделала ее незаменимым инструментом как в уголовном, так и в гражданском процессе[406].

Однако, несмотря на кажущуюся абсолютную точность, ДНК-экспертиза, как и любой другой вид экспертного исследования, не является абсолютно непогрешимой. Она проводится людьми, с использованием оборудования, по определенным методикам, и на каждом из этих этапов возможны ошибки, неточности или даже злоупотребления.

Так, например, генетическая экспертиза предполагаемого тела Андрея Борисова провалилась из-за «недостатка ДНК-материала». Экспертизу год откладывали, образцы передавали между лабораториями, не исследовали кровь, зубы или мозг, взяли бесполезный образец у жены, а кости измельчили. Удивительно, зачем брали образец крови у жены Борисова – М. Е. Борисовой... Жена – это не кровный родственник, ее ДНК совсем никак не может помочь опознать труп, даже если бы ДНК из него извлечь смогли. Цель – избежать установления, что тело не принадлежало Борисову, и не разрушить версию следствия[407]. Поэтому вопрос о проверке ДНК-экспертизы в гражданском судопроизводстве приобретает критическое значение для обеспечения справедливости и законности судебных решений.

По мнению Ю. А. Комаровского, молекулярно-генетическая экспертиза назначается по уголовным и гражданским делам, при расследовании которых возникает необходимость исследования вещественных доказательств, содержащих объекты биологической природы, для целей идентификации личности и (или) установления биологического родства, а также для определения родства малолетних или потерявших память лиц – в случаях природных катаклизмов, чрезвычайных ситуаций с массовыми человеческими жертвами, террористических актов и военных конфликтов[408].

Ключевым преимуществом генно-молекулярного метода идентификации является то, что ДНК сохраняет свои уникальные свойства на протяжении

---

405 Объем рынка ДНК-криминалистики в 2025–2034 гг., отчет о мировых тенденциях, 2024. URL: https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/dna-forensics-market

406 См.: *Кубанов В. В., Шарова Ю. А.* Молекулярно-генетическая экспертиза и ее роль в расследовании преступлений // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 110–114.

407 ДНК-экспертиза, которая не получилась. URL: https://pravorub.ru/personal/76106.html

408 См.: *Комаровский Ю. А.* Применение молекулярно-генетических методов в судебно-медицинской экспертизе : методические рекомендации. СПб., 1998. 16 с.

всей жизни организма. Как считает В. В. Кубанов, это позволяет с крайне высокой степенью вероятности идентифицировать каждого человека по его генетическим особенностям, используя биологические следы, такие как кровь, сперма или слюна[409].

В гражданском судопроизводстве ДНК-экспертиза находит применение в нескольких ключевых областях. По мнению Е. С. Большаковой, наиболее распространенной и общепризнанной из них является установление отцовства или материнства, где она позволяет с вероятностью, близкой к 100%, подтвердить или исключить биологическое родство между ребенком и предполагаемым родителем, что имеет решающее значение в спорах о взыскании алиментов, оспаривании записи об отцовстве (материнстве) и установлении факта признания отцовства[410].

Помимо этого, как считает ряд ученых, ДНК-экспертиза активно используется в наследственных спорах, служа для подтверждения родственных связей между предполагаемыми наследниками и наследодателем, что критически важно при отсутствии документов, подтверждающих родство, или при наличии сомнений в их подлинности[411].

Еще одним важным направлением, по мнению И. В. Огурцова, является идентификация личности, когда требуется установить человека, например, при розыске пропавших без вести или идентификации останков путем сравнения образцов с предполагаемыми родственниками[412].

Как считает В. В. Денисович, хотя и редки споры о подмене детей, они также находят свое разрешение благодаря ДНК-анализу, который является единственным надежным способом установить биологическое родство в подобных ситуациях[413].

В большинстве стран, включая Россию, нет отдельного федерального закона или подзаконного акта, детально регулирующего порядок назначения, проведения и оценки ДНК-экспертиз в гражданских делах. Суды и стороны вынуждены опираться на общие нормы проведения судебной экспертизы в гражданском процессе, которые регулируются Гражданским процессуаль-

---

409 См.: *Кубанов В. В., Шарова Ю. А.* Молекулярно-генетическая экспертиза и ее роль в расследовании преступлений // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 5 (51). С. 110–114.

410 См.: *Большакова Е. С.* Установление отцовства (материнства) путем проведения молекулярно-генетической экспертизы // Мировая наука. 2018. № 5 (14). С. 457–460.

411 Использование ДНК-доказательств в гражданском процессе. URL: https://pravorub.ru/articles/100496.html

412 См.: *Огурцов И. В.* Криминалистические особенности назначения и проведения судебных экспертиз по фактам безвестного исчезновения граждан и обнаружению неопознанных трупов // Молодой ученый. 2009. № 9 (9). С. 114–117.

413 См.: *Денисович В. В.* Причины подмены детей в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 4. С. 61–64.

ным кодексом РФ[414] и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[415].

Отсутствие специализированного законодательства по ДНК-экспертизе в гражданском судопроизводстве создает правовой вакуум, который негативно сказывается на качестве доказательств, эффективности правосудия и в конечном итоге – на защите прав и законных интересов граждан.

Серьезной проблемой является и получение образцов: уклонение стороны от их предоставления, хотя и может привести к признанию факта установленным, не всегда гарантирует фактическое получение биоматериала, вынуждая суд опираться на косвенные доказательства; особую сложность представляет необходимость эксгумации для получения образцов от умерших в наследственных спорах, что является этически чувствительной и процедурно сложной задачей.

Верховный Суд РФ разъяснил возможность установления отцовства на основании ДНК-экспертизы для граждан, родившихся в период с 1 октября 1968 г. по 1 марта 1996 г. Это решение обусловлено тем, что ранее суды отказывали в таких экспертизах, ссылаясь на отсутствие прямого упоминания ДНК-анализа в действовавшем тогда Кодексе о браке и семье РСФСР, хотя он допускал проведение судебно-медицинских экспертиз[416].

Так, в одном из дел женщина, претендующая на наследство умершего в 2022 г. мужчины, столкнулась с отказом в проведении ДНК-экспертизы по этой причине. Верховный Суд РФ не согласился с позицией нижестоящих инстанций, отменив их решения и направив дело на новое рассмотрение. Суд подчеркнул, что прежнее правовое регулирование не должно ограничивать права граждан и допускало назначение судебно-медицинской экспертизы для выяснения вопросов происхождения ребенка.

Это определение имеет большое практическое значение, предоставляя существенные разъяснения для защиты прав истцов в аналогичных спорах. Что касается получения материала для экспертизы от умерших, вопрос эксгумации в гражданском судопроизводстве не имеет прямого запрета, но и не всегда поддерживается судами, которые могут отказать в ней, ссылаясь на отсутствие доказательств родства[417].

---

414 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

415 О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

416 ВС защитил наследственные права рожденных в СССР на генетическую экспертизу. URL: https://rg.ru/2025/06/02/vs-zashchitil-nasledstvennye-prava-rozhdennyh-v-sssr-na-geneticheskuiu-ekspertizu.html

417 См.: *Попова Н. И.* Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2023. № 4. С. 32–37.

Одной из ключевых проблем судебных экспертиз, по мнению Н. И. Холявка, является недостаточно четкая и обоснованная формулировка вопросов для эксперта[418]. Это связано с тем, что участники гражданского процесса, включая стороны и даже суд, часто не обладают специализированными знаниями в областях, требующих экспертного заключения, что приводит к постановке общих или некорректных вопросов. Поскольку эксперт не вправе самостоятельно изменять или дополнять поставленные вопросы, от их точности напрямую зависит результат исследования.

Такая ситуация влечет за собой дополнительные расходы и затягивание процесса, поскольку часто возникает необходимость в проведении дополнительной или повторной экспертизы, по мнению А. О. Яценко[419].

Для решения этой проблемы предлагается привлекать специалистов в суды общей юрисдикции. Они могли бы помочь сформулировать четкие вопросы для экспертов и определить наиболее подходящий вид экспертизы. Несмотря на то, что заключение эксперта, согласно ч. 2 ст. 187 ГПК РФ[420], оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет заранее установленной силы, судебная практика показывает его высокую значимость. Следовательно, качество проведенной судебной экспертизы играет решающую роль в формировании окончательного судебного решения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебная экспертиза является одним из основных и незаменимых инструментов доказывания фактов и обоснования требований в гражданском процессе, позволяя независимым экспертам давать заключения по сложным научным, техническим и медицинским вопросам.

Однако, несмотря на свою ключевую роль в достижении справедливости, эта процедура часто сопряжена с высокой стоимостью и задержками в рассмотрении дел. При проведении исследований института ДНК-экспертизы в гражданском процессе выявлены недостатки в законодательстве, касающиеся регламентации данного института, серьезная проблема получения образцов, особенно биоматериала, обусловлена как уклонением сторон, вынуждающим суд опираться на косвенные доказательства, так и этически и процедурно сложной необходимостью эксгумации умерших в наследственных спорах, а также существует проблема в нечеткой формулировке вопросов для эксперта.

Следовательно, устранение этих недостатков путем создания нового нормативного правового акта, который собрал бы в себе понятие, процедуру про-

---

418 См.: *Холявка Н. И.* Проблемы назначения и проведения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 280–282.

419 См.: *Яценко А. О., Злищева М. П.* Судебная экспертиза в гражданском процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 3. С. 426–429.

420 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ведения молекулярно-генетической экспертизы, рассмотрение возможности применения мер процессуального принуждения, а также привлечение специалистов в суды общей юрисдикции, в числе прочего путем реализации предложенных мер, является насущной необходимостью.

Список использованной литературы

1. *Большакова, Е. С.* Установление отцовства (материнства) путем проведения молекулярно-генетической экспертизы / Е. С. Большакова // Мировая наука. – № 5 (14). – 2018. – С. 457–460.
2. *Денисович, В. В.* Причины подмены детей в современной России / В. В. Денисович // Вестник Челябинского государственного университета. – Серия: Право. – 2020. – № 4. – С. 61–64.
3. *Комаровский, Ю. А.* Применение молекулярно-генетических методов в судебно-медицинской экспертизе : методические рекомендации / Ю. А. Комаровский. – Санкт-петербург, 1998. – 16 с.
4. *Кубанов, В. В.* Молекулярно-генетическая экспертиза и ее роль в расследовании преступлений / В. В. Кубанов, Ю. А. Шарова // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 5 (51). С. 110–114.
5. *Огурцов, И. В.* Криминалистические особенности назначения и проведения судебных экспертиз по фактам безвестного исчезновения граждан и обнаружению неопознанных трупов / И. В. Огурцов // Молодой ученый. – 2009. – № 9 (9). – С. 114–117.
6. *Попова, Н. И.* Проблемы правового регулирования экспертизы в гражданском процессе / Н. И. Попова // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. – 2023. – № 4. – С. 32–37.
7. *Холявка, Н. И.* Проблемы назначения и проведения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве / Н. И. Холявка // Молодой ученый. – 2022. – № 24 (419). – С. 280–282.
8. *Яценко, А. О.* Судебная экспертиза в гражданском процессе / А. О. Яценко, М. П. Злищева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. С. 426–429.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ СДЕЛОК

Никита Дмитриевич Михин
студент 4-го курса Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
nikitamikhin07@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых правовых коллизий, возникающих в сфере совершения дистанционных сделок. Исследуется конфликт между необратимой природой смарт-контрактов и нормами о защите прав потребителей, проблемы добросовестности и ответственности цифровых платформ. На основе сравнительно-правового анализа законодательства зарубежных стран о дистанционных сделках предлагаются конкретные пути совершенствования российского законодательства.

Ключевые слова: дистанционные сделки; смарт-контракты; защита прав потребителей; цифровая экономика; коллизия; цифровые платформы.

Договорные правоотношения динамично развиваются и постоянно претерпевают изменения. Традиционное представление о формах и времени заключения (совершения) сделок ввиду развития информационных технологий, цифровых инструментов трансформируется и требует своего правового регулирования.

Эффективным инструментом совершения сделок с минимальными временными и другими издержками является возможность заключения договора дистанционно в электронном виде без реального присутствия сторон в одном месте и в одно время.

В современном обществе наибольшее распространение дистанционные сделки получили именно в сфере электронной торговли, но этим потенциал дистанционных сделок не ограничивается. Дистанционный формат применяется при заключении договоров купли-продажи недвижимого имущества, аренды движимых (недвижимых) вещей, кредитных договоров и других видах обязательственных правоотношений.

Вместе с тем в рамках настоящего исследования внимание будет уделено именно проблемам совершения дистанционных договоров розничной купли-продажи, где продавцом выступает субъект предпринимательской

деятельности, а покупателем – потребитель, местом заключения договора является онлайн-платформа в сети Интернет.

Несмотря на то, что на сегодняшний день отсутствует легальное определение дистанционной сделки, исходя из анализа норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[421], а также п. 1 ст. 26.1 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей)[422] можно прийти к следующему выводу.

Дистанционной сделкой признаются действия физических и юридических лиц, совершенные с использованием электронных средств, без личного присутствия сторон, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Такой подход популяризирован в современных реалиях, что подтверждается статистическими данными[423]. Исходя из толкования положений ст. 160, 434 ГК РФ, дистанционный договор следует рассматривать как договор, совершенный в письменной форме в электронном виде, но позволяющий восстановить на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом волеизъявление сторон на заключение договора может быть подтверждено любым способом, позволяющим достоверно определить лицо, выразившее свою волю на заключение договора. На сегодняшний день основным способом удостоверения лица, совершающего гражданско-правовую сделку, является электронная подпись[424].

Стремительное развитие новой сферы сделок с использованием дистанционной коммуникации создает правовой вакуум и требует правового регулирования путем закрепления легального определения дистанционной сделки, требований, предъявляемых к форме совершения дистанционной сделки, определения момента признания дистанционной сделки заключенной и ряда других проблемных аспектов. Аналогичного подхода, обосновывающего необходимость закрепления в российском законодательстве таких понятий, как дистанционная сделка, дистанционный договор, смарт-контракт, придерживается ряд ученых-юристов[425].

---

421 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в редакции от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

422 Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (в редакции от 07.07.2025) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

423 См.: Ассоциация компаний интернет торговли (АКИТ). Объем интернет-торговли в 2025 году. Информационно-аналитический ресурс. URL: https://akit.ru/news/obyom-internet-torgovli-v-i-kvartale-2025-goda-uvelichilsya-na-36 (дата обращения: 18.10.2025).

424 Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (в редакции от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

425 См.: *Габов А. В.* Цифровые активы как объекты гражданских прав: проблемы и перспективы регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 23–30; Власов А. А. Смарт-контракты и гражданское право: проблемы квалификации и интеграции // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 3. С. 56–82.

Учитывая разрозненный характер правовых норм, множественность формулировок, используемых в сфере дистанционных сделок, возникает закономерный вопрос: тождественны ли между собой понятия «дистанционная сделка», «электронный договор», «сделка, совершенная через интернет-магазин»? Автору представляется, что данные понятия не являются тождественными и соотносятся друг с другом как общее и частное.

Так, дистанционная сделка – обобщающий термин, охватывающий любые сделки, позволяющие сторонам удаленно, исключая личное присутствие, осуществлять действия гражданско-правового характера, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Электронный договор – частный случай дистанционной сделки, в котором волеизъявление сторон на его заключение выражено в электронной форме (с использованием электронных средств, таких как электронная цифровая подпись, электронный договор).

Сделка, совершенная через интернет-магазин, – частный случай электронной сделки, где платформа интернет-магазина является способом акцепта публичной оферты продавца.

На основании изложенного следует, что вышеперечисленные понятия уточняют сами себя, и их использование зависит от конкретного случая.

Следует принять во внимание, что с внесением изменений в ст. 309 ГК РФ[426], устанавливающих возможность исполнения обязательства по сделке путем применения информационных технологий, законодателем предоставлен новый правовой инструмент исполнения договорных обязательств: применение информационных технологий, а именно – использование смарт-контрактов.

В отечественном законодательстве отсутствует закрепление нового понятия как правовой новации, но ее разъяснение есть в докладе «Концепции цифрового рубля» Банка России, из которого следует, что смарт-контракт – это сделка, исполняемая автоматически при наступлении заранее определенных сторонами условий[427].

Таким образом, смарт-контракт – это не достижение соглашения сторон по всем существенным условиям договора, а механизм исполнения обязательств в рамках конкретного договора. В нашем случае, например, при исполнении договора купли-продажи товара. Другими словами, смарт-контракт – это программный код, выполняющий определенные условия сделки между сторонами на основе технологии блокчейн.

Техническая необратимость смарт-контракта исключает применение классического механизма возврата товара, что требует создания новых правовых конструкций, таких как гарантийный фонд онлайн-платформы, где средства покупателя (потребителя) резервируются на срок, установленный

---

426 О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

427 См. Концепция цифрового рубля (апрель 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

законом для отказа покупателя от товара надлежащего (ненадлежащего) качества, приобретенного дистанционным способом. В настоящее время, согласно п. 4 ст. 26.1 Закона о защите прав потребителей, покупатель вправе отказаться от товара в течение семи дней.

Учитывая, что дистанционная сделка сопряжена с риском получения недостоверной информации о стороне сделке, в рассматриваемом случае о продавце, предлагается в целях разрешения проблемы добросовестности сторон закрепить обязанность продавца при заключении договора купли-продажи дистанционным способом проходить верификацию через Единый портал государственных услуг, Федеральную налоговую службу с присвоением статуса «верифицированный продавец». Представляется, что такое изменение законодательства о защите прав потребителей обеспечит прозрачность дистанционных сделок и предотвратит имеющие место быть мошеннические сделки, в том числе связанные с несанкционированным доступом к аккаунтам потребителей.

Сравнительный анализ законодательства ряда зарубежных стран в части правового регулирования дистанционных сделок показывает, что универсальной правовой модели не существует[428]. Для России наиболее перспективен гибридный путь развития законодательства о дистанционных сделках, сочетающий технологическую открытость американской модели с сильными гарантиями защиты прав граждан (потребителей), характерными для Европейского Союза. Такое правовое регулирование дистанционных сделок необходимо в условиях стремительной цифровой трансформации экономики России, при которых классические институты гражданского права нуждаются в адаптации к меняющимся общественным отношениям.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что дистанционные сделки будут с каждый годом охватывать все больший круг объектов имущественного оборота. При этом категория смарт-контракта рассматривается не как самостоятельный договор, а именно как механизм автоматизации отдельных аспектов исполнения договора.

---

428 См.: *Ван Ю*. Регулирование электронной коммерции в КНР // Мировая наука. 2020. № 1 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-elektronnoy-kommertsii-v-knr (дата обращения: 18.10.2025); Директива Европейского парламента и Совета ЕС 2000/31/ЕС от 8 июня 2000 г. о некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности, об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции), Европейский союз (ЕС) = Directive No. 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce). URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6393 (дата обращения: 18.10.2025); Закон об унифицированных электронных сообщениях Соединенных Штатов Америки = Electronic signatures in global and national commerce act, public law, 106–229. June 30, 2000, 106th Congress. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ229/pdf/PLAW-106publ229.pdf (дата обращения: 18.10.2025).

Представляется, что дистанционная сделка как правовая категория должна быть закреплена на законодательном уровне и охватывать любые сделки, совершенные ее сторонами в дистанционном режиме с применением информационных технологий. В целях защиты прав потребителей при заключении договора купли-продажи товара дистанционным способом с применением оплаты через механизм смарт-контракта автором предлагается внести изменения в Закон о защите прав потребителей о формировании гарантийного фонда, обеспечивающего возможность отказа от товара покупателем, а также об обязательной верификации продавца на онлайн-платформе.

Список использованной литературы

1. *Власов, А. А.* Смарт-контракты и гражданское право: проблемы квалификации и интеграции / А. А. Власов // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 56–82.
2. *Ван, Ю.* Регулирование электронной коммерции в КНР / Ю. Ван // Мировая наука. – 2020. – № 1 (34). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-elektronnoy-kommertsii-v-knr (дата обращения: 18.10.2025).
3. *Габов, А. В.* Цифровые активы как объекты гражданских прав: проблемы и перспективы регулирования / А. В. Габов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 8. – С. 23–30.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ В ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ПРИВАТНОСТЬЮ

Марина Николаевна Неговора
студентка 3-го курса Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
negovoramarina1@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена массовым внедрением систем распознавания лиц в публичных пространствах, создающим риски нарушения приватности и прав человека. Цель исследования – выявить баланс между безопасностью и защитой персональных данных. Проанализированы различные нормативные правовые акты, регулирующие распространение персональных данных человека. В результате установлено, что легитимность технологий требует строгого соблюдения принципа пропорциональности, процессуальных гарантий и межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: распознавание лиц; биометрические данные; приватность; правовое регулирование; безопасность.

Стремительный прогресс в области искусственного интеллекта способствовал широкому внедрению системы распознавания лиц (далее – СРЛ) в самых разных сферах жизни[429]. Одной из наиболее дискуссионных областей их применения стало использование в публичных местах. Данные технологии предлагают беспрецедентные инструменты для обеспечения правопорядка и национальной безопасности, однако их распространение порождает комплекс серьезных правовых и этических вопросов, касающихся фундаментальных прав человека.

Процесс работы СРЛ предполагает многоэтапную трансформацию данных, начинающуюся с получения исходного изображения, которое однозначно

---

429 *Мищенко Е. Ю.* Моделирование процессов обезличивания персональных данных и оценка эффективности используемых методов на основе модели нарушителя: дис. … канд. техн. наук. Челябинск, 2022. 163 с.

квалифицируется как персональные данные, поскольку позволяет идентифицировать лицо[430]. Далее алгоритм выделяет биометрические параметры – уникальные антропометрические точки, которые уже относятся к особой категории персональных данных, так как характеризуют физиологические особенности человека. Ключевая правовая проблема возникает на финальном этапе, когда эти параметры преобразуются в цифровой биометрический шаблон – абстрактную математическую модель, представляющую собой набор чисел. Основной вопрос заключается в том, можно ли этот шаблон, сам по себе не являющийся визуальным образом, считать персональными данными.

Согласно Федеральному закону «О персональных данных» персональными данными является любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)[431].

Внедрение систем распознавания лиц в публичных местах входит в комплексное противоречие с рядом фундаментальных прав человека, закрепленных как в Конституции Российской Федерации, так и в международных актах. Прежде всего, массовое и скрытое применение данной технологии напрямую посягает на право на приватность, которое закреплено как в ст. 23 Конституции РФ, так и в ст. 8 Европейской конвенции о правах человека, подразумевающее невмешательство в частную жизнь и защиту от произвольного наблюдения, поскольку человек лишается возможности контролировать сбор информации о своем местонахождении и социальных контактах. Неразрывно с этим связано право на защиту персональных данных (ст. 24 Конституции РФ, Общий регламент по защите данных, разработанный ЕС), которое нарушается ввиду обработки высокочувствительных биометрических данных без явного и информированного согласия, что является одним из ключевых принципов легитимной обработки. Кроме того, скрытая идентификация в общественных местах фактически упраздняет право на анонимность, то есть возможность оставаться неузнанным в публичном пространстве, что исторически было важным аспектом свободы собраний и самовыражений[432].

Согласно ст. 11 Федерального закона «О персональных данных», обработка биометрических персональных данных (сведений, характеризующих физиологические и биологические особенности человека и позволяющих установить его личность), а также информации, используемой оператором для идентификации субъекта, допускается исключительно при наличии его письменного со-

---

430 *Такмаков Е. А.* Актуальные направления использования системы распознавания лиц в городской среде в целях совершенствования уголовно-процессуального доказывания // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 193–196.

431 О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // Российская газета. 2006. 29 июля. № 165.

432 См.: *Шевелева С. В., Химеденова Д. Н.* Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 160–169.

гласия. Вместе с тем ч. 2 указанной статьи предусмотрен ряд исключений, разрешающих сбор, хранение и обработку таких данных без согласия субъекта.

К таким случаям относятся, в частности: реализация международных договоров РФ о реадмиссии, противодействии терроризму и коррупции, отправление правосудия и исполнение судебных актов, а также проведение обязательной государственной дактилоскопической регистрации[433].

Вопросы использования биометрии в государственных целях регулируется также ч. 2 ст. 14 указанного закона. В соответствии с ней создается единая государственная информационная система для хранения, верификации и передачи биометрических данных. Государство обязано обеспечивать их защиту от несанкционированного доступа, уничтожения, изменения или распространения.

По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в стране функционирует свыше одного миллиона камер видеонаблюдения, треть из которых интегрирована с системами распознавания лиц[434]. Согласно опросу ВЦИОМ, с предложением предоставить биометрические данные сталкивались 42% россиян: 29% согласились, 13% отказались, а 56% никогда не получали подобных запросов[435].

Для практической реализации этого принципа эффективным представляется внедрение модели дифференцированного регулирования, основанной на зонировании рисков. Условная «зеленая» зона охватывает применения СРЛ с явного и осознанного согласия человека, например, для разблокировки личного телефона или подтверждения личности в банке, где вмешательство в приватность минимально. «Желтая» зона включает использование технологии в публичных интересах, например, для раскрытия тяжких преступлений, но исключительно при наличии строгих процессуальных гарантий, таких как судебное разрешение, ограничение применения по времени и месту, а также обязательный постфактумный отчет о результатах. Наконец, «красная» зона должна подлежать прямому законодательному запрету, поскольку не проходит проверку на пропорциональность; сюда относится массовое скрытое наблюдение без конкретной цели, предиктивный анализ поведения и эмоциональное профилирование в публичных пространствах.

Внедрение современных систем видеонаблюдения с использованием искусственного интеллекта и нейросетей представляет собой один из ключевых мировых трендов, что подталкивает многие государства тщательно анализировать передовые зарубежные практики. Среди них Китай демонстрирует

---

433 См.: *Югай Л.* Технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности: зарубежный опыт и перспективы развития // Общество и инновации. 2022. № 1. С. 278–287.

434 См.: Шадаев сообщил, что в России работает более 1 млн камер видеонаблюдения // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 02.10.2025).

435 См.: Делиться биометрическими данными: выгоды и риски // ВЦИОМ сайт. URL: https://wciom.ru/ (дата обращения: 02.10.2025).

лидирующие позиции. Разработка технологий идентификации изображений закреплена в качестве одной из приоритетных целей в китайский «Трехлетний план содействия развития индустрии искусственного интеллекта». Сферы применения видеокамер в Китае включают обеспечение публичного порядка, фиксирование правонарушений и идентификацию лиц, совершивших противоправные действия. По оценкам исследователей, формирование в Китае интеллектуальных платформ позволяет целенаправленно влиять на поведенческие мотивы социума, осуществлять контроль над этим процессом и эффективно противодействовать терроризму и преступной деятельности.

В заключение следует подчеркнуть, что вызовы, связанные с внедрением биометрических технологий, носят глобальный характер. Их решение требует межгосударственного сотрудничества, участия научного сотрудничества и *IT*-индустрии. В условиях цифровой трансформации особенно важно выстроить правовые рамки, которые будут сочетать интересы безопасности и неприкосновенности частной жизни. Ведь именно права и свободы человека лежат в основе всей правовой системы и определяют деятельность всех ветвей власти.

Список использованной литературы

1. *Мищенко, Е. Ю.* Моделирование процессов обезличивания персональных данных и оценка эффективности используемых методов на основе модели нарушителя : дис. … канд. техн. наук : 2.3.6 / Е. Ю. Мищенко. – Челябинск, 2022. – 163 с.
2. *Такмаков, Е. А.* Актуальные направления использования системы распознавания лиц в городской среде в целях совершенствования уголовно-процессуального доказывания / Е. А. Такмаков // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 193–196.
3. *Шевелева, С. В.* Использование технологий системы распознавания лиц в вопросах предупреждения преступности отдельных категорий осужденных / С. В. Шевелева, Д. Н. Химеденова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 160–169.
4. *Югай, Л.* Технологии распознавания лиц в обеспечении общественной безопасности: зарубежный опыт и перспективы развития / Л. Югай // Общество и инновации. – 2022. – № 1. – С. 278–287.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ КАК НОВЫЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ РОССИИ, КИТАЯ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Александра Андреевна Петровская
студент 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
petrovskkaya27@mail.ru

Аннотация. Стремительное внедрение биометрии в сферу государственного управления знаменует собой переход к новой парадигме взаимодействия между властью и обществом, где физические характеристики человека становятся ценным ресурсом контроля и администрирования. Однако этико-правовые подходы к ее использованию в разных странах различаются. Цель работы – выявить, как использование биометрических данных трансформирует практику государственного управления и работу правоохранительных органов, а также оценить баланс между эффективностью и защитой прав в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: биометрия; цифровая эпоха; биометрические технологии; государственное управление; защита прав и свобод человека.

От разблокировки смартфона по отпечатку пальца до прохода в метро при помощи системы *FacePay*... биометрические технологии незаметно, но необратимо вошли в нашу повседневность. Однако за кажущимся удобством для пользователя скрывается фундаментальная трансформация отношений между личностью и государством. Пока одни страны внедряют системы распознавания лиц в общественных пространствах, другие вводят жесткие запреты, пытаясь сохранить баланс между безопасностью и приватностью.

Стремясь к повышению эффективности управления и общественной безопасности, разные страны выбирают принципиально различные пути интеграции биометрии в публичную сферу, что становится особенно заметно при проведении сравнительного анализа подходов Российской Федерации, Китая и государств – членов Европейского союза (далее – ЕС) к вопросу о регулировании и использовании биометрических данных своих граждан.

Так, в Китае использование биометрических технологий получило повсеместное распространение, став при этом неотъемлемым элементом социальной и экономической инфраструктуры. Их применение вышло далеко за рамки традиционной сферы безопасности и правоохранительной деятельности

На сегодняшний день посредством биометрии происходит авторизация платежей через платформы *Alipay* и *WeChat Pay*, используемые гражданами Китайской Народной Республики (далее – КНР) ежедневно для оплаты счетов, *P2P*-переводов, покупки билетов на общественный транспорт, аренды транспортных средств, осуществления онлайн- и офлайн-покупок и т.д. Помимо этого, биометрические технологии применяются для прохода в офисные и жилые здания, осуществления банковских операций, контроля доступа в метрополитен.

Параллельно с этим, в рамках проекта «Система социального кредита» (*Social Credit System*) биометрические данные, в частности данные распознавания лиц с камер видеонаблюдения, интегрируются с иными персональными сведениями для формирования комплексных профилей граждан.

Практическая реализация «Системы социального кредита» влечет прямые последствия для жителей КНР. Одной из возможных санкций данной системы является ограничение свободы передвижения для лиц с низким рейтингом, а именно запрет на покупку билетов на скоростные поезда и самолеты[436]. По данным на 2020 г. эта мера затронула 23 миллиона человек, из которых 17,5 миллиона было ограничено в пользовании авиатранспортом, а 5,5 миллиона – железнодорожным. Это стало возможным благодаря разветвленной сети камер видеонаблюдения, которые работают на основе систем искусственного интеллекта (далее – ИИ)[437]. Алгоритмы ИИ в режиме реального времени анализируют видеозапись и производят идентификацию людей, оценивая их действия. Исходя из этого, функциональность системы демонстрирует ее первоочередную ориентированность на интересы государства, а не на потребительское удобство. Подобные ограничительные меры выступают эффективным инструментом социального управления и обеспечения правопорядка.

Широкое внедрение биометрических систем порождает ряд вопросов, связанных с масштабами наблюдения и сохранением приватности граждан. Подобная практика способствует созданию системы повсеместного мониторинга, порождая значительные трудности в сфере защиты персональных данных.

---

436 23 млн китайцев не продали билеты на самолеты и поезда из-за низкого «социального рейтинга» // Epoch times Russia : сайт. URL: https://www.epochtimes.ru/23-mln-kitajtsev-ne-prodali-bilety-na-samolyoty-i-poezda-iz-za-nizkogo-sotsialnogo-rejtinga-99059195/?ysclid=mh4l8ek4x3931030414&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.kz%2F (дата обращения: 24.10.2025).

437 Китай лидирует в применении технологий распознавания лиц // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2018/03/23/754767-kitai-raspoznavaniya-lits (дата обращения: 22.10.2025).

На сегодняшний день в Китае действуют «Меры по управлению безопасностью при применении технологии распознавания лиц», вступившие в силу с 1 июня 2025 г. Данные меры строго ограничивают использование полученных биометрических данных, распространяясь на все случаи обработки информации о гражданине с помощью технологии распознавания лиц в пределах территории КНР. Со стороны государства подчеркивается, что использование биометрии допустимо лишь при отсутствии альтернатив и только при наличии добровольного и осознанного согласия субъекта[438].

Эволюция китайской модели биометрии от массового внедрения к законодательному регулированию иллюстрирует глобальную проблему поиска компромисса между инновациями и защитой прав, составляя контраст европейскому подходу.

Европейская модель изначально основана на приоритете фундаментальных прав граждан, что находит закрепление в строгих нормах *General Data Protection Regulation* (далее – *GDPR*)[439], а также в законе об ИИ (*AI Act*), где прямо запрещается использование систем удаленной биометрической идентификации в публичных местах правоохранительными органами[440].

В Европейском союзе применение биометрических технологий развивается в рамках одной из наиболее строгих в мире нормативно-правовых моделей, ключевым принципом которой является презумпция защиты персональных данных как основополагающего права человека. В отличие от подходов, ориентированных на тотальное распространение, внедрение биометрии в ЕС носит фрагментарный и целенаправленный характер.

Наиболее массовое применение биометрических технологий отмечается при использовании контрольно-пропускных систем: в биометрических паспортах и визах (система *EES – Entry/Exit System*). Так, например, с начала октября 2025 г. на границе Шенгенской зоны начала действовать единая цифровая система регистрации въезда и выезда граждан третьих стран (система *EES*). При первом въезде у граждан третьих стран снимают отпечатки пальцев, делают фото и создают электронную запись вместо штампа[441].

В данном случае сбор биометрических данных позволяет не только оптимизировать потоки на границе, но и создать надежный инструмент для право-

---

438 В Китае ужесточили требования по сбору биометрических данных: нарушителей ждет наказание вплоть до уголовного // Информационно-аналитический журнал RUБЕЖ : сайт. URL: https://ru-bezh.ru/zakonodatelstvo-i-normativyi/news/25/04/01/v-kitae-uzhestochili-trebovaniya-po-sboru-biometricheskih-dannyh#:~:text (дата обращения: 23.10.2025).

439 GDPR документы и материалы, на русском языке // Генеральный регламент по защите персональных данных : сайт. URL: https://ogdpr.eu/ru (дата обращения: 24.10.2025).

440 Artificial Intelligence Act: MEPs adopt landmark law // News European Parliament : сайт. URL: https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20240308IPR19015/artificial-intelligence-act-meps-adopt-landmark-law (дата обращения 23.10.2025).

441 Эстония и Финляндия перешли на новый пограничный контроль // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/10/2025/68ebe8b19a79471ad06a7209 (дата обращения: 22.10.2025).

охранительных органов. Формируя комплексный профиль для проверки лиц, *EES* интегрируется с другими европейскими базами данных, например Шенгенской информационной системой (*SIS*)[442], что способствует усилению безопасности внутри всего шенгенского пространства.

В частном секторе биометрия ограниченно используется для разблокировки устройств (при помощи *Face ID* и отпечатков пальцев) и биометрической аутентификации в банковских приложениях. В соответствии с *GDPR* подобные обработка и сбор персональных данных возможны лишь при наличии явного и добровольного согласия пользователя, а также конкретной, весомой цели со стороны контроллеров данных.

Таким образом, в основе европейского подхода лежит безусловный приоритет этико-правовых норм над технологическим развитием, что исключает использование биометрических данных для массового контроля. Поскольку данный подход представляет лишь одну из мировых моделей, для полноты анализа необходимо обратиться к практике использования биометрических данных в Российской Федерации.

В России формирование правовой и технологической экосистемы для применения биометрических данных находится на стадии активного развития, включая в себя черты как прагматичного подхода, так и поиска баланса между интересами государства и правами граждан. Согласно исследованию ВЦИОМ, внедрение биометрии получает значительную поддержку среди молодежи (более 76%), которая готова ее использовать на повседневной основе – от аренды транспорта до онлайн-кредитования[443].

Центральным элементом в развитии цифровой идентичности в России выступает Единая биометрическая система (далее – ЕБС), созданная по инициативе Банка России и Минцифры России. Ее функционал направлен на обеспечение удаленной идентификации граждан при получении финансовых и государственных услуг. По данным Минцифры России, число зарегистрированных пользователей в ЕБС за последний год выросло почти в 4 раза, до 7 миллионов человек[444]. Параллельно с ЕБС биометрия активно используется правоохранительными органами в рамках систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, в первую очередь в общественных пространствах и на транспорте (например, проект «Безопасный город»)[445].

---

442 Schengen Information System // European Commission : сайт. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/schengen-information-system_en (дата обращения: 24.10.2025).

443 Биометрия – новый стандарт безопасности? // Аналитический центр ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-novyi-standart-bezopasnosti?ysclid=mh3isp4f8t636349181 (дата обращения: 24.10.2025).

444 Число зарегистрированных в ЕБС за год выросло в четыре раза // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20250730/chislo-2032326999.html. (дата обращения 22.10.2025).

445 *Кофман Д. В.* Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в целях выявления и раскрытия преступлений // Молодой ученый. 2023. № 38 (485). С. 117. URL: https://moluch.ru/archive/485/106114.

Несмотря на широкое распространение, в Российской Федерации регулирование биометрических данных на федеральном уровне характеризуется фрагментарностью и отсутствием специализированного законодательства. Так, Федеральный закон «О персональных данных»[446] только закрепляет понятие биометрических персональных данных, а Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»[447] лишь устанавливает правовые рамки для обработки биометрических данных.

В данном случае не находят отражения вопросы процессуальных гарантий и защиты прав субъектов данных. Остаются неурегулированными порядок оспаривания автоматических решений, принятых на основе биометрии, механизмы информирования граждан о факте их обработки в публичных местах, а также четкие ограничения по срокам хранения таких данных.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать вывод, что биометрические данные приобретают статус ключевого ресурса в процессе модернизации государственного управления, способствуя его автоматизации и повышению эффективности, однако подходы к их регулированию существенно различаются: от модели тотального контроля в Китае, ограниченного прагматизма в России до абсолютного приоритета защиты прав человека в ЕС. Таким образом, основным вызовом современности для национальных правовых систем выступает достижение сбалансированности между операционной эффективностью и гарантией фундаментальных прав и свобод личности.

Список использованной литературы

1. *Баннов, А. В.* Биометрические данные как новый вызов для законодательства: безопасность и права человека / А. В. Баннов // Молодой ученый. – 2025. – № 24 (575). – С. 318–320. – URL: https://moluch.ru/archive/575/126533.
2. *Кофман, Д. В.* Использование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» в целях выявления и раскрытия преступлений / Д. В. Кофман // Молодой ученый. – 2023. – № 38 (485). – С. 117–120. – URL: https://moluch.ru/archive/485/106114.

---

446 О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета. 2006. 29 июля.

447 Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 янв.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Омар Михайлович Полатов
студент 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
polatttov@mail.ru

Аннотация. В данной статье особое внимание уделяется государствам, где реализация концепции «электронного государства» привела к созданию цифровой экосистемы. Показаны достижения и проблемные вопросы в реализации проектов электронного государства в различных юрисдикциях, в том числе в России. Изучен потенциал систем генеративного искусственного интеллекта (*GenAI*) для повышения эффективности системы государственного управления. Описываются ключевые возможности внедрения *GenAI*.

Ключевые слова: электронное государство; цифровая трансформация; государственные услуги; искусственный интеллект; цифровое неравенство; гражданская служба; кибербезопасность.

В настоящее время в России достигнуты существенные успехи в создании электронного государства, в цифровой трансформации различных сторон государственного управления.

Портал «Госуслуги», электронное правосудие, цифровой финансовый и налоговый контроль, электронные закупки, справочные информационные системы и многое другое позволяет отнести Россию к одним из самых высокотехнологичных государств в мире.

Достигнут значительный прогресс в процессе информационного обмена между органами государственной исполнительной власти посредством реестрового взаимодействия, включения в эту систему банков, Федеральной таможенной службы, обмена информацией со странами – участниками Евразийского экономического союза.

Москва и Санкт-Петербург входят в мировой рейтинг умных городов «*Smart City*». Умный город – это городская территория, где технологии и сбор

данных способствуют повышению качества жизни горожан, а также устойчивости и эффективности управления всеми сторонами деятельности. Технологии умного города, используемые местными органами власти, включают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и интернет вещей (ИВ). Области городской деятельности, где ИКТ, ИВ и другие интеллектуальные технологии играют все более важную роль, включают транспорт, энергетику и инфраструктуру. По мере того, как город обновляет свои системы и структуры для внедрения этих технологий, он становится умнее. Однако вопрос о том, какие именно города следует считать умными, остается предметом дискуссий. И тем ценнее успехи российских городов в этом направлении.

Сингапур, где последнее десятилетие успешно развивается проект «Умная нация» (*Smart Nation*), готовится к переходу на новый проект, где само название «Мудрая нация» (*Wise nation*) символизирует постановку целей, направленных на более тесное взаимодействие права, технологий, государства и гражданского общества. В Сингапуре технологии используются не разрозненно, а последовательно и комплексно. План «умной нации» запущен, чтобы в полной мере использовать преимущества технологий в государственном управлении, экономике и в обществе. Как и в России, в Сингапуре достижения связаны с развитием цифрового банкинга, с влиянием безналичного денежного обращения, с внедрением цифровых финансовых активов и виртуальных валют.

Практически все государственные услуги являются цифровыми. Это электронная подача документов в налоговую службу, паспортные услуги, выдача книг в национальной библиотеке. Все эти процессы являются высокотехнологичными в Российской Федерации.

В Сингапуре внедряется все больше приложений для парковки, бронирования и покупки квартир, медицинских услуг. Представляется актуальным развитие электронного нотариата с учетом острых потребностей российского рынка недвижимости.

Интересны подходы правительства Сингапура в части развития цифровых ресурсов в жилищно-коммунальном секторе; установление датчиков в лифтах и водяных насосах позволяет городским советам немедленно получать уведомления о возникновении неполадок и устранять их. Пандемия *COVID*-19 способствовала развитию цифровых инфраструктур во всех цивилизованных государствах. В России импульс развития получило не только дистанционное образование, но и инфраструктуры современного образовательного учреждения.

Цифровая инфраструктура Сингапура позволила не только предприятиям продолжать работу, а студентам – учиться. Была запущена специальная программа по отслеживанию контактов, онлайн-записи на вакцинацию. В университетах, школах активно развиваются проекты, связанные с освоением цифровых навыков группами обучающихся различных возрастных групп.

В России и в Сингапуре почти одновременно стали развиваться проектные решения, направленные на развитие электронного правосудия. Еще в 2012 г. советник Президента РФ по правовым вопросам В. Ф. Яковлев отмечал: «Мне

нравится, что внедряются современные технические средства, развивается электронное правосудие. Оно действительно помогает преодолевать расстояния, экономить людям деньги и время»[448].

В качестве примеров элементов электронного правосудия можно привести такие, как подача исков, регистрация заявлений, представление отзывов на иски в электронном виде, электронное судебное дело, движение этого дела из суда в суд в электронной форме, заседания с помощью видеоконференций. Сюда же можно отнести отправку дополнительных уведомлений через интернет на электронный адрес или посредством *SMS*-сообщений.

Один из выдающихся пионеров отрасли информационного права, теоретик права, А. Б. Венгеров, информационную функцию государства расширил до утилитарного информационного обслуживания (библиотечного, справочного, кодификационного)[449].

Речь шла о некоторой новой информационной стадии развития общества, которое может быть названо информационным обществом, где основным предметом труда большей части людей являются информация и знания, а орудием труда – информационные технологии. Существующие общественные отношения во многом определяются именно этим обстоятельством. В новых условиях государственные структуры призваны решать задачи по созданию эффективной системы обеспечения прав граждан, в том числе в сфере отправления правосудия.

Именно на эти процессы были направлены все стратегические решения в данной области, начиная со Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации;[450] реализации положений Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

На это направлены также современные программные документы, нацеленные на обеспечение открытости судебной власти.

Прогрессивное развитие электронного правосудия способствует укреплению уже сформировавшейся самостоятельной информационной функции государства.

Безусловно, эти процессы нельзя рассматривать в отрыве от развития самих технологий. Так, в настоящее время повсеместно развиваются технологии генеративного искусственного интеллекта (*GenAI*). Эти технологии способны создавать новый контент на основе обработки больших данных. Эти системы способны помочь государственным служащим выполнять их различные задачи. Так, на основе искусственного интеллекта более эффективно принимаются

---

448 См.: http: //www.rg.ru/2012/01/31/chest.html.

449 См. об этом подробнее: *Казачкова З. М., Аносов А. В.* Электронное правосудие: синтез права, технологических прорывов и процессуальных инструментов // Информационное право. 2015. № 4. С. 13–16.

450 Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212 // Российская газета. 2008. 16 февр.

решения по обеспечению безопасности дорог для пешеходов, велосипедистов и скутеров (США). Испания и Дания рассматривают возможности использования искусственного интеллекта для продвижения языков программирования. Еврокомиссия разработала инструмент, известный как «электронный перевод».

Данные инструменты проникают во все виды административной деятельности, в том числе помогают государственным служащим в решении их повседневных задач.

В целом, передовые новые технологии требуют нового качества подготовки специалистов, способных решать новые вызовы и задачи в режиме обеспечения безопасности.

Список использованной литературы

1. *Казачкова, З. М.* Электронное правосудие: синтез права, технологических прорывов и процессуальных инструментов / З. М. Казачкова, А. В. Аносов // Информационное право. – 2015. – № 4. – С. 13–16.
2. *Abderrazak, S.* Digital Local Administration as a Mechanism for Improving Public Services // International Journal of Early Childhood Special Education. – 2023. – Vol 15, Issue 5.
3. United Nations. E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government and Public Services. – New York: UN, 2022. – 250 p.

МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ «ПАК ПМ»

Евгения Константиновна Тихонова
студентка 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
zekahappy@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется эффективность программно-аппаратного комплекса «Помощник Москвы» как инструмента цифрового контроля в сфере административных правоотношений. Отмечается проблема нарушения порядка привлечения к административной ответственности при использовании результатов фиксации нарушений с помощью указанного мобильного приложения. Вследствие этого автор приходит к выводу о том, что использование уполномоченными органами информации, полученной через «Помощник Москвы», не приводит к сокращению количества административных правонарушений.

Ключевые слова: цифровой контроль; административное правонарушение; цифровизация; мобильное приложение; административная ответственность.

В эпоху цифровизации возникает необходимость в совершенствовании методов контроля со стороны государства в целях поддержания законности и правопорядка. Одним из таких методов является контроль с использованием цифровых технологий. Мобильные приложения являются в настоящее время основным инструментом цифрового контроля.

При этом, как справедливо отмечает Е. Н. Смирнова: «одним из важнейших вопросов, требующего внимания как законодателя, так и исследователей, является вопрос обеспечения соблюдения прав и свобод личности в цифровом пространстве в целом, и органами исполнительной власти при осуществлении цифрового контроля, в частности»[451].

---

[451] *Смирнова Е. Н.* Обеспечение соблюдения прав и свобод личности при осуществлении органами исполнительной власти цифрового контроля // NB: Административное право и практика администрирования. 2021. № 3. С. 38.

Программно-аппаратный комплекс «Помощник Москвы» (далее – «ПАК ПМ», «Помощник Москвы») является мобильным приложением, с помощью которого любое лицо, прошедшее регистрацию, на территории города Москвы может фиксировать с помощью камеры своего мобильного телефона нарушения в области дорожного движения, а также в области благоустройства города.

«Помощник Москвы» появился в 2015 г., целью его разработки является сокращение числа административных правонарушений. Указанное приложение доступно для скачивания на таких платформах, как *App Store, Google Play, Huawei AppGallery, RuStore.*

Сведения о зафиксированных нарушениях посредством «ПАК ПМ» в автоматическом режиме передаются в органы, уполномоченные возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях.

Затем нарушитель получает постановление по делу об административном правонарушении с приложением фотоматериалов, полученных с применением «ПАК ПМ» в качестве средства, работающего в автоматическом режиме, с указанием заводского номера и сведений о поверке.

В силу ч. 1 ст. 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения и административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершенные с использованием транспортных средств, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств.

Уполномоченный орган, руководствуясь ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, протокол об административном правонарушении не составляет, постановление по делу об административном правонарушении выносит без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, и оформляет в порядке, предусмотренном ст. 29.10 КоАП РФ.

Между тем указанный порядок привлечения к административной ответственности не соответствует действующему законодательству ввиду следующего.

Согласно п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», под автоматическим режимом следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному марш-

руту транспортном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица[452].

При этом фиксация административного правонарушения с использованием средства фотосъемки «ПАК ПМ» не происходит в автоматическом режиме, поскольку осуществляется при помощи фотокамеры телефона с участием человека.

Вследствие этого большинство постановлений, вынесенных при применении особого порядка привлечения к административной ответственности, были отменены в судебном порядке.

После принятия вышеизложенного Постановления Пленума ВС РФ «Помощник Москвы» был обновлен: пользователям нужно навести камеру, однако не нужно прикасаться к экрану, чтобы зафиксировать государственный регистрационный номер автомобиля; приложение самостоятельно определяет время фиксации и адрес местонахождения пользователя с помощью функции геолокации; фотографии нарушения также происходят автоматически при обеспечении неподвижного положения телефона.

Представляется, что и после обновления «ПАК ПМ» не исключено участие человека в фиксации административного правонарушения, функция геолокации не всегда с точностью определяет местоположение смартфона, вследствие чего передача данных при фиксации административных правонарушений с помощью мобильного приложения уполномоченным органам может содержать недостоверную информацию. Кроме того, фиксация происходит хоть и с помощью сертифицированного мобильного приложения, но все-таки с использованием смартфона, который не является специальным техническим средством по смыслу ч. 1 ст. 26.8 КоАП РФ по причине того, что не имеет соответствующей сертификации и не проходит поверок.

Данная позиция подтверждается свежей судебной практикой, постановления, основанные на данных, полученных посредством «ПАК ПМ» и вынесенные при применении особого порядка привлечения к административной ответственности, отменяются, производства по делам об административных правонарушениях прекращаются[453], вследствие чего предупредительная и превентивная функции юридической ответственности так и остаются нереализованными.

---

[452] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

[453] См., например, Решение Бутырского районного суда от 16 июля 2024 г. по делу № 12-889/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/services/cases/appeal-admin/details/ffa92510-2fa1-11ef-8902-eb782526ee21?caseNumber=12-889/2024 (дата обращения: 19.10.2025);

Стоит также затронуть вопрос о нравственной стороне фиксации гражданами нарушений для сообщения государственным органам. Большинство авторов поддерживает точку зрения о том, что такая деятельность должна рассматриваться как выполнение общественного долга. Например, А. В. Амеличкин предлагает внести изменения в КоАП РФ в части охраны данных лиц наряду с сотрудниками правоохранительных органов[454]. Э. В. Сухов рассматривает указанный вопрос с точки зрения наличия в «ПАК ПМ» системы виртуальных достижений и считает, что «большая часть таких информаторов, делает это бескорыстно – хамство и игнорирование правил дорожного движения на дорогах заставило многих наших сограждан воспользоваться предоставленной возможностью, а не желанием получить бесплатные футболку или билет в кино»[455].

Таким образом, в настоящее время эффективность мобильного приложения «Помощник Москвы» как инструмента цифрового контроля в сфере административных правонарушений носит условный характер. «ПАК ПМ» может стать эффективным средством цифрового контроля в сфере административных правоотношений лишь при строгом соблюдении уполномоченными органами порядка привлечения к административной ответственности, отводя данным, полученным посредством мобильного приложения, роль доказательства совершения административного правонарушения.

Список использованной литературы

1. *Амеличкин, А. В.* К вопросу о мерах административно-правовой защиты лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в форме информирования о правонарушениях / А. В. Амеличкин // Полицейская деятельность. – 2019. № 3. – С. 20–25.

Решение Симоновского районного суда от 28 мая 2025 г. по делу № 12-1220/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/appeal-admin/details/292df110-0ffb-11f0-95db-afbe028b660b?caseNumber=12-1220/2025 (дата обращения: 19.10.2025); Решение Зеленоградского районного суда от 23 сентября 2025 г. по делу № 12-480/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/appeal-admin/details/e7770160-518d-11f0-97cc-8dbb9eacfb40?caseNumber=12-480/2025 (дата обращения: 19.10.2025).

454 *Амеличкин А. В.* К вопросу о мерах административно-правовой защиты лиц, оказывающих содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в форме информирования о правонарушениях // Полицейская деятельность. 2019. № 3. С. 24–25.

455 *Сухов Э. В.* Неопределенность правового положения «информаторов» за вознаграждение в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-pravovogo-polozheniya-informatorov-za-voznagrazhdenie-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 19.10.2025).

2. *Смирнова, Е. Н.* Обеспечение соблюдения прав и свобод личности при осуществлении органами исполнительной власти цифрового контроля / Е. Н. Смирнова // NB: Административное право и практика администрирования. – 2021. – № 3. – С. 37–44.
3. *Сухов, Э. В.* Неопределенность правового положения «информаторов» за вознаграждение в Российской Федерации / Э. В. Сухов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-pravovogo-polozheniya-informatorov-za-voznagrazhdenie-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 19.10.2025).

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ЦИФРОВОМ КОНТРОЛЕ В МИРЕ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анастасия Павловна Филиппова
студентка 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Anasta.filipp0wa@yandex.ru

Аннотация. Искусственный интеллект (ИИ) оказывает существенное влияние на прогресс в государственном секторе и экономике, стимулируя рост продуктивности, открытости и оперативности в принятии управленческих решений. В государственном секторе ИИ способствует автоматизации стандартных операций. Правительственные структуры используют методы машинного обучения для предсказания социально-экономических изменений, регулирования кризисных ситуаций и оптимального распределения финансовых ресурсов. ИИ играет ключевую роль в укреплении безопасности, позволяя обнаруживать случаи мошенничества, анализировать риски и повышать уровень защиты от массовых киберугроз, которые на сегодняшний день составляют одну из ключевых угроз национальной безопасности для каждого государства.

Ключевые слова: цифровизация; информационное общество; цифровой государственный контроль; государственное управление; искусственный интеллект; национальная безопасность.

Концепция государственного управления, ориентированная на цифровизацию ключевых процессов, направлена на создание электронных платформ государственного управления. Государство выступает в роли главного связующего звена действий вовлеченных сторон.

Единая цифровая среда создает условия для достижения приоритетных целей социально-экономического развития страны. Одним из ведущих и инновационных направлений цифровой трансформации является внедрение искусственного интеллекта в процессы цифрового управления и контроля на всем правовом пространстве Российской Федерации.

Цифровой государственный контроль – это синтез инструментов, обеспечивающих при использовании информационных технологий дистанционный

сбор данных о параметрах деятельности подконтрольных лиц. Цифровой контроль позволяет системно отследить релевантность функционирования производственных объектов в заданных правовых рамках, осуществить автоматический анализ собранных данных, их проверку на соответствие обязательным требованиям, выявить нарушения правовых норм.

В области осуществления государством контрольно-надзорной деятельности технологии ИИ развиваются по следующим направлениям: планирование и прогнозирование, принятие управленческих решений при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Данный подход основан на том допущении, что интеллектуальные системы способны значительно оптимизировать процесс планирования проверок.

Искусственному интеллекту подвластен анализ больших объемов данных (*Big Data*), выявлении сложных причинно-следственных зависимостей и закономерностей, которые при обычном анализе могут быть оставленными без внимания. Есть неограниченные технологические возможности в процессе прогнозирования потенциальных угроз на контролируемых объектах, что позволяет своевременно реагировать на возможные риски и минимизировать негативные последствия.

Технологии искусственного интеллекта в стандартных процессах, связанных с контролем и надзором, целесообразно применять для анализа соответствия лицензионным условиям. Неограниченные возможности интеграции цифровых систем контроля с интернетом вещей (*IoT*). Интеллектуальные датчики и подключенное оборудование собирают данные в ходе производственных процессов, которые могут быть проанализированы цифровыми системами контроля; обеспечить безопасность сотрудников органа, проводящего контрольные мероприятия. Дополненная реальность (*AR*) становится мощным инструментом в цифровой проверке, особенно в обучении и помощи инспекторам в режиме реального времени. Применение технологий ИИ служит для снижения коррупциогенных рисков, а также определения степени субъективной оценки в ходе реализации контрольно-надзорных мероприятий, что позволяет принятие должностными лицами контрольно-надзорных органов наиболее эффективных управленческих решений, сокращая при этом их субъективное административное усмотрение. Значительное число консультаций от органов государственной власти, осуществляющих контрольную деятельность по возникающим вопросам, уже оптимизировано с помощью внедрения чат-ботов; что соответствует духу Перечня поручений Президента РФ от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 и от 29 января 2023 г. № Пр-172 по итогам конференций по технологиям искусственного интеллекта.

Президент РФ В. В. Путин неоднократно заявлял о приоритетном значении принятия федеральных законов, предусматривающих возможность установления в отдельных отраслях экономики экспериментальных правовых режимов; принятия мер, в том числе налоговых, для стимулирования инвестиционной деятельности организаций, для достижения цифровой зрелости.

Понятие «искусственный интеллект» содержится в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490. Данный акт определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. На региональном уровне в нашей стране пока еще существует существенный разрыв с точки зрения использования ИИ. Однако уже есть технологические лидеры по использованию ИИ в региональных органах исполнительной власти, например, платформы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа, впечатляют достижения города Москвы, занявшего второе место в мировом рейтинге «*Smart City*», уступив только Сингапуру.

Наиболее часто ИИ в региональных органах исполнительной власти используется в обеспечивающих деловых процессах, хотя не исключается его применение в основных управленческих процессах. Однако для масштабной трансформации государственного управления в регионах необходимо более активное применение ИИ в основных административных процессах.

Одними из самых актуальных ИИ-инструментов, используемых региональными органами исполнительной власти, стали распознавание и синтез речи, применение компьютерного зрения, обработка естественного языка, интеллектуальная поддержка принятия решений, построение больших генеративных перспективных моделей с помощью ИИ.

Изучение подходов к правовому регулированию искусственного интеллекта в Российской Федерации и в передовых зарубежных государствах вскрывает определенные технологические и правовые резервы.

Как видим, уже сформирован нормативный базис, включающий ряд ключевых нормативных правовых актов[456]. Создана нормативная база Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[457]; сформированы «умные» программные и проектные решения в рамках национальной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства»[458]; концептуальные подходы[459]; в том числе по защите персональных данных[460]; «регуляторные песочницы» и многое другое.

---

456 Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3438.

457 Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года : Указ Президента от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

458 Федеральный проект «Искусственный интеллект» (в рамках национальной программы «Экономика данных и цифровая трансформация государства») // СПС «КонсультантПлюс».

459 Концепция регулирования ИИ, утвержденная Распоряжением Правительства РФ № 2129-р 6 и выделяющая приоритетные сферы (здравоохранение, транспорт) (СПС «КонсультантПлюс»).

460 О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

В Сингапуре, где с 2014 г. развивается проект «Умная нация» (*Smart Nation*), на протяжении десятилетия проведены системные кардинальные преобразования, в том числе использование искусственного интеллекта для чтения (расшифровки) и анализа рентгеновских изображений контейнеров[461].

Среди основных функций, которые выполняет ИИ в государственном управлении США, выделяется цифровая поддержка и помощь в деятельности государственных чиновников[462]. В Объединенных Арабских Эмиратах возникла инициатива делегирования функции законотворчества искусственному интеллекту. Власти страны рассчитывают, что использование ИИ позволит сократить время разработки законов на 70%[463].

Важным достижением Италии в области применения технологий ИИ является принятие нормативного акта, регулирующего использование искусственного интеллекта, предусматривающего тюремное заключение для тех, кто использует эту технологию во вред, нанося ущерб детскому здоровью; содержащего правовые средства для противодействия созданию и использованию дипфейков[464].

Как видим, эра искусственного интеллекта полна достижений и порожденных ими вызовов. Поэтому роль профессии юриста, его правозащитной миссии многократно увеличивается и в глобальном, и в локальном измерении.

Список использованной литературы

1. *Арабян, М. С.* Цифровизация как приоритетный инструмент совершенствования таможенного администрирования на примере ЕАЭС / М. С. Арабян, К. М. Гильманова // Таможенное дело. – 2019. – № 4. – С. 17–21.
2. *Алферова, Е. В.* Нормативные подходы Европейского союза и Соединенных Штатов Америки к регулированию искусственного интеллекта: сравнительные аспекты / Е. В. Алферова, Е. В. Скурко // АПЕ. – 2025. – № 2 (126).

---

461 См.: *Арабян М. С., Гильманова К. М.* Цифровизация как приоритетный инструмент совершенствования таможенного администрирования на примере ЕАЭС // Таможенное дело. 2019. № 4. С. 17–21.

462 См.: Алферова Е. В., Скурко Е. В. Нормативные подходы Европейского союза и Соединенных Штатов Америки к регулированию искусственного интеллекта: сравнительные аспекты // АПЕ. 2025. № 2 (126).

463 Харб : сайт. URL: https://habr.com/ru/news/902842/ (дата обращения: 14.10.2025).

464 The Guardian : сайт. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/sep/18/italy-first-in-eu-to-pass-comprehensive-law-regulating-ai (дата обращения: 14.10.2025).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Лия Рафаэльевна Шафиева
студентка 2-го курса магистратуры
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
shafieva0202@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена переходом России к модели цифрового государственного управления, в рамках которой особое значение приобретает усовершенствование прозрачности и эффективности контрольно-надзорных процедур. Целью исследования является выявление основных направлений цифровизации контрольно-надзорной деятельности государства. Для этого проанализирован ряд изменений в законодательстве о контрольно-кассовой технике, а также сделан вывод об эффективности цифровой трансформации в России.

Ключевые слова: цифровизация; контроль; государство; контрольно-кассовая техника; регистрация.

Контрольно-надзорная деятельность – один из важнейших инструментов государственного управления, направленный на соблюдение закона, защиту прав граждан и обеспечение общественной безопасности[465]. С развитием технологий и переходом к цифровому государству модернизация системы контрольно-надзорной деятельности стала необходимым шагом для повышения ее эффективности, прозрачности и результативности.

Для России процесс цифровизации контрольно-надзорной деятельности особенно актуален: растущие объемы данных, усложнение хозяйственных связей, международные вызовы (уклонение от налогов, трансграничные потоки) требуют создания новых подходов, основанных на *IT*-решениях, автоматизации и анализе больших данных[466].

---

[465] См.: *Рождественская Т. Э.* К вопросу о соотношении понятий «надзор и контроль в праве» // Юридическая практика. 2021. № 9. С. 95–96.

[466] См.: *Хаджиев Д. Р.* Роль контроля и надзора в государственном управлении // Молодой ученый. 2024. № 49 (548). С. 653–655.

Традиционный формат осуществления контроля – бумажные документы, выездные проверки, длительное согласование – больше не соответствует требованиям времени[467]. Цифровизация позволяет:

1) снизить административную нагрузку на бизнес;

2) ускорить процессы обработки информации и принятия решений;

3) минимизировать коррупционные риски за счет автоматизации;

4) повысить прозрачность и предсказуемость контрольных мероприятий;

5) перейти к риск-ориентированной модели надзора, где внимание сосредоточено на наиболее уязвимых и значимых участках.

На данный момент в России уже реализуются и развиваются направления и практики по цифровизации контрольно-надзорной деятельности. Так, в 2025 г. произошел ряд изменений в Федеральном законе «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации»[468] (далее – закон о ККТ). Целью изменений закона о ККТ является оптимизация работы предпринимателей с контрольно-кассовой техникой на всех этапах, от регистрации аппарата до передачи чека.

В последних изменениях закона о ККТ появился дополнительный способ передачи электронного чека покупателю. С согласия клиента это можно делать через сервис Федеральной налоговой службы (далее – ФНС) «Мои чеки онлайн». Но для этого продавцу до момента расчета должны быть известны номер телефона или электронная почта покупателя: на основании этих данных клиент и получит свой чек в ресурсе ФНС. Такой способ позволит сократить расходы на печать бумажных чеков и на связь при направлении электронных документов покупателю.

Также процедура регистрации контрольно-кассовой техники (далее – ККТ) была упрощена в рамках реализации закона о ККТ. До внесения изменений регистрация кассового аппарата проходила следующим образом. После приобретения кассового аппарата владелец бизнеса должен был провести его настройку и подготовить необходимые документы. Затем следовало обратиться лично в налоговую инспекцию с заявлением на регистрацию кассового аппарата. Это могло занять значительное количество времени и потребовать личного присутствия предпринимателя или уполномоченного лица. После проверки документов налоговый инспектор присваивал аппарату уникальный регистрационный номер и вносил запись в реестр. Далее предпринимателю необходимо было вызвать специалиста сервисного центра для фискализации аппарата, после которой устройство начинало выдавать чеки с указанием реквизитов налогоплательщика.

---

467 См.: *Ткачева Н. В.* Цифровые технологии в организации судебной и правоохранительной деятельности. М., 2025. С. 56–57.

468 О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 мая 2003 г. (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 21. Ст. 1957.

Теперь же процедура регистрации ККТ значительно упростилась благодаря цифровизации процесса и внедрению онлайн-сервисов налоговой службы. Стала возможной регистрация через личный кабинет налогоплательщика на сайте ФНС. Для этого достаточно заполнить электронную форму и приложить сканированные копии необходимых документов. Система автоматически генерирует регистрационный номер, который отображается в личном кабинете сразу после обработки заявления. Больше не требуется личное присутствие в инспекции, вся процедура теперь проходит дистанционно. А также налоговая служба разработала новые формы отчетов, которые позволяют быстро получать необходимую информацию о работе кассового оборудования. Усовершенствование регистрации контрольно-кассовой техники ускорило процесс обработки информации, что значительно сократило количество времени на всех этапах процедуры.

Таким образом, цифровизация контрольно-надзорной деятельности в России является не просто технологическим процессом, а глубокой системной трансформацией государственного управления. Она направлена на формирование более открытой, прозрачной и ориентированной на результат модели взаимодействия государства и общества. В перспективе успешная реализация цифровой реформы контрольно-надзорной деятельности позволит не только повысить качество государственного контроля, но и укрепить доверие граждан и бизнеса к институтам власти, обеспечив устойчивое развитие страны в цифровую эпоху.

Список использованной литературы

1. *Рождественская, Т. Э.* К вопросу о соотношении понятий «надзор и контроль в праве» / Т. Э. Рождественская // Юридическая практика. – 2021. – № 9. – URL: https://eurasialaw-journal.ru/2024g/11-198-2024g.html.
2. *Ткачева, Н. В.* Цифровые технологии в организации судебной и правоохранительной деятельности / Н. В. Ткачева. – М., 2025.
3. *Хаджиев, Д. Р.* Роль контроля и надзора в государственном управлении / Д. Р. Хаджиев // Молодой ученый. – 2024. – № 49 (548). – URL: https://moluch.ru/archive/548/120068.

Проблемы правового регулирования предпринимательских и корпоративных правоотношений в условиях цифровизации

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ПРИ ПРИОБРЕТЕНИИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ МАТЕРИНСКОГО (СЕМЕЙНОГО) КАПИТАЛА

Татьяна Юрьевна Астапова
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Astapova.T@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье устанавливается, что в целях защиты прав несовершеннолетних лиц необходимо возложить на Социальный фонд России обязанность по контролю за своевременностью исполнения лицами, получившими государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, письменного обязательства оформить жилое помещение в общую собственность лица, получившего сертификат на материнский капитал, его супруга, детей. Доказывается необходимость обязательного внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о приобретении жилого помещения с использованием средств материнского капитала.

Ключевые слова: жилое помещение; реестр недвижимости; материнский капитал; доля; несовершеннолетние лица; имущественные права; семья; защита.

Социально-экономические изменения в России повлекли за собой обновление системы законодательства. Одним из ключевых ориентиров для преобразований послужило направление на укрепление института семьи как фундаментальной основы российского общества. В соответствии с ним были выработаны различные меры поддержки, например, получение государственного сертификата на материнский (семейный) капитал (далее по тексту – материнский капитал), владельцы которого впра-

ве направлять полученные денежные средства на улучшение жилищных условий[469].

К сожалению, анализ правоприменительной практики в указанной области нередко выявляет совершение действий в обход закона с противоправной целью. Речь идет об обналичивании денежных средств путем оформления договора займа с последующим погашением долга за счет средств материнского капитала на несуществующее строительство жилья, приобретение непригодного для проживания помещения по завышенной цене[470] или жилой недвижимости, которая в преддверии получения указанной меры поддержки была притворно отчуждена с целью последующего приобретения за счет средств материнского капитала[471] и др. Безусловно, такое расходование денежных средств, полученных на улучшение жилищных условий, влечет незаконное обогащение, нарушая права и законные интересы не только Российской Федерации[472], но и, в первую очередь, несовершеннолетних детей.

В целях пресечения противоправного поведения законодатель систематически вносит изменения в нормативные правовые акты. Например, для предотвращения использования средств материнского капитала на покупку жилья, непригодного для проживания, ч. 2 ст. 8 Закона о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, была дополнена положением об обязательном предоставлении решения о признании жилого помещения пригодным для проживания[473].

Между тем вышеуказанный перечень случаев нарушения прав несовершеннолетних лиц при реализации средств материнского капитала не является исчерпывающим. Необходимо обратить внимание на тот факт, что закон обязывает владельца сертификата и его супруга оформить жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского капитала, в общую собственность всех членов семьи, включая детей. Ввиду того, что законодатель не предусматривает обязанность Социального фонда России контролировать ее исполнение, о чем не раз отмечалось в материалах судебной практики[474],

---

469 О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

470 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2021 г. по делу № 88-4359/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

471 Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13 сентября 2023 г. по делу № 88А-8237/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

472 Заочное решение Промышленного районного суда города Владикавказа от 20 марта 2025 г. по делу № 2-570/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

473 О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» : Федеральный закон от 26 декабря 2024 г. № 495-ФЗ // Российская газета. 2024. № 297.

474 Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2023 г. по делу № 88-22954/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

недобросовестные владельцы сертификата игнорируют взятые на себя обязательства.

В вышеуказанных случаях органы прокуроры, действуя в интересах несовершеннолетних детей, как правило, заявляют требования о защите имущественных прав путем регистрации права общей долевой собственности на недвижимое имущество. Например, решением суда заявленные в интересах несовершеннолетнего лица исковые требования прокурора города Черняховска к У. об обязании зарегистрировать жилое помещение в общую долевую собственность ответчика и его несовершеннолетнего ребенка были удовлетворены[475]. Или в случае установления факта отчуждения такого имущества без исполненной обязанности с последующим приобретением иного органы прокуратуры требуют возложение обязанности выделить долю в праве собственности в новом жилом помещении. Так, судом было установлено, что К. В. использовал средства материнского капитала на приобретение квартиры и, не исполнив обязательство оформить имущественные права несовершеннолетних членов своей семьи, продал ее. Вместе с тем суд отметил, что действующая редакция законодательства, подлежащая применению к данным правоотношениям, допускает выделение долей не только в том жилом помещении, на приобретение или строительство которого непосредственно были направлены средства материнского капитала, но и в ином жилье, находящемся в собственности лица, использовавшего эти средства[476].

Наконец, среди заявленных требований правоохранительные органы нередко требуют признать сделку, совершенную с приобретенным за счет материнского капитала жилым помещением исключительно с целью уклонения от выдела доли в праве собственности несовершеннолетних лиц, недействительной. Так, суд отметил, что безвозмездная сделка, заключенная между отцом и сыном, привела лишь к формальной утрате права собственности на жилое помещение, приобретенное за счет средств материнского капитал, а именно: продавец сохранил регистрацию по данному адресу, он фактически продолжает в нем постоянно проживать, получать по месту такого проживания медицинские и социальные услуги, нести расходы на его содержание. На основании вышеизложенного суд пришел к выводу, что сделка совершена лишь для вида, без реального намерения создавать соответствующие правовые последствия, а потому является ничтожной[477].

Как видно, при разрешении гражданско-правовых споров указанной категории осложняет ситуацию то обстоятельство, что действующее законодательство не содержит прямых ограничений на распоряжение жильем, приоб-

---

475 Решение Черняховского городского суда Калининградской области от 19 сентября 2024 г. по делу № 2-789/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

476 Решение Ленинского районного суда г. К. от 12 августа 2022 г. по делу № 33-4817/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

477 Апелляционное определение Кировского областного суда от 8 ноября 2022 г. по делу № 33-4817/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

ретенным с использованием средств материнского капитала, до реализации обязанности оформить жилое помещение в общую собственность всех членов семьи, в том числе детей. Последнее создает возможность для недобросовестных собственников отчуждать такое имущество третьим лицам, не исполнив при этом обязательства по оформлению жилого помещения в общую долевую собственность всех членов семьи[478].

Безусловно, в такой ситуации, преследуя защиту прав и интересов Российской Федерации, как правило, заявляются требования о взыскании сумм неосновательного обогащения. Так, в ходе проведенных проверочных мероприятий было установлено, что Е. продала квартиру, приобретенную с использованием средств материнского капитала, не исполнив при этом установленную законом обязанность по оформлению жилого помещения в общую долевую собственность всех членов семьи. Поскольку средства материнского капитала были использованы не по целевому назначению, то есть не на улучшение жилищных условий детей и семьи в целом, то действия Е. привели к незаконному обогащению за счет бюджетных средств. Это повлекло нарушение прав и законных интересов Российской Федерации как собственника указанных денежных средств. В связи с этим суд установил, что сумма материнского капитала в размере 524 527 руб., направленная на оплату приобретаемого жилья, подлежит возврату в бюджет РФ[479].

Кроме этого, опираясь на вывод Президиума Верховного Суда РФ о том, что объект недвижимого имущества, приобретенный с использованием средств материнского капитала, находится в общей долевой собственности супругов и детей[480], в судебной практике можно встретить требования о признании сделки, направленной на отчуждение третьим лицам жилого помещения, приобретенного с привлечением средств материнского капитала, без исполненной обязанности выделения долей несовершеннолетним членам семьи, недействительной. Так, суд установил, что цели, ради которых был предназначен материнский капитал, фактически не были реализованы. Вследствие этого сделка нарушает требования законодательства, регулирующего целевое использование государственной поддержки, и тем самым затрагивает пу-

---

478 Определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2024 г. по делу № 88-2273/2024; Почнковского районного суда Нижегородской области от 22 февраля 2024 г. по делу № 2-138/2024; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 г. по делу № 88-3636/2020; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 июня 2020 г. по делу № 88-5629/2020 (СПС «КонсультантПлюс»).

479 Заочное решение Ленинского районного суда города Владикавказа от 16 апреля 2025 г. по делу № 2-434/2025; Заочное решение Промышленного районного суда города Владикавказа от 20 марта 2025 г. по делу № 2-570/2025; Заочное решение Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан от 4 декабря 2024 г. по делу № 2-1822/2024 (СПС «КонсультантПлюс»).

480 Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский капитал, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. // Бюллетень судебной практики РФ. 2016. № 12.

бличные интересы, а также права и законные интересы несовершеннолетних детей, чьи интересы защищены законом как приоритетные, как следствие – является ничтожной[481]. К аналогичному выводу суды пришли и по другим делам[482]. Безусловно, такой подход в наибольшей степени направлен на защиту интересов несовершеннолетних детей, чьи жилищные условия не улучшены. Однако в такой ситуации в меньшей степени учитываются права и законные интересы лиц, купивших такое имущество. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что суд не принимает во внимание доводы о невозможности проверить заверения продавца о правах на жилое помещение и о том, что были предприняты «все разумные меры» для установления его полномочий на отчуждение имущества[483]. И это несмотря на то, что основополагающие принципы гражданского права исходят из презумпции добросовестности приобретателя жилого помещения, поскольку в Едином государственном реестре недвижимости отсутствуют сведения о каких-либо ограничениях, обременениях или использовании средств материнского капитала.

Таким образом, для обеспечения баланса между правами и законными интересами несовершеннолетних лиц, Российской Федерации и добросовестных приобретателей недвижимости необходимо не только возложить на Социальный фонд России обязанность по контролю за исполнением лицами, получившими сертификат на материнский капитал, письменного обязательства о формировании общей долевой собственности, но и ввести обязательное требование о внесении в Единый государственный реестр недвижимости сведений о приобретении жилого помещения за счет средств материнского капитала.

Список использованной литературы

Астапова, Т. Ю. О приобретении жилого помещения с использованием средств материнского (семейного) капитала: сохранение традиционных ценностей как ориентир для совершенствования законодательства / Т. Ю. Астапова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 8. – С. 38.

---

481 Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23 мая 2024 г. по делу № 88-15683/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

482 Определения Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 февраля 2023 г. по делу № 88-3392/2023; Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2022 г. № 88-26880/2022 (СПС «КонсультантПлюс»).

483 Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2020 г. № 88-7899/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

ВОПРОСЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ БРАЧНЫМИ ПРАВАМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Наталья Владимировна Бандурина
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
nbandurina@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена изменением подходов к регулированию брачных отношений в современный период. Использование имущественной заинтересованности супругов может повлечь совершение определенных фактов злоупотребления их правами. В статье рассматриваются отдельные примеры злоупотреблений брачными правами, в том числе разрешенные в судебном порядке, и сделан вывод о том, что формальное наличие права не освобождает от обязанности использовать его в рамках принципов добросовестности и социальной справедливости.

Ключевые слова: брак; фиктивный брак; семья; права супругов; брачные правоотношения; злоупотребление правом.

Трансформация семейных правоотношений в современных условиях связана с тем, что за последнее время существенным образом изменились подходы к основам семьи и институту брака.

Во-первых, брак перестает быть исключительно личным союзом, все чаще становясь юридическим инструментом удовлетворения членами семьи своих корыстных целей и имущественных интересов. В условиях развития рыночной экономики, роста стоимости недвижимости, расширения наследственных прав и появления новых социальных выплат (включая пособия в связи с участием в специальной военной операции) брак все чаще используется как средство получения определенных выгод. Это порождает новые формы злоупотреблений: фиктивные браки, сокрытие активов перед разводом, принуждение к невыгодным брачным договорам.

Во-вторых, действующее семейное законодательство содержит пробелы и не учитывает все современные вызовы. Например, закон не предусматрива-

ет четкого механизма проверки «реальности» брака при назначении выплат вдовам участников СВО, что создает почву для различного рода мошеннических действий.

В-третьих, исследование злоупотреблений способствует укреплению института семьи как социальной ценности. Противодействие таким практикам – это не только правовая, но и этическая задача, направленная на сохранение семьи как устойчивой ячейки общества.

Необходимо отметить, что в законодательстве Российской Федерации отсутствует такая категория, как «брачные права», указываются только «права и обязанности супругов», однако, несмотря на тождественность и правовую природу указанных понятий, между ними можно выявить различия.

Права супругов – это конкретные индивидуальные субъективные права, принадлежащие каждому из супругов и прямо закрепленные в нормах Семейного кодекса Российской Федерации[484] (далее – СК РФ). К ним относятся, например: право на совместное решение вопросов воспитания детей (ст. 31 СК РФ); право на выбор фамилии при вступлении в брак (ст. 32 СК РФ); право на долю в общем имуществе, нажитом в браке (ст. 34–38 СК РФ) и др.

Эти права носят личный характер, возникают с момента государственной регистрации брака, их реализация возможна только в период его действительности (если иное не предусмотрено законом, как при разделе имущества после развода).

Брачные права – более широкая теоретико-правовая категория, охватывающая всю совокупность правовых последствий, вытекающих из самого факта заключения брака как юридического института.

Это понятие включает возникновение статуса супруга; начало действия режима совместной собственности; появление взаимных обязанностей по содержанию; возможность заключения брачного договора; приобретение процессуальных прав (например, отказ от дачи свидетельских показаний против супруга – ст. 51 Конституции РФ); право на наследование по закону как члена семьи (ст. 1142 ГК РФ).

По мнению А. М. Нечаевой, «брачные права носят двойственный характер: они одновременно защищают личность супруга и обеспечивают устойчивость семьи как социального института»[485].

Брачные права включают также потенциальные и условные права, связанные как с вступлением в брак, так и с его прекращением или признанием недействительным. Например, право на признание брака действительным посмертно (если заявление в ЗАГС подано, но регистрация не состоялась до гибели) – это брачное право, но не право супруга в классическом смысле.

---

484 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

485 *Нечаева А. М.* Семейное право Российской Федерации : учебник для среднего профессионального образования. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 89

Таким образом, брачные права можно признать правовым институтом, а права супругов являются его конкретными проявлениями или элементами, поскольку права супругов – это зафиксированные в законе юридические возможности, принадлежащие лицам в зарегистрированном браке.

Как отмечается в литературе, «брачные права – это не сумма индивидуальных прав супругов, а выражение правового режима, установленного для семейного союза в целом»[486]. Брачные права – это теоретическая категория, охватывающая все правовые последствия, вытекающие из заключения, существования и прекращения брака, включая как субъективные права супругов, так и структурные элементы семейно-правового регулирования.

Значимость данного правового института обусловливает важность исследования фактов злоупотребления брачными правами в российском семейном праве, поскольку в таких ситуациях супруги используют свои законные права, вытекающие из брака, в целях, противоречащих их социальному назначению, с намерением причинить вред другому супругу, нарушить закон или извлечь необоснованную выгоду. Такие действия противоречат принципу добросовестности (ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации[487]) и принципу равенства супругов (ст. 1, 31 СК РФ) и могут влечь за собой признание сделок недействительными, отказ в защите права или иные правовые последствия.

Основные формы злоупотребления брачными правами могут быть следующими:

1) заключение фиктивного брака без намерения создать семью, в частности, с целью получения имущественных выгод, гражданства, наследства или социальных выплат. Согласно п. 22, 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15[488], брак может быть признан недействительным, если доказано, что он заключен без цели создания семьи. В Обзоре судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 14 декабря 2022 г.[489], среди признаков семьи, на создание которой должна быть направлена воля мужчины и женщины при заключении брака, названы совместное проживание, предпо-

---

486 См.: Личные и имущественные правоотношения супругов : учебное пособие / К. М. Арсланов, З. А. Ахметьянова, А. Г. Демиева и др.; отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2023. С. 147.

487 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

488 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

489 Обзор судебной практики по делам о признании брака недействительным, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.

лагающее ведение общего хозяйства, совместное решение основных вопросов жизни семьи.

Отсутствие цели создания семьи при государственной регистрации заключения брака является основанием для признания его недействительным по причине фиктивного характера (п. 1 ст. 27 СК РФ)[490];

2) заключение брака без намерения создать семью в целях получения льгот и привилегий, в частности, в отношении денежных выплат, предусмотренных для участников специальной военной операции (СВО).

В пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменения в статью 36 Семейного кодекса Российской Федерации» указывается, что после начала СВО участились случаи заключения браков с участниками СВО, мотивированные не созданием семьи и построением долгосрочных отношений, а корыстными целями получения доступа к значительным денежным выплатам в случае получения ранения или смерти.

Такие браки нередко расторгаются в короткие сроки после получения военнослужащими и приравненными к ним лицами соответствующих выплат, с последующим требованием о разделе полученных средств. Подобные действия представляют собой злоупотребление институтом брака и семейным законодательством, а также нарушают права участников СВО, рискующих своей жизнью при выполнении воинского долга[491];

3) злоупотребление правом на совместную собственность. Так, один из супругов может совершать сделки с общим имуществом (например, продавать, дарить, закладывать) незадолго до развода с целью уменьшить долю другого супруга при разделе имущества.

Согласно п. 2 ст. 35 СК РФ, сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. При этом согласие супруга может быть получено под давлением или при введении в заблуждение из-за незнания супругом норм законодательства и по другим причинам.

Тем не менее бремя доказывания о том, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки, по смыслу абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ, возложено на супруга, заявившего требование о признании сделки недействительной[492];

---

490 Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 апреля 2024 г. № 88а-7049/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

491 Проект Федерального закона № 914897-8 «О внесении изменения в статью 36 Семейного кодекса Российской Федерации» (текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте https://sozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 12 мая 2025 г.

492 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 7 сентября 2022 г. № 88-18137/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

4) злоупотребление правом при заключении брачного договора за счет навязывания заведомо невыгодных условий, в частности, под давлением, в состоянии заблуждения или при дисбалансе волеизъявления.

Перечень условий брачного договора, приведенный в п. 1 ст. 42 СК РФ, является открытым, так как закон позволяет включить в договор любые положения, касающиеся имущественных отношений супругов.

В п. 3 ст. 42 СК РФ прямо установлено, что брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Как указывается в судебной практике, использование федеральным законодателем такой оценочной характеристики, как наличие в брачном договоре условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, преследует своей целью эффективное применение нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Вопрос же о том, ставят ли условия конкретного брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, решается судом в каждом конкретном случае на основе установления и исследования фактических обстоятельств дела и оценки представленных сторонами доказательств[493].

В одном из судебных актов Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации заключила, что выводы судов апелляционной и кассационной инстанций о наличии в брачном договоре условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, а также об ином исчислении срока исковой давности не соответствуют обстоятельствам дела и нормам материального права, подлежащим применению к спорным правоотношениям[494];

5) злоупотребление брачными правами для уклонения от обязательств перед кредиторами, например, в форме заключения брачного договора, в соответствии с которым имущество супруга-должника передается другому супругу с целью сокрытия активов от кредиторов, судебных приставов-исполнителей или налоговых органов.

В п. 42 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г.[495], указано,

---

493 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 78-КГ20-14 // СПС «КонсультантПлюс».

494 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2023 г. № 33-КГ23-2-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

495 Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 июня 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».

что нарушающие права и законные интересы кредиторов положения брачного договора об имущественных правах супругов могут быть признаны недействительными на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

На день заключения брачного договора в отношении должника рассматривался спор о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам общества, в котором он являлся контролирующим лицом.

Согласно положениям ст. 19 Закона о банкротстве, в силу наличия брачных отношений презюмируется осведомленность супруги обо всех существенных фактах в деятельности супруга-должника, которые могли значительно повлиять на их имущественное положение. Надлежащие и достаточные доказательства, опровергающие данную презумпцию, не представлены.

Следовательно, стороны брачного договора не могли не осознавать нарушения интересов кредиторов, имеющих право на получение удовлетворения своих требований по обязательствам должника за счет имущества, отошедшего супруге по брачному договору. При этом из конкурсной массы выбыло ликвидное имущество – объекты недвижимости и транспортное средство – без равноценного встречного предоставления.

Необходимо отметить, что общими последствиями злоупотребления брачными правами является решение суда о следующем:

– отказе в защите нарушенного, по мнению заявителя, права;

– признании сделки недействительной;

– признании брака фиктивным и недействительным;

– отказе в иске о разделе имущества в заявленной части;

– применении иных мер, предусмотренных законодательством.

Таким образом, злоупотребление брачными правами в российском праве – это недобросовестное использование института брака в корыстных или противоправных целях. Судебная практика последовательно противодействует таким действиям, применяя нормы о недействительности сделок, признании брака фиктивным и защите интересов добросовестного супруга. Это подтверждает, что формальное наличие права не освобождает от обязанности использовать его в рамках принципов добросовестности и социальной справедливости.

Список использованной литературы

1. Личные и имущественные правоотношения супругов : учебное пособие / К. М. Арсланов, З. А. Ахметьянова, А. Г. Демиева и др.; отв. ред. О. Н. Низамиева. – Москва : Проспект, 2023. – 128 с.
2. *Нечаева, А. М.* Семейное право Российской Федерации : учебник для среднего профессионального образования / А. М. Нечаева. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 251 с.

ДОЛЯ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДОВАНИЯ

Малика Мажитовна Бапинаева
студентка 2-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
bapinaeva.malika00@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекта наследования. Рассматривается вопрос, какие корпоративные права входят в состав наследства и при наличии каких условий наследник умершего участника общества с ограниченной ответственностью становится членом общества.

Ключевые слова: корпоративные права; универсальное правопреемство; наследование доли ООО; имущественные права участника ООО.

В наследственных правоотношениях участники гражданского оборота все чаще сталкиваются с вопросом наследования компаний, особенно долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что указанная организационно правовая форма является наиболее популярной формой организации юридических лиц. Например, по состоянию на первое января 2025 г. зарегистрировано 2 544 116 обществ[496], то есть около 79 процентов от всех юридических лиц.

Возможность наследования доли в уставном капитале обществ установлена Гражданским кодексом Российской Федерации (часть третья)[497] (далее – ГК РФ). Так, ст. 1176 ГК РФ закрепляет, что доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) переходит по наследству после смерти участника ООО.

Между тем ни в науке, ни в практике нет единого мнения о том, что такое доля в уставном капитале ООО как объект наследования. В частности, если об-

---

496 См.: https://incrussia.ru/news/fns-rossii-na-nachalo-goda-obshhee-kolichestvo-yurlits-i-individualnyh-predprinimatelej-sostavilo-bolee-3-2-mln/

497 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

ратиться к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»[498] (далее – Закон об ООО), то в п. 1 ст. 2 закреплено, что обществом с ограниченной ответственностью признается созданное одним или несколькими лицами хозяйственное общество, уставный капитал которого разделен на доли. По сути, доля определяется как часть уставного капитала общества. Статья 14 Закона об ООО «уставный капитал» определяется как совокупность номинальной стоимости долей его участников. Исходя из приведенных положений закона, доля определяется как часть уставного капитала, которая обладает определенной стоимостью.

На основании вышеуказанного в науке выделяется четыре подхода к вопросу о сущности и правовой природе доли в уставном капитале ООО. В первом подходе поддерживается вещно-правовая концепция. Она исходит из буквального толкования термина «доля»: часть чего-либо. Сторонники данного подхода рассматривают долю в уставном капитале как определенное имущество либо его денежное выражение, которое должно иметь любое ООО для реализации своих прав и обязанностей. Так, в одной из своих работ В. А. Лапач[499] отмечал, что доля в уставном капитале является своего рода аналогом доли в общей собственности.

В то же время есть и те, кто не согласен с данной теорией. Например, М. Ю. Понежин и Л.Ю. Понежин отмечают, что данный подход не соответствует действительности, поскольку долю в уставном капитале ООО необходимо разграничивать с частью уставного капитала и частью имущества общества в целом[500].

Согласно второму подходу, который базируется на обязательственно-правовой концепции, внося определенное имущество в качестве вклада в уставной фонд ООО, участник общества теряет права на это имущество, но взамен приобретает обязательственные (имущественные и неимущественные) права[501].

Вместе с тем у этой концепции есть противники, например, В. А. Лапач в своих трудах отмечает, что ООО, предоставляя права своим участникам, выступает не как должник, то есть участник обязательственных отношений, а как субъект, исполняющий публично-правовую обязанность[502].

---

498 Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

499 *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 491.

500 *Понежин М. Ю., Понежин Л. Ю.* К вопросу о понятии и правовой природе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекте гражданско-правовых отношений. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 9 (124). С. 54.

501 *Залесский В.* Общество с ограниченной ответственностью в системе хозяйственных товариществ и обществ // Право и экономика. 1998. № 3. С. 19.

502 *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002. С. 491.

Третий подход выделен на основе имущественно-правовой концепции. Ее сторонники рассматривают долю как комплекс имущественных прав участников общества. Такой позиции придерживается, в частности, С. А. Бобков. Ученый определяет, что доля в уставном капитале ООО – это имущественное право, и выражается оно в номинальной стоимости доли, а также в соотношении размера доли к уставному капиталу в целом, который в результате наделяет участника общества комплексом прав и обязанностей (как имущественных, так и неимущественных)[503].

Однако указанная позиция также имеет своих противников. Так, Л. А. Новоселова не согласна с такой точкой зрения. Она отмечает, что помимо имущественных прав участник общества несет и установленные законом обязанности, такие как внесение вклада в установленные сроки, неразглашение конфиденциальной информации, при этом она считает, что наличие у участников общества обязанностей не принимается во внимание сторонниками имущественно-правовой концепции[504].

Последний подход основан на корпоративно-правовой (комплексно-правовой) концепции, которая получила развитие в последние годы в связи с активным развитием законодательства в сфере корпоративных правоотношений. Под корпоративными правами понимается комплекс имущественных и неимущественных, в том числе обязательственных, прав участника корпорации, в частности, ООО.

Такая концепция при определении сущности доли участника общества с ограниченной ответственностью нашла наибольшую поддержку среди современных ученых-цивилистов. Так, С. Шевченко также определяет, что доля в уставном капитале общества – это совокупность имущественных и неимущественных прав и обязанностей общества[505].

Исходя из данной концепции некоторые ученые определяют долю в уставном капитале ООО как право участия в обществе. Такой позиции, в частности, придерживается Д. В. Ломакин, который указывает, что особенность и сущностное значение доли в уставном капитале общества выражается в том, что при приобретении доли в уставном капитале возникают правоотношения членства. То есть любые корпоративные правоотношения возникают с момента приобретения доли в уставном капитале общества[506].

С вышеуказанным подходом согласуется позиция Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. В своем определении ВАС РФ определяет долю

---

503 *Бобков С. А.* Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журнал российского права. 2002. № 7. С. 6.

504 *Новоселова Л. А.* Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. М. : Статут, 2007. С. 207.

505 *Шевченко С.* Переход долей общества с ограниченной ответственностью // Законность. 2004. № 10. С. 54.

506 *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. : Статут, 2018.

следующим образом: доля участника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью не является вещью, а представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества[507].

Таким образом, несмотря на различные доктринальные подходы определения доли в уставном капитале обществ в судебной практике сложилась позиция о том, что она заключается в совокупности имущественных и неимущественных прав и обязанностей.

Следует отметить, что ст. 8 ГК РФ содержит перечень прав участников ООО. В него входит: право участвовать в управлении делами общества, право получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его документами бухгалтерского учета и иной документацией, принимать участие в распределении прибыли; продавать или осуществлять отчуждение иным образом своей доли или части доли в уставном капитале общества; получать в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость, а также иные права, предусмотренные Законом об ООО или уставом общества.

В свою очередь, ст. 9 ГК РФ закрепляет обязанности участника ООО. Среди них названа обязанность оплачивать доли в уставном капитале общества в порядке, в размерах и в сроки, которые предусмотрены законом и договором об учреждении общества, обязанность не разглашать информацию о деятельности общества, в отношении которой установлено требование об обеспечении ее конфиденциальности, и иные.

Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет перечисленные права и обязанности разделить на группы:

– имущественные (например, право принимать участие в распределении прибыли);

– неимущественные (например, обязанность не разглашать информацию о деятельности общества, в отношении которой установлено требование об обеспечении ее конфиденциальности).

В то же время ст. 1112 ГК РФ закрепляет нормы о том, что входит в наследственную массу, а именно: в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, личные неимущественные права и другие нематериальные блага.

Следовательно, не все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю, переходят по наследству, а лишь те из них, которые являются имущественными. Что же касается неимущественных корпоративных прав, наличие которых позволяет наследнику стать полноценным участником ООО, то, как отмечает О. М. Роднова, наследник лишь после принятия наследства и при наличии иных

---

[507] Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 сентября 2009 г. № ВАС-11093/09 по делу № А41-3292/08 // СПС «КонсультантПлюс».

юридических фактов (волеизъявление наследника, согласие других участников на принятие наследника в число членов ООО, внесение сведений о принятии наследника в ООО в ЕГРЮЛ), став участником корпорации, приобретает[508].

Пленум Верховного Суда РФ придерживается такой же позиции. В абз. 3 п. 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» отмечено, что свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля или часть доли уставном капитале общества, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем товариществе, обществе или кооперативе или о получении наследником от соответствующего общества действительной стоимости унаследованной доли либо соответствующей ей части имущества, который разрешается в соответствии с ГК РФ, другими законами или учредительными документами хозяйственного общества.

Президиум Верховного Суда РФ в в абз. 5 п. 5 Обобщения судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г.) отмечает, что из анализа судебной практики видно, что в случаях, когда устав общества не содержит положений о необходимости получения согласия иных участников общества на вступление наследника в общество, требования наследника о предоставлении информации, связанной с деятельностью общества, рассматривается арбитражным судом по существу, поскольку в таком случае принявшее наследство лицо становится участником общества и обладает соответствующими корпоративными правами[509].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ подтверждает эту позицию в Определении от 6 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-26611. Она отмечает, что право на участие в хозяйственном обществе может перейти к пережившему супругу, наследникам участника и иным третьим лицам безусловно либо при условии согласия остальных участников общества, если необходимость получения такого согласия предусмотрена уставом общества.

Следовательно, неимущественные права участника ООО наследник приобретает на основании получения в порядке наследственного правопреемства имущественных прав участника ООО, если иное не предусмотрено законом или уставом соответствующего ООО. То есть доля в уставном капитале ООО и доля в уставном капитале ООО как объект наследования не являются тождественными понятиями. При этом такой же подход закреплен в п. 1.3 Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью», утв. на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28 – 29.05.2010)[510].

---

508 *Роднова О. М.* Доля в уставном капитале ООО как объект наследования // Проблемы гражданского права и процесса. 2018. № 8. С. 72–83.

509 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

510 СПС Консультант Плюс».

Таким образом, в состав наследства участника общества с ограниченной ответственностью входят имущественные права участника соответствующего общества с ограниченной ответственностью. Следовательно, под долей в уставном капитале ООО следует понимать совокупность имущественных прав и обязанностей участника соответствующего ООО. Неимущественные права участника ООО могут перейти к наследнику участника ООО на основании приобретения им имущественных прав и обязанностей при соблюдении требований, предусмотренных законодательством и Уставом соответствующего ООО, в том числе при условии получения согласия остальных участников общества.

Список использованной литературы

1. *Бобков, С. А.* Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / С. А. Бобков // Журнал российского права. – 2002. – № 7.
2. *Залесский, В.* Общество с ограниченной ответственностью в системе хозяйственных товариществ и обществ / В. Залесский // Право и экономика. – 1998. – № 3. – С. 19.
3. *Лапач, В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 491.
4. *Ломакин, Д. В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. – Москва : Статут, 2018.
5. *Новоселова, Л. А.* Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Л. А. Новоселова. – Москва : Статут, 2007. – С. 207.
6. *Понежин, М. Ю.* К вопросу о понятии и правовой природе доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекте гражданско-правовых отношений / М. Ю. Понежин, Л. Ю. Понежин // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 9 (124).
7. *Роднова, О. М.* Доля в уставном капитале ООО как объект наследования / О. М. Роднова // Проблемы гражданского права и процесса. – 2018. – № 8. – С. 72–83.
8. *Шевченко, С.* Переход долей общества с ограниченной ответственностью / С. Шевченко // Законность. – 2004. – № 10.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕДИАЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Марат Юрьевич Барышников
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
marat210374@yandex.ru

Аннотация. Настоящая научная статья посвящена исследованию правового регулирования и практики применения частноправовых механизмов урегулирования споров в семейном праве. Автор анализирует сущность данного института в контексте его применения в семейных правоотношениях, характерные особенности. Также автор приводит некоторые примеры правоприменительной практики. Данное исследование будет полезно теоретикам и практикам, обучающимся и преподавателям, а также широкому кругу читателей.

Ключевые слова: медиация; примирительные процедуры; семейные правоотношения; правовое регулирование; частноправовые инструменты; семейное право.

Ввиду отличительных особенностей семейных правоотношений как таковых одним из наиболее актуальных для данной группы общественных отношений инструментом урегулирования споров является медиация – способ внесудебного урегулирования конфликта[511].

Сегодня в отечественной правовой науке медиация продолжает свое постепенное поступательное развитие, однако это происходит менее быстро, чем того хотелось бы и представителям правозащиты, и судейскому сообществу. Для судебной системы частноправовые механизмы медиации – эффективный законный инструмент не просто урегулирования споров, но также и снижения издержек, нагрузки на весь судейский аппарат в целом. Адвокатское

---

511 *Шумилова Г., Табакчи Т.* Обязательная медиация по семейным спорам: «подводные камни» // Адвокатская газета 2020. 16 дек. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/obyazatelnaya-mediatsiya-po-semeynym-sporam-podvodnye-kamni/ (дата обращения: 28.10.2025).

сообщество придерживается аналогичной позиции: высокий процент споров, находящихся на рассмотрении в судах, можно успешно разрешить через применение разного рода медиативных процедур, однако на практике к механизмам медиации прибегают не так часто. Тем не менее следует отметить, что для России использование частноправовых механизмов медиации в дальнейшем имеет хорошие перспективы.

Для семейных правоотношений медиация актуальна по различным причинам. Во-первых, далеко не все споры, впоследствии рассматриваемые в судах, действительно обладают столь серьезным уровнем. Семейные правоотношения нередко сопровождаются эмоциональной напряженностью, наличием психологического конфликта между супругами, а конкретный предмет спора (к примеру, раздел имущества при расторжении брака) может активно «обрастать» личными мотивами и эмоциональной нестабильностью (например, если супруг изменял в браке, второй супруг может быть крайне категорично настроен к разделу имущества). В результате с правовой точки зрения конфликт между супругами не имеет столь глобального, значимого предмета, однако эмоциональная привязанность каждого существенно усложняет вопрос и рассмотрение дела[512].

Во-вторых, нередко прямыми или косвенными участниками семейных споров являются дети. Например, это расторжение брака при наличии несовершеннолетних детей, раздел имущества, определение места жительства ребенка и ряд других споров. На практике при нежелании супругов обращаться в суд можно часто услышать в качестве основной причины их попытку «отгородить» детей от необходимости участия в судебном разбирательстве, от психологического напряжения, что вполне объяснимо. Однако это отнюдь не способствует более широкому распространению медиативных процедур, напротив, это, скорее, станет поводом для «замораживания» конфликта, что вновь свидетельствует о необходимости для законодателя и правоприменителя проведения системной работы по популяризации института медиации в современном семейном праве.

Отметим, что можно выделить и другие преимущества обращения к медиатору или использования иных примирительных процедур в семейных спорах:

– снижение издержек – прежде всего финансовых (особенно актуален данный пункт ввиду существенного повышения отдельных видов государственных пошлин). Кроме того, зачастую супругам приходится производить траты также и на оказание квалифицированных юридических услуг или работу адвоката;

– вариативность: судебная система обладает четкой иерархией, в случае же с частноправовыми инструментами супруги сами имеют право выбрать того, кто будет содействовать в разрешении конфликта;

---

512 *Шумилова Г., Табакчи Т.* Указ. соч.

– психологический комфорт, обеспечение которого – еще одна важная задача для медиатора, и для эмоционально напряженных в своем большинстве семейных правоотношений это как нельзя актуально;

– иные[513].

Иными словами, частноправовые механизмы медиации действительно имеют высокий потенциал для применения в семейных правоотношениях, ведь они буквально отвечают тем самым потребностям и запросам, которые предъявляют семейные споры. По мнению специалистов, в дальнейшем медиация и другие примирительные процедуры получат большую актуальность в российской правовой практике, однако вряд ли это произойдет быстрыми темпами.

Проанализируем некоторые примеры.

Так, семейная пара после расторжения брака не могла найти общий язык из-за разных взглядов на воспитание ребенка: матери казалось, что отец недостаточно активно принимает в этом процессе участие, вследствие чего женщина старалась исключить существование отца из жизни ребенка. В свою очередь, мужчина был недоволен сложившейся ситуацией, а также тем, что бывшая супруга оказалась категорически не настроена на достижение компромисса. Ситуация осложнялась тем, что после расторжения брака мужчина уехал «на заработки» в другой регион, из-за чего длительное время не мог активно участвовать в воспитании ребенка, однако фактически от этого не отказывался. Более того, по возвращении он стал вновь интересоваться дочерью, предпринимать попытки участия в ее жизни. Несмотря на устойчивое намерение матери обратиться в суд, медиатору удалось убедить бывших супругов достигнуть договоренностей и добиться желаемого результата.

Так, бывшими супругами был разработан родительский план воспитания ребенка, где среди прочего было прописано, кто и какие задачи по его воспитанию на себя берет, был урегулирован вопрос об уплате алиментов. Всего потребовалось три медиативных сессии, чтобы сформулировать положения медиативного соглашения, которое впоследствии и было заключено[514].

Множество кейсов о применении частноправовых механизмов медиации при разрешении семейных споров можно обнаружить и в адвокатской практике. Так, адвокат Ю. Дубинина, представитель АНО ДПО «Высшая школа медиации», приводит следующий пример. Е. находилась в разводе четыре года, отношения с бывшим супругом И. поддерживала, в конфликте не находилась, однако И. наложил запрет на выезд их общего несовершеннолетнего сына

---

513 Медиация: не время спорить, надо договариваться // АГ-Эксперт. 2023. 23 мая. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/mediatsiya-ne-vremya-sporit-nado-dogovarivatsya/ (дата обращения: 28.10.2025).

514 Примирение спустя годы: как медиация помогла бывшим супругам наладить отношения // Департамент добрых дел: официальный сайт мэра и правительства Москвы. URL: https://dszn.ru/press-center/news/13363 (дата обращения: 28.10.2025).

за границу. Данный пример ярко подтверждает, насколько быстрее и эффективнее судебного разбирательства могут быть медиативные процедуры, поскольку на подбор подходящего для обеих сторон спора решения у адвоката ушел всего лишь один час. Оказалось, что наложение запрета и категоричный отказ от его снятия – это попытка И. показать, что не все в жизни их ребенка зависит от его бывшей жены. Выяснилось, что Е. самостоятельно решает, в каких секциях сын будет заниматься, как выглядеть и т.д., не прислушиваясь к мнению И. Встреч с сыном бывшего мужа Е. не лишала, но также активно принимала участие в их планировании и реализации. Для Е. услышанное стало неожиданностью, особенно если учитывать и другие обстоятельства дела. Оказалось, что Е. собиралась на отдых с подругой и ее сыном, с которым сын Е. и И. конфликтовал. Ребенок заявил об этом матери, но та категорически не приняла его доводы, в отличие от отца, который внимательно выслушал и наложил запрет на выезд. Еще один интересный факт в этом примере – за 4 года после расторжения брака супруги ни разу не говорили «по душам», пока не обратились к медиатору.

Результат медиации в данном случае следующий: стороны выслушали друг друга, договорились о достижении компромисса и заключили медиативное соглашение, где детально прописали порядок общения с ребенком, сроки, функционал каждого родителя и т.д.[515]

Представленные примеры довольно четко показывают, насколько эффективной при грамотном и своевременном применении может быть механизм медиации при урегулировании семейных споров. Безусловно, в некоторых ситуациях уже невозможно избежать судебного разбирательства, а процедура медиации хоть формально и может быть применена, но вряд ли приведет к желаемому результату. Поэтому важно вовремя отреагировать на возникший конфликт и постараться максимально эффективно урегулировать его в досудебном порядке, благо, современное российское законодательство и правоприменительная практика уже давно принимают медиацию как часть отечественной правовой системы.

Кратко сформулируем основные выводы по теме.

Медиация – современный и эффективный способ урегулирования конфликтов, позволяющий найти решение, которое удовлетворит обе стороны спора. При поддержке независимого посредника – медиатора – участники находят компромисс с учетом интересов каждого.

Для урегулирования семейных споров медиация выступает крайне эффективным инструментом, однако для современной российской действительности все же еще недостаточно распространена.

К числу существенных преимуществ частноправовых механизмов медиации необходимо отнести следующие:

---

[515] Медиация: не время спорить, надо договариваться // АГ-эксперт. 2023. 23 мая. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/mediatsiya-ne-vremya-sporit-nado-dogovarivatsya/ (дата обращения: 28.10.2025).

– снижение издержек;
– вариативность;
– психологический комфорт;
– иные.

Практикующие юристы едины во мнении, что порядка 70–80 % семейных споров могут быть эффективно урегулированы во внесудебном порядке, однако зачастую высокий уровень эмоциональной напряженности мешает сторонам спора адекватно прийти к желаемому результату. Именно эту цель преследует в своей работе медиатор.

В работе приведены также некоторые практические примеры применения частноправовых механизмов медиации в семейных правоотношениях, которые отчетливо подтверждают: семейные споры и конфликты, в том числе по разделу имущества, определению места проживания детей и характера их встреч с родственниками, вполне могут быть разрешены и во внесудебном порядке. Более того, это даже желательно, учитывая специфику отношений между супругами, бывшими супругами, родителями или родственниками ребенка.

Тем не менее, несмотря на недостаточно высокий уровень популярности медиативных процедур в современном российском праве у данного института есть все предпосылки для дальнейшего развития – и в законодательном, и в правоприменительном плане.

Список использованной литературы

1. *Архипкина, А. С.* Семейная медиация: информационно-справочные материалы для супругов, родителей (законных представителей) / А. С. Архипкина, М. Н. Садовникова. – Иркутск, 2016. – URL: https://irdeti.ru/upload/iblock/d60/cxso1d9ukhey2l83qya8va67bs2ntqjg.pdf
2. *Величкова, О. И.* Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации / О. И. Величкова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 30–42.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ ПРИ УЧРЕЖДЕНИИ ЛИЧНОГО (НАСЛЕДСТВЕННОГО) ФОНДА

Татьяна Александровна Батрова
профессор кафедры гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
batrovatatiana@yandex.ru

Аннотация. Возможность учреждения личных (наследственных) фондов для обеспечения управления наследственным имуществом породила ряд значимых правовых вопросов, связанных как с их учреждением, так и с существованием. Целью статьи стал анализ проблем, связанных с защитой прав членов семьи наследодателя при учреждении им личного (наследственного) фонда. В связи с этим был осуществлен анализ действующих положений ГК РФ и сформулированы предложения по внесению в него изменений и дополнений.

Ключевые слова: личный фонд; наследственный фонд; обязательная доля; супружеская доля; условия управления фондом.

На протяжении нескольких лет российский законодатель предпринимает попытки усовершенствовать правовые механизмы управления наследственным имуществом. Особенно актуальным это стало в отношении бизнес-активов. Изначально Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагалось использовать модель наследственного фонда, создаваемого после смерти его учредителя для целей принятия наследства и управления унаследованным имуществом в соответствии с волей учредителя фонда. Однако она подверглась обоснованной критике, прежде всего из-за невозможности создания подобного фонда при жизни наследодателя. Этот очевидный законодательный пробел был устранен Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»[516], который предусмотрел

[516] См.: Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5115.

возможность учреждения личного фонда как инструмента обособления определенного имущества и эффективного управления им в соответствии с теми задачами, которые определяет учредитель фонда, наделивший его своим имуществом. Это позволило осуществлять планирование порядка управления наследственным имуществом еще при жизни наследодателя.

Однако законодатель, увлекшись идеей совершенствования процессов управления имуществом, упустил из виду весьма значимый в контексте наследования вопрос – обеспечение имущественных интересов членов семьи наследодателя, которые обычно достаточно эффективно защищаются с помощью давно сложившихся механизмов реализации права, – супружескую долю и права на обязательную долю в наследстве. Проблема заключается в том, что имущество, передаваемое личному фонду его учредителем, признается принадлежащим фонду на праве собственности, а следовательно, никто, в том числе и учредитель, не имеет прав на его имущество. Для изъятия каких-либо активов для защиты имущественных интересов наследников после смерти наследодателя – учредителя фонда, нет никаких правовых оснований. При этом состав имущества, передаваемого в фонд, определяет сам учредитель, вследствие чего к моменту открытия наследства значительная часть активов может оказаться недоступной для наследников ввиду нахождения их на балансе указанного юридического лица. Законодатель позаботился лишь о кредиторах наследодателя, закрепив положение о том, что личный фонд, за исключением наследственного фонда, несет субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам учредителя личного фонда в течение трех лет со дня его создания (п. 6 ст. 123.20-4 ГК РФ). При таком подходе в интересах членов семьи взыскать можно только невыплаченные алименты.

Трудности потенциально могут возникнуть даже при защите прав супруга, несмотря на необходимость получения его нотариально удостоверенного согласия, что вытекает из требований п. 3 ст. 35 СК РФ в отношении сделок, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, а также п. 7 ст. 123.20-4 ГК РФ, устанавливающего обязательность ее соблюдения в отношении решения об учреждении личного фонда, которое по своей природе является односторонней сделкой (ст. 153 ГК РФ). Получение такого согласия, в том числе под условием обозначения супруга в качестве выгодоприобретателя фонда, что могло бы служить компенсацией супружеской доли, которую выделить будет невозможно, если все имущество передано в личный фонд, не служит полноценной гарантией защиты его имущественных интересов ввиду отсутствия каких-либо препятствий для изменения условий управления фондом, поскольку учредитель, как ключевая фигура в системе правоотношений по поводу создания и деятельности данного вида юридического лица, может изменить устав фонда, условия управления им и иные его внутренние документы. По крайней мере, п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ не связывает реализацию права учредителя на осуществление подобных изменений с необходимостью их нотариального удостоверения.

Органы управления фондом изменить установленный учредителем при жизни порядок распоряжения имуществом фонда не вправе, поскольку в силу абз. 4 п. 8 ст. 123.20-4 ГК РФ после смерти учредителя личного фонда утвержденные им при его жизни устав личного фонда, условия управления личным фондом и иные внутренние документы личного фонда не могут быть изменены. Исключение составляют лишь ситуации, связанные с невозможностью управления фондом на прежних условиях по обстоятельствам, возникновение которых при его создании нельзя было предполагать, а не бедственное положение наследников, не поименованных в качестве выгодоприобретателей фонда. Интересно то, что некоторые авторы, констатируя наличие подобных изъятий из общего порядка наследования, утверждают, что создание личного фонда является наиболее оптимальным для достижения целей сохранения бизнеса после смерти его владельца[517]. Однако при этом не учитывается, что идея сохранения целостности бизнеса может вступить в противоречие с ценностями, которые отстаиваются еще со времен римского права. Ничто не мешает законодателю сформировать такую правовую модель, которая обеспечит достижение и экономических, и социальных целей.

Достаточно интересной является ситуация с наследственным фондом, создаваемым на основании завещания. Очевидно, что согласие супруга на подобное посмертное волеизъявление не предполагается. Какой-либо корреляции между волеизъявлением наследодателя относительно передачи всего или большей части имущества в наследственный фонд и реализацией прав пережившего супруга на супружескую долю, а также прав наследников на обязательную долю ГК РФ не устанавливает (кроме случаев, когда такой наследник указан в качестве выгодоприобретателя). Однако факт создания такого фонда после смерти наследодателя, по крайней мере, дает юридические возможности для учета и защиты таких прав, хотя и здесь достаточно много пробелов[518].

Учитывая, что основанием для учреждения наследственного фонда является завещательное распоряжение, есть все основания для реализации положений ст. 1149 ГК РФ, согласно которой несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону. При этом осуществление этого права при недостаточности незавещанной части имущества допускается из той части имущества, которая завещана и потенциально предназначена для формирования наследственного фонда. Очевидно, что нет законодатель-

---

[517] См.: *Фрик О. В., Бадер И. С.* Влияние организационно-правовой формы юридического лица на выбор способа сохранения бизнеса в случае смерти его владельца // Нотариальный вестник. 2023. № 1. С. 52.

[518] См.: *Казанцева А. Е.* Правовое положение выгодоприобретателей наследственного фонда // Нотариус. 2020. № 7. С. 25–27.

ных препятствий и для выделения супружеской доли, право на которую закреплено ст. 1150 ГК РФ.

Однако здесь могут возникнуть трудности организационно-правового характера. Согласно абз. 3 ст. 123.20-8 ГК РФ, заявление о государственной регистрации наследственного фонда должно быть направлено в уполномоченный государственный орган нотариусом, ведущим наследственное дело, не позднее трех рабочих дней со дня открытия наследственного дела после смерти гражданина, предусмотревшего в своем завещании его создание. Реализация этого требования не ставится в зависимость от возможности выявления наследников, имеющих право на обязательную долю, а также предъявления пережившим супругом права на выдел супружеской доли, что фактически свидетельствует о законодательном признании возможности игнорирования их интересов.

В целом можно констатировать, что существующая в российском законодательстве модель личного (наследственного) фонда создает предпосылки для грубейшего нарушения прав и законных интересов наиболее уязвимой в имущественном отношении категории наследников. Затрагиваются и имущественные права пережившего супруга. Между тем эта проблема могла бы быть легко решена путем законодательного закрепления требования либо об обязательном включении в устав и условия управления личным фондом в качестве выгодоприобретателей лиц, имеющих право на обязательную долю и супружескую долю, либо о выделении им из средств фонда на единовременной основе имущества, в том числе денежных средств, эквивалентных объему принадлежащих им в силу закона прав. При учреждении наследственного фонда этот вопрос может быть решен иначе – путем выделения указанных долей до формирования фонда, что, однако, потребует приостановления течения сроков его создания до определения круга таких лиц.

Список использованной литературы

1. *Казанцева, А. Е.* Правовое положение выгодоприобретателей наследственного фонда / А. Е. Казанцева // Нотариус. – 2020. – № 7. – С. 25–27.
2. *Фрик, О. В.* Влияние организационно-правовой формы юридического лица на выбор способа сохранения бизнеса в случае смерти его владельца / О. В, Фрик, И. С. Бадер // Нотариальный вестник. – 2023. – № 1. – С. 49–56.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕИМУЩЕСТВ СТАТУСА ЗАЛОГОВОГО КРЕДИТОРА ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ) ДОЛЖНИКА

Ариана Евгеньевна Березовская
студентка 2-го курса магистратуры юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
ariana02.zavalko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется правовая природа преимуществ статуса залогового кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) должника. Показано, как вещно-правовой приоритет, закрепленный нормами ГК РФ о залоге, трансформируется в специальные преференции в процедурах банкротства: целевое распределение выручки от реализации предмета залога, процессуальное влияние на параметры реализации, право «оставления предмета залога за собой», а также приоритетное покрытие расходов, связанных с сохранностью предмета залога. Автор отмечает, что пределы этих преимуществ учитываются судебной практикой. Сформулирован вывод о смешанной (вещно-правовой и процедурно-распределительной) природе преимуществ и обозначены практические последствия для кредиторов и арбитражных управляющих.

Ключевые слова: залог; залоговый кредитор; банкротство; очередность удовлетворения требований; приоритет залогового кредитора; специализированная имущественная масса; расходы на сохранность предмета залога; преимущества в денежной форме.

Залогодержатель, получивший имущество в залог (кредитор по основному обязательству), обладает особым статусом, включающим права и обязанности, позволяющие требовать от должника исполнения соответствующего обязательства. Вещно-правовой приоритет залогового кредитора в условиях банкротства не исчезает, но приобретает особую «процедурно-распределительную» форму. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкрот-

стве)[519] вычленяет выручку, полученную в процедурах банкротства от реализации заложенного имущества, в «целевой поток» и закрепляет специальный порядок ее расходования, отличающийся от общей очередности конкурсной массы. Таким образом, преимущества залогового кредитора носят смешанный характер: они укоренены в вещном праве (право следования и приоритета) и одновременно институционализированы нормами банкротного процесса, которые определяют адресность и последовательность платежей. Такая двойственная природа и ее пределы задаются Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), Законом о банкротстве и актами высших судов.

ГК РФ закрепляет: залогодержатель имеет право получить удовлетворение из стоимости предмета залога перед прочими кредиторами, а при множественности залогов действует старшинство, определяемое моментом возникновения соответственно правилам о приоритете и публичности обременений. Верховный Суд РФ в Постановлении систематизировал вопросы старшинства, пользования предметом залога, оснований и порядка обращения взыскания, подтвердив, что приоритет является атрибутом залога как вещного права[520]. В банкротстве он «переводится» в специальный порядок распределения, но его сущность – предпочтение перед необеспеченными требованиями – сохраняется. В результате исходное преимущество не исчерпывается «очередностью» как таковой, а обретает форму закрепленного законом преимущественного доступа к денежным потокам, генерируемым заложенным активом.

Закон о банкротстве предусматривает, что денежные средства, полученные от реализации (или иного экономического «монетизирования») предмета залога аккумулируются на специальном счете и распределяются по специальной формуле ст. 138 Закона о банкротстве. Эта конструкция формирует «специализированную имущественную массу» в пределах конкурсного производства: прежде чем средства попадут в общую конкурсную массу, закон предписывает удовлетворить «заложенную» адресность платежей. Сформулированная модель (включая порядок списания со специального счета, влияние залогового кредитора на условия продажи, его право оставить предмет залога за собой при несостоявшихся торгах и прекращение залога по результатам реализации) была подробно разъяснена в Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ[521]. По существу, это и есть нормативная «упаковка» вещно-правового приоритета в процессуальную оболочку банкротства: преи-

---

519 О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

520 О применении судами правил о залоге вещей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс».

521 О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 // СПС «КонсультантПлюс».

муществo проявляется не через повторное ранжирование в общей очередности, а через целевую «прокладку» денежных потоков от залога.

Предел преимуществ задала интерпретация п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Конституционный Суд РФ в Постановлении подтвердил, что расходы, «тесно связанные» с предметом залога (включая расходы на сохранность и реализацию, а также имущественные налоги и соответствующие пени, начисленные на заложенное имущество в период процедур), подлежат удовлетворению до распределения выручки по модели ст. 138 Закона о банкротстве[522]. Тем самым Конституционный Суд РФ подчеркнул: приоритет залогового кредитора не освобождает от финансирования инфраструктуры сохранности актива и публичных обременений, которые обеспечивают поддержание стоимости залога; вместе с тем Конституционный Суд РФ допустил соразмерную корректировку в исключительных ситуациях, когда санкционные начисления (например, пени) способны «обнулить» экономический смысл залога при отсутствии вины кредитора. По смыслу решения баланс интересов достигается через приоритетную оплату необходимых издержек и ограниченно-дискреционное отношение к штрафным элементам. Это ключевая грань правовой природы преимущества: оно не абсолют, а приоритет, встроенный в систему балансирования публичных и частных интересов.

Помимо распределения денежных средств закон и практика предоставляют залоговым кредиторам процессуальные рычаги, влияющие на итоговую величину удовлетворения: право на включение в реестр с указанием обеспеченности; право инициировать и оспаривать условия реализации, добиваться установления начальной цены, участвовать в выборе способа продажи; право «оставления за собой» предмета залога при несостоявшихся торгах по правилам специальной скидки от начальной цены; право требовать зачисления всех поступлений, являющихся дериватами предмета залога (страховые выплаты, исполнение дебиторами по уступленным правам и т.п.), на специальный счет для последующего целевого распределения[523]. Концептуально это «процедурные преимущества», усиливающие вещно-правовой приоритет: они не просто фиксируют старшинство, а позволяют кредитору участвовать в конструировании цены и скорости монетизации актива. Эти механизмы последовательно подтверждены разъяснениями Постановления Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58 и судебной практикой Верховного Суда РФ.

Если предмет обременен несколькими залогами, преимущество конкретного кредитора конкретизируется через старшинство, вытекающее из момента возникновения и (для отдельных объектов) из правил публичности обре-

---

[522] По делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 138 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : Постановление Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2024 г. № 16-П // Офиц. публикация. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404100002

[523] См.: *Джура В. В.* Правовые основания для установления залога по делам о несостоятельности (банкротстве) // Глаголъ правосудия. 2024.№ 3(37). С. 37–42.

менений. Пленум Верховного Суда в Постановлении от 27 июня 2023 г. № 23 системно изложил подход к старшинству, подтверждая, что в банкротстве «конкуренция» залогов переносится в конкуренцию прав на выручку: старший залоговый кредитор имеет преимущественный доступ к целевому денежному потоку, а последующие залоги удовлетворяются в пределах остатка. Такой перенос подчеркивает вещно-правовую природу преимущества и одновременно его процессуальную «реализацию» в пределах ст. 138 Закона о банкротстве.

Суды исходят из того, что вся экономическая выгода, замещающая предмет залога (выручка, страховое возмещение, плоды и доходы в предусмотренных законом пределах), должна пройти через специальный счет и распределяться по «заложенной» формуле. Это лишает смысла попытки вывести актив из модели ст. 138 Закона о банкротстве посредством нетипичных операций с производными денежными потоками. Данная логика неоднократно подтверждалась судебными актами, развивающими положения, закрепленные в Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 58.

В результате правовая природа преимущества проявляется как «денежная» адресность: закон не только признает приоритет, но и фиксирует траекторию его материального воплощения – от источника (монетизация залога) к адресату (залоговый кредитор) через строго описанные клапаны контроля.

Преимущества статуса залогового кредитора в банкротстве имеют смешанную природу. Их вещно-правовое ядро – право предпочтительного удовлетворения из предмета залога и старшинство – обеспечивает содержательную обоснованность приоритета. Их процедурно-распределительная оболочка – специальная модель ст. 138 Закона о банкротстве со специальным счетом, целевым распределением, приоритетом расходов на сохранность, процессуальными рычагами контроля реализации – обеспечивает действенность приоритета в условиях коллективного взыскания. Пределы преимущества формируются публично-правовыми интересами (налоги, сохранность), что подтверждено конституционно-правовой интерпретацией. Для практики это означает: оценка «силы» залога должна учитывать не только номинальную стоимость обеспечения и старшинство, но и предстоящие расходы, налоговую нагрузку, выбранный способ продажи и процессуальную дисциплину кредитора; именно совокупность этих факторов определяет реальную величину преимущества в денежной форме.

Список использованной литературы

Джура, В. В. Правовые основания для установления залога по делам о несостоятельности (банкротстве) / В. В. Джура // Глаголъ правосудия. – 2024. – № 3(37). – С. 37–42.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РАБОТЕ С ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ ВО ВЬЕТНАМЕ

Буй Данг Хьеу
доцент, доктор юридических наук,
директор Института сравнительного права
Ханойского юридического университета, г. Ханой, Вьетнам

Аннотация. Кредитование является основным видом профессиональной деятельности коммерческих банков. Для общества кредитные договоры способствуют циркуляции денежных средств между субъектами, обеспечивая приток капитала для производственной и предпринимательской деятельности. Однако в настоящее время доля просроченной задолженности во вьетнамских банках высока. Работа с просроченной задолженностью в целях взыскания задолженности сопряжена со множеством трудностей, требующих решения. В статье представлена картина просроченной задолженности во Вьетнаме на сегодняшний день, анализируются некоторые недостатки правового регулирования, влияющие на работу с просроченной задолженностью в целях удовлетворения законных интересов сторон: банков, заемщиков и клиентов, размещающих средства в банках.

Ключевые слова: кредитный договор; просроченная задолженность; работа с обеспеченными активами; взыскание обеспеченных активов; процентные ставки.

I. Понятие и классификация просроченной задолженности

Кредитование является одним из важнейших видов деятельности коммерческих банков. Для общества кредитные договоры являются основным инструментом, способствующим движению денежных средств между субъектами, обеспечивая приток капитала для производственной и хозяйственной деятельности предприятий и частных лиц. Возникновение и управление просроченной задолженностью считается неизбежным в любой стране. Регулярный анализ и классификация просроченной задолженности помогают банкам контролировать качество кредитных портфелей и, при необходимости, принимать меры для решения проблем, связанных с кредитным качеством кредитных портфелей.

Обычно банки используют внутреннюю систему классификации просроченной задолженности. Система классификации просроченной задолженности, установленная надзорными органами, используется главным образом для целей отчетности, сравнения и мониторинга. Классификация просроченной задолженности различается в зависимости от страны и банка из-за различий в системах классификации, а также оценок, проводимых на разных уровнях управления, таких как руководство банка, внешние аудиторы и банковские инспекторы. Несмотря на сходство, отсутствуют общепринятые международные правила и стандарты. Сегодня в коммерческих банках, как правило, долги с одинаковым уровнем риска и вероятностью дефолта классифицируются по одной и той же группе. Классификация просроченной задолженности по количеству групп задолженности и то, какие группы считаются безнадежными долгами, зависит от нормативных актов банковского надзора каждой страны и внутренней системы классификации задолженности каждого банка. Например, в США выделяют 5 групп долга, в Бразилии – 9 групп долга, в Мексике – 7 групп долга, в Сингапуре – 5 групп долга, во Вьетнаме – 5 групп долга.

Во Вьетнаме, согласно статьям 10 и 11 Циркуляра 11/2021/*TT-NHNN*, безнадежная и просроченная задолженность банков делится на 5 групп:

Группа 1 – Стандартная группа долга. Это группа долга в пределах срока, оцениваемая как имеющая возможность полного своевременного погашения как основного долга, так и процентов. Задолженность имеет период просрочки менее 10 дней и оценивается как имеющая возможность полного своевременного погашения просроченного основного долга и процентов, а также оставшейся части основного долга и процентов.

Группа 2 – Группа долга, требующего внимания. Это группа долга, просроченная по кредитному договору на срок до 90 дней. Задолженность этой группы была скорректирована кредитной организацией или отделением банка таким образом, чтобы первый срок погашения оставался в пределах срока. Или задолженность относится к более высокой или более низкой группе задолженности, но соответствует всем условиям: Заемщик полностью погасил просроченную задолженность по основному долгу и процентам, а также задолженность по основному долгу и процентам следующих периодов погашения с даты полной уплаты просроченной задолженности по основному долгу и процентам или имеет полный пакет документов и записей, подтверждающих полное погашение задолженности, или способность заемщика полностью погасить оставшуюся часть основного долга и процентов в срок.

Группа 3 – Группа нестандартной задолженности. К этой группе задолженности относится задолженность, просроченная на срок от 91 до 180 дней. Первый срок погашения задолженности еще не истек, первый срок погашения задолженности реструктурирован, просрочен менее чем на 30 дней в соответствии с реструктурированным сроком погашения. Задолженность освобождена от уплаты или начислены проценты в размере, уменьшенном на 30 дней, в связи с невозможностью заемщика полностью уплатить проценты в соот-

ветствии с условиями кредитного договора. Задолженность, подлежащая взысканию согласно решению о досрочном взыскании задолженности, вынесенному кредитной организацией или филиалом иностранного банка в связи с нарушением клиентом условий договора с кредитной организацией или филиалом иностранного банка, и не взысканная в течение 30 дней с даты вынесения решения о взыскании.

Группа 4 – Сомнительная задолженность. Это группа задолженности с очень низкой кредитоспособностью, включающая задолженность с просроченной задолженностью от 181 до 360 дней. Задолженность, впервые реструктурированная и просроченная до 90 дней по истечении срока погашения первой реструктурированной задолженности. Задолженность, повторно реструктурированная и не погашенная. Задолженность, подлежащая взысканию согласно заключению проверки или экспертизы, но не взысканная по истечении 60 дней срока взыскания согласно заключению проверки или экспертизы. Задолженность, подлежащая взысканию на основании решения о досрочном взыскании задолженности кредитной организацией или филиалом иностранного банка в связи с нарушением клиентом условий договора с кредитной организацией или филиалом иностранного банка и не взысканная в течение 30–60 дней со дня принятия решения о взыскании.

Группа 5 – Группа с вероятностью потери капитала. Это группа с очень низкой способностью к взысканию задолженности, включающая задолженность, просроченную на срок более 360 дней. Долги, которые были реструктурированы впервые и просрочены на срок 90 дней и более по первому сроку погашения реструктурированной задолженности. Долги, которые были реструктурированы во второй раз, но продолжают быть просроченными по второму сроку погашения реструктурированной задолженности. Долги, которые были реструктурированы в третий раз и более. Некоторые долги, которые должны быть взысканы согласно заключению проверки или экспертизы, но не были взысканы по истечении более 60 дней. Долги, которые должны быть взысканы согласно решению о взыскании задолженности до наступления срока платежа кредитной организации или филиала иностранного банка в связи с нарушением клиентом договора с кредитной организацией или филиалом иностранного банка, и не были взысканы в течение более 60 дней с даты принятия решения о взыскании.

В следующем разделе статьи термин «безнадежная задолженность» используется для обозначения задолженности, в основном относящейся к группам 3, 4 и 5 данной системы классификации просроченной задолженности.

II. Текущая ситуация с безнадежной задолженностью во Вьетнаме и ее причины

1. Текущая ситуация с безнадежной задолженностью во Вьетнаме

Фактически во Вьетнаме общий непогашенный кредитный баланс всей экономики в 2024 г. оценивается примерно в 16 миллионов миллиардов донгов, из которых объем безнадежной задолженности находится на высоком

уровне (около 1 030 миллионов миллиардов донгов, что эквивалентно почти 40 миллиардам долларов США, что составляет 6–7%). Коэффициент безнадежной задолженности в 6% является очень высоким показателем по сравнению со средним показателем в 2–3% по развивающимся экономикам. Это серьезно влияет на качество активов банковской системы и создает большую нагрузку на резервы под риски, что является фактором, способствующим росту процентных ставок по кредитам. Согласно статистике Ассоциации банков Вьетнама, за первые два месяца 2025 г. безнадежная задолженность резко возросла, составив около 34 триллионов донгов. Между тем скорость обработки безнадежных долгов достигла лишь около 15 триллионов донгов, поскольку кредитные организации создавали резервы на покрытие рисков для их обработки. Финансовые отчеты за первый квартал 2025 г. зарегистрированных банков демонстрируют не слишком оптимистичную картину безнадежных долгов общей суммой более 266 000 миллиардов донгов, что на 18,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Проблема безнадежных долгов стала одной из основных проблем кредитно-банковской системы Вьетнама. Безнадежные долги не только оказывают финансовое давление на кредитные организации и банки, но и подрывают стабильность экономики. Что еще более важно, ущерб не ограничивается этой огромной суммой: наряду с «замороженным» капиталом, сопутствующие ипотечные активы также не используются из-за правовых сложностей. Это означает, что экономика страдает от двойного удара: теряет кредиты и оставляет активы «бездействующими».

2. Основные причины текущей ситуации с проблемной задолженностью объясняются следующим образом

Во-первых, рост спекулятивных кредитов, особенно в сегменте недвижимости. Государственные банки также зафиксировали рост проблемной задолженности корпоративных клиентов в секторе строительных материалов.

Во-вторых, сложность взыскания задолженности является важной проблемой. Должники часто испытывают трудности с погашением долгов из-за нехватки активов или финансовых возможностей. Это снижает возможности взыскания задолженности и затягивает процесс урегулирования проблемной задолженности.

В-третьих, сложная юридическая структура также усугубляет ситуацию с урегулированием проблемной задолженности. Юридические процедуры, связанные с урегулированием проблемной задолженности, часто сложны и длительны, что замедляет процесс урегулирования и создает неудобства для заинтересованных сторон.

В-четвертых, урегулирование проблемной задолженности также влияет на имидж и репутацию финансовых учреждений и банков. Появление проблемной задолженности может подорвать доверие общественности и инвесторов, создавая риски для деловой активности, а также для традиций и репутации финансовых учреждений.

III. Меры по работе с просроченной задолженностью

Работа с просроченной и безнадежной задолженностью является одной из функций каждого банка. Решение о том, как это сделать, принимается банком на основе его деятельности и соответствующих нормативных актов. Тем не менее работа с задолженностью по-прежнему осуществляется в соответствии с принципами и положениями закона. Как правило, работа с просроченной задолженностью банка осуществляется на основании следующих правовых актов:

– Общих положений Государственного банка по работе с просроченной задолженностью.

– Отдельных положений, содержащихся в Уставе, Кредитном договоре и Договоре поручительства по кредиту каждого банка.

Правовая основа установлена в соответствии с положениями Гражданского кодекса 2015 г. и Циркуляром 11/2021/*TT-NHNN*. Как правило, при работе с банковской задолженностью действуют следующие положения:

Статья 299 Гражданского кодекса 2015 г. определяет случаи обращения с заложенным имуществом:

– Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства обязанной стороной при наступлении срока исполнения обеспеченного залогом обязательства.

– Обязанная сторона должна исполнить обеспеченное залогом обязательство до истечения срока в связи с нарушением обязательства в соответствии с договором или законом.

– Иные случаи, согласованные сторонами или предусмотренные законом.

Статья 303 Гражданского кодекса 2015 г. определяет порядок обращения с заложенным имуществом:

– Поручитель и залогодержатель вправе договориться об одном из следующих способов обращения с заложенным имуществом: торги. Залогодержатель продает само имущество. Залогодержатель получает само имущество взамен исполнения обязательства гаранта. Иные способы.

– В случае отсутствия соглашения о порядке распоряжения заложенным имуществом, предусмотренном пунктом 1 настоящей статьи, имущество реализуется на торгах, если иное не установлено законом.

В настоящее время к наиболее часто используемым мерам по работе с проблемной задолженностью относятся:

1. Ускоренное взыскание задолженности. Коммерческим банкам необходимо анализировать и классифицировать проблемную задолженность, чтобы предлагать соответствующие меры по взысканию, взысканию и работе с каждым кредитом. Необходимо строго контролировать финансовое положение клиентов с проблемной задолженностью, особенно крупных клиентов. Для действующих предприятий необходимо создать условия для поддержания их нормальной деятельности. Меры по ускорению взыскания задолженности должны применяться только в течение определенного периода времени и в сочетании с рядом других мер.

2. Реструктуризация задолженности. Реструктуризация задолженности – это мера, применяемая в случае, когда наступает срок погашения задолженности, но банк оценивает, что клиент вряд ли сможет погасить задолженность в соответствии с ранее согласованным графиком погашения из-за трудностей в производственно-хозяйственной деятельности. В этом случае банк может скорректировать срок задолженности или продлить срок ее погашения, чтобы создать условия, позволяющие клиенту полностью и своевременно погасить задолженность в соответствии с реструктурированным сроком. Реструктуризация задолженности должна основываться на способности клиента восстановить производственную и коммерческую деятельность в ходе реструктуризации. Это позволит создать источник дохода для погашения задолженности перед банком. Применение этой меры требует от банка точной оценки возможности восстановления платежеспособности после реструктуризации.

3. Продолжение кредитования для поддержания операционной деятельности. Эта мера используется банками в отношении клиентов, испытывающих временные трудности, приводящие к невыполнению обязательств по погашению задолженности. В этом случае, если предполагается, что дополнительное кредитование капитала может решить эти трудности, оно поможет клиентам восстановить производственные и деловые мощности, тем самым давая им возможность выполнить обязательства по погашению старых и новых долгов. Этот вариант выгоден как банку, так и клиенту. Клиенты могут избежать давления, связанного с необходимостью погашения задолженности, для продолжения ведения бизнеса. Банк избегает сокращения просроченной задолженности.

4. Освобождение от уплаты процентов. Банки могут применять меры по освобождению / снижению процентных ставок по кредитам для клиентов, чтобы получить полную сумму основного долга и часть процентов (если таковые имеются). Эта мера применяется для снижения финансовых трудностей клиентов (клиентов, потерявших активы, что привело к финансовым трудностям, и неспособных погасить долги), создания условий для восстановления производственной и деловой активности клиентов, стабилизации их жизни и поощрения клиентов к частичному или полному погашению оставшейся безнадежной задолженности в банке.

5. Поддержка клиентов во взыскании задолженности. В случае если клиенты испытывают трудности с погашением задолженности из-за слишком большого количества непогашенной дебиторской задолженности. Чтобы помочь клиентам найти источник погашения задолженности, банки могут оказывать им поддержку во взыскании задолженности. В частности, в случаях, когда дебиторская задолженность клиентов напрямую связана с организациями, имеющими деловые отношения с банком (клиенты, которые берут кредит или размещают средства в банке), банк может опираться на свои отношения для поддержки клиентов во взыскании задолженности, тем самым выполняя свои обязательства по погашению задолженности перед банком.

6. Работа с залоговыми активами. В случае невозможности реструктуризации безнадежной задолженности, задержки или неспособности клиентов погасить свою задолженность, банк принимает меры по работе с залоговыми активами или требует от гаранта исполнения гарантийного обязательства. Обычно при одобрении кредита клиентам необходимо наличие определенного залогового имущества в качестве гарантии исполнения своих долговых обязательств перед банком. В случае невыплаты задолженности клиентами банк рассматривает возможность применения мер по взысканию задолженности, связанных с залоговым имуществом. После завершения юридических процедур по передаче активов банку банк может публично продать активы, продать их через аукционный центр или продать компании, торгующей долговыми обязательствами.

7. Продажа долга. Это передача прав кредитора по долгам, которые в настоящее время являются непогашенными или находятся на внебалансовом учете в банке, отечественным и зарубежным организациям или физическим лицам, нуждающимся в покупке долга. Передача долга осуществляется одновременно с передачей обязательств должника и связанных с ним лиц. Долг может быть продан полностью или частично, продан многим покупателям долга и может многократно перепродаваться. Продажа долга может осуществляться путем аукциона долга в соответствии с правилами проведения аукционов активов, путем прямых переговоров между продавцом и покупателем или через брокера. Эта мера используется банками для взыскания безнадежных долгов, погашения и управления непогашенной задолженностью, очистки и оздоровления баланса, обеспечивая безопасное, эффективное и устойчивое развитие банка. Банки часто применяют эту меру, когда не хотят терять время или у самого банка есть специализированная организация по работе с задолженностью, которая называется компанией по управлению задолженностью и эксплуатации активов. Перепродажа безнадежных долгов (или прав взыскания задолженности) другой организации (которой может быть банк или компания по управлению задолженностью и эксплуатации активов) поможет банку сократить безнадежную задолженность. Однако при применении этой меры банку часто приходится соглашаться на перепродажу долгов по цене ниже текущей стоимости прав взыскания задолженности. Это приводит к определенным потерям в результатах деятельности банка.

8. Урегулирование за счет резервного фонда рисков. В случае неэффективности других мер по взысканию задолженности банки могут использовать резервный фонд рисков для погашения безнадежной задолженности. Благодаря своей высокой проактивности, эта мера часто используется коммерческими банками в максимальной степени для быстрого урегулирования задолженности. По сути, эта мера заключается в использовании внутренних ресурсов банка для преодоления бремени безнадежной задолженности, что сказывается на результатах его деятельности. Чрезмерное использование таких мер снижает доходы банка, в то время как ссудный капитал остается невостребованным. Поэтому банкам следует сосредоточиться на более радикальных ме-

рах по взысканию задолженности. Использование резервного фонда рисков для погашения задолженности не означает полного списания задолженности клиента. Эта задолженность по-прежнему отслеживается на внебалансовом уровне и погашается, когда клиент может ее погасить (частично или полностью).

9. Конвертация безнадежной задолженности в акционерный капитал. Это мера, с помощью которой банки управляют безнадежной задолженностью, используя безнадежные долги для покупки акций клиентов. По сути, это мера, позволяющая банку перейти от статуса кредитора к статусу собственника для предприятий, имеющих безнадежную задолженность в банке. Банки часто применяют эту меру, когда клиенты сталкиваются с бизнес-рисками по объективным причинам, но имеют перспективы восстановления, или бизнес временно приходит в упадок, или в случае клиентов с большой задолженностью, но у них еще есть возможность восстановиться. Применение этой меры может помочь банкам быстро справиться с проблемной задолженностью и привести баланс в порядок. Однако, если оценка способности предприятия к восстановлению производственных мощностей неточна: задолженность конвертируется в вложенный капитал, а клиент не улучшает свои финансовые возможности, эта мера, по сути, лишь трансформирует проблемную задолженность и фактически не может быть взыскана.

10. Секьюритизация проблемной задолженности. Секьюритизация задолженности – это метод конвертации задолженности в ценные бумаги, которые могут быть проданы на финансовом рынке. Для секьюритизации проблемной задолженности банки должны собирать долги со схожими характеристиками и продавать их организациям, специализирующимся на секьюритизации (*Special Purpose Verification – SPV*). Организации *SPV* выпускают на рынок ценные бумаги, обеспеченные секьюритизированными долгами. Секьюритизация поможет неликвидной проблемной задолженности стать ценными бумагами, которые могут быть легко проданы на рынке. Таким образом, это также считается эффективной мерой управления проблемной задолженностью, помогающей банкам снизить риски, увеличить доступный капитал и сократить потери по кредитам. Однако для реализации этой меры банкам необходимо иметь большое количество долгов со схожими характеристиками, стабильный финансовый рынок и, в особенности, профессиональные специализированные юридические лица (*SPV*).

11. Государственная поддержка. В случае проблемной задолженности, возникшей по кредитам, выданным в рамках государственной политики, коммерческие банки вынуждены рассчитывать на компенсацию из государственного бюджета. Фактически политические кредиты можно считать кредитами, гарантированными третьей стороной – правительством. Поэтому, когда коммерческие банки не могут взыскать задолженность с заемщиков этой категории, правительство должно вмешаться и разрешить ситуацию для банков. Правительство также может использовать бюджетный капитал для выкупа всей проблемной задолженности коммерческих банков и постепенно ре-

шать ее в течение ряда лет, чтобы освободить коммерческие банки от кризиса проблемной задолженности и помочь им сосредоточиться на основной деятельности. Кроме того, в случаях, когда уровень проблемной задолженности в системе коммерческих банков слишком велик, что может негативно повлиять на стабильность и развитие экономики, правительство часто принимает меры по поддержке коммерческих банков в ее урегулировании. Эта мера имеет ограничение, заключающееся в невозможности ее регулярного применения из-за ограниченности бюджетного капитала. Работа с большим объемом проблемной задолженности потребует больших затрат, сократит инвестиционные бюджеты в других областях и повлияет на всю экономику. Эта мера по возможности применяется только в случае особо острого экономического кризиса, угрожающего национальной финансовой безопасности.

12. Возложить ответственность на сотрудника, допустившего ошибку. В случае если задолженность не может быть взыскана кредитным сотрудником по субъективным причинам, банк должен строго требовать от лиц, причастных к возникновению убытков, возмещения причиненного ими ущерба. Эта мера, с одной стороны, снижает убытки банка. С другой стороны, она также имеет сдерживающее значение, укрепляет соблюдение внутренней дисциплины и минимизирует мошенничество в профессиональной деятельности кредитных сотрудников.

13. Подайте иск или ходатайство о возбуждении процедуры банкротства предприятия. Банку придется применить правовые меры для взыскания задолженности, если вышеуказанные меры невозможны. Банк может обратиться в суд с просьбой о вмешательстве, чтобы заставить клиента погасить задолженность, передать обеспечение по кредиту или, если клиент является юридическим лицом, неспособным погасить задолженность, банк, как кредитор, может подать заявление в суд о возбуждении процедуры банкротства в соответствии с Законом о банкротстве. На практике применение этой меры часто неэффективно для взыскания задолженности банком из-за сложных процедур, клиенты часто не в состоянии погасить задолженность, залоговое обеспечение имеет правовые споры или не имеет достаточной стоимости для погашения кредита... Кроме того, спор негативно скажется на репутации и имидже банка на рынке.

Для эффективного применения этой меры банку необходимо обеспечить полноту и соответствие документации по кредиту юридическим требованиям. Банк обращается в суд с иском к клиенту о взыскании задолженности. Решение суда обяжет клиента погасить задолженность или передать залоговое обеспечение кредита банку для взыскания задолженности. Если клиент является предприятием, неспособным погасить задолженность, банк, как основной кредитор, может подать заявление о возбуждении процедуры банкротства предприятия в соответствии с Законом о банкротстве. Однако применение этой меры зачастую не приносит желаемых результатов из-за сложности процедур, больших временных затрат и неэффективности санкций по контролю за исполнением решения суда.

Иными словами, существует множество мер по управлению безнадежной задолженностью, которые коммерческий банк может применять в порядке приоритетности от низшего к высшему с точки зрения каждого банка. Каждая мера имеет свои преимущества и недостатки. Таким образом, в зависимости от каждого кредита, каждого конкретного клиента, а также каждого этапа, вышеуказанные меры могут гибко применяться для достижения наилучших результатов по взысканию безнадежной задолженности.

IV. Некоторые трудности в применении закона об урегулировании безнадежной задолженности

Наряду с ростом безнадежной задолженности, применение закона об урегулировании безнадежной задолженности стало важным фактором обеспечения справедливости и эффективности процесса взыскания задолженности. Однако применение закона при урегулировании безнадежной задолженности сталкивается с многочисленными трудностями, возникающими с разных сторон. Ниже в статье будут приведены примеры некоторых трудностей, возникающих с точки зрения различных сторон:

1. Для банка – вопрос о мерах обеспечения кредитных договоров

Как было проанализировано выше, большинство кредитных договоров предусматривают соглашения об обеспечительных мерах, помогающих банкам взыскать задолженность и проценты. В качестве мер обеспечения обычно применяются залог, ипотека и поручительство. Однако практика показывает, что механизм обеспечения обеспечительными мерами по-прежнему неэффективен. Ряд нерешенных вопросов, связанных с обращением с залоговыми активами, ждут своего решения, а именно:

а. Случаи, когда ипотека обеспечивает несколько кредитных договоров: Хотя в договоре ипотеки четко указано, что ипотека обеспечивает кредиты заемщика, в случае возникновения спора суд по-прежнему требует, чтобы при каждом заключении последующего кредитного договора был подписан договор ипотеки (или приложение к договору ипотеки), в котором четко указано, что каждый новый кредит также обеспечен заложенным имуществом, и стороны также обязаны зарегистрировать ипотеку для последующих приложений. Во многих случаях, если эти требования не соблюдены, суд признает договор ипотеки недействительным, что весьма необоснованно.

б. Случаи, когда ипотека не зарегистрирована в качестве обеспечения кредитного договора. Статья 298 Гражданского кодекса 2015 г. четко устанавливает, что регистрация ипотеки имеет значение только для возникновения правовых последствий в отношении третьих лиц, и гласит: «Регистрация является условием действительности обеспеченной сделки лишь в случаях, предусмотренных законом». Однако на практике суд часто признает договоры ипотеки недействительными, если они не зарегистрированы, что необоснованно ставит банк в невыгодное положение.

в. Вопрос о залоге имущества, не принадлежащего поручителю. Пункт 1 статьи 295 Гражданского кодекса 2015 г. гласит: «Залог должен принад-

лежать поручителю, за исключением случаев удержания имущества и сохранения права собственности». В большинстве случаев кредитования банк также проверяет право собственности залогодателя, обращаясь в Регистрационный орган по земельным правам, договор ипотеки также нотариально удостоверен и зарегистрирован, а сам залогодатель также обязуется быть собственником имущества. Однако в действительности существуют случаи, когда при подаче иска о распоряжении заложенным имуществом третье лицо заявляет о фактической передаче заложенного имущества третьему лицу посредством собственноручного договора, о передаче имущества и уплате денежных средств, и на этом основании суд признает договор ипотеки недействительным, поскольку заложенное имущество не принадлежит залогодателю. Таким образом, сумма, выдаваемая банком, становится необеспеченным кредитом.

г. Сложности с обращением взыскания на заложенное имущество и управлением им. Характерной чертой ипотеки является то, что заложенное имущество по-прежнему находится во владении, управлении и пользовании залогодателя. Однако по истечении срока, если заемщик не погашает задолженность, заемщик (который также является залогодателем) откажется передать заложенное имущество банку для управления.

В этом случае у банка есть только один путь: обратиться в суд в соответствии с положениями статьи 301 Гражданского кодекса 2015 г.: «В случае непередачи залогодержателем имущества залогодержатель вправе обратиться в суд с иском о разрешении спора». Этот процесс часто длится очень долго, иногда несколько лет, и серьезно затрагивает интересы банка. Даже после того, как суд вынес вступившее в законную силу решение суда, банки по-прежнему сталкиваются со множеством трудностей и препятствий в процессе его исполнения. Право на обращение взыскания на заложенное имущество кредитных организаций является серьезным препятствием в работе с проблемной задолженностью. Эксперты, банки и бизнес-ассоциации единогласно утверждают, что это право необходимо легализовать для защиты законных интересов и разблокирования потоков капитала в экономику. Основной принцип заключается в том, что заемщики обязаны погашать свои долги, а если они используют залоговое обеспечение, то при невозможности его погасить это имущество должно быть арестовано. Если арест не будет запрещен, банки не осмелятся выдавать кредиты, а у заемщиков не будет мотивации выплачивать свои долги. Вопрос обращения с залоговым обеспечением довольно сложный, поскольку он также связан со многими другими законами. Однако с юридической точки зрения во многих странах право на арест залогового обеспечения, естественно, защищено законом. Однако во Вьетнаме это право не получило полной институционализации, поэтому необходимо четко закрепить в законодательстве право на арест активов для защиты законных интересов банков, акционеров и вкладчиков – тех, кто, по сути, вносит капитал в экономику через кредитную систему.

2. Для заемщиков – вопрос о предельной процентной ставке

Статья 468 Гражданского кодекса 2015 г. устанавливает максимальную процентную ставку по кредиту следующим образом: «1. Процентная ставка по кредиту устанавливается по соглашению сторон. В случае достижения сторонами соглашения о процентной ставке согласованная процентная ставка не должна превышать 20% годовых от суммы кредита, если иное не предусмотрено другими соответствующими законами. Исходя из фактической ситуации и по предложению Правительства, Постоянная комиссия Национального собрания принимает решение о корректировке вышеуказанной процентной ставки и докладывает Национальному собранию на ближайшей сессии». Вопрос заключается в следующем: распространяется ли данное положение о предельной процентной ставке на банковские кредитные договоры? Ограничиваются ли банки этим 20%-ным пределом кредитования? В настоящее время по этому вопросу существуют две противоположные точки зрения.

Первое толкование заключается в том, что максимальный размер процентной ставки в 20% не распространяется на все договоры банковского кредита. Аргументация в пользу такого толкования заключается в следующем: пункт 3 статьи 4 Гражданского кодекса 2015 г. гласит: «В случаях, когда другие законы не предусматривают или содержат положения, нарушающие пункт 2 настоящей статьи, применяются положения настоящего Кодекса». Однако пункт 2 статьи 91 Закона о кредитных организациях 2010 г. гласит иное: «2. Кредитные организации и клиенты вправе согласовывать процентные ставки и размер платы за кредиты при осуществлении банковской деятельности кредитных организаций в соответствии с положениями закона» (в последней редакции Закона о кредитных организациях 2024 г. аналогичные положения также содержатся в пункте 2 статьи 100). Таким образом, при наличии иных положений других законов положения Гражданского кодекса о предельных размерах процентных ставок не применяются. Кроме того, Постановление № 01/2019/*NQ-HDTP* «О применении ряда правовых норм о процентах, процентных ставках и штрафных санкциях за нарушения» содержит в пункте 2 статьи 7 четкое положение о неприменении положений о предельном размере процентных ставок: «2. При разрешении споров по кредитным договорам суд применяет положения Закона о кредитных организациях, а также правовые документы, определяющие и регламентирующие применение Закона о кредитных организациях, для разрешения споров без применения положений о предельном размере процентных ставок Гражданского кодекса 2005 года и Гражданского кодекса 2015 года при определении процентных ставок».

Второе толкование заключается в том, что предельный размер процентной ставки в размере 20% применяется ко всем банковским кредитным договорам. Аргумент в пользу такого толкования заключается в следующем: Закон о кредитных организациях предусматривает только «право на согласование процентных ставок», но не устанавливает максимальный размер такого соглашения (в пункте 1 статьи 468 Гражданского кодекса то же самое указано: «Процентные ставки по кредитам устанавливаются по соглашению сторон»).

И поскольку Закон о кредитных учреждениях не устанавливает максимальную процентную ставку по кредитам, применяются положения пункта 3 статьи 4 Гражданского кодекса 2015 г. В статье 1 Гражданского кодекса 2015 г. указано, что сфера применения Гражданского кодекса «устанавливает... правовые нормы поведения физических и юридических лиц», включая коммерческие банки и их клиентов. Хотя Постановление Судебного совета Верховного народного суда также является юридическим документом, оно не может определять субъектов применения Гражданского кодекса. Необходимо подчеркнуть положения Гражданского кодекса, касающиеся изменения предельной ставки по кредитам, следующим образом: «Исходя из фактической ситуации и по предложению Правительства, Постоянный комитет Народного собрания принимает решение о корректировке вышеуказанной процентной ставки и докладывает Народному собранию на ближайшей сессии», что означает, что полномочия по корректировке максимальной процентной ставки по-прежнему принадлежат Народному собранию (Правительство имеет право только предлагать изменения). В настоящее время приоритетно применяется первое понимание, согласно которому положения Гражданского кодекса 2015 г. о предельной процентной ставке в 20% не применяются к банковским кредитным договорам займа. В этом контексте коммерческие банки повышают процентные ставки по кредитам свыше 20% по некоторым видам кредитов. Во Вьетнаме, согласно статистике, текущая процентная ставка по потребительским кредитам коммерческих банков колеблется в пределах 40–50% в год (в частности, 80% в год), текущая процентная ставка по кредитным картам колеблется в пределах 20–40% в год. Преимущество отсутствия ограничения предельной процентной ставки по кредитным кредитам заключается в том, что это помогает коммерческим банкам более активно корректировать процентные ставки в соответствии с колебаниями рынка и спросом на кредиты на каждом этапе. Однако отсутствие ограничения предельной процентной ставки также может затруднить доступ предприятий к заемному капиталу для инвестирования в расширение производства и бизнеса.

3. Для стороны, участвующей в разрешении спора, – вопрос определения обязанности супругов по погашению долга

Во многих случаях в договоре банковского кредита указан только один супруг (муж или жена), но при обращении в суд истец требует, чтобы оба супруга погасили долг совместно, чтобы можно было задействовать все общее имущество супругов и достаточную сумму для погашения долга. В таких случаях другой супруг (муж или жена, не упомянутые в договоре кредита) часто заявляет, что не знал о кредите и не пользуется заемным имуществом. Вьетнамский Закон о браке и семье устанавливает принцип создания имущества, согласно которому имущество, созданное одним из супругов в период брака, является общей собственностью (установлено в пункте 1 статьи 33 Закона о браке и семье 2014 г.). Кроме того, пункт 3 статьи 33 Закона о браке и семье 2014 г. также устанавливает принцип вывода: «В случае отсутствия оснований для доказательства того, что имущество, являющееся предметом спора

между мужем и женой, является их раздельной собственностью, это имущество считается общей собственностью супругов».

Что касается долгов, не все займы, взятые в период брака, считаются совместными. Если банковский кредитный договор заключен только одним лицом (мужем или женой), обязанность погасить долг будет считаться исключительной обязанностью этого лица (мужа или жены). Данное обязательство по погашению долга будет считаться общим обязательством супругов только в исключительных случаях, предусмотренных статьей 37 Закона о браке и семье 2014 года:

«Супруги имеют следующие общие имущественные обязательства:

1. Обязательства из сделок, заключенных по взаимному соглашению супругов, обязательства по возмещению ущерба, за которые супруги несут солидарную ответственность в соответствии с положениями закона;

2. Обязательства, исполняемые супругами для удовлетворения основных потребностей семьи;

3. Обязательства, вытекающие из владения, пользования и распоряжения общим имуществом;

4. Обязательства, вытекающие из использования раздельного имущества для содержания и развития общего имущества или для создания основного источника дохода семьи;

5. Обязательства по возмещению ущерба, причиненного детьми, которые родители обязаны возместить в соответствии с положениями Гражданского кодекса;

6. Иные обязательства в соответствии с положениями соответствующих законов».

При применении данного положения банк будет обязан распоряжаться общим имуществом супругов для погашения задолженности только в нескольких очень сложных случаях, а именно:

Во-первых, если банк сможет доказать наличие соглашения между супругами о получении банковского кредита. В большинстве случаев это практически невозможно, поскольку заемщик часто намеренно скрывает информацию об этом.

Во-вторых, если в кредитном договоре есть соглашение о том, что целью кредита является «удовлетворение основных потребностей семьи», например, совместное потребление всей семьи.

В-третьих, если в кредитном договоре есть соглашение о том, что целью кредита является ремонт и модернизация дома, находящегося в совместной собственности супругов, и удовлетворение жилищных потребностей всей семьи.

В-четвертых, если в кредитном договоре есть соглашение о том, что целью кредита является ремонт и модернизация частного дома, но при этом удовлетворение общих жилищных потребностей всей семьи.

В-пятых, если в кредитном договоре указано, что целью кредита является исполнение обязанности по возмещению ущерба, причиненного несовершеннолетними (при солидарной ответственности супругов). На практике бан-

ку крайне сложно доказать, что кредит подпадает под эти исключительные случаи. Если же это невозможно, то обязанность по погашению долга будет считаться исключительной обязанностью заемщика, и тогда банк будет иметь право взыскать только половину стоимости совместно нажитого имущества супругов, которое будет использовано для погашения долга и процентов.

Список использованной литературы

1. Спор по кредитному договору, заключенному более 10 лет назад, могу ли я подать в суд? // VN Economic, 2 июня 2023 г. URL: https://vneconomy.vn/tranh-chap-hop-dong-tin-dung-hon-10-nam-co-khoi-kien-duoc-khong.htm
2. *Хун Ань*. Недостатки в разрешении кредитных споров // Электронная газета «Нян Дан», 18 мая 2025 г. URL: https://nhandan.vn/bat-cap-trong-giai-quyet-tranh-chap-tin-dung-post703760.html
3. *Нонг Тхи Тхоа*. Общие и отдельные обязательства в отношении имущества мужа и жены в соответствии с Законом о браке и семье 2014 г. URL: https://tapchitoaan.vn/nghia-vu-chung-nghia-vu-rieng-ve-tai-san-cua-vo-chong-theo-luat-hon-nhan-va-gia-dinh-nam-20145828.html
4. *Нгуен Тхи Киеу Транг*. Применение срока исковой давности для возбуждения иска о взыскании основного долга // Журнал «Вьетнамский юрист». URL: https://lsvn.vn/ap-dung-thoi-hieu-khoi-kien-doi-voi-so-tien-goc-cho-vay-1715267521-a143502.html
5. *Чан Тхи Тху Хиен*. Об определении срока исковой давности для предъявления иска об уплате процентов по имущественным искам // Электронный журнал инспекции. 13 июня 2018 г. https://kiemsat.vn/ve-xac-dinh-thoi-hieu-khoi-kien-thanh-toan-no-lai-doi-voi-tranh-chap-doi-lai-tai-san-50059.html
6. *Тхань Лан*. Устранение препятствий в разрешении кредитных споров // Электронная газета «Вьетнамское законодательство», 22 апреля 2023 г. URL: https://baophapluat.vn/go-vuong-trong-giai-quyet-tranh-chap-hop-dong-tin-dung-post473287.html
7. T.V (2023) // Электронная газета «Дау Ту», «Процентные ставки по потребительским кредитам: необходимо установить верхний предел». URL: https://baodautu.vn/lai-suat-cho-vay-tieu-dung-can-co-quy-dinh-muc-tran-d204130.html
8. *Vo Van Nhu*. Если банк потребует погашения задолженности по договору после истечения срока исковой давности, приостановит ли суд ее исполнение или нет? // Журнал «Электронный суд» 24 сентября 2021 г. URL: https://tapchitoaan.vn/bank-requests-payment-according-to-contract-when-the-time-is-overdue-the-court-will-it-be-determined-or-not

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И КРАУДФАНДИНГА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Кирилл Дмитриевич Гулевич
студент 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
gulevich.kirya7@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи выражается в том, в современном мире цифровые технологии используются почти во всех сферах жизни, отражаясь на правах и обязанностях граждан, в ходе чего развитие системы регулирования цифровых прав в эпоху цифровизации должно быть ориентировано на уровень развития реально сложившихся в гражданском обществе отношений, связанных с использованием и процессом осуществления цифровой трансформации. Цель исследования состоит в проведении комплексного анализа современного состояния правового регулирования цифровых прав и краудфандинга в Российской Федерации. В работе также проанализированы и определены ключевые законодательные новеллы, включая введение в Гражданский кодекс Российской Федерации понятия «цифровые права», и принятие специализированных федеральных законов, формирующих базу для привлечения инвестиций через платформы.

Ключевые слова: цифровизация; цифровые права; краудфандинг; краудсорсинг; проблемы цифровой экономики.

Стремительная цифровизация экономики и общественных отношений обусловила появление новых объектов гражданских прав и финансовых инструментов. Цифровые права и краудфандинг с каждым разом все больше становятся неотъемлемой частью современного гражданского оборота. Правовое регулирование этих институтов в России находится в стадии активного формирования, что демонстрирует последовательная работа законодателя.

В ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) слова «вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права» заменены словами: «вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том

числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права)»[524].

Основу регулирования цифровых прав заложила ст. 141.1 ГК РФ, которая определяет их как обязательственные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами конкретной информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Дальнейшее развитие данная область получила в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который установил процедурные основы выпуска и обращения цифровых финансовых активов (ЦФА) и ввел понятие утилитарного цифрового права. Детализация регулирования продолжается на уровне подзаконных актов, таких как Указание Банка России № 7036-У, устанавливающее дополнительные требования к иностранным цифровым правам.

Практика России в правовом регулировании цифровых прав показывает постоянное развитие законодательства, связанное с меняющимся в настоящее время цифровым пространством. Однако, как и во многих странах, вопросы обеспечения безопасности, защиты данных и соблюдения цифровых прав остаются предметом постоянного внимания и обсуждения[525].

В настоящее время цифровые технологии используются почти во всех сферах общественной жизни и, как следствие, влияют на права и обязанности граждан.

Поскольку цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, нельзя не рассмотреть Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Настоящий закон также называют «Закон о краудфандинге».

Краудфандинг (в переводе с англ. *crowd* – «толпа», *funding* – «финансирование») представляет собой финансирование проектов или предприятий путем привлечения небольших сумм денег у большого числа людей, осуществляемое в большинстве случаев через информационно-телекоммуникационную сеть «интернет». Краудфандинг также считается формой краудсорсинга. Каждый год в мире за счет краудфандинга привлекается в среднем 30–50 миллиардов долларов.

Как отмечает Г. Т. Папаскуа: «о коллективном инвестировании можно говорить с двух точек зрения: с одной стороны, это механизм вложения денежных средств, для извлечения прибыли, а с другой – это представляет собой

---

524 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

525 *Миннегалиева Л. И.* Правовое регулирование цифровых прав: опыт России и зарубежных стран // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12. С. 1.

совокупность общественных отношений, складывающихся в процессе вложения указанных денежных средств»[526].

Специалисты в области цифровой экономки считают, что краудфандинг с каждым разом становится все более востребованным инструментом финансирования инновационных бизнес-проектов по той причине, что его использование решает задачи, необходимые для запуска и развития бизнеса в области инновационных технологий, рекламы и продвижения цифрового продукта, а также привлечения новых клиентов и пользователей к инновационному бизнес-проекту[527].

Под краудсорсингом (в переводе с англ. *crowd* – «толпа», *sourcing* – использование ресурсов) в первую очередь понимается привлечение интеллектуальных ресурсов толпы для решения задач. Особенностью регулирования является его нейтральность по отношению к цифровым правам, а также одновременная привязка к конкретным организационно-правовым структурам.

Несмотря на отрицательные черты краудсорсинга, он содержит в себе немало существенных возможностей, которые могут сильно помочь в развитии цифровой экономики[528].

Законодатель пытается адаптировать классические гражданско-правовые конструкции (например, договор займа) к новым цифровым реалиям.

По сути, речь идет о народном финансировании, когда бизнес-проекты финансируются за счет привлечения средств от большого числа людей.

На основе анализа законодательства и статистических данных стоит отметить, что правовая неопределенность в области использования цифровых прав и краудфандинга выражены в следующих ключевых проблемах:

– в сфере цифровых прав проблема выражается в отсутствии четкого правового статуса цифровых активов, что в итоге создает энтропию в вопросах, связанных с владением, налогообложением, наследованием и обращением взыскания на рассматриваемый вид прав;

– в сфере же краудфандинга сложности возникают в связи с несоответствием, существующим между защитой прав инвесторов и развитием рынка, выражающимся в высоких финансовых рисках.

Для преодоления существующих проблем, связанных с регулированием цифровых прав в Российской Федерации, требуется проведение определенного комплекса мер, заключающихся в устранении правовой неопределенности, создании адаптивной и сбалансированной системы регулирования, прозрачности участников цифрового рынка, а также ужесточения ответ-

---

526 *Папаскуа Г. Т.* Краудфандинг: Понятие, виды и риски // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 78.

527 *Лапидус Л. В., Полякова Ю. М., Тотоян В. С.* Краудфандинг: природа, сущность и условия для реализации инновационных бизнес-проектов // Экономика и управление. 2024. № 1. С. 76.

528 *Воробьев С. М., Ивлиев П. В.* Краудсорсинг как инновационный механизм повышения производственной деятельности // Аграрное и земельное право. 2023. № 4. С. 157.

ственности за нарушение условий, предусмотренных договором об оказании услуг по привлечению инвестиций.

В целом анализ действующей редакции ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время понятие «цифровые права», представленное в ст. 141.1 ГК РФ, является слишком узким и в некоторой степени противоречит сложившемуся правовому регулированию, его принципам. Правовое регулирование цифровых прав в Российской Федерации представляет собой динамично развивающуюся, но еще не завершенную систему. Законодатель предпринял значительные усилия по интеграции этих новых институтов в область гражданского права, создав для них нормальное правовое регулирование[529].

Процесс правового регулирования по вопросу, рассматриваемому в настоящей работе, нуждается в дальнейшей детализации, а устранение существующих коллизий должно быть обеспечено именно путем совершенствования законодательства и формирования единой судебной практики. Вышеуказанные условия являются необходимыми условиями для обеспечения правовой определенности и развития цифрового гражданского оборота в Российской Федерации.

Хотелось бы отметить, что правовые позиции специалистов в области цифровой экономики заключаются в признании цифровых прав как обособленной группы прав.

В условиях динамичного развития гражданско-правовых отношений и появления в них новых объектов, требующих специализированного правового регулирования, наиболее верным представляется подход, определяющий цифровые права как самостоятельную категорию в гражданском праве Российской Федерации.

Таким образом, совершенствование законодательства в области правового регулирования цифровых прав должно быть нацелено именно на достижение баланса между стимулированием технологических инноваций и обеспечением надежной защиты прав в контексте активной цифровизации экономики и гражданско-правовых отношений в Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. *Воробьев, С. М.* Краудсорсинг как инновационный механизм повышения производственной деятельности / С. М. Воробьев, П. В. Ивлиев // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 4 (220). – С. 155–157.
2. *Газгиреев, Н. Ш.* Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых прав в гражданском праве России / Н. Ш. Газгиреев // Вестник МГПУ. – Серия: Юридические науки. – 2024. – № 2 (54). – С. 78–85.

---

[529] *Газгиреев Н. Ш.* Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых прав в гражданском праве России // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 2. С. 82.

3. *Лапидус, Л. В.* Краудфандинг: природа, сущность и условия для реализации инновационных бизнес-проектов / Л. В. Лапидус, Ю. М. Полякова, В. С. Тотоян // Экономика и управление. – 2024. – № 1. – С. 66–69.
4. *Миннегалиева, Л. И.* Правовое регулирование цифровых прав: опыт России и зарубежных стран / Л. И. Миннегалиева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 12 (138). – С. 1–3.
5. *Папаскуа, Г. Т.* Краудфандинг: понятие, виды и риски / Г. Т. Папаскуа // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 7. – С. 77–85.

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ КАК СЛЕДСТВИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ МАРКЕТПЛЕЙСАМИ

Игорь Александрович Злобин
студент 4-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
psnzlobin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности защиты прав потребителей в условиях цифровой экономики, где значительная часть гражданского оборота осуществляется через маркетплейсы и электронные платформы. Анализируются проблемы правового регулирования отношений между потребителем, продавцом и цифровым посредником, выявляются пробелы законодательства и противоречия судебной практики. Отмечается необходимость формирования доктрины платформенной ответственности и адаптации традиционных гражданско-правовых принципов к цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая экономика; защита прав потребителей; маркетплейс; агрегатор; электронная коммерция; гражданский оборот.

Цифровая трансформация общественных отношений обусловила необходимость осмысления вопросов защиты прав потребителей в новых условиях, когда основное количество сделок совершается не в физическом пространстве, а посредством электронных платформ и маркетплейсов. Прежние правовые конструкции – оферта, акцепт, исполнение обязательства – наполняются иным содержанием, что требует переоценки роли государства и правоприменителя в обеспечении баланса интересов сторон.

Цифровизация торговли привела к тому, что современный потребитель выступает не только объектом защиты, но и активным субъектом цифрового взаимодействия. Ясно, что основное место в этих отношениях занимает потребитель – гражданин, который имеет намерения приобрести, заказать, или осуществляющий указанные действия, использующий или приобретающий то-

вар[530]. При этом его правовое положение во многом зависит от технических алгоритмов и бизнес-моделей владельцев электронных площадок, чья деятельность нередко выходит за рамки классических договорных схем.

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) лишь частично адаптирован к цифровой реальности. Под владельцем агрегатора в Законе о защите прав потребителей признается организация или индивидуальный предприниматель, владеющий сайтом или программой, позволяющей пользователю ознакомиться с предложениями продавцов, заключить договор купли-продажи и произвести оплату[531]. Согласно приказу Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148, к социально значимым информационным ресурсам отнесены, в частности, «Яндекс.Маркет», *Wildberries*, *Ozon*, *Aliexpress.ru* и другие[532]. Именно эти площадки формируют основные направления развития цифровой торговли и становятся наиболее частыми участниками судебных разбирательств, что подчеркивает незавершенность правового регулирования в данной сфере.

Суды при рассмотрении споров с маркетплейсами исходят из того, что их деятельность, по существу, сводится к администрированию цифрового пространства и предоставлению услуг по размещению товаров, а не к самостоятельной реализации продукции[533]. Так, в Решении Арбитражного суда города Москвы неоднократно указывалось, что маркетплейс является информационным посредником в смысле ст. 1253.1 ГК РФ и не несет ответственности за нарушение интеллектуальных прав, если не инициирует передачу информации, не выбирает ее получателя и не контролирует ее содержание, Суд по интеллектуальным правам согласился с нижестоящими инстанциями и оставил их решения в силе[534].

---

530 См.: *Смоленский М. Б.* Особенности организации управления развитием российского законодательства в области защиты прав потребителей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. Ростов-на-Дону: Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области, 2021. № 12 (139). С. 75–78.

531 О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 7 июля 2025 г.) // Российская газета. 1996. № 8. 16 янв.

532 О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» : Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 1 июля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

533 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 16 ноября 2022 г. № 10АП-18144/22 по делу № А41-6042/2022. // СудАкт.ру : официальный сайт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/pWTeuG4Oxxl4/ (дата обращения: 13.10.2025).

534 Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28.11.2022 № С01-2169/2022 по делу № А40-290548/2021 // Кад.арбитр.ру : официальный сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e3af5819-33ca-4168-b1a4-8e3130cd2419 (дата обращения: 13.10.2025).

Данный подход согласуется с позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении Пленума, где указано, что для признания лица информационным посредником решающее значение имеет характер осуществляемой деятельности, а не экономический результат. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в ст. 1253.1 ГК РФ, то такое лицо признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности. В случае если лицо осуществляет одновременно различные виды деятельности, то вопрос об отнесении такого лица к информационному посреднику должен решаться применительно к каждому виду деятельности[535].

Другие категории дел показывают, что защита прав участников цифровых сделок осложняется технологической природой электронного оборота. Так, в одном из споров предприниматель передал маркетплейсу товар, но не получил оплату. Суд обязал площадку выплатить задолженность, сославшись на ст. 309–310 ГК РФ, закрепляющие принцип надлежащего исполнения обязательств[536]. В теоретическом плане данная практика иллюстрирует важную тенденцию – переосмысление принципа эквивалентности встречных предоставлений в условиях цифровой экономики. Когда исполнение одной стороны фиксируется в информационной системе, а исполнение другой стороны осуществляется автоматически или задерживается по внутренним алгоритмам платформы, возникает риск нарушения баланса интересов.

Интересно отметить, что в современной практике встречаются дела, где убытки продавца возникают вследствие ошибок автоматизированных систем. Так, при техническом сбое, когда скидка на товар была применена к устаревшей цене, итоговая стоимость оказалась ниже себестоимости, и предприниматель заявил убытки в размере более 538 тыс. руб. Однако суд отказал, поскольку доказательств корректного изменения цен и связи между действиями маркетплейса и убытками представлено не было[537]. Этот пример иллюстрирует принципиальную проблему: в цифровой экономике не всегда потребитель является «слабой стороной» правоотношений. Автоматизация и алгоритмизация коммерческих процессов смещают традиционный баланс сил между субъектами: в некоторых случаях малый предприниматель или поставщик оказывается в положении зависимого участника, лишенного возможности влиять на цифровые механизмы реализации сделки.

---

535 О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

536 Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 января 2021 г. по делу № А40-205205/2020 // Кад.арбитр.ру : официальный сайт. URL:https://kad.arbitr.ru/Card/02777263-3499-424b-af07-72e313e665f7 (дата обращения: 14.10.2025).

537 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 декабря 2022 г. № 10АП-23552/22 по делу № А41-61109/2022 / /Кад.арбитр.ру : официальный сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/e40693db-b883-4594-afbe-3bdc64fc982b (дата обращения: 14.10.2025).

При этом важно отметить, что принципы защиты слабой стороны, традиционно применяемые в потребительском праве, должны эволюционировать применительно к цифровой экономике. В условиях, когда потребитель (физическое лицо) и продавец взаимодействуют не напрямую, а через платформу, возникает тройная структура обязательства, где маркетплейс выступает не просто посредником, а фактически контролирующим субъектом. В такой модели слабым может оказаться как потребитель (при нарушении его прав на возврат, информацию или персональные данные), так и продавец, подвергающийся односторонним удержаниям, штрафам, блокировкам и изменению условий взаимодействия.

Следовательно, цифровизация коммерции не устраняет потребность в защите слабой стороны, а лишь меняет ее субъектный состав. Вместо дихотомии «потребитель – предприниматель» появляется более сложная конфигурация «продавец – цифровая платформа – пользователь системы (покупатель-потребитель)», где слабым может оказаться любой участник, лишенный доступа к техническим и информационным инструментам, определяющим исход сделки.

Именно поэтому в современной доктрине цивилисты указывают на необходимость пересмотра традиционных категорий договорного равновесия в контексте цифрового оборота, подчеркивая, что юридическое равенство сторон не тождественно фактическому равенству возможностей в цифровой среде. Цифровизация не должна подменять правовую природу гражданских отношений технологическими терминами. Задача законодателя и правоприменителя состоит не в создании «цифрового гражданского права», а в обеспечении того, чтобы универсальные принципы гражданского законодательства – добросовестность, равенство сторон, диспозитивность, защита слабой стороны – эффективно работали в цифровой среде.

Вместе с тем судебная практика показывает постепенное выстраивание принципа баланса интересов. В том числе и в науке выдвигается обоснованное мнение о том, что следует создать эффективный механизм контроля за добросовестностью интернет-магазинов, который бы позволил не допускать фактов недобросовестности с их стороны[538]. Так, при оценке действий маркетплейсов суды все чаще применяют критерий разумности и добросовестности (ст. 10 ГК РФ), а также возлагают на владельцев агрегаторов повышенную обязанность по контролю достоверности информации, даже при их статусе информационных посредников. Это свидетельствует о тенденции к формированию в российском праве своеобразной «доктрины платформенной ответственности» – концепции, предполагающей учет специфики алгоритмического управления в гражданском обороте. Очевидно, что традиционные механизмы защиты прав потребителей (возврат товара, возмещение убытков, неустойка) нуждаются

---

[538] См.: *Апольский Е. А., Листова С. Н.* Трансформация института защиты прав потребителей в современных условиях // Наука и общество. Москва: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2022. С. 14–20.

в адаптации к условиям цифровой торговли. Одним из возможных направлений развития является закрепление в Законе о защите прав потребителей особого раздела, посвященного электронной коммерции, где будут установлены принципы деятельности маркетплейсов, их обязанности по верификации продавцов, обеспечению сохранности товаров и прозрачности ценообразования. Аналогичные подходы уже применяются в праве Европейского союза, где Директива (ЕС) 2019/770 установила стандарты ответственности поставщиков цифрового контента.

Таким образом, защита прав потребителей в цифровой экономике требует комплексного подхода, сочетающего адаптацию частноправовых инструментов и усиление публичного контроля. Как справедливо отмечал С. С. Алексеев, право обладает возможностью обеспечивать устойчивый порядок в общественных отношениях, позволяет достигнуть определенности в содержании общественных отношений и достичь гарантированного результата. В современных условиях это означает необходимость разработки новых законодательных инициатив о цифровой коммерции, которые обеспечат баланс между инновационным развитием и защитой прав граждан.

Список использованной литературы

1. *Апольский, Е. А.* Трансформация института защиты прав потребителей в современных условиях / Е. А. Апольский, С. Н. Листова // Наука и общество : материалы международной научной конференции. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. – С. 14–20.
2. *Смоленский, М. Б.* Особенности организации управления развитием российского законодательства в области защиты прав потребителей // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление / М. Б. Смоленский. – Ростов-на-Дону: Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области, 2021. – № 12(139). – С. 75–78.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМА ПРИНЯТИЯ И ПОДТВЕРЖДЕНИЯ РЕШЕНИЯ ЕДИНСТВЕННОГО УЧАСТНИКА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Марина Николаевна Илюшина
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alexi59@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлено сопоставительное исследование положений гражданского и корпоративного законодательства о становлении механизма подтверждения решений единственного участника хозяйственного общества. Показана история развития данного субинститута, сформулированы этапы развития законодательных и правоприменительных позиций по разным видам решений единственного участника, показаны подходы, сформировавшие современное состояние порядка подтверждения решений единственного участника хозяйственного общества.

Ключевые слова: подтверждение решений общих собраний хозяйственных обществ; подтверждение решений единственного участника; подтверждение решений об увеличении уставного капитала; нотариальное удостоверение решений единственного участника; решения, принятые единственным акционером.

Субинститут подтверждения решений собраний хозяйственных обществ был введен в гражданский оборот относительно недавно – с 1 сентября 2014 г. в рамках реформы четвертой главы ГК РФ, и, как потом оказалось, реформы и всего корпоративного законодательства. Началось формирование данного субинститута путем введения в ГК РФ новой самостоятельной статьи – 67.1, которая создала материально-правовые основы для введения механизма подтверждения решений собраний для двух коммерческих корпоративных юридических лиц: акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. Подтверждению подлежали только два факта: состав участников, присутствовавших на собрании и принимавших участие в голосовании и собственно их решение (волеизъявле-

ние) этих участников. Таким образом законодатель закрывал возможные самые значимые риски при осуществлении прав участников общества – отстранение участников от информации о принятии в обществе значимых решений, отстранение их от принятия решений и, как следствие, искажение истинной воли этих участников. Причем следует отметить, что на момент введения данного института императивный способ подтверждения решений собраний был установлен только для публичных акционерных обществ – путем подтверждения лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров данного общества и осуществляющего функции счетной комиссии, для непубличных акционерных обществ предусматривался уже выбор из двух способов – из уже названного и путем нотариального удостоверения. Самый широкий подход к выбору способов подтверждения бы применен в отношении обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО). В этом случае предусмотрено три способа подтверждения решений собраний: путем нотариального удостоверения, путем способа, выбранного участниками и внесенного в текст Устава, путем способа, также выбранного участниками и внесенного в текст решения собрания, который приобретал статус «долгоиграющего» документа, в котором содержится корпоративное правило, в отношении всех будущих собраний, проводимых в будущее время. Но прямого указания на обязательность этой процедуры для решений единственного участника в законодательстве установлено не было, а если исходить из прямого понимания правила, установленного п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, то следует только один вывод: оно распространяется только на общие собрания хозяйственных обществ. Было понятно, что такого органа, как общие собрания, в хозяйственных обществах с одним учредителем (участником) не имеется, соответственно, и решений общих собраний в таких «компаниях одного лица» тоже нет. Эту позицию поддерживали и судебные органы при разрешении конкретных дел[539]. ФНС, несмотря на указанную позицию судов при толковании п. 3 ст. 67 ГК РФ, последовательно проводила политику отказа в приеме решений единственного участника ООО, не подтвержденного одним из способом, указанным в п. 3 ст. 67.1 ГК РФ.

Позднее, в силу отсутствия прямого указания закона, создававшего неопределенность в правовом регулировании порядка подтверждения решений единственного участника, понимая значимость подтверждения решений единственного участника и риск его фальсификации, в п. 3 Обзора Президиума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2019 г.[540] нашла свое закрепление позиция Верховного Суда РФ о том, что требование о нотариальном удостоверении распространяется и на решение единственного участника. Смысл за-

---

539 О направлении «Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 2 (2017)» : Письмо ФНС России от 6 июля 2017 г. № ГД-4-14/13154@ // СПС «КонсультантПлюс».

540 Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5; см.: *Глазунов А. Ю., Горчаков Д. С., Чупрунов И. С.* Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам

крепленной позиции – исключить фальсификацию решения, принимаемого высшим органом управления общества, и распространить действие нормы ГК РФ в равной мере и на решение единственного участника общества, которое также подвержено риску фальсификации. Позднее Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 267-ФЗ[541] внес соответствующие изменения в Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 года № 4462-1[542] (далее – Основы) в части принятия и оформления решения единственным участником ООО по вопросу об увеличении уставного капитала. Законодатель максимально приблизил правовое регулирование контроля за принятием решения единственного участника ООО к порядку принятия решения общим собранием ООО. Соответственно, с 1 июля 2021 г. факт принятия решения единственным участником общества об увеличении уставного капитала должен быть подтвержден путем нотариального удостоверения. Порядок нотариального подтверждения в соответствии с указанным правилом был установлен путем введения в Основы новой статьи 103.10-1 «Удостоверение решения единственного участника юридического лица», в которой теперь сформирована процедура совершения нотариального подтверждения решения единственного участника ООО: «По просьбе единственного участника юридического лица нотариус удостоверяет факт принятия решения единственным участником юридического лица, о чем выдает свидетельство. Нотариус устанавливает личность единственного участника юридического лица, его полномочия и право на принятие решения».

Таким образом, если решение единственного участника не было подтверждено в порядке п. 3 ст. 67.1 ГК РФ, оно оценивается как ничтожное и не может приниматься нотариусом в работу для совершения нотариальных действий в качестве правового основания, поскольку не приобретает такого статуса[543]. Однако законодатель в ряде случаев отходит от указанного подхода путем

применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 10. С. 79–134; Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 27 / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков и др.; отв. ред. В. М. Жуйков. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. 224 с.

541 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 267-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

542 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10. Ст. 357.

543 См.: *Илюшина М. Н.* Законодательство об общих собраниях как основании возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений: проблемы становления // Актуальные проблемы кодификации российского законодательства : история, современное состояние и векторы развития (к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года) : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 7 октября 2022 г.). Москва : Статут, 2023. С. 139–152.

указания на прямое исключение из этого правила. С 1 августа 2025 г. решения единственного акционера в акционерном обществе, владеющем всем 100-процентным пакетом акций, может принимать решения, не подтверждая их[544]. То есть законодатель в этой части возвращается к порядку принятия решений единственного акционера, существовавшему до 1 сентября 2014 г., в силу которого нужна только простая письменная форма такого решения. Однако редакция нововведения такова, что это правило действует, если иное не установлено уставом общества. Это означает, что каждый раз при принятии в работу такого решения единственного участника в простой письменной форме надо убеждаться в том, что в уставе не имеется иных правил его оформления.

Таким образом, с 25 декабря 2019 г. был сформирован правоприменительный подход, в силу которого решение единственного участника должно быть подтверждено в том же порядке, что и решения общего собрания, а с 1 июля 2021 г. установлена общая процедура применения нотариального способа подтверждения решений общего собрания ООО и единственного участника ООО в случаях, предусмотренных законом, в форме выдачи свидетельства.

Список использованной литературы

1. *Глазунов, А. Ю.* Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (часть 1) / А. Ю. Глазунов, Д. С. Горчаков, И. С. Чупрунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 10. – С. 79–134.
2. *Илюшина, М. Н.* Законодательство об общих собраниях как основании возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений: проблемы становления / М. Н. Илюшина // Актуальные проблемы кодификации российского законодательства : история, современное состояние и векторы развития (к 100-летию Гражданского кодекса РСФСР 1922 года) : сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 7 октября 2022 г.). – Москва : Статут, 2023. – С. 139–152.
3. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 27 / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков и др.; отв. ред. В. М. Жуйков. – Москва : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2020. – 224 с.

---

544 О внесении изменений в статьи 10 и 47 Федерального закона «Об акционерных обществах», статью 7 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 201-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2025. № 28. Ст. 3841.

ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Наталья Алексеевна Казакова
старший преподаватель кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
418-2012@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу фактических семейных отношений: их определению, характерным чертам и аспектам их реализации. Несмотря на то, что семьи, образованные на основе фактических брачных отношений, выполняют те же социальные функции, что и законные браки, они остаются вне сферы действия специальных правовых норм. Это пробел в российском законодательстве порождает трудности, особенно в вопросах обеспечения имущественных и неимущественных прав и обязанностей субъектов фактических брачных союзов.

Ключевые слова: фактический брак; государство; семейное законодательство; сожительство; раздел имущества супругов.

Современное общество наблюдает значительные трансформации в институте брака. Все больше пар предпочитают фактические брачные отношения, то есть отношения, не оформленные официально в органах ЗАГС и не порождающие правовых последствий в виде возникновения прав и обязанностей у партнеров.

Сожительство (*cohabitation*) – это институт, известный со времен Древнего Рима. Дискуссии в научных кругах продолжаются, поскольку нет единого понимания того, какой термин следует применять к фактическим брачно-семейным отношениям. И ученые, и граждане понимают под сожительством «гражданский союз», «фактический союз», «пробный союз». По мнению большинства ученых, сожительство представляет собой совместное проживание двух взрослых людей, между которыми не заключен брак.

По мнению ряда исследователей, увеличение числа пар, живущих в фактическом браке, свидетельствует о кризисе института семьи и брака[545]

[545] См.: *Зыков С. В.* Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 189–208.

или о кризисе традиционной модели брака[546]. Граждане, находящиеся в фактических брачных отношениях, не могут рассчитывать на защиту своих нарушенных субъективных прав с помощью особых семейно-правовых средств.

До сих пор вопрос остается нерешенным, несмотря на неоднократное рассмотрение Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации различных законопроектов о признании фактических брачных отношений и их приравнивании к бракам, например, проект федерального закона № 368962-7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации», которым уравнивался правовой статус фактических и официальных супругов. Законопроект был отклонен в первом чтении.

Российское законодательство в настоящее время признает браком только официально зарегистрированные отношения. С точки зрения юриспруденции институт брака имеет существенное значение благодаря своим экономическим и правовым сторонам, которые наиболее ярко проявляются в особых имущественных отношениях между супругами[547].

Однако государство не признает фактические брачные отношения полноценным браком, направленным на создание семьи, что порождает ряд проблем правового характера.

Первая проблема – это раздел имущества, которое было приобретено в период фактических брачных отношений. Данные отношения не подпадают под действие семейного законодательства, в связи с чем регулирование осуществляется нормами гражданского права о долевой собственности. Признание доли фактического супруга в имуществе, нажитом в период совместного проживания, возможно только при условии, что он докажет факт своего имущественного и личного вложения в приобретение этого имущества и наличие соглашения о создании общей собственности.

Так, Бердский городской суд Новосибирской области своим решением от 10 марта 2016 г. по делу № 2-105/2016(2-1966/2015;)~М-1720/2015 отказал истцу в удовлетворении исковых требований о признании права общей долевой собственности и определении долей в имуществе, нажитого в период ее совместного проживания с фактическим супругом. Причиной отказа стало то, что соглашение о совместной собственности на имущество в равных долях не было оформлено письменно.

Ленинский районный суд города Махачкалы, напротив, вынес заочное решение от 8 марта 2017 г. по делу № 2-973/2017, которым удовлетворил исковые требования о признании права собственности на долю в земельном участке и жилом доме, которые были приобретены в период совместного проживания с ее фактическим супругом, так как истец доказала факт вложения денежных средств в приобретение данного имущества.

---

546 См.: *Трофимец И. А.* Конституционные начала брака в России и Испании: сравнительно-правовой анализ // Нотариус. 2019. № 6. С. 45–48.

547 См.: *Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А.* Семейное право : учеб. / под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. С. 16.

Вторая проблема заключается в том, что в случае смерти одного из лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, второй из них не признается наследником по закону и не относится к наследникам первой очереди. Эта категория споров не является исключением в правоприменительной практике. Вместе с тем длительное совместное проживание, ведение общего хозяйства и создание семьи часто приводят к тому, что после смерти одного из фактических супругов другая сторона желает оставить за собой его имущество. Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает, что фактический супруг может быть призван к наследству исключительно на основании завещания либо если докажет, что находился на его иждивении.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2020 г. № 5-КГ20-66-К2 кассационная жалоба была удовлетворена, в которой заявитель просила подтвердить, что она находилась на содержании у умершего мужчины, с которым состояла в фактических брачных отношениях, и признать ее наследницей. В ходе рассмотрения дела Судебная коллегия пришла к выводу о том, что нижестоящими судами не были приняты во внимание материалы, свидетельствующие о природе доходов истца (постоянный, основной, дополнительный). Факт получения истцом пенсии не исключает возможности признания дохода, полученного от умершего фактического супруга, в качестве основного.

Еще одна проблема заключается в том, что при гибели одного из фактических супругов второй фактический супруг остается без правовой защиты, не имея возможности претендовать на возмещение вреда, связанного со смертью кормильца. В данной ситуации партнер не обладает юридическими правами на получение возмещения вреда, причиненного в результате смерти фактического супруга. Единственное, на что может претендовать один из фактических супругов в данной ситуации, это компенсация морального вреда.

Решением Октябрьского районного суда города Улан-Удэ от 11 августа 2015 г. по делу № 2-4350/2015~М-3715/2015 требования истца были удовлетворены, поскольку суд установил, что право на возмещение морального ущерба не зависит от наличия зарегистрированных брачных отношений.

Согласно действующему семейному законодательству, фактические супруги сталкиваются с четвертой проблемой: они не могут совместно усыновить ребенка. Однако при отсутствии соответствующего правового регулирования с точки зрения обеспечения интересов и благополучия детей, воспитывающихся в государственных учреждениях и детских домах, приоритетным является их помещение в полноценную семью, независимо от юридического оформления отношений между лицами, осуществляющими воспитание.

В завершение хочется сказать, что Конституция Российской Федерации закрепляет положение о том, что семья находится под защитой государства. При этом взгляды людей на то, что является ценным в семье, как следует себя вести и какие нравственные принципы важны, включая отношение к браку, меняются с течением времени. Однако, независимо от того, зарегистрирован брак официально или нет, семья продолжает выполнять свои главные функции.

Список использованной литературы

1. *Гонгало, Б. М. О. А.* Семейное право : учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева, О. А. Рузакова; под ред. П. В. Крашенинникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2016.
2. *Зыков, С. В.* Личные неимущественные права супругов: необходимость правового регулирования / С. В. Зыков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 189–208.
3. *Трофимец, И. А.* Конституционные начала брака в России и Испании: сравнительно-правовой анализ / И. А. Трофимец // Нотариус. – 2019. – № 6. – С. 45–48.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТОВАРНОГО АГРЕГАТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анастасия Игоревна Картавенко
студент 2-го курса магистратуры юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kartavenko03@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье устанавливается правовой режим агрегатора как объекта прав его владельца. Доказывается выделение владельца агрегатора в качестве субъекта правоотношений. Обосновывается ответственность владельца агрегатора за ущерб, причиненный самим агрегатором.

Ключевые слова: правовой режим; агрегатор; владелец агрегатора; субъект; объект.

На фоне бурного развития технологий и средств коммуникации в современном мире происходит повсеместная цифровизация общественных отношений. Данные изменения обуславливаются различными политическими, экономическими и социальными обстоятельствами. Среди прочих трансформаций одно из преобладающих положений стало занимать заключение договора дистанционным способом. Данное явление было весьма ожидаемо, так как дистанционный способ обеспечивает оперативность и эффективность совершения сделок за счет автоматизированного обмена данными: волеизъявление сторон преобразуется техническими средствами из электронных сигналов в форму, доступную для восприятия человеком[548].

Появление дистанционного способа заключения договора потребовало внесения изменений в законодательство. Например, до недавнего времени вопрос о положении агрегаторов не был урегулирован законодателем. Место новой категории в гражданских правоотношениях пытались определить в доктрине. В науке сформировалось две точки зрения по данному вопросу. Согласно первой, агрегатор является субъектом гражданского права, что подтверждалось и практикой. Так, в споре о возврате неисправного товара и уплаченных

[548] *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование : учебник. 2-е изд. М. : Статут, 2016. С. 160.

за него денег суд признал надлежащим ответчиком агрегатора[549]. Между тем вторая точка зрения заключалась в том, что агрегатор как таковой не соответствует признакам субъекта: он не обладает правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью. Соответственно, последний является объектом гражданских правоотношений, обладая внешней определенностью, полезностью, легальностью и оборотоспособностью.

Именно вторая точка зрения легла в основу абз. 13 преамбулы Закона «О защите прав потребителей», введенного Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ[550]. Последний под владельцем агрегатора информации о товарах (услугах) признал организацию или индивидуального предпринимателя, владеющих сайтом и (или) программой для электронных вычислительных машин (далее – ЭВМ) в сети Интернет и предоставляющих потребителю в отношении определенного товара (услуги) возможность одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора, заключить с продавцом (исполнителем) данный договор, а также произвести предварительную оплату указанного товара (услуги) путем наличных расчетов либо перевода денежных средств владельцу агрегатора[551].

Исходя из данного определения, агрегатор – это программа для ЭВМ и (или) сайт в Интернете, позволяющая потребителю одновременно ознакомиться с предложением продавца (исполнителя), заключить с ним договор, а также осуществить предварительную оплату выбранного товара (услуги) наличными денежными средствами либо их переводом владельцу агрегатора.

Вышеуказанное положение позволяет бесспорно определить природу товарного агрегатора, установив за ним режим объектов прав владельцев и пользователей[552]. Другими словами, агрегатор является лишь объектом, на который распространяется право собственности его владельца. В свою очередь, владелец интернет-платформы, сайта или программы, который предоставляет свой объект в пользование продавца и покупателя, будет являться субъектом гражданско-правовых отношений.

Как ранее указывалось, агрегатор представляет собой программу для ЭВМ или базу данных, которые в соответствии со ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) признаются результатами интеллектуальной деятель-

---

549 Решение Судебного участка № 332 Бабушкинского судебного района города Москвы от 26 мая 2017 г. по делу № 02-0234/332/2017. URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/JJ4DDfE9Q5ZF/?ysclid=mhceb4t5u484877195 (дата обращения: 25.10.2025).

550 О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» : Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ «// Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4839.

551 О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

552 *Чеговадзе Л. А.* Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1. С. 13.

ности (далее – РИД)[553]. Статья 128 ГК РФ относит такие РИД к объектам гражданских прав, тем самым определяя их правовой режим[554]. Согласно ст. 1229 ГК РФ, правообладатель обладает исключительным правом на РИД, что позволяет ему использовать его любым законным способом, распоряжаться им, а также разрешать или запрещать его использование другим лицам. Указанное обстоятельство еще раз подтверждает, что владелец агрегатора – субъект правоотношений в цифровом пространстве, который предоставляет свой объект в «пользование» продавца и покупателя.

Таким образом, именно владелец агрегатора как субъект правоотношений предоставляет доступ к предложению продавца или исполнителя о заключении договора, возможность заключить соответствующий договор, произвести оплату выбранного товара или услуги. За неисполнение или ненадлежащее исполнение указанных действий, в том числе возникшие в процессе деятельности агрегатора как компьютерной программы, несет ответственность владелец агрегатора.

При этом важно отличать ответственность владельца агрегатора от ответственности продавцов по требованиям лиц, например, купивших товар. Так, продавец обязуется предоставить владельцу агрегатора достоверную информацию о себе, а владелец, в свою очередь, обязуется довести ее до сведения потребителей. В случае изменения информации о продавце (исполнителе), тот обязуется передать ее владельцу агрегатора, а последний внести изменения в течение одного рабочего дня.

Владелец агрегатора ответственен за убытки, если они вызваны его собственными действиями: предоставление недостоверной или неполной информации о продавце, товаре или услуге, невнесение изменившихся сведений. Если же искажение информации произошло по вине продавца (исполнителя), то ответственность за возмещение убытков ложится на него. Ответственность за качество товаров и услуг несет продавец (исполнитель). Так, на практике указывается, что агрегатор не рассматривает претензии покупателей на качество товара, ведь является лишь посредником. Такие жалобы необходимо направлять исключительно продавцу[555].

Естественно, большинство владельцев агрегаторов хотят минимизировать свою ответственность, а то и вовсе ее избежать. В результате они идут на различные ухищрения, чтобы их платформы и сайты не попадали под определения агрегатора. Так, торговые онлайн-площадки попадают под определение агрегатора в случае, если одновременно выполняют три функции: позволяют ознакомиться с предложением продавца, заключить с ним договор и произ-

---

553 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

554 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

555 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2021 г. по делу № 8Г-22660/2021 // СПС «Гарант».

вести предоплату товара или услуги безналичным способом на счет владельца агрегатора. В том случае, если онлайн-площадка не соответствует хотя бы одному из вышеуказанных критериев, то она не может называться торговым агрегатором, а ее владелец – владельцем агрегатора. Например, «ЯндексМаркет» обращает внимание пользователей на то, что он является сервисом для поиска информации о товарах, получения предложений и ознакомления с ними[556]. Он не выступает в роли продавца, не получает оплату, а лишь позволяет выбрать и приобрести товар из ассортимента различных интернет-магазинов. В то же время «Вайлдберриз» прямо указывает, что является агрегатором. Платформа позволяет совершить все этапы покупки товара через нее, а сам договор купли-продажи здесь влечет правовые последствия для продавца и «Вайлдберриз», кроме некоторых случаев, когда последствия возникают только у продавца[557].

Таким образом, товарный агрегатор выступает объектом права, принадлежащим своему владельцу – организации или индивидуальному предпринимателю. Владелец агрегатора как субъект правоотношений предоставляет доступ к предложению продавца или исполнителя о заключении договора, возможность заключить соответствующий договор, произвести оплату выбранного товара или услуги, и, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения указанных действий, в том числе возникших в процессе деятельности агрегатора как компьютерной программы, несет за него ответственность.

Список использованной литературы

1. *Савельев, А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование : учебник / А. И. Савельев. – 2-е изд. – Москва : Статут, 2016. – 520 с.
2. *Чеговадзе, Л. А.* Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам / Л. А. Чеговадзе // Цивилист. – 2022. – № 1. – С. 12–19.

[556] Правила использования сервиса «ЯндексМаркет» // Яндекс Правовые документы : сайт. URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse/ru/#2 (дата обращения: 26.10.2025).

[557] Оферта торговой площадки Вайлдберриз // WBlegal : сайт. URL: https://legal.wildberries.ru/consumers-offer/country/ru/lang/ru/ (дата обращения: 26.10.2025).

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Вадим Александрович Катышевцев
аспирант 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ylai1980_81@mail.ru

Аннотация. Реализация проектов публично-частного партнерства зачастую не связана с экономическими преимуществами перед классической закупкой для государственных и муниципальных нужд. При этом публично-частное партнерство, помимо распределения финансового бремени, основано также на распределении иных экономических, технологически и правовых рисков. Целью работы является выявление возможности применения механизма сравнительного преимущества, используемого в соглашении о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве при заключении концессионного соглашения. В результате представленного исследования автором предложено экстраполировать действующий механизм выявления сравнительного преимущества, распространив его применение и на концессионное соглашение, одновременно расширив область сравнения.

Ключевые слова: сравнительное преимущество; публично-частное партнерство; концессионное соглашение; закупка для государственных и муниципальных нужд.

Не вызывает сомнений, что публично-частное партнерство как инструмент реализации инфраструктурных, производственных, энергетических и социальных проектов на основе частноправового регулирования занимает существенное место в обеспечении публичных обязательств посредством концентрации публичных и частных ресурсов. Так, из подготовленного совместно Ассоциацией инфраструктурных инвесторов и кредиторов и Министерством экономического развития Российской Федерации обзора следует, что 2024 г. стал рекордным для публично-частного партнерства по количеству законтрак-

тованных инвестиций, который составил 2,4 трлн рублей, из которых 1,8 трлн рублей (77%) составляют внебюджетные инвестиции. При этом, стоит заметить, «рекорд» во многом стал возможным благодаря одному проекту – проекту высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Санкт-Петербург, реализуемому в форме концессионного соглашения (1,9 трлн рублей инвестиций)[558].

Тем не менее при всех успехах публично-частного партнерства и концессионного соглашения в частности, наиболее массовой и масштабной гражданско-правовой формой остается классическая закупка для государственных и муниципальных нужд. Например, объем финансового обеспечения закупок, размещенных в 2024 г., составил 14,8 трлн рублей.

Закупка для государственных и муниципальных нужд позволяет ограничить встречное предоставление публично-правового образования лишь финансовым предоставлением – определенной платой. Ввиду данного обстоятельства в регионах с достаточной бюджетной обеспеченностью «органы власти охотнее соглашаются на госзакупку, чем на концессию»[559].

По существу, именно ограниченность финансовых ресурсов публично-правовых образований способствует выбору более сложного, рискованного, длительного и в результате затратного концессионного механизма, нежели закупки для государственных и муниципальных нужд.

В связи с этим практический интерес вызывает регулирование, предусмотренное для соглашения о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве (далее – СГЧП / СМЧП).

Порядок заключения СГЧП / СМЧП предусматривает механизм, который, на наш взгляд, должен быть распространен на все формы публично-частного партнерства, – определение сравнительного преимущества. Суть данного механизма заключается в затрате меньшего объема бюджетных средств в случае реализации СГЧП / СМЧП в сравнении с государственной (муниципальной) закупкой при достижении результата, аналогичного при заключении государственного (муниципального) контракта. Правила проведения уполномоченным органом оценки эффективности проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства и определения их сравнительного преимущества в соответствии с ч. 6 ст. 9 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве,

---

558 Государственно-частное партнерство в России / Ассоциация инфраструктурных инвесторов и кредиторов; Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://asiic.ru/wp-content/uploads/2025/06/aiik-02-2025-gotovo.pdf – Загл. с экрана (дата обращения: 19.10.2025).

559 Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2024 г. // Министерство финансов Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2025/05/main/Svodnyy_analiticheskiy_otchet.pdf?ysclid=mgxdtdt6uc333135521 – Загл. с экрана (дата обращения: 19.10.2025).

муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[560] (далее – Федеральный закон № 224-ФЗ) утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1514[561]. Необходимо заметить, что в юридической доктрине подверглось критике содержание оценки сравнительного преимущества, которым проигнорированы критерии финансовой эффективности, социально-экономического эффекта, результативности, новизны и (или) инновационности применяемых в проекте технологических решений и другие[562].

В свою очередь, отсутствие представленного механизма в сфере применения концессионного соглашения следует считать проявлением несовершенства концессионного законодательства, способным иметь коррупциогенные последствия.

Риск-ориентированный подход отражен в идее введения процедуры экспертизы (оценки социально-экономических преимуществ) государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» проектов концессионных соглашений с общим объемом инвестиций свыше 3 млрд рублей[563]. Суть данного механизма будет по аналогии с положениями Федерального закона № 224-ФЗ направлена на выявление сравнительного преимущества концессионного соглашения.

С позиции концедента (уполномоченного органа государственной власти или местного самоуправления) оценка эффективности концессионных соглашений должна проводиться с учетом экономического и социально-общественного эффекта, с оценкой и сравнением других видов инвестирования и возможностей форм государственно-частного партнерства[564].

В рамках инвестиционного проекта концессионного соглашения выявление преимуществ перед всеми иными формами публично-частного партнерства (включая квазиформы публично-частного партнерства) избыточно и привело бы к чрезмерной административной нагрузке на разработчика инвестиционного проекта. Допускаем, что выявление сравнительных преимуществ кон-

---

560 Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4350.

561 Собрание законодательства РФ. 2016. № 2. Ст. 388.

562 См.: *Белицкая А. В.* Сравнительное преимущество для экономики бюджета: государственный контракт или государственно-частное партнерство? // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы IV Междунар. конф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, 10 июня 2016 г.). М. : Юстицинформ, 2016. С. 45; *Никифоров С. А.* Соглашение о государственно-частном партнерстве как форма взаимодействия публичного и частного субъектов и его гражданско-правовая квалификация : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 2020. С. 77.

563 ВЭБ вглядится в концессии // Коммерсантъ : официальный сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7905977?ysclid=mfwd1m7azq479093675/ Загл. с экрана. (дата обращения: 18.10.2025).

564 См.: *Лунина Т. А., Бакаленко Н. П.* Эффективность применения концессионных соглашений в оценке инвестиционных проектов // European Journal of Natural History. 2020. № 1. С. 119–120.

цессионного соглашения должно императивно проводиться на фоне закупки для государственных (муниципальных) нужд, офсетной закупки, СГЧП / СМЧП, контракта жизненного цикла.

Список использованной литературы

1. *Белицкая, А. В.* Сравнительное преимущество для экономики бюджета: государственный контракт или государственно-частное партнерство? / А. В. Белицкая // Публичные закупки: проблемы правоприменения : материалы IV Междунар. конф. (МГУ им. М. В. Ломоносова, 10 июня 2016 г.). – Москва : Юстицинформ, 2016. – С. 38–51.
2. *Лунина, Т. А.* Эффективность применения концессионных соглашений в оценке инвестиционных проектов / Т. А. Лунина, Н. П. Бакаленко // European Journal of Natural History. – 2020. – № 1. – С. 115–120.
3. *Никифоров, С. А.* Соглашение о государственно-частном партнерстве как форма взаимодействия публичного и частного субъектов и его гражданско-правовая квалификация : дис. ... канд. юрид. наук : специальность 12.00.03 / / С. А. Никифоров; ВГУЮ (РПА Минюста России). – Москва, 2022. – 203 с.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И РЕЛЕВАНТНЫХ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ

Мария Артемовна Кирилина,
Илья Владимирович Конов
студенты 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Аннотация. В настоящей статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ экосистем финансовых технологий (финтеха) Российской Федерации и Франции по состоянию на 2025 год. Исследование охватывает стратегические ориентиры развития сектора, эволюцию нормативно-правовой базы, ключевые технологические тренды и стоящие перед обеими странами вызовы. Особое внимание уделяется подходам к регулированию цифровых активов, развитию национальных платежных инфраструктур, поддержке инноваций через «регуляторные песочницы» и государственным инвестициям в критические технологии, такие как искусственный интеллект. Делается вывод о том, что, несмотря на различия в моделях развития (где Франция делает акцент на интеграции в глобальную финтех-среду и привлечение международных инвестиций, а Россия – на технологическом суверенитете и импортозамещении) обе страны демонстрируют динамичный рост и стремление к лидерству в области цифровых финансов.

Ключевые слова: финансовые технологии; регулирование; цифровые финансовые активы; искусственный интеллект (ИИ); блокчейн; технологический суверенитет.

Финансовые технологии стали глобальным драйвером трансформации финансового сектора, кардинально меняя подходы к предоставлению банковских, платежных и инвестиционных услуг. В этом контексте Россия и Франция представляют собой две яркие и во многом уникальные модели построения конкурентоспособной финтех-экосистемы. Франция уверенно укрепляет свои позиции в качестве одного из ведущих европейских и мировых центров развития финтеха, чему способствует комплексный подход, сочетающий ак-

тивную государственную поддержку, динамичное предпринимательское сообщество и формирование прогрессивной нормативно-правовой базы. Россия, в свою очередь, демонстрирует устойчивое развитие финтеха, движимое курсом на технологический суверенитет, активной ролью регулятора и развитием национальных платежных инфраструктур.

Ключевым фактором успеха французского финтеха стала инициатива *La French Tech*, запущенная в 2013 году. Этот поддерживаемый правительством бренд консолидирует стартапы, инвесторов и государственные учреждения с целью стимулирования роста и привлечения международных талантов и капитала. Физическим воплощением этих амбиций стал парижский *Station F* – крупнейший в мире кампус для стартапов. Государственная поддержка выражается и в прямых финансовых вливаниях: Франция одной из первых в Европе разработала национальную стратегию в области искусственного интеллекта с общим объемом инвестиций в несколько миллиардов евро в рамках планов «Франция 2030».

В России функцию стратегического координатора развития финтеха выполняет Банк России в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Ключевым инструментом поддержки инноваций является экспериментальный правовой режим (ЭПР), или «регуляторная песочница», позволяющий тестировать новые технологии в контролируемой среде. В 2025 году ЦБ активно развивает эту практику, вынося на обсуждение проекты, касающиеся, например, ведения реестров лиц, использующих ИИ.

Регуляторы обеих стран активно работают над адаптацией правового поля. Во Франции такие органы, которые занимаются регулированием финансового рынка во Франции, как *Autorité des Marchés Financiers* (*AMF*) и *Autorité de Contrôle Prudentiel et de Résolution* (*ACPR*), создали Финтех Форум и опубликовали «Хартию для оценки запросов на авторизацию финтех-компаний». В России же был принят основополагающий Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», который заложил правовые основы для обращения цифровых активов и майнинга[565].

Одной из наиболее заметных областей французского финтеха является сектор необанков и цифровых платежей. Проникновение онлайн-банкинга во Франции достигло 72%, что выше среднего по ЕС[566]. Вопреки глобальному тренду, на рынке доминируют не независимые стартапы, а цифровые дочерние компании традиционных банков, такие как *BoursoBank* (S*ociété Générale*) и продукты *BNP Paribas* (*Nickel*, *Hello bank!*). Это явление, характеризующееся как «коопетиция» (сотрудничество и конкуренция), демонстрирует гиб-

---

[565] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[566] How neobanks disrupting traditional banking in France. URL: https://sbs-software.com/insights/neobanks-disrupting-traditional-banking-france/ (дата обращения: 15.10.2025).

кость традиционных институтов. При этом независимые игроки, *like Lydia*, также показывают высокий потенциал роста.

В России развитие платежного сектора пошло по пути создания суверенных платежных инфраструктур. Система быстрых платежей (СБП) и национальная платежная карта «Мир» стали новым стандартом. В 2025 году наблюдается их консолидация, например, через создание универсального *QR*-кода. Важнейшим проектом является цифровой рубль, пилот по которому активно расширяется, а также ведутся переговоры о его использовании в трансграничных расчетах со странами БРИКС и ЕАЭС. Что касается необанков, то в России их нишу во многом занимают цифровые сервисы крупных традиционных банков, таких как Сбер и Тинькофф, которые активно внедряют биометрические платежи и развивают экосистемы на основе *Open API*.

Франция одной из первых в Европе создала всеобъемлющие рамки для криптоиндустрии, приняв в 2019 году закон о росте и трансформации бизнеса во Франции – *Plan d'action pour la croissance et la transformation des entreprises* (*PACTE*). Он установил правила для *Initial Coin Offering* (*ICO*) – операций по привлечению средств путем выпуска токенов и деятельности поставщиков услуг цифровых активов (*DASP*), различая токены-фин. инструменты и прочие «цифровые активы»[567]. К 2024 году более 100 *DASP* прошли регистрацию в AMF[568]. Франция активно адаптирует национальное законодательство к новому европейскому регламенту *Markets in Crypto-Assets* (*MiCA*), который создает единую лицензию для поставщиков услуг в ЕС. Кроме того, Банк Франции экспериментирует с оптовой цифровой валютой центрального банка (*CBDC*).

Российский подход, сформированный Федеральным законом № 259-ФЗ, также предусматривает деление на цифровые финансовые активы (ЦФА) и цифровую валюту. Однако акцент сделан на развитии именно ЦФА в *Business-to-Business* (*B2B*)-сегменте: выпуске цифровых облигаций, токенизации товарных контрактов, создании инфраструктуры для цепочек поставок. При этом криптовалютный рынок и децентрализованные финансы (*DeFi*) остаются в основном вне правового поля. С 2025 года введены жесткие ограничения на обращение иностранных цифровых прав (ИЦП), что направлено на минимизацию зависимости от недружественных юрисдикций[569]. Оба государства, таким образом, видят в цифровых активах потенциал, но Франция стремится стать глобальным хабом в рамках единого рынка ЕС, а Россия фокусируется на внутренних и партнерских (БРИКС, ЕАЭС) применениях.

---

567 Loi n° 2019-486 du 22 mai 2019 relative à la croissance et la transformation des entreprises (PACTE) // Journal Officiel de la République Française.

568 Fintech 2025: Trends and Developments. France. // URL: https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/fintech-2025/france/trends-and-developments (дата обращения 15.10.2025).

569 О ключевой ставке Банка России // Банк России : сайт. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=24606 (дата обращения: 15.10.2025).

Несмотря на успехи, обе экосистемы сталкиваются с вызовами. Для Франции ключевой проблемой является недостаток венчурного капитала по сравнению с США, а также, согласно некоторым индексам, замедление темпов роста цифровой экономики[570]. Существует и скептицизм относительно глубины макроэкономического воздействия «цифровой революции». Кроме того, сохраняется структурный барьер в виде отсутствия единого европейского финансового рынка.

Главными вызовами для России является сравнительно незрелый рынок венчурных инвестиций. Другим вызовом является рост кибермошенничества, так как ущерб за первое полугодие 2025 года превысил 9,5 млрд рублей[571]. И, наконец, необходимость дальнейшего развития нормативной базы для цифрового рубля и *B*2*B*-платежей.

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что Франция и Россия построили зрелые и динамично развивающиеся финтех-экосистемы, но на разных основаниях. Франция делает ставку на интеграцию в глобальную экономику, привлечение международных талантов и инвестиций, а также активное участие в формировании общеевропейских стандартов (*PSD*2, *MiCA*). Успех Франции определяется синергией между продуманной государственной политикой (*La French Tech*), активностью адаптирующихся традиционных банков и живой прослойкой инновационных стартапов.

Российская модель в большей степени ориентирована на технологический суверенитет и импортозамещение. Ее драйверами являются активная и директивная роль Банка России, развитие национальных инфраструктур (СБП, «Мир», цифровой рубль) и фокус на практическое применение технологий, прежде всего в *B*2*B*-сегменте.

Несмотря на существующие вызовы, обе страны демонстрируют приверженность курсу на лидерство в области финансовых технологий. Дальнейшее развитие сектора будет связано с углубленной токенизацией активов, повсеместным внедрением искусственного интеллекта и укреплением международного сотрудничества, в рамках ЕС – для Франции или партнерства БРИКС / ЕАЭС – для России.

---

570 Цифровая французская революция: аналитическая статья // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-frantsuzskaya-revolyutsiya/?sphrase_id=127189456 (дата обращения: 15.10.2025).

571 Финтех в России 2025: ключевые тренды, вызовы и направления роста // РБК : сайт. – URL: https://companies.rbc.ru/news/Mjq79wVnZC/finteh-v-rossii-2025-klyuchevyie-trendyi-vyizovyi-i-napravleniya-rosta/ (дата обращения: 17.10.2025).

Список использованной литературы

1. *Beau D*. Fintech R: Evolution. Speech by Denis Beau, First Deputy Governor of the Banque de France. Paris, 2025. 5 p.
2. De Gaulle Fleurance publishes its Observatory, “Finance on-chain: the Digital Revolution in Finance” // De Gaulle Fleurance. URL: https://www.degaullefleurance.com/en/actualites/de-gaulle-fleurance-publishes-its-observatory-finance-on-chain-the-digital-revolution-in-finance/ (дата обращения: 17.10.2025).
3. *de Vauplane H*. Fintech 2022: France. Law and Practice // Chambers Global Practice Guides. 2022. 24 p.
4. *Llorca M*. Les banques aux prises avec les fintech // L’Économie politique. 2017. № 75. P. 43–58.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ СУПРУГОВ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Нина Алексеевна Кленова
старший преподаватель кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Аннотация. На данный момент правоприменительными органами не выработано единого подхода касательно раздела имущества, используемого супругами для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе корпоративных прав. В связи с этим необходимой представляется разработка новых правовых механизмов раздела общего имущества супругов в ситуации, когда в него входят обозначенные объекты.

Ключевые слова: права супругов; корпоративные права; раздел имущества супругов; Семейный кодекс Российской Федерации.

На данный момент правоприменительными органами не выработано единого подхода касательно раздела имущества, используемого супругами для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе корпоративных прав. Довольно распространенной является ситуация, когда в браке только один из супругов осуществляет предпринимательскую деятельность или участвует в деятельности корпорации, при этом корпоративные права поступают в общую собственность обоих супругов. Раздел этих прав в натуре при разделе общего имущества супругов может неблагоприятным образом сказаться на предпринимательской деятельности супруга-предпринимателя или корпорации соответственно. В связи с этим необходимой представляется разработка новых правовых механизмов раздела общего имущества супругов в ситуации, когда в него входят обозначенные объекты.

Предлагаем рассмотреть вопрос раздела акций, если они были приобретены в период брака и вследствие этого входят в совместную собственность супругов. По общему правилу, согласно ст. 39 СК РФ, все имущество подлежит разделу в равных долях, если иное не предусмотрено соглашением между супругами, а также нет оснований для отступления от принципа равен-

ства долей[572]. Приведем пример дела, которое дошло до Верховного Суда РФ. В период брака каждый из супругов приобрел примерно равное количество акций, которые были зачислены на отдельные счета каждого из них. В дальнейшем количество акций дошло практически до 50% от всего уставного капитала, но вследствие дополнительного выпуска акций и приобретения их третьим лицом доля участия с 50% трансформировалась в 23%, причем решение об этом увеличении было принято супругом. Супруга же посчитала такие действия недобросовестным перераспределением корпоративного контроля[573] и в исковых требованиях заявила о необходимости уменьшения доли супруга при разделе совместно нажитого имущества.

Нижестоящие инстанции посчитали, что справедливым будет разделить имущество в равных долях, при этом они ссылались на то, что изначально факт приобретения примерно одинакового количества акций и зачисление их на личные счета свидетельствует о заключении между супругами устного соглашения о разделе имущества. Верховный Суд РФ не согласился с таким мнением и определил, что сам по себе факт открытия лицевых счетов на имя каждого из супругов и приобретение каждым из них акций одного общества не может свидетельствовать о достижении супругами соглашения о том, что приобретенные за счет общих средств ценные бумаги являются собственностью того супруга, на лицевом счете которого они находятся, а следовательно, спорные акции необходимо включать в состав совместной собственности[574]. Также суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, а в данном примере недобросовестные действия супруга и послужат таким основанием.

В случае раздела между супругами ценных бумаг часто встречаются решения, когда сами ценные бумаги остаются у одного из супругов, особенно если они были внесены на его счет и в инвестиционной деятельности был заинтересован именно он, а второму супругу присуждается денежная компенсация или имущество, эквивалентное по стоимости половине ценных бумаг. Ввиду особой специфики этого объекта прав, решение вопроса таким образом действительно представляется логичным, ведь второй супруг может быть элементарно не заинтересован в участии в отношениях, опосредующих оборот ценных бумаг. Однако в этом случае нужно решить, как же оценить стоимость ценных бумаг. По мнению С. П. Гришаева, представляется, что «входящие

---

572 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16 (далее – СК РФ).

573 См.: *Шестакова М.* То, что акции были зачислены на раздельные счета супругов, само по себе не свидетельствует об их договоренности поделить имущество // ЭЖ-Юрист. 2018. № 2. С. 15–17.

574 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 октября 2017 г. № 57-КГ17-17 // СПС «КонсультантПлюс».

в состав супружеского имущества акции, облигации, другие ценные бумаги должны быть поделены не по их номинальной стоимости, а по стоимости в соответствии с той биржевой котировкой, которую они имеют на момент рассмотрения спора в суде. Номинальная стоимость может быть положена в основу оценки лишь в случае, если те или иные акции не котируются на фондовой бирже»[575]. Такой подход мы предполагаем справедливым, ведь он наилучшим образом уравняет права супругов при разделе имущества и гарантирует супругу, получающему компенсацию, достаточное имущественное обеспечение. На практике возможно назначение судебной экспертизы для оценки стоимости акций на момент раздела имущества.

Еще одной проблемой при разделе совместно нажитых ценных бумаг является корпоративная составляющая[576]. Представляется логичной и интересной позиция В. И. Сергеева, который отмечает: «когда в создании коммерческих предприятий участвуют семейные люди, возникает множество вопросов, которые связаны с правами супруга на имущество фирмы и с супружеской долей»[577]. Согласно мнению Н. В. Козловой и С. Ю. Филипповой, «Правоотношение участия (членства) в корпорации начинается с момента приобретения лицом статуса участника. Основанием возникновения основного корпоративного права участия (членства) в корпорации является юридический состав, опосредующий приобретение лицом акций, долей или паев»[578]. Соответственно, благодаря разделу акций второй супруг приобретает не только имущественное право, но и корпоративное право участия (членства). Исходя из деления акционерных обществ на публичные и непубличные, можно увидеть отдельную специфику. Так, согласно Федеральному закону «Об акционерных обществах»[579] обязательное предложение о приобретении акций публичного общества, а также иных эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции публичного общества, не будет действовать в случае раздела совместно нажитого имущества между супругами. В случае раздела акций публичного акционерного общества сведения о втором супруге будут внесены в реестр акционеров, и благодаря этому супруг при-

---

575 *Гришаев С. П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е издание, переработанное и дополненное. // СПС «КонсультантПлюс».

576 Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова и др. ; отв. ред. О. В. Гутников. М. : Статут, 2021. 528 с.

577 *Сергеев В. И.* О соотношении наследственного, корпоративного и семейного права в спорах по поводу долей в уставном капитале ООО // Право и экономика. 2009. № 2. С. 109–113.

578 Физические лица как субъекты российского гражданского права: монография / А. В. Ворожевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М. : Статут, 2022. 350 с.

579 Об акционерных обществах : Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

обретет определенные корпоративные права. А вот в случае раздела акций непубличного акционерного общества законодательством предусмотрены особенности реализации преимущественного права приобретения акций акционерами, а также самим непубличным обществом, а также существует возможность включения в устав общества обязательных требований о получении согласия всех акционеров на отчуждение акций третьему лицу. В связи с этим при разделе совместно нажитых акций практика не видит других вариантов, кроме как оставлять акции одному из супругов, а второму присуждать соответствующую компенсацию, в противном случае можно было бы увидеть четкое несоответствие требованиям корпоративного законодательства. Или, если осуществить раздел между супругами принадлежащих им 60% акций общества в соотношении 30% мужу и 30% жене, это резко меняет структуру корпоративного контроля, создает риски нестабильности внутрикорпоративных отношений, что, как правило, с неизбежностью влечет падение цены соответствующих акций[580].

Как известно, хозяйственные общества относятся к объединению капиталов, поэтому при разделе корпоративных прав необходимо учитывать имущественные и иные интересы не только супругов, но и самих корпораций, а также иных участников имущественного оборота, заинтересованных в стабильности деятельности корпорации, участником которой является один из супругов. Можно сделать вывод, что корпоративные права в таких корпорациях подлежат разделу в соответствии с действующими положениями семейного законодательства. Однако если в результате раздела корпоративных прав супруг-участник может утратить корпоративный контроль, деятельность самой корпорации и внутрикорпоративные отношения окажутся под угрозой. Дробление активов супругов, участвующих в различных корпоративных организациях, может привести не только к изменению структуры корпоративного контроля, но и к разрушению хозяйствующих структур[581]. Очевидно, что на экономических интересах общества это тоже скажется. Следовательно, приоритет при разделе имущества должен оставаться за супругом-предпринимателем.

Для того чтобы «впустить» второго супруга в корпоративные правоотношения, представляется, что ему необходимо обладать не только собственной волей на участие в рыночных отношениях, связанных с ценными бумагами, но и иметь специальные знания для наиболее эффективного корпоративного участия. В литературе справедливо подмечено, что исключительно важны тщательная регламентация обязанностей членов органов управле-

---

580 См.: *Левушкин А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25.

581 См.: *Перепадя С. М., Перепадя О. А., Минина А. А.* К вопросу о необходимости институционализации семейной собственности в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 12–15.

ния (по крайней мере, на уровне устава хозяйственного общества и ее внутренних документов); локальное нормотворчество в данной сфере, поскольку только на локальном уровне возможен полный учет реальных интересов хозяйственных обществ и корпоративной «обстановки», взаимоотношений между органами управления и участниками. Решение вышеуказанных проблем возможно только на основе закона и разъяснений высших судебных инстанций[582].

В связи с вышеизложенным применительно к разделу корпоративных прав в корпорациях, относящихся к объединениям лиц, предлагается наделить участника корпорации преимущественным правом на приобретение корпоративных прав в счет его доли. Для обеспечения имущественных интересов другого супруга предлагается закрепить в качестве условия осуществления преимущественного права передачу ему иного имущества из состава общего имущества супругов или выплату соответствующей денежной компенсации. При этом корпоративные права в корпорациях, относящихся к объединениям капиталов, подлежат разделу в соответствии с действующими положениями семейного законодательства. Исключение могут составить случаи, когда в результате раздела корпоративных прав супруг-участник может утратить корпоративный контроль.

Список использованной литературы

1. *Гришаев, С. П.* Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / С.П. Гришаев. – 2-е издание, переработанное и дополненное // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Ершова, И. В., Толмачева, Э. Н.* Раздел акций между супругами: взгляд через призму аффилированности юридического лица // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. – Москва : Проспект, 2019. – С. 140–149.
3. *Левушкин, А. Н.* Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации / А. Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 25.
4. *Перепадя, С. М.* К вопросу о необходимости институционализации семейной собственности в Российской Федерации / С. М. Перепадя, О. А. Перепадя, А. А. Минина // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 4. – С. 12–15.
5. *Сергеев, В. И.* О соотношении наследственного, корпоративного и семейного права в спорах по поводу долей в уставном капитале ООО / В.И. Сергеев // Право и экономика. – 2009. – № 2. – С. 109–113.

---

582 См.: *Ершова И. В., Толмачева Э. Н.* Раздел акций между супругами: взгляд через призму аффилированности юридического лица // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании : монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М. : Проспект, 2019. С. 140–149.

6. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики : монография / О. А. Беляева, С. А. Бурлаков, М. М. Вильданова и др. ; отв. ред. О.В. Гутников. – Москва : Статут, 2021. – 528 с.
7. Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. В. Ворожевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. – Москва : Статут, 2022. – 350 с.
8. *Шестакова, М*. То, что акции были зачислены на раздельные счета супругов, само по себе не свидетельствует об их договоренности поделить имущество / М. Шестакова. // ЭЖ-Юрист. – 2018. – № 2. – С. 15–17.

ИНФОРМАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Софья Игоревна Комарова
студентка 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
sofya_komarova_2020@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стремительным проникновением цифровых технологий, что создает вызовы для классической системы гражданского права. Целью исследования является комплексный анализ информации, исследование его правовой природы и выработки предложений по его дальнейшему правовому регулированию. Проанализированы основные положения правового статуса информации, особенность заключения и защиты гражданско-правовых договоров, объектом которых она является. В результате был сделан вывод о необходимости систематизации и уточнения правового статуса информации путем выработки Цифрового кодекса.

Ключевые слова: информация; цифровизация; защита права; объект права; договор.

Цифровизация, понимаемая как «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов»[583], приводит к возникновению новых вызовов для правовой системы. В связи с этим понятие информации требует не только технического, но и строгого юридического осмысления, что обусловливает необходимость проведения комплексного исследования ее гражданско-правового режима, поскольку именно гражданско-правовые конструкции формируют основу для регулирования имущественных и личных неимущественных отношений в цифровой среде.

В течение длительного времени информация находилась на периферии цивилистического анализа. Переломным моментом стало принятие Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, ин-

583 *Ивандава Л. И.* Источники нормативного регулирования цифровизации общественных отношений // Advances In Law Studies. 2021. Т. 9, № 3. С. 61–65.

формационных технологиях и о защите информации», который определил информацию как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»[584].

Однако последующие изменения в Гражданском кодексе РФ[585] вызвали серьезные дискуссии. Если ранее информация была прямо названа в ст. 128 ГК РФ в перечне объектов гражданских прав, то после реформы гражданского законодательства 2006 г. она была исключена из этого списка. Это законодательное решение стало отправной точкой для формирования двух противоположных научных подходов.

Сторонники самостоятельного статуса информации (И. Л. Бачило, Т. Л. Левшина, Д. В. Ломакин и др.) уверены, что информация обладает всеми признаками, необходимыми для признания ее самостоятельным объектом гражданских прав. Они указывают на то, что информация не обладает физическими характеристиками, хотя может фиксироваться на материальных носителях. Это позволяет отделять информацию от ее носителя, что является ключевым для признания ее самостоятельным объектом. Информация может быть многократно использована без утраты своих свойств, а также соответствующим образом обособлена для участия в гражданском обороте.

Основным аргументом они указывают то, что в современной экономике информация становится ключевым ресурсом, обладающим самостоятельной стоимостью. Этот аргумент подкрепляется анализом режима коммерческой тайны, которая признается самостоятельным объектом правовой охраны. Согласно Федеральному закону «О коммерческой тайне»[586] и ст. 1465 ГК РФ, секрет производства (ноу-хау) определяется как сведения любого характера, имеющие коммерческую ценность в силу неизвестности третьим лицам. Установление режима коммерческой тайны рассматривается как способ пресечения недобросовестной конкуренции, а сама такая информация – как объект интеллектуальных прав.

Противники данной концепции (Р. С. Бевзенко, Л. Б. Ситдикова и др.) полагают, что информация не может быть самостоятельным объектом прав, а выступает лишь свойством или характеристикой иных объектов. Они убеждены, что классические объекты вещных прав характеризуются материальностью. Кроме того, сложность определения принадлежности информации конкретному лицу и передачи прав на нее препятствует признанию ее полноценным

---

584 Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: //pravo/gov.ru (дата обращения: 10.10.2025).

585 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: //pravo/gov.ru (дата обращения: 08.10.2025) (далее – ГК РФ).

586 О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: //pravo/gov.ru (дата обращения: 11.10.2025).

объектом гражданских прав, то есть отсутствие оборотоспособности. Критики отмечают, что охрана информации обеспечивается не непосредственно, а через установление правовых режимов для конкретных ее видов[587].

Практическим решением данной коллизии стало формирование плюралистической модели регулирования, при которой отдельные виды информации получают специальный правовой режим (персональные данные, коммерческая тайна, официальные документы).

Анализ современного законодательства позволяет утверждать, что информация постепенно признается в качестве объекта гражданского оборота.

В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 декабря 2012 г. по делу № А56-35417/2012 указано, что информация может являться объектом гражданских правоотношений, если цель ее получения связана с извлечением прибыли. Этот подход свидетельствует о том, что правоприменительная практика *de facto* признает информацию особым объектом прав, несмотря на ее отсутствие в ст. 128 ГК РФ.

Информация, ранее рассматривавшаяся преимущественно как производственный ресурс или объект интеллектуальной собственности, в XXI в. приобрела самостоятельную экономическую ценность, став ключевым активом, способным приносить доход и повышать конкурентоспособность субъектов хозяйствования.

Знаковым событием стало принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[588]. Согласно ст. 1 данного закона, цифровые финансовые активы определяются как цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и иные права, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения записей в информационную систему. Таким образом, законодатель закрепил модель, при которой информация (в форме цифрового кода) становится непосредственным носителем имущественных прав.

Особенностью договоров в информационной сфере является то, что их предметом часто выступает нематериальный результат – информация или права на нее. Это требует особой точности в формулировке условий о предмете договора, чтобы избежать риска признания его незаключенным.

Хотя информация сама по себе не является вещью, нарушение прав на информацию может осуществляться через воздействие на ее материальные носители. В этом случае применяются традиционные вещно-правовые иски:

---

587 *Афанасьева А. А.* Информация как объект гражданского права // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 1161.

588 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http: //pravo/gov.ru (дата обращения: 11.10.2025).

виндикационный (об истребовании имущества из чужого незаконного владения) и негаторный (об устранении препятствий в пользовании имуществом).

Пленум Верховного Суда РФ сыграл ключевую роль в формировании единообразной судебной практики по делам о защите информационных прав. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержатся важные разъяснения, касающиеся защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Пленум указал, что при рассмотрении споров о защите интеллектуальных прав судам следует учитывать, что защите подлежит не сама информация как таковая, а форма ее выражения. Это принципиально важная позиция, которая разграничивает объекты авторского права и информацию как объективную реальность.

Информация, рассматриваемая в теории права как особый объект гражданских прав в условиях цифровизации, предъявляет новые вызовы и представляет собой уникальные перспективы для регулирования информационных отношений, такие как:

– терминологическая неопределенность – в законодательстве отсутствует единое понимание ключевых категорий, таких как «информация», «цифровая информация», «электронная информация»;

– защита информационных прав – сложность доказывания факта нарушения, так как информация может быть скопирована без изъятия оригинала, кроме того, представляется затруднительным четкое определение размера убытков;

– быстрое устаревание нормативной базы – динамичное развитие цифровых технологий опережает процессы законотворчества, что приводит к постоянному запаздыванию правового регулирования;

– отсутствие системного подхода – как справедливо отмечает Л. А. Букалерова, «отсутствие систематизации норм, регулирующих всю совокупность охраняемой законом информации, отрицательно сказывается на процессе их применения».

В качестве одного из возможных путей преодоления указанных проблем рассматривается разработка Цифрового (Информационного) кодекса РФ. Как отмечают участники XII Петербургского международного юридического форума, «будущий цифровой кодекс должен сформировать понятие информации как объекта права, которым можно будет пользоваться для регулирования и применения в частных и гражданских отношениях»[589].

При этом важно отметить, что, по мнению экспертов, объект регулирования будущего кодекса – это цифровая сущность, которая никуда не вписывается и которая требует регулирования.

---

[589] *Дюков П. В.* Цифровой кодекс должен сформировать понятие информации // Российское агентство правовой и судебной информации : сайт. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240627/3100438

Такой кодекс мог бы дать четкое определение ключевых терминов, определить их правовой статус, закрепить особенности заключения и исполнения сделок, объектом регулирования которых является информация, усовершенствовать методики защиты информационных прав.

В заключение хочется отметить, что цифровая трансформация общества требует соответствующих перемен правовой системы, в рамках которой гражданское право должно адекватно реагировать на новые вызовы, связанные с изменением природы объектов правового регулирования. Формирование последовательной и непротиворечивой системы гражданско-правового регулирования информации является необходимым условием эффективного развития цифровой экономики России и обеспечения прав участников цифровых отношений.

Список использованной литературы

1. *Афанасьева, А. А.* Информация как объект гражданского права / А. А. Афанасьева // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 1156–1163.
2. *Ивандава, Л. И.* Источники нормативного регулирования цифровизации общественных отношений / Л. И. Ивандава // Advances In Law Studies. – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 61–65.

ОСОБЕННОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЛИЧНОГО ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Егор Дмитриевич Крымов
аспирант 2-го курса Института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
egorkrymov01@outlook.com

Аннотация. Проблематика изменения личного закона юридическими лицами является одним из новых вызовов, стоящих перед отечественной наукой международного частного права. Автор рассматривает особенности законодательного регулирования принятия решения об изменении личного закона. Обосновывается, что принятие данного решения возможно при соблюдении ряда условий, предусматриваемых как отечественным правопорядком, так и иностранным законодательством.

Ключевые слова: юридическое лицо; органы управления; решение органов управления; изменение личного закона; редомициляция; инкорпорация.

Изменение личного закона юридическими лицами является сравнительно новым явлением для отечественного правопорядка. Впервые данная возможность была предоставлена организациям в 2014 г. в связи с введением в текст Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[590] статьи 19, предоставившей право юридическим лицам, имевшим на территории Республики Крым и города Севастополя место нахождения постоянно действующего исполнительного органа, привести учредительные документы в соответствие с российским законодательством и обратиться с заявлением о включении сведений в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ). Однако наиболее важной вехой в развитии отечественного корпоративного законодательства стало принятие Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 290-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О международных компа-

[590] Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

ниях и международных фондах»[591] (далее – Закон о международных компаниях). В данном законе впервые была предусмотрена возможность редомициляции в Российскую Федерацию и инкорпорации для любых иностранных организаций. Содержание ст. 11 Закона приводит к выводу, что впервые законодатель предусматривает возможность изменения личного закона российскими юридическими лицами – международными компаниями. Как известно, другие законодательные акты не содержат каких-либо норм, связанных с осуществлением юридическими лицами названных процедур. В свете этого возникает вопрос о возможности принятия решения об изменении личного закона и его особенностях.

Корпоративное законодательство, как отмечается в отечественной судебной практике, «исходит из принципа уважения автономии воли участников, отраженной в уставе общества»[592]. Из этого следует, что, по общему правилу, органы юридического лица свободны в формулировании воли организации и последующем ее выражении. Если решение не нарушает права и законные интересы кредиторов и не противоречит императивным нормам, оно может быть принято и исполнено, в том числе и при отсутствии нормативно-правовой регламентации. Однако возможна ли экстраполяция сказанного на решения об изменении личного закона?

Закон о международных компаниях, как следует из содержания ст. 1, 4 и 11, предусматривает в качестве одного из условий осуществления редомициляции или инкорпорации принятие управомоченным органом управления юридического лица соответствующего решения. Схожий, на первый взгляд, вывод можно сделать при обращении к ст. 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 21 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025)[593] и нормам других законов, допускающих возможность принятия решения по «иным» вопросам, предусмотренным уставом. Так, например, в силу подп. 13 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью»[594] (далее – Закон об ООО), общее собрание участников также полномочно принимать решения по вопросам, предусмотренным уставом общества. Однако, как заметил Б. Гроссфельд: «юридическое лицо в принципе существует только в том случае, если оба правопорядка подтверждают продолжение его существования»[595]. Основополагающей для принятия рассматриваемого решения

---

591 Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5083.

592 Решение Арбитражного суда Удмуртской республики по делу № А71-11482/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

593 Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

594 Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

595 Internationales Privatrecht. – Sonderausg. – Berlin : Schweitzer Aus: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. EGBGB, Teil 2 a – 5. 10./11. u. 12. Aufl. Bd. 1a. Einleitung; Art 7-9 EGBGB; Internationales Gesellschaftsrecht; Art 11 EGBGB / erl. von Günther Beitzke... 1981. S. 402.

является возможность сохранения правосубъектности организацией при изменении личного закона. Соответственно, условиями принятия рассматриваемого решения являются нормы, во-первых, национального законодательства, определяющие основания исключения юридического лица из реестра, а во-вторых, иностранного права, предъявляющие требования к учреждению организаций[596].

Другим, не менее значимым основанием для принятия решения, является наличие соответствующего положения в уставе. Как следует из ст. 52 ГК РФ, положения устава регулируют внутренние отношения в организации. Поскольку он, как отмечено Н. В. Козловой, «является результатом волеизъявления учредителя (учредителей)»[597], то содержащиеся в нем положения отражают избранный участниками (учредителями) подход к регламентации внутренних отношений в организации. В силу этого могут быть урегулированы правоотношения, возникающие, например, при подготовке к проведению заседания общего собрания участников (акционеров), в повестке которого значится рассмотрение такого вопроса; проведении собрания; исполнении единоличным исполнительным органом принятого решения[598]. Напротив, отсутствие или исключение из устава положений об изменении личного закона следует рассматривать как отказ участников и, соответственно, самого юридического лица, от осуществления данной операции[599].

Еще одной особенностью принятия решения об изменении личного закона является необходимость обеспечения соответствия положениям законодательства «выпускающего» и «принимающего» государств. Так, как следует из ст. 11 Закона о международных компаниях, решение об изменении личного закона может быть принято большинством в три четверти присутствующих в собрании участников (акционеров) международных компаний, созданных в форме непубличных хозяйственных обществ. В международных компаниях, созданных в форме публичного акционерного общества – квалифицированным большинством голосов акционеров – владельцев голосующих акций. Поскольку итоги голосования подтверждаются протоколом общего собрания, то в силу ст. 38.2 Закона об ООО, ст. 63 Федерального закона от 26 декабря

---

596 См., напр., ст. 140 Закона о компаниях свободной экономической зоны (Дубайский международный финансовый центр. Companies law difc law no. 5 of 2018 // DIFC : сайт. URL: https://assets.difc.com/v1/media/edge/images/dubaiintern0078-difcexperie96c5-production-3253/media/project/difcexperiences/difc/difcwebsite/documents/laws--regulations/companies_law.pdf (дата обращения: 23.11.2025)).

597 *Козлова Н. В.* К вопросу о правовой природе устава юридического лица // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 1. С. 69.

598 См. Устав МКПАО «Лента» // Группа Лента : сайт. URL: https://cms.lenta.app4.3ebra.net/uploads/_/originals/3770e041-632d-45e7-a6b4-ce1395c34b14.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

599 См., напр.: Устав МКПАО «ОК Русал» // РУСАЛ : сайт. URL: https://rusal.ru/investors/info/docs/UchDokum_b1ed8491d6d14b6d8f1e5193915b9d63.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 01.07.2025) «Об акционерных обществах»[600], в нем должно быть указано принятое по вопросу повестки собрания решение. Отечественное корпоративное законодательство не предъявляет специальных требований к его содержанию. Подобные требования, однако, могут быть предусмотрены законодательством иностранного государства. Так, например, в ст. 89.2 Положений о компаниях Свободной экономической зоны Джебель Али Объединенных Арабских Эмиратов содержится норма, в силу которой среди документов, представляемых для регистрации организации в реестре юридических лиц, должно быть приложено решение юридического лица о переносе его деятельности на территорию Свободной зоны и продолжении деятельности в качестве одной из организационно-правовых форм, предусмотренных Положениями о компаниях[601].

Таким образом, процедура принятия решения об изменении личного закона юридического лица имеет ряд отличительных особенностей, главным из которых следует считать предъявление требований правопорядками обоих государств. Изменить свой личный закон юридическое лицо может, если это допускается законодательством обеих стран; данная возможность предусмотрена уставом; порядок принятия решения и его содержания соответствуют требованиям отечественного и зарубежного правопорядков.

Список использованной литературы

1. *Козлова, Н. В.* К вопросу о правовой природе устава юридического лица / Н. В. Козлова // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2017. – № 1. – С. 64–79.
2. Internationales Privatrecht. – Sonderausg. – Berlin : Schweitzer Aus: J. von Staudingers Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. EGBGB, Teil 2 a – 5. 10./11. u. 12. Aufl. Bd. 1a. Einleitung; Art 7-9 EGBGB; Internationales Gesellschaftsrecht; Art 11 EGBGB / erl. von Günther Beitzke... 1981. 486 s.

600 Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

601 См. The Jebel Ali Free Zone Companies implementing regulations 2016 // JAFZA : сайт. URL: https://www.jafza.ae/resource-centre/guides/rules-and-regulations-at-jafza/ (дата обращения: 27.11.2025).

ЗАЛОГ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПРОБЛЕМЫ ВЗЫСКАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Владислав Евгеньевич Лобащук
аспирант 2-го курса Института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
vlad.lobashchuk@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемы, возникающие в рамках применения действующего механизма обращения взыскания на заложенные цифровые активы, включая отсутствие регламентированной процедуры ареста и реализации заложенных цифровых активов, трудности идентификации заложенных цифровых активов, а также недостатки во взаимодействии между участниками исполнительного производства и операторами информационных систем (ОИС). Отдельное внимание уделяется роли операторов информационных систем (ОИС), выступающих техническими посредниками в рамках процедуры принудительного исполнения, а также потенциальным рискам всех участников исполнительного производства. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства в части залога цифровых активов, направленные на автоматизацию взаимодействия между участниками исполнительного производства и операторами информационных систем (ОИС), создание единого публичного реестра цифровых активов, а также закрепление процедуры реализации заложенных цифровых активов.

Ключевые слова: залог цифровых активов; цифровые финансовые активы; исполнительное производство; единый публичный реестр цифровых активов; оператор информационной системы (ОИС).

Активное развитие цифровой экономики и широкое распространение новых видов цифровых активов, таких как цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) и цифровые права, обусловили необходимость безотлагательной интеграции в актуальное в гражданское законодательство соответствующих правовых норм.

В соответствии со ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[602] цифровые права были официально признаны объектами гражданских прав, а для операций с ними (осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение и прочее) установлен специальный режим, предполагающий их учет и обращение исключительно в информационных системах без привлечения третьих лиц.

С одной стороны, учет и обращение цифровых активов исключительно в информационных системах обеспечивает высокий уровень безопасности сделок, поскольку любая транзакция фиксируется во внутреннем реестре оператора информационной системы (далее – ОИС) и ее изменение невозможно без участия ОИС. С другой стороны, широкая распространенность частных непубличных реестров порождает особые юридические сложности, так как традиционные механизмы ареста и реализации заложенного имущества неприменимы.

Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259-ФЗ)[603] формально вводит ОИС в систему регулирования в качестве ключевых участников, которые ведут частные непубличные реестры держателей цифровых активов, фиксируют транзакции, распоряжения, обременения и другие операции. Подобная концентрация полномочий по контролю за цифровыми активами в частных структурах создает существенные риски непрозрачности системы в целом.

Однако формального признания цифровых активов объектами гражданских прав оказалось недостаточно для создания работоспособного механизма правового регулирования. На практике применение механизма залога цифровых активов, особенно в рамках исполнительного производства, сталкивается с комплексом системных проблем. Отсутствие прозрачных и унифицированных правил подрывает доверие к цифровым активам как к объекту обеспечения исполнения обязательств.

На необходимость адаптации залоговых правоотношений, предметом которых являются цифровые активы, также указывают в своих работах О. В. Ефимова: «...формирование залогового правоотношения, его осуществление законодателем в настоящее время не урегулированы и могут быть определены по аналогии с нормативными правилами, определяющими залог тождественных правовых явлений...»[604], а также И. Е. Михеева: «...требуется

---

602 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

603 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

604 *Ефимова О. В.* О залоге цифровых прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 6 (249). С. 60.

усовершенствование действующего законодательства в части залога цифровых прав...»[605].

Первым барьером в рамках реализации заложенных цифровых активов является проблема их идентификации в контексте исполнительного производства. Данная неопределенность порождает серьезные практические последствия при определении порядка обращения взыскания на заложенные цифровые активы. В настоящее время, исходя из действующего законодательства об исполнительном производстве, цифровые активы следует рассматривать как имущественные права, к которым необходимо применять нормы об обращении взыскания в соответствии со ст. 75 и 78 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229-ФЗ)[606]. В свою очередь, учитывая особую специфику цифровых активов, актуальное нормативно-правовое регулирование не является совершенным, а правоприменительная практика – непредсказуемая для участников исполнительного производства.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель осознает существующие проблемы. Это подтверждается разработанным Законопроектом № 446411-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Законопроект № 446411-8)[607]. В пояснительной записке к его первой редакции прямо указывается на необходимость создания условий для повышения ликвидности цифровых активов, прозрачности их ценообразования и упрощения процедур приобретения, отчуждения и обременения с использованием привычной для инвесторов инфраструктуры.

В первой редакции Законопроекта № 446411-8 законодатель предлагает дополнить ФЗ № 229-ФЗ статьями 73.5 «Особенности обращения взыскания на цифровые права должника» и 82.1 «Наложение ареста на цифровые права», в соответствии с которыми предлагается распространить процедуру выпуска цифровых свидетельств (бездокументарных ценных бумаг) на все виды цифровых активов, а также законодательно регламентировать процедуру обращения, взыскания и наложения ареста на заложенные цифровые активы.

Несмотря на безусловную прогрессивность предлагаемых изменений, анализ первой редакции Законопроекта № 446411-8 позволяет выявить ряд нерешенных системных проблем. Прежде всего, сохраняется проблема отсутствия механизма принудительной монетизации заложенных цифровых активов. Первая редакция Законопроекта № 446411-8 детально регулирует

---

605 *Михеева И. Е.* Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // Право и экономика. 2022. № 10. С. 22.

606 Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

607 О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Законопроект № 446411-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446411-8.

процедуру передачи цифрового актива взыскателю, но не предусматривает механизма его последующей конвертации в денежные средства. На практике это означает, что взыскатель, получив заложенный цифровой актив, вынужден самостоятельно организовывать его продажу исходя из действующих правил ОИС. При этом возникает вопрос: на какую дату следует определять стоимость заложенного цифрового актива – на момент вынесения судебного решения, наложения ареста или фактической реализации? Разница между этими датами может приводить к фундаментально разным результатам, ставя под сомнение саму возможность справедливого распределения средств между взыскателями.

Таким образом, первостепенное значение имеет создание специализированной инфраструктуры для принудительной реализации заложенных цифровых активов. Целесообразно предусмотреть возможность проведения торгов по реализации заложенных цифровых активов на существующих торговых площадках. При этом важно обеспечить взаимодействие судебных приставов с данными площадками, что позволит автоматизировать процесс передачи цифровых активов на реализацию.

Особое внимание следует уделить разработке прозрачной методики определения стоимости заложенных цифровых активов на различных стадиях исполнительного производства. Техническая реализация предлагаемого механизма требует создания единого публичного реестра цифровых активов, обеспечивающего прозрачность процесса реализации заложенных цифровых активов. В данном реестре должны отражаться все этапы – от передачи цифрового актива на реализацию до окончательных расчетов с взыскателями. Это позволит обеспечить необходимый контроль со стороны всех участников исполнительного производства.

Первая редакция Законопроекта № 446411-8 также не разрешает вопрос, связанный с децентрализованным характером хранения информации о цифровых активах и их розыска. В отличие от традиционных видов имущества, сведения о которых содержатся в единых публичных реестрах, информация о цифровых активах разрознена и хранится у множества ОИС в частных непубличных реестрах. Следовательно, возможность обнаружить заложенные цифровые активы сильно ограничена. Возникает парадоксальная ситуация: чтобы инициировать процедуру взыскания заложенного цифрового актива, судебный пристав должен заранее знать, у какого ОИС учитываются цифровые активы должника. ОИС не обязаны предоставлять такие сведения без соответствующего запроса, но, чтобы направить запрос, судебный пристав уже должен располагать информацией о том, к какому ОИС обращаться. Даже когда ОИС идентифицирован, судебному приставу приходится вручную устанавливать контакт с ОИС и направлять исполнительные документы традиционными способами. При этом судебный пристав не имеет возможности контролировать фактическое исполнение требований – ОИС самостоятельно вносит изменения в частный непубличный реестр цифровых активов.

Таким образом, отсутствие единого публичного реестра цифровых активов нарушает принцип публичной достоверности, обеспечивающий стабильность оборота. Арест, наложенный в частном непубличном реестре, не может считаться известным третьим лицам, что подрывает добросовестность гражданского оборота.

Решение вышеуказанной проблемы требует комплексного подхода, включающего создание единого публичного реестра цифровых активов, разработку автоматизированной системы взаимодействия судебных приставов с ОИС, установление четких процедур и сроков исполнения требований, а также установление ответственности ОИС за ненадлежащие исполнение исполнительных документов. Без создания такой системы эффективное обращение взыскания на заложенные цифровые активы будет оставаться проблематичным.

Проведенное исследование демонстрирует, что цифровые активы как принципиально новый объект гражданских прав требуют не просто адаптации существующих правовых механизмов, а формирования совершенно новой парадигмы регулирования, основанной на учете их технологической специфики. Перспективы развития института залога цифровых активов видятся в создании комплексной системы, объединяющей технологические инновации с эффективными правовыми механизмами.

Список использованной литературы

1. *Ефимова, О. В.* О залоге цифровых прав / О. В. Ефимова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 6 (249). – С. 57–61.
2. *Михеева, И. Е.* Отдельные правовые особенности залога цифровых прав / И. Е. Михеева // Право и экономика. – 2022. – № 10. – С. 16–23.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Никита Владимирович Никольский
аспирант 3-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Nikolskii99@yandex.ru

Аннотация. Переход к цифровым формам гражданского оборота закономерно обусловил появление новых правовых конструкций, в числе которых цифровые права заняли особое положение и приобретают значение структурообразующего элемента гражданского оборота. При этом на сегодняшний день существует ряд законодательных пробелов, порождающих ряд проблемных ситуаций при защите цифровых прав. В данной работе рассматриваются подобные пробелы, а также вносятся предложения по совершенствованию законодательства для их устранения.

Ключевые слова: цифровые права; цифровые финансовые активы; информационные технологии; операторы информационных систем; токены; смарт-контракты.

Цифровые права, согласно легальному определению, закрепленному в п. 1 ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации[608] (далее – ГК РФ), представляют собой обязательственные и иные права, существование и осуществление которых возможно исключительно в информационных системах с использованием цифрового способа фиксации. Это обстоятельство придает данному институту двойственную природу: с одной стороны, цифровое право следует понимать как разновидность субъективного гражданского права; с другой – как результат технологического закрепления возможности «осуществления гражданских прав в виртуальной среде, обладающей собственной логикой функционирования»[609].

---

608 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. 1994. № 238-239. 8 дек.

609 *Белозерова Ю. Г.* К слову о составе гражданского правонарушения в сети Интернет // Экономика. Право. Общество. 2020. Т. 5, № 3 (23). С. 24.

Юридический механизм защиты цифровых прав в Российской Федерации находится на этапе институционального становления. Несмотря на наличие отдельных норм, регламентирующих оборот и фиксацию цифровых прав (в частности, п. 1 ст. 141.1 ГК РФ и положения Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[610] (далее – Закон о ЦФА), правоприменительная и нормативная практика демонстрируют системные изъяны в сфере их охраны. Совокупность таких дефектов носит не случайный, а структурный характер, поскольку обусловлена изначальной несоизмеримостью классических правовых конструкций и технологической природы цифровых объектов.

Действующее гражданское законодательство не содержит специального института защиты цифровых прав. Применение общих способов охраны, закрепленных в ст. 12 ГК РФ (признание права, пресечение действий, возмещение убытков и др.), осуществляется по аналогии, без учета особенностей цифровой среды. При этом большинство нарушений цифровых прав проявляется не в виде действия, поддающегося традиционному восприятию правонарушения, а в «форме технической аномалии, сбоя или деструкции цифровой записи»[611].

Кроме того, утрата цифрового права, будучи неотделимой от технической инфраструктуры, фактически лишает правообладателя возможности доказать само существование спорного права, не говоря уже о его объеме и характере реализации. Отсутствие механизма независимой верификации цифровых транзакций (вне контроля оператора платформы) обуславливает уязвимость цифрового права к односторонним изменениям и блокировке.

Ни ГК РФ, ни Закон о ЦФА не предусматривают специальной модели компенсации за нарушение цифровых прав. Тем самым нарушается баланс между значимостью цифрового права в обороте и объемом последствий, наступающих при его утрате. В отличие от интеллектуальных прав, для которых ст. 1301 ГК РФ устанавливает компенсационный механизм с возможностью выбора пострадавшим лицом между возмещением убытков и фиксированной денежной компенсацией, в отношении цифровых прав отсутствует аналогичная норма.

Это особенно проблематично в ситуации, когда невозможно точно определить размер убытков в стоимостном выражении, например, при удалении цифрового актива, прекращении доступа к смарт-контракту или утрате токена. Отказ в компенсации на том основании, что вред не поддается количественной оценке, фактически ставит цифровое право вне правовой охраны.

В правовой конструкции, при которой реализация цифрового права невозможна без участия оператора информационной системы, последний становит-

---

610 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. №259-ФЗ // Российская газета. 2020. № 173. 6 авг.

611 *Касьянов А. С.* Информационные посредники: понятие, признаки, виды. Часть I // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2024. № 1. С. 19.

ся фактическим посредником между правообладателем и правом. Однако закон не устанавливает обязанностей операторов «по обеспечению бесперебойного, добросовестного и объективного доступа к реализуемым правомочиям»[612].

Следует отметить, что нормы Закона о ЦФА (в частности, ст. 4 и 5) закрепляют лишь процедурные требования к информационным системам и порядку эмиссии активов, без определения статуса оператора как субъекта гражданской ответственности. В случае необоснованной блокировки, отказа в обработке транзакции или удаления записи потерпевшее лицо не имеет прямого инструмента правового воздействия, за исключением попытки квалификации действия как общегражданского деликта. При этом отсутствие вины или формальное соответствие внутренним правилам платформы создают ситуацию правовой недоступности защиты.

Для устранения вышеуказанных пробелов необходимым представляется установление юридического статуса операторов информационных систем. Дополнение Закона о ЦФА положениями, закрепляющими правовой статус оператора платформы как субъекта гражданской ответственности.

Оператор должен нести риск за сбои, искажения и недостоверные транзакции, произошедшие по вине платформенной инфраструктуры, включая ошибки алгоритмов.

Список использованной литературы

1. *Белозерова, Ю. Г.* К слову о составе гражданского правонарушения в сети Интернет / Ю. Г. Белозерова // Экономика. Право. Общество. – 2020. – Т. 5, № 3 (23). – С. 23–26.
2. *Звездина, Т. М.* Цифровые платформы в предпринимательской деятельности: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. М. Звездина // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : сборник статей к 70-летию профессора Владимира Сергеевича Белых / отв. ред. В. А. Бублик. – Москва, 2023. – С. 125–132.
3. *Касьянов, А. С.* Информационные посредники: понятие, признаки, виды. Часть I / А. С. Касьянов // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2024. – № 1. – С. 17–25.
4. *Павлова, Д. А.* Особенности осуществления цифровых прав / Д. А. Павлова / Юрист. – 2023. – № 3. – С. 8–15.
5. *Рождественская, Т. Э.* Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 6 (115). – С. 43–54.

---

612 *Звездина Т. М.* Цифровые платформы в предпринимательской деятельности: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права : сборник статей к 70-летию профессора Владимира Сергеевича Белых / отв. ред. В. А. Бублик. М., 2023. С. 128.

ТЕЛЕМЕДИЦИНА КАК ВИД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОАЭ)

Екатерина Николаевна Потапова
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
katrin.klg@yandex.ru

Аннотация. Появление современных и высокоточных цифровых технологий привело к масштабной модернизации системы здравоохранения во всем мире. Телемедицина зарекомендовала себя как стремительно развивающееся направление предпринимательской деятельности, что, в свою очередь, диктует необходимость корректировки правовой базы с учетом специфики выстраивания отношений между исполнителем и заказчиком соответствующей услуги в рамках договора. В статье проанализированы некоторые особенности законодательного регулирования деятельности по возмездному оказанию медицинских услуг как вида предпринимательской деятельности в государстве ОАЭ, которое одним из первых проявило особую гибкость и стремительное реагирование на передовые процессы внедрения телемедицинских технологий в практику рассматриваемых отношений.

Ключевые слова: телемедицина; информационно-коммуникационные технологии; договор; исполнитель; заказчик.

XXI век ознаменован значительным прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), что, в свою очередь, затронуло и здравоохранение[613], достижением которого стало появление телемедицины.

Различные государства принимали данную концепцию с учетом национальной специфики отношений в рассматриваемой области, социально-эко-

---

613 *Abdulaziz H. Albahri, Shatha A. Alnaqbi*. Telemedicine perception and interest among medical students at the University of Sharjah, United Arab Emirates, 2023 // BMC Medical Education. 2023. P. 2.

номической и политической обстановки. Однако пандемия коронавирусной инфекции поспособствовала применению телемедицинских технологий при оказании услуг во всех странах мира.

В то же самое время некоторые государства достигли наиболее высоких результатов в данной области, адаптировав систему законодательства и выстроив рынок оказания медицинских услуг с учетом особенностей отношений в сфере их оказания.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает положительный опыт ОАЭ (далее – Эмираты). Так, согласно исследованию, проведенному *Philips Health Trends Research*, в Эмиратах цифровые технологии здравоохранения пользуются высокой популярностью, в частности, 95% респондентов считают, что технологии могут играть важную роль в более эффективном управлении здоровьем; 72% участников считают, что виртуальные консультации с врачами столь же эффективны, как и непосредственный контакт со специалистом[614].

В то же самое время развитию института оказания телемедицинских услуг в Эмиратах способствует крупномасштабный частный сектор здравоохранения, стремящийся привлечь максимальное количество заказчиков из числа как своих граждан, так и иностранцев (медицинских туристов)[615].

Следует отметить, что в государстве правовые аспекты телемедицины тщательно проработаны посредством регламентации данных отношений через специализированные Стандарты по телемедицине (далее – Стандарт)[616], разработанные министерствами и ведомствами, которые представляют собой развивающуюся концепцию формирования нормативной базы в рассматриваемой области. Так, согласно п. 3.15. вышеупомянутого документа, телемедицина включает в себя «услуги удаленных консультаций врача и пациента, консультирования врача, назначения рецептов, диагностики, медицинского вмешательства и мониторинга состояния здоровья, предоставляемые с помощью различных телекоммуникационных средств, таких как телефон, интернет-видеосвязь, электронная почта и/или аналогичные электронные средства связи».

Таким образом, законодателем сделан акцент на видах услуг, которые могут оказываться медицинскими организациями посредством привлечения ИКТ с учетом предъявляемых к ним требований[617]. Кроме того, данный доку-

---

614 According to a Philips Health Trends Research study, UAE residents use technology to monitor their health. News. Philips, 2022. URL: https://www.philips.ae/a-w/about/news/archiusing-technology-to-take-control-of-their-health-says-philips-health-trends-research.html (дата обращения 14.10.2025).

615 *Aanchal Saluja*. The Ethics and Law of Medical Tourism: A Cross Country Study // International Journal of Novel Research And Development. 2024. Vol. 9. № 6. P. 132.

616 DOH Standard on Tele-Medicine. DOH/SA/TLM/0.9/2020. URL: https://www.doh.gov.ae/en/resources/standards (дата обращения 14.10.2025).

617 Cabinet Decision No. 40/2019On the Implementing Regulation of Federal Decree-Law No. 4/2016 on medical liability. URL: https://www.lexismiddleeast.com/law/cision_40_2019 (дата обращения 15.10.2025).

мент дает пояснения в отношении субъектной взаимосвязи рассматриваемых отношений, предусматривающей взаимодействие исполнителя (медицинская организация) и заказчика (пациент) «синхронно» в режиме реального времени, и в случаях, когда действия субъектов не совпадают как в пространстве, так и во времени (например, применение считывающих устройств, определяющих динамику общего состояния здоровья пациента), что крайне важно отметить при конкретизации предмета договора (п. 3).

С учетом особого подхода к квалификации телемедицинских услуг, дополнительно предъявляемых законодателем требований к их оказанию, совершенно оправдан разрешительный порядок для осуществления данного рода деятельности. В частности, не только медицинское учреждение должно иметь лицензию для оказания услуг телемедицины, но и медицинский работник (врач общей практики, семейный врач и др.), которому доверено оказание соответствующих услуг.

Краеугольным камнем законодательства Эмиратов в сфере оказания телемедицинских услуг является сохранение конфиденциальности данных заказчика. Все платформы обязаны использовать системы зашифрованной связи, соответствующей не только внутреннему законодательству[618], но и международным стандартам[619] в рассматриваемой области. Данные системы обеспечивают защиту всей необходимой информации о заказчике, включая историю болезни, результаты анализов, данные о рецептах от несанкционированного доступа. Эмираты активно продвигают идею интеграции электронных медицинских карт в платформы телемедицины. Такие централизованные цифровые базы данных позволяют врачам безопасно получать доступ к информации о пациентах, что, на наш взгляд, обеспечивает непрерывность оказания медицинских услуг, повышает точность диагностики и лечения.

Для выстраивания четких и прозрачных договорных отношений между исполнителем и заказчиком при оказании телемедицинских услуг особое внимание уделяется институту информированного добровольного согласия (п. 6.4. Стандарта). Пациенту должны быть разъяснены особенности оказания соответствующей услуги (консультация, диагностика) посредством ИКТ с учетом ограничений виртуального лечения и сопутствующих рисков[620]. Форма согласия может быть как письменная, так и устная. Однако в последнем случае все

---

618 См., напр.: Federal Law No. 2/2019 On the Use of the Information and Communication Technology (ICT) in Health Fields. URL: https://wwwEmirates/Law_2_2019/index.html; Federal Decree Law No. 45 of 2021 Regarding the Protection of Personal Data. URL: https://u.ae/en/about-the-uae/digital-uae/data/data-protection-laws

619 См.: Health Insurance Portability and accountability Act of 1996 (HIPAA) // PUBLIC LAW 104–191—AUG. 21, 1996.

620 *Rania Al Dweik*. *Rahaf Ajaj*. *Reham Kotb*. Opportunities and challenges in leveraging digital technology for mental health system strengthening: a systematic review to inform interventions in the United Arab Emirates // BMC Public Health. (2024) 24:2592. P. 3.

равно предполагается аудио- и видеофиксация согласия, что, на наш взгляд, является дополнительной гарантией обеспечения прав пациента.

Ввиду активно развивающегося направления медицинского туризма в Эмиратах трансграничная телемедицина приобретает все большее значение и подчас становится незаменимым способом взаимодействия профессиональной стороны и иностранного заказчика (п. 10.6.2. Стандарта). Установленные правила обязуют исполнителя выстраивать отношения с контрагентом по принципу соблюдения национальных нормативных актов в области оказания соответствующих услуг, а также учитывать соответствие телемедицинской услуги показателям эффективности для обеспечения безопасности и качества ее оказания (п. 9.6.2.4. Стандарта). Данное положение особенно касается предварительных консультаций иностранных пациентов и последующего их наблюдения. Так, лицам, нуждающимся в длительном постоперационном контроле, нет необходимости находиться в иностранном государстве весь период лечения. В случае наличия возможностей по использованию ИКТ и поддерживающих платформ у медицинских организаций стороны могут взаимодействовать виртуально, обозначив данные условия в договоре.

На наш взгляд, использование цифровых технологий в сфере медицинского туризма является беспрецедентным инструментом, позволяющим оказывать медицинские услуги качественно, непрерывно, тем самым способствовать достижению положительного результата лечения. В связи с этим медицинскому туристу на этапе планирования своего «путешествия» необходимо удостовериться, имеет ли право выбранный им исполнитель оказывать телемедицинские услуги, поддерживает ли платформа многоязычное обслуживание, трансграничный биллинг и международные стандарты телеконсультаций. Сосредоточившись на этих факторах, заказчики могут поспособствовать безопасному, удобному и качественному оказанию услуг.

Однако, несмотря на надежную систему регулирования рассматриваемых отношений в ОАЭ, некоторые вопросы все еще требуют проработки и дополнительного контроля. В частности, трансграничная телемедицина поднимает проблемы ответственности за врачебные ошибки и определения юрисдикции соответствующего государства по возникающим спорам. На сегодняшний день власти Эмиратов активно сотрудничают с международными организациями в решении данной проблемы[621].

Кроме того, нельзя не учитывать тот факт, что телемедицина никогда не заменит традиционный подход к оказанию медицинских услуг, особенно когда речь идет о неотложной помощи. В настоящее время большинство медицинских организаций в Эмиратах применяют комбинированный подход к оказанию услуг, сочетая телемедицинские консультации с личным приемом (осмотр, проведение необходимых процедур). Данный практический подход

---

621 *Shaikha Abdool, Sherief Abdallah.* User Acceptance Level of and Attitudes towards Telemedicine in the United Arab Emirates // Sultan Qaboos University Med J. 2020. Vol. 21. № 2. P. 208.

демонстрирует взаимодополняемость двух направлений, сочетание преимуществ которых позволяет государству поддерживать сбалансированную систему здравоохранения, отвечающую самым разнообразным потребностям, и гарантировать оказание услуг соответствующего качества как своим гражданам, так и иностранцам (медицинским туристам).

Таким образом, стремительное внедрение инновационных телемедицинских технологий в сферу возмездного оказания медицинских услуг стимулирует законодателя к формированию устойчивой правовой базы, позволяющей урегулировать вопросы качества, доступности, эффективности оказания услуг, что, в свою очередь, способствует достижению ожидаемого субъектами (пациентом, профессиональной стороной) результата.

Список использованной литературы

1. *Aanchal Saluja*. The Ethics and Law of Medical Tourism: A Cross Country Study // International Journal of Novel Research And Development. 2024. Vol. 9. № 6. P. 131–136.
2. *Abdulaziz H. Albahri, Shatha A. Alnaqbi*. Telemedicine perception and interest among medical students at the University of Sharjah, United Arab Emirates, 2023 // BMC Medical Education. 2023. P. 2–8.
3. *Rania Al Dweik. Rahaf Ajaj. Reham Kotb*. Opportunities and challenges in leveraging digital technology for mental health system strengthening: a systematic review to inform interventions in the United Arab Emirates // BMC Public Health. (2024) 24:2592. P. 1–11.
4. *Shaikha Abdool, Sherief Abdallah*. User Acceptance Level of and Attitudes towards Telemedicine in the United Arab Emirates // Sultan Qaboos University Med J. 2020. Vol. 21. № 2. P. 203–209.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ДЛЯ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вадим Андреевич Потеряев
студент 3-го курса Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
vadim.poteryayev@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции ужесточения миграционного законодательства России в сфере регулирования иностранной рабочей силы. Анализируются причины и последствия усиления контроля, включая меры по противодействию нелегальной миграции и новые изменения в миграционном законодательстве. Особое внимание уделяется противоречиям между необходимостью миграционного контроля и потребностями экономики в трудовых ресурсах. Исследуются перспективные направления совершенствования миграционной политики, включая цифровизацию учета и систему целевого привлечения иностранных работников.

Ключевые слова: миграционное законодательство; трудовые мигранты; нелегальная миграция; миграционный контроль; цифровизация; целевой набор.

Современная миграционная ситуация в России претерпела серьезные изменения, что выдвигает на первый план задачу по модернизации политики в сфере управления иностранной рабочей силой.

Прежде всего, необходимо отметить значительный рост миграционных потоков в Россию. Однако в последние годы мы наблюдаем качественное изменение структуры миграции[622]. Геополитическая ситуация, сложившаяся после 2022 г., внесла существенные коррективы в миграционную политику. Россия столкнулась с необходимостью одновременно решать несколько задач: предотвращать нелегальную миграцию, обеспечивать безопасность и при этом удовлетворять потребности экономики в трудовых ресурсах.

Особую значимость приобретает вопрос государственного контроля за миграционными процессами. Рост числа нарушителей миграционного режима

---

622 *Абазехова З. И.* Правовое регулирование привлечения иностранных граждан для работы в России // Миграционное право. 2024. № 4. С. 38–41.

создает серьезные проблемы[623]. Количество мигрантов, незаконно находящихся на территории России в 2025 г., составляет порядка 650 000 человек. Об этом сообщил первый заместитель министра внутренних дел РФ Александр Горовой.

В условиях современных вызовов обеспечение национальной безопасности требует эффективных механизмов предотвращения незаконного проникновения, террористических угроз и межэтнических конфликтов[624].

По мнению доктора экономических наук Владимира Алексеевича Ионцева, экономические последствия миграционных процессов носят двойственный характер. С одной стороны, ключевые отрасли российской экономики: строительство, сельское хозяйство, жилищно-коммунальное хозяйство и транспорт – в значительной степени зависят от иностранной рабочей силы. С другой стороны, ужесточение миграционных правил может привести к дефициту кадров, что создает угрозу для экономического роста[625].

Особую значимость приобретает демографический фактор. Согласно официальной статистике Росстата, на момент 2025 г. численность населения России насчитывает 146,2 миллиона человек. Особую обеспокоенность вызывает достигший исторического минимума уровень рождаемости. В этих условиях миграция становится важным инструментом компенсации трудовых ресурсов, что ставит вопросы интеграции и ассимиляции мигрантов.

Интенсивная миграция оказывает многогранное влияние на социальную сферу. В регионах с высокой концентрацией мигрантов сохраняется риск возникновения межэтнической напряженности, что требует продуманных действий со стороны органов власти. Миграционный прирост также ведет к повышенной нагрузке на ключевые элементы социальной инфраструктуры: систему образования, здравоохранения и жилищный сектор. Серьезной проблемой остается адаптация мигрантов, включая преодоление языковых барьеров, культурных различий и случаев дискриминации[626].

Следует отметить, что правовой статус иностранных граждан в Российской Федерации определяется общими принципами, закрепленными в Конституции РФ. Статья 62 гарантирует иностранным гражданам и лицам без гражданства такой же объем прав и свобод, как и гражданам России. Исключения

---

623 *Хелефова С. М.* Проблемы нелегальной трудовой миграции иностранных граждан // Теория и практика современной юридической науки : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. СПб. : Ленинград. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2024. С. 117–120.

624 *Красинец Е. С.* Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда // Региональные проблемы преобразования экономики. 2023. № 12. С. 189–198.

625 *Ионцев В. А.* Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2. С. 90–96.

626 *Апольский Е. А.* Миграция как социально-экономический фактор: плюсы, минусы, перспективы // Вестник СевКавГТИ. 2023. № 11. С. 88–91.

из этого принципа могут быть установлены исключительно федеральным законом или международным договором РФ. Это положение закрепляет фундаментальные права и гарантии для иностранных граждан, которые проживают на территории России и имеют право на труд[627].

Государственное управление в сфере трудовых отношений с участием иностранных граждан в России строится на основе целостного комплекса мероприятий, реализуемых уполномоченными органами власти. Основная цель такого регулирования – обеспечение строгого соблюдения правовых норм, касающихся найма и использования зарубежной рабочей силы, закрепленных в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[628].

Реорганизация системы миграционного контроля в России произошла в 2016 г., когда Указом Президента РФ «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» был завершен процесс передачи полномочий упраздненной Федеральной миграционной службы в ведение Министерства внутренних дел[629].

В рамках этой структурной реформы Министерство внутренних дел взяло на себя весь комплекс функций в сфере миграционного контроля, включая:

– оформление разрешительных документов для трудовой деятельности иностранцев;

– осуществление надзорных мероприятий;

– ведение учета и регистрации мигрантов.

В сентябре 2025 г. в России ввелись значительные изменения в миграционном законодательстве, которые существенно повлияли на положение иностранных граждан, лиц без гражданства, а также на деятельность работодателей и образовательных учреждений.

С указанной даты все работодатели и организации обязаны проводить обязательную проверку иностранных граждан по специальному реестру контролируемых лиц. В этот перечень включаются:

– лица, нарушившие сроки миграционного учета;

– иностранцы, находящиеся на территории РФ без законных оснований;

– обладатели аннулированных разрешительных документов;

– нарушители установленного режима пребывания.

---

627 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 04.10.2022) // Российская газета. 1993. 25 дек.

628 О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Российская газета. 2025. 1 июня.

629 Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 02.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2016.

Также выросла часть госпошлин, связанных с миграционными процедурами:

Разрешение на временное проживание (РВП) – 6 000 рублей вместо прежних 1 600–3 500.

Вид на жительство (ВНЖ) – 8 000 рублей.

Патент на работу – госпошлина вырастет до 5 500 рублей.

Продление регистрации – 3 500 рублей.

В российском законодательстве вопрос ответственности за нарушения миграционного режима регламентируются главой 18 Кодекса об административных правонарушениях «Административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации»[630].

Эффективная миграционная политика нуждается в продуманном государственном регулировании. В то же время чрезмерно жесткие ограничения способны нанести значительный ущерб экономическому развитию государства. Российская экономика, особенно в таких секторах, как строительство, сельское хозяйство и сфера услуг, традиционно зависит от иностранной рабочей силы[631].

Ужесточение миграционного законодательства – это ответ на комплекс вызовов: экономических, социальных и безопасности. Однако необходимо найти баланс между жестким контролем и потребностями рынка труда, чтобы избежать кризисов в ключевых отраслях[632].

В качестве комплексного подхода к решению задач в сфере государственной миграционной политики предлагается реализация национального проекта «Кадры». В его структуру входит проект «Качественная трудовая миграция», направленный на повышение управляемости процесса трудоустройства иностранных граждан за счет развития организованного (целевого) набора. Согласно данным Минтруда, функции центра по подбору кадров для российских предприятий возьмет на себя портал «Работа в России».

В рамках планируемых преобразований ключевым направлением станет вынесение ряда административных процедур за рубеж. Речь идет об организации прохождения обязательных мероприятий – медицинского освидетельствования, дактилоскопической регистрации и тестирования по русскому языку – непосредственно в странах исхода мигрантов до их прибытия в Россию. Модель целевого трудоустройства будет основана на принципе жесткой привязки иностранного работника к конкретному работодателю. Параллель-

---

630 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002.

631 *Подвойский Г. Л.* Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 1. С. 66–75.

632 *Капелюшников Р. И.* Эскалация вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры // Вопросы экономики. 2024. № 7. С. 81–111.

но с этим предлагается ввести ограничение на максимальный срок действия трудового договора для данной категории лиц, установив его в размере двух лет. Для контроля за перемещениями трудовых мигрантов планируется создать цифровые профили. В таких профилях будет находиться информация о передвижениях человека, сроках действия его разрешительных документов, месте проживания, а также иные значимые сведения.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что ужесточение миграционного законодательства России направлено на усиление контроля и снижение нелегальной занятости, но создает риски дефицита рабочей силы в ключевых отраслях. Перспективное регулирование требует баланса между мерами безопасности и экономическими потребностями. Важнейшие направления – целевой набор работников, цифровизация учета и стимулирование легальной занятости. Оптимальное сочетание контроля и гибкости позволит создать эффективную систему трудовой миграции, отвечающую интересам страны.

Список использованной литературы

1. *Абазехова, З. И.* Правовое регулирование привлечения иностранных граждан для работы в России / З. И. Абазехова // Миграционное право. – 2024. – № 4. – С. 38–41.
2. *Апольский, Е. А.* Миграция как социально-экономический фактор: плюсы, минусы, перспективы / Е. А. Апольский // Вестник СевКавГТИ. – 2023. – № 11. – С. 88–91.
3. *Ионцев, В. А.* Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России / В. А. Ионцев // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 2. – С. 90–96.
4. *Капелюшников, Р. И.* Эскалация вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры / Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2024. – № 7. – С. 81–111.
5. *Красинец, Е. С.* Трудовая миграция в Россию: тренды развития и последствия для рынка труда / Е. С. Красинец // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 12. – С. 189–198.
6. *Подвойский, Г. Л.* Трансформации российского рынка труда: первая и вторая волна / Г. Л. Подвойский // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – № 1. – С. 66–75.
7. *Хелефова, С. М.* Проблемы нелегальной трудовой миграции иностранных граждан / С. М. Хелефова // Теория и практика современной юридической науки : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 117–120.

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВ

Никита Геннадьевич Рожков
соискатель юридического факультета
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
nikitarozhkov5982@yandex.ru

Аннотация. Процесс становления рыночной экономики продиктовал не только необходимость создания ее организационно-правовых основ, но и выработку «рецептов» для национального законодательства. Поскольку корпоративные права в Российской Федерации представляют собой важный элемент корпоративного управления, это является основой устойчивого развития бизнеса. Они включают в себя права акционеров и участников общества, которые определяют их взаимодействие, а также влияние на управление и осуществление деятельности компаний. Данными факторами обусловлена актуальность статьи. В статье рассматривается влияние правового положения Российской Федерации на реализацию корпоративных прав.

Ключевые слова: корпоративное управление; юридическое лицо; корпоративные правоотношения; корпорации с государственным участием; цифровизация; цифровая экономика.

Правовое положение Российской Федерации в своей совокупности оказывает значительное влияние на осуществление и защиту корпоративных прав, что требует глубокого анализа существующей нормативной базы, судебной практики и правоприменительной деятельности.

Определяя влияние правового положения Российской Федерации на реализацию корпоративных прав, прежде всего необходимо отметить, что сложившееся соотношение государственного и корпоративного правового регулирования характеризуется как соотношение основного и вспомогательного регуляторов[633]. Как обоснованно отмечает в доктрине А. Н. Левушкин, «немаловажное значение имеет корпоративный договор как средство защиты

[633] *Кирилловых А. А.* Корпоративное право : курс лекций. М. : Юстицинформ, 2009. 192 с.

корпоративных прав. В современном обществе большинство сфер жизнедеятельности основаны на договорных отношениях, в том числе носящих предпринимательский характер[634]. Заключение такого договора – неотъемлемая часть любых правоотношений, возникающих и реализуемых в рамках деятельности корпорации»[635].

Нельзя не отметить, что экономический результат в качестве глобальной универсальной цели не всегда сопоставляется с общественными интересами, но, несмотря на это, не может препятствовать в их реализации. Вывод очевиден: зачастую объем государственного вмешательства в организационно-хозяйственную деятельность компании происходит через призму необходимости соблюдения прав и законных интересов общества, которые включают в себя не только интерес в развитой конкуренции, ограничении монополии, но и экологическую безопасность, что влечет за собой формирование специфических рычагов влияния, преимущественно производимых государством в одностороннем порядке.

Ю. Г. Лесковой отмечается, что для восстановления легитимационного знака на цифровые корпоративные права, наряду с признанием порочности основания перехода титула, необходима реверсивная запись в информационной цифровой системе[636].

Увеличившийся отечественный частноправовой массив наряду с возрастающими тенденциями к увеличению значимости взаимосвязи корпоративного (локального) регулирования как самостоятельного явления и действующего правового статуса Российской Федерации указывают на «исключительную» взаимосвязь положения государства и комплекса корпоративных прав.

Правовое регулирование корпоративных прав в Российской Федерации основывается на ряде законодательных актов, наивысший из которых – Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Основные положения, касающиеся корпоративных прав, сосредоточены в гл. 4 и 49 ГК РФ, в которых детализируются права и обязанности акционеров и участников. Гражданский кодекс, наряду с Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.) «Об акционерных обществах» и от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью», создает правовую базу для защиты корпоративных прав,

---

634 См. подробнее: *Левушкин А. Н.* Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14–18; *Он же.* Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 31.

635 *Левушкин А. Н.* Применение отдельных способов защиты корпоративных прав // Право и бизнес. 2025. № 3. С. 6–11.

636 См. подробнее: *Лескова Ю. Г., Ванин В. В.* Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 70–75.

а также для регламентации процесса управления, принятия решений и распределения прибыли.

Через призму вышеуказанного влияния следует отметить, что еще в 2015 Конституционный Суд РФ в Определении об отказе в принятии очередной жалобы гражданина на нарушение его конституционных прав действующим антимонопольным законодательством указал, что государство не только вправе, но и обязано осуществлять контрольную функцию в экономике, которая даже по своей правовой природе производна от его прямых правомочий – организационного и регулирования воздействия на публичные общественные отношения и отражена в комплексе прав и обязанностей всех органов власти в пределах их компетенции[637].

Так, 28 июля 2023 г. Совет Федерации одобрил законопроект, регулирующий порядок осуществления корпоративных прав иностранными участниками российских компаний[638].

Законопроект распространяется на экономически значимые организации (ЭЗО) – российские компании, которые необходимы для обеспечения экономического суверенитета и экономической безопасности Российской Федерации и включены в соответствующий перечень Правительством Российской Федерации. ЭЗО и ее группа должны соответствовать следующим критериям[639]:

– общая выручка за последний отчетный период более 75 рублей; или более 4 000 сотрудников;

– общая стоимость активов за последний отчетный период превышает 150 млрд рублей;

– за предыдущий календарный год выплачено более 10 млрд рублей сборов и пошлин в бюджеты Российской Федерации;[640]

– внедрять технологии и (или) программное обеспечение для социально значимых услуг и (или) предоставляет услуги в сфере информационных технологий или коммуникаций;

– участвовать в создании и модернизации высокопроизводительных и (или) высокооплачиваемых рабочих мест.

---

637 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Запрягаева Александра Борисовича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 10 Федерального закона «О защите конкуренции» и положениями статьи 14.31 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. 185-О // СПС «КонсультантПлюс».

638 Паспорт проекта Федерального закона № 176651-8 «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (внесен сенаторами РФ А. В. Кутеповым, О. П. Ткачем, А. Ю. Брыксиным) (подписан Президентом РФ). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/176651-8

639 Определено в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

640 Определено в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

– размер прямого и (или) косвенного участия российских бенефициаров в иностранной холдинговой компании (холдинге), которой принадлежит не менее 50% акций ЭЗО, составит:

– более 50%, или

– более 30% с возможностью определять решение высшего руководящего органа Холдинга или

– более 20%, если к акционерам холдинга или к самому ЭЗО применяются ограничительные меры блокирующего характера.

Поскольку влияние Российской Федерации на развитие корпоративного управления происходит посредством уполномоченных органов, непосредственное осуществление контроля над соблюдением законодательства в сфере корпоративного управления осуществляет прежде всего Банк России и налоговые органы.

4 марта 2011 г. к ФСФР России была присоединена Федеральная служба страхового надзора[641], а уже 1 сентября 2013 г. служба упразднена, и ее функции переданы в ведение Банка России в соответствии с Указом Президента РФ[642].

В рамках осуществления данных функций Банком России выявлены наиболее часто встречающиеся нарушения требований законодательства Российской Федерации в части корпоративного управления. Недостаток прозрачности и отсутствие объективно необходимых изменений законодательных норм могут негативно сказываться на реализации корпоративных прав. Кроме того, правовые проблемы в области регулирования государственными структурами деятельности частных компаний порой приводят к ограничению свободы действий участников и акционеров, что требует анализа соответствия таких действий принципам свободы предпринимательства и правовой определенности.

Поэтому особый интерес вызывают тенденции, прослеживаемые в числе прочего в проекте вышеупомянутого закона, который позволяет выявить последствия включения юридического лица в список ЭЗО, а именно:

– приостановление корпоративных прав Холдинга в ЭЗО;

– распределение дивидендов в ЭЗО напрямую между российскими бенефициарами, без выплаты Холдингу преобразование ЭЗО в ПАО.

Законопроект также предусматривает возможность выплаты дивидендов ЭЗО бенефициарам и «автоматическое» преобразование ЭЗО в ПАО после принятия решения о приостановлении корпоративных прав холдинга, что говорит об отсутствии необходимости подавать заявление в Федеральную налоговую службу, тем самым позволяя сократить бюрократическую нагрузку на бизнес. После этого ЭЗО должно выпустить акции и заключить

---

641 Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2011 г. № 270.

642 Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации № 645 от 25 июля 2013 г.

договор о листинге. У ЭЗО также есть 6 месяцев на то, чтобы привести свою деятельность в соответствие с требованиями, предъявляемыми к публичным компаниям.

В доктрине профессор М. Н. Илюшина, делая вывод о состоянии регламентации запретов при совершении сделок с долями ООО, указывает, что их количество по сравнению с моментом введения нотариальной формы возросло, а их нотариальная проверка усложнилась ввиду закрепления новых запретов, направленных на защиту публичных интересов[643].

Нужно сказать, что современная экономика нашей страны весьма специфична, она носит смешанный характер. Исходя из этого, риторика современных авторов в отношении влияния России на регулирование экономики, включая аспекты корпоративных отношений, кардинально изменилась. За последние три-четыре века функции государства серьезно разрослись под действием различных факторов, среди которых социальные революции, классовая борьба, научно-технологический прогресс и т.п.

Список использованной литературы

1. *Илюшина, М. Н.* Запреты при нотариальном удостоверении сделок с долями в уставном капитале ООО: современное состояние / М. Н. Илюшина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 8. – С. 27–31.
2. *Илюшина, М. Н.* Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью : учебное пособие / М. Н. Илюшина. – Москва : РПА Минюста России, 2012.
3. *Кирилловых, А. А.* Корпоративное право : курс лекций / А. А. Кирилловых. – Москва : Юстицинформ, 2009. – 192 с.
4. Комментарий к ст. ст. 87–95 «Юридические лица» // Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. – Москва : Статут, 2015.
5. *Левушкин, А. Н.* Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях / А. Н. Левушкин // Гражданское право. – 2022. – № 6. – С. 14–18.
6. *Левушкин, А. Н.* Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике / А. Н. Левушкин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 8. – С. 31–35.

643 См. подробнее: *Илюшина М. Н.* Сделки с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью : учебное пособие. М. : РПА Минюста России, 2012; Комментарий к ст. ст. 87–95 «Юридические лица» // Гражданский кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. М. : Статут, 2015; *Илюшина М. Н.* Запреты при нотариальном удостоверении сделок с долями в уставном капитале ООО: современное состояние // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 8. С. 27–31.

7. *Левушкин, А. Н.* Применение отдельных способов защиты корпоративных прав / А. Н. Левушкин // Право и бизнес. – 2025. – № 3. – С. 6–11.
8. *Лескова, Ю. Г.* Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав / Ю. Г. Лескова, В. В. Ванин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 7. – С. 70–75.
9. *Фуко, М.* Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1977–1978 уч. году / М. Фуко ; пер. с фр. Ю. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. – Санкт-Петербург, 2011. – 544 с.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Хава Магометовна Сайнароева
студентка 1-го курса Института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
saynaroeva05@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена стремительной цифровой трансформацией здравоохранения и развитием телемедицины. Целью исследования является выявление проблем лицензирования медицинской деятельности в контексте телемедицины. Проанализированы нормы законодательства в сфере лицензирования, включая требования к соискателям, границы постановки диагнозов и требования к информационной безопасности. В результате мы пришли к выводу о возможности дифференциации лицензий, уточнения перечня услуг в сфере телемедицины и усиления требований к цифровым платформам.

Ключевые слова: лицензирование; медицинская деятельность; телемедицина; телемедицинские технологии; цифровизация.

С каждым годом цифровизация все больше проникает во все сферы жизни общества и трансформирует общественные отношения. В настоящее время сложно представить жизнь людей без цифровых технологий. Неизбежным оказывается и их влияние на медицинскую деятельность, развитие которой во многом определяется цифровым прогрессом. 3*D*-биопринтинг, аппараты для экспресс-диагностики, использующие биометрические датчики, спектроскопию и искусственный интеллект (ИИ) для выявления патологий, использование ИИ в ЕМИАС и другие механизмы внедрения цифровых технологий в медицину, безусловно, способствуют улучшению качества медицинской помощи и повышению доступности медицинских услуг для граждан.

Вместе с тем цифровая трансформация в медицине приводит к появлению новых механизмов и способов осуществления медицинской деятельности, подлежащих четкой правовой регламентации, особенно в области лицензирования.

Лицензирование медицинской деятельности представляет собой главный механизм регулирования и контроля за осуществлением медицинских услуг в России и минимальным гарантом качества медицинских услуг. Положение о лицензировании медицинской деятельности определяет исчерпывающий перечень таких услуг, требования и порядок получения лицензии. При этом лицензирование нуждается в постоянной адаптации по мере изменения медицинской деятельности.

Одним из наиболее стремительно развивающихся направлений цифровизации медицины является телемедицина как способ оказания медицинских услуг дистанционно с использованием информационных и коммуникационных технологий.

В настоящее время существует проблема своевременности оказания медицинских услуг, направления пациентов в соответствующие медицинские центры, и основной причиной такой проблемы является географическая протяженность нашей страны. В таких условиях для государства обеспечить доступность качественных медицинских услуг во всех уголках страны становится достаточно сложной задачей. Не говоря уже о том, какие трудности это может представлять для пациентов.

Для решения этих проблем подходящим решением является использование телемедицинских технологий (далее – ТМ-технологии). Особенно актуальным стал этот вопрос в период пандемии *COVID*-19, в условиях которой обострилась проблема оказания медицинской помощи дистанционно.

Однако правовое регулирование телемедицины в России началось задолго до этих событий, еще в 2001 г., с момента введения Приказа Минздрава РФ, Российской академии медицинских наук «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации», которая обозначила позицию Министерства здравоохранения о необходимости введения системы взаимодействия с помощью телемедицинских технологий[644].

В последние годы развитию правового регулирования в данной сфере уделяется большое внимание. Российское законодательство не содержит понятие телемедицины, однако закрепляет понятие телемедицинских технологий. Согласно п. 22 ст. 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 323) под телемедицинскими технологиями понимаются информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами и (или) их законными представителями, идентификацию и аутентификацию указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента.

---

644 Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации : Приказ Минздрава России № 344, РАМН № 76 от 27 августа 2001 г.

Таким образом, закон определяет основные направления правового регулирования телемедицины:

– оказание медицинских услуг пациентам (организация с помощью ТМ-технологий взаимодействия «врач – пациент»);

– взаимодействие врачей между собой с помощью ТМ-технологий;

– электронное управление документацией в целях оказания медицинских услуг.

При этом предусматриваются границы использования ТМ-технологий во взаимодействии с пациентами. Пункт 2 ст. 36.2 ФЗ закрепляет, что консультация пациента с использованием ТМ-технологий осуществляется в целях:

1) профилактики, сбора, анализа жалоб пациента и данных анамнеза, оценки эффективности лечебно-диагностических мероприятий, медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента;

2) принятия решения о необходимости проведения очного приема (осмотра, консультации).

В развитие положений ФЗ № 323 был принят Приказ Минздрава России от 11 апреля 2025 г. № 193н «Об утверждении Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий».

Несмотря на установление законодателем общих правил применения ТМ-технологий, телемедицина, хоть и стала использоваться в медицинских организациях, все еще не достигла достаточно высокого уровня распространенности. В первую очередь связано это с лицензированием медицинской деятельности, в частности, с лицензионными требованиями, предъявляемыми к соискателям.

В настоящее время медицинская деятельность с использованием ТМ-технологий осуществляется в соответствии с общими лицензионными требованиями, установленными Положением о лицензировании медицинской деятельности. Однако предъявление некоторых лицензионных требований к субъектам оказания медицинской помощи с помощью ТМ-технологий представляется избыточным, в связи с чем кажется целесообразным внесение некоторых изменений в правила лицензирования.

Во-первых, п. «а» ст. 5 Положения о лицензировании медицинской деятельности в качестве лицензионного требования закрепляет наличие зданий, строений, сооружений и (или) помещений, принадлежащих соискателю лицензии на праве собственности или ином законном основании, необходимых для выполнения заявленных работ (услуг) и отвечающих санитарным правилам, соответствие которым устанавливается в санитарно-эпидемиологическом заключении.

Эксперты Института права цифровой среды НИУ ВШЭ в докладе «Правовые проблемы телемедицины. Киберфизические системы, имплантированные в организм человека» высказывают мнение о том, что предъявление таких требований к соискателям, планирующим оказывать только телемедицинские услуги, является излишним и что следует внести изменения, закрепив

необязательность соблюдения такого требования для упомянутой категории соискателей[645].

Считаем данную точку зрения верной. Сейчас телемедицинские услуги, оказываемые вне государственных медицинских организаций, во многом связаны с ведением медицинских блогов в различных социальных сетях, через которые и происходит «знакомство» пациентов с врачами и их дальнейшее взаимодействие в рамках консультаций.

По сути, для такого взаимодействия наличие здания на праве собственности у врача не является необходимым условием, ведь общение осуществляется дистанционно. Подобный формат получил огромное распространение в последние несколько лет, и множество врачей оказывает помощь пациентам из разных регионов посредством дистанционного взаимодействия, однако осуществляют свою деятельность без получения лицензии, так как наличие широкого круга лицензионных требований вызывает большие сложности, попросту отталкивает специалистов, приводит к дестимуляции развития телемедицины или же осуществлению онлайн-консультаций вне рамок государственного контроля.

Поэтому исключение данного требования для соискателей, оказывающих исключительно телемедицинские услуги, может способствовать облегчению процедуры лицензирования для соискателей и, соответственно, росту популярности таких услуг. Примером успешного разделения лицензионных требований к офлайн- и онлайн-деятельности можно считать лицензирование образовательной деятельности, где к соискателям, намеренным реализовывать образовательные программы исключительно в дистанционном формате, требование о наличии зданий (иные сооружения) на праве собственности не применяется.

Наиболее уместным вариантом дифференциации лицензионных требований в такой ситуации представляется предложенная экспертами Института права цифровой среды НИУ ВШЭ в вышеупомянутом докладе классификация лицензируемой деятельности:

– осуществление медицинской деятельности без применения телемедицинских технологий («классическая» лицензия);

– осуществление медицинской деятельности с возможностью применения телемедицинских технологий («полная» лицензия);

– осуществление медицинской деятельности исключительно с применением телемедицинских технологий («телемедицинская» лицензия).

Во-вторых, возникает вопрос о необходимости внесения медицинских услуг, оказываемых с помощью ТМ-технологий, в перечень услуг, составляющих медицинскую деятельность. В данном вопросе подход ученых более однозначен: медицинская помощь с использованием ТМ-технологий не является

---

[645] Правовые проблемы телемедицины. Киберфизические системы, имплантированные в организм человека, Доклад НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482930148.pdf (дата обращения: 31.10.2025).

обособленным видом медицинской деятельности, а выступает лишь дополнительным средством оказания этой помощи.

Телемедицина не представляет собой отдельную сферу медицины, а лишь выступает упрощенным механизмом взаимодействия субъектов медицинской деятельности. В связи с этим внесение телемедицинских услуг в упомянутый выше перечень представляется нецелесообразной мерой. Возможным изменением правового регулирования в данном вопросе может быть четкое указание на медицинские услуги, которые могут оказываться с использованием ТМ-технологий, в соответствии с Номенклатурой медицинских услуг[646].

Более того, существует проблема безопасности платформ, используемых для оказания телемедицинских услуг. Врачи, оказывающие онлайн-консультации, зачастую используют для этого незащищенные каналы связи (*Skype*, *Whatsapp*, Телеграм), которые, очевидно, не соответствуют нормативным требованиям в сфере охраны персональных данных пациентов. В связи с этим оправданной мерой для соблюдения медицинской тайны и избежания утечки персональных данных представляется предъявление лицензионного требования о наличии специального программного обеспечения, технических средств и платформы и установление требований к таким платформам.

И наконец, актуальной проблемой является определение границ использования ТМ-технологий для оказания медицинской помощи. Как пишет В. О. Макаров, запрет на постановку диагноза и назначение лечения без очного приема пациента нивелирует основное преимущество телемедицины – получение полноценной удаленной медицинской помощи и, так же как избыточные лицензионные требования, приводит к «появлению теневого сектора по онлайн-консультированию». Действительно, невозможность назначения лечения без очного приема может существенно осложнять оказание медицинской помощи.

Вместе с тем разрешить дистанционные назначения во всех сферах медицины представляется чрезмерно радикальным решением, так как далеко не всегда диагноз может быть поставлен исключительно на основании сведений, собранных в рамках взаимодействия через ТМ-технологии. Поэтому представляется возможным установление права врача на постановку диагноза и назначение лечения в случаях, предусмотренных законом, с соблюдением определенных требований.

Таким образом, сфера лицензирования медицинской деятельности подвергается значительному влиянию в связи с цифровой трансформацией медицины и вынуждена адаптироваться к новым вызовам, возникающим по мере развития телемедицины. Внесение изменений в правовое регулирование ли-

---

646 Об утверждении перечней медицинских услуг и дорогостоящих видов лечения в медицинских организациях, у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих медицинскую деятельность, суммы оплаты которых за счет собственных средств налогоплательщика учитываются при определении суммы социального налогового вычета : Постановление Правительства Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 458.

цензирования медицинской деятельности может содействовать более быстрому распространению применения ТМ-технологий, установлению четкого механизма такого взаимодействия с соблюдением прав всех участников оказания телемедицинских услуг.

Список использованной литературы

1. *Чилилов, А. М.* Баланс прав и обязанностей медицинских работников и пациентов при оказании медицинской помощи с применением телемедицинских технологий / А. М. Чилилов, Ф. Н. Кадыров, М. Г. Мамаев // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 2041–2054.
2. *Шайдуллина, В. К.* Проблемы правового регулирования телемедицины в условиях цифровой экономики / В. К. Шайдуллина // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 8 (61).

ЗАПРОС РАЗЪЯСНЕНИЙ КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ЗАКУПОК ПО ЗАКОНУ № 44-ФЗ: ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Антон Дмитриевич Слепнев
аспирант 3-го курса Института магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
slepanton19@gmail.com

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию правового регулирования и реализации механизма запроса разъяснений при проведении государственных и муниципальных закупок в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». На основании анализа действующего законодательства, посвященного применению механизма запроса разъяснений, а также правоприменительной практики автором сделаны выводы о возможности выделения двух разновидностей запросов разъяснений, некоторых особенностей порядка направления запроса и ответа на него, а также особенности их содержания.

Ключевые слова: запрос разъяснений; сотрудничество; закупки; заказчик; потенциальный поставщик (подрядчик, исполнитель); участник закупки.

Одной из ключевых особенностей государственных и муниципальных закупок (далее – закупки), проводимых в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), по праву называют ограниченное и формализованное взаимодействие их субъектов, в том числе в части проведения переговоров на этапе определения поставщика (подрядчика, исполнителя)[647].

[647] См.: *Гуръева С. Р.* Правовое регулирование заключения государственного (муниципального) контракта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 59, 69.

При этом подобные ограничения, по мнению ученых обусловленные необходимостью обеспечения эффективного расходования бюджетных средств и должного уровня конкуренции, не могли не привести к возникновению особых легальных механизмов взаимодействия между субъектами закупок, направленных среди прочего на обеспечение возможности реализации ими императивов принципа сотрудничества[648]. Одним из них является механизм запроса разъяснений.

В общем смысле механизм запроса разъяснений – это совокупность инструментов, доступных участнику или потенциальному участнику закупки (далее – участник), с помощью которых можно официально обратиться к заказчику с вопросами, касающимися положений извещения о закупке (ч. 5 ст. 42, ч. 4 ст. 73, ч. 4 ст. 75 Закона № 44-ФЗ), или оформляемых в рамках процедуры протоколов (ч. 18 ст. 48, ч. 7–8 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 13 ст. 73, ч. 12 ст. 75 Закона № 44-ФЗ), но только в отношении поданной им заявки. Первые должны направляться не позднее чем за три (для аукциона) и пять (для электронного конкурса) дней до окончания срока подачи заявок. Запросы разъяснений сформированных протоколов направляются до заключения госконтракта. На предоставление ответа заказчику дается два рабочих дня. С помощью запроса разъяснений участник может указать на технические или смысловые ошибки, допущенные заказчиком, неточности, не позволяющие сформировать верное представление о его потребностях, а также факты нарушения действующего законодательства.

Необходимо отметить, что возможность направления запроса разъяснений извещений в силу ч. 5 ст. 42 Закона № 44-ФЗ предусмотрена только при проведении конкурентных закупок в форме конкурса или аукциона. При этом такой запрос направляется через особого субъекта – оператора электронной (специализированной электронной) площадки, на которого, в соответствии с ч. 1 ст. 24.1 Закона № 44-ФЗ, возложена обязанность по обеспечению возможности направления разъяснений по поводу закупок, а также предоставления ответов на такие запросы.

Помимо требований, предъявляемых к порядку направления запросов разъяснений и ответов на них, не менее значимыми являются и требования, касающиеся их содержания. Так, запрос должен касаться непосредственных положений извещения / протоколов, а ответ не должен иметь двусмысленного толкования или носить формальный характер. Например, разъяснения в виде фразы: «внесем изменения» являются ненадлежащими, так как, по существу, не являются разъяснениями[649]. Аналогичным образом неправомерен ответ заказчика в виде обобщенных формулировок о соответствии его действий зако-

---

[648] См.: *Андреева Л. В.* Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. М. : Волтерс Клувер, 2009. 296 с. (СПС «КонсультантПлюс»).

[649] Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 19 мая 2020 г. по жалобе № Т02-379/20 // СПС «КонсультантПлюс».

нодательству, если предметом запроса были пояснения относительно результатов оценки поданных заявок[650].

Кроме того, по общему правилу, разъяснения не должны изменять предмет закупки, правила ее проведения и существенные условия контракта[651]. Исключением, основываясь на правоприменительной практике, будут являться случаи, когда они направлены на устранение очевидно допущенных ошибок, при условии что они не имели негативного влияния на права и интересы участников: не создавали для какого-либо из участников преимуществ и не способствовали введению участников в заблуждение относительно потребностей заказчика. Например, ошибки могут выражаться в указании неправильного наименования материала[652] или опечатки в значении отдельной характеристики товара[653].

Отметим, что, на наш взгляд, наличие подобных исключений говорит о необходимости внесения изменений в порядок использования механизма запроса разъяснений в части установления исчерпывающего перечня условий для изменения предмета закупки, правил ее проведения и существенных условий контракта. Сегодня такие исключения создают необходимость отслеживания всех разъяснений, которые публикует заказчик, поскольку они могут содержать важные поправки и уточнения, обязательные к учету при подготовке заявок, что расходится со сформированным законодательством подходом, в соответствии с которым именно заказчик должен надлежащим образом доводить до участников информацию о вносимых изменениях. Кроме того, отсутствие соответствующих правовых норм не позволяет однозначно заключить, когда подобные изменения являются правомерными.

Таким образом, допустимо выделить два типа запросов разъяснений: касающихся положений извещения о закупке и касающихся содержания формируемых заказчиком протоколов. Законом установлены требования к порядку и срокам направления запросов разъяснений и ответов на них, а также их содержанию. При этом, на наш взгляд, некоторые из указанных требований должны быть скорректированы, поскольку их императивный характер не соответствует сформированной правоприменительной практике.

---

650 Решение Самарского УФАС России от 26 апреля 2024 г. № 137-14919-24/4, 138-14919-24/4// СПС «КонсультантПлюс».

651 Постановление ФАС Московского округа от 26 февраля 2021 г. по делу № А40-334046/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

652 Постановление ФАС Северо-Западного округа от 3 февраля 2021 г. по делу № А52-909/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

653 Решение АС Псковской области от 26 февраля 2021 г. по делу № А52-2986/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Список использованной литературы

1. *Андреева, Л. В.* Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л. В. Андреева. – Москва : Волтерс Клувер, 2009. – 296 с. (СПС «КонсультантПлюс»).
2. *Гурьева, С. Р.* Правовое регулирование заключения государственного (муниципального) контракта : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3 / Гурьева Софья Рафиковна. – Москва, 2025. – 191 с.
3. *Милонаец, О.* Обзор судебной практики по вопросам разъяснения положений документации о закупке / О. Милонаец // Прогосзаказ.рф. – 2021. – № 5. – С. 9–20.
4. *Соломонов, Е. В.* Дискуссионные возможности юрисдикционной защиты гражданских прав и законных интересов в рамках законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Е. В. Соломонов, А. А. Юрицин / Конкурентное право. – 2021. – № 3. – С. 18–23.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ И СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА

Виталий Иванович Фролов
студент 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Frolov-vitaly2004@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых проблем, связанных с использованием смарт-контрактов в предпринимательской деятельности. Автор исследует дискуссионные вопросы гражданско-правовой квалификации смарт-контрактов, сопоставляя доктринальные подходы, а также установленные Российской Федерацией и другими странами подходы к их законодательному закреплению. В работе выявляются конкретные пробелы правового регулирования, такие как неопределенность момента возникновения правоотношений, порядка изменения условий и распределения ответственности при сбое алгоритма. В настоящей статье автором был проведен анализ существующей судебной практики рассмотрения споров, связанных с определением смарт-контракта и способом доказывания его заключения.

Ключевые слова: смарт-контракт; блокчейн; цифровые технологии; договор; обязательство; программа; правовое регулирование.

Стремительная эволюция цифровых технологий выступает ключевым фактором трансформации всех областей общественной жизни. Одним из знаковых достижений в этой сфере стало создание технологии распределенных реестров, заложившей фундамент для появления такого понятия, как «смарт-контракт» в их современном виде.

Первое упоминание такого понятия, как смарт-контракт, было изложено американским криптографом, правоведом и ученым-компьютерщиком Ником Сабо в 1996 г. в статье «*Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets*». В данной статье автор определил смарт-контракт как компьютерный прото-

кол, который самостоятельно проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов[654].

Однако в настоящее время существует проблема определения природы смарт-контракта.

По мнению А. В. Савельева, смарт-контракт – это договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств. В обоснование своей позиции А. В. Савельев указывал, что:

– смарт-контракты опосредуют перемещение определенных ценностей от одного лица к другому, в связи с чем опосредуют экономические отношения обмена;

– сторона смарт-контракта должна выразить свою волю на участие в нем способом, установленным в соответствующей системе, например, сделав определенное распоряжение, подписанное своей электронной подписью;

– после совершения действий, направленных на заключение и дальнейшее исполнение смарт-контракта, сторона договора является связанной условиями такого договора[655].

Однако при анализе зарубежного законодательства можно заметить, что по своей правовой природе смарт-контракт рассматривается в качестве компьютерной программы:

Так, в соответствии с законодательством штата Невада, смарт-контракт определяется как программа, которая активируется при наступлении определенных условий и отражает состояние актива. Она функционирует на основе распределенного, децентрализованного и реплицируемого реестра общего доступа, где может не только отслеживать учет активов, но и автоматически инициировать их перевод[656].

Согласно законодательству штата Аризона, смарт-контракт – программа, которая активируется происходящими событиями, причем она действует в распределенном децентрализованном многопользовательском воспроизводимом реестре и может управлять активами и передавать их в таком реестре[657].

Вместе с тем существует иная точка зрения, в соответствии с которой смарт-контракт как программа может существовать и функционировать вне пределов распределительного реестра. В данном случае авторами отме-

---

654 *Nick Szabo*. Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets. 1996.

655 *Савельев А. В.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 50.

656 *Тюлькanов А.* Блокчейну – да, смарт-контрактам – нет: законодатели Невады определились с понятиями // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2017/6/19/blokchejnu_-_da_smart-kontraktam_-_net_zakonodateli_nevady_opredelilis_s_ponyatiyami (дата обращения: 27.10.2025).

657 *Лукьянов Н. В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов // Юридические исследования. 2018. №1. С. 32.

чается, что смарт-контракт – это программа, основной целью которой является обеспечение и последующее исполнение сторонами договора определенных, указанных в таком смарт-контракте обязательств. Выделяя основные функции смарт-контракта, можно заметить, что у подобной программы существует две функции: непосредственное исполнение соглашения и (или) контроль надлежащего исполнения (нарушения) воли, согласованной в сделке[658].

В настоящий момент в законодательстве Российской Федерации закреплена именно эта позиция. Так, Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены соответствующие изменения, в результате которых ст. 309 Гражданского кодекса была дополнена пунктом 2 в следующем изложении: «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки»[659].

Также Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников содружества независимых государств от 14 апреля 2023 г. №55-12 был закреплен Модельный закон о цифровых правах, в ст. 3 которого указано: «смарт-контракт – основанный на заранее сформированном алгоритме действий способ заключения соглашения, позволяющий автоматически обеспечить и исполнить обязательство в информационной системе, а в случаях, установленных в правилах информационной системы, – также разрешить возникший спор, установить юридические факты или совершить иные действия».

Таким образом, Российская Федерация, а также страны СНГ придерживаются подхода к пониманию смарт-контракта как программы, которая контролирует исполнение гражданско-правового обязательства. Однако, по мнению автора, на данный момент законодательное регулирование данного института также содержит множество пробелов, таких как определение момента возникновения правоотношений между сторонами, изменения существенных условий и возникших впоследствии издержек, а также ответственности сторон в случае сбоя алгоритма работы смарт-контракта. Поэтому заключение смарт-контрактов на данном этапе сопряжено с большим количеством рисков для сторон соглашения, что требует дополнительных разъяснений со стороны государственных органов, а также их законодательного закрепления.

---

658 Блокчейн-платформа для сделок торгового финансирования на базе смарт-контрактов // Хабр.ком : сайт. URL: https://habr.com/ru/companies/raiffeisenbank/articles/332756/ (дата обращения: 28.10.2025).

659 Пункт 2 ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г. (Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301).

Одним из судебных дел, в котором суд признал наличие смарт-контракта, является Определение Арбитражного суда Омской области по делу № А46-4990/2019. Согласно фабуле дела, между стороной А. и стороной Б. был заключен договор поставки товаров в электронной форме с использованием блокчейн-технологий. Суд признал такой формат законным: стороны подписали договор электронной подписью. Это свидетельство того, что смарт-контракт может быть вполне легитимным способом фиксировать договоренности. Также в данном деле стоит обратить внимание на то, что стороны фактически могут прописать способы, которые будут являться доказательством заключения такого договора (в данном случае доказательством заключения являлись снимки экрана, содержащие сообщение стороны, свидетельствующей о заключении блокчейн-контракта / отказе от заключения блокчейн-контракта)[660].

Однако подобного рода доказательства не всегда являются достаточными для доказывания наличия заключенного между сторонами смарт-контракта. Например, Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-3649/2023 по делу № А55-7445/2022 установлено, что представленные истцом доказательства в виде скриншота экрана на компьютере, на котором указан договор в электронной форме с использованием блокчейн-технологий, не являются надлежащим доказательством, так как на данном скриншоте отсутствуют: конкретное указание продавца и покупателя, наименование продаваемого товара, его идентификационные признаки, количество и его стоимость, а также ссылка на соответствующий гражданско-правовой договор[661].

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что использование смарт-контрактов в предпринимательской деятельности сталкивается с комплексом правовых проблем, обусловленных как неоднозначностью их гражданско-правовой квалификации, так и недостаточной разработанностью механизмов судебной защиты. Несмотря на то, что в законодательстве Российской Федерации был сделан важный шаг в признании возможности автоматического исполнения обязательств с использованием информационных технологий, правовая природа смарт-контракта продолжает оставаться предметом дискуссий. Законодатель, в отличие от подходов, принятых в законодательстве других стран, рассматривает смарт-контракт не как самостоятельную форму договора или специальную программу, а как информационный инструмент, обеспечивающий исполнение уже заключенного сторонами договора.

---

660 Определение Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/b03f81e7-c92b-4f0a-b0fb-4b7d125ef6a3/

661 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 г. № Ф06-3649/2023 по делу № А55-7445/2022// Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://kad.arbitr.ru/Card/6bcb24aa-a86a-4bbb-9105-b619c858f1e4

Список использованной литературы

1. *Лукьянов, Н. В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н. В. Лукьянов // Юридические исследования. – 2018. – № 11. – С. 28–35.
2. *Савельев, А. В.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. В. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60.

Применение искусственного интеллекта в гражданском обороте: перспективы частноправового регулирования, преодоление проблем и угроз

ПЕРСПЕКТИВЫ НАДЕЛЕНИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Светлана Артемовна Брисберг
студентка 3-го курса
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
sbrisberg@gmail.com

Аннотация. Статья анализирует применение технологий искусственного интеллекта в юриспруденции, их риски и правовой статус. Рассматривается проблема признания искусственного интеллекта субъектом права в рамках действующего законодательства. Автор приходит к выводу об отсутствии правосубъектности у ИИ и необходимости разработки специальной правовой категории.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правосубъектность; гражданское право; правовое регулирование; квазисубъектность.

За последние годы активное внедрение технологий искусственного интеллекта в юридическую сферу приобрело широкий размах: от анализа массивов данных и верификации сведений в российской судебной системе до генерации правовых документов и автоматизации патентных процедур.

В связи с этим закономерно возникают дискуссионные вопросы: насколько оправдано использование искусственного интеллекта в области права? С какими вызовами и рисками может столкнуться юридическое сообщество? И, наконец, способен ли такой интеллектуальный агент обладать свойствами правосубъектности?

Определение терминологического аппарата, связанного с категорией «искусственный интеллект», имеет первостепенное значение.

В соответствии с подп. 2 п. 1 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных

и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Исходя из данной дефиниции, на данный момент использование понятия «искусственный интеллект» в правоприменительной практике ошибочно, поскольку нейросети, основой которых является отмеченное определение, не способны создавать контент, который был бы неотличим от человеческих работ. Если сам человек не всегда может это определить, то специальные программы – наверняка.

Соответственно, можно утверждать, что сейчас используются лишь технологии искусственного интеллекта. Названый термин также раскрывается в рамках отмеченного Федерального закона: технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

Таким образом, технология искусственного интеллекта не может в принятой правовой парадигме быть субъектом права и не обладает правосубъектностью, однако следует рассмотреть возможность наделения искусственного интеллекта способностью иметь права и обязанности и нести ответственность за свои действия.

Так, в рамках гражданского законодательства правосубъектностью обладают физические и юридические лица, а также муниципальные образования.

К муниципальным образованиям отнести искусственный интеллект будет невозможно, так как муниципальное образование – публично-правовое образование, созданное на территории с постоянно проживающим населением, в границах которого местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления (п. 1 ст. 9 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»).

При этом в правовой доктрине существует мнение, согласно которому правовое положение искусственного интеллекта отождествляют с юридическими лицами. Аргументация опирается на то, что оба института созданы человеком и им не являются. При этом юридическое лицо представляет собой форму организации людей для осуществления предпринимательской и иных видов деятельности. Последнее положение является ключевым отличием, которое и позволяет юридическому лицу быть полноправным субъектом гражданских правоотношений. Также некоторые авторы отмечают, что юридическое лицо обладает определенным обособленным имуществом, поэтому если

искусственный интеллект не может обладать имуществом, то и в этом случае невозможно говорить об отмеченном институте как о субъекте обозначенных отношений[662].

Представленная концепция предполагает установление для роботов особого правового статуса, сочетающего элементы регулирования, применимого к животным, и в большей степени – к юридическим лицам. По замыслу разработчиков, после прохождения государственной регистрации робот приобретает статус робота-агента, наделенного аналогом правосубъектности для участия в гражданско-правовых отношениях. Такой агент характеризуется имущественной обособленностью и отвечает своим имуществом по принятым обязательствам, а также получает право от собственного имени приобретать гражданские права и исполнять обязанности. Регистрацию роботов-агентов предлагается осуществлять через специализированный государственный реестр, созданный по образцу ЕГРЮЛ.

Единое и четкое определение понятия «физическое лицо» отсутствует, но по смыслу Гражданского кодекса Российской Федерации, в основном главы 3, под физическим лицом понимается человек. Тогда возникает вопрос: можно ли будет признать искусственный интеллект человеком? Дать ответ на данный вопрос в настоящее время не представляется возможным. В правовой доктрине авторы отмечают, что искусственный интеллект не может быть в полной мере субъектом по следующим причинам:

Попытки сравнения искусственного интеллекта с физическими лицами не выдерживают критики с точки зрения физиологии.

Когнитивные способности искусственного интеллекта весьма ограничены в сравнении с функциями мозга человека[663].

В случае если признание человеком в будущем будет невозможно, то появится необходимость разработки новой категории субъектов.

В научной литературе активно дискутируется концепция «квазисубъектности»[664], под которой понимается потенциальная способность искусственного интеллекта выступать в роли субъекта правовых отношений. Несмотря на это, современное законодательство – как российское, так и зарубежное – продолжает квалифицировать ИИ в качестве объекта права, то есть вещи.

Следовательно, исходя из приведенной нормы, можно заключить, что потенциальное признание ИИ субъектом права позволило бы привлекать его к ответственности за совершенные правонарушения, например, за причинение имущественного вреда вследствие ошибки, допущенной при формировании алгоритмического решения. Кроме того, это существенно упрости-

---

662 См.: *Рожкова М. А.* Сможет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 17.

663 *Васильева А. А., Печатнова Ю. В.* Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения // Digital law journal. 2020. № 4. С. 78.

664 *Мельничук М. А., Ченцова Д. В.* Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 67.

ло бы процедуру установления авторских прав и разрешения споров в этой области, что представляет собой одну из острых проблем современного правопорядка.

Таким образом, анализ показывает, что вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью остается предметом дискуссии и не получил законодательного разрешения. Исследование действующих категорий субъектов гражданского права – физических и юридических лиц, а также публично-правовых образований – свидетельствует о невозможности распространения на ИИ существующих правовых конструкций в силу принципиальных различий в их природе и сущности. Наиболее перспективным направлением развития законодательства видится создание особой, уникальной категории субъекта, которая учитывала бы специфику искусственного интеллекта и позволяла сохранить баланс между технологическим прогрессом и защитой прав участников гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. *Васильева, А. А.* Место искусственного интеллекта среди элементов состава правоотношения / А. А. Васильева, Ю. В. Печатнова // Digital law journal. – 2020. – № 4. – С. 74–83.
2. *Дремлюга, Р. И.* Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против / Р. И. Дремлюга, О. А. Дремлюга // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 120–125.
3. *Зыков, С. В.* Проблема субъектности искусственного интеллекта / С. В. Зыков // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2. – С. 131–139.
4. *Мельничук, М. А.* Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта / М. А. Мельничук, Д. В. Ченцова // Закон и право. – 2020. – № 6. – С. 66–68.
5. *Рожкова, М. А.* Сможет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2021. – № 6. – С. 14–22.

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ РЕШЕНИЯМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Дарья Александровна Горланова
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
DashaGorlanova@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что на стыке развития искусственного интеллекта (далее – ИИ) вопросы деликтной ответственности за вред, причиненный решениями ИИ, становятся краеугольными. Целью работы является проведение анализа потенциальных моделей деликтной ответственности за вред, причиненный решениями ИИ, поиск оптимальной модели, соответствующей правовым реалиям. Проанализированы проблемы установления субъекта ответственности, доктринальные подходы к субъектности и объектности ИИ. В результате мы пришли к выводу, что в качестве сбалансированного механизма защиты прав граждан, организаций и государства и стимулирования инноваций при причиненном решениями ИИ вреда на современном этапе необходимо внедрение системы обязательного страхования ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; деликт; ответственность; цифровые технологии.

Широкое практическое применение ИИ произошло вследствие увеличения вычислительных мощностей, сокращения затрат на вычисления, доступности огромного количества данных, развития алгоритмов, достигающих человеческого уровня решения задач, и популяризации онлайн-образования. Данные предпосылки обусловили возрастающую значимость ИИ как направления в области информационных технологий и цифровизации общества. Основной задачей всех государств стало совершенствование законодательства, а также внедрение механизмов для его регулирования, которые смогут обеспечить эффективное и безопасное использование ИИ во всех сферах общества.

Как отмечает П. М. Морхат, «ИИ – это полностью или частично автономная самоорганизующая (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе био-кибернетическая система (юнит), наделенная способностями и возможностями мыслить, саморегулироваться, обучаться, принимать решения и т.д.»[665]. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определяет ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их[666].

В настоящее время ИИ применяется во многих сферах жизнедеятельности человека (образование, финансы, медицина, бизнес и торговля, промышленность, юриспруденция, транспорт, логистика). Каждая из этих отраслей очень важна для общества, они представляют собой основу современной цивилизации, системно поддерживают общественный порядок, благополучие и безопасность. Их значимость колоссальна, а значит, колоссальна ответственность тех, кто принимает решение в этих сферах.

Правительством РФ в 2020 г. была утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года», в которой отдельное положение было посвящено требованию проработки механизмов юридической ответственности в случае причинения вреда системами ИИ и робототехники, имеющими высокую степень автономности при принятии ими решений[667]. Внедряя искусственный разум в различные сферы нашей жизни, мы передаем часть ответственности за принятые решения алгоритмам. Но машинный интеллект не может нести ответственность наравне с человеком, который его создал или задал ему определенные инструкции, запросы и команды. В 2025 г. в Сан-Франциско был подан первый иск на компанию *OpenAI* за доведение до самоубийства подростка с помощью ИИ, которая является создателем широко известной нейросети *ChatGPT*. Адам Рейн в возрасте шестнадцати лет совершил самоубийство, задавая вопросы ИИ, который советовал, как обойти систему защиты чата нейросети, как скрыть следы причинения себе вреда, предлагал способы совер-

---

665 *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография. М. : Буки Веди, 2017. С. 69.

666 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

667 Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собрание законодательства РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

шения самоубийства[668]. Ответственное развитие нейросетей – это не просто техническая задача, это моральный императив. Создателям ИИ необходимо гарантировать, что технологии служат человечеству, усиливая его лучшие качества и минимизируя риски, а не создают новые угрозы для существования и благополучия граждан.

Рассматривая возможные модели ответственности ИИ в случае причинения вреда, возникает вопрос об определении субъекта такой ответственности. С одной стороны, рассматривается наделение ИИ правосубъектностью на уровне фикции, по аналогии с юридическим лицом. В этом случае в основе ответственности лежит принцип генерального деликта (полного возмещения вреда), но тут возникает вопрос: чьим имуществом будет отвечать ИИ при наделении его правосубъектностью и как определить форму вины. В отношении определения формы вины ответ до сих пор не найден, но касаемо имущества ИИ возможно применение института обязательного страхования, который мы проанализируем далее. С другой стороны, существует вариант признания ИИ в качестве объекта права, который будет являться средством осуществления деятельности между традиционными субъектами права. Говоря об ИИ как о субъекте юридической ответственности, возникает вопрос о его эмоционально-волевой составляющей поведения, которая является основой для его правовой оценки и принятия решения о применении мер государственного принуждения[669]. Умысел или неосторожность самого ИИ выявить невозможно, так как вредоносный результат деятельности является вторичным и производным элементом от работы программиста или разработчика, соответственно, вины самой нейросети нет, в отличие от создавшего его специалиста.

Для достоверного установления субъекта ответственности за последствия применения ИИ отдельные авторы предлагают идентифицировать лицо, по поручению и в интересах которого осуществлялось его применение, кто инициировал и получал выгоду от его использования, то есть «ИИ осуществляет действия от лица и в пользу своего владельца, следовательно, поэтому ответственность должна, исходя из общей практики, возлагаться на лицо, получающее прибыль от деятельности ИИ»[670]. Л. Ю. Василевская считает возможным использовать в отношении ИИ институт гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, при этом признает, что сам по себе ИИ не является источником повышенной

---

668 Superior Court of The State of California for The County of San Francisco: сайт. URL: https://archive.org/details/2381000-2381034-raine-v.-open-ai-cal.-superior-ct.-complaint-as-filed/mode/2up (дата обращения: 28.10.2025).

669 См.: *Романова И. Н.* Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта // Человек: преступление и наказание. 2022. №30 (1). С. 74.

670 *Горохова С. С.* Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 63.

опасности, таким качеством вредоносности он наделяется только при его использовании[671]. Например, человек, создавший нейросеть, внес в нее вредоносную программу, осуществил дефектное и деструктивное влияние, но даже если в его действиях отсутствовал умысел, он должен нести ответственность за причинение вреда и возместить ущерб, причиненный использованием источника повышенной опасности.

Отвечая на вопрос о том, чьим имуществом будет отвечать ИИ при причинении вреда, можем сказать, что повысить эффективность защиты прав граждан, организаций и государства можно за счет внедрения системы обязательного негосударственного страхования ответственности за ущерб, причиненный ИИ. Данная мера позволит сбалансировать интересы бизнеса, заинтересованного во внедрении инноваций, и общества, требующего надежной защиты от непредвиденных последствий таких технологий. Предпосылкой этому стало внесение поправок в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», согласно которому разработчики ИИ, работающие в экспериментальном правовом режиме в сфере цифровых инноваций, обязаны страховать ответственность за возможный вред от применения технологий своей разработки, а специальная комиссия с участием регуляторов будет анализировать ситуацию, которая привела к негативным последствиям[672]. На сегодняшний день на стадии апробации находятся законодательные основы регулирования вопросов ответственности за вред, причиненный решениями ИИ, что, на наш взгляд, позволяет выявить сферы жизнедеятельности человека, в которых интеграция нейросетей будет максимально эффективной и безопасной.

Проведенное исследование позволило установить, что формирование оптимальной модели деликтной ответственности за вред, причиненный решениями ИИ, является одной из наиболее актуальных и сложных задач современного права. Она должна базироваться на комбинации нескольких элементов: (а) четкой идентификации субъекта юридической ответственности, (б) применении строгой ответственности за решения ИИ, (в) создании финансовых гарантий для возмещения причиненного вреда посредством обязательного страхования. Все это позволит обеспечить баланс интересов между стимулированием инноваций и защитой прав граждан. Дальнейшее развитие законодательства в этой сфере потребует тщательной апробации предлагаемых механизмов, их адаптации и интеграции в различные области применения нейросетей.

---

671 См.: *Василевская Л. Ю.* Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4. С. 2–5.

672 Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

Список использованной литературы

1. *Василевская, Л. Ю.* Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития / Л. Ю. Василевская // Гражданское право. – 2025. – № 4. – С. 2–5.
2. *Горохова, С. С.* Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле / С. С. Горохова // Юрист. – 2021. – № 6. – С. 60–67.
3. *Лаптев, В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В. А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
4. *Морхат, П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография / П. М. Морхат. – Москва : Буки Веди, 2017. – 257 с.
5. *Романова, И. Н.* Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта / И. Н. Романова // Человек: преступление и наказание. – 2022. – № 30 (1). – С. 72–77.

СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Калсын Камалдинович Гуликов
студент 2-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
takashi314@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению смарт-контрактов как в международной практике, так и в Российской Федерации, исследуются перспективы использования смарт-контрактов, затрагиваются как преимущества использования смарт-контрактов, так и их недостатки. В исследовании подробно рассматриваются актуальные проблемы и факторы, препятствующие широкому внедрению смарт-контрактов.

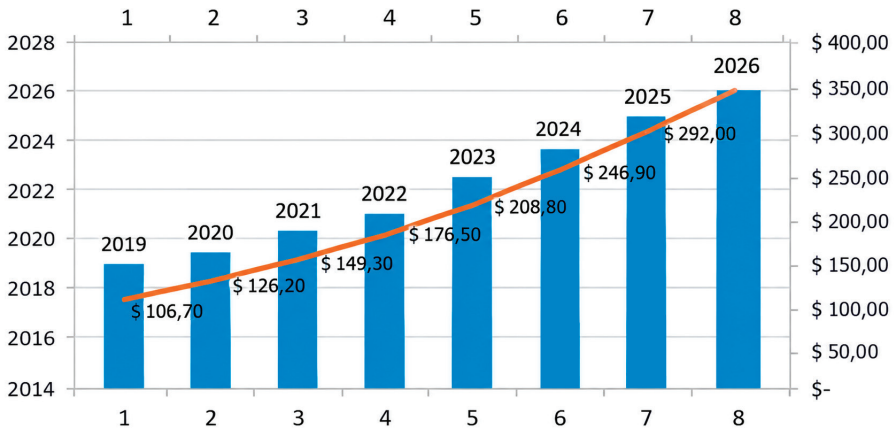
Ключевые слова: смарт-контракт; блокчейн; цифровой рубль; правовое регулирование; перспективы использования.

На сегодняшний день мир переживает глобальную цифровую революцию, которая кардинально меняет наше представление о цифровом праве и информационных технологиях. В свою очередь, это отражается и на других отраслях права, в частности, цивильном. В России, где право традиционно делится на отрасли, активно обсуждается, что же такое цифровое право. Очевидно одно: оно активно взаимодействует с другими отраслями и уже сейчас создает новые институты, среди которых особенно выделяются блокчейн и смарт-контракты.

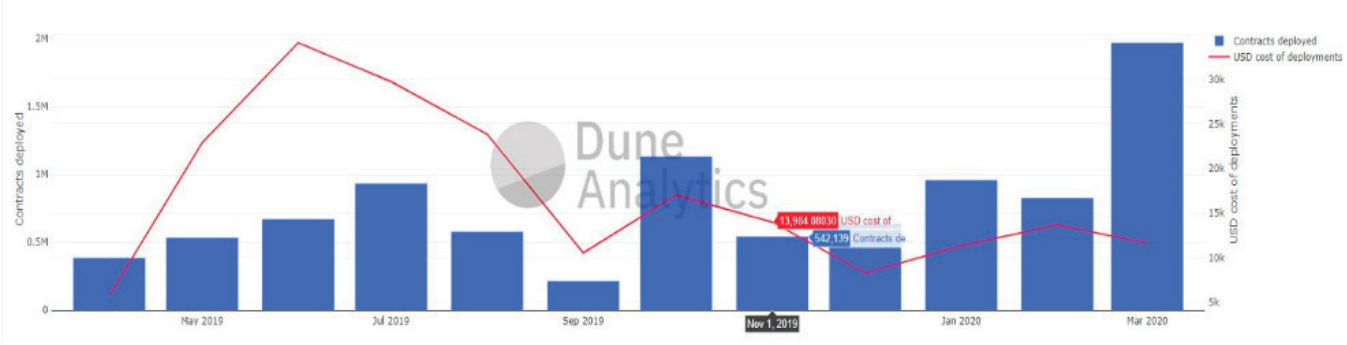
Рассматривая понятие «смарт-контракт», его можно определить как заранее заданный код, исполняемый при наступлении определенных обстоятельств в соответствии с заранее заданными условиями. Блокчейн представляет собой систему блоков, которая обеспечивает реализацию смарт-контрактов. По такому принципу функционирует всем известный биткоин. Нужно справедливо отметить, что хоть биткоин и появился сравнительно недавно, он уже сейчас набрал огромную популярность. Кроме того, согласно прогнозам мирового рынка, темп роста биткоина будет составлять 20 процентов в год[673].

[673] Официальный сайт МНИАП: https://xn--80aplem.xn--p1ai/ (дата обращения: 05.10.2025).

ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ МИРОВОГО РЫНКА СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Говоря о популярности смарт-контрактов, стоит отметить и статистику платформы Этериум. Ее аналитики утверждают, что только с мая 2020 г. число смарт-контрактов увеличилось на 81 процент[674].

В качестве примера смарт-контракта можно привести деятельность некоторых компаний, например, Яндекс.Такси. Ее деятельность строится на таком принципе: операторы выступают посредниками между водителем и пассажиром. Клиент предварительно соглашается оплатить фиксированную системой цену поездки, а водитель берет на себя обязательство доставить его в указанное заранее место[675].

Особое внимание следует уделить и практике использования контрактов в зарубежных странах, хотя в большинстве стран все еще не применяются смарт-контракты, но мы выявим особенности в нашей стране и в Беларуси:

---

674 Официальный сайт Евростата: https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 05.10.2025).

675 См.: *Кулажина А. О.* Смарт-контракт: заблуждения и реальность // Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 505–508.

В Российской Федерации круг лиц, имеющих доступ к смарт-контрактам более широкий, в то время как в Беларуси доступ к ним ограничен (например, Национальный банк)[676].

В России не применяется практика использования смарт-контрактов как обеспечительного способа исполнения обязательства, так как смарт-контракт неправильно считать сделкой в традиционном понимании, хотя, на наш взгляд, введение такого института в качестве такого способа смогло бы значительно повысить гарантии исполнения обязательств и способствовала бы для защиты прав заинтересованных сторон.

Стоит отметить, что мы согласны с Золоторевым, который подчеркивает, что смарт-контракты имеют перспективы использования в нашей стране, например, как средство регулирования трудовых правоотношений, стоит выделить основные тенденции использования смарт-контрактов:

Обеспечение безопасности. Как известно, в смарт-контрактах используется несколько уровней защиты и криптография, что снижает риск утечки данных.

Экономия. При заключении смарт-контракта, как правило, не требуются посредники, ведь они автоматически заверены системой, а также вся документация, связанная с контрактом, хранится в одном документе, что упрощает процесс.

Несмотря на все преимущества, смарт-контракты имеют значительные недостатки. В частности:

Ограниченность применения. Различные договора, соглашения, которые заключаются на привычном для нас языке, имеют намного большую гибкость, а потому могут применяться к практически любому числу юридических обстоятельств, в то время как смарт-контракты в этом плане сильно ограничены.

Недостаточное правовое регулирование. Поскольку смарт-контракты появились относительно недавно, они еще должным образом не урегулированы и фактически выходят за границы правового поля, между тем даже в международной практике еще нет официального статуса смарт-контрактов, что опять же усложняет урегулирование конфликтов, с ними связанных.

Еще одной проблемой, по нашему мнению, выступает нехватка квалифицированных специалистов. Ведь, согласно основным положениям концепции смарт контракта, лицо, которое составляет код, должно обладать не только обширными знаниями в области юриспруденции, для того чтобы учесть все правовые аспекты контракта, но и обладать значительными навыками программирования, а на сегодняшний день лиц с такой квалификацией пока немного.

Резюмируя все вышесказанное, хочется сказать о том, что смарт-контракты, по нашему мнению, обладают крайне широкими перспективами использо-

---

[676] См.: *Гаврилов В. Н., Прохоров Н. А., Шахнавазов А. А.* Анализ смарт-контрактов как объектов гражданских прав в законодательстве республики Беларусь и Российской Федерации // Научные стремления. 2020. Вып. 27. С. 41–45.

вания, ведь у них имеется ряд преимуществ по сравнению с привычными нам договорами и соглашениями, между тем стоит отметить, что смарт-контракт не лишен и недостатков, причем весьма значительных, которые могут привести даже к повышению уровня безработицы в государстве.

Мы также считаем, что в эпоху цифровизации, когда активно вводится цифровой рубль, смарт-контракты будут особенно актуальны, по мнению специалистов, уже через пару лет более 25% операций в стране будет происходить с помощью цифрового рубля и смарт-контрактов.

Кроме того, следует отметить, что, по нашему мнению, смарт-контракты будут особенно полезны в сфере государственного делопроизводства, ведь в потенциале они способны существенно снизить государственные расходы в этой сфере, способствовать снижению уровня коррупции, а также повысить прозрачность системы делопроизводства. Однако на сегодняшний день смарт-контракты представляются нам как институт, требующий детального регулирования во всех правовых аспектах, и если они смогут встать на один уровень вместе с привычными нам сделками и договорами, то перед этим должен пройти немалый промежуток времени и проделана огромная работа государственных органов.

Список использованной литературы

1. *Гаврилов, В. Н.* Анализ смарт-контрактов как объектов гражданских прав в законодательстве республики Беларусь и Российской Федерации / В. Н. Гаврилов, Н. А. Прохоров, А. А. Шахнавазов // Научные стремления. – 2020. – Вып. 27. – С. 41–45.
2. *Кулажина, А. О.* Смарт-контракт: заблуждения и реальность / А. О. Кулажина // Вопросы студенческой науки. – 2022. – № 5 (69). – С. 505–508.

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анна Александровна Кондратей
студентка 1-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
annakondratey@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования цифровых активов в сфере интеллектуальной собственности. Анализируются новые виды активов, такие как цифровое искусство (*digital art*), *NFT*, объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, и большие данные (*Big Data*). Выявляются существенные пробелы и противоречия в их правовом регулировании в рамках действующего российского законодательства. Особое внимание уделяется проблемам разграничения традиционных и цифровых активов, определения правообладателя объектов, созданных ИИ, и формирования адекватного правового режима для динамичных цифровых объектов. На основе проведенного анализа формулируются предложения по преодолению выявленных правовых трудностей.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; цифровые активы; искусственный интеллект; большие данные; *NFT*; *digital art*; правовое регулирование.

Повсеместная цифровая трансформация оказывает значительное влияние на все сферы общественной жизни, что влечет за собой возникновение принципиально новых категорий активов – цифровых интеллектуальных активов. По заявлению заместителя министра экономического развития России М. А. Колесникова, за 2024 г. инвестирование в нематериальные активы составило 2,3 трлн рублей – это на 23 % больше в сравнении с 2023 г. Также было подчеркнуто, что «доля интеллектуальной собственности (ИС) в общем объеме инвестиций достигла 6 %, за последние семь лет прирост – более чем в два раза»[677]. Данный рост связан не только с увеличением объема традици-

[677] Максим Колесников: инвестиции в нематериальные активы в 2024 году превысили 2,3 трлн рублей // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_kolesnikov_investicii_v_nematerialnye_aktivy_v_2024_godu_prevysili_23_trln_rubley.html (дата обращения: 22.10.2025).

онных объектов ИС, но и с появлением цифровых активов, правовой статус которых лишь частично регулируется нормами действующего гражданского права. К таким активам можно отнести *digital art*, *NFT*, контент, который полностью или частично создан искусственным интеллектом (далее – ИИ), *Big Data* (большие данные) и прочие объекты, правовой статус которых недостаточно урегулирован в действующем законодательстве.

Современные корпоративные интеллектуальные активы в цифровой среде можно разделить на две основные группы, каждая из которых обладает специфическими правовыми особенностями.

К первой группе относятся традиционные объекты ИС в цифровой форме, включающие в себя базы данных, программы для ЭВМ, а также оцифрованные произведения науки, литературы и искусства. Правовой режим этих объектов регулируется главой 70 Гражданского кодекса Российской Федерации[678] (далее – ГК РФ), ст. 1260 ГК РФ определяет правовой статус баз данных, а ст. 1261 ГК РФ – программ для ЭВМ[679]. Их цифровая природа создает дополнительные сложности при управлении ими, особенно в части применения норм о договорах присоединения и электронных сделках.

Вторая группа «новых» цифровых активов представляют определенную сложность при правовой классификации. К ней можно отнести: *digital art*, так называемое цифровое искусство, представляющее собой вид творческой деятельности, в которой произведения создаются при помощи программирования и компьютерных программ[680]; *NFT*, являющееся цифровой записью в сети, которая подтверждает право на цифровой контент и позволяет идентифицировать объекты, к которым она относится, в том числе объекты гражданских прав и прав интеллектуальной собственности; интеллектуальные активы, созданные с использованием ИИ, и *Big Data*, которые могут представлять собой объект, охраняемый Федеральным законом «О коммерческой тайне»[681]; а также цифровые платформы и их архитектура как комплексный актив[682].

Правовая неопределенность в отношении перечисленных активов проявляется в нескольких ключевых аспектах. К наиболее значимым пробелам и коллизиям в регулировании можно отнести неопределенность юридического статуса *digital art* и *Big Data*, отсутствие легального определения *NFT*, не-

---

678 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.

679 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52.

680 *Кириченко Е. И.* Цифровое искусство: способ коммуникации или средство новой художественной образности? // Научное обозрение. 2018. № 1. С. 1–9.

681 О коммерческой тайне : Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.

682 См.: *Чурилов А. Ю.* Особенность правовой охраны больших данных // Вестник ННГУ. 2019. № 5. С. 195–199.

ясность в определении владельца интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности, полностью или частично созданных ИИ.

Следует обратить внимание на пробел в правовом положении *digital art* и *NFT*. Российское законодательство, в частности ст. 1227 ГК РФ, проводит четкую границу между интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности и вещными правами на материальные носители, однако цифровые объекты искусства не подпадают ни под одну из этих традиционных категорий. С одной стороны, *digital art* не может быть признан вещью в силу своей нематериальной природы, что исключает применение к нему режима права собственности. С другой стороны, сам *NFT* не является объектом интеллектуальной собственности в смысле ст. 1225 ГК РФ, а представляет собой лишь технический инструмент.

Ключевая проблема заключается в отсутствии концепции «цифрового владения» – специального правового режима для цифровых объектов. Приобретатель *digital art* не становится ни собственником, ни правообладателем, оказываясь в правовом вакууме. Дополнительную сложность создает неопределенность юридического статуса записей в распределенных реестрах, лежащих в основе *NFT*.

Следовательно, правовой пробел состоит в отсутствии регулирования цифровых активов нового типа. Для его устранения требуется законодательное закрепление понятий «цифровой актив» и «*NFT*», определение правового статуса *digital art* и признание юридической силы записей в распределенных реестрах[683].

Проблема определения правообладателя активов, созданных с помощью ИИ, является одной из наиболее дискуссионных. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 80 Постановления Пленума[684], ключевым критерием признания результата объектом авторского права является творческий характер деятельности человека. В соответствии со ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ, автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано, но при использовании ИИ возникает правовая неопределенность в отношении квалификации творческого вклада человека.

Проблема усугубляется тем, что ИИ не обладает правосубъектностью и не может признаваться автором произведения в смысле действующего законодательства. Как отмечают эксперты, когда объект создается исключительно силами ИИ, он не может рассматриваться в качестве авторского произведения[685]. В такой ситуации результаты интеллектуальной деятельности

---

683 См.: *Рожкова М. А.* NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2022. Вып. 4 (38). С. 29–39.

684 О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. 6 мая.

685 См.: Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/article/1799577 (дата обращения: 22.10.2025).

оказываются в правовом вакууме – они не могут быть защищены нормами авторского права, но одновременно не подпадают под другие режимы правовой охраны.

На практике это приводит к необходимости индивидуальной оценки каждого случая использования ИИ для определения наличия творческого вклада человека. Как указывают специалисты, правообладателем может признаваться лицо, использовавшее ИИ в качестве инструмента, но только при условии доказанности творческого характера его деятельности. Проблема заключается в отсутствии критериев такого творческого вклада в действующем законодательстве, что создает значительные сложности для правоприменения и защиты прав на результаты, созданные с применением ИИ[686].

Правовой статус больших данных в российском законодательстве характеризуется значительной неопределенностью. Ключевая проблема заключается в отсутствии прямой законодательной квалификации больших данных как объекта гражданских прав.

Большие данные представляют собой сложный комплекс, включающий как саму информацию, так и технологии их обработки с использованием ИИ. При этом текущее законодательство не признает информацию самостоятельным объектом гражданских прав.

В доктрине предлагаются различные подходы к определению правовой природы больших данных: их рассматривают как информационную услугу[687], объект интеллектуальной собственности[688] или базу данных[689]. Вместе с этим каждый из представленных подходов имеет определенные ограничения. Примером может послужить квалификация больших данных как базы данных. Сложность в том, что *big data* не соответствует легальному определению базы данных, которые, в свою очередь, не учитывают специфику больших данных.

Отдельную проблему представляет соотношение больших данных с режимом персональных данных, поскольку даже обезличенные данные несут риск реидентификации лиц. Этот вопрос требует от законодателя соблюдения баланса между интересами бизнеса и защитой прав субъектов персональных данных.

Таким образом, большие данные остаются объектом с неопределенным правовым статусом, что создает сложности для их использования в граждан-

---

686 См.: Там же.

687 См.: *Сергеев А. П., Терещенко Т. А.* Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

688 См.: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 13–14.

689 См.: Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.

ском обороте[690]. Наиболее перспективным направлением развития законодательства представляется признание больших данных самостоятельным видом сложных объектов интеллектуальных прав и закрепление их правового статуса в ГК РФ.

Подводя итоги, следует сказать, что цифровая трансформация породила новый класс объектов – цифровые активы в сфере интеллектуальной собственности, правовой режим которых в настоящее время является неопределенным. Ключевые проблемы заключаются в отсутствии адекватного правового режима для *digital art* и *NFT*, правовом вакууме вокруг результатов, созданных искусственным интеллектом и неопределенном статусе больших данных.

Разрешение этих проблем видится не в точечных поправках, а в системном развитии гражданского законодательства путем введения и легального закрепления новых понятий и специальных правовых режимов, отвечающих специфике цифровой среды. Преодоление выявленных пробелов является важным условием для полноценного включения цифровых активов в гражданский оборот.

Список использованной литературы

1. *Аюшеева, И. З.* Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима / И. З. Аюшеева // Lex Russica. – 2023. – № 10 (203). – С. 125–134.
2. *Василевская, Л. Ю.* Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 5 / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов ; отв. ред. Л. Ю. Василевская. – Москва : Проспект, 2023. – С. 13–14.
3. *Гелисханов, И. З.* Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И. З. Гелисханов, Т. Н. Юдина, А. В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. – Экономические науки. – 2018. – Т. 11, № 6. – С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602
4. *Кириченко, Е. И.* Цифровое искусство: способ коммуникации или средство новой художественной образности? / Е. И. Кириченко // Научное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 1–9.
5. *Мхитарян, Н. А.* Искусственный интеллект и правовая ответственность: вызовы и перспективы для гражданского права / Н. А. Мхитарян, И. А. Толочкова // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. – Часть II. – 2024. – С. 151–157.
6. *Рожкова, М. А.* NFT и иные токены: право на запись и право из записи / М. А. Рожкова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – Декабрь 2022. – Вып. 4 (38). – С. 29–39.

690 См.: *Аюшеева И. З.* Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима // Lex Russica. 2023. № 10 (203). С. 125–134.

7. *Савельев, А. И.* Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях / А. И. Савельев // Закон. – 2018. – № 5. – С. 122–144.
8. *Сергеев, А. П.* Большие данные: в поисках места в системе гражданского права / А. П. Сергеев, Т. А. Терещенко // Закон. – 2018. – № 11. – С. 106–123.
9. *Ткаченко, И. Н.* Проблема определения принадлежности права интеллектуальной собственности на результаты, созданные технологией искусственного интеллекта / И. Н. Ткаченко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-5 (80). – С. 132–138.
10. *Чурилов, А. Ю.* Особенность правовой охраны больших данных / А. Ю. Чурилов // Вестник ННГУ. – 2019. – № 5. – С. 195–199.

НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ НОТАРИАТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ангелина Сергеевна Косынкина
студентка 4-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lina.kosynkina@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена влиянием цифровизации общества в целом и нотариата – в частности на трансформацию традиционных институтов российского наследственного права. Цель статьи заключается в анализе механизмов реализации процедуры наследования имущества, а также оценке их значения и правовых перспектив в практическом аспекте. В статье было проанализировано функционирование Единой информационной системы нотариата, внедрение упрощенного порядка выдачи свидетельств о праве на наследство, рассмотрены некоторые проблемы и перспективы развития наследственного права в условиях цифровизации нотариата. В результате мы пришли к выводу, что законодательная конкретизация и детализация цифровых дефиниций и правовых механизмов в рассматриваемой сфере позволит не только упростить порядок принятия наследства, но и более четко законодательно отразить правовую природу аккаунтов как электронного имущества.

Ключевые слова: наследственное право; цифровизация; нотариат; цифровые активы; Единая информационная система нотариата; криптовалюта.

В России на современном этапе можно наблюдать трансформацию нотариата, которая напрямую влияет на изменение институтов наследственного права. Реформа основана на внедрении различных цифровых инструментов, что, в свою очередь, напрямую влияет на законодательство и формирует актуальную судебную практику.

Федеральный закон «О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации»[691] стал основой данного процесса, поскольку на законодательном уровне закрепил использование цифровых технологий в нотариальной деятельности. В качестве примера можно привести легализацию электронного документооборота, удаленное совершение различных сделок. Дальнейшее развитие наследственного права в условиях цифровизации нотариата в России было неизменно связано с принятием Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[692]. Данный закон регламентировал хранение нотариальных документов и их образцов в цифровой форме, а именно в единой информационной системе нотариата (далее – ЕИС). По нашему мнению, такие изменения заложили основу для цифровизации наследственного производства. Стоит также подробно рассмотреть ЕИС, поскольку данная система обеспечивает автоматизацию сбора и обработки сведений о юридически значимых действиях, совершаемых нотариусами, должностными лицами органов исполнительной власти или уполномоченными должностными лицами консульских учреждений. На базе данной информационной системы работает множество общих доступных онлайн-сервисов, среди которых можно выделить реестр открытых наследственных дел – базу данных, в которых хранятся сведения обо всех наследственных делах, открытых нотариусом по всей России за каждый год. Такие цифровые технологии позволяют потенциальным наследником беспроблемно и дистанционно получать информацию о ведущем дело нотариусе. Мы считаем, что это значительно упрощает процедуру принятия наследства, а также, что немаловажно, снижает риск пропуска установленных сроков.

Еще одним немаловажным событием выступает появившаяся с 5 февраля 2025 г. упрощенная процедура оформления наследства. Это стало возможным благодаря интеграции нотариальной системы с Единым государственным реестром записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС). Данный алгоритм позволяет нотариусу запрашивать данные у системы для проверки факта смерти наследодателя перед подписанием документа. Так, каждое свидетельство теперь фиксируется в реестре нотариальных действий, после чего получает свой уникальный *QR*-код, содержащий все необходимые сведения для идентификации нотариального документа, а также всех связанных с ним данных. Исследователи справедливо полагают: «данные меры значительно снижают факт мошенничества, а также упрощают процедуру подтверждения прав наследников при всевозможных дальнейших операциях с имуществом, полученным при наследовании умершего лица»[693].

---

691 О внесении изменений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате и отдельной законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 480-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

692 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

693 Новые поправки в сфере наследства – май 2025 г. // Кудаев и партнеры. URL: https://yagla.tv/cbcW54H

В данном контексте также полезно рассмотреть судебную практику, поскольку она постепенно начинает отражать особенности применения новых цифровых процедур. В решении от 25 мая 2025 г. Верховный Суд Российской Федерации признал допустимыми косвенные доказательства владения земельного участком, в том числе и кадастровые выписки, свидетельство фактического владения, а также налоговые уведомления[694]. Мы считаем, что это решение особенно важно, поскольку оно не только расширяет список документов для наследства, но и в значительной степени упрощает подтверждение прав, связанных с владением, пользованием и распоряжением имуществом. Особого внимания заслуживает тот факт, что нотариусы теперь обязаны выдавать охранное распоряжение, которое позволяет сохранить землю до получения наследства, тем самым защищая его от потери до оформления документов.

«Согласно прогнозам Федеральной нотариальной палаты, объединяющие всех нотариусов России посредством обязательного коллективного членства в ней нотариальных палат субъектов Российской Федерации, к концу 2025 года – к началу 2026 года до 60% совещаний, будет заверяться с обязательной видеофиксацией процедуры, а количество электронных запросов к данной некоммерческой организации и банкам будет достигать 90%»[695]. Данные показатели демонстрируют стремительный переход нотариата на цифровые технологии, а также его модернизацию при помощи инноваций. Помимо совершения процедур наследования, улучшается и работа как с традиционным, так и с новыми объектами наследственного права, к которому относятся криптовалюта, электронные кошельки, а также иные цифровые ценности. На сегодняшний день правовой статус подобных активов в наследственном праве, к сожалению, не уточнен. Основные проблемы связаны с тем, что доступ к ним невозможен в связи со сложными системами проверки, а также с несоответствием традиционному пониманию имущества. Стоит отметить, что цифровые права сильно отличаются от обычных имущественных прав, поскольку имеют различную правовую природу. Безусловно, российское законодательство постепенно адаптируется к данным проблемам, однако, как отмечает Д. А. Пятаев, «на сегодняшний день не существует точных правил наследования виртуальных активов»[696].

Перспективы развития наследственного права напрямую связаны с адаптацией наследственной массы к цифровизации нотариата России в целом. Мы считаем, что необходимо четкое разграничение электронного имуще-

---

694 ВС РФ объяснил, как оформлять наследство на участок, полученный много лет назад // Квадратный метр. URL: https://goo.su/ZrbY

695 Настоящее и будущее нотариата в контексте международной повестки – одна из тем ПМЮФ-2025 // Ярославская областная нотариальная палата. URL: https://golnk.ru/KnNRx

696 *Пятаев Д. А.* Современные тенденции цифровизации наследственного права // Вестник права. 2023. № 3. С. 18. URL: https://clck.ru/3PhtC6

ства, а также разработка безопасных механизмов передачи данных для наследников при совершении различных нотариальных действий в электронной форме.

Мы полагаем, что законодательная конкретизация и детализация цифровых дефиниций и правовых механизмов в рассматриваемой сфере позволит не только упростить порядок принятия наследства, но и более четко законодательно отразить правовую природу аккаунтов как электронного имущества.

Список использованной литературы

Пятаев, Д. А. Современные тенденции цифровизации наследственного права / Д. А. Пятаев // Вестник права. – 2023. – № 3. – С. 16–20. URL: https://clck.ru/3PhtC6.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА

Патимат Руслановна Малачиева
студентка 4-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
pmr128179@gmail.com

Аннотация. Настоящее исследование посвящено актуальной и остро дискуссионной проблематике правового регулирования использования искусственного интеллекта (ИИ) при создании объектов авторского права. В работе последовательно анализируются ключевые проблемы. Наряду с обозначенными проблемами в тексте рассматриваются и существующие нормативные акты. Особое внимание уделяется анализу международной судебной практики и научных дискуссий, касающихся вопроса авторства на результаты деятельности ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросетевые технологии; авторские права; объекты авторского права; результаты интеллектуальной деятельности; интеллектуальная собственность.

Правовое регулирование использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) при создании объектов авторского права представляет собой актуальную проблематику современной юриспруденции, обусловленную экспоненциальным развитием нейросетевых технологий, обладающих функционалом генерации произведений различных форм выражения, включая текстовые, графические, аудиальные и аудиовизуальные произведения. Действующее законодательство в сфере интеллектуальной собственности демонстрирует существенные нормативные дефекты и коллизионные аспекты правоприменения. В частности, отсутствует надлежащая правовая дефиниция субъектного состава правоотношений при создании произведений с использованием ИИ, не выражены эффективные правовые механизмы охраны и защиты интеллектуальных прав разработчиков и пользователей систем ИИ, а процесс машинного обучения нейронных сетей сопряжен с потенциальными

нарушениями исключительных прав на произведения, используемые в качестве обучающих данных.

Однако существуют нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы в данной сфере. Так, например, Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определяет основные задачи развития искусственного интеллекта (далее – ИИ), что позволяет установить сферы его влияния на интеллектуальные правоотношения. В Федеральном законе «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ» было закреплено понятие ИИ, под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[697].

На сегодняшний день открытым остается вопрос авторства конечного результата деятельности ИИ. Превалирующая тенденция в законодательстве большинства государств заключается в признании авторских прав на результаты деятельности искусственного интеллекта за разработчиками соответствующих алгоритмических систем. Вместе с тем судебная практика некоторых стран демонстрирует прецеденты наделения непосредственно искусственного интеллекта определенным объемом авторско-правовой правосубъектности. Показательным примером подобного правоприменительного подхода служит решение Народного суда округа Наньшань города Шэньчжэнь провинции Гуандун от 25 ноября 2019 г. по делу № 14010 (2019) Юэ 0305 Мин Чу, которым был установлен факт наличия авторских прав у искусственного интеллекта[698].

Противоположная правоприменительная позиция прослеживается в решении Верховного суда Австралии по делу *IceTV Pty Limited* против *Nine Network Australia Pty Limited HCA*14 от 22 апреля 2009 г., в котором судебная инстанция отказала в предоставлении автор-

---

697 О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

698 Court rules AI-written article has copyright // Chinadaily URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202001/09/WS5e16621fa310cf3e3558351f.html (дата обращения: 23.09.2025).

ско-правовой защиты результатам функционирования искусственного интеллекта[699].

Исследование, проведенное Международной ассоциацией по защите интеллектуальной собственности в 2019 г., выявило различие мнений относительно правового режима произведений, созданных искусственным интеллектом. Часть научного сообщества предлагает установление двадцатипятилетнего срока авторско-правовой охраны таких произведений, коррелирующего с периодом признания инвестиционных вложений разработчиков в технологию искусственного интеллекта. Другая часть респондентов утверждала, что защите подлежат объекты, созданные исключительно человеком. Альтернативная концепция базируется на антропоцентрическом подходе, согласно которому авторско-правовой охране подлежат исключительно результаты человеческого творчества.

В настоящий момент рассматриваемая проблематика локализована преимущественно в теоретической плоскости, однако в ближайшем будущем могут потребоваться практические решения для определения авторства работ и обеспечения правильного применения типа защиты.

С точки зрения российского законодательства, а именно Гражданского кодекса РФ, автором произведения является гражданин, творческим трудом которого создано произведение[700]. Также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств[701].

Наиболее рациональным решением вышеуказанной проблемы, на наш взгляд, представляется совершенствование законодательной базы, например, разработка правовой регламентации отношений, которые связаны с признанием, охраной и защитой авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с участием ИИ. В частности, введения раздела авторского права в сфере искусственного интеллекта в часть 4 ГК РФ, что позволит России повысить конкурентоспособность в сфере ИИ на мировом рынке.

---

699 Federal Court confirms that a patent applicant, owner and inventor must be a natural person: Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879 // Holmanwebb URL: https://www.holmanwebb.com.au/blog/661/federal-court-confirms-that-a-patent-applicant-owner-and-inventor-must-be-a-natural-person-thaler-v-commissioner-of-patents-2021-fca-879 (дата обращения: 23.09.2025).

700 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

701 О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // СПС «КонсультантПлюс».

Необходима также разработка специальных правовых механизмов, технических средств контроля и верификации, международных стандартов и четких критериев определения авторства и ответственности.

В условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта решение обозначенных проблем требует оперативного законодательного реагирования и международной координации усилий для создания эффективной системы защиты прав на произведения, созданные ИИ, при соблюдении баланса интересов всех участников творческого процесса.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СДЕЛКАМ, ЗАКЛЮЧЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И АЛГОРИТМОВ

Елизавета Алексеевна Мельникова
студентка 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
el.meln1kova@yandex.ru

Аннотация. Современный мир быстро меняется из-за технологических инноваций, влияющих на различные сферы деятельности. Цифровизация общества открывает двери для новых технологий, меняющих бизнес-процессы и взаимодействие на рынке. Искусственный интеллект находит применение в различных областях. Программные системы нового поколения выполняют функции людей, инициируют транзакции. Интеграция алгоритмов в коммерцию создает новые юридические вопросы об ответственности и договорных отношениях. Традиционное право нуждается в пересмотре для адаптации к быстро меняющейся технологической среде.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровизация; юридическая ответственность.

Современный мир стремительно трансформируется под влиянием технологических инноваций, охватывающих практически все сферы человеческой деятельности. Глобальная цифровизация общества создала прочный фундамент для внедрения более совершенных технологических решений, способных радикально изменить привычные бизнес-процессы и механизмы взаимодействия между участниками рынка.

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) демонстрируют впечатляющую динамику роста популярности и находят применение в многочисленных сферах экономики и общественной жизни. Этот феномен не является случайным: он представляет собой естественный этап эволюции в условиях тотальной цифровой трансформации всех областей человеческой деятельности. Компьютерные системы и программные решения давно вышли за рамки простого инструмента для обмена информацией между людьми.

Сегодня цифровые платформы активно применяются для управления сложными экономическими процессами, документального оформления ком-

мерческих сделок и регулирования договорных отношений между различными субъектами. Программные системы нового поколения демонстрируют способность выполнять функции, которые исторически находились исключительно в компетенции людей. Речь идет о самостоятельной инициации коммерческих транзакций без непосредственного участия человека на финальной стадии.

Эта трансформация неизбежно порождает комплекс правовых дилемм, требующих незамедлительного разрешения. Интеграция алгоритмических решений в коммерческую деятельность автоматически переносит проблематику из технической плоскости в юридическую. Возникают острые вопросы правосубъектности: кто несет юридическую ответственность, когда договорные отношения возникают благодаря автономной работе программного обеспечения, действующего на основе заложенных алгоритмов?

Традиционная правовая система оказывается не готовой к таким вызовам, что требует переосмысления базовых юридических концепций. Современная юриспруденция неизбежно столкнется с необходимостью выработки четких позиций и решений в этой сфере. Правовая доктрина должна адаптироваться к стремительно меняющимся реалиям технологического прогресса.

Исходя из классической теории, для того чтобы являться субъектом правоотношений в Российской Федерации, ИИ должен соответствовать следующим требованиям: внешняя обособленность; персонификация; способность вырабатывать, выражать и осуществлять собственную волю; способность участвовать в правоотношениях в силу юридических норм[702].

Стоит согласиться с тем, что признание ИИ полноценным правовым субъектом может быть недопустимым и преждевременным на текущем этапе его развития. В настоящее время не существует даже универсального, общепринятого, законодательно закрепленного определения ИИ.

Проанализировав множество теоретических материалов и доктринальных источников относительно существующих проблем о правосубъектности искусственного интеллекта, можно заметить, что обозначенные вопросы по сей день не получили своего единообразного решения и рассматриваются в разнообразном ключе. Как в доктрине, так и у законодателя отсутствует единое понимание правосубъектности искусственного интеллекта.

Ключевым моментом здесь является избежание предположения о том, что включение ИИ в процесс совершения сделок в принципе делает их оспоримыми или даже недействительными. Подобная практика могла бы породить множество нежелательных последствий, подрывая устойчивость и надежность хозяйственных отношений, а также замедляя процесс цифровизации и автоматизации экономических операций. Таким образом, характеризуя правовую природу сделок, заключенных с использованием ИИ, необходимо четко определить, что использование технологий ИИ не должно автоматически влиять на юридическую силу сделки.

---

[702] *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юридическая литература, 1981. 359 с.

Законодательству следует учесть, что за каждым действием или операцией, выполненной с помощью искусственного интеллекта, стоит лицо, физическое или юридическое. Именно это лицо и должно отвечать за любые правовые последствия, связанные с действиями ИИ. Поэтому распределение ответственности между создателями и пользователями ИИ должно быть четко прописано в законодательстве, чтобы обеспечить защиту всех сторон и поддержать инновационное развитие.

Так, один из подходов заключается в возложении ответственности на владельца этого оборудования. Независимо от результатов его работы, все последствия лежат на лице, которому принадлежит или которое законно использует этот комплекс. Это напоминает римскую юридическую концепцию, где объекты и животные были под контролем их владельцев, что замечательно описал С. Ф. Афанасьев[703].

В его труде обсуждается интуитивно очевидный и кажущийся вполне логичным подход к вопросу антропоморфных коллективных сущностей и упрощенно представленных лиц: рабов, домочадцев и детей, включая тех, кто находится под властью (*filius in potestate tua est*). Однако такой подход часто игнорирует то обстоятельство, что результаты действий ИИ могут не коррелировать с волеизъявлением и активностью или пассивностью его владельца. Проблемы, возникающие в результате работы ИИ, могут проистекать не только из неправильного использования, но и из ошибок при его разработке, что вызывает сомнения относительно юридических механизмов, возлагающих ответственность на владельца.

Относительно работы программного кода требуется специальная компетенция для анализа, наличие которой у честного пользователя комплекса программ и оборудования не предполагается и не является его обязанностью. В случаях, когда неожиданные отрицательные итоги действий робота не могли быть предусмотрены добросовестным пользователем и он не мог на них повлиять, согласно второму подходу, предлагается перенести ответственность за ущерб на разработчика алгоритма, чье выполнение привело к таким последствиям[704].

В тех случаях, когда вина разработчика также не установлена, рассматривается возможность влияния третьей стороны, например, через модификацию ИИ или ввод неадекватных данных. В таких ситуациях ответственность предлагается перекладывать на действия этой третьей стороны. Это третий подход.

В обсуждении роли ответственности в контексте использования искусственного интеллекта В. А. Лаптев предлагает рассмотрение субсидиарной ответ-

---

703 *Афанасьев С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.

704 *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. 2019. № 2. С. 79–98.

ственности для создателя, владельца и пользователя ИИ[705]. Владелец, в частности, должен обосновать передачу ответственности другим участникам.

Таким образом, рассмотрение юридической ответственности при использовании ИИ в сделках требует детального анализа вопросов, связанных как с технологическими, так и с правовыми аспектами. Уже сейчас важно разрабатывать нормативные акты, которые бы регулировали вопросы ответственности при дефектах ИИ, ошибке алгоритмов или несанкционированном использовании данных.

Так, российское правительство предприняло шаги по созданию благоприятной среды для развития технологий блокчейна и ее аналогов. В 2020 г. российский парламент одобрил Федеральный закон № 259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который обеспечивает правовую основу для использования технологии блокчейн в финансовых операциях, включая использование смарт-контрактов.

С технической точки зрения смарт-контракт – «это автоматически исполняющийся процесс, в котором предусмотрены все возможные варианты развития событий и отсутствует возможность внесения изменений»[706]. Они существуют и реализуются в блокчейн-среде, то есть установленной последовательностью запрограммированных решений, которые претворяет в жизнь алгоритм, а не человек.

Легального определения смарт-контрактов в действующем законодательстве РФ не содержится. Наиболее известное в российской доктрине гражданского права определение смарт-контракта предложено А. И. Савельевым. Он предлагает понимать под смарт-контрактом «соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределенном реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»[707]. То есть смарт-контракт является новым видом и формой гражданско-правового договора со своим уникальным набором признаков.

В частности, особая форма и самоисполнимость условий договора, однако он все еще остается «соглашением сторон» – формой согласования воли договаривающихся субъектов. А форма в виде программного кода может пониматься как еще одна форма заключения договора, наряду с традиционными – устной, простой письменной (и как ее разновидность, электронный договор) и нотариальной формами закрепления условий сделки.

Гарантированность и точность исполнения – одно из ключевых свойств смарт-контракта, выделяющихся среди прочих черт. Умный договор, соглас-

---

[705] *Лаптев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. 2019. № 2. С. 89–102.

[706] *Кардонов А. В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними // Бизнес-образование в экономике знаний. 2018. № 1. С. 44–47. EDN: YNSARJ

[707] *Савельев А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60. EDN: WHFFCX

но словам Е. Д. Автоновой, объединяет волю и волеизъявление, что исключает трактовку намерений сторон с учетом цели договора. Этот аспект смарт-контрактов считается наиболее значимым для гражданского оборота.

Смарт-контракты обеспечивают автоматическое исполнение без участия человека, что исключает возможность неисполнения обязательства и устраняет необходимость в принуждении к исполнению. Это делает смарт-контракты эффективным способом обеспечения исполнения условий договора.

Пользователь, выражая свою волю через запрос на поставку товара на специальной платформе, запускает программный алгоритм, который быстро находит подходящее предложение и начинает исполнение обязательства. Это свойство обеспечивает безопасность сделки и делает гражданский оборот удобным для пользователей, минимизируя необходимость длительных проверок контрагентов и излишних согласований.

Упрощение гражданского оборота и ускорение его процессов – это ключевые факторы, способствующие расширению возможностей бизнеса и повышению доступности для широкого круга клиентов. Гарантированное наличие товаров в нужные сроки на потребительском рынке также будет обеспечено данными механизмами.

Таким образом, с учетом потенциала смарт-контракта к замещению традиционных договоров в области гражданского оборота, особенно в рамках реализации платформы цифрового рубля и искусственного интеллекта, его эффективность становится очевидной. Однако для широкого применения необходимо адекватное законодательное регулирование множества аспектов. В противном случае использование смарт-контрактов может привести к возникновению возможностей для злоупотреблений, особенно в финансовом секторе, что негативно скажется на стабильности гражданского оборота и, следовательно, на экономике.

Список использованной литературы

1. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 359 с.
2. *Афанасьев, С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта / С. Ф. Афанасьев// Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 12–31.
3. *Кардонов, А. В.* Сферы применения смарт-контрактов и риски при работе с ними / А. В. Кардонов // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 1. – С. 44–47. – EDN: YNSARJ
4. *Лаптев, В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В. А. Лаптев // Право. – 2019. – № 2. – С. 79–102.
5. *Савельев, А. И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60. – EDN: WHFFCX

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Анна Игоревна Миронова
студентка 3-го курса института права и управления
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Россия
novikova.anka2016@yandex.ru

Аннотация. Гражданско-правовое регулирование института персональных данных в России находится в состоянии динамичного развития, пытаясь адаптироваться к вызовам цифровой эпохи. Ключевые проблемы – определение юридической природы данных, разграничение законодательных актов, эффективность гражданско-правовых способов защиты и механизмов ответственности – требуют дальнейшего доктринального осмысления и законодательных решений. Совершенствование гражданского законодательства в этой сфере должно быть направлено на обеспечение баланса между защитой фундаментальных прав и свобод личности и потребностями развития цифровой экономики, создавая предсказуемые и справедливые правила для всех участников гражданского оборота.

Ключевые слова: персональные данные; Федеральный закон «О персональных данных»; защита персональных данных.

Институт персональных данных, являясь относительно молодым образованием в российской правовой системе, претерпевает постоянную эволюцию, обусловленную стремительным развитием цифровых технологий. Его регулирование находится на стыке публичного и частного права, что порождает ряд сложных и актуальных вопросов в гражданско-правовой доктрине и практике. Несмотря на то, что базовым нормативным актом выступает специализированный Федеральный закон «О персональных данных»[708] (далее – ФЗ «О персональных данных»), именно гражданско-правовые конструкции и принципы во многом определяют правовую сущность персональных данных, основания и пределы их использования, а также механизмы защиты нарушенных прав.

[708] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 33 (часть I). Ст. 3431.

Центральным вопросом является определение гражданско-правовой природы персональных данных. Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) относит информацию к самостоятельным объектам гражданских прав. В силу п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальные блага, к которым относится и право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Персональные данные, будучи информацией о человеке, тесно связаны с этими благами, что придает им двойственный характер. С одной стороны, они являются объектом информационных отношений, с другой – инструментом обеспечения и защиты фундаментальных личных неимущественных прав. Эта двойственность приводит к коллизии норм: если ГК РФ исходит из общего принципа свободы распространения информации, если она не является охраняемой законом тайной (ст. 2 ГК РФ), то ФЗ «О персональных данных» устанавливает презумпцию необходимости получения согласия субъекта на их обработку, за некоторыми исключениями. Таким образом, гражданское право создает общий фон, а специальное законодательство накладывает на него строгие ограничительные рамки[709].

Согласно п. 1 ст. 128 ГК РФ, информация является самостоятельным объектом гражданских прав, если федеральным законом установлена ее оборотоспособность. Закон о персональных данных устанавливает специальный режим оборота для данного вида информации. Однако важнейшей гражданско-правовой характеристикой информации, в том числе персональных данных, является то, что она, в соответствии с п. 1 ст. 128 ГК РФ, при соблюдении установленных условий может признаваться интеллектуальной собственностью (ст. 1225 ГК РФ), если она имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам и к ней нет свободного доступа на законном основании, а обладатель информации принимает разумные меры для охраны ее конфиденциальности, включая режим коммерческой тайны (ст. 1465 ГК РФ). Например, база данных клиентов, содержащая их персональные данные и профили потребностей, может быть защищена как составная часть ноу-хау компании при условии соблюдения всех требований закона.

Вместе с тем персональные данные обладают ярко выраженной неимущественной составляющей. Они неотделимы от личности их субъекта и являются своего рода «цифровым отражением» личности. В связи с этим правовой режим персональных данных тесно переплетается с режимом охраны нематериальных благ (гл. 8 ГК РФ), таких как неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна (ст. 150 ГК РФ). Таким образом, персональные данные занимают двойственное положение: с одной стороны, это информация как объект гражданского оборота, с другой – неотъемлемый элемент частной жизни личности, подлежащий особой охране.

---

709 *Разумовская Е. В.* Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025.С. 132.

Обработка персональных данных, понимаемая как любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с персональными данными, требует правового основания. С точки зрения гражданского права таким основанием чаще всего выступает сделка, порождающая гражданские права и обязанности.

Основным основанием обработки является согласие субъекта персональных данных. Это согласие, данное в любой позволяющей подтвердить его факт форме, представляет собой одностороннюю сделку (ст. 155 ГК РФ), направленную на возникновение у оператора права на обработку данных. Субъект своими действиями (заполнением формы, проставлением «галочки» на сайте) реализует свою гражданскую дееспособность, предоставляя оператору соответствующее правомочие. Требования к содержанию согласия, установленные ФЗ «О персональных данных», являются по своей сути требованиями к условиям действительности такой односторонней сделки – ее определенности и информированности волеизъявления.

Другим распространенным основанием является договор. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных», обработка допустима, если она необходима для исполнения договора, стороной которого либо выгодоприобретателем или поручителем по которому является субъект персональных данных. Например, при заключении договора купли-продажи (гл. 30 ГК РФ) онлайн продавцу необходимы данные покупателя (ФИО, адрес) для его исполнения. В этом случае обработка данных осуществляется в силу самого факта заключения договора и является его неотъемлемой частью. Аналогичным образом работает механизм в рамках договора оказания услуг (гл. 39 ГК РФ), трудового договора и иных соглашений.

Кроме того, к гражданско-правовым основаниям можно отнести случаи, когда обработка необходима для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта, если получение его согласия невозможно (п. 3 ч. 1 ст. 6 ФЗ «О персональных данных»). Такие действия могут квалифицироваться как действия в чужом интересе без поручения (гл. 50 ГК РФ), при условии соответствия их требованиям, установленным ст. 980 ГК РФ[710].

Нарушение требований к обработке и защите персональных данных влечет применение мер гражданско-правовой ответственности. Центральное место здесь занимает возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ).

Если неправомерное использование или утрата персональных данных причинили субъекту реальный имущественный вред (например, мошеннические операции с банковской картой вследствие утечки данных), он вправе требовать его возмещения в полном объеме по правилам ст. 15 ГК РФ. Бремя доказывания наличия убытков, их размера и причинной связи между действиями оператора и наступившими последствиями лежит на субъекте данных.

---

[710] *Рузанова В. Д.* Вопросы защиты прав гражданина как субъекта персональных данных: гражданско-правовой аспект // Российская цивилистика в XXI веке: традиции и современные вызовы : сборник статей. М., 2020. С. 62.

Отдельно следует выделить компенсацию морального вреда, которая является главным способом защиты нарушенных неимущественных прав и нематериальных благ субъекта. Распространение конфиденциальной информации, ее использование противозаконными способами причиняют субъекту физические и нравственные страдания. В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если действиями оператора нарушены нематериальные блага (ст. 150 ГК РФ) субъекта (неприкосновенность частной жизни, личная тайна), суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации такого вреда. При этом, в силу ст. 1099 ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда. Размер компенсации определяется судом в зависимости от характера причиненных страданий, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Вопрос о соотношении норм ГК РФ и ФЗ «О персональных данных» решается на основе общего принципа ст. 3 ГК РФ: гражданское законодательство состоит из Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов. Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ.

ФЗ «О персональных данных» является специальным (комплексным) законом, который развивает, детализирует и конкретизирует общие гражданско-правовые принципы и начала применительно к специфическому объекту – персональным данным. Он устанавливает более строгие процедурные требования, создает систему государственного контроля (в лице Роскомнадзора) и административной ответственности. Однако ядро правоотношения – взаимные права и обязанности оператора и субъекта – носит гражданско-правовой характер. Поэтому при разрешении споров о защите нарушенных прав субъектов суды применяют положения ФЗ «О персональных данных» в системной связи с нормами ГК РФ о сделках, обязательствах, ответственности и защите нематериальных благ[711].

Важнейшей проблемой является разграничение сфер применения ГК РФ и ФЗ «О персональных данных». На практике это проявляется в вопросах о том, когда отношения по обработке персональных данных носят гражданско-правовой характер. Например, обработка данных сотрудника в рамках трудовых отношений регулируется преимущественно трудовым правом с элементами публичного контроля. В то же время передача баз данных для маркетинговых рассылок по договору возмездного оказания услуг – это классическая гражданско-правовая сделка. Сложности возникают при квалификации действий, когда оператор, действуя в рамках договора (например, договора на оказание интернет-услуг), выходит за пределы согласия субъекта. В данном случае нарушаются не только нормы ФЗ «О персональных данных», но и условия гражданско-правового договора, что позволяет субъекту избирать способ защиты,

---

711 См.: *Савельев А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21, № 4. С. 104.

в том числе ссылаясь на нормы ГК РФ о нарушении договорных обязательств и о защите нематериальных благ.

Особую актуальность в эпоху цифровой экономики приобретает вопрос о правовом режиме больших данных и обезличенной информации. Согласно ст. 3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[712] обезличенная информация – это сведения, которые не позволяют определить субъекта персональных данных без использования дополнительной информации. Гражданский оборот обезличенных данных, которые зачастую являются результатом сложной аналитической обработки, представляет собой серую зону. Если персональные данные охраняются в силу их связи с личностью, то обезличенные данные, особенно агрегированные массивы, могут рассматриваться как самостоятельный объект права собственности или иного вещного права, что прямо не предусмотрено действующим ГК РФ. Оператор, осуществивший обезличивание, фактически создает новый информационный продукт.

Следующим проблемным блоком являются гражданско-правовые способы защиты прав субъектов персональных данных. Статья 12 ГК РФ содержит открытый перечень способов защиты гражданских прав. В контексте защиты персональных данных наиболее востребованными являются: признание права (например, права на доступ к своим персональным данным), пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (требование прекратить незаконную обработку). Ключевым инструментом материальной компенсации является компенсация морального вреда, предусмотренная ст. 151, 1099–1101 ГК РФ. Поскольку нарушения в области обработки персональных данных посягают на нематериальные блага, взыскание морального вреда является основным видом имущественной ответственности. Однако на практике возникают сложности с доказыванием самих страданий и их степени. Суды зачастую подходят к оценке размера компенсации формально, присуждая символические суммы, что не способствует реальной компенсации причиненного вреда и не выполняет превентивную функцию. Кроме того, остается дискуссионным вопрос о применении такого способа защиты, как возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ). Субъекту крайне сложно доказать размер реального ущерба и тем более упущенную выгоду в результате неправомерного использования его персональных данных, что делает этот институт малоприменимым на практике.

Таким образом, гражданско-правовое регулирование института персональных данных в России находится в состоянии динамичного развития, пытаясь адаптироваться к вызовам цифровой эпохи. Ключевые проблемы – определение юридической природы данных, разграничение законодательных актов, эффективность гражданско-правовых способов защиты и механизмов

---

[712] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 24 июня 2025 г.) // Российская газета. 2006. № 165. 29 июля.

ответственности – требуют дальнейшего доктринального осмысления и законодательных решений. Совершенствование гражданского законодательства в этой сфере должно быть направлено на обеспечение баланса между защитой фундаментальных прав и свобод личности и потребностями развития цифровой экономики, создавая предсказуемые и справедливые правила для всех участников гражданского оборота.

Список использованной литературы

1. *Разумовская, Е. В.* Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов / Е. В. Разумовская. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025.
2. *Рузанова, В. Д.* Вопросы защиты прав гражданина как субъекта персональных данных: гражданско-правовой аспект / В. Д. Рузанова // Российская цивилистика в XXI веке: традиции и современные вызовы : сборник статей. – Москва, 2020.
3. *Савельев, А. И.* Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота персональных данных / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2021. – Т. 21, № 4.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЗАЩИТА НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Александр Александрович Митрохин
студент 4-го курса Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
aleksmet08@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, влиянию искусственного интеллекта на осуществление личных неимущественных прав и защите нематериальных благ, нарушенных в результате внедрения технологий искусственного интеллекта. В статье анализируется возможность неправомерного использования искусственного интеллекта, которая приводит к нарушению имущественных и личных неимущественных прав граждан. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики предлагаются конкретные пути совершенствования правового регулирования использования искусственного интеллекта и ответственность за нарушение нематериальных благ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; правовое регулирование; авторское право; ответственность; нематериальные блага.

В настоящее время будущее человечества связано с использованием высоких технологий во всех сферах деятельности современного общества. Вопросы внедрения искусственного интеллекта в процессы обработки программ в различных организациях, связанных с взаимодействием с гражданами, являются сегодня самыми обсуждаемыми, порождают немало дискуссий, в том числе и по вопросу внедрения его в автоматизированные информационные системы.

Искусственный интеллект (от *Artificial Intelligence*) – это компьютерная система, способная выполнять задачи, свойственные человеческому интеллекту: распознавать речь, принимать решения, анализировать данные. В от-

личие от человека, искусственный интеллект не обладает сознанием, эмоциями или интуицией. Его составным элементом является нейросеть. Она работает по принципу нашего мозга и тоже состоит из нейронов, но только искусственных. Нейросети позволяют обрабатывать информацию, находить закономерности и выдавать результаты, основанные на анализе больших данных[713].

В наше время искусственный интеллект обладает огромным потенциалом и развивается быстрыми темпами. Первая версия искусственного интеллекта – *chat gpt* (чат-бот с генеративным искусственным интеллектом) при введении запроса могла отвечать лишь на базовые вопросы, а нейросеть *Sora* (модель искусственного интеллекта, предназначенная для генерации видео по короткому текстовому описанию), генерировала видеоматериалы с анатомически отклонениями.

На сегодняшний день можно наблюдать прогресс в сфере использования искусственного интеллекта. С каждым новым обновлением программа *chat gpt* способна отвечать на вопросы все более приближенно к человеческому мышлению, а нейросеть *Sora* создает высококачественные видео, которые моментами не отличить от реальности.

Вместе с тем развитие технологий искусственного интеллекта неминуемо сталкивается с проблемами его правомерного использования. В современных реалиях искусственный интеллект может быть использован не только для достижения какого-то положительного результата, но и в целях посягательства на материальные и нематериальные блага граждан.

Анализ применения технологий искусственного интеллекта свидетельствует о том, что зачастую их используют физические лица в целях завладения чужого имущества путем обмана или введения потерпевшего в заблуждение, иных противоправных целях. В связи с этим такие личные неимущественные права человека, как честь, достоинство, доброе имя, неприкосновенность частной жизни, право на изображение и другие нематериальные блага становятся факультативным, в определенных случаях прямым, объектом преступного противоправного посягательства.

Следует отметить, что в рамках настоящего исследования автором будет предпринята попытка рассмотреть именно гражданско-правовые последствия использования искусственного интеллекта.

Например, с помощью нейросети (программы) дипфейк *deepfake* (с англ.: технология синтеза изображения или голоса, основанная на искусственном интеллекте для создания фальшивых видео, изображений и аудиозаписей, в которых человек говорит или делает то, чего на самом деле никогда не происходило) преступники создают видео, на котором изображено лицо родственника или же используется изображение руководителя, находящегося с потерпевшим в отношениях власти-подчинения, фидуциарных, близких,

---

[713] См.: *Кутейников Д. Л., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А.* Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам. М. : Проспект, 2025. С. 13.

и просящего перевести срочно денежные средства на определенную карту или номер телефона.

Другим примером неправомерного использования технологий искусственного интеллекта является замена (искажение) голоса человека, также с помощью сгенерированного голоса предпринимаются попытки завладения чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием[714].

В рассмотренных выше случаях искусственный интеллект выступает инструментом совершения противоправного деяния – преступления, направленного против собственности. Однако в ряде случаев объектом посягательства могут выступать именно нематериальные права граждан.

Например, на созданном искусственным интеллектом видео изображен гражданин, который бьет котенка. Однако в действительности он этого не делал, но общество об этом знать не может, ведь видео, свидетельствующее об этом, качественно сгенерировано и неотличимо от реальности. В результате подобных действий нарушаются личные неимущественные права человека на доброе имя, честь и достоинство, право на изображение.

В связи с этим встает закономерный вопрос о субъекте ответственности за действия, совершенные с использованием технологий искусственного интеллекта, которыми нарушены личные неимущественные права граждан и способах их защиты.

Следует отметить, что действующее правовое регулирование использования искусственного интеллекта не содержит прямых норм, устанавливающих гражданско-правовую, административную или уголовную ответственность за вред, причиненный технологиями искусственного интеллекта.

Примечательно, что на сегодняшний день в ряде субъектов Российской Федерации проводятся эксперименты по внедрению технологий искусственного интеллекта[715]. Вместе с тем результаты данных экспериментов официально не представлены. Кроме того, упомянутые федеральные законы носят общий характер, вводят общие понятия и определения в сфере использования

---

[714] См.: На Алтае зарегистрирован первый случай мошенничества с помощью искусственного интеллекта // Вести Алтая : офиц. сайт. 26 сентября 2024. URL: https://vestialtai.ru/news/na-altae-zaregistrirovan-pervyy-sluchay-moshennichestva-s-pomoshchyu-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 15.10.2025).

[715] См.: О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. (часть I). Ст. 5017.

технологий искусственного интеллекта, направлены на стимулирование развития искусственного интеллекта в Российской Федерации и не устанавливают конкретных правил поведения в ситуации неправомерного использования результатов деятельности искусственного интеллекта.

Таким образом, возникает объективная необходимость в правовом регулировании использования искусственного интеллекта. Это необходимо для минимизации случаев злоупотребления технологиями искусственного интеллекта[716].

В первую очередь предлагается установить императивные нормы, закрепляющие обязанность лица, использующего технологии искусственного интеллекта, указывать о том, что данные результаты созданы с использованием искусственного интеллекта (нейросети). За отсутствие данного указания представляется целесообразным предусмотреть гражданско-правовую и административную ответственность в зависимости от общественной опасности противоправного деяния, совершенного с использованием технологий искусственного интеллекта.

В следующую очередь стоит признавать право на результат интеллектуальной деятельности за тем, кто с помощью нейросети воплотил свою идею. Такое лицо должно являться автором созданного результата искусственного интеллекта в силу статьи 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации[717] (далее – ГК РФ).

В рассматриваемой ситуации нейросеть не может претендовать на авторское право, так как она лишь программа-помощник, позволяющая воплотить идеи человека в видео или картинке, изображении, голосе (ином результате). Данный вывод подтверждается толкованием положений абз. 2 ст. 1228 ГК РФ. Таким образом, за видео, порочащее честь и достоинство гражданина, сгенерированное с помощью нейросети, будет нести ответственность автор данного видео.

Следует также обратить внимание на совершение мошеннических действий с использованием нейросетей. В частности, существуют приложения на базе нейросетей, в которые можно загрузить несколько голосовых фрагментов с использованием голоса любого гражданина, также описать его характер и в конечном итоге получить нейросеть, которая будет говорить голосом ваших близких, вести себя так же и выполнять все то, что вы захотите. С одной стороны, это может стать безобидным розыгрышем, а с другой – в руках злоумышленников это способ обмануть и неправомерно завладеть чужим имуществом.

В связи с этим представляется разумным в качестве квалифицирующего признака совершения преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного

---

[716] См.: Юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта и робототехники: доктринальные и нормативные проблемы / И. М. Япрынцев, Л. В. Иванова, С. С. Зенин, Н. А. Калашников [и др.]. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. С. 16.

[717] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. (часть I). Ст. 5496.

кодекса Российской Федерации «Мошенничество»[718], закрепить совершение данного преступления «с использованием технологий искусственного интеллекта».

Резюмируя изложенное выше, можно сделать вывод о том, что предложенные изменения законодательства призваны облегчить гражданам распознавание информации, созданной с помощью нейросетей и реальной информации, что, в свою очередь, минимизирует случаи введения в заблуждение, обмана, неправомерного использования в иных целях результатов деятельности искусственного интеллекта, таких как: видео, изображения, аудиозаписи и т.д.

Подобное законодательное регулирование рассматриваемого вопроса, предусматривающее наряду с закреплением права авторства за лицом, по запросу которого искусственным интеллектом создан определенный результат, установление ответственности, вплоть до уголовной, за неправомерное использование результата деятельности искусственного интеллекта приведет к правовой определенности и более ответственному отношению использования искусственного интеллекта.

Список использованной литературы

1. *Кутейников, Д. Л.* Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. – Москва : Проспект, 2025. – 130 с.
2. Юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта и робототехники: доктринальные и нормативные проблемы / И. М. Япрынцев, Л. В. Иванова, С. С. Зенин, Н. А. Калашников [и др.]. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – 116 с.

[718] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТОВ ПАТЕНТНОГО ПРАВА

Никита Владимирович Морозов
студент 2-го курса Института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
n_v_morozov@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена активным применением цифровых технологий во многих сферах жизнедеятельности человека, в частности, в структуре объектов патентного права. Цель работы в обосновании возможности охраноспособности объектов патентного права, созданных с помощью цифровых технологий. Проанализировано понятие цифровых технологий, их виды, а также проведен сравнительный анализ признаков и характерных черт некоторых видов цифровых технологий с изобретениями и полезными моделями. В результате пришли к выводу, что некоторые виды цифровых технологий могут быть запатентованы в качестве изобретений и полезных моделей.

Ключевые слова: цифровые технологии; патентное право; интеллектуальная собственность; изобретение; искусственный интеллект.

В настоящий момент происходит масштабная цифровизация различных сфер общества. Активное внедрение цифровых технологий и возникновение новых объектов цифровых технологий существенно меняют сферу интеллектуальной собственности, что порождает новые вызовы и комплексные задачи для правовой науки[719].

В законодательстве отсутствует легальное определение цифровых технологий, однако в п. 15 ст. 3 Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено понятие технологии, а именно:

---

[719] См.: *Болотаева О. С.* Влияние цифровых технологий на развитие права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2022. № 10 (214). С. 52.

совокупность научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг[720]. Понятие цифровых технологий закреплено в ч. 3.17 «ГОСТ Р 33.505-2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием», согласно которому цифровые технологии – это технологии, использующие электронно-вычислительную аппаратуру для записи кодовых импульсов в определенной последовательности и с определенной частотой[721].

Следовательно, цифровыми технологиями будут считаться методы, средства операции и процессы, необходимые для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства продукции, выполнения работ, оказания услуг, в оцифрованной (созданной посредством методов кодирования) среде.

По той причине, что патентное законодательство – одно из немногих – активно претерпевает изменения из-за большого развития цифровых технологий, а также открывает возможности для монетизации инноваций в сфере цифровых технологий, поднимается вопрос о соотношении объектов цифровых технологий и объектов патентного права[722].

На базе положений гл. 72 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[723] патентное право представлено тремя результатами интеллектуальной деятельности: изобретения, полезные модели и промышленные образцы. К изобретениям и полезным моделям относятся достижения в научно-технической сфере, а к промышленным образцам – достижения в сфере дизайна.

Анализируя понятия объектов патентного права и понятие цифровых технологий, можно прийти к заключению о схожести указанных терминов. Полагаем, что цифровые технологии не могут быть запатентованы

---

720 О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8533.

721 «ГОСТ Р 33.505-2003. Государственный стандарт Российской Федерации. Единый российский страховой фонд документации. Порядок создания страхового фонда документации, являющейся национальным научным, культурным и историческим наследием» (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 29 июля 2003 г. № 255-ст). М.: ИПК Издательство стандартов, 2003.

722 *Зубкова А. А., Пронин А. М., Рахаева В. В.* Эволюция патентного законодательства: от зарождения до современных вызовов // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 12 (81). С. 513.

723 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

в качестве промышленных образцов, так как в соответствии с п. 5 ст. 1352 ГК РФ не предоставляется правовая охрана в качестве промышленного образца решениям, все признаки которых обусловлены исключительно технической функцией изделия, что противоречит сущности цифровых технологий, которые направлены не на создание внешнего вида устройства. Отдельно стоит отметить, что изобретениями, а равно и полезными моделями, не могут являться научные теории и математические методы. По этой причине сами цифровые технологии не могут являться патентно-охраняемыми объектами, а конкретные объекты цифровых технологий, наоборот, могут.

Объекты цифровых технологий представлены различными видами и поименованы в российском законодательстве, в частности, согласно п. 5 Постановления Правительства РФ от 3 мая 2019 г. № 551 направлениями разработки и развития перспективных «сквозных» цифровых технологий являются: искусственный интеллект (далее – ИИ); системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; компоненты робототехники и сенсорика; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей[724].

Для выявления того, являются ли цифровые технологии объектами патентного права, необходимо рассмотреть некоторые виды вышеперечисленных цифровых технологий и соотнести их с изобретениями и полезными моделями.

Согласно п. 5 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[725], ИИ – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Можно констатировать, что любые технологии на основе ИИ с правовой точки зрения будут являться изобретениями, так как изобретения также являются техническими решениями, которые относятся к способу, в частности способу имитации когнитивных функций человека. Данное предположение подтверждается количеством запатентованных технологий на основе ИИ в качестве изобретений,

---

724 О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий : Постановление Правительства Российской Федерации от 3 мая 2019 г. № 551 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 19. Ст. 2307.

725 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

например, изобретение № 2804378[726], изобретение № 2840380[727], изобретение № 2837119[728] и прочее.

Технология виртуальной и дополненной реальности представляет собой цифровую технологию, которая позволяет дополнять окружение визуальной информацией. Согласно легальному определению, дополненная реальность – это технология внесения в поле человеческого восприятия виртуальной информации, которая воспринимается человеком как часть окружающего мира, а виртуальная реальность – это трехмерная среда, созданная с помощью компьютера, которая воссоздает физическое присутствие в точках виртуального мира и с которой пользователь может взаимодействовать[729]. На наш взгляд, для патентной охраны прикладной характер носит технология дополненной реальности.

Дополненная реальность представляет собой эффект восприятия, возникающий при взаимодействии человека с устройством, в реальном времени дополняющим физический мир цифровыми данными[730]. Полагаем, технологии, способствующие воспроизводить виртуальную информацию из дополненной реальности, будут являться цифровыми, по той причине, что подобная информация также создается посредством программирования и кодирования. Примером изобретения в виде технологии дополненной реальности является, например, изобретение № 2636676[731], согласно которому способ формирования элементов дополненной реальности заключается во взаимодействии объекта с графическим изображением и устройства с экраном, для воспроизведения изображений графическое изображение наносится на носитель, на который наводится устройство, снабженное экраном для вывода изображения и камерой.

---

[726] Изобретение № 2804378 «Система искусственного интеллекта и способ смешивания сырья при газификации». URL: https://onlinepatent.ru/patents/c/0002804378/ (дата обращения: 30.10.2025).

[727] Изобретение № 2840380 «Система и способ управления внешними устройствами, посредством человеко-машинного интерфейса». URL: https://onlinepatent.ru/patents/c/0002840380/ (дата обращения: 30.10.2025).

[728] Изобретение № 2837119 «Камера климатическая ускоренного старения с системой сбора и обработки данных на базе искусственного интеллекта». URL: https://onlinepatent.ru/patents/c/0002837119/ (дата обращения: 30.10.2025).

[729] Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий : Распоряжение Минпросвещения России от 18 мая 2020 г. № Р-44 // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

[730] *Рузакова О. А., Гринь Е. С.* Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 508.

[731] Изобретение № 2636676 «Способ формирования элементов дополненной реальности и графический носитель для его реализации». URL: https://onlinepatent.ru/patents/c/0002636676/ (дата обращения: 30.10.2025).

Технология дополненной реальности может быть запатентована также в качестве полезной модели, например, согласно полезной модели № 168332[732], полезная модель относится к устройствам, предназначенным для воздействия на виртуальные объекты, а именно на виртуальные объекты дополненной реальности, содержащие корпус, в котором размещены видеокамера, дисплей, микрофон, соединенные с вычислительным модулем, обрабатывающим данные.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что цифровые технологии могут быть запатентованы в качестве объектов патентного права, а именно изобретений и полезных моделей. Большое количество запатентованных объектов цифровых технологий демонстрирует перспективность правовой охраны цифровых технологий в качестве объектов патентного права. Полагаем, появление большого числа запатентованных объектов цифровых технологий станет стимулом дальнейшего развития законодательных основ признания правовой охраны цифровых технологий не только в сфере патентного права, но и в иных сферах интеллектуальной собственности.

Список использованной литературы

1. *Болотаева, О. С.* Влияние цифровых технологий на развитие права интеллектуальной собственности / О. С. Болотаева // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 10 (214). – С. 52–54.
2. *Рузакова, О. А.* Вопросы защиты интеллектуальной собственности в области технологий виртуальной и дополненной реальности (VR, AR) / О. А. Рузакова, Е. С. Гринь // Вестник Пермского университета. – Юридические науки. – 2020. – № 3. С. 502–523.
3. *Зубкова, А. А.* Эволюция патентного законодательства: от зарождения до современных вызовов / А. А. Зубкова, А. М. Пронин В. В., Рахаева // Вестник науки. – 2024. – Т. 2., № 12 (81). – С. 511–516.

732 Полезная модель № 168332 «Устройство для воздействия на виртуальные объекты дополненной реальности». URL: https://onlinepatent.ru/patents/c/0002636676/ (дата обращения: 30.10.2025).

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Мария Михайловна Москалец
студентка 5-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
mmm-lawyer@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам защиты товарных знаков в сфере электронной торговли. Рассматриваются проблемы распространения контрафактной продукции на маркетплейсах, ограничения ответственности онлайн-платформ перед потребителями, а также возможность применения технологий искусственного интеллекта для борьбы с выявленными нарушениями.

Ключевые слова: цифровая экономика; электронная торговля; товарный знак; контрафактная продукция; искусственный интеллект.

Современный этап развития экономики характеризуется активной цифровизацией всех сфер общественных отношений, особенно коммерческого оборота. Прежде всего наблюдается интенсивное развитие сектора розничной торговли. Согласно аналитическим данным, в 2024 г. объем российского рынка интернет-торговли увеличился на 37–43%, обеспечив приток около 11–11,3 трлн рублей, что составляет более 20% от общего объема сферы розничной купли-продажи страны. При этом 97% указанной суммы приходятся на покупки на различных товарных агрегаторах (*Wildberries*, *Ozon*, *Lamoda* и т.д.)[733].

Законодательство Российской Федерации не содержит легального понятия «маркетплейс», но преамбула Закона РФ «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) закрепляет, что участником соответствующих правоотношений является владелец товарного агрегатора – индивидуальный предприниматель или организация, являющиеся правообладателями онлайн-платформы, обеспечивающей взаимодействие продавцов и покупателей[734].

---

[733] Интернет-торговля в России 2024, 2025 в цифрах // Центр международной торговли. URL: https://wtcmoscow.ru/company/news/7133/ (дата обращения: 10.10.2025).

[734] О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I // Рос. газ. 1992. 7 апреля.

Маркетплейс не входит в торговую цепочку и не выполняет функцию продавца. Однако активное развитие электронной торговли сопровождается ростом числа нарушений прав на онлайн-платформах, которые выступают не просто посредниками, а ключевыми участниками коммерческих правоотношений. Особенно ярко рассматриваемые изменения отражаются на институте интеллектуальной собственности.

В современной экономике ключевым объектом правоотношений становится интеллектуальный капитал (базы данных, инновационная продукция и т.д.), позволяющий компаниям успешно конкурировать на рынке и приумножать доход[735]. Данная тенденция приводит к переосмыслению сущности права интеллектуальной собственности: если раньше оно обеспечивало контроль над физическим экземпляром, то теперь речь идет об управлении доступом и использованием информации. В докладе, подготовленном коллективом Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, подчеркивается, что в условиях цифровой экономики формируется модель коммерциализации интеллектуальных активов, основанная на данных, алгоритмах и брендах как ключевых драйверах стоимости компании[736].

Особое значение в этой системе приобретают такие средства индивидуализации товаров, как товарные знаки. Согласно ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), товарный знак представляет собой обозначение, предназначенное для индивидуализации товаров и услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей[737]. Основная функция товарных знаков заключается в том, чтобы позволить потребителю отличить продукцию или услуги одного производителя от аналогичных товаров и услуг других участников рынка. В условиях высокой конкуренции средства индивидуализации позволяют достичь известность товарного знака, обеспечить доверие к продавцу и помогают отличать оригинальный товар от поддельного.

Товарные агрегаторы обеспечивают свободный доступ потребителя к продукции различных брендов и масштабируют продажи, но одновременно с этим становятся средой, где нарушения прав интеллектуальной собственности происходят системно.

В первую очередь одной из наиболее важных проблем выступает распространение контрафактной продукции на маркетплейсах, превращающее интернет-магазины в «фабрики подделок». Научное исследование

---

735 См.: *Коржак В. А.* Эволюция понятия «интеллектуальный капитал» // Информационные процессы, системы и технологии. 2022. №. 1. С. 33.

736 Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и [др.]. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. С. 21–25.

737 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ // Рос. газ. 2006. 22 дек.

А. В. Сальниковой и Ю. А. Кудимовой показало, что на платформе *Wildberries* значительная часть продаваемых товаров использует товарные знаки известных брендов без разрешения правообладателей, например, недобросовестные продавцы используют обозначения, сходные до степени смешения с оригинальными брендами, чтобы обойти автоматические фильтры маркетплейса[738].

Известный российский инфлюэнсер Е. Конасова (*katyakonasova*) в своем блоге регулярно затрагивает проблемы черного рынка поддельных товаров, демонстрируя негативные последствия использования контрафактной продукции. Так, команда блогера выяснила, что продавцы на маркетплейсах могут предоставлять поддельные сертификаты и декларации при регистрации товаров, то есть осуществлять фальсификацию документов. Интернет-платформы не всегда могут проверить каждый товар на соответствие оригиналу, особенно при большом потоке продаж[739].

Ситуация усугубляется тем, что товарные агрегаторы получают прибыль от оборота этих товаров (например, через договор комиссии), а платформа обратной связи с правообладателями зачастую формальна. К тому же алгоритмы маркетплейсов не фильтруют схожие объявления, что приводит к повторной продаже контрафакта у других участников рынка[740].

Отдельную проблему представляет вопрос привлечения товарных агрегаторов к ответственности. В настоящее время законодательство ограничивает ответственность маркетплейсов лишь одним основанием. Согласно п. 2.1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, маркетплейс отвечает только за убытки, вызванные предоставлением недостоверной или неполной информации о товаре либо продавце, на основании которой был заключен договор купли-продажи. Все требования, связанные с качеством, сроками или возвратом товара, подлежат предъявлению непосредственно продавцу.

Важным шагом в правовом регулировании платформ электронной коммерции может стать Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающий в силу 1 октября 2026 г. Документ закрепляет ключевые понятия, принципы правоотношений в рассматриваемой области, устанавливает обязанности операторов по раскрытию информации и предусматривает создание государственного реестра платформ. Перечисленные меры способствуют повышению ответственности товарных агрегаторов и защите

---

738 См.: *Сальникова А. В., Кудимова Ю. А.* Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы // Вестник университета. 2021. № 2. С. 120–121.

739 Паленая косметика на Ozon и Wildberries: Расследование от Katya Konasova // Интернет-видеоплатформа «VK Видео». URL: https://vk.com/video359611146_456239?ysclid=mgnszo2kh492859 (дата обращения: 11.10.2025).

740 См.: *Абросимова Е. А.* К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2. С. 237–238.

прав потребителей. Однако вопрос о разграничении ответственности между платформой и продавцом остается открытым.

С недавнего времени в научной литературе появилось предложение усилить ответственность маркетплейсов. Доктор юридических наук Т. В. Дерюгина предлагает предусмотреть в договоре между продавцом и маркетплейсом условие о возможности привлечения последнего к субсидиарной ответственности в случае нарушения продавцом своих обязательств. Профессор Е. Д. Суворов также высказывает мнение о целесообразности установления субсидиарной и солидарной ответственности товарного агрегатора. По его мнению, именно маркетплейс обеспечивает условия для реализации товаров на своей площадке, а потребитель, доверяя ему, обоснованно исходит из того, что к торговле допущены проверенные владельцем агрегатора продавцы[741].

В завершение исследования отметим, что для повышения уровня защиты товарных знаков и брендов в пространстве электронной коммерции представляется необходимым закрепление обязанности товарных агрегаторов осуществлять предварительную проверку размещаемых товаров и продавцов на предмет законности использования средств индивидуализации. Одновременно с этим следует рассмотреть возможность создания единой государственной системы идентификации и мониторинга товарных знаков, интегрированной с цифровыми платформами.

Сведение роли товарных агрегаторов лишь к функции информационного посредника не отражает реального масштаба его деятельности. В связи с этим целесообразно рассматривать возможность расширения их ответственности перед покупателями, учитывая возрастающую роль маркетплейсов платформ в сфере электронной торговли. Кроме того, требуется нормативное закрепление обязанности товарных агрегаторов оперативно уничтожать контент, нарушающий исключительные права на товарные знаки.

В свою очередь, искусственный интеллект (ИИ) способен улучшить эффективность защиты товарных знаков на маркетплейсах. В перспективе возможно создание моделей ИИ, способных автоматически выявлять товары с поддельными средствами индивидуализации, анализируя изображения, описания и наименования товаров. Кроме того, системы на основе нейросетей могут отслеживать системные нарушения и формировать отчеты для правообладателей и онлайн-платформ, обеспечивая более оперативное реагирование на случаи недобросовестного использования товарных знаков.

---

741 См.: *Абросимова Е. А.* К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 2. С. 235.

Список использованной литературы

1. *Абросимова, Е. А.* К вопросу о договорной ответственности маркетплейсов / Е. А. Абросимова // Вестник Кемеровского государственного университета. – Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 231–240.
2. *Коржак, В. А.* Эволюция понятия «интеллектуальный капитал» / В. А. Коржак // Информационные процессы, системы и технологии. – 2022. – № 1. – С. 29–39.
3. *Сальникова, А. В.* Контрафакт в маркетплейс на примере «Вайлдберриз»: постановка проблемы / А. В. Сальникова, Ю. А. Кудимова // Вестник университета. – 2021. № 2. С. 117–123.
4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и [др.]. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. – 82 с.

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОЦЕСС КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ

Алена Олеговна Ножкина
студентка 4-го курса Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
11alain04@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается возможность внедрения искусственного интеллекта в гражданский оборот в целях наиболее эффективного осуществления сделок по купле-продаже жилых помещений. В статье анализируются перспективы использования искусственной нейронной сети по формированию единого документа о правовом состоянии жилого помещения. Дается оценка возможным проблемам при внедрении программы, работающей на основе искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; купля-продажа; жилые помещения; децентрализованные приложения.

В современном мире в условиях активной цифровизации различных сфер общественной жизни все большую роль приобретают технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ). ИИ помогает в автоматизированных процессах осуществлять анализ большого объема данных и выдавать конкретный результат на основе имеющейся информации. Следовательно, его применение активно приветствуется и, соответственно, внедряется в социальную и экономическую сферы общественной жизни.

В законодательстве Российской Федерации под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» (подп. «а» п. 5)[742]. Общественные отношения в области искусственного интеллекта ре-

[742] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

гулируются пока только «посредством публикации негосударственных актов рекомендательного характера («мягкое право»)»[743]. К числу таких актов относится, например, Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта.

В РФ ИИ еще не обладает юридическим статусом, позволяющим конкретизировать его либо как субъект, либо как объект гражданского права. В связи с этим в научной среде возникают споры, поскольку «формально он обладает искусственным сознанием, но не является живым существом»[744].

Мы придерживаемся мнения кандидата экономических наук И. В. Игнатьевой, которая считает, что в настоящее время в РФ ИИ «может использоваться как виртуальный помощник без возможностей принятия самостоятельных решений»[745]. ИИ не может являться самостоятельным субъектом права, поскольку обладание правами и обязанностями субъектами правоотношений предусматривает обязательное наличие ответственности за их несоблюдение или неисполнение. «Ответственность за все последствия работы систем искусственного интеллекта всегда несет физическое или юридическое лицо, признаваемое субъектом ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Искусственная нейронная сеть (далее – ИНС) является одним из методов, посредством которого реализуется применение ИИ. В рамках гражданского оборота применение ИИ будет наиболее эффективным в процессе купли-продажи жилых помещений. Мы предполагаем, что его можно использовать посредством внедрения на Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) (далее – «Госуслуги») ИНС «Моя жилплощадь», которая будет генерировать единый документ, содержащий необходимые сведения о юридическом состоянии жилого помещения, а также давать ответы пользователям на интересующие их вопросы по продаже жилых помещений.

Например, у пользователей могут возникнуть следующие вопросы: какие документы необходимы для оформления сделки? где их можно получить? какие необходимы документы, если я не являюсь единственным собственником? какие существенные условия договора купли-продажи жилых помещений? кто может сохранять право пользования жилым помещением? и другие.

В целях совершения юридически «чистой сделки» покупатель должен запросить, а продавец – предоставить следующие документы: выписку из единого государственного реестра недвижимости (об основных характеристиках и зарегистрированных правах на объект недвижимости; о переходе прав на объект недвижимости; об объекте недвижимости); справку по форме 9. Данный перечень составляет первую группу документов.

---

743 Там же.

744 *Игнатьева И. В.* Проблема правового регулирования искусственного интеллекта и его использование в сфере государственных услуг // Право и государство : электр. журн. 2025. Вып. 3. С. 149. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-ego-ispolzovanie-v-sfere-gosudarstvennyh-uslug/

745 Там же. С. 149.

Также возможно предоставление и других документов: доверенности; нотариально удостоверенного согласия супруга; разрешения органов опеки и попечительства; справки по форме 7; справки по форме 9 (архивная); справки по форме 12; справки об отсутствии задолженностей по оплате жилищно-коммунальных услуг и некоторых других. Этот перечень составляет уже вторую группу.

На первом этапе внедрения ИНС «Моя жилплощадь» мы предлагаем ее использование лишь в том случае, когда продавец является единственным собственником и самостоятельно выступает стороной в сделке – не через представителя. Это является важным в связи с тем, что данная программа может автоматически на «Госуслугах» «запросить» те сведения, которые относятся к первой группе, и сгенерировать единый документ.

В других же случаях потребуется «подгрузка» сведений, которые относятся ко второй группе документов. Следовательно, возникнет необходимость обучения ИНС проведению анализа достоверности предоставленной информации, на что потребуется значительное время и, возможно, изменения принципа составления некоторых официальных документов. Поэтому пока это является лишь перспективой.

Следовательно, разработка любых ИНС является очень сложным процессом как с технологической стороны, так и с правовой, финансовой точек зрения. Поэтому при внедрении ИНС «Моя жилплощадь» в гражданский оборот может возникнуть ряд следующих проблем.

С технической стороны возможны такие проблемы, как: адаптация программы под платформу «Госуслуги»; недостаток вычислительной мощности (например, при использовании ИНС одновременно многими пользователями), что может привести к генерированию документа с неверными данными либо к невозможности его формирования. Решение данных проблем, на наш взгляд, возможно путем тестирования в течение длительного промежутка времени «пилотной» версии ИНС «Моя жилплощадь».

Также существуют и другие проблемы, которые возникают уже в процессе создания ИНС. К ним, в частности, относятся и правовые аспекты. Во-первых, окончательное закрепление правового статуса ИИ, о чем мы говорили ранее. Во-вторых, разрабатываемая ИНС должна отвечать настоящим требованиям законодательства РФ об ИИ, что крайне сложно в условиях отсутствия единого правового режима для создания и использования ИИ. ИНС «Моя жилплощадь» также должна содержать в себе актуальную информацию из гражданского, жилищного, административного и других отраслей законодательства РФ о купле-продаже жилых помещений.

Для решения данных правовых проблем, на наш взгляд, необходимо разработать единый правовой режим для создания и использования ИИ. В процессе разработки, внедрения и дальнейшего функционировании ИНС должна также принимать участие команда профессиональных юристов. И в-третьих, в законодательстве РФ также должна быть закреплена возможность использования генерируемого ИНС документа при купле-продаже жилых помещений.

Тесно связаны с правовыми проблемами внедрения ИНС «Моя жилплощадь» проблемы финансирования данной разработки из государственного бюджета. Решение этой проблемы уже существует в настоящее время.

Федеральный проект «Искусственный интеллект» был утвержден в 2021 г. в целях реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490[746]. Одним из его направлений является поддержка разработчиков ИИ, в том числе финансовая.

Таким образом, ИНС «Моя жилплощадь» на первом этапе своего существования будет представлять собой «помощника» и уметь «читать» правоподтверждающие документы на жилую площадь гражданина, извлекать содержащуюся в них юридически значимую информацию и преобразовывать ее в единый документ, который гражданин-продавец в последующем будет использовать для осуществления сделки по купле-продаже жилого помещения. При этом в процессе создания и внедрения данной программы в гражданский оборот может возникнуть ряд технических, правовых, финансовых и других проблем, решение которых мы предложили ранее. ИНС «Моя жилплощадь», на наш взгляд, в будущем будет играть важную роль в совершении юридически «чистых сделок» по купле-продаже жилых помещений между гражданами, а также будет в их правовом просвещении.

Список использованной литературы

Игнатьева, И. В. Проблема правового регулирования искусственного интеллекта и его использование в сфере государственных услуг / И. В. Игнатьева // Право и государство : электр. журн. – 2025.– Вып. 3. – С. 146–150. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta-i-ego-ispolzovanie-v-sfere-gosudarstvennyh-uslug/

[746] Национальная стратегия // Национальный портал в сфере искусственного интеллекта: офиц. сайт. URL: https://ai.gov.ru/national-strategy/ (дата обращения: 19.10.2025).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Евгений Викторович Семенцов
студент 1-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sementsoveugene@yandex.ru

Аннотация. В данной работе была предпринята попытка анализа результатов деятельности искусственного интеллекта (ИИ) как возможного объекта правоотношений. Были рассмотрены следующие вопросы: являются ли созданные с помощью искусственного интеллекта работы произведениями искусства и какова при этом роль ИИ и, соответственно, кому принадлежат права на изображения, произведения и иные виды искусства, равно как и другие объекты, созданные с помощью нейросетей.

Ключевые слова: искусственный интеллект; гражданские правоотношения; интеллектуальная собственность; объекты права.

В процессе исследования технологий ИИ и расширения поля его применения в различных сферах жизнедеятельности закономерно возникают вопросы правового обеспечения и целенаправленного законодательного регулирования различных сторон его использования. Опираясь на научно разработанные категории ИИ и соответствующие официальные материалы по поводу определения понятия искусственного интеллекта, сформулированные в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490[747], ИИ – это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их (п. «а» ст. 5), что позволяет нам сделать вывод о том, что эта прорывная технологиче-

[747] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 11.10.2019 (дата обращения: 30.10.2025).

ская инновация подобна интеллектуальной творческой деятельности человека и имеет сегодня и будет иметь в будущем уникальное значение для человечества. Что, в свою очередь, актуализирует проблему правового обеспечения применения ИИ в отечественном законодательстве[748].

Анализируя широко ныне дискутируемую проблему искусственного интеллекта как возможного объекта права и, прежде всего, в системе гражданских правоотношений, следует обратиться к нормам гражданского законодательства, а именно к ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), в котором перечислены объекты гражданских прав. Так, в соответствии со ст. 128 ГК РФ, к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. То есть можно предположить, что под определение объекта гражданских прав подпадают различные устройства, содержащие в себе технологии искусственного интеллекта, например, пользующиеся популярностью различные роботы, самоуправляемые устройства в которых встроено соответствующее программное обеспечение (роботы в данном случае относятся к объектам вещного права)[749].

Однако искусственный интеллект способен выполнять и более сложные задачи, такие как: создание изображений и текстов, основываясь на заданных пользователем критериях, что обуславливает постановку вопроса о том, к чему относить такие результаты деятельности и под какой правовой режим они подпадают.

Можно предположить, что результаты такой деятельности являются «произведением искусства». Однако «искусство» – это сфера человеческой деятельности, которая охватывает творческую работу по созданию эстетически значимых объектов, способы их хранения и доведения до публики[750]. Некоторые считают, что результаты деятельности нейросетей нельзя относить к искусству, поскольку в них отсутствует «душа», так как весь процесс

---

748 О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 24.04.2020 (дата обращения: 30.10.2025).

749 В настоящее время в литературе можно встретить и мнение о необходимости отнесения роботов к субъектам (квазисубъектам) правоотношений и разного вида ответственности.

750 *Ромашко С. А.* Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru (дата обращения: 30.10.2025)

по созданию такого произведения реализуется искусственным интеллектом, а не человеком.

С другой стороны, искусственный интеллект выступает в качестве инструмента создания того или иного произведения, которым руководит и пользуется человек, в связи с чем полагаем, что продукты деятельности нейросети (сгенерированные изображения, тексты, музыка и др.) можно назвать произведениями искусства, которые, в свою очередь, могут выступать объектом сделок купли-продажи[751]. Представляется необходимым рассматривать такие результаты деятельности искусственного интеллекта в качестве объектов авторского права.

Согласно положениям ст. 1228 ГК РФ, авторство может принадлежать лицу, внесшему личный творческий вклад в результат интеллектуальной деятельности. Нельзя не согласиться с тем, что при создании некоего продукта (будь то изображение или музыка) с использованием искусственного интеллекта, основной вклад в этот процесс и его результат все же вносит человек, поскольку именно человек закладывает идею и определенные критерии, по которым должно быть создано то или иное произведение.

В пользовательских соглашениях наиболее популярных нейросетей содержатся положения о принадлежности созданных с помощью ИИ работ, согласно которым права на созданные работы принадлежат пользователю, но владельцы нейросетей имеют возможность использовать данные результаты деятельности искусственного интеллекта в своих целях, например, для улучшения качества работы самой нейросети.

Таким образом, определенные права на созданные произведения есть как у пользователя данных благ, так и у владельцев нейросети, которая была задействована в процессе их создания. Данный факт затрудняет возможность выявить права собственности[752] лица, создающего работы (произведения, услуги) с помощью искусственного интеллекта и, соответственно, заявить исключительные права на созданный результат (экономическое благо). Очевидно, что для разрешения споров, связанных с фактом авторского права на эти блага, необходимо будет уже в ближайшие годы корректировать текущие правовые нормы или же вводить новые, поскольку в российской правоприменительной практике единая позиция по этому вопросу отсутствует.

Однако в настоящее время в правовой практике встречаются прецеденты отнесения проектов, созданных с помощью искусственного интеллекта, к объектам авторского права. Наглядным примером является решение Арби-

---

[751] Так, например, в 2018 году в Великобритании впервые в истории была продана работа, созданная искусственным интеллектом – портрет Эдмонда де Белами. При этом в разработке принимали участие художники и ученые французской компании *Obvious*. По мнению Пьера Фотрелья – художника, принимавшего участие в создании портрета, сама картина являлась все же результатом рук людей, которые просто использовали искусственный интеллект как инструмент для ее создания.

[752] Права собственности в классификации А. Оноре (11 элементов).

тражного суда города Москва от 30 ноября 2023 г. по делу № А40-200471/2023. ООО «РЕФЕЙС ТЕХНОЛОДЖИС» обратилась к ООО «БИЗНЕС АНАЛИТИКИ» о вынесении компенсации за нарушение исключительного права на принадлежащий им видеоролик, созданный с помощью искусственного интеллекта, в частности, с помощью технологии *Deep-fake*. Несмотря на заявления ответчика о том, что данный материал создан с помощью нейросети и по этой причине должен быть доступен для свободного использования, суд удовлетворил требования истца, аргументировав это тем, что группа авторов, которая занималась съемкой данного видеоролика и написанием сценария для него, внесла личный творческий вклад.

Можно также рассмотреть правовые нормы Великобритании, благодаря которым уже решаются споры об определении авторства работ, созданных нейросетью. Так, согласно тексту Закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года[753], если литературное, драматическое, музыкальное или художественное произведение создано с помощью компьютерных технологий, то автором признается лицо, предпринявшее необходимые меры для создания данного произведения. Одним из примеров использования данной нормы является решение Верховного Суда Великобритании об отклонении ходатайства Стивена Талера о признании автором некоторых его изобретений саму нейросеть *DABUS*, кстати, созданную им самим. Судьи аргументировали свое решение тем, что, в соответствии с упомянутым выше законом, автором подобных работ может быть признан только человек. Органы законодательной власти нашей страны могли бы изучить данный нормативный акт и, возможно, на его основе разработать законопроекты, которые регулировали бы положение нейросетей в схожих спорах.

В качестве отдельного объекта гражданского права необходимо также рассмотреть нейросети как программный код, созданный человеком, который может участвовать в гражданском обороте в качестве результата искусственной деятельности разработчика. Вероятны ситуации, при которых создатель нейросети будет передавать право на пользование ею второму лицу. Примерами подобных взаимоотношений являются случаи, когда человек приобретает за определенную плату подписку на нейросеть и получает возможность пользоваться функциями, которых нет в свободном доступе. Очевидно, что с каждым годом спрос на системы искусственного интеллекта будет возрастать, что повлечет за собой усложнение взаимоотношений между покупателями (потребителями) и создателями нейросетей по поводу квантификации и передачи прав на пользование этими системами.

Подводя итог, следует отметить, что действующее российское законодательство имеет определенные пробелы, которые необходимо восполнять либо посредством корректировки уже существующих норм (например, посредством расширения диспозиции ст. 128 ГК РФ), либо посредством создания новых норм, поскольку активное внедрение искусственного интеллекта во мно-

---

[753] Copyright, Designs and Patents Act 1988.

гие сферы жизнедеятельности общества требует соответствующей реакции законодательных органов. Необходимо конкретно определить положение нейросетей в существующих и возникающих правоотношениях, а также четко указать, какие права будет иметь то или иное лицо на созданные с помощью ИИ блага. Надеемся, что разрабатываемая в настоящее время в научном комплексе, а также в системе законодательства Российской Федерации[754] проблема искусственного интеллекта позволит сформировать реальные институциональные основы его применения, в том числе и в гражданском обороте.

Список использованной литературы

1. *Балашова, А. И.* Правовой режим деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов / А. И. Балашова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – Сентябрь. – Вып. 3 (41). – С. 190–206.
2. *Королькова, Д. А.* Искусственный интеллект как объект гражданского права / Д. А. Королькова // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 151–155.
3. *Милюков, С. А.* Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта как объекты авторских и смежных прав / С. А. Милюков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – Март. – № 1 (47). – С. 63–73.
4. *Митюченко, Л. С.* Искусственный интеллект как объект интеллектуальных прав / Л. С. Митюченко, М. В Кузнецова // Экономика. Социология. Право. – 2024. – № 1(33). – С. 28–33.

[754] В Государственной Думе Российской Федерации в 2025 году была создана межфракционная рабочая группа по разработке законов о применении искусственного интеллекта.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Ани Самвеловна Степанян
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
anita1981@inbox.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что цифровые технологии настолько активно проникли в жизнь человека, что требуют к себе не только пристального внимания, но и необходимости контроля путем закрепления законодательных основ регулирования. Целью работы является проведение анализа перспектив и проблем применения цифровых технологий в семейном законодательстве для регулирования семейных споров и конфликтов. Проанализированы проблемы применения цифровых технологий в семейных правоотношениях, доктринальные подходы к ответственности лиц за последствия цифровых технологий. В результате мы пришли к выводу, что в качестве гибкого механизма защиты прав членов семей и решения семейно-правовых споров являются достижения ИИ, а Россия находится на стыке развития цифровых технологий в сфере семейного права и становления законодательства о применении этих технологий при разрешении семейно-правовых споров.

Ключевые слова: искусственный интеллект; семейные правоотношения; медиация; семейные споры; цифровые технологии.

В Российской Федерации 2024 год был объявлен Годом семьи[755], что говорит о неоспоримости факта, что семья, семейные отношения находятся под защитой государства и являются наиважнейшими ценностями. Не случайно в ч. 2

[755] См.: О проведении в Российской Федерации Года семьи : Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции РФ[756] гарантируются государственная поддержка семьи и материнства.

Граждане, вступая в семейные правоотношения, приобретают определенный гражданско-правовой статус. Цифровизация общественного устройства породила необходимость выработать принципиальные различия между человеком и роботом, человеческим творчеством и продуктом искусственного интеллекта (далее – ИИ). Активное использование цифровых технологий, включая ИИ, изменило традиционные подходы к регулированию семейных правоотношений[757].

На сегодняшний день ИИ активно используется во многих сферах деятельности с целью облегчения жизни при поиске информации, минимизации рисков и т.д., а также при решении сложных юридических споров и конфликтов. Опыт зарубежных стран по внедрению ИИ в некоторых семейных ситуациях демонстрирует его эффективность. В частности, в Соединенных Штатах Америки еще в 2020 г. было создано специальное комплексное приложение *CoParenter* на базе технологий ИИ, которое используется для решения семейных конфликтов и споров при разводе[758].

В России только в 2025 г. генеральный директор ООО «Экосистемные цифровые решения» А. Кузьмин в своем докладе «Нейросетевая медиация семейных отношений» 93-го заседания Круглого стола «Цифровая среда» Научной лаборатории «Цифровые технологии тарифного регулирования» Высшей школы менеджмента Российского университета им. Г. В. Плеханова раскрыл статистику современной семейной жизни (соотношение браков к разводам составляет 68%, свыше 30% разводов приходится на семьи в активном репродуктивном возрасте 30–40 лет, разбалансировка семейных отношений – спустя 5–9 лет совместной жизни) и в качестве главных причин разводов указал финансовые трудности и отсутствие взаимопонимания. В качестве решения обозначенных проблем А. Кузьмин предложил задействовать потенциал нейросетей и ИИ, способный анализировать коммуникации в семье, выявлять скрытую агрессию, прогнозировать вспышки конфликтов, а также помогать медиаторам подбирать наиболее эффективные стратегии разрешения противоречий[759].

---

[756] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

[757] Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. М. : Статут, 2022. 350 с.

[758] *Степанян А. С.* Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 26–29.

[759] Ученые из России представили ИИ-решения для укрепления семейных отношений // РБК Компании : сайт. URL: https://companies.rbc.ru/news/2mNWAVl7UV/uchenyie-iz-rossii-predstavili-ii-resheniya-dlya-ukrepleniya-semejnyih-otnoshenij/ (дата обращения: 11.11.2025).

ИИ обладает неизвестными людям способностями с огромным потенциалом. Однако нынешнее развитие ИИ порождает также множество проблем, которые требуют определенного контроля с целью избежать вреда, который может нанести ИИ при выходе из-под контроля[760].

Решения ИИ могут находиться в противоречии с базовыми правовыми и этическими ценностями, что может привести к нарушению прав граждан, соответственно, при принятии юридически значимых решений со стороны ИИ необходимо соблюдать следующие принципы: а) возможность передачи операций, совершаемых ИИ, в форме, понятной человеку, т.е. человек должен иметь доступ к изначальным данным, способам ее обработки, правовой квалификации и мотивам решения; б) возможность обжалования решений ИИ[761].

Опасения экспертов, занимающихся изучением правовых аспектов использования цифровых технологий, в частности ИИ в той или иной отрасли права, исходят не только из морально-этических соображений, но и из насущной проблемы вреда и негативного влияния ИИ. Об этом на МИЮФ-2025 указала Ю. С. Харитонова, отметив негативное влияние дипфейков и ИИ на юридические и семейные отношения, а также подчеркнув рост зависимости молодежи от чат-ботов и человекоподобных роботов. Она выразила сомнения относительно того, что технологии могут создавать идеализированные решения, что негативно скажется на семейных ценностях[762].

Согласно ст. 2 Семейного кодекса РФ[763], семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи. Личные неимущественные, как отмечают некоторые авторы[764], не поддаются правовому регулированию, поскольку регулируются нормами морали и нравственности, соответственно, ИИ, который по большей части приравнивается к роботу, не способен влиять на них и тем более регулировать. С этим спорить сложно, однако то же самое нельзя сказать об имущественных

---

760 *Guihot M., Matthew A., Suzor N.* Nudging robots: Innovative solutions to regulate artificial intelligence // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2017. 20 (2). P. 385–456. URL: https://eprints.qut.edu.au/109926/.

761 Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

762 На МИЮФ-2025 обсудили влияние искусственного интеллекта на юридические и семейные отношения // Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России» : сайт. URL: https://alrf.ru/news/na-miyuf-2025-obsudili-vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-yuridicheskie-i-semeynye-otnosheniya/ (дата обращения: 11.11.2025).

763 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

764 См., например, LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / Р. Н. Адельшин, Е. И. Андреева, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2023. 200 с.; *Антакольская М. В.* Семейное право : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2013. 431 с.

отношениях. С учетом того, что в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[765] ИИ сформулирован как комплекс технологических решений, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, то внедрение технологий ИИ в решение имущественного характера семейных правоотношений, особенно при разводе, разделе совместно нажитого имущества на будущее вполне реально и перспективно.

Таким образом, можно констатировать, что на сегодняшний день в России хоть и отсутствуют на законодательном уровне положения по допустимости применения цифровых технологий, ИИ, в частности в семейных правоотношениях, особенно при разрешении семейных конфликтов и споров, однако задан прямой курс на будущее в создании таких правовых механизмов, а также разработки российского аналога медиативного приложения, работающего на технологии ИИ, что значительно сократит будущие судебные тяжбы как минимум при разрешении имущественных споров.

Список использованной литературы

1. *Антакольская, М. В.* Семейное право : учебник / М. В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма; Инфра-М, 2013. – 431 с.
2. Пробелы в праве в условиях цифровизации : сборник научных трудов / Д. Р. Алимова, С. А. Афанасьева, Л. Т. Бакулина и др.; под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва : Инфотропик Медиа, 2022. – 472 с.
3. *Степанян, А. С.* Перспективы применения искусственного интеллекта в семейных правоотношениях: проблемы теории и практики / А. С. Степанян // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 3. – С. 26–29.
4. Физические лица как субъекты российского гражданского права : монография / А. С. Ворожевич, О. И. Гентовт, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова. – Москва : Статут, 2022. – 350 с.
5. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности : монография / Р. Н. Адельшин, Е. И. Андреева, Л. В. Андреева и др.; отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. – Москва : Проспект, 2023. – 200 с.
6. *Guihot M., Matthew A., Suzor N.* Nudging robots: Innovative solutions to regulate artificial intelligence // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2017. 20 (2). P. 385–456. URL: https://eprints.qut.edu.au/109926/.

---

[765] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

МЕДИЦИНСКИЕ ИЗДЕЛИЯ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

Андрей Александрович Ушаков
генеральный директор ООО «Медтэк»,
соискатель кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Ushakov@medtechcis.com

Аннотация. В статье проводится комплексное исследование правового режима медицинских изделий как объектов гражданского оборота. Автор анализирует легальное определение медицинского изделия, закрепленное в законодательстве, и рассматривает его основные характеристики. В работе рассматриваются ключевые признаки медицинских изделий, включая их материальную и нематериальную природу. Особое внимание уделяется вопросу отнесения программного обеспечения к медицинским изделиям, а также проблемам разграничения понятий «компьютерная программа», «программа для ЭВМ» и «программное обеспечение». Также рассматривается вопрос о разграничении медицинских изделий и составляющих его компонентов. В статье раскрываются критерии разграничения медицинских изделий и лекарственных средств, а также рассматриваются вопросы определения целевого назначения медицинских изделий. Автор предлагает совершенствование законодательства в части уточнения критериев отнесения продукции к медицинским изделиям.

Ключевые слова: медицинские изделия; программное обеспечение; правовой режим медицинских изделий; лекарственные средства; принадлежности медицинского изделия.

Развитие и распространение медицинских изделий требует исследования правового режима таких объектов и объяснения дифференциации контроля в зависимости от их видов.

Легальное определение медицинского изделия дано в ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан, согласно которой «медицинскими изделиями являются любые инструменты, аппараты, приборы, оборудование, материалы и прочие изделия, применяемые в медицинских целях отдельно или в сочетании между собой, а также вместе с другими принадлежностями, необходимы-

ми для применения указанных изделий по назначению, включая специальное программное обеспечение, и предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности, функциональное назначение которых не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека»[766].

Как видно, законодатель дает максимально широкое определение медицинского изделия, включая в него любые объекты, применяемые в медицинских целях, при этом имеющие различную функциональную направленность и форму выражения.

Если говорить о признаках медицинских изделий, закрепленных в ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан, то в нем сформулированы достаточно поверхностные признаки, которые требуют своего разъяснения и дальнейшего научного обоснования. Так, в качестве первого признака в законе говорится о том, что медицинскими изделиями фактически могут быть любые объекты и сочетание объектов, в том числе и программное обеспечение. Тем самым медицинские изделия не ограничиваются какими-то определенными вещами. Данный признак в целом не вызывает сложностей в правоприменительной практике. Как видно, в качестве медицинского изделия могут использоваться не только вещи, но и нематериальные объекты гражданских прав, такие как программное обеспечение.

Как видно, Закон использует категорию «программное обеспечение», вместе с тем необходимо понимать, что как таковое определение понятия «программное обеспечение» в отечественном законодательстве отсутствует. В ст. 1261 ГК РФ речь идет о программе для ЭВМ, которая понимается как представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения.

Само по себе понятие «программа для ЭВМ» подвергается справедливой критике, например, А. И. Савельев отмечает, что данный термин является архаичным и более характерным для уровня развития технологий XX века[767]. Автор предлагает отождествлять понятия «компьютерная программа» и «программа для ЭВМ».

---

[766] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Закон об основах охраны здоровья граждан).

[767] См.: *Савельев А. И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения. М. : Статут, 2024. 620 с.

Другие авторы также отождествляют понятия «компьютерная программа», «программное обеспечение», «программа для ЭВМ»[768]. При этом к компьютерной программе применяется тот же правовой режим охраны, что и к произведению литературы[769].

Как представляется, в данном случае следует согласиться с позицией авторов, отождествляющих данные понятия. При этом из легального определения можно заключить, что программа для ЭВМ – это (1) совокупность данных, (2) предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств, (3) преследующих цель в виде получения определенного результата.

Соответственно, к медицинским изделиям могут быть отнесены как непосредственно объекты материального мира (вещи), так и программное обеспечение. Как представляется, исходя из смысла ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан, имущественные права и иные объекты, которые не имеют материального выражения, не могут быть отнесены к медицинским изделиям. Единственным исключением, как уже было отмечено, являются программы для ЭВМ. Согласно ст. 1225 ГК РФ, программы для ЭВМ отнесены к результатам интеллектуальной деятельности. В юридической литературе в целом сформировался консенсус по вопросу отнесения программ для ЭВМ к объектам авторского права[770]. Но учитывая, что в силу п. 4 ст. 129 ГК РФ объекты интеллектуальных прав не являются объектами имущественного оборота, а объектом оборота рассматриваются исключительные права на программу для ЭВМ.

Однако, как представляется, в ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан речь идет именно о программе как совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ, поскольку именно их свойства позволяют решать определенные задачи, которые характерны для медицинских изделий. Отсюда можно сделать вывод, что требования, в том числе о регистрации медицинских изделий, применяются именно к программе как ее функционалу, поскольку именно за счет этих функций программа создает необходимый полезный эффект.

Несколько подробнее необходимо остановиться именно на составных частях медицинских изделий и их правовом режиме. Нельзя не отметить, что в правоприменительной практике возникает достаточно много споров, связанных с правовым режимом отдельных элементов, относящихся к медицин-

---

768 См.: *Ильина Е. А., Сарапкин И. Н.* К вопросу об авторстве разработчиков компьютерных программ, созданных по госзаказу, и основаниях возникновения исключительного права на такие программы // Цивилист. 2025. № 2. С. 24–28; *Кузьменков М. Ю.* Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 11. С. 73–82.

769 См., например: *Смирнов Д. А.* Проблемные аспекты определения программы для ЭВМ // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 73–81.

770 См.: *Новоселова Л. А.* Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1. С. 62–71.

ским изделиям. Например, суд рассматривал спор, в котором таможенный орган указал на необходимость отдельной регистрации элементов медицинского изделия. Правоприменитель пришел к выводу, что «дополнительного подтверждения целевого назначения указанные медицинские изделия в уполномоченном органе не требуют, как и не требуют отдельного регистрационного удостоверения составляющие принадлежности к медицинским изделиям вне зависимости от времени их ввоза (вместе с основным медицинским изделием или в отдельности от него)»[771]. В целом данный подход основывается на известном в цивилистике принципе единства судьбы главной вещи и принадлежности. С. А. Синицын подчеркивает, что «действие нормы-принципа единства правовой судьбы главной вещи и ее принадлежности в первую очередь ориентировано на интересы приобретателя вещи для полноправного обеспечения и защиты его интересов в сделке с продавцом»[772]. Данный принцип в целом вытекает из положений действующего законодательства. Так, ст. 135 ГК РФ прямо предусматривает, что вещь, предназначенная для обслуживания другой, главной, вещи и связанная с ней общим назначением (принадлежность), следует судьбе главной вещи, если договором не предусмотрено иное. Соответственно, при определении того, является ли вещь принадлежностью, нужно определять ее функциональное назначение. Если вещь имеет самостоятельное функциональное назначение, т.е. самостоятельно обладает потребительской ценностью, то она не может расцениваться как принадлежность медицинского изделия. Применительно к медицинскому изделию речь должна идти о том, что оно самостоятельно выполняет определенные функции медицинского характера без использования дополнительного оборудования.

Отечественная правоприменительная практика богата примерами споров об отнесении той или иной вещи к главной или принадлежности. Например, в одном из постановлений арбитражный суд отметил: «ограждения также относятся к принадлежностям главной вещи, предназначены для ее обслуживания (как устройство для защиты или предупреждения проникновения и т.п.) и сами по себе самостоятельными объектами гражданских прав не являются. Ограждение предназначено для определения границ земельного участка, создания пропускного режима и предотвращения несанкционированного доступа посторонних лиц к комплексу зданий, такое ограждение не имеет самостоятельного хозяйственного назначения, не является отдельным объектом гражданского оборота»[773].

Еще в одном споре, касающемся правовой природы принадлежностей медицинских изделий, сказано: «из содержания РУ следует, что товары отно-

---

[771] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22 января 2024 г. № Ф09-9097/23 по делу № А60-24245/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[772] *Синицын С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.

[773] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19 декабря 2022 г. № Ф07-15079/2022 по делу № А21-1426/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

сятся к медицинскому изделию «Набор инструментов хирургических механизированных для обработки костных тканей», состоящему из 54 товарных позиций. Таким образом, право на освобождение от уплаты НДС предоставлено в отношении всех указанных компонентов (54 товарных позиций), образующих зарегистрированное изделие медицинского назначения, и при этом не имеет правового значения, ввозятся указанные компоненты в совокупности или по отдельности, а также по количественным составляющим»[774].

В указанном постановлении также была сформулирована позиция относительно разграничения комплектующих деталей медицинского изделия и принадлежностей медицинского изделия. Потребность в разграничении обусловлена различным таможенным режимом, поскольку на медицинские изделия могут предоставляться определенные льготы.

Примечательно, что в данном постановлении отличие компонентов набора от комплектующих заключается в предназначенности для производства, т.е. комплектующие используются для изготовления изделия, а принадлежности входят в комплект.

В «ГОСТ Р 58454-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система разработки и постановки продукции на производство. Изделия медицинские. Термины и определения»[775] дается определение того, что рассматривается в качестве принадлежности медицинского изделия: «изделие, самостоятельно не являющееся медицинским изделием и используемое совместно с медицинским изделием, либо в его составе, для обеспечения предусмотренного применения, расширения функциональных характеристик медицинского изделия или объединения функций одного медицинского изделия с функциями другого медицинского изделия».

Приведенные примеры еще раз демонстрируют, что основным критерием при решении вопроса об отнесении вещи к самостоятельному объекту или принадлежности зависит от ее функционального назначения. То есть необходимо опираться на то, может ли вещь использоваться сама по ее назначению и иметь соответствующие потребительские свойства.

Таким образом, в качестве первого признака медицинского изделия можно назвать то, что оно является вещью или программой для ЭВМ, при этом медицинское изделие может представлять собой совокупность вещей, включая главную вещь и необходимые для ее функционирования и обслуживания принадлежности.

Второй признак касается функционального назначения соответствующего изделия, и данная характеристика в законе сформулирована достаточно

---

[774] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 июня 2024 г. № Ф05-10037/2024 по делу № А41-75996/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[775] ГОСТ Р 58454-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система разработки и постановки продукции на производство. Изделия медицинские. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 30 июля 2019 г. № 433-ст) // СПС «КонсультантПлюс».

противоречиво. Так, законодатель изначально говорит, что, с одной стороны, медицинские изделия применяются в медицинских целях, с другой стороны, далее говорится, что такие объекты предназначены производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, восстановления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма, предотвращения или прерывания беременности.

Противоречие заключается в том, что, с одной. стороны законодатель говорит об общей цели, которая заключается в использовании медицинских изделий, с другой стороны, повествует о том, что цель определяется самим производителем. Как представляется, определение характеристики изделия, ориентируясь только на декларацию производителя, выглядит достаточно спорным, поскольку возможность использования оборудования в вышеуказанных целях является объективной характеристикой, которая вытекает из самого характера технического устройства. Декларирование производителем того или иного назначения не может быть всеобъемлющим признаком, поскольку он может декларировать то предназначение, которое ему более удобно, в том числе с целью обхода установленных законом обязательных требований к медицинским изделиям. Как было отмечено Верховным Судом РФ, для признания устройства медицинским изделием необходимо установить факт возможности использования данного устройства в соответствующих лечебных процедурах. Иначе говоря, для того чтобы признать изделие медицинским, недостаточно обратиться к различным актам и указать в исковом заявлении на то, что объект поименован в Номенклатурной классификации медицинских изделий/порядках оказания медицинской помощи и т.д.[776]

Как видно, судебная практика демонстрирует своего рода отход от формальных предписаний закона, поскольку ориентируется не только на заявленное производителем предназначение, но и на объективные характеристики объекта. Например, в одном из постановлений Арбитражный Суд подчеркнул, что «заключением экспертизы установлено, что изделие, производителем которого является общество, не является медицинским изделием, ввиду отсутствия специфического назначения, содержащего медицинские аспекты применения»[777]. Данный пример также подтверждает вывод о том, что назначение является объективной характеристикой имущества, которая может быть определена экспертным путем.

Также представляется необходимым привести еще один пример, связанный с выявлением признаков медицинского изделия. Как указал суд, в результате проверки было выявлено, что гражданин оказывает медицинские услуги

---

[776] Определение ВС РФ от 22 июня 2015 г. № 310-КГ15-7241 по делу № А14-6984/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[777] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 8 ноября 2023 г. № Ф05-25990/2023 по делу № А40-223139/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

(дерматологический пилинг, пилинг-массаж, ультразвуковой пилинг, лазерная шлифовка кожи). Однако он использует для этих целей изделия, которые задекларированы производителем как немедицинские. Предпринимателем в материалы дела даже было представлено заключение экспертизы, которое подтверждало, что применяемое им изделие не относится к медицинским. Однако суд с его аргументами не согласился и указал, что указанные услуги должны осуществляться с помощью зарегистрированных медицинских изделий[778].

С учетом всех приведенных аргументов представляется необходимым внести уточнение в ст. 38 Закона об основах охраны здоровья граждан и установить, что предназначенность использования изделия для медицинских целей определяется не производителем, а исходя из объективных характеристик, т.е. технического и функционального назначения соответствующего изделия.

Третьим признаком, который фактически можно считать уточнением признака целевого назначения, является то, что функциональное назначение медицинского изделия не реализуется путем фармакологического, иммунологического, генетического или метаболического воздействия на организм человека.

Приведенный признак подчеркивает отличие медицинских изделий от лекарственных средств. Отметим, что, согласно ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»[779], под лекарственными средствами понимаются вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученные из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий.

Таким образом, медицинское изделие отличается от лекарственного средства отсутствием непосредственного воздействия вещества на организм, проявляющегося в проникновении в органы или ткани организма.

В контексте вопроса об определении признаков медицинского изделия важное значение имеет Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2018 г. № 25 «О Критериях отнесения продукции к медицинским изделиям в рамках Евразийского экономического союза»[780]. Дан-

---

[778] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 июня 2022 г. № Ф06-19474/2022 по делу № А06-6582/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

[779] Об обращении лекарственных средств : Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

[780] О Критериях отнесения продукции к медицинским изделиям в рамках Евразийского экономического союза : Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2018 г. № 25 // СПС «КонсультантПлюс».

ный акт также представляет интерес с точки зрения использования и применения зарубежного опыта в России.

Как сказано в п. 5 указанной рекомендации, назначение медицинского изделия является одним из основных критериев отнесения продукции к медицинским изделиям. Применение медицинского изделия должно предусматривать его медицинское предназначение. Такое медицинское предназначение должно быть единственным или основным. С таким подходом действительно следует согласиться, поскольку целевое предназначение следует рассматривать как основной признак. В указанных рекомендациях дается широкий перечень медицинских изделий в целях определения их правовой природы.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что медицинские изделия представляют собой вещи или программное обеспечение, предназначенные для использования в медицинских целях, но не предполагают непосредственного проникновения в органы и ткани человека.

Список использованной литературы

1. *Ильина, Е. А.* К вопросу об авторстве разработчиков компьютерных программ, созданных по госзаказу, и основаниях возникновения исключительного права на такие программы / Е. А. Ильина, И. Н. Сарапкин // Цивилист. – 2025. – № 2. – С. 24–28.
2. *Кузьменков, М. Ю.* Лицензионные соглашения, используемые при распространении программных пакетов машинного обучения / М. Ю. Кузьменков // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 11. – С. 73–82.
3. *Новоселова, Л. А.* Государственная регистрация программ для ЭВМ: модель будущего авторского права? / Л. А. Новоселова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 1. – С. 62–71.
4. *Савельев, А. И.* Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения / А. И. Савельев. – Москва : Статут, 2024. – 620 с.
5. *Синицын, С. А.* Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации / С. А. Синицын // Законодательство и экономика. – 2016. – № 11. – С. 7–17.
6. *Смирнов, Д. А.* Проблемные аспекты определения программы для ЭВМ / Д. А. Смирнов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2025. – № 4. – С. 73–81.

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Мария Романовна Халемендик
студентка 3-го курса Юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
khalemendik05@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в гражданский оборот Российской Федерации. Автор анализирует действующее законодательство, выявляя правовые пробелы и коллизии, связанные с заключением сделок с применением ИИ и распределением ответственности за причиненный вред. На основе анализа доктринальных источников и зарубежного опыта предлагаются конкретные пути совершенствования гражданско-правового регулирования, включая разработку концепции «электронного лица» и модификацию деликтных обязательств.

Ключевые слова: искусственный интеллект; гражданский оборот; правосубъектность; гражданско-правовая ответственность; предиктивный анализ; киберфизические системы.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта обусловило их признание в качестве одного из ключевых факторов глобальной конкурентоспособности и национальной безопасности. Россия, как и другие ведущие государства, столкнулась с необходимостью создания правовой среды для стимулирования развития, внедрения и использования ИИ. Фундаментальной проблемой на этом пути стало отсутствие устоявшегося, общепризнанного определения самого феномена ИИ, что является следствием его междисциплинарности и постоянной эволюции.

Закрепление термина «искусственный интеллект» в российском правовом поле прошло несколько этапов, отражающих эволюцию понимания его значимости государством.

Первый этап (2017–2019 гг.): стратегическое признание. На данном этапе понятие ИИ фигурировало преимущественно в программных и стратегиче-

ских документах. Ключевым из них стала Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[781], где ИИ был обозначен как одно из перспективных направлений. Более детально задачи были сформулированы в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года[782]. Однако в этих документах легальное определение ИИ отсутствовало, что создавало терминологическую неопределенность.

Второй этап (2020 г.): первая попытка легальной дефиниции. Принятие Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специальных регуляторных режимов в целях создания необходимых условий для развития искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[783] стало поворотным моментом. В ст. 2 данного закона впервые было дано определение искусственного интеллекта. Согласно ему, ИИ – это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая, но не ограниченное, самообучением и поиском решений без заранее заданного алгоритма) для получения результатов, сопоставимых, по крайней мере, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Это определение было достаточно широким и технологически нейтральным, что, с одной стороны, позволяло охватить разнообразные подходы к созданию ИИ, а с другой – порождало риск размытого толкования.

Третий этап (2021–2023 гг.): систематизация и унификация. Логическим продолжением стало принятие базового Федерального закона от 24 июня 2025 г.[784]

Цифровая трансформация экономики является одним из стратегических приоритетов развития Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта перестали быть объектом футуристических прогнозов и активно внедряются в различные сферы гражданского оборота: от заключения договоров с помощью чат-ботов до управления беспилотным транспортом и проведения сложного предиктивного анализа на финансовых рынках. Однако

---

781 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «КонсультантПлюс».

782 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // СПС «КонсультантПлюс».

783 О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

784 О создании многофункционального сервиса обмена информацией и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июня 2025 г. № 156-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

стремительное технологическое развитие опережает динамику правового регулирования. Действующий Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ)[785] и иное законодательство не содержат комплексных норм, адекватно регламентирующих статус ИИ и последствия его действий.

Целью настоящего исследования является выявление ключевых проблем правового регулирования отношений с участием ИИ и формулирование предложений по их разрешению. Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать возможность признания ИИ субъектом гражданских прав; исследовать проблемы заключения и действительности сделок с его участием; определить особенности распределения ответственности за вред, причиненный действиями ИИ.

Коренная проблема заключается в том, что традиционная дихотомия субъектов права – физические и юридические лица – не применима к ИИ в его современном понимании. Согласно ст. 2 ГК РФ, участниками регулируемых гражданским законодательством отношений являются граждане и юридические лица, а также Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования. ИИ не подпадает ни под одно из этих определений.

В научной литературе ведутся оживленные дискуссии о необходимости наделения сложных автономных систем особым статусом. Высказываются мнения как о полном отрицании правосубъектности ИИ, так и о создании новой, квазисубъектной конструкции – «электронного лица» (*digital person*). Последний подход нашел частичное отражение в зарубежном законодательстве, например, в Регламенте ЕС[786] об искусственном интеллекте (*Artificial Intelligence Act*), где вводится понятие провайдера ИИ.

В России первый шаг в этом направлении был сделан с принятием Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...» (так называемый закон о ПИИ). Однако данный акт имеет рамочный характер и не решает фундаментальных вопросов. Он рассматривает ИИ как объект правоотношений – технологию, но не как их участника.

Таким образом, на сегодняшний день ИИ в гражданском обороте выступает не как самостоятельный субъект, а как инструмент, используемый традиционными субъектами (физическими или юридическими лицами) для достижения своих целей. Это порождает ряд сложных вопросов при заключении сделок и наступлении ответственности.

---

785 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. С. 152.

786 Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 года, устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Акт об искусственном интеллекте) и вносящий изменения в отдельные законодательные акты Союза // Официальный журнал Европейского Союза. L. – 2024. – Vol. 2024/1689.

Одной из самых распространенных сфер применения ИИ является автоматизированное заключение договоров.

Ярким примером является работа чат-бота в онлайн-банке, который самостоятельно, без вмешательства оператора, предлагает и оформляет договор потребительского кредита клиенту. С точки зрения ст. 434 ГК РФ такая сделка считается совершенной в письменной форме путем обмена электронными документами.

Однако возникает вопрос о волеизъявлении. Согласно ст. 153 ГК РФ, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Чат-бот, действуя по заранее заданному алгоритму, не обладает собственной волей. Его действия являются реализацией воли его разработчика и (или) владельца (кредитной организации). Следовательно, сделку следует квалифицировать как совершенную от имени и за счет юридического лица, использующего автоматизированные средства.

Проблема усугубляется при использовании самообучающихся алгоритмов, которые могут принимать решения, не запрограммированные изначально разработчиком. Например, система алгоритмической торговли на бирже (так называемый торговый робот) может заключить сделку на основании выявленной им паттерн-зависимости, которая не была предсказана программистами. Анализируя вышесказанное, можно выделить следующие пути решения:

Во-первых, закрепление презумпции представительства. Внести дополнения в ст. 434 ГК РФ, прямо установив, что действия полностью автономной или автоматизированной системы, направленные на заключение сделки, считаются действиями лица, ее использующего, если иное не вытекает из существа отношений или прямо не указано в законе.

Во-вторых, введение «транспарентного алгоритма». Для сложных самообучающихся систем законодательно закрепить требование о ведении протокола, в котором фиксируются входные данные, параметры и логика, приведшие к конкретному действию (заключению сделки). Это позволит в случае спора установить, было ли действие результатом сбоя, внешнего вмешательства или работы алгоритма в рамках заданных параметров.

Наиболее остро проблема правового регулирования проявляется в сфере деликтных обязательств. Общее правило ст. 1064 ГК РФ гласит, что вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим. Но ИИ, как было установлено, не является субъектом права и не может быть причинителем вреда в юридическом смысле. Применение общих норм о деликтах приводит к необходимости искать вину человека: владельца, разработчика или оператора системы. Однако доказывание их вины может быть крайне затруднительно.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации не в полной мере адаптировано к вызовам, порождаемым активным использованием ИИ в гражданском обороте. Основные проблемы сосредоточены

в области определения правового статуса ИИ, действительности совершаемых с его участием сделок и распределения ответственности за причиненный вред.

В качестве основного вектора развития правового регулирования видится не наделение ИИ полной правосубъектностью, а создание гибкой системы, в которой риски, связанные с его использованием, будут справедливо распределены между разработчиками, владельцами (операторами) и пользователями. Закрепление презумпции представительства, введение «транспарентного алгоритма», установление презумпции ответственности владельца и внедрение обязательного страхования – могут составить основу для будущих комплексных законодательных изменений, которые обеспечат баланс между стимулированием технологических инноваций и защитой прав участников гражданского оборота.

Список использованной литературы

Василевская, Л. Ю. Искусственный интеллект и технологии искусственного интеллекта: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации / Л. Ю. Василевская // Хозяйство и право. – 2021. – № 11. – С. 3–19.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Ксения Витальевна Цуркану
студентка 3-го курса колледжа
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
21ksenia_curkanu@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена широким распространением «слабого» ИИ, чьи действия могут иметь вредоносные последствия. Именно в этом контексте возникает необходимость глубокого изучения существующих правовых подходов и разработки новых механизмов регулирования. В статье были проанализированы виды ИИ и субъекты ответственности за вред, причиненный ИИ, и предложены варианты минимизации его вреда. В результате мы пришли к выводу, что наиболее оптимальным вариантом на данном этапе развития ИИ представляется ответственный подход к его применению.

Ключевые слова: искусственный интеллект; виды искусственного интеллекта; юридическая ответственность; минимизация вреда от искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект – это свойство искусственных систем, имеющих в своей структуре базу знаний, механизм вывода решений и интеллектуальный интерфейс, выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека. Роль ИИ стремительно возрастает во всех сферах жизни: от медицины и логистики до финансов, образования и науки, производства, сельского хозяйства, бизнеса, и даже в творческих процессах, где нейросети генерируют контент, изображения, музыку и тексты[787]. Поисковые системы, голосовые помощники, чат-боты стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей, упрощая решение множества задач. Однако, наряду с очевидными преимуществами и облегчением рутинных процессов, стремительное расширение применения ИИ порождает серьезные

[787] *Померане А. Д.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 4 (16). С. 183.

опасения относительно потенциального вреда, который может быть нанесен человеку и обществу в целом. Одной из наиболее острых и актуальных проблем, возникающих в связи с широким распространением ИИ, является отсутствие правового регулирования ответственности за вред, причиненный его действиями.

Специалисты в области ИИ выделяют три основных вида: слабый искусственный интеллект (*Weak/Narrow AI*), который уже создан и способен превосходить человека в решении конкретных задач (например, программа *Deep Blue* в шахматах, системы Fraud Detector для борьбы с онлайн-мошенничеством). Сильный искусственный интеллект (*b/General AI*), который в теории способен мыслить, чувствовать, обучаться и осознавать себя подобно человеку (как в игре *Detroit: Become Human*, где роботы максимально приближены к людям, осознают собственное «я»). Аналогично, суперинтеллект (*Superintelligence*), превосходящий человеческий интеллект, относится к сфере научной фантастики[788]. Актуальность вопросов ответственности за вред, причиненный ИИ, обусловлена именно широким распространением и повышением сложности «слабого» ИИ, чьи действия, будучи основанными на алгоритмах, могут иметь непредвиденные и зачастую вредоносные последствия. Именно в этом контексте возникает необходимость глубокого изучения существующих правовых подходов и разработки новых механизмов регулирования.

При всем совершенствовании искусственного интеллекта, важно констатировать, что до разработки сильного искусственного интеллекта и суперинтеллекта, способных к самостоятельному принятию решений, нельзя говорить о том, что сами ИИ могут нести ответственность в полном смысле этого слова, поскольку они не являются субъектами права и не обладают правосубъектностью[789]. Следовательно, возникает насущная необходимость в определении субъектов, подлежащих ответственности за вред, явившийся результатом деятельности искусственного интеллекта.

Первая версия предполагает, что ответственным за вред, причиненный ИИ, следует считать разработчика данного искусственного интеллекта. Логика этой позиции заключается в том, что разработчик несет ответственность за ошибки, допущенные в процессе создания программы, что аналогично ответственности создателя двигателя, допустившего погрешность в расчетах, что привело к его неисправности. ИИ, несмотря на свою способность выполнять сложные функции, является проектом, запрограммированным на выполнение действий. Он не осознает последствий своих действий, а лишь обрабатывает большие объемы данных для выявления закономерностей и принятия

---

788 *Пушкарев С. В.* Проблемы правового регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Марийский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 47.

789 *Кирсанов А. Н., Костылева У. В.* Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта // Право и управление. XXI век. 2022. № 18 (4). С. 55.

решений или формирования прогнозов. Ошибки в алгоритмах или недочеты в обучении системы могут привести к причинению вреда, за который, по этой версии, должен отвечать именно разработчик.

Вторая версия возлагает ответственность за причиненный вред на лицо, фактически применившее искусственный интеллект для решения поставленных задач. Этот подход можно проиллюстрировать примером из юридической практики: федеральный судья Генри Уингейт из округа Миссисипи вынес судебное постановление, которое содержало в себе ссылки на несуществующие судебные дела и недостоверные цитаты из закона. Также судья ссылался на показания несуществующих свидетелей. Эксперты подтвердили, что документ содержит характерные для искусственного интеллекта формулировки и искажения сведений[790]. Аналогично зафиксированы случаи, когда юристы, используя ИИ в судебных разбирательствах, получали от него ссылки на несуществующие документы. В таких ситуациях ответственность за ошибки, совершенные ИИ, лежит на лицах, использующих его в своей профессиональной деятельности, подобно ответственности за использование любого другого инструмента.

Третья версия предлагает более радикальный подход: наделить наиболее продвинутые формы ИИ, принимающие решения самостоятельно и без вмешательства человека, особой правоспособностью, а также статусом «электронного лица», способного нести гражданско-правовую ответственность[791]. В случаях с административной и уголовной ответственностью такой подход неприемлем, так как для его реализации необходимо осознанное осуществление прав и выполнение обязанностей. Эти виды ответственности неразрывно связаны с психологией личности человека, с чувством вины и осознанием такой ответственности. Опять же, привлечение их самих к ответственности в рамках этих правовых отраслей возможно лишь после того, как в мире появятся усовершенствованные ИИ таких типов, как сильный искусственный интеллект и суперинтеллект[792]. Из этого можно сделать вывод, что привлечение искусственного интеллекта к ответственности пока что невозможно, так как признавать искусственный интеллект «электронным лицом» или наделять его определенными правами, обязанностями и ответственностью нецелесообразно. Следовательно, на текущем этапе привлечение к ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, возможно лишь к существующим субъектам права. Однако все три предложенные ранее версии – ответственность разработчика, пользователя или гипотетическое «электронное лицо» –

---

790 *Жаглина М. Е.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы // Вестник Московского университета МВД России.2022. № 2. С. 77.

791 *Гордиенко В. В., Глаголев Р. В.* Проблемы внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в современную правовую систему // Auditorium. 2020. № 1 (25). С. 34.

792 *Апостолова Н. Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 114.

сталкиваются с серьезными недочетами и пока неприменимы в полной мере. Ключевые проблемы заключаются в сложностях доказывания вины разработчика, идентификации ИИ как единственной причины вреда при использовании его пользователем, а также в отсутствии у ИИ правосубъектности для несения самостоятельной ответственности.

Как можно минимизировать объем проблем при определении субъекта ответственности за вред, причинный искусственным интеллектом?

Для этого можно разработать различные технические решения для устранения недочетов в деятельности ИИ. Например, для повышения безопасности и контроля за работой ИИ можно разработать специальные «прозрачные» алгоритмы, позволяющие отслеживать процесс принятия решений ИИ, что может служить неоспоримым доказательством при установлении вины или невиновности разработчика или пользователя, а также при идентификации источника ошибки.

Кроме того, целесообразно назначить ответственного специалиста, который будет осуществлять мониторинг работы ИИ, что позволит оперативно выявлять ошибки на ранних этапах, приостанавливать работу системы и переводить ее в режим ручного управления, что снизит вероятность причинения вреда и определит лицо, ответственное за контроль.

Внедрение методов верификации и валидации для проверки достоверности данных, используемых ИИ, и соответствия системы заданным требованиям, повысит надежность ИИ.

Еще одним вариантом предотвращения последствий деятельности ИИ является создание системы аварийного отключения, ее можно сделать как автоматизированной, например, специальный алгоритм, автоматически отключающий ИИ при обнаружении критических отклонений от заданных параметров, таких как превышение допустимого уровня риска или нарушение этических норм, так и неавтоматической, например, специальная команда, отправляемая оператором или другим ИИ, приводящая к безопасному завершению работы системы.

В заключение отметим: наиболее оптимальным вариантом на данном этапе развития ИИ представляется ответственный подход к его применению: доверять искусственному интеллекту лишь те функции и задачи, которые не представляют большой важности для человека, его безопасности и общественному порядку. Однако прогресс в этой области требует постоянного развития, и уже сейчас необходимо активно работать над разработкой как технических, так и юридических механизмов решения вопросов ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, с учетом потенциала, присущего каждому виду ИИ.

Список использованной литературы

1. *Апостолова, Н. Н.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / Н. Н. Апостолова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2021. – № 1. – С. 112–119.
2. *Гордиенко, В. В.* Проблемы внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в современную правовую систему / В. В. Гордиенко, Р. В. Глаголев // Auditorium. – 2020. – № 1 (25). – С. 32–38.
3. *Жаглина, М. Е.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: реальность и перспективы / М. Е. Жаглина // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 75–78.
4. *Кирсанов, А. Н.* Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта / А. Н. Кирсанов, У. В. Костылева // Право и управление. XXI век. – 2022. – № 18 (4). – С. 55–60.
5. *Померане, А. Д.* Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом / А. Д. Померане // Цивилистика: право и процесс. – 2021. – № 4 (16). – С. 181–188.
6. *Пушкарев, С. В.* Проблемы правового регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом / С. В. Пушкарев // Марийский юридический вестник. – 2022. – № 1 (37). – С. 46–48.

НЕЙРОСЕТИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Милена Александровна Шаханова
студентка 1-го курса Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
milena.shakhanova@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы правового регулирования нейросетей (ИИ) в сфере авторского права. На основании анализа научных статей, судебных практик стран СНГ и Азии делаются выводы о правовом статусе нейросетевых технологий, признании прав человека на результат деятельности ИИ, а также формируются предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом современных вызовов.

Ключевые слова: нейронные сети; искусственный интеллект; авторское право; объект и субъект правоотношений; признание права; охраноспособные результаты; программное обеспечение; защита авторского права.

Впервые понятие «нейронная сеть» было сформулировано и введено в обиход в 1943 году Уорреном Мак-Каллоком и Уолтером Питтсом. Ими была предложена модель нейросети на электрических схемах[793]. Тогда еще никто не задумывался о перспективах влияния такой технологии на правовое поле.

Сегодня технологии искусственных нейросетевых систем проникли почти в каждую сферу жизни, в том числе и в сферу творчества, объекты которого ранее принадлежали только субъектам-правообладателям. На повестке правового регулирования возникла проблема в сфере защиты авторского права.

Вопрос о том, как регулировать отношения, связанные с созданием, использованием и защитой произведений, частично или полностью созданных с помощью искусственных нейросетей, приобрел качество насущной проблемы.

Нейросеть представляет собой математическую модель, которая работает по принципу естественной нейронной сети человеческого мозга. Подобные

---

793 *Мак-Каллок У. С., Питтс В.* Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности // Автоматы / под ред. К. Э. Шеннона и Дж. Маккарти. М. : Изд-во иностр. лит., 1956. С. 363–384.

программы направлены на выполнение таких когнитивных функций, как решение поставленных поисковых, аналитических задач, выведение закономерностей и выводов[794].

Современные искусственные нейросети способны воспроизводить и компилировать произведения в сфере литературного, музыкального, изобразительного творчества.

Кроме того, благодаря машинному обучению нейросети уверенно демонстрируют результаты генерации изображений, текстов, музыкальных произведений, где основным условием полученного результата является объем требований к качествам, свойствам формируемого объекта посредством запроса пользователя (через «промпты»). В результате появляются объекты творчества с новыми (сгенерированными) признаками, позволяющими отличить полученное произведение от исходных.

Проблемы в части определения правообладателя объектами, в которых большая часть творческого процесса была делегирована алгоритму, породили дискуссии о рамках и правилах применения норм авторского права, в том числе и в отношении вопроса об учете роли человека в процессе генерации.

В правовом поле Российской Федерации определение искусственного интеллекта закреплено в Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

Так, в ст. 2 рассматриваемая технология определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»[795]

---

794 *Ксенофонтов В. В.* Нейронные сети // Проблемы науки. 2020. № 11 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neyronnye-seti-1 (дата обращения: 25.10.2025).

795 О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24 апреля 2020 г.№ 123-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Признание права на подобного рода контент, изобретенный нейросетью, закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации[796]. В частности, ст. 1257 автором произведения признает гражданина, творческим трудом которого оно создано.

Согласно этому положению, машинный алгоритм нейросетей не может быть рассмотрен в качестве автора, поскольку он не может ни реализовать творческий труд, ни быть гражданином.

Академик Т. Я. Хабриева в своей работе «Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта»[797] отмечает, что ИИ в некоторых случаях может быть идентифицирован как имущество (например, МКТУ называет ИИ как вид товара: «Роботы человекоподобные с искусственным интеллектом» (класс 09, базовый № 090778)12), а также как охраняемый результат интеллектуальной деятельности, хотя в будущем планируется оформление нейросетей как «электронного лица».

Однако есть и другое понимание. Так, в некоторых случаях нейросеть определяется как инструмент, посредством которого человек создает творческий результат, а не как самостоятельный субъект права.

Например, в Китае суд вынес прецедентное решение, защищающее авторские права на изображение, сгенерированное человеком в нейросети *Midjourney*. Две компании незаконно использовали это изображение, впоследствии истец обратился в суд, требуя признания своих прав и компенсации за неправомерное использование. После детального рассмотрения дела суд пришел к выводу, что созданное истцом изображение является оригинальным произведением. В своем решении Народный суд города Чаншу подчеркнул, что истец «продемонстрировал уникальный выбор и компоновку путем подсказок и уточнения деталей с помощью программного обеспечения для редактирования»[798].

Впрочем, как указывают авторы, «немалую долю в подобном решении сыграло пользовательское соглашение *Midjourney*, согласно которому пользователи являются единственными владельцами созданных ими произведений»[799]. Таким образом, судебная практика Китая признала, что ИИ необходимо рассматривать как инструмент (ПО для редактирования).

Этот принцип разделяет и Казахстан. Однако в законопроекте «Об искусственном интеллекте» возникло и новое дополнение в разъяснении принципов

---

[796] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[797] *Хабриева Т. Я.* Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 7. С. 609-622 . URL: https://heraldras.ru/s0869587324070015-1/?version_id=105815. DOI: 10.31857/S0869587324070015

[798] East China court rules that AI-generated image should have copyright protection // South China Morning Post URL: https://www.scmp.com/news/china/article/3302117/east-china-court-rules-ai-generated-image-should-have-copyright-protection

[799] Условия сервиса // midjourney.su. URL: https://midjourney.su/article/usloviya-servisa/

признания права на авторство: «если объект создается Искусственным Интеллектом без участия человека, он не может быть защищен авторским правом»[800]. По общему правилу, охрана результата творческого труда человека осуществляется при условии, если творческий вклад человека существенен (если он определяет идею, исходные данные, оценивает и редактирует итоговый продукт). Таким образом, при рассмотрении подобно рода судебных споров законодатель требует «уточнять процент работы непосредственно человека в генерации контента».

Анализ зарубежного и отечественного опыта по защите авторский прав в связи с применением технологии искусственных нейросетей позволяет прийти к выводу о том, что в нынешнем виде российское законодательство требует трансформации с учетом различных условий использования ИИ.

Из анализа судебных практик можно заметить, что вопрос о проценте участия человека в создании контента с помощью нейросетей остается открытым.

Первостепенно мы предлагаем ввести конкретное понятие «результат, созданный с использованием искусственного интеллекта (нейросетей)», который будет включать в себя как полностью, так и частично сгенерированные материалы. Право на такой результат должно принадлежать исключительно человеку, т.е. физическому лицу, задавшему «промт»: идею и определенные параметры.

Кроме того, предлагаем нормативно закрепить критерии «творческого участия человека», которые позволят отделять охраноспособные результаты от машинной генерации без человеческого вклада. В случаях, когда материал создан исключительно машинным трудом, мы предлагаем признать правообладателем организацию, обеспечившую работу нейросети. Однако материалы, охраняемые таким видом прав, должны быть свободны для использования для научных и образовательных целей.

Список использованной литературы

1. *Мак-Каллок, У. С.* Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности / У. С. Мак-Каллок, В. Питтс // Автоматы / под ред. К. Э. Шеннона и Дж. Маккарти. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1956. – С. 363–384
2. *Хабриева, Т. Я.* Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта / Хабриева Т. Я. / Вестник Российской академии наук. – 2024. – Т. 94, № 7. – С. 609–622. – URL: https://heraldras.ru/s0869587324070015-1/?version_id=105815. (дата обращения: 24.10.2025).

[800] В Казахстане не признают ИИ-контент объектом авторского права // bes.media. URL: https://bes.media/news/v-kazahstane-ne-priznayut-ii-kontent-obektom-avtorskogo-prava-2e765a/

Нравственные начала уголовного судопроизводства и криминалистики

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ В ЦИФРОВОМ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Павел Викторович Васин
заместитель начальника отдела экспертизы видео- и звукозаписей федерального бюджетного учреждения «Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации», аспирант кафедры судебной экспертологии ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Pavelvas2005@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется цифровая трансформация судебной экспертной деятельности на примере железнодорожно-транспортной экспертизы, описаны виды (классификация) цифровых следов, относящихся к железнодорожно-транспортной экспертизе и используемых следователем в качестве доказательств при расследовании происшествий на железнодорожном транспорте. Особое внимание уделено особенности сбора, обеспечивающего достоверность информации на протяжении всего судебного производства, некоторых цифровых следов.

Ключевые слова: железнодорожно-транспортная экспертиза; след; цифровой след; данные; сбор; информация.

В настоящее время, в эпоху стремительно развивающихся цифровых технологий, происходит автоматизация различных сфер жизнедеятельности, в числе прочего автоматизация затронула сферу железнодорожного транспорта. В связи с этим при проведении процессуальных действий следователю необходимо правильно и в полном объеме изымать и предоставлять информацию, содержащую следы преступления, в том числе цифровые следы, эксперту для проведения объективного, всестороннего и полного исследования[801].

[801] О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Здесь необходимо понять, что означает термин «цифровой след». В общем смысле слова: «Следы – это любые изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику. Единый источник происхождения обусловливает информационное единство следов: каждый след несет часть, а совокупность следов – всю информацию о преступлении и лицах, его совершивших»[802].

«Цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи»[803].

«Цифровой след – это любая криминалистически значимая компьютерная информация, т. е. сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»[804].

«Электронные цифровые следы представляют собой следы отражения совершения любых действий (включения, создания, открывания, активации, внесения изменений, удаления) в информационном пространстве информационно-технологических устройств, их систем и сетей»[805].

То есть, по мнению вышеуказанных авторов, цифровые следы можно отнести к материальным. Однако, как видим, у ученых нет единого мнения по определению (понятию) цифрового следа.

Автор предлагает следующую интерпретацию понятия цифрового следа: любая криминалистически значимая информация (имеющая отношение к конкретному уголовному делу), запечатленная на цифровое устройство, данные, содержащиеся в памяти цифрового устройства и сохраненные на носитель информации, т.е. цифровой след можно рассматривать в качестве доказательства в результате проведения следователем процессуальных действий.

К цифровым следам железнодорожно-транспортной экспертизы (далее – ЖДТЭ) можно отнести:

– данные, получаемые из автоматизированной системы управления железнодорожным транспортом (АСУЖТ), включающую в себя множество подсистем, обеспечивающих сбор и обработку информации, необходимой для оптимизации управления всей железнодорожной системой Российской Федерации;

---

802 Криминалистика : в 3 т. / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И. М. Лузгина. М. : Академия МВД России, 1995. Т.1 : История, общие и частные теории. 464 с.

803 Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / под ред. Е. Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. 256 с.

804 Цифровые следы преступлений : монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. М. : Проспект, 2021. 168 с.

805 *Смушкин А. Б.* Цифровизация криминалистической деятельности : учебное пособие / А.Б. Смушкин; под ред. В. Б. Вехова. М. : КНОРУС, 2024. С. 93.

– данные, зафиксированные с помощью электронного скоростемера локомотивного КПД-3П (заменившего аналоговый, который фиксировал на скоростемерную ленту при помощи писцов данные о скорости движения локомотива, на какой сигнал светофора проехал подвижной состав, направление движения поезда, давление в тормозной магистрали), который обеспечивает быстрый ввод и хранение информации, полученной от датчиков информации. Этот комплекс, предназначенный для сбора, измерения и регистрации параметров движения локомотивов и мотор-вагонного подвижного состава, записывает данные уже на кассету, т.е. на электронный носитель. Такой комплекс позволяет фиксировать дополнительные данные, такие как: дата поездки, номер поезда, табельный номер машиниста и др. В современных подвижных составах железнодорожного транспорта устанавливается более современное устройство – комплексное локомотивное устройство безопасности унифицированное (КЛУБ-У), которое имеет функции электронного скоростемера локомотивного (запись информации происходит также на кассету) и автоматической локомотивной сигнализации;

– данные, фиксируемые с помощью регистратора переговоров локомотивного универсального (РПЛ-У), так называемый черный ящик железнодорожного транспорта, который записывает переговоры, идущие по радиоканалу в кабине локомотива между локомотивной бригадой и поездным диспетчером, дежурным по станции, а также начальником пассажирского поезда;

– данные, получаемые от системы видеорегистрации, установленной как на локомотиве, так и внутри вагонов. Такие системы фиксируют в полном объеме обстоятельства железнодорожно-транспортного происшествия, которые будут составлять объективные данные;

– данные, которые были получены следователем при проведении процессуальных следственных действий, фиксируемые с помощью цифровой фото- и видеокамеры и отраженные в протоколах осмотра места происшествия и осмотра подвижного состава железнодорожного транспорта в виде фототаблицы и (или) файла с видеозаписью, фиксирующего ход осмотра;

– другие данные, записываемые на электронный носитель и имеющие доказательственное значение по уголовному делу.

Таким образом, в ЖДТЭ аналоговые следы, например, фиксируемые на фотопленку в виде негатива или фотоснимков, замещаются цифровыми, которые помимо самого фотоизображения или видеозаписи содержат еще и метаданные файла с фотоизображением или видеозаписью, которые могут содержать дополнительную информацию о координатах места съемки, дате съемки и дате изменения файла. В этом случае должна проводиться комплексная ЖДТЭ с привлечением экспертов в области компьютерной техники и видео- и звукозаписей.

Здесь стоит отметить, что от правильности сбора информации следователем зависит полнота проведенного исследования экспертом, а вместе с тем и доказательственная база при дальнейшем расследовании уголовного дела (так как заключение эксперта является одним из доказательств).

В связи с этим следует обратить внимание на то, что следователем при фиксации того или иного процессуального действия или при изъятии (сборе) информации, предоставляемых эксперту в качестве исходных данных, все должно быть проведено в полном объеме, исключающем сомнение в правильности сбора такой информации.

Например, при получении (изъятии) файла с фонограммой переговоров локомотивной бригады или файла с видеозаписью с видеорегистратора, расположенного на носителе информации (накопитель магнитных жестких дисков, флеш-накопитель, карта памяти, оптический диск), по мнению автора, необходимо фиксировать в протоколе обыска или выемки контрольную сумму[806] файла с фоно- или видеограммой, что в дальнейшем позволит избежать сомнений в достоверности файла с такой записью, предоставляемой эксперту для проведения исследования. Ведь файл, предоставляемый эксперту для исследования, может быть скопирован на другой носитель (здесь следует отметить, что при копировании файла с одного носителя на другой контрольная сумма не изменяется).

Также в качестве примера необходимо отметить, что в некоторых случаях, количество которых со временем увеличивается, к материалам уголовного дела следователи из-за нехватки времени или других причин приобщают в качестве доказательств видеозапись обстоятельств железнодорожно-транспортного происшествия, полученную путем съемки с экрана монитора (так называемую экранную копию)[807], на котором транслируется первичная запись оригинала файла. В данном случае рекомендуется изымать и приобщать к материалам дела только оригинал файла с видеозаписью, что в дальнейшем приведет не только к уменьшению сроков расследования, но и к увеличению достоверности собранной информации.

Приведенные примеры не означают, что дальнейшее исследование файла с звуко- и видеоданными непригодно для исследования, просто усложняет исследование эксперта, заставляя его применять частные экспертные методики, а следователя вынуждая ставить дополнительные вопросы, например, о том, имеются ли на видеофонограмме, содержащейся в предоставленном на исследование файле, признаки монтажа либо других изменений, внесенных во время записи или после ее окончания.

Говоря об особенностях исследования и сбора цифровых следов, обратим внимание на утверждение О. В. Тушканова: «очевидно, что дальнейшее развитие цифровых технологий предопределяет и необходимость дальнейшего изучения процессуалистами и криминалистами как самих электронных доказательств и вопросов доказывания, так и тактических

---

[806] Контрольная сумма (хеш-сумма, хеш, хеш-образ, хеш-код) – значение хеш-функции, которое записывается в шестнадцатеричном виде и позволяет идентифицировать объект исследования.

[807] Экранная копия – это видеограмма, полученная в результате экранного копирования (пересъемки).

особенностей работы по обнаружению, фиксации, изъятию и первичному исследованию»[808].

Таким образом, появление цифровых следов, обладающих более полными и информативными данными, во всех сферах судебно-экспертной деятельности, включая и ЖДТЭ, безусловно, приводит к более полным и достоверным выводам экспертов. Однако здесь не стоит забывать, что проведение экспертом качественного и полноценного исследования прежде всего зависит от полноты и правильности собирания и предоставления следователем исходных данных. Вместе с тем в связи появлением новых следов – цифровых – ЖДТЭ должна усовершенствовать имеющиеся и разрабатывать новые методики.

Список использованной литературы

1. *Власов, О. О.* Определение временных интервалов по видеограммам – экранным копиям / О. О. Власов, П. В. Васин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 91–101. https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-91-101.
2. Криминалистика : в 3 т. / под ред. Р. С. Белкина, В. Г. Коломацкого, И М. Лузгина. – Москва : Академия МВД России, 1995. – Т. 1: История, общие и частные теории. – С. 49.
3. *Смушкин, А. Б.* Цифровизация криминалистической деятельности : учебное пособие / А. Б. Смушкин; под ред. В. Б. Вехова. – Москва : КНОРУС, 2024. С. 93.
4. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности : монография / под ред. Е. Р. Россинской. – Москва : Проспект, 2022. – 256 с.
5. *Тушканова, О. В.* Уголовный процесс и криминалистика: соотношение предметной сферы / О. В. Тушканова // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы Научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.). – Москва : РГ-Пресс, 2019. – С. 220–225.
6. Цифровые следы преступлений : монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. Ю. Скобелин, Н. Н. Ильин; Следственный комитет Российской Федерации; Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – Москва : Проспект, 2021. – 168 с.

[808] *Тушканова О. В.* Уголовный процесс и криминалистика: соотношение предметной сферы // Современные проблемы цифровизации криминалистической и судебно-экспертной деятельности : материалы Научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, 5 апреля 2019 г.). М. : РГ-Пресс, 2019. С. 220–225.

ЛИЧНЫЙ БРЕНД ЮРИСТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Мурад Замирович Гаджиханов
студент 1-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
Prismatic1396@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется сущность и особенности, механизм формирования и роли личного бренда специалиста в современной правовой сфере. Исследуются онлайн-инструменты для создания профессионального образа (социальные сети, авторские блоги и т.д.).

Ключевые слова: юрист; личный бренд; личный бренд юриста; цифровизация; бренд.

Современные цифровые коммуникационные площадки существенно преобразовали сферу юриспруденции, а также связанные с ней процессы и механизмы функционирования в разных странах мира. Интернет-сервисы характеризуются мгновенной передачей информации, активным взаимодействием пользователей и массовой доступностью, притом практически бесплатно и без особых технических компетенций. По этой причине юристы начали интенсивно включать социальные сети в повседневную деятельность по передаче актуальной правовой информации и новостных сообщений. Это привело к стремительным изменениям профессиональных практик в юридическом сообществе и медиа-пространстве[809].

Словосочетание «личный бренд» в последние годы действительно на слуху. Но не все точно знают, что это значит. «Личный бренд – это то, что человек говорит о себе людям и какой имидж себе создает, как осознанно, так и неосознанно» – говорит Артем Абдукахаров, директор коммуникационного агентства *Progress*. По его мнению, это не просто яркая визитка или привлекательное резюме, это комплексный подход к формированию образа, репутации и ценностей, которые человек транслирует в мир. Это своего рода марка личности, которая отличает ее от других и создает уникальную ценность. Однако стоит отметить и то, что многие юристы придерживаются консервативных взглядов на личный бренд. В их числе основатель адвокатского бюро «Корель-

[809] См.: *Шевченко Д. А.* Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // Практический маркетинг. 2023. № 10 (272). С. 29–37.

ский, Ищук, Астафьев и партнеры» Андрей Корельский: «Лично для меня нет никакого личного бренда. Главное – репутация человека, кого можно назвать порядочным, кому доверяешь, как профессионалу своего дела, или кто может служить интеллектуальным и/или нравственным ориентиром». Он убежден: главное – чтобы за красивой оберткой было содержание, а известность не всегда важна, ведь ее обесценивают множество раскрученных посредственностей, которые ничего из себя не представляют как профессионалы, но следуют принципу «казаться успешным важнее, чем им быть». Корельский считает, что в юридическом мире есть свои звезды, а есть непризнанные герои, у которых нет социальных сетей, и это не мешает им добиваться результатов.

В юридическом сообществе принято считать, что большинство клиентов приходят к хорошему юристу только благодаря рекомендациям. Мы полностью согласны с этим мнением. Однако дело в том, что конкуренция на рынке юридических услуг растет не просто с каждым годом, а практически с каждым месяцем.

Часто приходится слышать аргумент, что лучший инструмент продаж – «сарафанное радио», и клиенты хорошего специалиста передают, что называется, «из рук в руки». Это верно до тех пор, пока юрист не захочет выйти в смежные отрасли или сменить место, или просто активно привлекать новых клиентов, а не ждать, пока его порекомендуют бывшие заказчики. Поэтому можно однозначно утверждать: юрист, работающий на свой бренд, со временем получит больше клиентов, хороших предложений о работе, о партнерстве. В современном мире, где количество юристов, выпускаемых университетами, растет год от года, клиентам становится все сложнее найти действительно хорошего специалиста для решения своих проблем. Персональный бренд помогает привлечь клиентов, которые готовы платить больше – за имя, репутацию и экспертность. Следовательно, затраты на поиск покупателей уменьшаются, а средний чек увеличивается, что особенно важно в сферах с высокой конкуренцией[810].

Важность развития личного бренда в обозримом будущем коснется всех профессионалов, естественно, и в сфере юриспруденции. Со студенческой скамьи будущий юрист должен побеспокоиться о своем будущем, о своих отличительных особенностях и о том, что будет определять его конкурентоспособную индивидуальность как юриста. Но, к огромному сожалению, будущих юристов не учат на юридических факультетах тому, как построить личный бренд, вести собственную практику и продвигать свою карьеру. Времена, когда многие юристы откровенно смеялись над призывами «проявляться» и «быть на виду» прошли. Те юристы, которые ничего не делают для личного бренда, должны понимать, что отдают создание своей репутации на откуп внешним источникам информации.

Рассмотрим на примере юридической компании «Правовая лаборатория гражданского арбитражного судопроизводства», в которой студенты нашего

---

[810] См.: *Ахмадеева А. Н.* Личный бренд как инструмент продвижения юриста // Традиции и новации в системе современного российского права. М. : Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 320.

вуза с относительно недавнего времени стали проходить практику, в том числе под руководством нашего научного руководителя. Одним из важнейших аспектов создания бренда является визуальная идентичность. Логотип «Правовой лаборатории» сочетает в себе элементы, символизирующие как современность, так и традиции юридической практики. Цветовая палитра, шрифты и графические элементы создают определенное настроение и ассоциируются с надежностью и профессионализмом.

«Правовая лаборатория» собирает в своей команде экспертов в различных областях права, что позволяет им предлагать клиентам не только широкий спектр услуг, но и глубокую экспертизу в каждой конкретной области. Члены организации активно публикуют интересные статьи, проводят вебинары и участвуют в конференциях, что помогает им укрепить свой имидж как экспертов в области гражданского арбитражного судопроизводства. «Правовая лаборатория» использует различные платформы для продвижения своих услуг: от сайта до социальных сетей, где публикуются полезные юридические советы, актуальные новости и результаты работы компании. Это создает не только атмосферу доступности, но и подтверждает экспертный статус фирмы.

Сегодня юристы активно прокачивают свой бренд с помощью телеграм-каналов. Там они комментируют законы и новости, делятся казусами, яркими кейсами и своими рекомендациями. Отдельно можем выделить телеграмм-каналы по вовлеченности аудитории и отметить тех, кто создает самый просматриваемый юридический контент в 2024 году: Ярдрей – юридический канал (147 993 подписчиков); Адвокат Жорин (61391 подписчиков); Олеся Бухтоярова «*Bezdelka*» (26 373 подписчиков); Марат Самитов «Налоги, законы и бизнес» (65 160 подписчиков) и т.д.

Важно быть постоянно активным в публичном пространстве, чтобы удерживать и наращивать внимание целевой аудитории. Главное правило при ведении социальных сетей для формирования устойчивого бренда – не пропадать из поля зрения своих читателей. Можно и самостоятельно, но юристам часто не хватает для этого системности, последовательности, и, конечно, времени. Главное – избегать горе-коучей и дилетантов, у которых одни шаблонные инструменты, минимум индивидуального подхода и все поставлено на поток. В некоторых юридических компаниях есть штатный пиар-специалист, например, в коллегии «Князев и партнеры».

Список использованной литературы

1. *Ахмадеева, А. Н.* Личный бренд как инструмент продвижения юриста / А. Н. Ахмадеева // Традиции и новации в системе современного российского права. – Москва : Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 320.
2. *Шевченко. Д. А.* Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. – 2023. – № 10 (272). – С. 29–37.

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Анна Александровна Жувага,
Роман Викторович Олейник
студенты 3-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
annazuvaga@gmail.com
romanol2004@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются факторы и обстоятельства, способствующие и препятствующие отправлению правосудия в уголовном процессе, основанном на нравственной роли суда. Отмечается, что нравственная роль суда оказывает значимое влияние на установление истины по делу. Рассмотрены взаимосвязь активной и пассивной судебных моделей с ролью суда по осуществлению правосудия.

Ключевые слова: нравственность; мораль; суд; правосудие; обвинительный уклон; активная модель суда; уголовный процесс.

Нравственная роль суда в уголовном процессе является важной составляющей обеспечения справедливости в правосудии. Она включает в себя такие аспекты, как этическое поведение судей, соблюдение прав участников процесса и непредвзятость, а также стремление к установлению объективной истины. В XXI веке обеспечение справедливости в суде и роль правосудия становятся наиболее проблемными, так как правоотношения вступают в новую эру, отличительным признаком которой является цифровизация права.

Роль суда в обеспечении морально-нравственного баланса судебной деятельности актуальна по причине того, что «именно в результате осуществления процессуальной деятельности участниками уголовного судопроизводства возможны наиболее существенные ограничения прав и свобод»[811]. Ряд исследователей указывает на то, что органы, участвующие на всех стадиях уголовного производства, несут крайне серьезную ответственность за свои решения,

---

811 *Бережко Е. В.* Роль нравственных начал в уголовном судопроизводстве на современном этапе развития российского законодательства // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 22–27.

так как «наделены властными полномочиями и... применяют в отношении граждан процессуальное принуждение»[812].

С точки зрения возложенных на него обязанностей судья с момента назначения на должность находится в зоне особых требований, о чем он постоянно должен помнить. Судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи и поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия[813].

В своей деятельности суд неизбежно опирается на фундаментальное понятие такой категории, как нравственность. Нравственность – это совокупность принципов и ценностей, которые помогают человеку различать добро и зло, определять правильное и неправильное в поведении, а также руководить своими поступками в обществе в соответствии с внутренним чувством ответственности и совести.

Н. Н. Сенякин относит к числу основополагающих категорий и принципов нравственно-этического характера, на которых базируется деятельность суда по уголовным делам, прежде всего независимость судебной власти и суда, беспристрастность, состязательность, справедливость, гуманизм, уважение чести и достоинства человека и гражданина, презумпцию невиновности, неприкосновенность личности, жилища, тайну частной жизни, долг и совесть. Субъективное осознание судьей указанных категорий и принципов позволяет ему правильно определять свое поведение при отправлении правосудия, осуществлять нравственный самоконтроль и самооценку того, что его поведение соответствует нормам нравственности[814].

Проблема активности или пассивности суда в состязательном уголовном процессе – одна из узловых проблем обеспечения морально-нравственного баланса правосудия. А. А. Котлярова отмечает, что активная роль суда необходима для оказания помощи подвластному субъекту в спорах с субъектом публичной власти, при этом суд не устанавливает «объективные обстоятельства так, как они имели место на самом деле»[815]. В теории активная модель суда предполагает, что судья имеет право самостоятельно собирать доказательства, истребовать материалы, назначать экспертизы и активно участвовать в расследовании истины дела.

---

812 *Гусъкова А. П.* Нравственные начала реализации прав человека в уголовном судопроизводстве // Проблемные вопросы законотворческой и правоприменительной деятельности в России на рубеже нового тысячелетия : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Гуськовой. Оренбург : Издат. центр ОГАУ 2001. С. 96.

813 *Салимзянова Р. Р.* Нравственные начала судебной деятельности: история и современность // СПС «Гарант».

814 *Сенякин Н. Н.* Нравственно-этические основы осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2005. 195 с.

815 *Котлярова А. А.* Активная роль суда в состязательном процессе // Российская юстиция в XXI веке: реалии, проблемы, перспективы. 2020. № 1. С. 1085–1088.

В противовес выступает пассивная модель суда, при которой суд практически не вмешивается в процесс собирания доказательств, а выступает лишь в роли арбитра между сторонами, которые являются активными и «хозяевами доказательств». Российская уголовно-процессуальная модель использует элементы состязательности сторон, где центральная роль принадлежит обвинению и защите. Суд, по существу, оценивает представленные доказательства, не отвечая за их поиск. И. Я. Фойницкий указывал, что в состязательном процессе «судейская деятельность, освобожденная от чуждых ей обязанностей сторон, сводится к естественной для нее функции оценки предъявленных ими требований на основании собранного доказательственного материала»[816].

Однако, несмотря на элементы состязательности, в теории превалирует мнение, что в России у суда смешанная модель: он напрямую не участвует в расследовании, не занимается процессом доказывания, но играет важную роль в проверке доказательств и выявлении истины, а также является ключевым звеном в проведении некоторых следственных действий, ввиду необходимости дачи его разрешения.

Таким образом, нравственная роль суда в уголовном процессе заключается в обеспечении справедливого баланса между активным содействием в установлении истины и уважением принципа состязательности сторон. Суд должен выступать не только как беспристрастный арбитр, оценивающий доказательства, но и как гарант защиты прав личности перед государством, проявляя достаточную активность в проверке и контроле доказательственной базы. В российской модели суд сохраняет нравственную ответственность за поддержание доверия к правосудию через объективную и добросовестную оценку материалов.

Проблема роли суда напрямую связана с другой ключевой этической проблемой уголовного процесса – обвинительным уклоном. Если суд слишком пассивен, судейская роль сводится лишь к формальной оценке представленных сторонами доказательств, что может привести к недостаточной проверке обвинения и, как следствие, усилению обвинительного уклона. Такой уклон подрывает принцип презумпции невиновности и наносит ущерб нравственному смыслу правосудия, превращая суд в инструмент обвинения.

В российской практике наблюдается обвинительный уклон, что означает высокую вероятность вынесения обвинительных приговоров (примерно 99,5%) и крайне низкий процент оправдательных решений (около 0,5%)[817]. Как отмечает в своей статье К. В. Пыхно, при обвинительном уклоне имеется тенденция «искажения истинной сущности отправления правосудия

---

816 *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. С. 63–64.

817 Обвинительный уклон в уголовном деле: причины и последствия. URL: https://advokatastafev.ru/praktika/obvinitelnyi_uklon_v_ugolovnom_dele_prichiny_i_pos/ (дата обращения: 12.10.2025).

и противоречию принципам уголовного судопроизводства». Одна из причин такой тенденции, по мнению автора, заключается еще на этапе расследования: «следователи часто берут в качестве основы для расследования исключительно обвинительные версии и не уделяют должное внимание на версии защиты»[818].

Обвинительный уклон исходит из психологии: у судей за годы практики могут сложиться принципы «обвинительного мышления» (по крайней мере, такого мнения придерживается адвокат В. В. Астафьев)[819], поскольку они знают систему собирания доказательств и мало сомневаются в профессионализме органов, осуществляющих указанную деятельность. По логике такого мышления следует, что, если дело проделало путь от следователя до суда, значит, у судьи не должно быть критических замечаний к коллегам. Все это приводит к укоренению системы, нацеленной на вынесение обвинительного приговора. Как считает адвокат В. В. Астафьев: «система выстроена таким образом, что спорные дела до суда не доходят, а если и доходят, то есть масса вариантов как не оправдывать человека, а принять иное компромиссное решение». Таким образом, названная проблема, несмотря на некоторый оценочный характер выделения, присутствует как минимум в качестве тенденции, что подтверждается позициями как авторов научных исследований, так и юристов-практиков.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что роль суда в обеспечении морально-нравственного ориентира при реализации правосудия крайне высока и значима. Вместе с тем в российской уголовной практике возникают факторы и обстоятельства, способствующие либо препятствующие формированию правосудия в уголовном процессе, основанном на нравственной роли суда.

Нравственная роль суда в российском уголовном процессе будет зависеть от соблюдения баланса между обязанностью добиваться справедливого правосудия и ограничениями, наложенными на суд процессуальной моделью, с акцентом на состязательность и активность сторон.

Список использованной литературы

1. *Бережко, Е. В.* Роль нравственных начал в уголовном судопроизводстве на современном этапе развития российского законодательства / Е. В. Бережко // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 22–27.

---

818 *Пыхно К. В.* Проблема обвинительного уклона в деятельности следователя и пути ее решения // Молодой ученый. 2025. № 20 (571). С. 537–539.

819 Обвинительный уклон в уголовном деле: причины и последствия. URL: https://advokatastafev.ru/praktika/obvinitelnyi_uklon_v_ugolovnom_dele_prichiny_i_pos/ (дата обращения: 12.10.2025).

2. *Гуськова, А. П.* Нравственные начала реализации прав человека в уголовном судопроизводстве / А. П. Гуськова // Проблемные вопросы законотворческой и правоприменительной деятельности в России на рубеже нового тысячелетия : сб. науч. тр. / под ред. А. П. Гуськовой. – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2001. – С. 96.
3. *Котлярова, А. А.* Активная роль суда в состязательном процессе / А. А. Котлярова // Российская юстиция в XXI веке: реалии, проблемы, перспективы. – 2020. – № 1. – С. 1085–1088.
4. *Сенякин, Н. Н.* Нравственно-этические основы осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Сенякин Н. Н. – Саратов, 2005. – 195 с.
5. *Фойницкий, И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 63–64.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ НЕЗЫБЛЕМОСТЬ ИЛИ НЕИЗБЕЖНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Диана Руслановна Магомедова
студентка 5-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
magomedovadianarusl@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нравственных начал уголовного процесса в условиях цифровизации, анализируются потенциальные риски и трансформации, связанные с внедрением цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; нравственные начала; искусственный интеллект; судопроизводство.

Современная действительность все чаще демонстрирует неотвратимость масштабных трансформаций. Ощущение неизбежности фундаментальных глобальных сдвигов продолжает усиливаться и обретает все новые подтверждения в текущей реальности.

Уголовное судопроизводство рассматривается как потенциальный элемент формирующейся цифровой реальности. Российский уголовный процесс обладает уникальными особенностями, выходящими за пределы юридических норм и процессуальных форм. Духовные ценности глубоко интегрированы в систему уголовного судопроизводства.

В повседневной практике уголовного процесса – при инициировании расследований, осуществлении процессуальных мероприятий, обращении должностных лиц органов предварительного следствия в судебные инстанции за разрешением на проведение определенных действий или избрание ограничительных мер – цифровизация представляется реальной и неотвратимой перспективой.

При внедрении цифровых технологий в сферу уголовного процесса существует опасность непреднамеренного или намеренного проникновения в об-

ласть, регулируемую преимущественно этическими принципами. Отсутствие морально-гуманного подхода при цифровой трансформации уголовно-процессуальной сферы способно поставить под угрозу следующие элементы:

– фундаментальные цели и основополагающие принципы уголовного процесса;

– правовое положение должностных лиц, наделенных властными функциями в рамках уголовного судопроизводства

Помимо этого, существенным трансформациям может подвергнуться важная область, связанная с процессом доказывания и доказательствами в рамках уголовного судопроизводства.

Среди прочих общих требований к предварительному следствию и судебному процессу выделяется запрет на распространение информации, полученной в ходе расследования на предварительной стадии.

Каждое обращение гражданина представляет собой уникальную ситуацию, которая требует вмешательства уполномоченных государственных структур и их представителей. Однако А. С. Александров рисует весьма тревожную картину будущего, где функции расследования могут перейти к «любому владеющему цифровыми инструментами человеку», а то и вовсе к «роботам» или «ботам»[820].

Крайне важно учитывать вопросы защиты участников процесса и сохранения конфиденциальности расследования. Передача процессуальных данных через открытые коммуникационные каналы и незащищенные интернет-сети создает серьезные риски.

Заслуживают внимания наблюдения А. В. Победкина о тревожной тенденции: в научных кругах, занимающихся уголовным процессом, наблюдается чрезмерная концентрация на вопросах цифровизации. При этом такой интерес обусловлен скорее стремлением создать видимость масштабных преобразований[821].

Убедительное звучание придает анализ перечня нормативных новелл в области стратегического планирования, которые иллюстрируют формальную готовность государства к налаживанию цифрового пространства в России. Среди таких можно выделить Федеральный закон «О персональных данных», а также указы Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы», от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», распоряжения Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития

---

820 См.: *Александров А. С.* Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 130–139.

821 См.: *Победкин А. В.* Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 50–55.

регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года», от 22 октября 2021 г. № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» и др.

Под цифровизацией процессуальной деятельности в уголовно-правовой сфере следует понимать комплекс организационно-технических решений, направленных на интеграцию современных цифровых инструментов в практику расследования и судопроизводства для оптимизации процедур и достижения более высоких результатов правоприменения.

Если рассматривать автоматизацию некоторых стадий уголовного судопроизводства, то к числу цифровых технологий, которые уже нашли применение в уголовном судопроизводстве, следует отнести систему автоматизированного учета статистических карточек и электронные алфавитные указатели, подключение к сети, средства аудио- и видеофиксации, средства оповещения участников уголовного процесса, а также технологию по пересылке и получению электронных писем.

Также действующее законодательство предусматривает возможность трансляции гласных судебных процессов посредством сети Интернет.

Если рассматривать внедрение электронных инструментов на предварительных этапах расследования преступлений, следует отметить функционирующую опцию подачи сообщений о совершенных правонарушениях через цифровую форму обращения, размещенную на интернет-ресурсе МВД России. Имеется возможность направить сообщение о совершенном правонарушении через мобильное приложение «МВД России».

На современном этапе расследования уголовных дел активно используются цифровые инструменты документирования в рамках предварительного следствия. Уголовно-процессуальное законодательство РФ допускает подобную практику: ч. 6 ст. 164 УПК РФ устанавливает возможность использования технических приспособлений и методов для выявления, закрепления следов преступления. Согласно положениям ст. 84 УПК РФ, электронные документы признаются доказательственной базой. В данную категорию включаются видеоматериалы, фотоснимки и прочие цифровые источники данных, которые были получены, запрошены, предоставлены согласно ст. 86 УПК РФ.

Классический труд А. Ф. Кони «Нравственные начала в уголовном процессе» подчеркивал ключевое значение морали в уголовно-процессуальной сфере, великий юрист вряд ли мог вообразить картину начала XXI века, когда положение человека в системе правосудия оказалось ослабленным[822].

Возникают закономерные сомнения относительно подобных концепций: не приведет ли массовая роботизация к самоликвидации человечества? В си-

---

[822] См.: *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Киберленинка : сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer (дата обращения: 07.03.2025).

лах ли автоматизированные системы справляться с проблемами, предполагающими уникальный интеллектуальный вклад личности?

С. В. Зуев отмечает: попытки интегрировать роботизированные системы в следственную практику оказались малорезультативными, продемонстрировав, что искусственный интеллект сегодня может выступать исключительно вспомогательным средством[823].

Вызывает серьезное беспокойство набирающая силу позиция сторонников устранения человеческого фактора из уголовно-процессуальной деятельности – области, наполненной эмоциональными переживаниями, состраданием.

Вряд ли роботизированные системы смогут справиться даже с элементарными задачами расследования. Судопроизводство строится на взаимодействии его участников, наделенных соответствующими правами и обязательствами, иначе утрачивается смысл таких профессий, как следователь и дознаватель.

Нравственные устои уголовного судопроизводства не окажутся под угрозой уничтожения, если преобразования затронут главным образом техническую организацию работы и документооборот, а не собственно процессуальную сущность. Положительный эффект модернизации заключается именно в том, что цифровые инновации призваны охватить в первую очередь административные и технологические аспекты, оставив неприкосновенными фундаментальные процессуальные принципы.

Список использованной литературы

1. *Александров, А. С.* Проблемы теории уголовно-процессуального доказывания, которые надо решать в связи с переходом в эпоху цифровых технологий / А. С. Александров // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 130–139.
2. *Зуев, С. В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / С. В. Зуев // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4 (83). – С. 118–123.
3. *Победкин, А. В.* Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу) / А. В. Победкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 50–55.
4. *Филипова, И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта : учебное пособие / И. А. Филипова. – Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2022. – 275 с.

---

823 См.: *Зуев С. В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4 (83). С. 118–123.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

Павел Эдуардович Пеньковский
аспирант 3-го курса кафедры судебной экспертологии
ВГУЮ (РПА Минюста России),
государственный судебный эксперт, младший научный сотрудник
ФБУ РФЦСЭ им. профессора А. Р. Шляхова
при Минюсте России, г. Москва, Россия
zatman987@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется трансформация судебно-экспертной деятельности в условиях Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) на примере судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности. Обосновывается необходимость перехода от традиционной, реактивной модели, направленной на установление причин уже произошедших аварий и несчастных случаев, к проактивной превентивной парадигме. Эта парадигма, реализуемая в рамках экспертной профилактики, нацелена на систематическое выявление и нейтрализацию потенциальных деструктивных факторов до их реализации в инциденте. В статье анализируется расширение круга объектов экспертизы, которое теперь включает комплекс цифровых данных: массивы информации с систем телеметрии, интернета вещей, распределенных систем управления, программируемых логических контроллеров и данных, обработанных алгоритмами компьютерного зрения. Исследование таких объектов требует от эксперта интеграции специальных знаний в области охраны труда, промышленной безопасности и *IT*-технологий. В работе рассматриваются современные методологические инструменты, применимые для профилактического анализа, такие как предиктивное моделирование, машинное обучение и симуляция событий. Подчеркиваются процессуально-правовые импликации данного подхода, включая вопросы допустимости цифровых доказательств и необходимость формирования новых междисциплинарных компетенций эксперта. На практическом примере профилактики инцидента на роботизированном складе демонстрируется эффективность превентивной модели. В заключение формулируются перспективы развития направления, связанные с разработкой специализи-

рованных методик, обновлением квалификационных требований и имплементацией соответствующих норм в законодательство для регламентации использования превентивных экспертных заключений в системе управления охраной труда.

Ключевые слова: экспертиза; экспертиза охраны труда и техники безопасности; цифровые объекты; экспертная профилактика; превентивная модель.

1. Эволюция функционального назначения судебной экспертизы в контексте управления профессиональными рисками

В условиях цифровой трансформации производственных процессов и жизни общества, характеризующейся внедрением технологий «Индустрии 4.0»[824] (киберфизические системы, интернет вещей, интернет тела, большие данные) требуется особое внимание к новым рискам, которые могут привести к несчастным случаям и возникновению аварий или чрезвычайных ситуаций.

Латентность и комплексный характер новых рисков, возникающих на стыке физической и цифровой сред в трудовой сфере, в особенности в промышленном производстве, актуализируют потребность в смещении парадигмы экспертной деятельности от констатации *post factum* (судебно-экспертной деятельности) к превентивной досудебной экспертной деятельности. Данный подход предполагает систематическое выявление и оценку потенциальных деструктивных факторов до их реализации в форме инцидента и развития его в аварии. Данный процесс может быть реализован в рамках функционирования экспертно-профилактической деятельности.

Экспертная профилактика является функцией судебно-экспертной деятельности и деятельностью эксперта, ориентированной на идентификацию обстоятельств, которые обусловили или потенциально могут обусловить совершение преступлений, а также формирование и представление мер по предупреждению преступлений и событий[825].

---

824 См.: *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Ginebra: World Economic Forum, 2016. 172 p.; *Кокин А. В.* Судебная экспертиза в эпоху четвертой индустриальной революции (Индустрии 4.0) // Теория и практика судебной экспертизы. 2021;16(2):29-36. https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-29-36.

825 См.: *Винберг А. И.* Словарь основных терминов судебных экспертиз / [подгот.: засл. деят. науки РСФСР, д. ю. н., проф. А. И. Винбергом, д. ю. н. А. Р. Шляховым, д. ю. н. проф. А. А. Эйсманом]. М. : ВНИИСЭ, 1980. 92 с.; Алиев И. А. Проблемы экспертной профилактики. Баку, 1991.

2. Цифровые следы и данные производственного оборудования и оборудования контроля как объекты судебной экспертизы охраны труда и техники безопасности

Классические объекты судебной экспертизы (вещественные доказательства, документация) дополняются комплексом цифровых данных, формирующих новую доказательственную основу для проведения экспертных исследований. В дополнение к этому объекты любой экспертизы получили в современных условиях цифровую стадию своей жизни, например, вышедший из строя и приведший к аварии программируемый станок или насос оставляет следы, как и в системах контроля и управления производством, так и во внутренних системах станка.

К числу цифровых объектов экспертизы охраны труда и техники безопасности относятся:

• массивы машиночитаемых данных с систем телеметрии, датчиков *IoT* и *IoB* (вибрация, загазованность, параметры работы оборудования), позволяющих проводить ретроспективный и текущий анализ состояния производственной среды;

• данные систем управления и контроля. Информация из распределенных систем управления (*DCS – Distributed Control System*), включая тренды переменных процесса, журналы событий, записи аварийных сигналов, параметры настройки контуров управления. Данные программируемых логических контроллеров (*PLC – Programmable Logic Controller*), в том числе заданные значения и параметры работы[826];

• данные программно-аппаратных комплексов, применяемых на производстве, предоставляющие возможность экспертного исследования, а также ретроспективного и прогностического моделирования аварийных сценариев;

• данные систем видеонаблюдения, обработанные алгоритмами компьютерного зрения, для автоматизированного выявления поведенческих паттернов, сопряженных с нарушением норм безопасности;

• электронные документообороты и корпоративная коммуникация (приказы, инструкции, переписка), анализ которых позволяет установить системные организационно-управленческие причины формирования предпосылок к нарушениям;

• данные специализированных систем: информация из систем регистрации данных (например, *Voyage Data Recorder – VDR* на судах), данные систем автоматизации и управления технологическими процессами;

• другие.

Их исследование позволит в полном объеме исследовать события, однако для исследования таких систем требуются помимо специальных знаний в области охраны труда, промышленной безопасности, химической технологии и т.д., знания из области *IT*.

---

[826] См.: *Fiorentini L., Marmo L.* Principles of Forensic Engineering Applied to Industrial Accidents. Hoboken, John Wiley & Sons, 2019. 489 p. https://doi.org/10.1002/9781118962800

3. Методологические инструменты, которые необходимы в профилактическом экспертном исследовании и досудебном превентивно-профилактическом исследовании

Реализация превентивной функции требует адаптации и внедрения в экспертную практику новых методических аппаратов, но для этого нужно подготовить теоретические и методологические основы не только для их внедрения, но и для их создания, требуется применение аппаратных инструментов, а также для создания синергируемой человек-машинной системы[827], в нашем же случае эксперт-экспертной системы. По своей сути экспертная система в современном понимании – это набор программ, который ограничен определенной областью знаний, имеет возможность решения задач в определенной сфере. Эти системы могут быть использованы для выдачи рекомендаций, проведения анализа, предоставления консультаций и моделирования.

Также такими инструментами могут быть:

• предиктивное моделирование (*Predictive Analytics*)[828] на основе алгоритмов машинного обучения для идентификации комбинаций факторов, с высокой вероятностью ведущих к аварийным ситуациям. Предиктивная аналитика не дает 100%-ной гарантии точности своих моделей, но даже приблизительные прогнозы могут быть полезны для принятия решений и планирования действий при производстве экспертных исследований несчастных случаев, аварий и чрезвычайных ситуаций;

• корреляционный и регрессионный анализ больших данных для верификации гипотез о наличии скрытых причинно-следственных связей в производственной системе;

• симуляция событий для реконструкции условий и действий, приведших к инциденту, или для апробации гипотетических сценариев реализации рисков в формате модели исходя из собранных или представленных на исследование данных.

4. Процессуально-правовые импликации профилактической экспертной деятельности

Расширение функций экспертизы порождает ряд юридически значимых вопросов. Заключение судебного эксперта не только в области охраны труда и техники безопасности, но и в смежных технических и технологических экспертных направлениях, вероятнее всего, эволюционирует от судебного доказательства к внесудебному экспертному заключению, которое используется в целях внутреннего контроля и управления рисками хозяйствующего субъекта. При этом судебная экспертиза никуда не исчезнет, она будет накапливать практический и профилактический опыт для адаптации и решения своих задач.

---

827 *Brigadier General Y. S.* The Human-Machine Team: How to Create Synergy Between Human & Artificial Intelligence That Will Revolutionize Our World (Unabridged).

828 *Сигель Э.* Просчитать будущее: Кто кликнет, купит, соврет или умрет = Predictive Analytics. М. : Альпина Паблишер, 2014. 374 с. ISBN 978-5-9614-4541-1.

При исследовании цифровых доказательств сразу возникает проблема допустимости цифровых доказательств и как решение ее требуется разработка и легализация процессуальных и криминалистических стандартов, обеспечивающих соблюдение требований к относимости, допустимости, достоверности и аутентичности цифровых данных, используемых в экспертной практике (в соответствии с принципами, изложенными, по аналогии, в ст. 75 УПК РФ, ст. 67 ГПК РФ).

Следующей проблемой становится междисциплинарная компетенция эксперта. Квалификационные требования к эксперту должны включать не только специальные знания в области охраны труда и техники, но и минимальные компетенции в сфере цифровой криминалистики, анализа данных и информационной безопасности, особенно систем управления производственными циклами. Но на данный момент хоть и существует тренд на синергию специальных знаний разных родов и видов экспертиз, он реализуется достаточно медленно во всех системах судебно-экспертных учреждений Российской Федерации.

5. Перспективы практической реализации. Пример «Профилактика инцидента на роботизированном складском комплексе»

Исходные условия: зафиксированы множественные случаи некорректного функционирования автономных транспортных роботов (*AGV*).

Традиционная модель судебная экспертиза: экспертиза инициируется *post factum* – после возникновения инцидента, аварии, несчастного случая или чрезвычайной ситуации. Ее выводы констатируют технический сбой и (или) нарушение инструктажа.

Теоретическая превентивная (профилактическая) модель:

1. Руководствуюсь ст. 212 ТК РФ: работодатель назначает внесудебное экспертное исследование в области охраны труда и техники безопасности.

2. Объектом исследования выступают логи работы *AGV* (Автономных вилочных погрузчиков), данные сенсорных систем, журналы технических работ и место эксплуатации *AGV*.

3. Методами корреляционного анализа выявляется устойчивая зависимость сбоев навигации от внешних электромагнитных помех.

4. Экспертное заключение формулирует вывод о наличии потенциального источника повышенной опасности и содержит рекомендации превентивного характера (для данного случая экранирование, коррекция маршрутов и т.д.).

5. Правовой результат: реализуется принцип приоритета профилактики, заложенный в основах государственной политики в области охраны труда, инцидент не допускается.

6. Заключение и перспективы развития

Превентивная экспертная деятельность представляет собой закономерный этап эволюции профилактической функции судебной экспертизы, отвечающий вызовам цифровой экономики и направленный на минимизацию со-

циальных и экономических издержек. Цифровая среда, будучи источником новых рисков, одновременно формирует и инструментальную базу для исследования, и для их нейтрализации на аварийной стадии.

Для внедрения данного направления требуется разработка и сертификация специализированных методик проведения экспертных исследований или исследований специалиста, в том числе формирование новых специальностей экспертной специализации и внедрение в обучение модульных разделов на стыке юриспруденции, технических и *IT*-наук.

Кроме того, требуется имплементация в законодательство положений, регламентирующих статус и использование превентивных экспертных заключений в системе управления охраной труда и следственной деятельности.

Список использованной литературы

1. *Алиев, И. А.* Проблемы экспертной профилактики / И. А. Алиев. – Баку, 1991.
2. *Винберг, А. И.* Словарь основных терминов судебных экспертиз / [подгот.: засл. деят. науки РСФСР, д. ю. н., проф. А. И. Винбергом, д. ю. н. А. Р. Шляховым, д. ю. н. проф. А. А. Эйсманом]. – Москва : ВНИИСЭ, 1980. – 92 с.
3. *Кокин, А. В.* Судебная экспертиза в эпоху четвертой индустриальной революции (Индустрии 4.0) / А. В. Кокин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 29–36. https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-29-36
4. *Сигель, Э.* Просчитать будущее: Кто кликнет, купит, соврет или умрет = Predictive Analytics / Э. Сигель. – Москва : Альпина Паблишер, 2014. – 374 с. – ISBN 978-5-9614-4541-1.
5. *Brigadier General Y. S.* The Human-Machine Team: How to Create Synergy Between Human & Artificial Intelligence That Will Revolutionize Our World (Unabridged).
6. *Fiorentini L., Marmo L.* Principles of Forensic Engineering Applied to Industrial Accidents. Hoboken, John Wiley & Sons, 2019. 489 p. https://doi.org/10.1002/9781118962800
7. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Ginebra: World Economic Forum, 2016. 172 p.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Леонид Николаевич Подгорный,
Ксения Евгеньевна Родина
студенты 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
lemonid04@mail.ru
ксепиа0310@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются нравственные основы уголовного судопроизводства, впервые обозначенные А. Ф. Кони в XX веке. В уголовном процессуальном кодексе РФ нравственные начала проявляются в принципах, основанных на конституционных ценностях человека, таких как презумпция невиновности и право на защиту. Эти принципы защищают права личности, укрепляют доверие к правосудию и отражают моральные ценности, такие как гуманизм, справедливость и уважение к достоинству. Например, презумпция невиновности гарантирует, что обвиняемый не будет осужден без доказательств, а право на защиту подчеркивает уважение к человеческому достоинству. Также важен принцип неприкосновенности жилища, охраняющий личную жизнь и семейные тайны. В целом, моральные начала в уголовном процессе обеспечивают справедливость, гуманизм и доверие общества к судебной системе.

Ключевые слова: уголовные принципы; уголовное судопроизводство; мораль и право; нравственность; справедливость; гуманизм.

Термин «нравственные основы уголовного судопроизводства» был включен в юридическую литературу А. Ф. Кони в 1902 году, который заимствовал это понятие из творчества Ф. М. Достоевского. Достоевский посвятил свои романы, помимо прочего, исследованию проблемы понимания процедуры судопроизводства, установленной Уставом уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года[829].

---

[829] См.: *Кони А. Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // КиберЛенинка : сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-nachala-v-ugolovnom-protsesse-obschie-cherty-sudebnoy-etiki/viewer (дата обращения: 05.10.2025).

Однако только во второй половине прошлого столетия в работах процессуалистов начала распространяться идея, что исключительно юридические средства не могут быть достаточными для эффективного решения задач уголовного судопроизводства. Так, ученые пришли к выводу, что также значимы вопросы морали, которая не только формирует содержание уголовно-процессуального закона, но и является прямым регулятором общественных отношений, возникающих в процессе судопроизводства. Уголовно-процессуальный закон сможет быть эффективным и уважаемым в обществе только при условии, что он основывается на отечественных моральных ценностях и реализуется должностными лицами, воспитанными в духе этих ценностей[830].

В действующем уголовно-процессуальном кодексе (УПК РФ) нравственные начала уголовно-процессуального права проявляются в принципах судопроизводства, которые базируются на конституционных нормах о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Одним из примеров нравственных начал выступает принцип презумпции невиновности, закрепленный в ст. 14 УПК РФ. Принцип имеет важное нравственное значение, так как защищает естественные права человека и обеспечивает справедливость в уголовном судопроизводстве. Он гарантирует, что обвиняемый не будет подвергнут наказанию или дискриминации до установления его вины в законном порядке, что является основополагающим фактором для функционирования правового государства.

Судебная практика демонстрирует, что соблюдение этого принципа способствует укреплению законности и доверия граждан к правосудию, а также предотвращает возможные злоупотребления в процессе уголовного преследования. Это подчеркивает важность принципа презумпции невиновности, поскольку его положения являются основой для защиты прав личности, укрепления справедливости в уголовном судопроизводстве.

Актуальность данного принципа в том, что он не только минимизирует риск ложных осуждений, но и отражает моральную ответственность государства за обязанность доказывания.

Еще один принцип, который возникает из нравственных начал, – принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, закрепленный в ст. 16 УПК РФ.

Кроме того, этот принцип закреплен в ст. 48 Конституции Российской Федерации, в которой гарантируется, что каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи, включая случаи предоставления бесплатного адвоката в предусмотренных законом случаях. Эти нормы служат основой для обеспечения справедливости и равенства всех участников судебного производства. Соблюдение права на защиту оказывает значительное влияние на восприятие справедливости судебного процесса и уровень доверия граждан к судебной системе.

---

830 *Сухова И. И.* Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: динамика, тенденции и перспективы научного осмысления // Вестник ВГУ. 2019. № 3. С. 292–04.

Нравственное начало принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту находит выражение в том, что субъекты уголовного процесса имеют право осуществлять защиту самостоятельно либо обратиться за квалифицированной юридической помощью.

Кроме того, в случаях, установленных в ст. 51 УПК РФ, участие адвоката обязательно; участие защитника возможно на любой стадии уголовного процесса, вне зависимости от статуса участника (подозреваемый, обвиняемый, осужденный, свидетель, потерпевший).

Право на защиту является одним из фундаментальных принципов справедливого правосудия и неотъемлемым элементом демократического правового государства. Право на защиту гарантирует подозреваемому и обвиняемому возможность эффективно отстаивать свои интересы на всех стадиях уголовного преследования. Однако, помимо юридической и процессуальной значимости, данный принцип обладает глубоким моральным содержанием, отражающим ценности человеческого достоинства, равенства перед законом и презумпции невиновности.

С моральной точки зрения обеспечение права на защиту выражает уважение к личности как носителю неотчуждаемых прав и свобод. Каждый человек, даже подозреваемый или обвиняемый в совершении преступления, не утрачивает возможности реализации своих прав.

Таким образом выражается гуманизация уголовного судопроизводства, поскольку именно государство возлагает на себя обязанность доказывать вину, а не обвиняемый – доказывать свою невиновность.

Особенно важно соблюдение моральной составляющей этого принципа должностными лицами – адвокатами, судьями, следователями. В силу возложенных на них законом обязанностей указанные лица обязаны соблюдать профессиональную этику, создавать такие условия, при которых защита была не номинальной, а реальной и эффективной.

Также в ст. 12 УПК РФ закреплен принцип неприкосновенности жилища. В статье зафиксировано, что осмотр жилища может производиться только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, а такие следственные действия, как обыск и выемка, – только на основании судебного решения. Этот принцип вытекает из ст. 25 Конституции Российской Федерации: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения».

Нравственные начала принципа отражаются в том, что жилище является местом частной жизни человека, где он проводит большую часть своего времени, где он может набраться сил и расслабиться, поэтому важно регулировать возможность органов власти вторгаться в жилое пространство человека, поскольку в противном случае гражданину может быть нанесен серьезный моральный вред. Помимо этого, жилье является местом хранения семейных тайн, вскрытие и разглашение которых может привести к ухуд-

шению репутации данной семьи в обществе, негативно сказаться на ее членах и даже полностью ее разрушить[831].

Принцип свободы оценки доказательств, закрепленный в ст. 17 УПК РФ, суть которого сводится к тому, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Понятие совесть законодатель никак не поясняет, что вызывает споры в научном сообществе, однако нельзя не согласиться с тем, что этот термин имеет исключительно морально-нравственное значение, а не правовое.

Нравственный аспект этого принципа сводится к тому, что судья и иные участники уголовного процесса несут ответственность за принятые решения о доказанности или недоказанности обвинения перед собственной совестью, обществом, обвиняемым и перед другими участниками.

Как говорилось в самом начале статьи, важными основами в уголовном процессе являются правово и мораль. В случае с принципом свободы оценки доказательств совесть выступает психологическим стержнем и ориентиром для участников судопроизводства, все внутренние убеждения судьи, прокурора и т.д. строятся не только на равной значимости каждого доказательства, но и на совести. Сложно переоценить значение совести в принятии каких-либо решений, ведь она позволяет поступать в соответствии с внутренними убеждениями, базирующимися на началах нравственности, тем самым снижая возможность внешнего влияния на убеждения участников судопроизводства и искажения принципа беспристрастности[832].

В заключение можно отметить, что нравственные основы напрямую отражаются в принципах уголовного судопроизводства. Их наличие играет огромную роль в уголовном процессе, поскольку позволяет защитить права и свободы каждого участника процесса, а также помогает обеспечить максимально высокий уровень работы правоохранительной системы России.

Список использованной литературы

1. *Акимов, В. С.* Историческое развитие состязательного уголовного процесса в России и некоторых зарубежных странах / В. С. Акимов // Российский судья. – 2020. – № 5.
2. *Бельгарт, А. Н.* Принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе / А. Н. Бельгарт // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 189–191.

---

831 См.: *Бельгарт А. Н.* Принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе // Молодой ученый. 2025. № 21. С. 189–191.

832 См.: *Сухова И. И.* Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: динамика, тенденции и перспективы научного осмысления // Вестник ВГУ. 2019. № 3. С. 292–304.

3. *Савельев, А. К.* Отдельные аспекты реализации принципа презумпции невиновности в уголовном процессе / А. К. Савельев // Труды института государства и права Российской Академии наук. – 2020. – Т. 18, № 1. – С. 136–153.
4. *Селина, Е. В.* Нравственные начала уголовного судопроизводства / Е. В. Селина// Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 14 – С. 794–804.
5. *Сухова, И. И.* Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: динамика, тенденции и перспективы научного осмысления / И. И.Сухова // Вестник ВГУ. – 2019. – № 3. – С. 292–304.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Владимир Александрович Поляков
студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
polyakov2321@gmail.com

Константин Сергеевич Серебренников
студент 4-го курса специалитета
судебной и прокурорской деятельности
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
serebro122004@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об основных морально-этических и нравственных условиях, предписаниях, посредством которых адвокатами осуществляется их профессиональная деятельность. Исследуются основные нормативные акты, регулирующие вопросы этического характера в деятельности адвокатов, устанавливаются возможные причины нарушений норм адвокатской этики.

Ключевые слова: адвокат; этика; этические нормы; право; государство.

На протяжении всего существования такого правового института, как адвокатура, важное значение приобретали этические вопросы, связанные с осуществлением представителями данного сообщества своих профессиональных навыков. Выполнение и соблюдение этических установок адвокатами прямо направлено на установление правовой определенности, обеспечение наилучших результатов от юридической деятельности.

В п. 1 ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) установлены «обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии». Тем самым в рамках национального регулирования нормы и правила поведения, регулирующие нравственные начала в адвокатской деятельности, являются

общеобязательными, а не добровольными, для каждого, кто имеет статус адвоката[833].

Императивность данной нормы связана с тем, что адвокатура как негосударственный институт, лишенный публично-властных полномочий и созданный на принципах автономии, при осуществлении своих функций при взаимодействии с обществом должен показывать высокий уровень добросовестности тех представителей юридического сообщества, которые имеют статус адвоката.

При этом стоит отметить, что на практике нравственные начала деятельности адвоката, которые проистекают из наделения представителя данным статусом, не всегда соблюдаются. Так, анализируя данные, представленные в Отчете Совета Федеральной палаты адвокатов РФ[834] за период с апреля 2021 г. по апрель 2023 г., можно увидеть, что квалификационными комиссиями адвокатских палат субъектов Российской Федерации было рассмотрено 10 059 дисциплинарных дел, по результатам рассмотрения которых было вынесено 6 590 заключений (65,5%) о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и норм профессиональной этики адвоката.

Вопрос относительно причин нарушения норм адвокатской этики ее представителям в юридической науке является дискуссионным. Так, выявляя основные предпосылки данных нарушений, можно отметить недостаток опыта профессиональной деятельности адвокатов, которые не так давно приобрели данный статус. Так, примеры неэтичного поведения молодых адвокатов, которые стремятся к получению краткосрочной личной выгоды, а не к соблюдению общих правил и требований, которые предъявляются к данной профессии, приводил еще известный советский адвокат Э. Д. Синайский во время прочтения лекции «Об адвокатской этике»[835].

Несоблюдение этических норм адвокатами сопряжено с негативными последствиями не только для адвокатов, но и для их доверителей. Наибольший риск в этом случае возникает при реализации адвокатами весьма сомнительных с точки зрения морали, а иногда и закона, просьб доверителей, а также при консультировании доверителей на грани незаконных действий[836].

Недостаток опыта профессиональной деятельности может стать причиной ошибочного понимания, что любые потенциальные этические про-

---

833 Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс».

834 Отчет Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации за период с апр. 2021 г. по апр. 2023 г.: утвержден XI Всероссийским съездом адвокатов 20 апр. 2023 г. С. 44.

835 См.: *Синайский Э. Д.* Об адвокатской этике: лекция 13 января 1965 г. / науч. ред. М. А. Федотов. М. : Граница, 2015.

836 См.: *Марчева П. Е.* К вопросу о некоторых этических рисках профессиональной деятельности адвоката и способах их минимизации // Адвокатская практика. 2024. № 4. С. 9.

блемы могут быть легко преодолены[837], а также стать причиной ошибочного понимания адвокатами, что вполне достаточно соблюдать минимальные требования, изложенные в профессиональных стандартах, чтобы помощь, которую они оказывают, была признана соответствующей этическим требованиям.

Согласно ст. 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[838], лица, которые имеют право получить статус адвоката, должны иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет. На наш взгляд, данный срок, исходя из большого количества нарушений, которые совершаются вновь ставшими адвокатами, является недостаточным. В связи с этим представляется целесообразным увеличение срока стажа по юридической деятельности для получения статуса адвоката. Данное изменение должно будет улучшить общее состояние качества оказываемых адвокатских услуг, а также повысить общий профессиональный и нравственный уровень представителей, которые получают статус адвоката.

Анализируя иные причины нарушения этических норм представителями адвокатуры, стоит отметить большую роль такого психологического фактора, как профессиональная деформация. Так, как справедливо отмечал Р. А. Марусте, «нравственный облик лица, приступающего к адвокатской работе, уже в основном сложился в предыдущей жизни, и атмосфера адвокатской деятельности лишь либо ограничивает, либо ускоряет проявление отклонений»[839]. Профессиональная деформация влияет как на рабочую деятельность адвоката, из-за чего некоторые жизненные обстоятельства, которые имеют явно аморальный характер в общественном сознании, не кажутся ему чем-то предосудительным в рамках осуществления своей профессиональной деятельности, так и на обыденную жизнь представителей юридического сообщества, из-за они могут сталкиваться с эмпатийными и психологическими трудностями при контактах с членами семьи, другими гражданами. На наш взгляд, исходя из общих требований и специфики профессии адвоката, при получении такого статуса стоит увеличить количество вопросов, которые проверяют возможность использования данными лицами эмоционального интеллекта. Наряду с указанными причинами исследователи указывают и на другие предпосылки несоблюдения норм профессиональной этики как начинающими адвокатами, так и адвокатами с большим опытом профессиональной деятельности. Это такие причины, как страти-

---

837 *Robbennolt J. K., Sternlight J. R.* Behavioral Legal Ethics // Arizona State Law Journal. 2013. Vol. 45. Iss. 3. P. 1107, 1116.

838 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

839 См.: *Марусте Р. А.* Профессиональная деформация в адвокатской деятельности // Проблемы права на защиту : сб. статей / отв. ред. У. Лыхмус. Таллин : Валгус, 1988. С. 79.

фикационная иерархия профессии[840], макроэкономические изменения в обществе в целом[841] и другие.

Таким образом, спектр причин, из-за которых возможно нарушение нравственных начал адвокатской деятельности, достаточно широк. Для повышения качества оказываемой юридической помощи, помимо тех предложений, которые были высказаны в рамках данной работы, требуется масштабное реформирование института адвокатуры в России. Однако данные изменения не должны затрагивать основополагающие права граждан на доступ к правосудию и перетекать в возможность создания «адвокатской монополии» за рамками уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. *Марусте, Р. А.* Профессиональная деформация в адвокатской деятельности // Проблемы права на защиту : сборник статей / Р. А. Марусте ; ред. У. Лыхмус. – Таллин : Валгус, 1988. – С. 76–88.
2. *Марчева, П. Е.* К вопросу о некоторых этических рисках профессиональной деятельности адвоката и способах их минимизации / П. Е. Марчева // Адвокатская практика. – 2024. – № 4. – С. 7–11.
3. *Марчева, П. Е.* Риски адвоката при использовании социальных сетей в профессиональной деятельности / П. Е. Марчева // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 3 (128). – С. 121–126.
4. *Синайский, Э. Д.* Об адвокатской этике: лекция 13 января 1965 г. / Э. Д. Синайский; науч. ред. М. А. Федотов. – Москва: Граница, 2015.
5. *Robbennolt J. K., Sternlight J. R.* Behavioral Legal Ethics // Arizona State Law Journal. – 2013. – Vol. 45, Iss. 3. – P. 1107–1182.
6. *Erlanger H.* The Allocation of Status Within Occupations: The Case of the Legal Profession // Social Forces. – 1980. – Vol. 58.
7. *Cohen S.* Folk Devils and Moral Panics. – London: MacGibbon and Kee, 1972.

[840] См.: *Erlanger H.* The Allocation of Status Within Occupations: The Case of the Legal Profession // Social Forces. 1980. Vol. 58.

[841] См.: *Cohen S.* Folk Devils and Moral Panics. London: MacGibbon and Kee, 1972.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Ольга Дмитриевна Пронькина
ассистент, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», г. Москва, Россия
Pronkina.OD@rea.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена отсутствием в процессуальном законе положений, позволяющих предоставлять квалифицированную юридическую помощь пострадавшим от действий мошенников бесплатно. Цель исследования – проанализировать законодательство в части оказания такой помощи участникам уголовного процесса. Были исследованы положения Конституции РФ и УПК РФ, а также работы ученых по рассматриваемому вопросу, что позволило прийти к выводу о необходимости расширения категории потерпевших в уголовном судопроизводстве, которым бы такая помощь оказывалась бесплатно.

Ключевые слова: потерпевший; квалифицированная юридическая помощь; защитник; адвокат; представитель.

Статья 48 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Законодатель исходил при формировании данной нормы из равенства всех участников правоотношений, в том числе и уголовно-процессуальных, где такая помощь оказывается как подозреваемому, обвиняемому, так и потерпевшему.

Однако положения уголовно-процессуального законодательства устанавливают возможность получения бесплатной юридической помощи в уголовном судопроизводстве только подозреваемым и обвиняемым, а также несовершеннолетним потерпевшим по делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

В частности, п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ содержит следующее указания по поводу прав обвиняемого: «пользоваться помощью защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

А ст. 16 УПК РФ содержит указание, что подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно.

К таким случаям законодатель относит участие адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению.

Анализ же иных норм уголовно-процессуального законодательства позволяет отметить, что для потерпевшего получение такой возможности, как получение квалифицированной юридической помощи, предусмотрено только в одном случае (п. 2.1 ч. 2 ст. 45 УПК РФ).

Потерпевший на сегодня бесплатной юридической помощью в уголовном судопроизводстве не обеспечен. А между тем данное право предусмотрено конституционной нормой.

Как справедливо отмечается некоторыми исследователями, «право на получение квалифицированной юридической помощи является одним из важнейших элементов механизма обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве»[842].

Несмотря на достаточно широкие права, которыми наделен потерпевший в настоящее время в уголовном судопроизводстве, для реализации предоставленных прав потерпевший должен разбираться в правовых особенностях процедуры производства по уголовному делу, что может вызвать сложности у тех из них, которые не обладают юридическими знаниями. Без этого потерпевший не сможет эффективно защищать свои права, да и в полном объеме выполнять свои обязанности, что не менее важно для его участия в уголовном судопроизводстве.

Законодатель для обеспечения защиты прав потерпевшего предусмотрел участие представителя. Исходя из положений действующего законодательства, представителем потерпевшего может быть адвокат.

А в соответствии с ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, участие адвоката в качестве его представителя обеспечивается дознавателем, следователем или судом. При этом расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Однако кроме этих случаев обеспечение потерпевшего квалифицированной юридической помощью в уголовном судопроизводстве законодателем не предусмотрено.

А между тем несовершеннолетние все чаще становятся жертвами различных преступных посягательств, о чем говорит и судебная практика.

В частности, по данным МВД России, число несовершеннолетних, пострадавших от действий кибермошенников, выросло в России на четверть с на-

---

842 *Арсенова Н. В.* Право потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи: история и перспективы развития // Ученые записки Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2024. № 1. С. 64.

чала 2025 года. В МВД отмечают, что вектор интереса мошенников смещается на детей и подростков, а основной их целью являются деньги родителей[843]. Аналогичная ситуация совершения таких преступлений в отношении пожилых и престарелых лиц. Это обусловлено тем, что именно данная категория лиц является наименее защищенной в настоящее время и достаточно легко подвергается воздействию мошенников, использующих различные технологии воздействия на личность.

Не обладая достаточными правовыми знаниями, такие лица очень уязвимы, они легко становятся жертвами мошеннических действий. А отсутствие квалифицированной юридической помощи не позволяет им реализовать право на справедливое правосудие.

Как верно указывается некоторыми авторами, состязательная форма уголовного процесса требует неукоснительного соблюдения паритета в арсенале предоставляемых стороне обвинения и стороне защиты процессуальных возможностей. Многокомпонентный характер права на справедливое правосудие авторы связывают только с правом обвиняемого на защиту от предъявленного ему обвинения всеми не запрещенными законом средствами, в том числе с возможностью получения качественной квалифицированной помощи[844]. Однако если мы говорим о состязательном уголовном процессе и о соблюдение паритета в арсенале предоставленных процессуальных возможностей стороне защиты и обвинения, то логичнее было бы предоставить и потерпевшему возможность пользоваться помощью представителя-адвоката бесплатно при определенных обстоятельствах.

Осуществляя свои полномочия, представитель потерпевшего наделяется комплексом прав аналогичных правам представляемого им лица, что позволяет ему быть активным участником уголовного судопроизводства, защищая права представляемых им лиц.

Однако отнюдь не всегда потерпевший имеет возможность оплатить услуги своего представителя. Такие потерпевшие практически полностью лишены возможности воспользоваться юридической помощью[845]. А в силу того, что мошенники нацеливают свои действия на самую уязвимую и не защищенную часть населения – это дети и престарелые, – то такие лица, а также их родители, если речь идет о несовершеннолетних, лишаются порой последних своих

---

[843] МВД зафиксировало рост пострадавших от кибермошенников несовершеннолетних // ТАСС: информ. агентство России : сайт. Москва. URL: https://tass.ru/obschestvo/24380763 (дата обращения: 15.10.2025).

[844] См.: *Бородинова Т. Г., Губко И. В.* Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России: современные проблемы реализации в судебной практике // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8 (162). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-poluchenie-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoschi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-sovremennye-problemy-realizatsii (дата обращения: 12.10.2025).

[845] *Арсенова Н. В.* Указ. соч. С. 66.

сбережений, находятся в достаточно сложном психо-эмоциальном состоянии и, по существу, не способны самостоятельно отстаивать свои права. В данной ситуации им требуется помощь психолога и помощь адвоката, который и будет отстаивать их интересы в уголовном судопроизводстве. Игнорировать этот факт – значит, оставить данную категорию потерпевших без помощи, защиты и возможности восстановить социальную справедливость.

Все это говорит о необходимости расширять перечень случаев, когда потерпевшим услуги представителя-адвоката в уголовном судопроизводстве должны предоставляться бесплатно. К таковым следует отнести несовершеннолетних и лиц престарелого возраста, которые пострадали от мошеннических действий лиц, использующих новые технологии воздействия на личность. В связи с этим, полагаем, было бы верным дополнить пунктом 2.2 ст. 45 УПК РФ соответствующего содержания.

Список использованной литературы

1. *Арсенова, Н. В.* Право потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи: история и перспективы развития / Н. В. Арсенова // Ученые записки Алтайского филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2024. – № 1. – С. 64–68.
2. *Бородинова, Т. Г.* Право на получение квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве России: современные проблемы реализации в судебной практике / Т. Г. Бородинова, И. В. Губко // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 8 (162). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-poluchenie-kvalifitsirovannoy-yuridicheskoy-pomoschi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii-sovremennye-problemy-realizatsii (дата обращения: 12.10.2025).

ПАССИВНАЯ ЗАЩИТА КАК НАРУШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА

Гурген Мовсесович Саргсян
студент 5-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
gurgensargsan823@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена проблемой некачественного и непрофессионального оказания адвокатом юридической помощи. Автор ставит перед собой цель рассмотреть проблему пассивной защиты, а также вопросы привлечения адвокатов к профессиональной ответственности. В статье анализируются формы неоказания или ненадлежащего оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом. Результаты проведенного исследования позволили сформулировать предложения относительно способов решения рассматриваемых проблем.

Ключевые слова: адвокат-защитник; право на защиту; нарушение конституционного права; пассивная защита; нарушение профессиональной этики; непрофессиональная защита.

Справедливость в судопроизводстве невозможна без соблюдения прав лиц, участвующих в нем. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), «Каждому гарантируется право на квалифицированную юридическую помощь».

Стоит отметить, что участие адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве не исключает факта оказания им так называемой пассивной защиты, под которой следует понимать процессуальное бездействие, выраженное в полном или частичном неиспользовании предоставленных ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ об адвокатской деятельности и адвокатуре) полномочий адвокатом-защитником, последствия которой, как справедливо отмечают исследователи, выражаются в нарушении кон-

ституционного права гражданина на квалифицированную юридическую помощь[846].

«Пассивная защита» многообразна в своих проявлениях и, в частности, может выражаться в том, что адвокат-защитник, заключивший соглашение на стадии предварительного расследования, не встречается наедине со своим подзащитным, не согласовывает с ним позицию. В процессе проведения допросов своего подзащитного, очных ставок с потерпевшим и свидетелем не задает вопросов, сводя свою деятельность к молчаливому подписыванию протоколов следственных действий[847].

Рассматриваемое негативное явление нередко встречается и в судах, и проявляется в том, что адвокат-защитник, участвуя в судебном разбирательстве, ведет себя пассивно и не проявляет должной активности в процессе исследования доказательств. В случае возникновения необходимости заявления ходатайства не заявляет таковых и лишь соглашается с ходатайствами государственного обвинителя. Выступая в прениях, говорит краткую речь, в конце которой просит суд не наказывать строго своего доверителя. После провозглашения обвинительного приговора, при наличии оснований для его обжалования, отказывается приносить жалобу в интересах осужденного. Нельзя не согласиться с тем, что фактически при такой «защите» подсудимый остается без защитника.

Исследователи отмечают, что следователи и судьи нередко и сами относятся равнодушно к тому, что в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства адвокат-защитник проявляет процессуальную пассивность, молчаливо подписывает протоколы следственных действий, а в суде не проявляет должной пассионарности.

Однако пассивность стороны защиты устраивает далеко не каждого правоприменителя, и тому есть не один пример. Так, в частности, судебная коллегия по уголовным делам Смоленского областного суда вынесла показательное апелляционное определение от 14 августа 2019 г. по делу № 22-1242/2019. По мнению судебной коллегии, при рассмотрении данного уголовного дела, суд первой инстанции допустил существенные нарушения уголовно-процессуального закона. Из материалов дела следует, что подсудимый В. обратился в суд с ходатайством о замене адвоката и впоследствии заявил отвод адвокату М., мотивируя свое решение тем, что адвокат не обладает достаточной квалификацией, не согласовывает с ним позицию защиты, приходит на судебное заседание неподготовленным, бездействует во время допросов. Судья отказал в удовлетворении ходатайства В. об отводе адвоката, мотивируя свое решение отсутствием оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 72 УПК РФ. Однако, исходя из протокола судебного заседания, адвокат

---

846 См.: *Бичурина И. Р.* Проблема пассивной защиты в уголовном процессе // Экономика и социум. 2020. № 12 (79).

847 См.: *Юмадилов Б. Г.* Основы адвокатской правозащитной деятельности в аспекте реализации государственной уголовно-правовой политики // Образование и право. 2016. № 2.

М. на протяжении всего судопроизводства фактически не принимал участия по защите подсудимого В., тем самым уклонился от осуществления своих обязанностей по защите подсудимого.

Защитительная адвокатская деятельность не должна быть бездейственной и бессловесной. Для ее осуществления УПК РФ предоставляет адвокату полномочия, предусматривая его права и обязанности в порядке ст. 53 УПК РФ.

Выступая в судебных прениях, адвокат М. лишь высказал свою позицию по предъявленному В. обвинению. Таким образом, подсудимый В. фактически был лишен качественной юридической помощи, что привело к нарушению требований ст. 48 Конституции РФ, ст. 16, 47 УПК РФ, а также могло повлиять на принятие судом справедливого решения, в связи с этим приговор суда подлежит отмене, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение в порядке ст. 389.22 УПК РФ[848].

Степень активности участвующего в защите адвоката является объектом повышенного внимания. Адвокатам-защитникам необходимо использовать свои процессуальные полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ и ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», а также положения Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве.

Можно еще привести один пример непрофессиональной защиты, противоречащей как положениям закона, так и нравственным основам деятельности адвоката-защитника. Так, в квалификационную Комиссию Адвокатской палаты Московской области поступила жалоба П. в отношении адвоката В., в которой сообщается, что адвокат ненадлежащим образом исполнял свои профессиональные обязанности, а именно: осуществлял пассивную защиту, не обжаловал постановлений суда о продлении избранной в отношении него меры пресечения, не подал апелляционную жалобу на приговор суда. Оценив собранные доказательства, Комиссия дала заключение о наличии в действиях адвоката В. нарушений подп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ об адвокатской деятельности и адвокатуре, подп. 2 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, а также о ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем П., которые выразились в том, что адвокат не обжаловал в апелляционном порядке постановления Р. городского суда Московской области об избрании и продлении меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении доверителя П.[849].

Стоит отметить, что в адвокатской практике нередко встречаются случаи «пассивной лжезащиты» – тенденции пассивного предательства адвокатами-защитниками своих клиентов. В таких случаях адвокат-защитник умыш-

---

[848] Адвокатская газета : офиц. сайт. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/zashchita-ne-mozhet-byt-besslovesnoy/?ysclid=mgmf2svhp1733462198 (дата обращения: 16.10.2025).

[849] АПМО : офиц. сайт. URL: https://apmo.ru/distsiplinarnaya-praktika/zaklyucheniya-kvalifikatsionnoy-komissii/ (дата обращения: 24.10.25).

ленно не оказывает квалифицированную юридическую помощь, бездействуя в интересах третьих лиц[850].

Важным инструментом, способствующим контролю за надлежащим оказанием квалифицированной юридической помощи, а также соблюдением нравственных и этических требований в процессе осуществления защиты, является ответственность адвоката-защитника.

Однако, как справедливо отмечают исследователи, в настоящее время существует необходимость расширения перечня мер дисциплинарной ответственности в целях обеспечения соблюдения принципов профессиональной этики адвоката. Требование необходимости обусловлено дисциплинарной практикой Адвокатских палат субъектов Российской Федерации, которые часто применяли меры, не закрепленные ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», а также Кодексом профессиональной этики адвоката.

Одним из способов совершенствования механизма привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности в Российской Федерации может послужить заимствование характерных черт романо-германской и континентальной правовых семей[851].

Таким образом, целесообразно расширить меры профессиональной ответственности адвоката-защитника путем закрепления как юридической ответственности за нарушение правовых норм, посредством дополнения уже имеющихся мер штрафом и принудительным повышением квалификации, так и моральной ответственности, посредством замечания, предупреждения или выговора.

Одним из способов решения проблемы ненадлежащего оказания юридической помощи может стать введение квалификационными комиссиями при Адвокатских палатах соответствующих субъектов очередных проверочных экзаменов. Помимо прочего, часто возникает необходимость в проведении внеочередных экзаменов для адвокатов, в отношении которых появились сомнения в их профессиональной пригодности. Частое проведение экзаменов для адвокатов стало бы эффективным способом «очищения» адвокатского сообщества, так как зачастую нарушения со стороны адвокатов носят латентный характер.

Поводом для проведения экзамена могло бы стать обоснованное представление руководителя адвокатского сообщества или вице-Президента Адвокатской палаты субъекта.

---

850 См.: *Картавцева С. В., Скоробогатова О. В.* Правовые основы профессиональной деятельности адвоката // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 76.

851 См.: *Козявин А. А., Ксендзык А. П.* Этапы и основные направления развития института профессиональной ответственности адвоката и адвокатского дисциплинарного производства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1 (9).

Стоит отметить, что существование явления пассивной защиты обуславливается в числе прочего ненадлежащей деятельностью следователя. Так, при разъяснении процессуальных прав подозреваемому и обвиняемому не разъясняется право, согласно которому он может отказаться от услуг избранного или назначенного им защитника в порядке ст. 52 УПК РФ. Кроме того, лицам, привлекающимся к уголовной ответственности, не разъясняется право, предусмотренное ч. 1 ст. 50 УПК РФ, о приглашении одновременно нескольких защитников, что может активизировать действия стороны защиты[852].

В связи с этим целесообразным решением представляется включение в ст. 237 УПК РФ одним из оснований возвращения уголовного дела прокурору – нарушение права подозреваемого (обвиняемого) на защиту, в частности, и ненадлежащего оказания квалифицированной юридической помощи защитником.

Таким образом, проблемы пассивной защиты и оказания ненадлежащей юридической помощи можно решить с помощью создания специальных комиссий по контролю качества юридической помощи, проведения внеочередных экзаменов для адвокатов, ужесточенного контроля со стороны адвокатских палат субъекта и соответствующего правового регулирования.

Список использованной литературы

1. *Бичурина, И. Р.* Проблема пассивной защиты в уголовном процессе / И. Р. Бичурина // Экономика и социум. – 2020. – № 12 (79).
2. *Картавцева, С. В.* Правовые основы профессиональной деятельности адвоката / С. В. Картавцева, О. В. Скоробогатова // Вестник Амурского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 76.
3. *Козявин, А. А.* Этапы и основные направления развития института профессиональной ответственности адвоката и адвокатского дисциплинарного производства / А. А. Козявин, А. П. Ксендзык // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 1 (9).
4. *Струкова, В. В.* К вопросу об оказании неквалифицированной юридической помощи со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве / В. В. Струкова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2016. – № 3 (11).
5. *Юмадилов, Б. Г.* Основы адвокатской правозащитной деятельности в аспекте реализации государственной уголовно-правовой политики / Б. Г. Юмадилов // Образование и право. – 2016. – № 2.

---

852 См.: *Струкова В. В.* К вопросу об оказании неквалифицированной юридической помощи со стороны адвоката в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 3 (11).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНОЙ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Елена Валерьевна Серегина
ведущий государственный судебный эксперт
ФБУ РФЦСЭ имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России;
аспирант кафедры судебной экспертологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
seelegold@gmail.com

Аннотация. В настоящей работе автором предложены понятия цифровых технологий и информационных ресурсов при производстве судебной землеустроительной экспертизы. Рассмотрены электронные устройства, оборудование, а также программное обеспечение, которое используют эксперты-землеустроители, и особенности их использования. Также представлены используемые экспертами-землеустроителями информационные ресурсы.

Ключевые слова: цифровые технологии; информационные ресурсы; судебная землеустроительная экспертиза; цифровые технологии в судебной землеустроительной экспертизе; информационные ресурсы в судебной землеустроительной экспертизе.

Землеустроительная экспертиза как самостоятельный вид судебно-экспертного исследования сформировалась в Российском федеральном центре судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Минюсте России (далее – РФЦСЭ), была выделена в 2013 году в отдельную экспертную специальность. Изначально она была представлена тремя вариативными модулями, по которым эксперты могли проходить аттестацию.

С 2021 года и по настоящее время судебная землеустроительная экспертиза представлена в РФЦСЭ тремя самостоятельными экспертными специальностями[853]:

1) 27.1. «Исследование объектов землеустройства, в том числе с определением их границ на местности»;

2) 27.2. «Исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости»;

3) 27.3. «Почвенное, геоботаническое исследование объектов землеустройства».

В настоящей статье будет рассмотрено использование цифровых технологий и информационных ресурсов при производстве судебной землеустроительной экспертизы по экспертным специальностям 27.1 и 27.2.

Под цифровыми технологиями, которые используются при производстве судебной землеустроительной экспертизы, понимается совокупность электронных устройств и оборудования, а также программного обеспечения, с помощью которых обрабатываются цифровые данные, полученные при исследовании.

Под информационными ресурсами, которые используются при производстве судебной землеустроительной экспертизы, понимаются различные открытые и достоверные источники информации, в которых содержатся данные об объектах исследования и прилегающей территории.

Для проведения исследования и ответов на поставленные вопросы по судебной землеустроительной экспертизе по специальности 27.1 «Исследование объектов землеустройства, в том числе с определением их границ на местности», как правило, необходимо проведение экспертного осмотра и выполнение высокоточных измерений по определению месторасположения объектов исследования (земельных участков, зданий, строений, сооружений и других объектов, имеющих отношение к производству исследования).

Фактическое месторасположение объектов исследования выражается координатами характерных точек, которые чаще всего определяются следующими методами[854]:

---

[853] Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечень экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (Приказ от 20 апреля 2023 г. № 72, с изм.).

[854] Об утверждении требований к точности и методам определения координат характерных точек границ земельного участка, требований к точности и методам определения координат характерных точек контура здания, сооружения или объекта незавершенного строительства на земельном участке, а также требований к определению площади здания, сооружения, помещения, машино-места : Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 23 октября 2020 г. № П/0393.

– геодезическим методом (полигонометрия, прямые, обратные или комбинированные засечки и иные геодезические методы);

– метод спутниковых геодезических измерений (определений);

– комбинированный метод (сочетание геодезического метода и метода спутниковых геодезических измерений (определений)).

Реже используется фотограмметрический метод, а для камеральных работ эксперты используют картометрический и аналитический методы.

Таким образом, при производстве судебной землеустроительной экспертизы по специальности 27.1 эксперты чаще всего используют следующие электронные устройства и оборудование: электронное (цифровое) геодезическое оборудование (теодолит, нивелир, тахеометр, лазерный сканер), глобальные навигационные спутниковые системы/*GNSS* оборудование (*GPS*, ГЛОНАСС), дроны, лазерные рулетки и т.п.

При этом все чаще экспертами используются технологии глобального позиционирования с применением *GNSS* оборудования, которое обеспечивает необходимую точность исследования[855]. Однако их применение не всегда возможно. Так, например, если на участке местности, где проводятся исследования, нет устойчивого сигнала связи или необходимо определять местоположение подземных или надземных контуров строений, то эксперты используют геодезическое оборудование и соответствующие методы съемки (полигонометрия, прямые, обратные или комбинированные засечки и иные геодезические методы).

Указанное оборудование в обязательном порядке должно проходить ежегодные поверки, что позволяет обеспечить точность проводимых измерений.

Также в судебной землеустроительной экспертизе почти все исследования в условиях учреждения проводятся на компьютере и / или ноутбуке, а практически на каждом экспертном осмотре (натурное исследование) используется цифровой фотоаппарат.

Как отмечали в своей статье С. М. Салов и Д. В. Самойленко, «фотография в судебной землеустроительной экспертизе используется как средство фиксации объектов и процесса исследования»[856]. То есть могут фиксировать как первичные объекты (земельные участки, здания, строения и сооружения), так и вторичные объекты (материалы дела – документы, отражающие информацию о первичных объектах), а также могут фиксировать и сам ход натурного исследования (показания электронных устройств, точки геодезических измерений и т.д.).

---

855 См.: *Омельянюк Г. Г., Тишкин В. В., Серегина Е. В., Казюлин Р. А.* Проблемы определения фактических границ (координат) объектов исследования при производстве судебной землеустроительной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 3(35). С. 19–38.

856 *Салов С. М., Самойленко С. М.* Цифровая фотография: использование в судебной землеустроительной экспертизе // Аграрное и земельное право. 2019. № 4 (172). С. 113–117.

Таким образом, фотофиксация, с одной стороны, позволяет экспертам восполнить недостаток восприятия информации, а с другой – для лиц, которые назначили экспертизу, и сторон по делу иллюстрирует и всесторонне отражает информацию об объектах исследования, а также в случае необходимости подтверждает проведенное исследование (фотофиксация выноса границ в натуру, показания электронных устройств, а иногда вообще наличие или отсутствие самого объекта исследования и его состояние и т.п.).

С помощью программного обеспечения, которое используется при производстве судебной землеустроительной экспертизы по специальности 27.1, импортируются и обрабатываются полученные высокоточные измерения, строят компьютерно-графические модели с созданием плана исследуемой территории и проводят дальнейшие исследования, такие как: сопоставление, измерение свойств и признаков объектов, проведение различных преобразований и т.п.

Так, при производстве судебной землеустроительной экспертизы по специальности 27.1 чаще всего используется следующее программное обеспечение (далее – ПО): программные комплексы к геодезическому и *GNSS* оборудованию (например: ПроГеоОфис, ПроГеоМобайл, *FFT Field Survey*, *Trimbel Business Center*, *Credo Dat* и многие другие) и прикладные программы на ПО (например: *AutoCAD*, *NanoCAD*, *MapInfo*, АРГО, *Word*, *Exel* и многие другие).

Ни один из таких продуктов, как *AutoCAD*, *NanoCAD*, *MapInfo*, АРГО, на которых эксперты строят компьютерно-графические модели, «не сертифицирован на предмет соответствия точности расчетов и точности создаваемых моделей»[857].

Однако сами измерения, которые выполняют эксперты-землеустроители и которые составляют базу для дальнейшего исследования, должны уравниваться и соответствовать допустимой точности, указанной в Приказе Росреестра № П/0393.

Стоит также отметить и информационные ресурсы, которые используют эксперты-землеустроители по специальности 27.1. В первую очередь, это различные Яндекс-, 2ГИС- и Гугл-карты, которые используются для получения первичной информации об объектах исследования (месторасположение, окружение, подъездные пути, ландшафт местности, наличие и габариты строений, как по картографической основе, так и по имеющимся там панорамам местности на различные даты и многое другое).

Ранее эксперты-землеустроители использовали данные Публичной кадастровой карты (далее – ПКК), на смену которой в 2023 году была введена

---

[857] *Салов С. М., Самойленко Д. В., Фаткулина А. В.* Необходимость испытания компьютерно-графической модели, сканирующих и печатающих устройств на предмет точности при производстве судебной землеустроительной экспертизы // Московский экономический журнал. 2021. № 6. С. 26–35.

Федеральная государственная информационная система «Национальная система пространственных данных» (далее – ФГИС ЕЦП «НСПД»), которая содержит в себе различные сервисы, в том числе и ПКК[858] (см. рис. ниже).

Рис. 1. – Пользовательская активность использования сервисов ФГИС ЕЦП НСПД (по данным заместителя руководителя Росреестра)

Данные информационные ресурсы помогают получить не только первичную информацию об объектах исследования, но и установить первичные признаки несоответствий и пересечений, на основании этих данных эксперты могут запросить необходимые документы у органа или лица, назначившего экспертизу.

То есть перечисленные информационные ресурсы не ложатся в основу самого исследования, они носят информационный характер для эксперта, а для органа или лиц, назначивших экспертизу, и сторон по делу они носят наглядный характер.

Также эксперты-землеустроители используют цифровые ресурсы, где хранятся космические снимки (например, Геопортал данных дистанционного зондирования Земли Госкорпорации «Роскосмос», сервис *EarthExplorer* и другие).

Далее будут рассмотрены цифровые технологии и информационные ресурсы, которые используются при исследованиях по судебной землеустро-

---

[858] URL: https://bft.ru/newspictures/8_%D0%BA%20%D0%BF.1.6_%D0%9D%D0%A1%D0%9F%D0%94_%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5%20%D0%9D%D0%A1%D0%9F%D0%94_%D1%84%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%81%20%D0%BD%D0%B0%20%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B5%D0%B9_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%80_%D0%A2.%D0%90.%D0%93%D1%80%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf?ysclid=mhnii3t8nx87886250 (дата обращения: 10.11.2025).

ительной экспертизе по специальности 27.2. «Исследование объектов землеустройства с целью определения их рыночной и иной стоимости». В данной землеустроительной экспертной специальности решаются стоимостные задачи по определению рыночной и иной стоимости земельных участков без проведения геодезических измерений.

Так, при производстве судебной землеустроительной экспертизы по специальности 27.2 используются следующие электронные устройства и оборудование: компьютер и (или) ноутбук, лазерные рулетки, цифровой фотоаппарат и т.п. На экспертном осмотре эксперты фиксируют взаимное месторасположение и характеристики объектов исследования с помощью фотофиксации, а необходимые измерения выполняются лазерной или металлической рулеткой (например, высота забора, расстояние до дороги и т.п.).

Все дальнейшие исследования, которые выполняют эксперты-землеустроители по специальности 27.2 в условиях экспертного учреждения, происходят на компьютере и (или) ноутбуке с использованием следующего ПО: *Word*, *Excel* и их российские аналоги. Так, для выполнения расчетов по определению рыночной и иной стоимости земельных участков эксперты используют электронные таблицы, которые позволяют вносить формулы, производить сложные вычисления, строить диаграммы и графики.

Информационные ресурсы, которые используют эксперты-землеустроители по специальности 27.2 сопоставимы с ресурсами, которыми пользуются эксперты при производстве судебной землеустроительной экспертизы по специальности 27.1 (Яндекс-, 2ГИС- и Гугл- карты, ФГИС ЕЦП «НСПД»). Как было сказано ранее, указанные информационные ресурсы носят для эксперта информационный характер, но есть и такие ресурсы по специальности 27.2, на которых эксперты-землеустроители основывают свои расчеты (то есть они являются частью исследования), и это базы архивных объявлений о продаже объектов недвижимости (Архивоценщика, *Realto* и аналогичные).

Также в мире идет активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы деятельности человека, и судебная экспертиза не исключение. Многие авторы уже рассматривают возможность применения искусственного интеллекта в различные виды судебных экспертиз.

Так, О. В. Артонова в своей статье писала: «в судебных строительно-технических и землеустроительных экспертизах технологии искусственного интеллекта могут использоваться при определении рыночной стоимости объектов недвижимости, так как данные технологии могут обрабатывать большие объемы объявлений о продаже объектов недвижимости, на основе которых могут определить наиболее вероятную стоимость…»[859].

---

[859] *Артонова О. В.* Компьютерные технологии в судебных строительно-технических и землеустроительных экспертизах, направленных на определение рыночной и иной стоимости объектов недвижимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-1 (97). С. 233–236.

С таким утверждением сложно не согласиться хотя бы в части решения типовых стоимостных задач (когда имеется развитый рынок, а объект исследования типичен для рынка). Так, многие сайты недвижимости уже сейчас предлагают оценить квартиру онлайн по основным ее характеристикам (*irn.ru*, *domclick*, *cian* и т.д.), что подтверждает сказанное выше. Стоимость, которую рассчитывают данные сайты, носит ориентировочный характер для продавцов и покупателей и не основана на точном расчете с учетом всех необходимых ценообразующих факторов, которые влияют на стоимость квартир, и тем самым не может быть использована при стоимостных исследованиях.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить высокую потребность и необходимость использования цифровых технологий и информационных ресурсов при производстве судебной землеустроительной экспертизы.

Список использованной литературы

1. *Артонова, О. В.* Компьютерные технологии в судебных строительно-технических и землеустроительных экспертизах, направленных на определение рыночной и иной стоимости объектов недвижимости / О. В. Артонова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-1 (97). – С. 233–236.
2. *Омельянюк, Г. Г.* Проблемы определения фактических границ (координат) объектов исследования при производстве судебной землеустроительной экспертизы / Г. Г. Омельянюк, В. В. Тишкин, Е. В. Серегина, Р. А. Казюлин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2014. – № 3 (35). – С. 19–38.
3. *Салов, С. М.* Цифровая фотография: использование в судебной землеустроительной экспертизе / С. М. Салов, С. М. Самойленко // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 4 (172). – С. 113–117.
4. *Салов, С. М.* Необходимость испытания компьютерно-графической модели, сканирующих и печатающих устройств на предмет точности при производстве судебной землеустроительной экспертизы / С. М. Салов, Д. В. Самойленко, А. В. Фаткулина // Московский экономический журнал. – 2021. – № 6. – С. 26–35.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВИКТИМБЛЕЙМИНГА

Анастасия Алексеевна Соболева
студентка 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста РФ), г. Калуга, Россия
asoboleva1996@gmail.com

Аннотация. Виктимблейминг представляет собой комплексное явление, суть которого тесно связана как с правовыми, так и с нравственными вопросами. Широкое распространение виктимблейминга в обществе способствует увеличению числа латентных преступлений и приводит к сложностям в раскрытии и расследовании отдельных категорий преступлений. В статье рассматривается природа виктимблейминга, его отдельные проявления, предлагаются пути борьбы с ним.

Ключевые слова: виктимблейминг; обвинение жертвы; потерпевший; криминология; уголовный процесс; преступления против личности.

Отдельным преступлениям в Российской Федерации свойственен высокий уровень латентности. Для преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы латентность – это системная проблема. В 2024 году, согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за совершение преступлений, предусмотренных главой 18 Уголовного кодекса Российской Федерации, было осуждено всего 7944 человека. Отнесение ч. 1 ст. 131 и 132 УК РФ к числу уголовных дел частнопубличного обвинения усугубляет ситуацию[860].

Основным фактором латентности данной группы преступлений выступает, на наш взгляд, чувство стыда, вызванное общественным давлением и осуждением, направленным на перенесение моральной ответственности за произошедшее с преступника на потерпевшего. В зарубежной науке подобное явление получило название «виктимблейминг». С позиции криминологии и юридической психологии виктимблейминг складывается из двух факторов.

---

860 Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 10.10.2025).

Во-первых, потерпевших от половых поступлений общество негласно причисляет к «активному» типу потерпевшего. В криминологии данным термином обозначают тех потерпевших, чье поведение не было агрессивным или конфликтным, но, тем не менее, поспособствовало причинению им вреда[861].

Во-вторых, в обществе выработаны аттитюды к жертвам половых преступлений. Под аттитюдом понимают совокупность социальных установок и убеждений, которые оказывают влияние на то, как индивид оценивает определенные явления.

В отношении потерпевших от преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы аттитюды складываются в представление о «правильной» жертве через призму устаревших социальных оценок. Учитывается, во что жертва была одета, в какой обстановке она находилась и почему в ней оказалось, была ли ситуация в целом социально приемлемой, как жертва себя вела и что сделала для того, чтобы предотвратить совершенное преступление.

Два этих фактора, в свою очередь, и складываются в виктимблейминг: ответственность за преступление перекладывают с преступника на потерпевшего, а значит, по мнению общества, такой потерпевший заслуживает пренебрежения.

Усугубляется ситуация тем, что к виктимблеймингу присоединяются сотрудники правоохранительных органов – люди, которым потерпевшие должны довериться в первую очередь. Уголовный процесс сам по себе может оказаться для жертвы не менее травматичным, чем преступление: помимо следственных действий, отказаться от проведения которых, разумеется, невозможно, возбуждение уголовного дела неминуемо приводит к его огласке – к виктимблеймингу присоединяется общество, чаще всего – местные жители.

Осенью 2024 года в городском сообществе Нижнего Тагила в социальной сети «ВКонтакте» была опубликована новость о том, что мужчину приговорили к пятнадцати годам лишения свободы за продолжаемые изнасилования несовершеннолетней сестры. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы крайне сложны в доказывании, но новость сформулирована следующим образом: «Тагильчанина приговорили к 15 годам колонии из-за слов сестры» и «Никаких доказательств о насилии не нашли, а все равно осудили». Комментаторы массово обвиняют потерпевшую[862].

Но общественное осуждение, как уже указывалось, – это последствие возбуждения уголовного дела. Однако даже до принятия сообщения о преступлении доходит не всегда. На девушек, обратившихся в полицию с заявлением о совершенном преступлении, оказывается колоссальное давление: их призывают «не ломать парням жизнь», стыдят за выбор одежды – девушки уходят, не выдержав.

---

861 *Карасева М. Ю.* Криминологическая характеристика потерпевшего // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1. С. 549–554.

862 Тагильчанина приговорили к 15 годам колонии из-за слов сестры // ВКонтакте. URL: https://vk.com/tagil?w=wall-34172693_2933699 (дата обращения: 10.10.2025).

Еще одна проблемная сфера, состояние которой негласно поддерживается сотрудниками правоохранительных органов, – насилие в уголовно-исполнительной системе. Замалчивание достигло огромных масштабов, а сотрудники отдельных учреждений способствуют укреплению устоявшегося порядка: существование «черных зон» ни для кого не является секретом.

Если же происходит огласка, то общество, состоящее преимущественно из граждан, не имеющих судимости, начинает применять к потерпевшему тюремный жаргон: он был недостаточно мужественным, значит, он «петух» и «опущенный» – заслужил того, что случилось с ним.

Описанное выше приводит к тому, что возникает как естественная, так и искусственная латентность. Стыд, страх и давление – существенные факторы обоих видов. Оценить масштабы проблемы сложно, но опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения, показал, что 77% россиян считают, что в России много случаев незафиксированного сексуализированного насилия[863]. Очевидно, что общественное мнение складывается из наблюдений, которые люди неосознанно совершают в повседневной жизни.

Латентность, в свою очередь, искажает официальную статистику и препятствует разработке, внедрению и применению эффективных мер профилактики данной категории преступлений. С виктимблеймингом нужно бороться, снижать его уровень в обществе, менять отношение к жертве. Можно предложить следующие пути решения проблемы виктимблейминга.

Во-первых, необходимо повышать уровень знаний граждан как в психологической, так и в правовой сфере. Особенно активно следует работать с молодой аудиторией – старшими школьниками и студентами первых курсов юридических направлений, поскольку именно они в дальнейшем станут сотрудниками правоохранительных органов. Важно предотвратить формирование у них пренебрежительного отношения к потерпевшим.

Во-вторых, необходимо поддерживать потерпевших, которые все-таки обратились в правоохранительные органы. Для борьбы с описанным выше поведением сотрудников правоохранительных органов уже существует эффективный механизм – дисциплинарные взыскания (вплоть до увольнения за неполное служебное соответствие), прокурорский надзор и уголовная ответственность по статье «Халатность» (ст. 293 УК РФ). Этот механизм не нужно игнорировать. Любой случай пренебрежительного отношения к жертве стоит освещать настолько же полно, несколько само насилие, потому что со стороны сотрудников правоохранительных органов такое отношение нельзя оправдать, их обязанность – защищать права граждан, даже если, на их взгляд, обращения надуманы. Для фильтрации ложных заявлений существует процессуальный механизм рассмотрения сообщения о преступлении.

---

[863] Насилие. Безнаказанность. Возмездие? // ВЦИОМ.Новости : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nasilie-beznakazannost-vozmezdie (дата обращения: 10.10.2025).

Для оказания психологической помощи потерпевшим видится возможным создание некоммерческих организаций, которые специализировались бы на этом направлении.

В конце хотелось бы отметить, что уголовное право в большинстве случаев не чувствительно к степени «вины» потерпевшего: до тех пор, пока поведение его не является противоправным или аморальным, мы не можем допускать поблажек в отношении лица, совершившего преступления. Такой же подход, как нам кажется, должен сформироваться и с моральной, нравственной стороны.

В целом же виктимблейминг – это комплексная проблема, снижение его уровня до минимальных значений позволит снизить латентность преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы и повысить эффективность мер их профилактики.

Список использованной литературы

Карасева, М. Ю. Криминологическая характеристика потерпевшего / М. Ю. Карасева // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 1. – С. 549–554.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

Николай Антонович Солошенко
студент 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Nikolaysoloshenko@gmail.com

Аннотация. Институт адвокатуры в существе своем представляется важнейшим элементарным субстратом защиты, порождающим механизм предоставления гарантии и обеспечения уязвимой стороне квалифицированной юридической помощи в разноплановой ее вариации. В связи с этим особое внимание приобретает явление адвокатской этики – сочетания тактики и методики осуществления адвокатом своей деятельности, как синтез доверительных отношений и корпоративного правила поведения.

Ключевые слова: адвокатура; корпоративная этика; нравственность; принципы; практика.

Обращаясь к естеству природы и сути междисциплинарной дефиниции «принципа», как некой фундаментальной правовой вуали пронизывающей существо всех отношений, включая и корпоративно-этические в профессиональной сфере деятельности адвоката, стоит обратиться к юридической доктрине. определяющей существо термина как исходные и сквозные основополагающие идеи, выражающие квинтэссенцию урегулирования спектра отношений и взаимодействие их элементов[864]. В дискурсе настоящего исследования фундаментальные начала этики и идеальной модели поведения адвоката отражены в систематизированном документе внутрикорпоративного регламента в субстрате института адвокатуры – Кодексе профессиональ-

[864] См.: *Галимов Э. Р.* Адвокат как субъект оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе: историко-правовое исследование // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 198.

ной этики адвоката в Российской Федерации (далее – КПЭА)[865]. При этом КПЭА не представляется неким «набором рафинированных дескрипций или застывшей конструкцией этики ценностей». В первую очередь, сочетая в себе сложившиеся обычаи и вековые традиции отечественной адвокатуры, он соответствует современным реалиям[866].

Принципы профессиональной деятельности, составляющие основу нравственной этики, вытекают из априорных обязанностей адвоката, как защитника доверителя, по оказанию юридической защиты всеми не запрещенными законом средствами[867].

Принцип неразглашения профессиональной тайны – фундаментально-процессуальный и нравственный принцип, отражающий этическую сторону деятельности адвоката и заключающий в себе элементарные догмы: соблюдения конфиденциальности относительно сведений, полученных от доверителя, а также иных участников судопроизводства. Дефиниция адвокатской тайны раскрыта в положении ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» и ее составляют «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю»[868]. Примеры нарушений конфиденциальности сведений, влекущих за собой лишение статуса адвоката, отразились в рамках дисциплинарного практики. В качестве примера стоит обратиться к Решению № 99 от 24 апреля Адвокатской палаты г. Москвы, по которому адвокат К., представляя интересы своих клиентов-супругов с 2013 по 2021 год, заключил с ними два договора займа на общую сумму 950 тыс. долларов США. Бывший муж гражданки В. подал иск о признании заключенных договоров займа недействительными и мнимыми сделками. В ходе судебного процесса адвокат К. неоднократно раскрывал конфиденциальные сведения в избыточном и дискриминируемом объеме, которые стали ему известны исключительно в ходе восьмилетнего оказания юридической помощи своим бывшим клиентам, несмотря на то, что косвенно они и пересекались с предметом настоящих договоров займа. Квалификационная комиссия признала вину за адвокатом К. и в силу тяжести проступка посчитала несовместимой с обладанием статуса адвоката.

Принцип прямого следования Закону и договору имеет свое отражение в неукоснительном следовании адвокатом норме права и соглашения, нравственному началу и объективной морали, а также в недопущении исполне-

---

865 См.: Адвокат в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Н. А. Колоколова, С. И. Володиной; под общ. ред. А. А. П. Галоганова, Н. Д. Эриашвили. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2025. С. 393.

866 См.: *Бойко Н. Н.* Некоторые аспекты профессиональной этики адвоката // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 163.

867 Кодекс профессиональной этики адвоката // СПС «КонсультантПлюс».

868 Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

ния противоправного интереса доверителя посредством института адвокатуры, пренебрегая этикой профессиональной деятельности. Дисциплинарная практика по настоящему вопросу, помимо большинства случаев нарушения установленным адвокатским сообществом и законодателем норм, представляется и ситуацией перепоручения адвокатом другому юристу своей обязанности по ведению и оказанию юридической помощи. Решением Адвокатской палаты г. Москвы от 15 июля 2025 года № 195 была применена мера дисциплинарной ответственности в качестве предупреждения за нарушение прямого обязательства по договору об оказании юридических услуг и доверенности адвокатом А. перед доверителем О. Виновный ни разу не явился в судебное заседание и делегировал полномочия по сопровождению дела юристу Х., являющейся сотрудником бюро, но не имеющей статуса адвоката, деятельность которой никак не координировалась. При этом оговорка в договоре о «рабочей группе» бюро не снимает с адвоката персональной ответственности по ключевому элементу обязательства – представительство в суде интересов нуждающейся стороны.

Статья 4 Кодекса профессиональной этики адвоката раскрывает принцип добросовестности, чести и достоинства, который выражается в сочетании внутренних стержней – репутации и доброго имени клиента и адвоката, внутренней самооценки и идентификации человеческой ценности обоих участников, состоящих в корреспондирующе-нравственном симбиозе. В качестве примера следует привести Решение № 57 Совета Адвокатской палаты г. Москвы в отношении адвоката Ш. Она, при заключении договора от 16 ноября 2022 г., взяла на себя обязательство на сумму 15 млн рублей достичь «прекращения незаконного уголовного преследования» доверителя Л., указав в пункте 5.1 договора, что «услуги считаются оказанными в момент вынесения постановления о прекращении уголовного преследования». Подобная формулировка создавала у доверителя «гарантии успеха» и благополучного исхода дела, что прямо запрещено подп. 6 п. 1 ст. 9 КПЭА. Вместе с тем представитель не вернул оригинал нотариальной доверенности клиенту, нарушив п. 6 ст. 10 КПЭА.

Принцип уважения и честности отражается в соблюдении норм этики в процессе коммуникации адвоката с доверителем, в недопустимости утаивания или обмана представителем своего клиента. Однако на практике именно данный принцип зачастую подвергается умалению в специфике коммуникации адвоката с клиентом. Так, 5 июля 2023 года адвокат Х. в ходе диалога с доверителем С. в мессенджере *WhatsApp* отправил ему голосовое сообщение, начинавшееся со слов «Слушай, демон» и заканчивавшееся нецензурной бранью в адрес последнего. Сообщение содержало многочисленные оскорбительные выражения и было отправлено в ответ на настойчивые вопросы доверителя о ходе работы по делу. Нарушение этики деловой переписки виновный признал, и в качестве меры было выдвинуто предупреждение по Решению № 38 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 27 февраля 2025 г.

Принцип независимости института адвокатуры и разумной решимости адвоката раскрывает фундаментальное положение – институт адвокатской защиты, как элементарное образование гражданского общества, созданного для представления интересов уязвимых категорий отношений, независим в систематике разделения властей, представителей внутренних дел, следственных органов, органов дознания, прокуратуры, а также иных публичных субстратов. Исходя из фабулы Решения Совета № 109 Адвокатской палаты г. Москвы от 24 апреля 2025 г., адвокат Ф. 26 сентября 2024 года вступила в уголовное дело в качестве защитника обвиняемого Г. по инициативе следователя, в обход обязательной автоматизированной системы распределения дел. Ее назначение было согласовано со следователем и привело к выбытию прежнего защитника – адвоката И., который занимал активную позицию по делу. Для маскировки нарушения следователь внес в систему заявку с искаженными данными, а затем отменил ее, указав ложную информацию о том, что адвокат Ф. вступила в дело по соглашению.

Принцип соблюдения корпоративной этики включает в себя аспект уважительной коммуникации адвоката, ограничивающейся рамками адвокатского образования и выражающейся в уважительном взаимодействии представителей в отношении друг друга и соблюдении основ профессиональной этики в рамках всего судопроизводства с другими участниками процесса. По Решению № 199 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 15 июля 2025 г. адвокату К. было выдвинуто предупреждение в рамках производства за грубые и оскорбительные письма последнего в адрес службы технической поддержки Адвокатской палаты Москвы, относящиеся непосредственно к сотрудникам и руководителю Палаты, что наносит ущерб авторитету сообщества и демонстрирует явное неуважение к коллегам, нарушая догмы корпоративной этики.

Принцип профессиональной беспрекословности во многом следует из ключевой обязанности адвоката, как субъекта, предоставляющего квалифицированную юридическую поддержку, представить законные интересы доверителя и оказать предусмотренную буквой закона гарантированную правовую защиту. Настоящий императив закреплен и в нормах Закона, таких как подп. 6 п. 4 ст. 6 ФЗ об адвокатуре в РФ и ч. 7 ст. 49 УПК РФ, определяющие невозможность отказа адвоката от клиента после назначения первого, за исключением воздействия объективных факторов (форс-мажоров), не всегда зависящих от прямой воли представителя.

Резюмируя вышесказанное, стоит констатировать, что основополагающие начала морально-нравственного спектра архетипа адвоката, как участника процесса и защитника законных интересов, являются идеальными моделями, которым должен следовать представитель по делу.

Список использованной литературы

1. Адвокат в уголовном процессе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Н. А. Колоколова, С. И. Володиной; под общ. ред. А. П. Галоганова, Н. Д. Эриашвили. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2025. – 495 с.
2. *Галимов, Э. Р.* Адвокат как субъект оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе: историко-правовое исследование / Э. Р. Галимов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 197–200.
3. *Бойко, Н. Н.* Некоторые аспекты профессиональной этики адвоката / Н. Н. Бойко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 162–164.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР И МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Танзила Алихановна Цицкиева
студентка 4-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
tsitskvtanzi@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью совершенствования уголовного судопроизводства и интеграции медиативных технологий. Цель исследования – анализ законодательства и практики применения института примирения сторон, выявление проблем его реализации. Проанализировано состояние правового регулирования и медиативных процедур. В результате мы пришли к выводу о необходимости внесения изменений в законодательство для расширения применения медиации.

Ключевые слова: медиация; уголовный процесс; уголовно-процессуальное законодательство; юстиция; примирение.

Развитие уголовного судопроизводства в Российской Федерации в последнее время находится в поиске новых методов и способов как борьбы с преступностью, так и уменьшения нагрузки на судебную систему. Зачастую уголовный процесс и система наказаний не справляются с этой задачей, так как прямое осуждение лица за деяние может не учитывать индивидуальный статус обвиняемого. В совокупности с проблемами перенасыщенности судебной системы и усиления обвинительного уклона будут игнорироваться права потерпевшего как на справедливое наказание, так и на полное возмещение ущерба.

В связи с этим особую актуальность приобрели примирительные и восстановительные процедуры. Институт примирения сторон является одним из важнейших механизмов гуманизации уголовного процесса, обеспечивающих переход от карательной модели к восстановительной юстиции. Его суть заключается в возможности, в соответствии со ст. 25 УПК РФ[869], прекращения

[869] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

уголовного дела в связи с примирением сторон в случае, если лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления небольшой или средней тяжести, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. При этом круг лиц и условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон определены ст. 76 УК РФ[870].

За 2020–2025 гг. практика примирения значительно активизировалась, особенно по делам о кражах, мошенничестве, преступлениях против безопасности движения и причинении вреда здоровью, однако сохраняются проблемы: отсутствие легального определения примирения, несогласованность норм, формальный характер проверки добровольности применения и отсутствие в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве института медиации[871]. В постановлении Пленума ВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19[872] закреплено положение о том, что прекращение уголовного преследования возможно лишь при примирении и полном возмещении потерпевшему вреда. Судебная практика последних лет подтверждает эффективность института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон: дела о нарушении правил дорожного движения (ПДД) или имущественные преступления нередко прекращаются при согласии потерпевших и возмещении ущерба. ФПА РФ отмечает рост применения примирения и необходимость мотивировать отказ в нем, указывая, что наличие нескольких потерпевших не исключает прекращения при компенсации каждому.

Несмотря на положительную динамику, практика остается неоднородной. Некоторые суды и прокуроры видят в примирении исключение из принципа неизбежности наказания или прекращают дела без полного возмещения вреда, что противоречит разъяснениям ВС РФ. Сложности вызывает и отсутствие регламентации института медиации в уголовном процессе. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[873] рассчитан на гражданско-правовые споры и не закрепляет статус медиатора и порядок заключения соглашений в рамках уголовного судопроизводства. Конституционный и Верховный суды РФ подчеркивают, что примирение способствует справедливости и гуманизму, однако для его эффективного развития требуется устранение норматив-

---

870 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

871 См.: *Белоусова А. Ю.* Перспективы интеграции медиации в уголовный процесс РФ // Научные труды. 2024. № 4. С. 112.

872 О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

873 Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

ных пробелов и интеграция восстановительных технологий в уголовное судопроизводство.

В настоящее время в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации отсутствует прямое закрепление института медиации. Между тем элементы примирительных процедур уже предусмотрены ст. 25 УПК РФ, допускающей прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, и ст. 76 УК РФ, устанавливающей возможность освобождения от уголовной ответственности по тем же основаниям. Однако нормы УК РФ и УПК РФ не содержат понятий «медиация» и «медиатор», не определяют их правовую природу, статус участников и порядок проведения процедуры медиации, что приводит к разнородной практике и отсутствию единого механизма применения медиативных технологий в уголовном судопроизводстве[874].

Согласно Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиация представляет собой особую форму разрешения конфликта при содействии независимого и беспристрастного посредника – медиатора. Цель данной процедуры заключается в достижении сторонами взаимоприемлемого решения, восстановлении нарушенных прав и социальной справедливости. В гражданском и административном судопроизводстве этот институт уже успешно применяется, но в уголовном процессе его использование остается вне правового регулирования.

Между тем введение института медиации в уголовно-процессуальное право отвечает современным тенденциям гуманизации уголовной политики и развитию восстановительного правосудия. Опыт зарубежных государств (Германии, Франции, Канады и др.) показывает, что применение медиации по уголовным делам способствует снижению уровня рецидива, ресоциализации правонарушителя, а также удовлетворению интересов потерпевшего, в том числе моральных и психологических. Применение медиации в уголовном процессе позволяет рассматривать уголовно-правовой конфликт не только с позиции наказания, но и с точки зрения восстановления справедливости и законности[875].

Для закрепления института медиации в уголовно-процессуальном законодательстве предлагается внести ряд изменений в УПК РФ, в частности, дополнив его новой ст. 5.1, в которой дать законодательное определение понятий «медиация» и «медиатор». Под медиацией следует понимать процедуру урегулирования уголовно-правового конфликта с участием независимого посредника, направленную на достижение сторонами взаимоприемлемого соглашения. Медиатором должно признаваться лицо, обладающее необходимой квалификацией, независимое от органов дознания, следствия и суда, действующее на принципах добровольности, беспристрастности и конфиденциальности.

---

874 *Исаев Ф. Р.* Вопрос о примирении сторон по уголовному делу в современной уголовно-процессуальной науке // Юридические исследования. 2025. № 1. С. 79.

875 *Калинина Е. В.* Научные подходы к вопросу о возможности применения медиации в уголовном судопроизводстве России // Теория государства и права. 2025. № 2. С. 56.

Полагаем также дополнить главу 8 УПК РФ ст. 58.1 «Медиатор», определяющей его процессуальный статус, права и обязанности. Медиатор должен быть признан участником уголовного процесса, привлекаемым для содействия примирению сторон. Ему необходимо предоставить право получать от участников конфликта информацию, необходимую для переговоров, знакомиться с материалами дела в пределах, установленных следователем или судом, проводить совместные и отдельные переговоры с участниками, а также помогать им в оформлении медиативного соглашения. При этом медиатор обязан соблюдать нейтралитет, не высказывая мнения о виновности лица, и не оказывать юридическую помощь. К нему должны применяться требования, предусмотренные ст. 15–16 Федерального закона № 193-ФЗ.

Следующим шагом должно стать дополнение главы 29 УПК РФ новой ст. 212.1 «Прекращение уголовного дела в связи с проведением процедуры медиации». В ней целесообразно предусмотреть, что уголовное дело может быть прекращено при успешном завершении процедуры медиации, если обвиняемый (подозреваемый) возместил причиненный вред и достиг примирения с потерпевшим. Медиативное соглашение в таком случае подлежит приобщению к материалам уголовного дела и рассматривается судом как основание для прекращения производства по делу[876].

Для системного регулирования предлагается включить в УПК РФ отдельную гл. 52.1 «Процедура медиации в уголовном судопроизводстве». В ней следует закрепить основания проведения медиации, порядок назначения медиатора, сроки и принципы процедуры, права сторон, а также правовые последствия заключения медиативного соглашения.

В целях согласования с действующим Федеральным законом № 193-ФЗ следует внести в его ст. 1 дополнение, предусматривающее распространение действия данного закона на отношения, возникающие при применении процедуры медиации в уголовном судопроизводстве[877].

Процедуры альтернативного разрешения споров в современном российском уголовном судопроизводстве рассматривают решение конфликта не только через непосредственное примирение, т. е. урегулирование возникшего правового конфликта обоюдно, но также и через иные методы, к которым относят: примирение, судебный штраф, деятельное раскаяние и т.д.

Таким образом, посреднические процедуры в России потенциально могут изменить в лучшую сторону альтернативные процедуры, расширить количество и качество примирительных процедур, а также продемонстрировать силу гуманности российского судопроизводства, показывая его не как исключительно репрессивную машину, а как справедливую и законную систему.

---

876 *Самиулина Я. В.* Примирение с потерпевшим как уголовно-процессуальная категория // Научный вестник. Юридические науки. 2024. № 6. С. 63.

877 *Филоненко Т. В.* Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному наказанию // Вестник юридических наук. 2024. № 2. С. 95.

Список использованной литературы

1. *Белоусова, А. Ю.* Перспективы интеграции медиации в уголовный процесс РФ / А. Ю. Белоусова // Научные труды. – 2024. – № 4. – С. 112.
2. *Исаев, Ф. Р.* Вопрос о примирении сторон по уголовному делу в современной уголовно-процессуальной науке / Ф. Р. Исаев // Юридические исследования. – 2025. – № 1. – С. 79.
3. *Калинина, Е. В.* Научные подходы к вопросу о возможности применения медиации в уголовном судопроизводстве России / Е. В. Калинина // Теория государства и права. – 2025. – № 2. – С. 56.
4. *Самиулина, Я. В.* Примирение с потерпевшим как уголовно-процессуальная категория / Я. В. Самиулина // Научный вестник. Юридические науки. – 2024. – № 6. – С. 63.
5. *Филоненко, Т. В.* Восстановительное правосудие как альтернатива уголовному наказанию / Т. В. Филоненко // Вестник юридических наук. – 2024. – № 2. – С. 95.

Современные проблемы государственной службы в Российской Федерации. Этический кодекс государственного (муниципального) служащего

ЭТИЧЕСКИЙ КОДЕКС КАК «МЕРТВАЯ БУКВА»: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ФОРМАЛИЗМА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКЕ ЮРИСТА

Алина Павловна Алексеева
студентка 2-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alinalekseeva339@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена кризисом доверия к юридическим профессиям и низкой эффективностью действия профессиональных этических кодексов. Цель работы – выявить системные причины их декларативности и предложить конкретные механизмы активизации. Проанализированы такие проблемы, как круговая порука, психология безнаказанности, разрыв между духом и буквой права.

Ключевые слова: профессиональная этика; этический кодекс; юридическое сообщество; дисциплинарная ответственность; круговая порука; моральный формализм.

Современное российское юридическое сообщество формально обладает всеми необходимыми инструментами для поддержания профессиональной этики. У каждого института – будь то адвокатура, прокуратура или судейский корпус – существует свой этический кодекс, призванный регулировать поведение его членов[878]. Однако на практике эти документы чаще всего выполняют декларативную функцию, не оказывая реального влияния на поведение специалистов. Как метко заметил один из преподавателей юридической этики, «кодексы есть, но этики нет». Это высказывание отражает системную проблему лицемерия (*hypocrisy*), когда формальные нормы существуют лишь для отчетности, а их нарушение остается без последствий.

---

[878] См.: Кодекс профессиональной этики адвоката : утв. Всерос. съездом адвокатов 31 янв. 2003 г. // Российская газета. 2017. № 93.

1. Системные причины неэффективности этических кодексов

1.1. Психология безнаказанности и культура «круговой поруки»

Одной из ключевых причин формального отношения является укоренившаяся психологическая установка на безнаказанность. Большинство работников правоохранительных органов и судебной системы прекрасно знают, что нарушение этических норм не повлечет серьезных последствий. На уровне профессиональной культуры закрепилась установка: «если не нарушен закон – значит, все в порядке». В результате многие допускают проявления грубости, неуважения, предвзятости, не воспринимая их как неэтичные. Особую опасность представляет ситуация, когда руководители демонстрируют безнаказанное поведение, разрушая мотивацию младших сотрудников.

Этот подход усугубляется феноменом круговой поруки. Принцип корпоративной солидарности («не выноси сор из избы») оказывается сильнее принципа законности и справедливости. Этические комиссии, состоящие из представителей того же коллектива, де-факто находятся в положении конфликта интересов. Они не заинтересованы в обнародовании случаев непрофессионального поведения, поскольку это может бросить тень на весь орган или ведомство[879]. Поэтому во многих случаях выносится «мягкое» решение – замечание или устное предупреждение. В итоге формируется корпоративная культура молчаливого согласия, где этические нарушения считаются допустимыми, если они «не выходят наружу».

1.2. Разрыв между буквой и духом права и проблема двойной морали

Глубинной причиной кризиса является расхождение между буквой и духом права. В юридической практике преобладает формальный подход: главное – не нарушить процессуальные нормы. Однако с моральной точки зрения даже формально правильное решение может быть несправедливым. Например, судья, который отказывает в удовлетворении ходатайства лишь потому, что «так будет быстрее закрыть дело», действует в рамках закона, но нарушает принципы справедливости и беспристрастности, закрепленные в Кодексе судейской этики.

Кроме того, этические нормы часто применяются избирательно, порождая двойные стандарты. Один и тот же проступок может быть по-разному оценен в зависимости от должности и положения нарушителя. Если рядовой сотрудник прокуратуры за грубость получает выговор, то руководитель может отделаться «воспитательной беседой». Такое неравенство в применении норм делает Кодекс инструментом символическим, а не реальным, и подрывает веру работников в справедливость дисциплинарных механизмов.

---

[879] Подробнее о проблеме конфликтов интересов см.: *Лапаева В. В.* Этика и профессиональная культура юриста : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2020. С. 45–47.

1.3. Институциональная апатия и проблема правоприменительного усмотрения

Наряду с психологическими и культурными факторами, значимым барьером является институциональная апатия – нежелание руководящих структур юридических ведомств инициировать и развивать систему этического контроля[880]. Зачастую этические комиссии создаются в ответ на формальное требование закона, но не получают реальных полномочий, ресурсов или административной поддержки для самостоятельной деятельности.

Усугубляет ситуацию проблема правоприменительного усмотрения. Многие формулировки в этических кодексах, такие как «недостойное поведение», «поступок, порочащий честь», носят оценочный характер. В отсутствие детализированных методик и единообразной практики это приводит к крайней субъективности в квалификации нарушений. Один и тот же поступок в разных ведомствах или даже у разных руководителей может быть расценен как незначительный проступок или как серьезное этическое нарушение. Эта правовая неопределенность дефактолегализует бездействие, так как всегда можно сослаться на отсутствие однозначных критериев для привлечения к ответственности.

2. Современные вызовы и пути решения

2.1. Этика как антикоррупционный барьер: превентивная функция

Важно рассматривать профессиональную этику не как обособленную моральную категорию, а как ключевой элемент системы противодействия коррупции. Многие формы коррупционного поведения начинаются именно с малых этических нарушений: принятия «незначительных» подарков, оказания «взаимных услуг», использования служебного положения для решения личных вопросов. Создание устойчивой привычки к соблюдению этических норм формирует своего рода иммунитет к более серьезным злоупотреблениям[881].

Таким образом, эффективный этический контроль выполняет важнейшую превентивную функцию. Он позволяет выявлять и купировать проблемное поведение на ранней стадии, не дожидаясь, когда оно перерастет в состав административного или уголовного правонарушения. Инвестиции в развитие этической инфраструктуры – это, по сути, инвестиции в снижение коррупционных рисков и повышение общего уровня доверия к государственным институтам.

2.2. Роль общественного контроля и обратной связи

В условиях неполной эффективности внутренних ведомственных механизмов возрастает роль внешнего контроля. Институты гражданского общества, средства массовой информации и профессиональные сообщества могут выступать в качестве действенных «внешних наблюдателей».

---

880 О соотношении духа и буквы права см.: *Мальцев Г. В.* Право и нравственность : учеб. пособие. М. : Норма, 2019. С. 112.

881 Об этике как антикоррупционном механизме см.: *Сырых В. М.* Юридическая деонтология : учебник для вузов. 6-е изд. М. : Норма, 2021. С. 198–202.

2.3. Информационная политика и общественный контроль

Законодательное закрепление обязанности публиковать обезличенные решения комиссий по этике. На официальных сайтах должны размещаться не просто факты нарушений, но и мотивировочная часть, объясняющая, почему тот или иной поступок был квалифицирован как неэтичный. Это сформирует обширную и доступную базу для обучения и выработки единообразной практики.

Создание при крупных ведомствах общественных советов по этике с расширенными полномочиями. В их состав должны входить не только назначенные чиновники, но и избираемые представители от рядовых сотрудников, а также авторитетные ветераны профессии, правозащитники и представители научного сообщества. Такой совет должен иметь право инициировать проверки и запрашивать любую информацию, не составляющую гостайну.

Данный комплекс мер направлен на создание прозрачной, многоуровневой системы, где этика перестает быть личным делом каждого и становится измеримым и значимым элементом профессиональной карьеры, а ее нарушение – экономически и репутационно невыгодным.

Этический кодекс не должен быть «мертвой буквой». Его назначение – поддерживать моральный климат профессии и укреплять доверие общества к юридической системе. Пока эти кодексы остаются символом, а не инструментом, любая реформа правосудия обречена на половинчатость. Как отмечает Г. В. Мальцев, «право без нравственности превращается в формальную систему запретов, которая не может вдохновлять и направлять человека». Реальные изменения возможны лишь тогда, когда за словами о профессиональной чести последуют системные действия, а ответственность за безнравственность станет не редкостью, а нормой.

Список использованной литературы

1. *Лапаева, В. В.* Этика и профессиональная культура юриста : учеб. пособие / В. В. Лапаева. – Москва : Юрайт, 2020. – 212 с.
2. *Мальцев, Г. В.* Право и нравственность : учеб. пособие / Г. В. Мальцев. – Москва : Норма, 2019. – 352 с.
3. *Сырых, В. М.* Юридическая деонтология : учебник для вузов / В. М. Сырых. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2021. – 416 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ВНЕСУДЕБНОГО (АДМИНИСТРАТИВНОГО) ПРОИЗВОДСТВА ПО РАЗРЕШЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Дмитрий Владимирович Гвоздев
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь
zdvg77@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена наличием пробелов правового регулирования общественных отношений в сфере административного обжалования решений, действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц. Цель – формулирование теоретических положений о процессуальной форме внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров. На основе анализа законодательства Республики Беларусь выявляются особенности правоприменительной управленческой деятельности, реализуемой в процессе доказывания обстоятельств, имеющих значение для разрешения и рассмотрения административных жалоб. В результате обосновывается вывод о наличии самостоятельной процессуальной формы внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров.

Ключевые слова: процессуальная форма; административное производство; административно-правовой спор; обжалование; доказывание.

Рассматривая особенности процессуальной формы разрешения административно-правовых споров, следует отметить, что сама процессуальная деятельность по их разрешению носит межотраслевой характер. Обусловлено это тем, что материальный юридический факт, являющийся основанием возникновения соответствующих процессуальных правоотношений, закреплен нормами материального административного права и заключается в несогласии подвластного субъекта материальных административных правоотноше-

ний с вынесенным в отношении него государственно-властным решением, совершенным (несовершенным) государственно-властным действием. При этом правовой аспект указанного юридического факта предусматривает возможность возникновения права указанного субъекта на оспаривание действий и решений государственных органов и их должностных лиц как в административном (право на подачу административной жалобы), так и в судебном (право на подачу административного иска) порядке.

В правовой науке отмечается: «Значение процессуальной формы защиты права состоит в создании определенного стандарта юрисдикции, который с одной стороны обеспечивает для заинтересованных в исходе дела лиц процессуальные гарантии правомерного разрешения дела, а с другой стороны создает условия, позволяющие правильно применить нормы материального и процессуального права, вынести законное и обоснованное решение по делу, обеспечить условия для его исполнения»[882].

Анализируя особенности процессуальной формы внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров в Республике Беларусь, можно выделить ряд ее специфических особенностей.

Так, говоря о совокупности правовых норм, регулирующих рассматриваемую процессуальную деятельность, следует отметить, что она представляет собой самостоятельный административно-правовой институт.

Вместе с тем объем указанного административно-правового института не совпадает с объемом административного законодательства, содержащего его нормы. В частности, общественные отношения, складывающиеся в процессе внесудебного (административного) обжалования решений, действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц, являются факультативным предметом правового регулирования различных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в различных сферах государственного управления (лицензионные, налоговые, контрольно-надзорные и пр.), что, в свою очередь, порождает наличие правовых пробелов и неопределенностей. Указанное обусловливает необходимость принятия комплексного нормативного правового акта, устанавливающего единые требования к основанию и предмету административной жалобы, срокам ее подачи и рассмотрения, порядку производства и оформления процессуальных действий, реализуемых в целях установления истины по делу[883].

---

882 См.: Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. 3-е изд., перераб. и доп. Минск : Изд. центр БГУ, 2020. С. 10–11.

883 См.: *Гвоздев Д. В.* О предмете правового регулирования административно-правового института внесудебного разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь // Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса, посвященной памяти Надежды Георгиевны Салищевой (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей. М. : РГУП, 2025. С. 146–157.

Нормативное закрепление процессуального порядка разрешения административно-правовых споров является важным, однако не единственным требованием, предъявляемым к его процессуальной форме. Совокупность указанных норм образует составную часть правовой системы в виде либо самостоятельной процессуальной отрасли права, либо правового института, входящего в ту или иную правовую отрасль[884]. Иными словами, рассматриваемая процессуальная форма должна иметь соответствующее нормативное выражение в виде источника права (акта законодательства либо его структурного элемента, либо их совокупности). Однако не стоит отождествлять процессуальную форму с формой (источником) права. Так, если форма (источник) права относится к статической стадии механизма правового регулирования (закрепляет права, обязанности и полномочия соответствующих субъектов), то процессуальная форма – это требования, предъявляемые непосредственно к деятельности субъектов процессуальных правоотношений, включая последовательность совершения процессуальных действий, требования к порядку их осуществления, процессуального оформления и пр.[885]

Немаловажным требованием, предъявляемым к процессуальной форме, является определенная процессуальным законом последовательность совершения процессуальных действий, вынесения процессуальных решений[886]. При этом следует отметить, что сами процессуальные действия, их виды, порядок осуществления и оформления являются важнейшим условием законности и обоснованности деятельности соответствующих субъектов по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для разрешения правовых споров. «Для того, чтобы определить роль и значение процессуальной формы в установлении истины, необходимо определить свое отношение к категории «доказательства», т. к. истина устанавливается с помощью доказательств, а доказательства имеют свою установленную законодателем процессуальную форму, в т. ч. и письменную»[887].

Отметим, что общественные отношения в сфере рассмотрения и разрешения административных жалоб складываются преимущественно в рамках реализации государственной функции правоприменения. Иными словами, субъектами процессуальных правоотношений, возникающих в рамках внесудебного (административного) производства по разрешению административно-правовых споров в широком смысле в большинстве случаев являются те же субъекты, между которыми этот спор возник (государственный орган

---

884 См.: *Алексеев А. А.* Структура советского права. М. : Юрид. лит-ра, 1975. С. 6.

885 См.: *Сенин И. Н.* Механизм правового регулирования и юридическая техника // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2019. № 1 (29). С. 81.

886 См.: *Чулюкин Л. Д., Гурьянова В. В., Исаев Э. Е.* Проблемы процессуальной формы // Вестник экономики, права и социологии. Право. 2022. № 2. С. 89.

887 *Волчихина Л. А.* Роль процессуальной формы в установлении судебной истины в гражданском судопроизводстве // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Право. 2013. Вып. 11 (127). С. 2.

(администрация), пусть и вышестоящий, и подвластный субъект). Таким образом, и разрешение данных правовых споров в большинстве своем носит характер исполнительно-распорядительной государственно-властной деятельности по реализации функций исполнительной ветви власти (функции правоприменения)[888].

Исходя из изложенного, особенность рассматриваемого порядка разрешения административно-правовых споров заключается в том, что действия, осуществляемые в рамках установления всех обстоятельств, имеющих значение для дела, должны осуществляться посредством реализации государственно-властных полномочий соответствующего субъекта.

Исследование административного законодательства Республики Беларусь показывает, что в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров полномочия соответствующих должностных лиц урегулированы лишь на завершающей стадии рассматриваемой процессуальной деятельности (стадии рассмотрения административной жалобы), на которой реализуется такой элемент доказывания, как *оценка* доводов и оснований, указанных в жалобе. Что же касается процессуальных полномочий, реализуемых в ходе *собирания и проверки* доказательств, свидетельствующих о наличии (отсутствии) обстоятельств, имеющих значение для обоснованного и законного решения по делу, то подобное правовое регулирование в Республике Беларусь отсутствует.

Вместе с тем отсутствие нормативно закрепленных полномочий государственных органов и их должностных лиц по осуществлению процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для дела, порождает наличие пробела в правовом регулировании внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров в части возможности оценки имеющихся обстоятельств при принятии решения по административной жалобе с точки зрения их достаточности.

Так, неурегулированность рассматриваемых полномочий, а соответственно, обязанности их реализовывать, с одной стороны, порождает легальную возможность формального подхода к рассмотрению административной жалобы (грубо говоря, возможность рассмотреть ее «не выходя из кабинета»), с другой стороны, полнота проведения проверки, наличие всех обстоятельств, имеющих значение для дела не подлежат оценке вследствие отсутствия реального наполнения соответствующей процессуальной деятельности.

Более того, наличие рассматриваемых государственно-властных полномочий должно порождать возникновение корреспондирующих им прав и обязанностей подвластной стороны материальных административных правоот-

---

888 См.: *Гвоздев Д. В.* Разрешение административно-правовых споров как правовое средство обеспечения законности в деятельности органов государственного управления по работе с обращениями граждан // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1. С. 6.

ношений (являться (отказаться от явки) по приглашению, давать объяснения (отказаться от дачи объяснений), предоставлять документы и пр.), что также требует их нормативного закрепления.

Кроме этого, существует точка зрения, согласно которой: «Установление судебной истины по делу гарантируется как гражданской процессуальной формой, так и принципом состязательности»[889].

Очевидно, что при правоприменительном, государственно-властном, управленческом характере разрешения административно-правового спора во внесудебном (административном) порядке ни о какой состязательности речи не идет. Должностное лицо должно действовать исходя из предоставленных ему полномочий по собственному усмотрению, руководствуясь целями и задачами, стоящими перед соответствующим государственным органом и принципом законности.

Вместе с тем следует обратить внимание, что основанием рассматриваемой процессуальной деятельности является спорный характер материальных административных правоотношений, который связан с возможным нарушением прав и интересов заявителя, являющегося управомоченной стороной административно-правового спора. Изложенное свидетельствует о наличии права заявителя на обоснование своих требований, предоставление необходимых сведений, документов, юридическую помощь и пр.

При этом полагаем, что указанные сведения, доводы, документы и пр. не должны носить юридически обязательного характера для соответствующего должностного лица, поскольку, как уже установлено, доказательства должны быть получены посредством реализации государственно-властных полномочий.

Иными словами, граждане должны иметь право предоставлять необходимые материалы. В свою очередь, государственный орган (должностное лицо) обязан их принять, однако в любом случае установить их относимость, допустимость, достоверность и достаточность (придать им свойство доказательств) необходимо посредством реализации соответствующей государственно-властной деятельности.

Указанное свидетельствует, что в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров должностное лицо, осуществляющее проверку по жалобе, ни в коей мере не должно быть связано доводами и основаниями административной жалобы, при этом должно получать и исследовать доказательства по собственной инициативе.

Несмотря на очевидность приведенного положения, думается, что оно должно быть закреплено нормативно и иметь всеобщий универсальный характер. Связано это в числе прочего и с необходимостью исключения необоснованного вмешательства подвластной стороны материальных административных правоотношений в государственно-властную деятельность государственных органов и их должностных лиц.

---

[889] *Волчихина Л. А.* Там же. С. 1.

Анализ белорусского законодательства показывает, что подобная норма закреплена лишь в Законе Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур»[890]. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 36 указанного нормативного правового акта орган, рассматривающий жалобу, не связан доводами административной жалобы, проверяет законность и обоснованность обжалуемого административного решения в полном объеме.

В связи с этим целесообразно в рамках дальнейшего совершенствования нормативного правового регулирования общественных отношений, складывающихся в рамках внесудебного (административного) порядка разрешения административно-правовых споров, закрепить в предложенном выше нормативном правовом акте положение об исключительной роли государственных органов и их должностных лиц по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для дела.

Одним из важнейших требований к процессуальной форме является должное оформление собранных по делу доказательств. «Допустимость доказательств предполагает их правильную фиксацию... допустимость доказательств предполагает, что они должны быть собраны в установленном порядке, а также выражены в средствах доказывания»[891].

Рассматриваемый критерий оценки доказательств (с точки зрения их допустимости) в полной мере применим к доказательствам, получаемым во внесудебном (административном) производстве по разрешению административно-правового спора. Вместе с тем, вопросы процессуального оформления действий и решений участников рассматриваемых процессуальных правоотношений в белорусском законодательстве сводятся к требованиям, предъявляемым лишь к административной жалобе и решению, принимаемому по результатам ее рассмотрения.

Учитывая, что действия, направленные на собирание, проверку и оценку доказательств в рамках данной деятельности, представляют собой реализацию государственно-властных полномочий соответствующих государственных органов и их должностных лиц, придание им юридической силы должно осуществляться посредством соответствующей процессуальной формы.

В частности, ход и результаты опроса заявителя, свидетеля и пр. должны фиксироваться в протоколе опроса. При необходимости проведения осмотра его ход и результаты также должны фиксироваться в протоколе. В некоторых случаях может возникать необходимость изъятия документа, видеозаписи, вещественного доказательства, что также требует соответствующего процессуального оформления.

---

890 Об основах административных процедур : Закон Респ. Беларусь, 28 окт. 2008 г. № 433-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 дек. 2024 г. № 44-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: https:// https://etalonline.by/document/?regnum=h10800433&q_id=2519284

891 Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022. Том 1 : Общая часть. С. 183.

Указанное не только позволит придать сведениям, полученным в результате осуществления соответствующих действий свойства доказательств, а соответственно, юридической силы, но и гарантирует более качественную защиту процессуальных прав заявителя, а также полномочий соответствующего государственного органа (должностного лица).

Таким образом, исходя из изложенного, процессуальная деятельность в рамках внесудебного (административного) разрешения административно-правовых споров реализуется в особой процессуальной форме, требующей самостоятельного нормативного закрепления в комплексном нормативном правовом акте, относящемся к отрасли административного права.

Список использованной литературы

1. *Алексеев, А. А.* Структура советского права / А. А. Алексеев. – Москва : Юрид. лит-ра, 1975. – 264 с.
2. *Волчихина, Л. А.* Роль процессуальной формы в установлении судебной истины в гражданском судопроизводстве / Л. А. Волчихина // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Право. – 2013. – Вып. 11 (127). – С. 1–8.
3. *Гвоздев, Д. В.* О предмете правового регулирования административно-правового института внесудебного разрешения административно-правовых споров по законодательству Республики Беларусь / Д. В. Гвоздев // Актуальные проблемы внесудебного и судебного административного процесса, посвященной памяти Надежды Георгиевны Салищевой (к 100-летию со дня рождения) : сборник научных статей. – Москва : РГУП, 2025. – 186 с.
4. *Гвоздев, Д. В.* Разрешение административно-правовых споров как правовое средство обеспечения законности в деятельности органов государственного управления по работе с обращениями граждан / Д. В. Гвоздев // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 1. – С. 5–12.
5. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.
6. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2022. Том 1 : Общая часть. – 550 с.
7. *Сенин, И. Н.* Механизм правового регулирования и юридическая техника / И. Н. Сенин // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2019. – № 1 (29). – С. 80–84.
8. *Чулюкин, Л. Д.* Проблемы процессуальной формы / Л. Д. Чулюкин, В. В. Гурьянова, Э. Е. Исаев // Вестник экономики, права и социологии. Право. – 2022. – № 2. – С. 87–92.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ДЕФОРМАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ И СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭТИКИ

Софья Сергеевна Куракина
студентка 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sonia.kurakina@gmail.com

Аннотация. Автором в статье исследуются этические дилеммы, возникающие в ходе цифровой трансформации государственной службы. В статье анализируются причины сохранения и трансформации отклонений в официальном поведении, таких как безразличие и грубость чиновников, в цифровой среде. На основе анализа современных источников (2021–2025 гг.) утверждается, что технологическая модернизация без параллельной трансформации административной культуры приводит к усилению отчуждения между гражданами и государством.

Ключевые слова: государственная служба; административная этика; цифровизация; этические нормы; технологии; государственная служба; эмпатия.

С одной стороны, как отмечается в отчете ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), цифровые технологии открывают беспрецедентные возможности для оптимизации процессов и создания услуг, ориентированных на пользователя[892]. С другой стороны, технология сама по себе не является гарантией соблюдения этических норм. Исследования в области административной этики подчеркивают, что честность, уважение и беспристрастность остаются краеугольными камнями эффек-

[892] OECD. Good Practice Principles for Data Ethics in the Public Sector. – OECD Publishing, 2021. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/03/oecd-good-practice-principles-for-data-ethics-in-the-public-sector_7a36f20d/caa35b76-en.pdf

тивного управления, независимо от формы взаимодействия[893]. Как подчеркивают российские исследователи, этические проблемы цифровой трансформации российской государственной службы часто отстают от темпов технологических инноваций. По мнению А. В. Рябова, «технологическая модернизация без ценностной переориентации сотрудников воспроизводит бюрократическое отчуждение в цифровых формах»[894]. Е. И. Долгова также указывает, что административная культура в России сохраняет патерналистские черты, которые затрудняют развитие этической чувствительности в цифровой среде[895]. Ключевым документом являются Принципы надлежащей практики этики обработки данных в государственном секторе ОЭСР (2021), в котором предупреждается, что цифровизация без этической основы создает системные риски – от нарушений конфиденциальности данных до алгоритмической дискриминации и подрыва общественного доверия. Таким образом, цифровая среда становится не просто инструментом, а полигоном для тестирования устойчивости этических норм государственной службы.

1. Трансформация девиаций служебного поведения в цифровой среде

В цифровом пространстве традиционные формы бюрократической некомпетентности не исчезают, а, скорее, развиваются. Грубость в прямом диалоге трансформируется в системное «цифровое безразличие»: игнорирование сообщений в чатах, предоставление формальных и неинформативных ответов по электронной почте и создание сложных и неинтуитивных цифровых путей решения простых вопросов. Это явление можно охарактеризовать как «эмоциональную диссоциацию»: когда чиновник взаимодействует с гражданином через интерфейс, он больше не воспринимает гражданина как живого человека с эмоциями и потребностями, а, скорее, как абстрактное «заявление» или «просьбу». Исследования зарубежных стран показали, что отсутствие визуального и слухового контакта снижает эмпатию и способствует обезличиванию общения. Аналогичные тенденции можно наблюдать и в российской практике, где Н. В. Жукова описывает феномен «цифрового безразличия» как новую форму административного цинизма, увеличивающую дистанцию между гражданами и государством[896].

---

893 *Dinata C.* Ethical Transformation in Public Administration in the Digital Era // Journal of Social, Policy, and Development Studies. – 2024. URL: https://e-journal.citakonsultindo.or.id/index.php/IJEVSS/article/view/1716

894 *Рябов А. В.* Этические вызовы цифровой трансформации государственного управления в России // Государственная служба. 2022. № 3. С. 15–27.

895 *Долгова Е. И.* Цифровая этика и административная культура: российский контекст // Вестник РАНХиГС. Серия «Государственное управление». 2023. № 2. С. 45–58.

896 См.: *Жукова Н. В.* Феномен цифрового равнодушия в публичных сервисах: причины и пути преодоления // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 73–84.

2. Системные причины деформации цифрового поведения

Сохранение отклонений в новых условиях объясняется комплексом взаимосвязанных факторов: приоритет отдается показателям внедрения технологий (количество порталов, оцифрованных сервисов), а не качеству взаимодействия с людьми[897]. Сотрудники часто не обучены не только работе с новыми системами, но и основам сетевого этикета (неэтичного поведения) и психологии онлайн-общения. Как отмечает Д. Меса, низкая цифровая грамотность определенных групп населения делает их особенно уязвимыми. Неспособность чиновников компенсировать этот пробел сочувствием и помощью воспринимается как крайнее безразличие[898]. Бюрократическая инерция, заложенная в кодексе. Цифровые платформы часто автоматизируют и, таким образом, усиливают устаревшие бюрократические процедуры, делая их еще более жесткими и негибкими. С. В. Кабышев называет это «закодированной инерцией», ситуацией, когда алгоритмы усиливают формализм и подавляют инициативу сотрудника.

3. Стратегические рекомендации по созданию этичных цифровых государственных служб

Современные исследования предлагают перейти от декларации принципов к их практической реализации. Важным вкладом является модель оценки государственных услуг через призму цифровой этики, представленная в исследовании 2025 года[899]. Эта модель включает такие критерии, как конфиденциальность, прозрачность, инклюзивность и подотчетность. Российская научная дискуссия также развивается в этом направлении. Е. А. Тихомирова подчеркивает необходимость институционализации этических стандартов цифрового государственного управления, в то время как П. М. Кириллов предлагает модель «этики цифрового государственного служащего», которая фокусируется на балансировании технологической эффективности с гуманистическими ценностями[900]. Особого внимания заслуживает вопрос алгоритмической ответственности. Использование искусственного интеллекта для принятия административных решений, как показано в работе на «*arXiv*» (2024), требует обеспечения объяснимости и наличия эффективных меха-

---

897 См.: *Кабышев С. В.* Бюрократическая культура и цифровая трансформация: парадоксы адаптации // Управленческое консультирование. 2021. № 9. С. 32–40.

898 Mesa D. Digital divide, e-government and trust in public service: The key role of education // Frontiers in Sociology. 2023. URL: https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2023.1140416/ful

899 *Andréasyan N.* Evaluation of Public Services Through the Lens of Digital Ethics / N. Andréasyan, D. Buson, E. Portmann, L. Terán // Proceedings on Digital Government Research. 2025. URL: https://orcid.org0000-0002-2526-6476

900 *Кириллов П. М.* Этика цифрового служащего: концепция и практика формирования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 10–22.

низмов обжалования автоматизированных решений[901]. Этические рамки должны быть не внешним дополнением, а неотъемлемой частью дизайна цифровых систем.

4. Комплексная модель совершенствования цифровой этики взаимодействия

Образовательные программы должны выходить за рамки технической подготовки. Необходимо ввести курсы по «цифровой эмпатии», стратегиям коммуникации в онлайн-среде и разрешению конфликтов с помощью цифровых каналов. Мировой опыт, такой как инициатива «Специалист по этике для Европейского государственного управления», демонстрирует спрос на специалистов, которые могут внедрять и контролировать этот процесс. Этика должна быть интегрирована в саму структуру административных процессов:

Включение поведенческих показателей в систему оценки эффективности работы сотрудников (например, скорость и качество ответов на запросы, уровень удовлетворенности пользователей);

Применение ориентированного на пользователя дизайна при создании сервисов, который предполагает участие граждан в тестировании и оценке не только удобства использования, но и «дружественности» интерфейса;

Регулярные этические аудиты цифровых систем, как это предлагается в модели метода *Delphi*.

Борьба с цифровым неравенством является неотъемлемой частью цифровой этики. Как показано в отчете о дематериализации услуг во Франции, обязательный переход на цифровые форматы без создания альтернатив приводит к маргинализации уязвимых групп[902]. Аналогичные проблемы отмечаются в российских исследованиях, в которых подчеркивается необходимость сохранения автономного доступа для граждан с низкой цифровой грамотностью.

Граждане должны четко понимать, как работает сервис, кто отвечает за принятие решений и куда обращаться в случае сбоя или конфликта. Автоматизация должна сохранять «человека в курсе событий»: возможность подключать живого оператора в сложных или нестандартных ситуациях, требующих эмпатии и гибкости. Цифровая трансформация государственной службы – это, прежде всего, антропологический и культурный вызов, а не технологический. Преодоление этических деформаций, таких как цифровое безразличие, требует системного подхода, направленного на изменение организационной культуры, ценностей сотрудников и архитектуры цифровых взаимодействий.

---

901 Research on AI and automated decision-making in the public sector. – arXiv, 2024. URL: https://arxiv.org/

902 Dematerialization of public services: from conditionality to digital inclusion. – Société Numérique, 2021/2022. URL: https://labo.societenumerique.gouv.fr/en/articles/dematerialization-of-public-services-to-digital-inclusion//

Как отмечает С. В. Резник, гуманизация цифрового государства возможна только тогда, когда доверие рассматривается не как побочный эффект, а как стратегический ресурс государственного управления[903]. Предлагаемая комплексная модель, сочетающая в себе целенаправленное обучение, интеграцию этических норм в разработку процессов и обеспечение инклюзивности и прозрачности, позволяет нам перейти от выявления проблем к их практическому решению. Только таким образом цифровизация может стать инструментом укрепления социального доверия и построения государства, ориентированного на человека, а не источником новых барьеров.

Список использованной литературы

1. *Долгова, Е. И.* Цифровая этика и административная культура: российский контекст / Е. И. Долгова // Вестник РАНХиГС. – Серия «Государственное управление». – 2023. – № 2. – С. 45–58.
2. *Жукова, Н. В.* Феномен цифрового равнодушия в публичных сервисах: причины и пути преодоления / Н. В. Жукова // Социологические исследования. – 2024. – № 8. – С. 73–84.
3. *Кабышев, С. В.* Бюрократическая культура и цифровая трансформация: парадоксы адаптации / С. В. Кабышев // Управленческое консультирование. – 2021. – № 9. – С. 32–40.
4. *Кириллов, П. М.* Этика цифрового служащего: концепция и практика формирования / П. М. Кириллов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 2. – С. 10–22.
5. *Резник, С. В.* Гуманизация цифрового государства: доверие как стратегический ресурс / С. В. Резник // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1. – С. 19–30.
6. *Рябов, А. В.* Этические вызовы цифровой трансформации государственного управления в России / А. В. Рябов // Государственная служба. – 2022. – № 3. – С. 15–27.
7. *Тихомирова, Е. А.* Этические стандарты цифрового государственного управления: проблемы и перспективы внедрения / Е. А. Тихомирова // Вестник МГУ. – Серия «Государственное управление». – 2023. – № 4. – С. 55–66.
8. *Andréasyan, N.* Evaluation of Public Services Through the Lens of Digital Ethics / N. Andréasyan, D. Buson, E. Portmann, L. Terán // Proceedings on Digital Government Research. – 2025. URL: https://orcid.org0000-0002-2526-6476
9. Dematerialization of public services: from conditionality to digital inclusion. – Société Numérique, 2021/2022. URL: https://labo.societenumerique.gouv.fr/en/articles/dematerialization-of-public-services-to-digital-inclusion//

[903] *Резник С. В.* Гуманизация цифрового государства: доверие как стратегический ресурс // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 19–30.

10. *Dinata, C.* Ethical Transformation in Public Administration in the Digital Era / C. Dinata // Journal of Social, Policy, and Development Studies. – 2024. URL: https://e-journal.citakonsultindo.or.id/index.php/IJEVSS/article/view/1716
11. *Mesa, D.* Digital divide, e-government and trust in public service: The key role of education / D. Mesa // Frontiers in Sociology. – 2023. URL: https://www.frontiersin.org/journals/sociology/articles/10.3389/fsoc.2023.1140416/full

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СРЕДИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

Ярослав Александрович Лазарев
студент 2-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lazarevaroslav9@gmail.com

Аннотация. Профессиональное выгорание на госслужбе – системная проблема, ведущая к снижению эффективности управления. Его особенность обусловлена сочетанием эмоциональных нагрузок (работа с негативом граждан), бюрократии (чрезмерная отчетность) и мотивационного кризиса (разрыв между ожиданиями и реальностью). Последствия многоуровневые: от падения производительности и роста ошибок до текучести кадров и коррупционных рисков. Критически, выгорание напрямую подрывает соблюдение Этического кодекса, делая невозможным следование принципам добросовестности, беспристрастности и открытости. Борьба с выгоранием требует комплексных мер, и инвестиции в ее профилактику являются прямыми инвестициями в этичность и эффективность госаппарата.

Ключевые слова: профессиональное выгорание; эмоциональное выгорание; государственная служба; муниципальная служба; системный кризис; этический кодекс госслужащего; нарушение этических принципов.

Специфика выгорания в данной сфере обусловлена особым сочетанием факторов, многие из которых не столь выражены в коммерческом секторе[904]. Ежедневная работа с гражданами, которые часто находятся в стрессе, – это вынуждает служащих постоянно поглощать негативные эмоции. К этому добавляется груз ответственности перед обществом, когда от твоих решений

---

[904] См.: *Аликин И. А.* Особенности взаимосвязи эмоционального выгорания и акцентуаций характера у специалистов муниципального управления / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко, Г. А. Ничипорчук // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 7 (39). С. 1–14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimosvyazi-emotsionalnogo-vygoraniya-i-aktsentuatsiy-haraktera-u-spetsialistov-munitsipalnogo-upravleniya (дата обращения: 06.10.2025).

зависят судьбы людей и благополучие целых территорий, а также непрерывное общественное давление и критика со стороны СМИ и вышестоящего руководства, где любая ошибка может стать достоянием гласности и привести к скандалу.

Наряду с психологической нагрузкой, существенную роль играют организационные и бюрократические факторы. Огромный объем «бумажной» работы, в виде процедуры согласования, отчетности и т.д., отнимают львиную долю времени и сил, часто оставляя мало места для содержательной работы. Многоуровневая иерархия и медленные процессы принятия решений приводят к ощущению бессилия и невозможности повлиять на ситуацию. Высокая загруженность, ненормированный рабочий день, особенно в периоды сдачи отчетов или реализации национальных проектов, а также постоянная неопределенность, вызванная реформами и сменой приоритетов, создают устойчивую атмосферу хронической усталости и выматывания.

Не менее важны и содержательные, мотивационные факторы. Многие приходят на службу с идеалистическими представлениями о возможности «изменить мир к лучшему», но сталкиваются с суровой реальностью: рутиной, ограничениями и коррупционными рисками. Со временем накладывает отпечаток и ограниченность карьерного роста с «замороженными» зарплатами, а также дефицит признания, поскольку результаты труда госслужащего часто абстрактны и не имеют немедленного позитивного отклика, в отличие от коммерческой сферы[905].

Последствия профессионального выгорания носят многоуровневый характер. На индивидуальном уровне это хроническая усталость, апатия, проблемы со здоровьем и конфликты в семье. Для организации – снижение производительности, рост ошибок, цинизм и формализм в работе с гражданами, что больше всего раздражает людей при обращении в госорганы. Итогом становится текучесть кадров. В конечном счете страдает все общество: падает доверие к власти, а законы и программы не реализуются так, как были задуманы, что снижает общую эффективность государственного управления.

Борьба с этим глубоким кризисом требует комплексного подхода, действующего на трех уровнях. На индивидуальном уровне сам служащий может применять тайм-менеджмент, регулярно отдыхать и обращаться за психологической помощью. Однако эти меры лишь смягчают симптомы, но не устраняют причину. На организационном уровне руководство ведомства должно внедрять программы психологической поддержки, развивать корпоративную культуру, поощряя инициативу и признавая заслуги сотрудников, а также оптимизировать процессы, снижая бюрократическую нагрузку. Но и этого не-

---

905 См.: *Бодрягина В. С.* К вопросу об эмоциональном выгорании государственных служащих // Экономика и социум. 2019. № 1-1 (56). С. 282–285. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-emotsionalnom-vygoranii-gosudarstvennyh-sluzhaschih (дата обращения: 06.10.2025).

достаточно без изменений на государственном, системном уровне. Здесь необходимо проведение административных реформ, снижение бюрократической нагрузки, внедрение цифровых инструментов, пересмотр неэффективных регламентов, пересмотр системы оплаты труда и внедрение стандартов по охране психического здоровья на рабочем месте.

Особую остроту проблема выгорания приобретает в контексте соблюдения Этического кодекса госслужащего[906]. Выгорание напрямую подрывает его фундаментальные принципы. Принцип добросовестного исполнения обязанностей становится недостижим, когда у сотрудника не остается ресурсов для глубокой проработки вопросов. Принцип признания прав и свобод человека нарушается из-за эмоционального истощения и цинизма, ведущих к формализму и равнодушию, так как служащий перестает видеть в посетителе человека с проблемой, а начинает видеть «очередную проблему» или «жалобщика».

Такие принципы, как профессионализм и компетентность, уступают место усталости и нежеланию развиваться, кодекс требует постоянно повышать квалификацию, работать на высоком профессиональном уровне. Выгорание убивает мотивацию к развитию. У сотрудника нет сил и желания изучать новое законодательство, осваивать современные технологии или улучшать процессы. **Профессионализм сменяется на «работаю как могу»**, что ведет к ошибкам, некомпетентным решениям и нарушению этого принципа.

Принцип беспристрастности и независимости, предписывающий принимать решения объективно, без влияния личных симпатий или корыстных интересов, оказывается одним из первых под ударом. Эмоционально истощенный сотрудник в силу когнитивной перегрузки становится крайне подвержен стереотипному мышлению и упрощенным алгоритмам принятия решений. Ему психологически проще опереться на готовый штамп, чем затрачивать истощенные ресурсы на глубокий и всесторонний анализ каждой уникальной ситуации[907].

Наконец, принцип доступности и открытости, обязывающий служащего обеспечивать прозрачность своей работы и быть готовым к диалогу с гражданами, становится практически невыполнимым. Для человека, находящегося на грани эмоционального истощения, любое дополнительное взаимодействие, особенно с потенциально негативно настроенными гражданами, становится непосильной ношей. В качестве защитной реакции возникает стойкое стремление минимизировать любые контакты и «спрятаться» от лишней, с его точ-

---

906 См.: *Архипова Н. И.* Этика государственных служащих // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2011. № 4 (66). С. 29–42. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-gosudarstvennyh-sluzhaschih-1 (дата обращения: 06.10.2025).

907 См.: *Борщевский Г. А.* Соотношение модели государственной службы и этики государственных служащих // Коммуникология. 2015. № 3. С. 42–62. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-modeli-gosudarstvennoy-sluzhby-i-etiki-gosudarstvennyh-sluzhaschih (дата обращения: 06.10.2025).

ки зрения, работы[908]. Это проявляется в уклонении от коммуникации: звонки остаются без ответа, ответы на письменные запросы затягиваются, а прием граждан превращается в формальную и безразличную процедуру, что является прямым и системным нарушением принципа открытости.

По данным ФКС, на 1 января 2023 г. численность федеральных госслужащих составляла около 515 тысяч человек, а региональных – около 348 тысяч человек. В 2022 г. с федеральной госслужбы уволилось около 12% служащих (62 тысячи человек). Из них по собственному желанию – примерно 70%[909]. Наибольшая доля уволившихся по собственному желанию приходится на возрастные категории до 40 лет – наиболее активная и перспективная часть кадров. По данным исследования РАНХиГС и ВЦИОМ, проведенного до 2022 г., до 80% госслужащих демонстрировали различные симптомы профессионального выгорания, из-за чего и увольнялись со своей работы[910].

Бездействие, формализм и низкое качество услуг – это прямое следствие выгорания и высокой текучки. **Около 1,5 млн обращений** ежегодно поступает через официальный сайт Президента России[911]. Значительная часть из них – жалобы на неправомерные действия и бездействие региональных и местных властей. По данным Генеральной прокуратуры, ежегодно выявляются **сотни тысяч нарушений** законодательства о порядке рассмотрения обращений граждан[912]. Наиболее типичные нарушения: нарушение установленных сроков, оставление обращений без ответа, непринятие мер по существу заданных вопросов.

По данным Мониторинга качества госуслуг (РАНХиГС), даже при формальном соблюдении сроков граждане часто жалуются **на некорректность, неполноту ответов и необходимость многократных обращений,** что является следствием формального, «выгоревшего» подхода чиновников.

Перейдем к примерам несоблюдения этических кодексов. Специалист-эксперт отдела товарной номенклатуры и происхождения товаров принимает решение о классификации товара для компании-импортера. Ему звонит

---

908 См.: *Лымарева О. А., Еремеева А. Р.* Деловая этика как составляющая кадровой политики в системе государственной службы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 5-2 (111). С. 24–26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-etika-kak-sostavlyayuschaya-kadrovoy-politiki-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby (дата обращения: 06.10.2025).

909 О мерах по противодействию коррупции // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации : сайт. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/5 (дата обращения: 06.10.2025).

910 Институт государственной службы и управления // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) : сайт. URL: https://igsu.ranepa.ru (дата обращения: 06.10.2025).

911 Генпрокуратура сообщила о росте числа осужденных за коррупцию в 2023 году // ТАСС : сайт. URL: https://tass.ru/obschestvo/17139235 (дата обращения: 06.10.2025).

912 Статистические данные // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 06.10.2025).

руководитель этой компании, являющийся его старым знакомым, и просит классифицировать товар по коду с более низкой ставкой таможенной пошлины. Специалист оформляет экспертное заключение с некорректным кодом ТН ВЭД (товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности), что приводит к недополучению бюджета средств. Нарушается ст. 8 **Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов РФ**[913]. Его личная заинтересованность напрямую повлияла на его профессиональное решение. Он не принял мер к недопущению конфликта интересов, что привело к непрофессиональному исполнению обязанностей и причинило ущерб государству.

Нарушение государственным служащим **Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих**. Начальник отдела в Министерстве строительства и ЖКХ субъекта РФ отвечает на письменное обращение граждан по поводу аварийного состояния их дома. В своем официальном ответе он пишет фразы: «Ваши претензии безосновательны, не загружайте нас повторными обращениями по одному и тому же вопросу», хотя по существу проблема не решена. Копия этого ответа становится достоянием общественности и публикуется в местных СМИ. Чиновник грубо нарушил п. 5 и 6 ст. 6 Кодекса[914]. Это связано с тем, что он не проявил **ни корректности, ни внимательности** в обращении с гражданами. Его тон был пренебрежительным и грубым. Также его поведение нанесло ущерб авторитету государственной службы и подорвало доверие граждан к власти, что является одним из самых серьезных последствий нарушения этических норм.

Этический кодекс представляет собой «правила игры» для служащего, находящегося в стабильном и ресурсном состоянии. Выгорание же систематически лишает его этого фундамента – эмоциональных, физических и моральных сил. Без целенаправленной и системной борьбы с причинами выгорания Этический кодекс рискует навсегда остаться лишь декларацией, чьи положения будут нарушаться не потому, что служащие изначально «плохие», а потому что сама система методично «выжимает из них все соки».

---

913 Кодекс этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации : утв. приказом Федеральной таможенной службы от 30 декабря 2021 г. № 1187.

914 Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих : утв. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21).

Список использованной литературы

1. *Аликин, И. А.* Особенности взаимосвязи эмоционального выгорания и акцентуаций характера у специалистов муниципального управления / И. А. Аликин, Н. В. Лукьянченко, Г. А. Ничипорчук // Russian Journal of Education and Psychology. – 2014. – № 7 (39). – С. 1–14. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vzaimosvyazi-emotsionalnogo-vygoraniya-i-aktsentuatsiy-haraktera-u-spetsialistov-munitsipalnogo-upravleniya (дата обращения: 06.10.2025).
2. *Архипова, Н. И.* Этика государственных служащих / Н. И. Архипова // Вестник РГГУ. – Серия «Экономика. Управление. Право». – 2011. – № 4 (66). – С. 29–42. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etika-gosudarstvennyh-sluzhaschih-1 (дата обращения: 06.10.2025).
3. *Бодрягина, В. С.* К вопросу об эмоциональном выгорании государственных служащих / В. С. Бодрягина // Экономика и социум. – 2019. – № 1-1 (56). – С. 282–285. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-emotsionalnom-vygoranii-gosudarstvennyh-sluzhaschih (дата обращения: 06.10.2025).
4. *Борщевский, Г. А.* Соотношение модели государственной службы и этики государственных служащих / Г. А. Борщевский // Коммуникология. – 2015. – № 3. – С. 42–62. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-modeli-gosudarstvennoy-sluzhby-i-etiki-gosudarstvennyh-sluzhaschih (дата обращения: 06.10.2025).
5. *Лымарева, О. А.* Деловая этика как составляющая кадровой политики в системе государственной службы / О. А. Лымарева, А. Р. Еремеева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 5–2 (111). – С. 24–26. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-etika-kak-sostavlyayuschaya-kadrovoy-politiki-v-sisteme-gosudarstvennoy-sluzhby (дата обращения: 06.10.2025).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУДА И МЕДИАТОРА: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ И ЭТИКИ

Мария Владимировна Путилова
студентка 4-го кура Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
putilova-eao04@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых и этических коллизий, возникающих в процессе внедрения медиации в отечественную судебную систему. Рассматриваются ключевые аспекты интеграции медиации в судебную практику, включая организационную и пространственную близость медиативных служб к судам. Особое внимание уделяется дискуссионному вопросу о допустимости использования в суде сведений, полученных в ходе неудавшейся медиации. На основе системного анализа составляется вывод о необходимости более четкой процессуальной регламентации взаимодействия суда и медиатора, включая разработку механизмов, исключающих смешение их функций и обеспечивающих действительную добровольность выбора сторон.

Ключевые слова: судопроизводство; этика медиации; медиативное соглашение; медиатор; проблемы медиации; разграничение полномочий.

Эволюция российской правовой системы в последние десятилетия характеризуется поиском гибких механизмов защиты нарушенных прав, способных снизить нагрузку на суды и предложить сторонам конфликта более эффективные пути его разрешения. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[915] заложил основу для этого механизма, ориентированного на добровольное разрешение конфликтов. Медиатор, в отличие от судьи или арбитра, обладающих властными полномочиями для принятия обязательных решений, выполняет принципиально иную задачу. Его основная функция заключается в создании условий для структурированного диалога между сторонами кон-

[915] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

фликта. Задача медиатора сводится к организации безопасной среды для переговоров, содействию в анализе спорной ситуации и обеспечению соблюдения установленных процедурных норм[916].

Однако интеграция медиации в судебную систему порождает ряд сложностей, связанных с разграничением полномочий суда и медиатора.

Внедрение медиации в российскую судебную практику столкнулось с рядом правовых и этических противоречий. С одной стороны, медиация позиционируется как неформальный, конфиденциальный процесс, где медиатор выступает нейтральным посредником, не обладающим властными полномочиями, а с другой – суд, как орган государственной власти, опирается на формализованные процедуры, обеспечивающие публичность и равенство сторон. В соответствии со ст. 15 Федерального закона № 193-ФЗ медиатором может стать практически любое полностью дееспособное лицо, достигшее 18 лет и не имеющее судимости. Однако декларативный характер этих требований в сочетании с отсутствием единого механизма контроля за соблюдением этических стандартов создает системные риски, в первую очередь – риск возникновения конфликта интересов. Ярким примером является деятельность медиаторов при судебных центрах медиации, созданных в ряде регионов России. Физическое нахождение медиатора в здании суда, использование инфраструктуры суда, а в некоторых случаях – рекомендации судей в пользу конкретных медиаторов – все это стирает в восприятии сторон границу между независимой внесудебной процедурой и продолжением судебного процесса. Такая ситуация не только ставит под сомнение принцип нейтральности медиатора, но и создает риски оказания скрытого давления на стороны процесса.

Одной из ключевых причин, усугубляющих правовые и этические коллизии при внедрении медиации в России, является недостаточная информированность общества о сути и возможностях этого института. Согласно данным судебной статистики за 2024 год, судами общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено 28 244 835 гражданских и административных дел. Доля дел, завершенных с применением медиации, составляет менее 0,1% от общего числа прекращенных дел[917]. Такой низкий показатель объясняется не только культурными особенностями, связанными с традиционной ориентацией на судебное разрешение споров, но и отсутствием в законодательстве четких требований к профессиональной компетентности медиаторов. Недостаточная осведомленность проявляется в непонимании сторонами роли медиатора как нейтрального посредника, не наделенного властными полномочиями. Ча-

---

916 См.: *Макаревич М. Л., Овчинникова А. С.* Правовые аспекты процедуры медиации в современной России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 1 (19). С. 211–219.

917 Перспективы развития медиации в России // Центр медиации Ассоциация юристов России : сайт. URL: https://old.alrf.ru/centermediation/perspektivy-razvitiya-mediacii-v-possc/ (дата посещения: 30.09.2025)

сто участники спора ожидают от медиатора директивного подхода, схожего с судебным, что приводит к разочарованию и снижению доверия к процедуре. Кроме этого, актуальным вопросом медиации остается отсутствие стандартов подготовки медиаторов, связанной с формированием навыков для разрешения конфликтов.

Только в 2024 году Министерство юстиции Российской Федерации уведомило о подготовке проекта федерального закона, который вносит поправки в Федеральный закон № 193-ФЗ. Такие изменения направленны на унификацию требований к медиаторам и повышение качества их подготовки. Введение единых стандартов позволит устранить проблемы, связанные с квалификацией[918].

Еще одной острой проблемой выступает конфликт между конфиденциальностью медиации и публичностью судебного процесса[919]. Согласно ст. 5 Федерального закона № 193-ФЗ, медиатор не вправе разглашать информацию, полученную в ходе процедуры, без согласия обеих сторон. Такое требование создано для организации урегулирования спора в условиях открытого диалога между сторонами. При этом подразумевается, что информация, полученная на процедуре медиации, не будет использована на судебной стадии. Но из-за принципа открытости судопроизводства возникают риски, связанные с тем, что одна из сторон может воспользоваться сведениями, полученными после неразрешенного досудебного урегулирования.

Системный анализ взаимодействия судебной системы и медиации позволяет установить необходимость в совершенствовании правового регулирования. Организационная и пространственная близость центров медиации к судам приводит к восприятию медиации сторонами как продолжения судебного процесса. Для обеспечения автономности медиации важно на законодательном уровне разграничить организационные и пространственные аспекты от судебной инфраструктуры. Также для защиты конфиденциальности сведений, полученных в ходе проведения медиативной сессии, необходимо установить запрет на использование информации во время судебного разбирательства, которая была получена стороной на медиации. Такая мера укрепит доверие граждан к досудебному урегулированию спора через медиацию и повысит ее эффективность.

Установление стандартов для обучения медиаторов представляет собой важный шаг в качестве предоставления медиативных услуг. Однако для обеспечения этичности их деятельности необходимо внедрить механизмы независимого контроля, особенно в случаях, когда медиаторы работают при судебных центрах медиации.

---

[918] Предлагается усовершенствовать правовые условия для применения и развития процедуры медиации в России // Официальный сайт Министерства юстиции. URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/events/50261/ (дата обращения: 30.09.2025).

[919] См.: *Пасынкова Е. М., Переберина И. В.* Проблемные аспекты конфиденциальности медиаторов // E-Scio. 2022. № 12 (75). С. 525–531.

Реализация предложенных мер позволит сохранить уникальную природу медиации как гибкого и независимого инструмента урегулирования споров, обеспечив при этом эффективное взаимодействие с судебной системой на основе четкого разграничения полномочий и соблюдения этических норм.

Список использованной литературы

1. *Макаревич, М. Л.* Правовые аспекты процедуры медиации в современной России / М Л. Макаревич, А. С. Овчинникова // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2017. – № 1 (19). – С. 211–219.
2. *Пасынкова, Е. М.* ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ МЕДИАТОРОВ / Е. М. Пасынкова, И. В. Переберина // E-Scio. – 2022. – № 12 (75). – С. 525–531.

«КАЛУЖСКОЕ ДЕЛО» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Виктория Владимировна Татаурова
студентка 2-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
victoria_tataurova@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается обзор истории «Калужского дела», которое произошло в Российской империи в XIX веке, с точки зрения российского законодательства XXI века. Особое внимание уделяется характеристике развития правовой культуры граждан при нарушении ими российского законодательства в делах о заведомо ложных доносах, а также влиянию изменений в делении общества, в частности, переходу к бессословному обществу, на подход к разбирательству дел в судах.

Ключевые слова: Державин; Лопухин; сенат; император; преступление; заведомо ложный донос.

В начале XIX века произошло следствие громкого дела губернатора Лопухина. Изучая материалы по этому судебному разбирательству, мы можем убедиться в том, что сам Лопухин выступает в роли собирательного образа чиновника своего времени, а обстоятельства его дела не являются уникальными, поскольку такое происходило во многих частях нашей страны, а что-то присуще и настоящему.

При Павле I был назначен генерал-губернатором Калуги Дмитрий Ардалионович Лопухин. Вскоре после назначения на него поступили жалобы на взяточничество и злоупотребления.

Император Александр I поручил расследовать деятельность Лопухина Гавриилу Романовичу Державину. Было решено, что сенатор отправится в Калугу негласно, будет собирать слухи о губернаторе, и, если окажется нужным, проведет ревизию.

Приехав в Калугу, Державин провел расследование против Лопухина, в ходе которого выявил многочисленные злоупотребления со стороны губернатора: захват собственности калужан, крупные поборы и покровительство в коррупции другим чиновникам.

На основании предварительного отчета Державина император Александр I уже 8 февраля распорядился отстранить Лопухина от должности до окончания разбирательства.

В это же время губернатор написал жалобу на самого Державина. Ее содержание было основано на описании многочисленных нарушений закона, совершенных Гавриилом Романовичем. Лопухин написал, что Державин пытками вынуждал чиновников дать ложные письменные показания против него.

Гавриил Романович съездил в Петербург к императору для того, чтобы доказать свою невиновность. Сенатор попросил пересмотра следствия по поводу сомнений в его справедливости. Позже комиссия установила, что Державин не применял пыток, действуя в рамках закона.

Грот, составитель биографии Державина, о результатах проверки комиссии пишет, что было найдено 34 юридических факта, связанных с совершением преступлений, и 12 – не повлекших за собой состава преступления[920]. Однако надо отметить, что Лопухин заведомо знал о том, что Державин невиновен, и при этом солгал в своем рапорте императору. Это образует его вину в совершенном заведомо ложном доносе, а его рапорт является предметом преступления, так что причина отнесения этого факта к неважным неясна.

Спустя 200 лет раскрываемость дел по заведомо ложным доносам невелика. Если обратиться к данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2024 год по ст. 306 УК РФ («Заведомо ложный донос») было вынесено 1160 обвинительных и всего 4 оправдательных приговора[921]. Такова специфика этих преступлений: они приводят к возрастанию нагрузки на правоохранительные органы, отвлекают их от решения реальных задач, поэтому часто следователи и дознаватели относятся достаточно формально к части разрешения вопроса о наличии или отсутствии признаков этого преступления. В первую очередь заведомо ложный донос связан с уровнем правовой культуры граждан: они не осознают, насколько серьезны последствия такого рода сообщений. Как мы видим, с XIX века ситуация с ними мало изменилась. Это может говорить о преемственности деяния, вредящей не только системе правоохранительных органов, но и самим гражданам.

Вскоре материалы дела были переданы в Сенат, где расследование затянулось на три года. В 1804 году Московский департамент Сената оправдал экс-губернатора Лопухина, но при этом запретил ему занимать государственные должности, тогда как его подчиненные были осуждены. Стоит отметить, что Лопухин состоял в родстве с Петром Васильевичем Лопухиным (преемником Державина на посту министра юстиции), а также в дружбе с други-

---

920 См.: *Грот Я. К.* Жизнь Державина. СПб.: Алгоритм, 1997. С. 515.

921 Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам от 17 апреля 2025 г. № 10-а // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/k3-svod_vse_sudy-2024.xls

ми сановниками. Несмотря на это, Сенат должен был произвести подробное следствие, чтобы найти вину генерал-губернатора. Следуя замечаниям Державина, которые он изложил в своем докладе, Сенат снова не рассмотрел дело по существу[922], что является халатностью.

Окончательное решение Сената было вынесено только в январе 1819 года, через шесть лет после смерти Лопухина. Оно указывало на отсутствие в действиях бывшего губернатора «умышленных злоупотреблений власти, ему вверенной».

Остается загадкой, почему именно такое наказание вменяли губернатору, поскольку оправдательный приговор был весьма половинчатый, так как признавал невиновность Лопухина и при этом устанавливал санкцию – запрет на занятие государственных должностей. Стоит заметить, что Лопухин был из дворянства, и потому был уважаемым обществом, поэтому, скорее всего, эта мера, будучи незаконной, была направлена на сохранение статуса благородного и просвещенного сословия.

На сегодняшний день дела, связанные с мошенничеством и взяточничеством, решаются без принятия во внимание уже ушедшей из нашего общества сословной принадлежности подсудимого. Судебная система современной России опирается прежде всего на равенство всех перед законом, один из принципов правосудия, а суды, опираясь на закон, выносят соответствующие решения.

Стоит отметить, что коррупция как в XIX веке, так и в XXI присуща российскому бюрократическому аппарату. Сам Сенат часто допускал халатность в судопроизводстве. Известно, что в XIX веке императору Александру I докладывали о сенаторах, которые берут взятки, однако он не предпринимал должных мер, чтобы не уронить престиж Сената[923].

В современной России, в отличие от XIX века, отсутствует сословное деление, и дела о взятках рассматриваются строго на основе принципа законности. Это демонстрирует эволюцию общества и судебной системы.

Таким образом, за 200 лет, прошедших с «калужского дела», правовая система России претерпела значительные изменения в связи с трансформацией общественной структуры и ростом правосознания. Однако некоторые проблемы, такие как заведомо ложные доносы, остаются актуальными. Борьба с ними требует не только правовых мер, но и систематического разъяснения гражданам тяжелых последствий этого деяния, повышения правосознания общества.

---

922 См.: *Державин Г. Р.* Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина. СПб.: Сенатская тип., 1903. С. 381.

923 См.: *Сахаров А. Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века : учебное пособие. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2014. С. 305.

Список использованной литературы

1. *Грот, Я. К.* Жизнь Державина / Я. К. Грот. – Санкт-Петербург : Алгоритм, 1997. – 685 с.
2. *Державин, Г. Р.* Всеподданнейший доклад Г. Р. Державина по делу Лопухина / Г. Р. Державин. – Санкт-Петербург : Сенатская тип., 1903. – 612 с.
3. *Краевский, Б. П.* Лопухины в истории Отечества: к 1000-летию рода / Б. П. Краевский. – Москва : Центрполиграф, 2001. – 861 с.
4. *Сахаров, А. Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века : учебное пособие / А. Н. Сахаров. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 578 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Рамазан Мухатдинович Урусов
студент 2-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
urusovramazan2006@gmail.com

Аннотация. Актуальность статьи состоит в рассмотрении психологических и психофизиологических особенностей, крайне необходимых сотруднику Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Целью работы является изучение особенностей профессионально важных качеств в формировании методов моральной устойчивости в экстремальных условиях с учетом специфики службы. Проанализированы основные теории и подходы формирования психоэмоциональной устойчивости, особое внимание уделено нормативно-правовому регулированию деятельности сотрудников, включая требования к психологической пригодности и процедурам профессионального отбора. В результате изучения проблемы мы предлагаем меры по совершенствованию способов подготовки сотрудников ФСБ.

Ключевые слова: психологические особенности; стрессоустойчивость; профессиональная деформация; личность; профессионально важные качества; нормативно-правовое регулирование; психофизиология; профпригодность; ФСБ.

Профессия сотрудника Федеральной службы безопасности требует от личности высокой степени психологической устойчивости, способности действовать в условиях неопределенности, угроз и информационной закрытости. Профессиональная деятельность в органах государственной безопасности связана с выполнением задач, находящихся на грани физической и психоэмоциональной выносливости, что предъявляет особые требования к психофизиологическим качествам сотрудника[924].

---

924 См.: *Тукальская Н. И.* Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов государственной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 267–270.

Психологический профиль сотрудника ФСБ формируется не только в рамках профессионального отбора, но и под влиянием системы нормативного регулирования, включающей федеральные законы, приказы и ведомственные документы. Вера в торжество справедливости, умение видеть в людях не только плохое – черты, свойственные сотруднику. Для успешного выполнения аспектов деятельности (познавательного, коммуникативного, организаторского, воспитательного и удостоверительного) необходимо обладать набором определенных морально-психических качеств, а для профессионального совершенствования – их культивировать[925]. Учет этих факторов позволяет обеспечить эффективность службы, предотвратить профессиональную деформацию и сохранить психологическое здоровье сотрудников[926]. Крайне необходимо при учете набора в состав сотрудников ведомства учитывать аспекты профессиограммы.

Ключевым элементом профессионального отбора в органы Федеральной службы безопасности является комплексная оценка психологической пригодности кандидата, которая определяется через систему взаимосвязанных профессионально важных качеств (далее – ПВК). В когнитивной сфере обязательными являются высокий уровень общего интеллекта, развитое аналитическое и оперативное мышление, обеспечивающее способность быстрого анализа ситуаций в условиях дефицита информации и лимита времени.

Эмоционально-волевая регуляция выступает стержнем профессиональной надежности и характеризуется высокой психологической устойчивостью к стрессу.

В мотивационно-личностной сфере доминирующими должны быть социально-профессиональные мотивы (служение Отечеству и защита национальной безопасности, а также ценности долга и чести), обеспечивающие устойчивость личности к коррупционным и иным негативным воздействиям.

Коммуникативная компетентность включает способность к быстрому установлению психологического контакта, развитые вербальные способности, устойчивость к психологическому давлению и манипуляциям[927].

Одновременно с выявлением необходимых ПВК проводится диагностика личностных свойств, препятствующих службе, к которым относятся низкая стрессоустойчивость, повышенная тревожность, склонность к девиантному поведению.

---

925 См.: *Устаева Н. Х., Пасько Е. А.* Профессиональная этика и служебный этикет : учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2023. С. 116.

926 См.: *Корсун К. И., Задорина М. А.* Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 49–61.

927 См.: *Папкин А. И.* Психология и безопасность деятельности работников правоохранительных органов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. № 1.

Профессиональная деятельность сотрудников органов Федеральной службы безопасности осуществляется порой в особых экстремальных условиях. Особенностью служебной деятельности является комплексное воздействие нескольких стрессогенных факторов: хроническое напряжение, постоянная готовность к действиям в нестандартных ситуациях, высокая степень личной ответственности за результаты выполняемых задач[928]. Формирование требований к психологической пригодности сотрудников органов безопасности осуществляется через систему нормативно-правовых актов различного уровня. Ключевым документом федерального уровня является Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», который устанавливает общие требования к состоянию психического здоровья кандидатов[929]. На его основе разрабатываются ведомственные нормативные акты, детализирующие критерии психологической пригодности для различных категорий должностей.

Особое значение в системе нормативного регулирования имеют ведомственные приказы и инструкции, например, Приказ ФСБ России от 15 мая 2018 г. № 277 «Об утверждении Инструкции по организации профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности» детально регламентирует процедуру профессионального психологического отбора, устанавливая перечень диагностических методик и критерии оценки психологических качеств[930].

Психологическое сопровождение профессиональной деятельности регулируется отдельным комплексом нормативных документов, таких как: Приказ ФСБ России от 12 сентября 2019 г. № 512 «Об утверждении Наставления по организации психологической работы в органах федеральной службы безопасности» устанавливает порядок проведения психокоррекционных мероприятий, психологического консультирования и реабилитации[931]; Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2020 г. № 3502-р «Об утверждении Концепции развития психологической службы в системе правоохранительных органов Российской Федерации на период до 2025 года» (предусматривает создание единой базы психологических нормативов, учитывающих

---

928 См.: *Федотов А. Ю.* Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур: дис. д-ра юрид. наук: М. : Московский университет МВД им. В. Я. Кикотя, 2020. 905 с.

929 О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

930 Об утверждении Инструкции по организации профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности : Приказ ФСБ России от 15 мая 2018 г. № 277 // СПС «КонсультантПлюс».

931 Об утверждении Наставления по организации психологической работы в органах федеральной службы безопасности : Приказ ФСБ России от 12 сентября 2019 г. № 512 // СПС «КонсультантПлюс».

специфику служебных задач и условия деятельности)[932]; Приказ ФСБ России от 13 апреля 2011 г. № 151 «Об утверждении Инструкции по организации и проведению профессионального психологического отбора в органах федеральной службы безопасности», устанавливающий порядок организации и проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору. Профессиональная подготовка сотрудников ФСБ носит непрерывный характер и реализуется через систему ведомственных образовательных учреждений, таких как Академия ФСБ России. Этот процесс направлен на комплексное формирование как профессиональных компетенций, так и личности сотрудника.

Основными компонентами системы подготовки являются теоретическая и специальная подготовка. Сотрудник ориентирован на глубокое изучение юридических дисциплин, основ оперативно-разыскной деятельности, огневую, тактико-специальную и физическую подготовку специальных технических средств, а также вопросов обеспечения национальной безопасности. Подготовка направлена на выработку устойчивых навыков действий в экстремальных условиях, владение оружием и специальной техникой. Психологическая подготовка и формирование служебно-профессиональных качеств является стержневым элементом системы. Ее задачи: развитие профессионального мышления; формирование психологической устойчивости. Применяются методы социально-психологического тренинга. Воспитание морально-этических качеств и правосознания. В процессе подготовки акцентируется роль таких категорий, как долг, честь, достоинство, совесть, справедливость и ответственность[933].

Динамичное изменение характера угроз национальной безопасности, появление новых форм противоборства (таких как киберэкстримизм, терроризм, кибервойны и информационно-психологическое воздействие и т.п.) требуют постоянной адаптации и совершенствования. Предлагаем выделить ряд мер, которые помогут устранить вышеуказанные проблемы:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы. Внести изменения в федеральное законодательство (в частности, в ФЗ «О федеральной службе безопасности»), направленных на четкое нормативное закрепление понятий «профессиональный психологический отбор», «психологическая пригодность» и «профессиональная деформация» с учетом специфики служебной деятельности; установление правовых основ для внедрения в процесс отбора и периодических проверок современных психофизиологических методик с гарантией защиты прав сотрудников; закрепление на законодательном уровне

---

[932] Об утверждении Концепции развития психологической службы в системе правоохранительных органов Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2020 г. № 3502-р // Собрание законодательства РФ. 2021. № 2. Ст. 452.

[933] См.: *Кобликов А. С.* Юридическая этика : учебник для вузов. 2-е изд., испр. М. : Норма, 2004. 176 с.

обязательности и периодичности психологической реабилитации и анонимного консультирования для сотрудников.

2. Внедрение системы непрерывного психологического мониторинга и поддержки. Помимо плановых обследований, необходима разработка ведомственных программ, предусматривающих создание цифрового психологического профиля сотрудника, позволяющего отслеживать динамику его состояния на протяжении всей карьеры; развитие системы проактивной психологической помощи, направленной на раннее выявление признаков выгорания и деформации; внедрение программ психологической разгрузки и реабилитации, основанных на доказательных методах (арт-терапия, спорт-терапия).

3. Развитие научно-исследовательской базы. Целесообразно стимулировать проведение прикладных научных исследований, направленных на изучение долгосрочных эффектов работы в условиях информационной закрытости и киберпространства на психику сотрудника; разработку новых методик формирования стрессоустойчивости к специфическим современным угрозам, таким как информационные атаки и кибербуллинг. Создание новых диагностических комплексов, позволяющих более точно прогнозировать профессиональную надежность.

Реализация указанных мер в единстве нормативно-правового и организационного компонентов будет способствовать сохранению психического здоровья и личностного потенциала сотрудников ФСБ, что в конечном итоге укрепит национальную безопасность Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. *Кобликов, А. С.* Юридическая этика: учебник для вузов / А. С. Кобликов. – 2е изд., испр. – Москва : Норма, 2004. – 176 с.
2. *Корсун, К. И.* Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты / К. И. Корсун, М. А. Задорина // Полицейская деятельность. 2022. № 6. С. 49–61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnoy-deformatsii-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-psihologo-pedagogicheskiy-i-organizatsionno-pravovoy (дата обращения: 25.09.2025).
3. *Папкин, А. И.* Психология и безопасность деятельности работников правоохранительных органов / А. И. Папкин // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-i-bezopasnost-deyatelnosti-rabotnikov-pravoohranitelnyh-organov (дата обращения: 25.09.2025).
4. *Тукальская, Н. И.* Психологические особенности профессиональной деятельности сотрудников органов государственной безопасности / Н. И. Тукальская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 267–270. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

psihologicheskie-osobennosti-professionalnoy-deyatelnosti-sotrudnikov-organov-gosudarstvennoy-bezopasnosti (дата обращения: 25.09.2025).
5. *Устаева, Н. Х.* Профессиональная этика и служебный этикет : учебное пособие / Н. Х. Устаева, Е. А. Пасько. – Ростов-на-Дону, 2023. – 323 с.
6. *Федотов, А. Ю.* Психологическое обеспечение профессиональной надежности специалиста силовых структур : дис. д-ра юрид.. наук : 19.00.03 / А. Ю. Федотов. – Москва : Московский университет МВД им. В. Я. Кикотя, 2020. 905 с. – URL: https://www.dissercat.com/content/psikhologicheskoe-obespechenie-professionalnoi-nadezhnosti-spetsialista-silovykh-struktur (дата обращения: 25.09.2025).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ НА ЖИЛИЩНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Ольга Сергеевна Фейгина
студентка 3-го курса колледжа факультета права и организации социального обеспечения Дальневосточного института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)», г. Хабаровск, Россия
olgafeygina10@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при реализации прав сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на получение качественного жилищного обеспечения. Рассматриваются нормативно-правовые основы предоставления жилья полицейским, выявляются препятствия, возникающие на практике. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию системы распределения жилой недвижимости среди представителей правоохранительных органов.

Ключевые слова: единовременные социальные выплаты; социальные гарантии; сотрудники органов внутренних дел; жилищное обеспечение; накопительно-ипотечная система.

Право каждого гражданина на жилище закреплено Конституцией Российской Федерации. Так, в ст. 40 гражданам гарантируются условия для реализации права на получение жилого помещения. Для сотрудников правоохранительных органов данное конституционное положение приобретает особую ценность ввиду специфики их профессиональной деятельности, связанной с выполнением важных государственных функций, защиты свобод и прав граждан. Федеральный закон «О полиции» закрепляет обеспечение сотрудника полиции жилым помещением за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета посредством предоставления ему служебного жилого помещения или жилого помещения в собственность либо единовременной социальной выплаты на его приобретение[934]. Действующие сотрудники и пенсионеры МВД России, нужда-

[934] О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 фев.

ющиеся в улучшении жилищных условий, обладают правом на получения жилья в собственность в соответствии со ст. 4 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», для которых предусмотрена единовременная социальная выплата (далее – ЕСВ) для приобретения или строительства жилого помещения[935].

Чтобы получить единовременную жилищную выплату, сотрудники обязаны соблюсти установленную процедуру признания нуждающимися в улучшении жилищных условий. Для этого они должны подать заявление соответствующей комиссии, представив необходимые документы, подтверждающие право на такую меру поддержки, и ожидать своей очереди, пока руководство территориального подразделения примет решение о выделении выплат. Согласно части 10 статьи 4 соответствующего закона, приоритетное право на получение выплат предоставляется сотрудникам и пенсионерам Министерства внутренних дел России, имеющим троих и более детей, проживающих вместе с ними, а также Герои Российской Федерации и ветераны боевых действий в Афганистане среди тех, кто принят на учет в одном календарном году. При подаче заявлений сотрудники не вправе умышленно ухудшать свои жилищные условия с целью добиться статуса нуждающегося, иначе они будут приняты на учет лишь спустя пять лет после таких действий. Этот механизм введен для предотвращения злоупотреблений. В пункте 7 статьи 4 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указана квалификация действий, направленных на ухудшение жилищных условий. В этом заключается одна из проблем, санкция может быть применена в отношении сотрудника даже в том случае, когда действия, направленные на ухудшение жилищных условий сотрудника, совершены членом его семьи, в их число относят совместно проживающих лиц, то есть это могут быть и старшие поколения, которые в бытовом плане зачастую ведут себя независимо от младших.

Также, поскольку сроки нахождения в очереди не ограничены, статус нуждаемости сотрудника может исчезнуть вследствие улучшения жилищных условий. Если у сотрудника или членов его семьи имеется несколько жилых помещений, общая площадь жилья суммируется при расчете нуждаемости, что ведет к снятию сотрудника с учета на предоставление выплаты[936].

---

935 О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // Российская газета. 2011. 21 июля.

936 См.: *Равнюшкин А. В.* О законодательном решении проблемы предоставления единовременных социальных выплат на приобретение или строительство жилья сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С 277–283.

Одна из ситуаций, связанная с жилищным обеспечением, возникла в Забайкальском крае. Старший прапорщик Игорь Простатин вместе с супругой и двумя детьми был поставлен на учет для получения такой выплаты на основе решения жилищной комиссии, проживая в квартире площадью менее 60 квадратных метров. В марте 2019 года Простатин сменил место службы, но право на выплату за ним сохранилось. Однако в декабре того же года сыну Простатиных исполнилось 23 года – и семью сняли с учета. Жилищная комиссия посчитала, что юноша достиг предельного возраста – как правило, все льготы и выплаты полагаются до 23 лет, если ребенок получает высшее образование – и больше не может учитываться в качестве члена семьи заявителя. А в этом случае обеспеченность семьи жильем уже не позволяет им претендовать на субсидию – и эту позицию подтвердили суды. Фокусирование на возрастных критериях, без учета конкретных обстоятельств и реальных потребностей семьи, способствует возникновению ситуаций, когда квалифицированные специалисты оказываются вынужденными продолжать работу в неудовлетворительных жилищных условиях, ухудшая качество жизни и создавая препятствия для эффективной работы. Конституционный Суд РФ постановил, что право сотрудников органов внутренних дел на улучшение жилищных условий не может зависеть от возраста их детей. И если взрослые дети продолжают жить с родителями, то уровень реальной обеспеченности семьи жильем не изменился, а следовательно, снимать ее с учета нельзя[937].

За период действия нового законодательства о социальных гарантиях количество сотрудников, вставших в очередь на предоставление единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья, уже во много раз превышает возможности государства по обеспечению сотрудников этой социальной гарантией. В 2019 году в очереди стояло около 94 тысяч человек, тенденции к уменьшению не наблюдаются. Тем не менее ограниченность бюджетного финансирования не позволяет полностью обеспечить жильем всех нуждающихся сотрудников в ближайшей перспективе. Так, из доклада аудитора Счетной палаты на правительственном часе в Совете Федерации следует, что более 100 лет понадобится на решение жилищного вопроса сотрудников правоохранительных органов из-за сокращения финансирования[938]. В связи с этим важными становятся вопросы контроля за использованием бюджетных средств, направляемых государством на эти нужды.

Исходя из того, что инструмент реализации права сотрудников полиции на жилищное обеспечение определенно неэффективный, считаем необходимым рассмотреть вопрос об установлении нового механизма жилищного обеспечения. Образцом может служить обеспечение жильем военнослужащих,

---

937 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2024 г. № 45-П // Собрание законодательства РФ. 2024. № 43. Ст. 6487.

938 Счетная палата Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proverit-obespechenie-zhilem-sotrudnikov-mvd (дата обращения: 19.10.2025).

что с 2005 года успешно функционирует по средством накопительно-ипотечной системы (далее – НИС). Считаем, что принятие аналогичного механизма для сотрудников полиции было бы решением проблемы. Накопительно-ипотечная система предполагает включение участника в реестр НИС, и зачисление на его счет установленных взносов. На сегодняшний день НИС представляет собой слаженный механизм жилищного обеспечения военнослужащих и могла бы быть успешно внедрена в отношении и сотрудников полиции.

Таким образом, проблема обеспечения сотрудников полиции жильем считаем возможна по двум направления:

1) путем предоставления права сотруднику стать участником накопительной-ипотечной системы либо сохранить право на получение единой социальной выплаты. При этом необходимо урегулировать вопросы реализации указанного права. Полагаем необходимым исключить принцип централизации и сформировать региональное подразделение, которое занималось бы вопросами предоставления сотрудникам ЕСВ[939]. В связи с этим необходимо принять закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения сотрудников органов внутренних дел»;

2) посредством установления временных промежутков участия в накопительной-ипотечной системе. Предлагается сотрудников, находящихся на службе с 2016 года, включать в реестр участников системы, в то время как сотрудникам, имеющим большую выслугу, сохранять право выбора на участие в системе либо на получение ЕСВ. При этом, безусловно, вопросы реализации права на получение ЕСВ должны быть урегулированы.

Также хорошее влияние окажет развитие инфраструктуры и строительства новых жилых комплексов для сотрудников полиции. Необходимо создание дополнительных жилых объектов, которые будут доступны для покупки или аренды ими.

Решение жилищной проблемы и получение жилья – серьезный стимул для дальнейшего прохождения службы, возможность создания условий для качественного отбора кандидатов в органы внутренних дел, что в значительной степени влияет на результаты служебной деятельности полиции.

Список использованной литературы

1. *Кривокорытова, О. С.* Проблемные аспекты социального обеспечения сотрудников внутренних дел / О. С. Кривокорытова // Вопросы студенческой науки. – 2023. – Выпуск 7 (83).
2. *Николюкин, С. В.* Жилищное право : учебник и практикум для вузов / С. В. Николюкин. – Москва : Юрайт, 2023. – URL: https://urait.ru/bcode/516986 (дата обращения: 12.10.2025)

---

[939] *Кривокорытова О. С.* Проблемные аспекты социального обеспечения сотрудников внутренних дел // Вопросы студенческой науки. 2023. Вып. 7 (83).

3. *Равнюшкин, А. В.* О законодательном решении проблемы предоставления единовременных социальных выплат на приобретение или строительство жилья сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации / А. В. Равнюшкин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 1. – С. 277–283.
4. *Чернов, Е. А.* К вопросу о реализации права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения и строительства жилого помещения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации / Е. А. Чернов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 1. – С. 117–120.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ: ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ

Саид Абдурахманович Шангереев
студент 1-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
saidshangereew@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль духовно-нравственных и традиционных ценностей в системе отечественной государственной службы на протяжении всей истории российской государственности.

Ключевые слова: государственная служба; традиционные ценности; духовно-нравственные ценности; суверенитет; национальная безопасность; кодекс этики; кадровая политика; стратегическое планирование.

Отечественная государственная служба на протяжении функционирования государства являлась важным средством достижения его целей и задач на основе духовно-нравственных ценностей, предопределяемых ментальными и иными установками. Можно заметить, что это утверждение можно отнести ко всем периодам развития российской государственности. Правда, иногда, на короткий срок, могли переиначить, исказить не совсем патриотичные и не компетентные представители верховной власти (например, в период смуты, перерождения элиты во время первой мировой войны). Об этом пишут и некоторые исследователи[940]. В современный период духовно-нравственные и иные ценности получили закрепление в Конституции Российской Федерации и государственных документах стратегического планирования, определяющих видение целей и задач государственной политики (Стратегия развития информационного общества, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и др.). О традиционных ценностях говорили официальные лица, в числе которых Президент РФ В. В. Путин. В этом легко убедиться, прочитав послания Главы государства начиная с 2007 года. О традиционных духовно-нравственных ценностях громко и официально было заявлено 9 ноя-

[940] См.: *Борщевский Г. А.* Государственная служба : учебник и практикум для СПО. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 218.

бря 2022 года в известном указе Президента РФ № 809. В нем к традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, служение отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, единство народов России.

Специально оговорено, что ценности, составляющие основу российского общества, позволяют защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала. Следует отметить, что только такие ценности, которые передаются из поколения в поколение и не утрачивают своей значимости для общества или социальных групп, называют традиционными ценностями. На наш взгляд, традиционные ценности должны быть обращены, прежде всего, к лицам, наделенным полномочиями, имеющим льготы, но при этом призванным придерживаться публичных интересов, т.е. государственным и муниципальным служащим. Нам представляется целесообразным отражение в законодательстве понятия «ценности государственной службы». Конечно, перечень таких ценностей должен быть содержательным и определенным. На наш взгляд, духовно-нравственные ценности должны быть в числе первоочередных критериев определения эффективности органов и должностных лиц публичной власти. Еще относительно недавно в числе критериев эффективности региональных органов власти были количество выпускников, сдавших ЕГЭ по русскому языку и математике, а органов здравоохранения – число больных, получивших помощь в стационарных медицинских учреждениях. Выяснилось, что в некоторых субъектах Федерации знают русский язык гораздо лучше, чем в Москве и Санкт-Петербурге, а в больницах отдельных городов койки стояли даже в коридорах. Думается, что при таких критериях традиционные ценности могли только вытесняться.

Следует провести мониторинг действующих нормативных правовых актов о различных аспектах государственной службы. В частности, можно системно изучить Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих[941]. В научной литературе замечено, что в нем отсутствует понятие «ценность»[942]. А в разделе II «Основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих» на самом деле перечислены нормы служебного поведения, но при этом ни один принцип не приведен. Таких примеров достаточно много. Важным инструментом реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей признается разработка органами публичной власти документов стратегического планирования с уче-

---

941 Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // СПС «Гарант».

942 См.: *Сулейманов Б. Б.* Традиционные ценности: природа, особенности и правовые механизмы обеспечения// Правовая культура. 2025. №. 2. С. 96.

том целей и задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Очевидно, в основе таких документов должны лежать доктринальные разработки, которые могут быть составлены представителями различных отраслей знания. В период специальной военной операции, а, по сути, масштабного противостояния с коллективным Западом, каждый чиновник, не зависимо от занимаемой должности, должен иметь особые чувства к стране, Родине. Государственный служащий – это человек, который должен относится к неиссякаемым теплом к своей стране и проявлять нетерпимость ко всему опасному, вредному для общества и государства. Думается, что такому отношению и, прежде всего, привитию чувств, должны учить с детства. Будущие чиновники должны отбираться еще со школьной скамьи. В некоторых странах учреждены специальные колледжи, в которых осуществляют подготовку будущих чиновников. Инициатива может идти от представителей отечественной науки. На наш взгляд, интересна и такая идея: в каждом органе государственной и муниципальной службы или в органах, которые принимают значимые решения, должен быть «несменяемый» заместитель, который выполнял бы функцию хранителя традиционных ценностей и интересов. Целесообразно составить перечень духовно-нравственных ценностей, которые должны стать обязательными при поступлении на публичную службу. Очевидно, кадровые комиссии должны уделять им необходимое внимание. Эпоха технократов, доводивших свои обязанности до автоматизма, проходит.

Список использованной литературы

1. *Борщевский, Г. А.* Государственная служба : учебник и практикум для СПО / Г. А. Борщевский. —2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – С. 218.
2. *Сулейманов, Б. Б.* Традиционные ценности: природа, особенности и правовые механизмы обеспечения / Б. Б. Сулейманов // Правовая культура. – 2025. – № 2. – С. 96.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Оксана Михайловна Шевчук
старший преподаватель
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
oksana-shevchuk1983@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ ключевых проблем, с которыми сталкивается институт государственной службы в современной России. Автор рассматривает такие системные вызовы, как коррупционные риски, недостаточную эффективность и гибкость бюрократического аппарата, кадровый дефицит, вызовы цифровой трансформации, а также низкий уровень общественного доверия. Цель исследования – выявить глубинные причины данных проблем и наметить возможные векторы их решения. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении взаимосвязи традиционных бюрократических дисфункций и новых вызовов, порожденных цифровой эпохой и геополитической ситуацией. В результате сделан вывод о необходимости не фрагментарных, а системных реформ, направленных на повышение профессионализма, открытости и результативности государственной службы как ключевого элемента национального развития.

Ключевые слова: государственная служба; гражданская служба; бюрократия; коррупция; цифровизация; кадровая политика; эффективность государственного управления; общественное доверие; административная реформа.

Институт государственной службы выступает несущей конструкцией любой политической системы, обеспечивая реализацию функций государства, исполнение законов и проведение государственной политики. В Российской Федерации на современном этапе ее развития эффективность государственной службы является критически важным фактором для достижения национальных целей развития, обеспечения суверенитета и конкурентоспособности страны в условиях усложняющейся международной обстановки.

Несмотря на последовательные административные реформы, предпринимавшиеся в 2000-е годы, институт государственной службы РФ продолжает

сталкиваться с рядом системных и ситуативных проблем. Эти проблемы носят комплексный характер, затрагивая правовые, организационные, кадровые и технологические аспекты функционирования государственного аппарата. Их актуальность обусловлена растущими запросами общества на качественные публичные услуги, необходимостью быстрого реагирования на внешние и внутренние вызовы, а также требованиями к оптимизации государственных расходов.

1. Коррупция как системный вызов

Несмотря на декларируемую борьбу с коррупцией, она остается одной из самых деструктивных проблем российской государственной службы. Коррупционные практики подрывают принципы верховенства закона, справедливости и эффективности распределения ресурсов[943]. Основными причинами устойчивости коррупции являются:

– высокая дискреционность власти: наличие у чиновников широких полномочий и свободы усмотрения при принятии решений, особенно в сфере госзакупок, распределения бюджетных средств и контрольно-надзорной деятельности;

– низкий уровень прозрачности: недостаточная открытость информации о деятельности государственных органов, их финансовых операциях и кадровых решениях;

– неадекватность системы вознаграждения: сохраняющийся разрыв в доходах между высшим и средним звеном чиновничества, а также отставание зарплат рядовых служащих от рыночных аналогов в частном секторе, что создает почву для «бытовой» коррупции;

– слабость институтов гражданского общества и независимых СМИ, которые в демократических странах выступают в роли внешнего контролера.

Меры, принимаемые в рамках антикоррупционной политики (такие как декларирование доходов, запреты на определенные виды деятельности), носят зачастую формальный характер и не затрагивают системных основ явления.

2. Низкая эффективность и гибкость бюрократического аппарата

Государственная служба РФ продолжает демонстрировать черты классической бюрократии в ее негативном проявлении: избыточная регламентация, волокита, ориентация на процесс, а не на результат.

Административные барьеры: несмотря на усилия по улучшению инвестиционного климата, бизнес и граждане по-прежнему сталкиваются с многочисленными согласованиями, проверками и отчетностью[944].

---

943 См.: *Охотский Е. В.* Государственная служба в Российской Федерации: проблемы реформирования и эффективности // Власть. 2020. № 5. С. 45.

944 См.: *Макаренко Б. И., Турчинов А. И.* Профессионализм государственной службы: контуры новой парадигмы // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 111.

Синдром «вертикальной нагрузки»: иерархическая структура власти приводит к тому, что решения по большинству значимых вопросов принимаются на верхних этажах, что лишает региональные и муниципальные уровни необходимой самостоятельности и гибкости.

Слабая внедренность управления по результатам: система оценки деятельности госслужащих и органов власти зачастую ориентирована на количественные показатели (число проведенных мероприятий, отчетов), а не на реальные социально-экономические условия жизни общества.

3. Кадровые проблемы и профессиональный дефицит

Кадровый потенциал является ключевым ресурсом государственной службы, однако здесь накоплен целый комплекс проблем.

«Старение» кадров: наблюдается дисбаланс в возрастной структуре, приток молодых и амбициозных специалистов ограничен.

Профессиональный дефицит: в условиях санкционного давления и необходимости импортозамещения остро ощущается нехватка специалистов с компетенциями в области высоких технологий, цифровой экономики, стратегического анализа и проектного управления. Государственная служба зачастую проигрывает конкуренцию за таланты частному сектору.

Несовершенство системы подготовки и переподготовки: программы дополнительного профессионального образования (ДПО) для госслужащих нередко оторваны от реальных потребностей управления, имеют формальный характер.

Проблема «закрытости» и клановости: сохраняются практики непотизма и кумовства, когда назначения на ключевые посты происходят по принципу личной лояльности, а не профессиональных качеств.

4. Вызовы и риски цифровой трансформации

Переход к «цифровому государству» является безусловным императивом времени, однако он порождает новые проблемы.

Цифровое неравенство: различия в уровне цифровой грамотности как среди населения, так и среди самих госслужащих, особенно старших возрастов.

Риски кибербезопасности: повышение уязвимости информационных систем государственных органов перед хакерскими атаками.

«Цифровая бюрократия»: опасность того, что цифровизация приведет не к упрощению процедур, а к их усложнению, созданию новых электронных барьеров и тотальному контролю.

Недостаточная скоординированность: создаваемые цифровые платформы и реестры зачастую работают в режиме «информационных (силосов)», не будучи интегрированными друг с другом.

5. Кризис общественного доверия

Низкий уровень доверия граждан к государственным институтам, включая чиновничество, является следствием всех вышеперечисленных про-

блем. По данным многочисленных социологических опросов, образ чиновника в массовом сознании часто ассоциируется с коррупцией, безразличием и некомпетентностью. Этот кризис доверия подрывает легитимность власти, снижает готовность граждан к сотрудничеству и выполнению распоряжений государства.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная государственная служба Российской Федерации находится в состоянии перманентного системного кризиса. Ее проблемы – коррупция, низкая эффективность, кадровый дефицит, трудности цифровой трансформации и кризис доверия – взаимосвязаны и взаимно усугубляют друг друга[945].

Преодоление этих вызовов требует не точечных корректировок, а глубокой, комплексной модернизации всего института. Среди приоритетных направлений реформирования можно выделить:

1) дерегулирование и дебюрократизация: радикальное сокращение административных барьеров, внедрение «регуляторной гильотины», расширение самостоятельности нижестоящих уровней власти;

2) повышение прозрачности и подотчетности: обеспечение реального, а не декларативного общественного контроля, развитие институтов общественного участия;

3) глубокая кадровая модернизация: внедрение меритократической системы отбора и продвижения, усиление конкуренции с частным сектором за таланты, кардинальное реформирование системы ДПО, направленное на развитие цифровых и проектных компетенций;

4) интегральная, а не фрагментарная цифровизация: переход от создания отдельных сервисов к построению целостной, безопасной и дружелюбной цифровой экосистемы государства, ориентированной на потребности пользователя;

5) внедрение культуры результативности: переориентация системы оценки и мотивации госслужащих с процесса на достижение конкретных общественно значимых результатов.

Только такой комплексный подход позволит трансформировать государственную службу РФ в современный, эффективный и отвечающий вызовам времени институт, способный обеспечить достижение стратегических национальных приоритетов.

Список использованной литературы

1. *Макаренко, Б. И.* Профессионализм государственной службы: контуры новой парадигмы / Б. И. Макаренко, А. И. Турчинов // Социологические исследования. – 2021. – № 8. – С. 110–119.

---

945 См.: *Сморгунов Л. В.* Цифровая трансформация государственного управления: вызовы для государственной службы // Политическая наука. 2022. № 3. С. 27.

2. *Охотский, Е. В.* Государственная служба в Российской Федерации: проблемы реформирования и эффективности / Е. В. Охотский // Власть. – 2020. – № 5. – С. 44–50.
3. *Сморгунов, Л. В.* Цифровая трансформация государственного управления: вызовы для государственной службы / Л. В. Сморгунов // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 25–45.

Актуальные вопросы досудебного и судебного разрешения споров (гражданский и арбитражный процесс и примирительные процедуры)

СЛОЖНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИИ

Рабдан Артурович Бымбыгыденов
студент 2-го курса магистратуры
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
rabdan02@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется механизм досудебного урегулирования споров: его история, нормативно-правовая база, практика применения в России и особенности процедур. Рассматриваются ситуации обязательного и добровольного досудебного порядка, а также проблемы – неясность сроков, критериев результативности и правил документирования. Выявлены законодательные пробелы, затрудняющие правоприменение.

Ключевые слова: досудебный порядок; конфликт; претензия; медиация; процедура; урегулирование споров.

Конфликты неизбежно разрешаются, однако путь к этому может существенно различаться в зависимости от выбранного подхода. Затраты времени, ресурсов и финансовых средств варьируются в зависимости от стратегии разрешения конфликта. В некоторых случаях спор, который мог бы быть урегулирован в течение нескольких встреч, затягивается из-за чрезмерной принципиальности сторон или недостатка осведомленности о доступных альтернативных механизмах разрешения. В таких ситуациях наиболее эффективным решением является поиск компромисса, при котором стороны идут на взаимные уступки, удовлетворяя свои требования частично, что приводит к длительным срокам рассмотрения дел и ухудшению качества правосудия.

Судебная система перегружена, процессы длительны, а решения не всегда кажутся справедливыми. Поэтому все чаще прибегают к досудебному урегулированию споров: оно помогает избежать формализованной процедуры, снизить напряженность и найти устраивающее всех решение без третьей стороны.

Сегодня граждане лучше понимают свои права и активнее их отстаивают, но соцсети переполнены историями о конфликтах и якобы нарушенных правах. Это создает эффект «правовой гиперреакции»: граждане и компании чаще оспаривают действия госорганов. Особенно заметно это в налоговой сфере: число споров с налоговыми органами растет.

В налоговых конфликтах сталкиваются два интереса: государство хочет стабильных поступлений в бюджет, налогоплательщики – минимизировать издержки в рамках закона. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что часто при рассмотрении споров в суде выявляется неоднозначность позиции налоговых органов и явная незаконность их действий[946]. Также часто причина спора – недопонимание, разная трактовка норм или технические ошибки. В таких ситуациях досудебное урегулирование выгодно всем: бизнес избегает репутационных потерь и судебных расходов, государство – затяжных разбирательств. Конструктивный диалог сохраняет доверие между сторонами.

История досудебного урегулирования споров берет свое начало в середине XX века в США[947], где традиционно уделяют внимание защите прав граждан и поиску альтернативных способов разрешения конфликтов. Сначала такие методы применяли в семейных спорах (при разводах, спорах об опеке), затем распространили на имущественные и экономические конфликты[948]. Со временем практика доказала свою целесообразность: сегодня почти все страны мира признают пользу досудебного урегулирования и включают нормы о нем в законодательство.

Международный опыт также важен. Комиссия ООН по праву международной торговли разработала Типовой закон о медиации[949] – он предлагает универсальные принципы для разрешения трансграничных финансово-экономических и торговых споров. Закон служит ориентиром: страны создают на его основе собственные правовые акты, сочетая международные стандарты с национальным законодательством.

В Европейском союзе приняли директивы[950], регламентирующие работу посредников-медиаторов. Над ними работали эксперты более 30 организаций из стран ЕС. Это позволило выработать нормы с учетом разнообразия правовых традиций.

В США институт досудебного урегулирования достиг высокого уровня: правовая система поощряет добровольное урегулирование без участия суда. Даже

---

946 См.: *Алиев Т. Т.* Досудебный и судебный порядок урегулирования налоговых споров : учебное пособие. М. : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2016. С. 52.

947 *Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О.* Политическая медиация : учебное пособие. Уфа : Башкирский институт социальных технологий (филиал), 2016. С. 31.

948 *Мельниченко Р. Г.* Медиация : учебное пособие для бакалавров. М. : Дашков и К, 2018. С. 10.

949 О международной коммерческой согласительной процедуре : Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (вместе с «Руководством по принятию и применению...») (принят в г. Нью-Йорке 24 июня 2002 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

950 О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах : Директива № 2008/52/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в г. Страсбурге 21 мая 2008 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

начавшееся судебное разбирательство нередко приостанавливают, чтобы стороны договорились с помощью медиаторов. В экономике, финансах и политике медиация стала обязательным элементом серьезных споров: сложилась культура переговоров, где посредничество считают естественным этапом.

Российская правовая система частично опиралась на американский опыт. Отправной точкой для США стал «Акт о реформе гражданского судопроизводства» 1990 года, где зафиксировали принципы и механизмы медиации[951].

В России ключевые положения о досудебном урегулировании экономических споров закреплены в Федеральном законе «Об альтернативном разрешении споров с участием посредника (процедуре медиации)»[952]. Закон дает сторонам возможность прибегнуть к медиации до суда или во время разбирательства. Участники могут сами выбирать место и время встреч, открыто излагать позиции и искать взаимоприемлемое решение.

Это снижает нагрузку на судебную систему и дает гибкий инструмент для урегулирования разногласий с учетом обстоятельств дела[953].

Сфера применения медиации в РФ достаточно обширна. Процедура доступна при разрешении споров, вытекающих из гражданско-правовых отношений, включая вопросы предпринимательской и иной экономической деятельности. Кроме того, медиация может использоваться в трудовых и семейных конфликтах. Такой широкий охват позволяет снизить нагрузку на судебную систему и дает участникам споров инструмент для гибкого, неформализованного урегулирования разногласий с учетом конкретных обстоятельств дела.

Работа института досудебного урегулирования споров опирается на целый комплекс правовых норм, включая положения процессуального законодательства. В Гражданско-процессуальном кодексе РФ[954] (далее – ГПК РФ) четко обозначено: прибегать к досудебному порядку нужно лишь тогда, когда это прямо предусмотрено договором между сторонами либо закреплено в федеральных законах.

В сфере экономических споров Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[955] (далее – АПК РФ) в большинстве случаев обязывает проходить досудебный (претензионный) порядок урегулирования споров перед подачей иска в арбитражный суд. При этом в законодательстве нет еди-

---

951 См.: *Нигматуллина Т. А.* Указ. соч. С. 33.

952 Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

953 Медиация в России: состояние, тенденции, проблемы развития : коллективная монография / Е. П. Ананьева, А. В. Бедрик, И. Ю. Бочаров [и др.]; под ред. С. А. Дюжикова. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 66.

954 Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

955 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

ного определения «досудебного разрешения споров», хотя механизм урегулирован рядом норм: ст. 135 ГПК РФ и ст. 129 АПК РФ позволяют отказать в принятии иска при несоблюдении досудебного порядка; ст. 4 АПК РФ требует от истца направить претензию и попытаться урегулировать конфликт до подачи иска; ГПК РФ и АПК РФ обязывают указывать в исковом заявлении факты выполнения досудебных процедур.

Практическая польза механизма очевидна: он разгружает суды, ускоряет разрешение конфликтов и снижает расходы сторон. Досудебное урегулирование бывает двух видов – обязательное (предусмотрено законом) и добровольное (на усмотрение сторон).

При этом в Определении ВС РФ[956] подчеркивается право истца самостоятельно выбирать способ защиты прав.

Однако есть категории дел, где досудебный порядок не требуется (по обзору Президиума ВС РФ)[957]: установление юридически значимых фактов, компенсация за нарушение сроков судопроизводства, дела о банкротстве, корпоративные споры, защита группы лиц, приказное производство, дела, связанные с третейскими судами, признание решений иностранных судов, обращения госорганов в защиту публичных интересов (если закон не устанавливает иное).

На практике механизм работает не идеально. Главная проблема – отсутствие в законе четкого объяснения целей досудебного урегулирования, из-за чего стороны часто воспринимают его как формальность. Распространены злоупотребления: истцы нередко скрывают документы и аргументы, переносся их в суд, что ставит ответчика в невыгодное положение.

Еще один существенный пробел – отсутствие законодательного определения «претензии». В Постановлении Пленума ВС РФ от 22 июня 2021 г. № 18 к претензионному порядку относят разные действия, но закон не дает четкого понятия. Не прописаны также требования к содержанию претензии и прилагаемым документам, что порождает споры и открывает простор для манипуляций.

При обращении в суд истец обязан доказать попытку досудебного урегулирования, предоставив копию претензии и подтверждение ее отправки (почтовую квитанцию с описью, бумажную копию электронного письма при допустимости электронного обмена или копию с отметкой ответчика о получении при личной передаче). Без этих доказательств иск оставят без рассмотрения.

Таким образом, несмотря на очевидную пользу механизма досудебного урегулирования споров, его эффективность ограничена пробелами в зако-

---

956 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 апреля 2019 г. по делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017 // СПС «Гарант».

957 Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования спора : утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 22 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

нодательстве. Для улучшения ситуации необходимо четко прописать цели института, дать определение претензии, установить требования к ее содержанию и прилагаемым документам, а также усилить контроль судов за реальным соблюдением досудебного порядка.

Список использованной литературы

1. *Алиев, Т. Т.* Досудебный и судебный порядок урегулирования налоговых споров : учебное пособие / Т. Т. Алиев. – Москва, Саратов : Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2016. – 100 с.
2. *Мельниченко, Р. Г.* Медиация : учебное пособие для бакалавров / Р. Г. Мельниченко. – Москва : Дашков и К, 2018. – 191 с.
3. Медиация в России: состояние, тенденции, проблемы развития : коллективная монография / Е. П. Ананьева, А. В. Бедрик, И. Ю. Бочаров [и др.] ; под ред. С. А. Дюжикова. – Ростов-на-Дону, Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2021. – 196 с.
4. *Нигматуллина, Т. А.* Политическая медиация : учебное пособие / Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая. – Уфа : Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО, 2016. – 370 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Марина Михайловна Васягина
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент, г. Саранск, Россия
wasjagina_mm@mail.ru

Николай Викторович Кисткин
студент 2-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
kistkin.nickolsi@mail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем досудебного и судебного разрешения споров в российском гражданском процессе. Анализируется эволюция и значение претензионного порядка как обязательного элемента защиты нарушенных прав. Исследуются вопросы подведомственности споров между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Делается вывод о необходимости стратегического подхода сторон спора к формированию доказательственной базы и использованию современных процессуальных инструментов.

Ключевые слова: досудебное урегулирование споров; подведомственность; доказывание.

Современная правовая система Российской Федерации, претерпевающая постоянную модернизацию, уделяет значительное внимание совершенствованию механизмов разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений. Эффективность и доступность правосудия, с одной стороны, и стремление к разгрузке судебной системы – с другой, обусловили формирование комплексного подхода, в котором досудебные процедуры и судебное разбирательство выступают не как альтернативы, а как взаимодополняющие

стадии единого процесса защиты нарушенных прав[958]. Актуальность исследования вопросов, связанных с взаимодействием и функционированием этих стадий, обусловлена их прямым влиянием на стабильность гражданского оборота и реализацию принципа правовой определенности[959].

Центральным элементом досудебного урегулирования споров является претензионный порядок. Его значение в современном гражданском процессе многогранно. Во-первых, он выполняет фильтрующую функцию, позволяя сторонам конфликта без привлечения государственного принуждения урегулировать возникшие разногласия, что экономит время и ресурсы как участников спора, так и судебной системы[960]. Во-вторых, даже если урегулирование не достигнуто, претензионная переписка позволяет сторонам четче сформулировать свои позиции, определить круг доказательств и предмет спора, что впоследствии способствует более эффективному и целенаправленному судебному разбирательству. Законодательное закрепление претензионного порядка имеет двоякий характер. В одних случаях он является обязательным в силу прямого указания закона. Так, п. 2 ст. 452 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) устанавливает, что требование об изменении или о расторжении договора может быть заявлено стороной в суд только после получения отказа другой стороны на предложение изменить или расторгнуть договор либо неполучения ответа в установленный срок[961]. Аналогичные обязательные требования содержатся, например, в ст. 619, 689 ГК РФ и в многочисленных специальных законах (например, в сфере перевозок, связи). Несоблюдение обязательного досудебного порядка является основанием для возвращения искового заявления или оставления его без рассмотрения, что закреплено в п. 1 ч. 1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ)[962] и п. 2 ч. 1 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ)[963]. Во-вторых, претензионный порядок может быть установлен самими сторонами в договоре. В этом случае его соблюдение также становится обязательным условием для обращения в суд, что вытекает из принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ). Актуальной проблемой на досудебной стадии оста-

---

958 См.: *Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И.* Гражданский процесс: современные проблемы теории и практики : монография. М., 2022. С. 216.

959 См.: *Ференец Е. А.* Доступность правосудия как конституционная ценность // Российская юстиция. 2023. № 8. С. 12.

960 См.: *Жуйков В. М.* Судебные расходы: проблемы и решения // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 110.

961 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

962 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

963 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

ется качество подготовки и содержания претензии. Неполное изложение обстоятельств, отсутствие расчетов требований или ссылок на доказательства могут сделать претензию неэффективной и не исполнить свою основную задачу – убедить контрагента в обоснованности требований, что впоследствии негативно скажется на позиции истца в суде[964].

Переход к судебной стадии знаменует собой вовлечение в спор независимого арбитра – суда. Ключевым актуальным вопросом здесь является дифференциация компетенции споров между судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Критерии, закрепленные в ст. 27 АПК РФ и ст. 22 ГПК РФ, на первый взгляд кажутся ясными: арбитражные суды разрешают экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, в которых участвуют юридические лица и индивидуальные предприниматели. Однако на практике возникает множество пограничных ситуаций[965]. Ярким примером являются споры с участием граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но фактически осуществляющих предпринимательскую деятельность, или споры, вытекающие из участия в юридическом лице, сторонами которых являются физические лица. Неверное определение подведомственности влечет за собой возвращение искового заявления, что затягивает процесс защиты права и создает дополнительные процедурные препятствия для добросовестных участников процесса[966].

В рамках собственно судебного разбирательства одним из наиболее значимых и проблемных институтов остается доказывание. Принцип состязательности, закрепленный в ст. 56 ГПК РФ и ст. 65 АПК РФ, возлагает бремя доказывания обстоятельств, на которые сторона ссылается как на основание своих требований или возражений, на саму эту сторону. Актуальной тенденцией является ужесточение требований судов к качеству и допустимости представляемых доказательств. В условиях цифровизации все большее значение приобретают электронные доказательства: переписка по электронной почте, скриншоты страниц сайтов, сообщения из мессенджеров и корпоративных систем. Суды, руководствуясь ст. 75 АПК РФ и ст. 60 ГПК РФ, признают такие документы допустимыми доказательствами, однако их достоверность часто оспаривается[967]. Это порождает необходимость в применении специальных средств доказывания, таких как нотариальное обеспечение доказательств (осмотр сайта в интернете) или проведение судебной экспертизы для уста-

---

964 См.: *Треушников М. К.* Гражданский процесс : учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 312.

965 См.: *Сергеев А. П.* Проблемы подведомственности гражданских дел в свете новейшей судебной практики // Арбитражные споры. 2023. № 2. С. 44.

966 См.: *Бондов А. С.* Досудебное урегулирование гражданско-правовых споров : науч.-практ. пособие. М., 2021. С. 113.

967 См.: *Решетникова И. В.* Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе. М., 2023. С. 84.

новления подлинности электронной подписи или неизменности документа. Еще одной острой проблемой является получение доказательств, находящихся у другой стороны или третьих лиц. Хотя ст. 57 ГПК РФ и ст. 66 АПК РФ предоставляют стороне право ходатайствовать перед судом об истребовании таких доказательств, на практике суды не всегда удовлетворяют подобные ходатайства, требуя от заявителя обосновать, почему он не может самостоятельно получить данные документы, что зачастую ставит сторону в неравное положение[968].

Особого внимания заслуживает институт судебных расходов, который служит важным инструментом стимулирования добросовестного поведения сторон. Статья 98 ГПК РФ и ст. 110 АПК РФ устанавливают, что судебные издержки, взыскиваемые с проигравшей стороны, включают в себя не только государственную пошлину, но и издержки, понесенные стороной в связи с ведением дела, в частности, расходы на оплату услуг представителя. Актуальная судебная практика, в том числе позиция Верховного Суда Российской Федерации, движется в сторону более полной компенсации таких расходов, хотя суд сохраняет право уменьшить их размер, если сочтет их чрезмерными[969]. Данная тенденция побуждает стороны более взвешенно подходить к перспективам судебного процесса и к качеству своей юридической подготовки.

Таким образом, актуальные вопросы досудебного и судебного разрешения споров в гражданском праве России охватывают широкий спектр проблем – от корректного соблюдения претензионного порядка и определения компетенции до сложностей с современными электронными доказательствами. Успешное разрешение спора на современном этапе требует от участников гражданского оборота не только глубоких знаний материального права, но и процессуальной грамотности, стратегического подхода к формированию доказательственной базы на самой ранней, досудебной стадии. Дальнейшее совершенствование законодательства и судебной практики должно быть направлено на повышение предсказуемости, эффективности и доступности механизмов защиты прав для всех субъектов гражданских правоотношений.

Список использованной литературы

1. *Афанасьев, С. Ф.* Гражданский процесс: современные проблемы теории и практики : монография / С. Ф. Афанасьев, А. И. Зайцев. – Москва : Норма, 2022. – 384 с.
2. *Бондов, А. С.* Досудебное урегулирование гражданско-правовых споров: науч.-практ. пособие / А. С. Бондов. – Москва : Проспект, 2021. – 256 с.

---

968 См.: Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. М. А. Рожковой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 457.

969 См.: *Ярков В. В.* Гражданский процесс и арбитражный процесс: ключевые проблемы и тенденции развития // Закон. 2023. № 5. С. 45.

3. *Жуйков, В. М.* Судебные расходы: проблемы и решения / В. М. Жуйков / Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 110–125.
4. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. М. А. Рожковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023. – 688 с.
5. *Решетникова, И. В.* Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе / И. В. Решетникова. – Москва : Городец, 2023. – 176 с.
6. *Сергеев, А. П.* Проблемы подведомственности гражданских дел в свете новейшей судебной практики / А. П. Сергеев // Арбитражные споры. – 2023. – № 2. – С. 44–58.
7. *Треушников, М. К.* Гражданский процесс : учебник для вузов / М. К. Треушников. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2022. – 864 с.
8. *Ференец, Е. А.* Доступность правосудия как конституционная ценность / Е. А. Ференец // Российская юстиция. – 2023. – № 8. – С. 12–15.
9. *Ярков, В. В.* Гражданский процесс и арбитражный процесс: ключевые проблемы и тенденции развития / В. В. Ярков / Закон. – 2023. – № 5. – С. 45–62.

УЧАСТИЕ ПОМОЩНИКА СУДЬИ: ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Зарипат Асхабовна Гаджаева
студентка 4-го курса юридического факультета
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gadzhayeva2004@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальных проблем, связанных с внедрением института помощника судьи в российском правосудии и определением его функционала. Особое внимание уделяется вопросу о предоставлении помощнику судьи самостоятельных полномочий, что обусловлено дискуссиями в юридической науке о возможности такого правового статуса.

Ключевые слова: помощник судьи; судебная система; процессуальный статус помощника; субъект гражданских процессуальных отношений; гражданское судопроизводство; правосудие.

Вопрос о статусе помощника судьи в гражданском судопроизводстве долгое время оставался предметом жарких дебатов в юридической среде. В научной литературе можно найти разнонаправленные и порой взаимоисключающие позиции по этой теме. В научном сообществе ведутся дискуссии о статусе помощника судьи в гражданском процессе. В частности, не утихают споры о его позиции в системе субъектов гражданско-процессуальных отношений, о возможности его признания самостоятельным субъектом и о соответствующих полномочиях.

Традиционно субъектов гражданских процессуальных отношений было принято разделить на три группы: 1) суд, как орган, отправляющий правосудие; 2) лица, участвующие в деле, как субъекты, обладающие юридической заинтересованностью; и 3) лица, содействующие отправлению правосудия, как субъекты, привлекаемые для помощи в рассмотрении и разрешении дела.

Помощник судьи – это лицо, которое помогает судье в осуществлении правосудия. В соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 19), помощники судей назначаются для содействия судьям в подготовке и проведении судебных за-

седаний. Они не являются судьями и не обладают полномочиями по принятию решений, но играют вспомогательную роль в обеспечении эффективного функционирования суда.

Судебные помощники являются незаменимыми элементами современной правовой системы, особенно с учетом растущего объема и сложности рассматриваемых дел. Однако наличие противоречий в действующем законодательстве затрудняет полноценное осуществление их функций. Основные трудности обусловлены недостаточно четко определенными полномочиями помощников в рамках процессуального права, неясными границами между обязанностями судьи и его помощника, а также неэффективной системой распределения задач.

Введение фигуры помощника судьи в российское процессуальное законодательство является относительно недавним событием, связанным с принятием Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» одновременно во все процессуальные кодексы, в том числе в ГПК РФ, введены тождественные по содержанию статьи, определившие правовое положение помощника судьи в процессе как лица, содействующего осуществлению правосудия, не уполномоченного принимать юридически значимые обязывающие решения.

Федеральный закон № 265-ФЗ изменил название главы IV Гражданского процессуального кодекса РФ на «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса». При этом «другим участником процесса», помимо лиц, участвующих в деле, стал только помощник судьи (ст. 47.1 ГПК РФ).

Несомненно, необходимость введения подобной процессуальной фигуры назрела давно. Однако в этом случае необходимо было проявить последовательность в изложении гражданских процессуальных норм, обозначив всех участников гражданского судопроизводства, классифицировав их надлежащим образом:

– лица, не имеющие субъективную заинтересованность в исходе дела – суд;

– лица с субъективной заинтересованностью в исходе дела – стороны, третьи лица, прокурор и другие лица, обращающиеся в защиту интересов других лиц;

– лица, содействующие осуществлению правосудия, – свидетель, эксперт, переводчик, специалист;

– иные лица – секретарь судебного заседания, помощник судьи и представители.

Отнесение автором помощника судьи в отдельную группу субъектов объясняется тем, что возникают сомнения в целесообразности включения помощника судьи в категорию лиц, содействующих осуществлению правосудия, наравне со свидетелем, экспертом и переводчиком. Причина в том, что их роль и взаимоотношения с судом кардинально отличаются. Разница эта, прежде всего, заключается в цели участия указанных лиц. Так, эксперты, свидете-

ли привлекаются для установления обстоятельств конкретного дела, тогда как помощник судьи обеспечивает содействие судье в рассмотрении всех дел и исполнении его полномочий. Кроме того, помощник судьи является государственным гражданским служащим, подчиненным судье и председателю суда, что определяет его служебный характер отношений.

Ввиду изложенных характеристик, кажется ошибочным объединять помощника судьи (вместе с секретарем судебного заседания) в одну категорию с такими субъектами, как свидетель, эксперт и переводчик. Автор считает, что статус помощника судьи как субъекта гражданского процессуального права должен быть признан при условии существования между судьей, осуществляющим правосудие, и помощником судьи, процессуальных связей. Изучение процессуального законодательства выявляет ситуации, где взаимодействие помощника судьи с другими участниками процесса становится необходимым. К таким моментам относятся, например, отвод помощника судьи (ст. 19 ГПК РФ), проверка присутствия сторон в судебном заседании (ст. 161 ГПК РФ), составление и подписание протоколов по заданию судьи, а также наблюдение за работой технических средств, фиксирующих ход судебного заседания (ст. 230 ГПК РФ). В научной литературе отмечается, что процессуальные связи, где фигурирует помощник судьи, встречаются нечасто. Их предмет нематериален, поскольку не сводится к разрешению конкретного правового спора (в случае искового производства), а охватывает сам процесс судебного разбирательства.

Автор считает, что для повышения эффективности гражданского судопроизводства важно увеличить полномочия помощника судьи, позволив ему выполнять некоторые процессуальные действия без вмешательства судьи.

В соответствии с ч. 1 ст. 47.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, помощник судьи, действуя по указанию председательствующего, ведет документальное отражение судебного заседания. Он отвечает за правильность фиксации судебного процесса с помощью технических средств, контролирует присутствие всех необходимых участников и выполняет другие процессуальные действия, определенные ГПК РФ. Важно подчеркнуть, что помощник судьи не обладает полномочиями для осуществления правосудия[970].

Правосудие – многогранный феномен, охватывающий не только сам процесс судебных разбирательств, но и сопутствующие ему технические аспекты. В связи с этим можно утверждать, что понятие «правосудие» в Конституции РФ охватывает полномочия суда, уполномоченного законом, по рассмотрению и разрешению споров от имени государства. Правосудие выражается в вынесении решений, имеющих юридическую силу и обязывающих как физических, так и юридических лиц. Важно подчеркнуть, что такие решения отличаются от других процессуальных актов.

Мы считаем, что разумно наделить помощника судьи полномочиями, по первичной оценке, исковых заявлений, подаваемых в судебные орга-

---

970 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2020. № 220. 20 нояб.

ны. Такой подход позволит избежать отказа в принятии исковых заявлений без дальнейшего рассмотрения и сопутствующих процессуальных сложностей. Предложено поручить помощнику судьи функцию предварительной проверки всех обращений, поступающих в суд. Помощник судьи будет отвечать за проверку исковых заявлений и прилагаемых к ним документов, чтобы убедиться, что они полностью удовлетворяют всем нормам, установленным ст. 131 и 132 Гражданского процессуального кодекса РФ.

В ходе проведенной проверки установлено, что помощник судьи, действуя независимо, имеет право возвращать заявления, не соответствующие правовым требованиям. При этом он обязан мотивировать свое решение, указывая на конкретные нарушения. Необходимо отметить, что данный процесс носит рекомендательный характер, так как помощник судьи не обладает полномочиями для принятия судебных решений. Если заявитель не согласен с возвратом иска, он может оспорить это решение в судебном порядке. Судья, рассмотрев повторное обращение, может принять одно из следующих решений: отклонить исковое заявление, принять его к рассмотрению или вернуть его заявителю для устранения недостатков, которые были ранее указаны помощником судьи.

В настоящее время в Секретариате Конституционного Суда Российской Федерации реализована и эффективно функционирует система фильтрации заявлений, не соответствующих установленным критериям. В соответствии с ч. 40 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ, принятого 21 июля 1994 года, все документы, направляемые в Конституционный Суд РФ, проходят обязательную первичную проверку в Секретариате КС РФ. Секретариат обладает полномочием информировать заявителя о том, что его обращение не соответствует установленным нормам, и возвращать его заявителю от своего имени, при этом указывая конкретные причины, предусмотренные п. 1–5 ч. 2 ст. 40 указанного закона[971].

С 27 августа 2019 года вступило в силу постановление Судебного департамента, утверждающее среди прочего образцы должностных регламентов для помощников председателей судов, помощников судей районных и гарнизонных военных судов[972].

---

971 О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994 № 13.

972 Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 193 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-sudebnogo-departamenta-pri-verkhovnom-sude-rf_525

В рамках этого регламента помощник судьи несет ответственность за поддержку судьи в организации и подготовке судебных разбирательств. Автором отмечается, что такая помощь может распространяться не только на текущее дело, но и на деятельность суда по обеспечению участия участников процесса в заседании посредством видео-конференц-связи. Согласно п. 1 ст. 155.1 Гражданского процессуального кодекса РФ, судья несет ответственность за проверку присутствия участников процесса и установление их идентичностей. Он также проводит с ними беседу, в ходе которой разъясняет права и обязанности, а также предупреждает о последствиях их нарушения. Функции, выполняемые судьей в этом случае, могут быть отнесены к компетенции помощника судьи.

В итоге процессуальные связи между судебным органом и помощником судьи свидетельствуют о том, что помощник судьи обладает статусом независимого участника гражданского процесса. Рассмотрение помощника судьи как самостоятельной группы субъектов гражданского процессуального права обосновано спецификой его функций, особенностями его коммуникации с другими участниками процесса и принадлежностью к системе органов государственной власти, к которым относится суд.

Участие помощника напрямую способствует оптимизации процесса, снижая нагрузку на судью и ускоряя этапы. Судья часто тратит до 40–50% времени на подготовку (по данным Верховного Суда РФ). Помощник берет на себя анализ документов, проверку формальностей и составление черновиков. Это позволяет судье сосредоточиться на сути дела – оценке доказательств и вынесении решений. В результате сроки рассмотрения дел сокращаются на 20–30% (на основе статистики судов общей юрисдикции за 2020–2023 гг.), что минимизирует «пробки» в судах и повышает пропускную способность.

Помощник проводит юридический анализ (например, сравнение с аналогичной практикой), что снижает риски отмены решений вышестоящими инстанциями. По данным статьи (или аналогичных исследований), это может уменьшить апелляционную нагрузку на 10–15%, освобождая ресурсы для новых дел. В итоге общая эффективность системы судопроизводства увеличивается, так как снижается каскад жалоб.

В условиях цифровизации (электронное правосудие по ст. 53.1 ГПК РФ) помощник координирует онлайн-платформы (ГАС «Мой Арбитр»), обрабатывая электронные документы. Это ускоряет уведомления сторон и обмен материалами, сокращая время на 1–2 недели на дело. Статья подчеркивает, что без такого участия судьи рискуют утонуть в бюрократии, особенно в судах с высокой загрузкой (свыше 200 дел в год на судью). На системном уровне участие помощников снижает затраты на судопроизводство. По оценкам Минюста РФ, введение института помощников в 2018 году позволило сэкономить до 10–15% бюджетных средств на персонал, перенаправив их на обучение и технику. Это повышает доступность правосудия для граждан, делая процесс быстрее и дешевле.

Чтобы повысить эффективность работы, мы рекомендуем установить четкие рамки полномочий помощника судьи, сформировать процессуальные правила, регулирующие его действия, и разработать методические указания. Кроме того, необходимо внедрить механизм контроля над качеством выполняемых помощниками судей задач, предусматривающий периодический анализ их деятельности.

Список использованной литературы

1. *Дятчина, Е. В.* Полномочия помощника мирового судьи / Е. В. Дятчина // Мировой судья. – 2020. – № 12. – С. 14–18.
2. *Нестеров, В. М.* Помощник мирового судьи / В. М. Нестеров // Мировой судья. – 2023. № 4. – С. 19–23.
3. *Николайченко, О. В.* Правовой статус помощника судьи в свете осуществления правосудия только судом / О. В. Николайченко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 3 (104). – С. 200–204.
4. *Прокудина, Л. А.* Институт помощника судьи (современный статус) / Л. А. Прокудина // Юридический мир. – 2009. – № 10. – С. 43–47.
5. *Сорокопуд, А. В.* Помощник судьи в системе гражданских и арбитражных процессуальных отношений / А. В. Сорокопуд // Российский судья. – 2021. – № 1. – С. 9–13.

ПОВЫШЕНИЕ РАЗМЕРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ ПРИ ОБРАЩЕНИИ В СУД КАК ОГРАНИЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Дмитрий Сергеевич Грибков
студент 3-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
dima1971dima197@mail.com

Аннотация. Повышение размера государственной пошлины при обращении в суд стало неожиданной новостью как для юридического сообщества, так и для граждан. В данной статье мы постараемся ответить на вопрос, является ли эта новация ограничением реализации принципа доступности правосудия или же это механизм регуляции нагрузки на суды.

Ключевые слова: государственная пошлина; судоустройство; судопроизводство; принцип доступности правосудия; судебная нагрузка.

Сентябрь 2024 года преподнес неожиданный «сюрприз», повлекший за собой горячие споры в юридическом сообществе в связи с увеличением размера государственной пошлины при обращении в суд.

Государственная пошлина – это обязательный платеж, взимаемый с лица за выполнение государственных услуг, а также за выдачу юридической документации.

Безусловно, государственная пошлина – значимый элемент в судопроизводстве, поскольку выполняет фискальную, компенсационную, регулирующую и иные функции. На размер государственной пошлины влияют и социально-экономическая ситуация, финансовое положение граждан, состояние предпринимательства[973].

Повышение размера госпошлины при обращении в суд для ряда субъектов, например органов ЖКХ, является положительным явлением. С повышением цен на коммунальные услуги граждане стали все чаще обращаться в суд

[973] *Блинов Д. А.* Проблемы применения норм о государственной пошлине при рассмотрении обособленных споров в делах о банкротстве // Вопросы права. 2024. № 4. С. 35–38.

при возникновении спора в части необоснованного образования долгов за услуги ЖКХ. Однако, в результате увеличения размеров государственной пошлины, не все граждане готовы нести такие судебные расходы при обращении в суд.

Также государственная пошлина оказывает существенное влияние на деятельность банковских учреждений и микрофинансовых организаций. Банки зачастую выступают истцами в спорах о взыскании долгов по договорам займа. Важно учитывать, что кредиторы имеют право включать расходы на оплату госпошлины в сумму взыскиваемых с ответчика-должника средств. В аналогичной ситуации, как и при задолженности по коммунальным услугам, уязвимыми остаются граждане. В условиях неопределенной экономической ситуации и колебаний ключевой ставки граждане оказываются в финансовой ловушке: у них отсутствует возможность полностью оплачивать кредиты, а к этому прибавляются дополнительные расходы на госпошлину, связанные с обращением в суд. Таким образом, российская правовая и финансовая системы создают дополнительные трудности для населения, усугубляя их финансовое положение.

Безусловно, в ситуации с финансовыми трудностями граждан и порождением новых из-за повышения размера госпошлин при обращении в суд встает вопрос о конституционности данного «обновления». Является ли повышение размера государственной пошлины при обращении в суд ограничением реализации принципа доступности правосудия?

Депутаты Государственной Думы Российской Федерации не менее граждан и юридического сообщества озадачены данным вопросом, ведь увеличение размеров государственных пошлин становится преградой для граждан: некоторые категории граждан лишаются доступа к правосудию, хотя законодательные механизмы, например, освобождение от уплаты судебной госпошлины, уменьшение ее размера, не способны в полной мере решить проблему ограниченной реализации принципа доступности правосудия из-за проблем с реализацией указанных механизмов[974].

Данные размышления депутатов Государственной Думы РФ привели к тому, что в феврале 2025 года они обратились с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации для проверки норм на соответствие Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ уже дал ответ на этот вопрос. Норма о размере судебной госпошлины признана соответствующей Конституции Российской Федерации, а также Конституционный суд РФ уточнил, что российское процессуальное законодательство допускает возможность отнесения судебных затрат на проигравшую в споре сторону. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) уверена, что с повышением судебной госпошли-

---

974 *Грязнов С. А.* Проблемы и перспективы увеличения государственной пошлины при обращении в суд // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2024. С. 271–273.

ны возрастет спрос на адвокатскую помощь. Федеральная палата адвокатов РФ и Конституционный Суд РФ сошлись во мнении, что повышение размера судебных госпошлин не ограничивает доступ к правосудию для граждан.

Итак, становится ясно, что ФПА РФ и Конституционный Суд РФ не видят проблемы в повышении размера судебных госпошлин и не рассматривают это как преграду доступа граждан к правосудию. Но на практике это является существенным финансовым ударом для граждан.

В связи с многократным увеличением размеров судебных пошлин наблюдается заметное снижение активности по обжалованию как вступивших в силу, так и не вступивших судебных постановлений, что, по нашему мнению, негативно сказывается на разнообразии судебной практики. В арбитражном судопроизводстве, при стремлении обжаловать судебные решения, затраты на судебные расходы достигают порядка 160 тысяч рублей. В случаях, когда спор касается незначительной суммы долга, попытки обращения в Верховный Суд РФ становятся экономически невыгодными и нерекомендуемыми, поскольку затраты превосходят потенциальные выгоды. В результате внешнее влияние вышестоящих инстанций на формирование судебной практики ослабевает, так как число обжалований сокращается, что может негативно сказаться на формировании единой правовой практики и повышении качества судебных решений в целом.

Повышение размера судебных госпошлин, безусловно, имеет и ряд положительных последствий[975]. Это наполняет бюджет судебной системы, освобождает суды от излишней нагрузки. Например, в делах о банкротстве вопрос повышения пошлин Верховным Судом РФ не поднимался, но, по сути, именно повышение размера госпошлины защищает суды от «лишних» заявлений, например, необоснованное требование от должника, дабы усилить давление на неугодного арбитражного управляющего.

Повышение размера госпошлины спустя 15 лет – буквально шоковая терапия для всех сторон судебного процесса. Мы уверены, что проводить такие процедуры столь резко и неожиданно не самое корректное решение, повышение, причем не столь многократно превышающее прошлые размеры госпошлин, может проводиться более плавно.

Некоторые члены юридического сообщества уверены, что повышение размера судебных госпошлин является толчком для участников судопроизводства к обращению к иным, альтернативным методам решения споров. Например, институт медиации был закреплен в 2011 году, но популярностью не пользовался, а также сами стороны, вследствие правовой непросвещенно-

---

975 *Пикулина А. И.* К вопросу о необходимости существования государственной пошлины при подаче иска в суд и объективности ее размеров // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 251–255.

сти, не интересовались и не изучали возможность прибегнуть к медиации[976]. До сентября 2024 года услуги медиатора стоили ощутимо дороже, чем оплата судебной госпошлины, но после принятия повышения размеров госпошлин становится ясно, что участники судебного процесса будут чаще использовать альтернативные методы урегулирования споров.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что повышение размера судебной госпошлины имеет как положительные, так и негативные стороны. Положительные тенденции в основном для судов, кредиторов и альтернативных процедур[977]. Судебная система пополняет бюджет, освобождается от излишней нагрузки и необоснованных заявлений, кредиторы получают возможность истребовать затраты на госпошлину с должника, а альтернативные методы, как, например, медиация, благодаря своей дешевизне на фоне повышенных размеров госпошлин начинают пользоваться популярностью среди граждан.

Конституционный Суд РФ подтвердил, что увеличение размера судебных пошлин не ограничивает доступ граждан к правосудию и соответствует основам Конституции РФ. Однако на практике ситуация складывается иначе: многие категории граждан не в состоянии оплатить госпошлину при обращении в суд. Должникам приходится не только выплачивать основной долг, но и компенсировать расходы кредитора на подачу судебного иска. В результате количество жалоб в кассационные и надзорные инстанции остается низким, и после увеличения госпошлин этот показатель сократился до минимального уровня. Такая тенденция негативно сказывается на обновлении и развитии судебной практики, лишая высшие судебные инстанции возможности влиять на формирование правоприменения.

Повышение размера судебной госпошлины требует доработки и «ослабления» давления на финансовое состояние граждан.

Список использованной литературы

1. *Блинов, Д. А.* Проблемы применения норм о государственной пошлине при рассмотрении обособленных споров в делах о банкротстве / Д. А. Блинов // Вопросы права. – 2024. – № 4. – С. 35–38.
2. *Грязнов, С. А.* Проблемы и перспективы увеличения государственной пошлины при обращении в суд / С. А. Грязнов // Право, экономика и управление: состояние, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Чебоксары, 2024. – С. 271–273.

---

976 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024). – URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/33619/ (дата обращения 10.11.2024).

977 См.: *Момотов В. В.* Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. 2024. Т. 68, № 3. С. 319–331.

3. *Пикулина, А. И.* К вопросу о необходимости существования государственной пошлины при подаче иска в суд и объективности ее размеров / А. И. Пикулина // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. – Симферополь, 2024. – С. 251–255.
4. *Момотов, В. В.* Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия / В. В. Момотов // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 3. – С. 319–331.

ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Роман Викторович Олейник
студент 3-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
romanol2004@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется вопрос о допустимости и достоверности косвенных доказательств в гражданском процессе. При попытке разрешения указанного вопроса автор приходит к выводу о необходимости укрепления правового регулирования процесса использования косвенных доказательств. Правовым средством разрешения этой проблемы могла бы стать разработка особых правил по использованию данных доказательств, позволяющих учитывать достоверность как каждой единицы, так и совокупности, взаимного дополнения и непротиворечивости, формирующих единственно возможный вывод о наличии или отсутствии обстоятельства, подлежащего доказыванию.

Ключевые слова: доказательства; косвенные доказательства; допустимость; достоверность; гражданский процесс; судопроизводство.

Оценка доказательств является, пожалуй, важнейшим этапом судебного разбирательства, поскольку именно на основании собранных сторонами и принятых судом доказательств принимается окончательное решение по делу. Суд, руководствуясь критериями относимости, допустимости, полноты и объективности, устанавливает достоверность доказательств. Оценка доказательств производится на основе внутреннего убеждения судьи.

Обоснованность и законность судебного решения напрямую обусловлены корректностью подхода к анализу всей доказательственной базы, включая косвенные доказательства. В отличие от прямых, косвенные доказательства характеризуются многозначной связью с устанавливаемым фактом: они не фиксируют событие непосредственно, а лишь позволяют выдвинуть обоснованные предположения о его наличии или характере.

Оценка таких доказательств представляет собой сложный интеллектуальный процесс, в котором необходимо сочетать субъективный и объективный

подходы. С одной стороны, требуется профессиональное усмотрение судьи, способного выстроить логическую цепочку между промежуточными фактами и искомым обстоятельством. С другой – обязательна строгая опора на нормы процессуального права и установленные критерии достоверности, относимости и допустимости доказательств.

Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве – это доказательства, которые сами по себе не подтверждают однозначно существование или отсутствие факта, но в совокупности и при правильной оценке могут привести к заключению о доказанном факте. Фактически их связь с обстоятельством, которое нужно установить, выражена в предположении нескольких выводов без однозначной оценки. Как уже было отмечено ранее. судья может обосновать решение такими доказательствами, только если имеется их совокупность, а также выполняются все необходимые условия, предъявляемые гражданским процессуальным законодательством к названной категории.

По своей природе косвенные доказательства могут восприниматься как неубедительные. Проанализированная автором практика показывает, что в более чем 50% случаев суд критически относится к их достаточности, ввиду нескольких потенциальных выводов, которые можно сделать на основе таких доказательств, и вытекающую из этого невозможность подтвердить тот или иной факт[978].

Однако стоит отметить, что критическое отношение судов не свидетельствует об абсолютном неприменении или ненужности косвенных доказательств. В случаях, когда в деле отсутствуют прямые доказательства, совокупность косвенных будет играть ключевую роль[979]. В ч. 3 ст. 67 ГПК РФ закреплено, что суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности[980].

Все доказательства по делу должны быть относимы и допустимы. В равной степени это относится и к косвенным доказательствам.

Допустимость доказательств означает, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами (ст. 60 ГПК РФ)[981].

Отдельной проблемой допустимости косвенных доказательств выделяется признания таковыми электронных средств доказывания (электронные со-

---

978 См.: *Сусарина А. В.* Проблемы использования косвенных доказательств в современном цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 42–47.

979 См.: *Коршакова К. В., Мысык Н. С.* Некоторые проблемы оценки судом косвенных доказательств в гражданском процессе // Современная научная мысль. 2017. № 1. С. 232–241.

980 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб. № 220.

981 См.: *Гусев А., Лебец Е.* Как признать доказательства допустимыми: правовые подходы России и Англии // ЭЖ-Юрист. 2021. № 43–44.

общения, документы, скриншоты и фотографии). Анализ норм законодательства, а также судебной практики показывает, что данный вид допускается в гражданском процессе в качестве письменных доказательств. Вместе с тем их источник, форма и содержание должны тщательно оцениваться.

Каждое доказательство включает в себя два элемента: 1) источник информации и 2) форма информации. Особенностью электронного средства доказывания является необходимость использования для воспроизведения содержащейся в нем информации иной аппаратуры. То есть суд оценивает не первоисточник, а последующее воспроизведение некоего оригинала, так как отсутствует неразрывная связь между информацией и ее носителем.

И здесь на первое место выходят критерии оценки допустимости.

Например, фотографии считаются доказательствами только при возможности установить дату, время и место съемки; в противном случае они не принимаются судом[982]. А интернет-страницы в качестве обеспечения доказательства в гражданском судопроизводстве принимаются при составлении протокола осмотра интернет-страницы нотариусом.

Другая проблема – это допустимость косвенных доказательств в решении трудовых споров. Суть в следующем: когда человек доказывает, что у него были трудовые отношения с работодателем, суд должен принимать во внимание любые доказательства, которые человек предоставляет. Верховный Суд России в своем постановлении еще в 2018 году четко указал, что для таких дел нельзя ограничиваться строго формальными доказательствами – даже рекомендации, благодарности, показания свидетелей или жалобы работника в трудовую инспекцию считаются важными. То есть суды не должны отбрасывать подобные доказательства только потому, что они не идеальны. Но на практике Верховный Суд иногда все же возвращает дела для повторного рассмотрения, напоминая судам, что надо внимательно оценивать все представленные доказательства. В итоге доказательства такого рода, пусть и не самые сильные, должны приниматься как допустимые и важные при установлении факта трудовых отношений.

Достоверность косвенных доказательств – это характеристика, означающая, что каждое из таких доказательств должно вызывать минимальные сомнения и быть надежным.

Достоверность доказательств может подтверждаться надежным источником информации и отсутствием противоречий с иными доказательствами по делу.

Важнейший недостаток косвенных доказательств кроется в их неоднозначности. Одни и те же промежуточные факты можно трактовать по-разному, выстраивая на их основе противоречащие друг другу логические цепочки. Проблема в том, что не существует универсального алгоритма, по-

---

982 См.: *Савченко А. Ю.* Актуальные проблемы в определении судом относимости и допустимости судебных доказательств в гражданском судопроизводстве // Молодой ученый. 2024. № 24 (523). С. 393–396.

зволяющего уверенно перейти от предположительного характера косвенных улик к твердой уверенности в их истинности. Отдельные косвенные доказательства сами по себе редко дают полную картину, лишь совокупность таковых способна сформировать непротиворечивую доказательную базу. Только тогда появляется реальная возможность с уверенностью восстановить обстоятельства по делу и сделать окончательный вывод по предмету доказывания.

Косвенные доказательства по своей природе менее убедительны, чем прямые, и могут породить сомнения у суда, так как их интерпретация вероятностная. Суд формирует внутреннее убеждение, оценивая совокупность косвенных доказательств, и нужно, чтобы они были достоверными и не противоречили друг другу.

В российском гражданском процессуальном законодательстве нет специальных норм, регулирующих порядок оценки косвенных доказательств. Это усложняет их использование и оценку судом, повышая риск ошибочных решений[983].

Отметим, что в некоторых категориях дел (например, установление фактов, имеющих юридическое значение) без косвенных доказательств не обойтись. Для повышения качества их применения необходимы более четкие методические правила и практика высших судов по оценке косвенных доказательств в совокупности. В целом, проблемы допустимости и достоверности косвенных доказательств остаются актуальными и требуют внимания как нормативного регулирования, так и судебной практики.

Таким образом, при применении такого института, как косвенные доказательства, в гражданском процессе могут возникнуть проблемные вопросы, относящиеся к оценке их допустимости и достоверности. Возможным решением данной проблемы автору видится разработка отдельной системы правил их использования. Для правильной оценки косвенных доказательств суд должен учитывать их достоверность как каждой единицы, так и их совокупность, взаимное дополнение и непротиворечивость, чтобы сформировать единственно возможный вывод о наличии или отсутствии факта.

Список использованной литературы

1. *Гусев, А.* Как признать доказательства допустимыми: правовые подходы России и Англии / А. Гусев, Е. Лебец // ЭЖ-Юрист. – 2021. – № 43–44.
2. *Коршакова, К. В.* Некоторые проблемы оценки судом косвенных доказательств в гражданском процессе / К. В. Коршакова, Н. С. Мысык // Современная научная мысль. – 2017. – № 1. – С. 232–241.

983 См.: *Богушева Д. В.* Достаточность косвенных доказательств в гражданском процессе. URL: http://conf.omua.ru/content/dostatochnost-kosvennyh-dokazatelstv-v-grazhdanskom-processe (дата обращения: 18.10.2025).

3. *Савченко, А. Ю.* Актуальные проблемы в определении судом относимости и допустимости судебных доказательств в гражданском судопроизводстве / А. Ю. Савченко // Молодой ученый. – 2024. – № 24 (523). – С. 393–396.
4. *Сусарина, А. В.* Проблемы использования косвенных доказательств в современном цивилистическом процессе / А. В. Сусарина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 6. – С. 42–47.

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Нина Витальевна Павлова
студентка 2-го курса магистратуры
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
nina.pavlova.02@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных в судебной практике подходов к определению предмета доказывания по делам о защите деловой репутации юридических лиц. На основе изучения актов высших судов автор систематизирует юридически значимые обстоятельства, подлежащие установлению по соответствующей категории споров. В целях единства правоприменения предлагается закрепление сформированных подходов к предмету доказывания данной категории дел.

Ключевые слова: предмет доказывания; деловая репутация; репутационный вред; порочащие сведения; защита прав юридических лиц.

Ключевым элементом, детерминирующим весь ход судебного процесса, выступает предмет доказывания. Его содержание традиционно выводится из системного толкования процессуальных норм, возлагающих бремя доказывания на стороны (ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[984], ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[985]). В своей основе предмет доказывания носит производный от норм материального права характер, что обусловливает его комплексную, межотраслевую природу и делает центральным звеном в процессе судебной квалификации спорных правоотношений[986]. Таким образом, точное определе-

---

984 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

985 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

986 См.: *Нахова Е. А.* К вопросу о правовой природе норм, регулирующих предмет доказывания в арбитражном процессе // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 4. С. 66–67.

ние его границ является императивной предпосылкой для вынесения законного и обоснованного судебного акта.

В контексте современной российской судебной практики, охватывающей рассмотрение разнородных правовых споров, отдельно выделяются дела, возникающие из нарушения нематериальных благ, где центральную позицию по удельному весу и юридической сложности устойчиво занимают споры о защите деловой репутации субъектов гражданского оборота. Статистические данные наглядно демонстрируют не только значительную долю этих дел в общей массе, но и выраженную динамику роста: если в 2022 году было рассмотрено 3 045 дел о защите деловой репутации из 4 444 дел по защите нематериальных благ, то в 2023 году – 3 048 из 4 581, а в 2024 году – уже 3 230 из 5 340 дел[987]. При этом содержание предмета доказывания определяется правоприменителем через интерпретацию материально-правовых норм и одновременно формируется под непосредственным влиянием складывающейся судебной практики, что отражает его динамический характер.

В связи с этим актуальность научного исследования заключается в выявлении и систематизации тех юридически значимых обстоятельств, которые входят в предмет доказывания по делам указанной категории, поскольку их точное определение является ключевым условием эффективности судебной защиты и единообразия правоприменительной практики.

Материально-правовая основа для защиты деловой репутации предусмотрена ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации[988] (далее – ГК РФ): юридическое лицо, полагающее, что в отношении него распространены недостоверные сведения порочащего характера, вправе обратиться за защитой своих прав в суд с требованием о признании сведений недостоверными и возложении на ответственное лицо обязанности по их удалению и (или) размещению опровержения.

Другой способ защиты в рамках данной категории дел своим появлением в большей степени обязан разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации о наличии у юридического лица прав на предъявление требований о компенсации убытков, причиненных умалением деловой репутации[989]. Данное требование в современной юридической литературе и судебных актах именуется также «взыскание репутационного вреда».

Указанные способы являются самостоятельными, для каждого из этих требований искового заявления истец должен доказать ряд необходимых обстоятельств, которые формируют предмет доказывания в соответствующем споре.

---

987 Агентство правовой информации : сайт : общие показатели по категориям дел. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/ (дата обращения 02.10.2025).

988 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.

989 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлафмана Владимира Аркадьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 508-О // СПС «КонсультантПлюс».

Практическая важность и обязательность разграничения самостоятельных требований истца была отмечена в достаточно известном Определении Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) по делу «Рыжего кота» (дело № А41-54681/2020). В указанном определении кассационной инстанцией отмечено: «...действующее правовое регулирование института защиты деловой репутации устанавливает возможность заявления при предъявлении иска о защите деловой репутации двух видов требований: 1) о признании сведений порочащими деловую репутацию, их опровержении; 2) о взыскании компенсации репутационного вреда. Однако к каждому из указанных выше видов требований применяется самостоятельный стандарт доказывания»[990]. В данном деле судами неверно определен предмет доказывания – суды руководствовались критериями, характерными для взыскания репутационного вреда, тогда как истец не заявлял таких требований, а настаивал на признании информации, распространенной о нем, порочащей и недостоверной.

Несмотря на принципиально различные подходы к рассмотрению данных требований, в настоящее время судебные ошибки по определению предмета доказывания для каждой из указанных категорий не являются редкостью.

Так, например, Постановлением Арбитражного суда Уральского округа[991] судебные акты нижестоящих судов были отменены, дело направлено на новое рассмотрение. Судами был неверно определен предмет доказывания по исковому заявлению о признании сведений не соответствующими действительности, порочащими деловую репутацию общества, суды не исследовали и не установили разъясненный в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3[992] (далее – ПП ВС РФ № 3) круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В другом деле Определением ВС РФ[993] были отменены судебные акты, поскольку самого по себе факта признания информации порочащей и недостоверной недостаточно для деликтной ответственности без точного определения суммы возмещения, обоснование которой является обязанностью истца. Определением Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ[994] также были отменены судебные акты, которыми удовлетворены требования о взыскании

---

990 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2021 г. № 305-ЭС21-14231 по делу № А41-54681/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

991 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 июля 2022 г. № Ф09-3799/22 по делу № А60-43957/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

992 О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

993 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2022 г. № 78-КГ22-44-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

994 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2024 г. № 16-КГ23-70-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

репутационного вреда, поскольку суды не определили причинно-следственную связь, а также не определили размер причиненных истцу убытков.

С учетом выводов, сформированных в Определении ВС РФ № 305-ЭС21-14231, о взыскании репутационного вреда, а также положений ПП ВС РФ № 3, необходимо путем официального толкования зафиксировать, что в предмет доказывания по двум категориям дел входят следующие обстоятельства:

– по делам о признании информации недостоверной и порочащей, без требований о возмещении вреда: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений, и несоответствие их действительности (п. 7 ПП ВС РФ № 3);

– по делам о взыскании репутационного вреда: факт распространения ответчиком сведений об истце, порочащий характер этих сведений, и несоответствие их действительности (п. 7 ПП ВС РФ № 3), а также обоснование общих основания деликтной ответственности для возмещения вреда.

Таким образом, отсутствие единообразия в делах о защите деловой репутации юридических лиц при определении предмета доказывания сохраняется, что, по мнению автора, обусловлено недостаточной конкретизацией дифференцированных предметов доказывания для двух самостоятельных требований в качестве официальных разъяснений. В целях унификации правоприменения автор полагает необходимым закрепить указанные обстоятельства, составляющие предметы доказывания, в действующем ПП ВС № 3, что обеспечит четкое определение и понимание данных обстоятельств по каждой категории исков и, как результат, принятие законных и обоснованных судебных актов.

Список использованной литературы

Нахова, Е. А. К вопросу о правовой природе норм, регулирующих предмет доказывания в арбитражном процессе / Е. А. Нахова // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2024. – № 4. – С. 65–73.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ МЕДИТАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Лейла Меликовна Сейфединова
студентка 2-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
Leyla.seyfedinova@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ положений законодательства о процедуре медиации (посредничества) в части регламентации вопросов, связанных с медиативным соглашением. Исследованы теоретические и законодательные аспекты относительно правовой природы медиативного соглашения. В ходе работы установлены отдельные спорные аспекты правовой природы медиативного соглашения.

Ключевые слова: медиация; медиативное соглашение; нотариальное удостоверение; посредничество; исполнительное производство.

Институт медиации – сравнительно недавнее нововведение в российской правовой системе. Его становление началось с вступлением в силу Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ о медиации). Тем не менее, многие исследователи полагают, что законодательно раскрыт далеко не весь потенциал медиации, что тормозит ее широкое применение на практике.

Основная идея медиации заключается в разрешении конфликтов путем привлечения незаинтересованного лица, что помогает сторонам прийти к взаимовыгодному решению. Юридическим результатом медиации является медиативное соглашение. В соответствии с положениями ч. 7 ст. 2 ФЗ о медиации, медиативным соглашением является то соглашение, которое достигается сторонами по итогам проведения процедуры медиации (посредничества) и заключено в письменной форме[995].

---

[995] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

В настоящее время вопрос о сущности медиативного соглашения заслуживает отдельного внимания. Как отмечает О. В. Исаенкова, ближайшие месяцы должны концептуально определить систему российской медиации на десятилетия и либо обеспечить ее стабильное позитивное развитие, либо затормозить реформирование гражданского процесса в этом направлении, предопределив невысокую эффективность механизма урегулирования споров с помощью медиатора[996].

В российском праве значимость медиативного соглашения возрастает вследствие законодательных изменений, направленных на развитие внесудебных способов разрешения споров. Благодаря своему простому оформлению и способности быстро решать конфликты, медиативное соглашение становится популярным инструментом предотвращения затяжных судебных разбирательств. Кроме того, наличие четко сформулированных условий, зафиксированных в соглашении, существенно упрощает процедуру последующего принуждения к исполнению обязательств, если возникает необходимость обратиться в суд.

Конечно, как и в любом деле, где замешаны люди, без сложностей не обойтись. Допустим, медиатор помог договориться, все подписали бумагу, а дальше что? А дальше начинается самое сложное – как все это воплотить в жизнь. Вот тут-то и начинаются всякие проблемы, как в теории, так и на практике. Казалось бы, медиативное соглашение – это все четко прописано, кто что обещал. Но не тут-то было, даже тут могут быть свои сложности.

Давайте посмотрим, какие сложности могут возникнуть при исполнении медиативного соглашения.

Мы выделили следующие теоретические проблемы, которые могут возникнуть при исполнении медиативного соглашения.

Во-первых, непонятно, что это вообще за документ такой – медиативное соглашение. Одни говорят, что это сделка, другие – что-то вроде процессуального действия, третьи вообще считают, что это что-то среднее. Из-за этой путаницы сложно понять, какие законы к нему применять.

Во-вторых, все же вроде как добровольно. Никто никого не заставляет идти на медиацию и соглашаться на условия. Но бывает так, что одна сторона соглашается, потому что на нее надавили. И тогда непонятно, можно ли вообще считать такое соглашение действительным.

В-третьих, бывает, что в соглашении что-то не до конца прописано. Например, при разделе имущества забыли указать, кто будет платить за его содержание до его фактической передачи.

В-четвертых, люди просто не знают, что такое медиация и чем это может закончиться. Из-за этого они могут наделать ошибок при составлении соглашения, а потом не смогут его выполнить.

---

996 См.: *Исаенкова О. В.* Критерии определения соответствия российского законодательства о медиации по гражданским делам международному опыту ее развития // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 117.

А вот что обычно происходит на практике: даже если соглашение составлено идеально, все равно могут возникнуть трудности.

– Одна из сторон просто не хочет выполнять соглашение. Причины могут быть разные: передумал, денег нет, обиделся или просто решил, что его обманули.

– Не соблюдают сроки. Это является наиболее распространенной проблемой. Кто-то должен был что-то сделать к определенному числу, но не сделал. Причины те же – нет денег, передумал, просто забыл.

– Финансовые проблемы. У одной из сторон просто нет денег, чтобы выполнить то, что она обещала. Всякое бывает, жизнь непредсказуема.

– Обстоятельства изменились. Опять же, жизнь идет своим чередом. Может случиться что угодно, из-за чего выполнить соглашение становится сложно или невозможно. Например, в семье что-то произошло, или появились новые потребности.

– Нет контроля – и не заставишь. В отличие от решения суда, медиативное соглашение само по себе ничего не значит. Если кто-то отказывается его выполнять, придется идти в суд.

– Сложно понять, кто виноват. Если в процессе выполнения соглашения возникают новые споры, сложно разобраться, кто прав, кто виноват, кто должен за это отвечать.

– Эмоции мешают. Даже если все договорились, старые обиды могут всплыть и помешать исполнению соглашения.

– Нет четкого плана. Иногда люди договариваются о чем-то в общих чертах, но не прописывают конкретно, кто что должен делать и в какие сроки.

Как со всем этим бороться? На наш взгляд, эффективными будут следующие меры:

– Больше рассказывать людям о медиации, чтобы все понимали, что это такое и зачем это нужно.

– Создать специальные органы, которые будут следить за выполнением медиативных соглашений.

– Прописать все идеально в законе, чтобы было понятно, как заключать и выполнять медиативные соглашения.

Хорошим решением проблемы исполнимости медиативного соглашения стал и путь, предложенный в свое время В. В. Ярковым и И. Г. Медведевым: «... нотариальное удостоверение соглашения, достигнутого сторонами в результате обращения к посреднику или непосредственно с участием нотариуса, будет способствовать созданию эффективной процедуры исполнения таких соглашений, без ущерба их юридическому качеству. В то же время у сторон остается возможность обращения в суд за принудительным исполнением соглашения об урегулировании спора, заключенного до передачи дела в суд в простой письменной форме. Наконец, мировые соглашения, заключенные сторонами в результате применения примирительной процедуры после передачи дела в суд, подлежат утверждению судом и могут быть исполнены в порядке, предусмотренном законодательством об исполнительном произ-

водстве. Таким образом, нотариальная форма удостоверения и исполнения соглашения об урегулировании спора будет выступать как один из специальных вариантов, который не превалирует и не замещает другие возможности сторон»[997].

Медиативное соглашение – это не просто бумажка, а результат работы сторон, чтобы в будущем не было конфликтов. Но чтобы это сработало, нужно понимать и решать проблемы, как в теории, так и на практике, которые могут возникнуть при выполнении. Важно правильно составить соглашение, чтобы медиатор был профессионалом и, самое главное, чтобы стороны реально хотели выполнить то, о чем договорились. Это как фундамент, на котором строится хорошее и долгое решение конфликта. Если это проигнорировать, то даже самое идеальное медиативное соглашение может стать причиной разочарования и новых споров, и все усилия пойдут насмарку.

Силу исполнительного документа медиативное соглашение получает только после его нотариального удостоверения. Такая форма удостоверения является правом, а не обязанностью участников медиативного соглашения. Следовательно, проблемы с принудительным исполнением остаются актуальны для медиативных соглашений, которые не удостоверены в нотариальном порядке.

Для обеспечения исполнения таких медиативных соглашений представляется необходимым разработать процессуальный механизм в действующем законодательстве. На наш взгляд, решить эту проблему возможно путем расширения перечня оснований, по которым выдается судебный приказ, а именно включить в ст. 122 ГПК РФ фразу: «если требование основано на медиативном соглашении».

Список использованной литературы

1. *Гатауллин, А. Г.* Особенности досудебного урегулирования споров с участием посредника / А. Г. Гатауллин, И. В. Жуковская // Вестник Казанского юридического института Министерства внутренних дел России. – 2015. – № 1 (19). – С. 97–99.
2. *Исаенкова, О. В.* Критерии определения соответствия российского законодательства о медиации по гражданским делам международному опыту ее развития / О. В. Исаенкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 3 (92). – С. 117.
3. *Ярков, В. В.* Нотариат и медиация / В. В. Ярков, И. Г. Медведев // Нотариальный вестник. – 2008. – № 9. – С. 13–21.

997 *Ярков В. В., Медведев И. Г.* Нотариат и медиация // Нотариальный вестник. 2008. № 9. С. 13–21.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ ПРИ РАСКРЫТИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ

Юрий Александрович Слепухин
старший преподаватель кафедры
гражданского процесса, публично-правовой деятельности
и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования заключается в необходимости определить баланс между своевременным рассмотрением судебного дела и тем, чтобы оно было законным и обоснованным. Целью является оценка соотношения принципа процессуальной экономии и принципа добросовестности при реализации прав и обязанностей сторон гражданского судопроизводства. Выводы от своевременного раскрытия доказательств, заявлений, ходатайств напрямую зависят от скорости рассмотрения и законности судебного решения. В статье использованы диалектический, формально-юридический методы.

Ключевые слова: добросовестность; процессуальная экономия; раскрытие доказательств; диспозитивность; злоупотребление правом.

Фундаментальные принципы, на которых строится суть гражданского процесса, следующие. «Судебное решение должно быть законным и обоснованным. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами»[998]. По мнению М. К. Треушникова, доказывание по гражданским делам есть способ познания реальной действительности[999]. С.С. Алексеев указывает на то, что доказывание есть не что иное, как исследовательская деятельность, образующую само содержание опосредованного юридического познания[1000]. Доказательства являются фундаментом института доказыва-

---

998 Пункты 1 и 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (текст постановления см.: Российская газета от 26 декабря 2003 г. № 260).

999 См.: Т*реушников М. К.* Доказательства и доказывание в судебном гражданском процессе. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 51.

1000 *Алексеев С. С.* Общая теория права : учебник. М. : Проспект, 2011. С. 336.

ния, который считается ключевым институтом судебного разбирательства. Доказывание – это продолжительный процесс, который может быть сложным и иметь многоаспектный характер и включает в себя ряд последовательных действий и этапов. Его цель – превратить спорные факты в бесспорные, доказанные. Для этого необходимо собрать, проверить и оценить доказательства с точки зрения их достоверности и соответствия установленным критериям. Это невозможно без своевременного и полного раскрытия доказательств, так как получение одних доказательств зачастую является основанием для запроса и получения иных доказательств, совместно образующих логически обоснованную причинно-следственную цепочку, позволяющую восстановить все необходимые факты в отношении спорного правоотношения. В процессе доказывания используются различные методы и подходы. Например, анализ документов, опрос свидетелей, проведение экспертиз и другие. Каждый такой элемент позволяет получить более ясную картину произошедшего. Важно учитывать, что доказательства должны быть не только достоверными, но и относимыми к делу, то есть иметь прямое отношение к спорным фактам.

Согласно ч. 3 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ), каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено Кодексом[1001]. Институт раскрытия доказательств введен в гражданское судопроизводство Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1002].

Современные тенденции в гражданском судопроизводстве направлены на ускорение и упрощение процедур, что обусловлено рядом факторов. В условиях растущего объема дел и необходимости оперативного разрешения споров суды стремятся оптимизировать процессы, чтобы сократить сроки рассмотрения дел и снизить нагрузку на участников процесса. Для реализации этих целей был введен институт добросовестности и процессуальной экономии. В соответствии с ч. 1 ст. 35 ГПК РФ лица, участвующие в деле, имеют право представлять доказательства и участвовать в их исследовании, а также должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Согласно ст. 2 ГПК РФ, задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Правильным оно может быть, только ели собраны и раскрыты все необходимые для рассмо-

---

[1001] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб.

[1002] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: www.pravo.gov.ru

трения дела доказательства, а своевременным при условии оперативного получения доказательств от сторон, а также если они находятся у третьих лиц или в различных государственных реестрах. Принцип процессуальной экономии рассматривался в работах Ю. Н. Мальгиновой, Е. А. Осеевой, М. А. Фокиной[1003].

В рамках судебного разбирательства эффективное управление временными ресурсами имеет первостепенное значение для всех участников процесса. Надлежащая реализация процессуальных прав каждой из сторон способствует ускорению и повышению справедливости рассмотрения дела. Когда стороны не скрывают информацию и оперативно представляют все необходимые документы и материалы, это значительно сокращает временные затраты на сбор и анализ доказательственной базы. В результате суд получает возможность более эффективно сосредоточиться на существенных аспектах дела, что способствует ускорению его рассмотрения. Кроме того, своевременное раскрытие доказательств обеспечивает полноту аналитического процесса. Все аргументы и фактические данные становятся доступными для всестороннего изучения сторонами и позволяют суду с высокой степенью точности оценить позиции сторон. Это, в свою очередь, способствует вынесению обоснованных и справедливых судебных решений. Таким образом, добросовестное поведение участников судебного разбирательства и своевременное предоставление доказательств не только ускоряют процесс рассмотрения дел, но и способствуют повышению качества правосудия. Это способствует формированию более прозрачной и эффективной судебной системы, что в конечном итоге укрепляет доверие общества к судебной власти.

Одним из наиболее значимых и репрезентативных проявлений принципа процессуальной экономии являются положения ст. 6.1 ГПК РФ, которые акцентируют внимание на необходимости обеспечения разумных сроков рассмотрения судебных дел.

Вышеупомянутые институты возникли не спонтанно, а представляют собой результат эволюционного процесса. В рамках гражданского судопроизводства участники процесса наделены обширными процессуальными правами, среди которых следует выделить возможность заявлять ходатайства, представлять доказательства, знакомиться с материалами дела и осуществлять иные процессуальные действия ст. 35 ГПК РФ. Диспозитивность гражданского процесса представляет собой его фундаментальную основу, поскольку цивилистический процесс неразрывно связан с частными материальными правоотношениями, функционирующими на основе принципа диспозитивно-

---

[1003] См.: *Мальгинова Ю. Н.* Процессуальная экономия как основа изменений ГПК РФ и АПК РФ // Современное российское право. 2019. № 4 (5). С. 4-7. DOI 10.32743/2658-6509.2019.4.5.112. EDN BUXKIS; *Осеева Е. А.* Реализация принципа процессуальной экономии в гражданском процессуальном праве // Марийский юридический вестник. 2015.– № 4 (15). С. 112-115. EDN VLRMAX; *Фокина М. А.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. М. : Статут, 2014. С. 415.

сти[1004]. Однако, несмотря на широкие процессуальные возможности, предоставленные участникам гражданского судопроизводства данные права нередко используются не только для достижения законных целей, но и в ущерб интересам противоположной стороны, а также для неоправданного затягивания судебного разбирательства.

В качестве примера недобросовестного поведения можно рассмотреть ситуацию, когда заемщик выдвигает утверждение о подложности документа (фальсификации расписки), подтверждающего передачу денежных средств. Это может сопровождаться ходатайством о проведении почерковедческой экспертизы, что впоследствии приводит к затягиванию процесса. Следующим шагом, тормозящим проведение уже самой экспертизы, становится несвоевременное внесение денежных средств на депозитный счет суда или эксперта. Данные действия можно квалифицировать как злоупотребление правом п. 1 ст. 10 ГК РФ. Суд, с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления, может отказать лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Например, при уклонении стороны от проведения экспертизы суд вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ). В рамках обеспечения правовой защиты интересов истца и предотвращения злоупотреблений со стороны ответчика, который уклоняется от участия в судебном процессе, законодательство предусматривает возможность вынесения заочного решения судом. Обжалование возможно лишь при наличии веских оснований, подтверждающих уважительность причин его неявки на судебное заседание, о которых он не мог уведомить суд заранее (ст. 242 ГПК РФ).

Пресечение злоупотреблений, нацеленных на искусственное затягивание процессуальных сроков, является одной из ключевых задач гражданского судопроизводства. Помимо неблагоприятных имущественных последствий для участников процесса, данная проблема решается посредством процедуры рассмотрения ходатайств. Важно отметить, что большинство процессуальных прав в гражданском процессе могут быть реализованы исключительно через судебное разрешение. Например, суд имеет право отказать в удовлетворении ходатайства о вызове свидетеля, если представленный свидетель не способен предоставить новые релевантные сведения по делу. В этом контексте можно говорить о явлении избыточности доказательств. Еще одним важным аспектом реализации процессуальных прав сторонами является необходимость мотивированного обоснования своих ходатайств. Данное требование обусловлено необходимостью обеспечения прозрачности и обоснованности процессуальных действий, а также предотвращения злоупотреблений и манипуляций. Мотивированное обоснование ходатайства позволяет суду объективно оценить его целесообразность и соответствие общим целям и задачам гражданского судопроизводства.

[1004] См.: Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М. : Проспект, 2017. 352 с.

Как было сказано выше, суд может лишить сторону ее прав, например, в принятия документов, предоставленных в день судебного заседания. Понимая, что сторона располагала доказательствами заблаговременно и могла предоставить их другой стороне для выработки позиции по делу. Данные действия могут быть расценены как злоупотребление своими правами в раскрытии доказательств.

Рассуждая о взаимосвязи принципа процессуальной экономии и других основных начал гражданского процесса, можно прийти к выводу о приоритете качества правосудия над его скоростью[1005]. Сам принцип имеет глубокие корни в теории процессуального права и практике его применения, направлен на оптимизацию судебного процесса, минимизацию временных и ресурсных затрат, а также на повышение эффективности правосудия.

Анализ корреляции между принципом процессуальной экономии и другими фундаментальными началами гражданского процесса позволяет сделать вывод о том, что качество правосудия имеет более высокий приоритет по сравнению с его оперативностью. Данный вывод основан на комплексном рассмотрении теоретических и практических аспектов процессуальной экономии, а также ее взаимодействия с такими основополагающими принципами, как законность, справедливость, диспозитивность и состязательность.

Принцип процессуальной экономии, несмотря на свою значимость, не должен становиться доминирующим фактором, если это приводит к снижению качества судебного разбирательства. В контексте гражданского процесса, где права и законные интересы граждан и организаций находятся в центре внимания, необходимо соблюдать баланс между эффективностью судопроизводства и его легитимностью.

Таким образом, приоритет качества правосудия над его скоростью обусловлен необходимостью обеспечения справедливости и законности судебных решений, что, в свою очередь, способствует укреплению доверия к судебной системе и защите прав граждан.

Список использованной литературы

1. *Треушников, М. К.* Доказательства и доказывание в судебном гражданском процессе / М. К. Треушников. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 51.
2. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. – Москва : Проспект, 2011. – С. 336.
3. *Мальгинова, Ю. Н.* Процессуальная экономия как основа изменений ГПК РФ и АПК РФ / Ю. Н. Мальгинова // Современное российское право. – 2019. – № 4 (5). – С. 4–7. – DOI 10.32743/2658-6509.2019.4.5.112. – EDN BUXKIS.

[1005] См.: *Боннер А. Т.* Избранные труды : в 7 т. Т. III: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М. : Проспект, 2017. 400 с.

4. *Осеева, Е. А.* Реализация принципа процессуальной экономии в гражданском процессуальном праве / Е. А. Осеева // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4 (15). – С. 112–115. – EDN VLRMAX.
5. *Фокина, М. А.* Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / М. А. Фокина. – Москва : Статут, 2014. – 496 с.
6. Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. – Москва : Проспект, 2017. – 352 с.
7. *Боннер, А. Т.* Избранные труды : в 7 т. – Т. III: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А. Т. Боннер. – Москва : Проспект, 2017. – 400 с.

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕДУРЕ ДОСУДЕБНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: ЗА И ПРОТИВ

Максим Владимирович Чолокян
студент 4-го курса Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
lawyer_cholokyan@icloud.com

Аннотация. В данной работе проведен анализ, выявлены перспективы и недостатки, связанные с применением технологий искусственного интеллекта в досудебном урегулировании споров, то есть в процедуре медиации, предусмотренной законодательством Российской Федерации. Цифровизация и автоматизация правовой системы обуславливает необходимость изучения новых технологических возможностей, из-за чего в статье было выделено особое внимание на практическое значение данной инновации, а также возможность ее применения в целях повышения эффективности досудебного урегулирования споров.

Ключевые слова: медиация; искусственный интеллект; досудебное урегулирование споров; юридические технологии; гражданский процесс и арбитражный процесс.

Современная правовая система Российской Федерации, как и многие другие в мире, находится в процессе активной цифровой трансформации. Этот процесс затрагивает не только судебное производство, что наглядно демонстрируется внедрением технологий в рамках проекта «Электронное правосудие», но и досудебные стадии разрешения конфликтов. Одним из наиболее перспективных и одновременно спорных направлений этой трансформации является применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере досудебного урегулирования споров. Актуальность данной темы обусловлена растущей нагрузкой на суды, необходимостью повышения эффективности и доступности правовой защиты, а также общемировым трендом на алгоритмизацию юридических процессов.

Искусственный интеллект перестал быть элементом научной фантастики и превратился в практический инструмент, способный анализировать огромные массивы судебной практики, прогнозировать исход дел, генерировать

варианты мировых соглашений и даже выступать в роли автоматизированного посредника. Однако его интеграция в столь чувствительную сферу, как урегулирование правовых конфликтов, сопряжена с комплексом нерешенных правовых и этических проблем. Отсутствие четкого законодательного регулирования, риски алгоритмических ошибок, угрозы конфиденциальности и фундаментальный вопрос о совместимости «машинного» решения с принципами справедливости и добровольности – все это требует тщательного научного осмысления.

Целью данного исследования является комплексный анализ возможностей, ограничений и перспектив использования искусственного интеллекта в досудебном урегулировании споров в контексте современного российского законодательства. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: раскрывается концепция ИИ как инструмента досудебных процедур, анализируются его потенциальные преимущества, выявляются ключевые правовые и этические риски, а также формулируются конкретные предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы для безопасного и эффективного внедрения данных технологий.

Под искусственным интеллектом в контексте досудебного урегулирования споров (ДУС) следует понимать не абстрактный универсальный ИИ, а специализированные программные системы, основанные на алгоритмах машинного обучения и обработки больших данных. Эти системы можно классифицировать по их функциональному назначению:

1) оценка перспективы спора (анализируя историю судебных решений по аналогичным делам, формальные и неформальные критерии, используемые судьями). Это позволяет сторонам получить объективную оценку своих шансов на успех, что является мощным стимулом для заключения мировой сделки;

2) организация коммуникации между сторонами (структурируют процесс, предлагают варианты разрешения конфликта на основе выявленных интересов сторон и накопленной базы данных успешных мировых соглашений);

3) на основе введенных сторонами параметров автоматически формируют проекты мировых соглашений, исковых заявлений или иных процессуальных документов, соответствующих требованиям закона.

Действующее российское законодательство создает общую, но фрагментарную основу для такого внедрения. Ключевыми актами здесь являются Гражданский процессуальный кодекс РФ[1006] (ГПК РФ) и Арбитражный процессуальный кодекс РФ[1007] (АПК РФ), которые в главах 15.1 и 15 соответственно закрепляют принцип добровольности примирительных процедур и поощряют стороны к заключению мирового соглашения. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиа-

---

[1006] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[1007] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ции)»[1008] устанавливает гибкие рамки для примирительных процедур, в которые теоретически может быть интегрирован и ИИ как инструмент медиатора. Однако прямого упоминания искусственного интеллекта или алгоритмических систем в этих актах нет. Правовой режим их применения остается непроработанным, что создает значительные правовые риски.

Потенциальные преимущества использования ИИ в ДУС очевидны и соответствуют целям современной правовой политики, конкретно в части повышения доступности правосудия для массовых категорий споров[1009] (взыскание долгов, защита прав потребителей, споры в сфере ЖКХ), по которым ИИ-платформы могут значительно снизить издержки сторон на юридические услуги, сделав правовую защиту более дешевой и удобной.

Алгоритм, в отличие от человека, не подвержен эмоциям, усталости или субъективным симпатиям. Он может за минуты проанализировать тысячи судебных актов, выявив устойчивые тенденции, что позволяет сторонам быстрее прийти к реалистичному и обоснованному решению[1010].

Широкое распространение эффективных инструментов ДУС позволит разгрузить судебную систему, оставив ей для рассмотрения наиболее сложные и принципиальные дела.

Однако на пути реализации этих преимуществ встают серьезные правовые проблемы:

Проблема ответственности за решения алгоритма, поскольку неизвестно, кто будет нести ответственность, если ИИ-медиатор, проанализировав данные некорректно, предложит сторонам заведомо невыгодное или противозаконное условие мирового соглашения, которое будет утверждено судом. Действующее законодательство не дает ответа на этот вопрос. Гражданско-правовые конструкции деликтной ответственности или ответственности за некачественную услугу здесь плохо применимы ввиду сложности доказывания причинно-следственной связи и вины[1011].

[1008] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[1009] См.: *Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-napravleniya-transformatsii-tsivilisticheskogo-protsessa-v-usloviyah-tsifrovizatsii-i-pandemii-prediktivnoe-pravosudie (дата обращения: 10.10.2025).

[1010] См.: *Березина Е. А.* Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12 (145). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.10.2025).

[1011] См.: *Морхат П. М.* Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 9 (153). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-deystviya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 10.10.2025).

Многие сложные алгоритмы машинного обучения не позволяют понять логику, по которой они пришли к тому или иному выводу. Это вступает в противоречие с фундаментальными принципами права, такими как состязательность и равноправие сторон.

Досудебные процедуры, особенно медиация, по своей природе конфиденциальны. Передача конфиденциальной информации о споре и его участниках в ИИ-систему, которая может храниться на сторонних серверах, создает риски утечки или несанкционированного использования данных.

Помимо сугубо правовых, существуют глубокие этические риски, которые необходимо учитывать, наряду с тем, что давление «объективного» и «всезнающего» алгоритма, предсказавшего высокую вероятность проигрыша в суде, может оказаться формой скрытого принуждения к заключению мировой сделки. Сторона, не доверяющая алгоритму, но не обладающая ресурсами для его оспаривания, может почувствовать себя вынужденной согласиться, что подрывает саму суть примирительных процедур. Второй фактор, необходимый для учета, заключается в алгоритмической предвзятости ИИ, поскольку тот обучается на данных, созданных людьми. Если в исторической судебной практике присутствовали (осознанные или нет) предубеждения в отношении определенных категорий лиц (например, по признаку пола, возраста, региона), алгоритм усвоит и воспроизведет эти предрассудки, выдавая их за «объективную закономерность». Это приведет не к устранению, а к институционализации и усилению несправедливости.

Право – это не только система формальных норм, но и социальный институт, призванный разрешать человеческие конфликты. Живой медиатор способен на эмпатию, нахождение творческих, нестандартных решений, учет нюансов человеческих отношений[1012]. Алгоритм же оперирует шаблонами и данными. Замена человеческого участия на машинную логику может привести к утрате доверия к праву как к справедливому институту. Для гармоничной интеграции ИИ в систему ДУС необходима комплексная законотворческая работа. Для ее выполнения нужен последовательный список действий, начиная с закрепления на законодательном уровне статуса и требований к ИИ-инструментам. В ГПК РФ и АПК РФ необходимо внести изменения, определяющие:

1) понятие «автоматизированной системы разрешения споров» или «системы искусственного интеллекта, применяемой в примирительных процедурах»;

2) требование к обязательной проверке (аудиту) алгоритмов на предмет отсутствия дискриминационной предвзятости, обеспечения прозрачности и кибербезопасности;

[1012] См.: *Свищенкова К. А.* Перспективы и проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2022. № 15 (410). С. 292–294. URL: https://moluch.ru/archive/410/90225 (дата обращения:10.10.2025).

3) установление четкого распределения ответственности. Закон должен четко определить, что основная ответственность за содержание мирового соглашения, представленного на утверждение суда, лежит на сторонах. При этом в отношении разработчиков и операторов платформ должна быть установлена гражданско-правовая ответственность за убытки, причиненные в результате технических сбоев или недостоверности заявленных характеристик алгоритма.

Подводя итоги научной работы, можно прийти к следующему выводу: внедрение инструментов искусственного интеллекта в процедуре досудебного урегулирования споров имеет большой потенциал в повышении эффективности разрешения гражданско-правовых споров, способствует уменьшению нагрузки на суды, а также позволяет сторонам значительно снизить расходы на процесс судопроизводства. Однако нужно отметить, что есть и существенные недостатки у данного нововведения, в частности: проблемы ответственности за решения, принимаемые искусственным интеллектом, некоторые технические недостатки использования нейронных сетей, но объективно – инструментарий, предоставляемый автоматизацией системы досудебного урегулирования споров, значительно преобладает над его недостатками, в связи с возможностью их разрешения.

Список использованной литературы

1. *Березина, Е. А.* Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности / Е. А. Березина // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 12 (145). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-v-yuridicheskoy-deyatelnosti (дата обращения: 10.10.2025).
2. *Брановицкий, К. Л.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие / К. Л. Брановицкий, В. В. Ярков // Российское право: образование, практика, наука. – 2021. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnye-napravleniya-transformatsii-tsivilisticheskogo-protsessa-v-usloviyah-tsifrovizatsii-i-pandemii-prediktivnoe-pravosudie (дата обращения: 10.10.2025).
3. *Морхат, П. М.* Проблемы определения юридической ответственности за действия искусственного интеллекта / П. М. Морхат // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 9 (153). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-deystviya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 10.10.2025).
4. *Свищенкова, К. А.* Перспективы и проблемы цифровизации правосудия в Российской Федерации / К. А. Свищенкова // Молодой ученый. – 2022. – № 15 (410). – С. 292–294. – URL: https://moluch.ru/archive/410/90225 (дата обращения: 10.10.2025).

5. *Япрынцев, И. М.* Юридическая ответственность в сфере искусственного интеллекта и робототехники: доктринальные и нормативные проблемы : монография / И. М. Япрынцев, Л. В. Иванова, С. С. Зенин [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024.

Современная трансформация исполнительного производства

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАБОТЕ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ

Полина Николаевна Адышкина
студентка 5-го курса юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
polinaadyskina149615@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена цифровым преобразованиям исполнительного производства в России, анализирует правовую основу и инструменты электронного взаимодействия ФССП с судами, банками, госорганами и гражданами через портал «Госуслуги», ГИС ГМП, СМЭВ и ГАС «Правосудие». Рассматриваются преимущества электронных документов, подписей и сервисов, подчеркиваются риски защиты данных и кибербезопасности, предлагаются меры дальнейшего развития с использованием анализа данных и *AI*-технологий.

Ключевые слова: ФССП; исполнительное производство; цифровизация; СМЭВ; ГИС ГМП; ГАС «Правосудие»; электронная подпись; персональные данные; государственные услуги; межведомственная интеграция.

Цифровая трансформация исполнительного производства является логичным продолжением развития электронного правосудия и электронного взаимодействия государства с гражданами и организациями. Федеральная служба судебных приставов (ФССП) – один из ключевых участников этой трансформации: служба формирует и ведет банк данных исполнительных производств в электронном виде, публикуя сведения для открытого доступа и обеспечивая онлайн-взаимодействие с участниками производства. Цель настоящей статьи – системно описать текущие цифровые решения, правовые основания их применения, получаемые эффекты и направления дальнейшего развития.

Правовое регулирование электронного взаимодействия и цифровых сервисов ФССП опирается на комплекс федеральных законов и подзаконных актов. Ключевым источником выступает Федеральный закон № 229ФЗ «Об исполнительном производстве», который фиксирует электронные механизмы формирования и ведения банка данных исполнительных производств и элек-

тронный документооборот с участниками[1013]. Статус и полномочия органов принудительного исполнения определяются Федеральным законом № 118-ФЗ[1014]. Межведомственный обмен данными обеспечивается на основании Постановления Правительства РФ № 697 о единой системе межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), что позволяет ФССП получать и направлять сведения в адрес судов, банков и иных ведомств в электронном виде[1015]. Расчеты и прием платежей по исполнительным документам осуществляются через ГИС ГМП в соответствии с приказом Федерального казначейства № 11н, который устанавливает порядок ведения системы и доступа к ней[1016]. Юридическую значимость электронных документов обеспечивает использование квалифицированной электронной подписи по Федеральному закону № 63-ФЗ[1017]. В связи с обработкой значительных массивов персональных данных на ФССП распространяются требования Закона № 152ФЗ о безопасности и законности обработки ПДн[1018].

Открытая публикация сведений об исполнительных производствах и доступ к информации в режиме онлайн – центральный элемент цифровой экосистемы ФССП. Сервис «Банк данных исполнительных производств» на официальном сайте позволяет проверять наличие задолженности, статус производства, реквизиты документа, а также получить ссылки на способы погашения задолженности. Одновременно через Единый портал государственных услуг доступна оплата начислений, штрафов и государственных пошлин, включая платежи по исполнительным документам, в едином окне с возможностью выбора платежного инструмента и получения электронной квитанции. В 2024–2025 гг. развивается суперсервис «Цифровое исполнительное производство», обеспечивающий подачу обращений, получение уведомлений и отслеживание хода дела онлайн.

ФССП интегрирована с судейскими информационными системами, в том числе с ГАС «Правосудие», которая поддерживает подачу процессуальных документов и доступ к материалам дел в электронном виде. Транспортом

[1013] Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 48.

[1014] О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 54.

[1015] О единой системе межведомственного электронного взаимодействия : Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2010 г. № 697 // СПС «КонсультантПлюс».

[1016] Об утверждении Порядка ведения ГИС ГМП : Приказ Федерального казначейства от 12 мая 2017 г. № 11н // СПС «КонсультантПлюс».

[1017] Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[1018] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

межведомственного обмена выступает СМЭВ, обеспечивающая юридически значимую доставку и получение сведений по стандартам государства; в 2024–2025 гг. порядок функционирования СМЭВ и сопряженных интеграций уточнялся и дополнялся, включая регламентацию предоставления сведений кредитными организациями по запросам госорганов через СМЭВ. Это ускоряет исполнение судебных актов, снижает бумажный документооборот и минимизирует человеческий фактор.

ГИС ГМП выступает ключевым узлом, через который проходят начисления и платежи в бюджетную систему. Приказ Казначейства России № 11н устанавливает правила ведения системы, состав размещаемой информации и порядок доступа для участников[1019]. В 2023–2025 гг. регламент неоднократно обновлялся: уточнялись состав реквизитов начислений, механизмы доступа и порядок информационного обмена, что должно повысить удобство для плательщиков и надежность взаиморасчетов. Для ФССП это означает более быстрое зачисление средств, сокращение ошибок при идентификации платежей и возможность оперативного информирования должников о статусе оплаты.

Для обеспечения доказательственной силы электронных документов ФССП и участники исполнительного производства применяют квалифицированную электронную подпись (КЭП) в соответствии с требованиями Федерального закона № 63ФЗ[1020]. Использование КЭП позволяет выдавать и направлять постановления, запросы и ответы в электронном виде, обеспечивая неизменность, аутентичность и подотчетность транзакций. Это особенно важно при взаимодействии с кредитными организациями, работодателями и иными лицами, исполняющими законные требования судебного пристава-исполнителя.

Цифровизация исполнительного производства предполагает обработку значительных массивов персональных данных должников, взыскателей и третьих лиц. Ключевые требования к законности обработки, безопасности и правам субъектов данных закреплены в Законе № 152-ФЗ[1021]. ФССП как оператор обязана обеспечивать правовую определенность целей и сроков обработки, реализовывать организационные и технические меры защиты, а также соблюдать режим конфиденциальности и ограничение доступа. В условиях межведомственных интеграций особую роль играют разграничение прав доступа на уровне сервисов, журналы событий (аудит) и механизмы криптографической защиты данных при обмене.

Внедрение цифровых технологий дает измеримые эффекты: ускорение оборота документов, сокращение очных визитов и почтовых расходов, рост доли безналичных платежей, снижение числа технических ошибок и возвратов

[1019] Об утверждении Порядка ведения ГИС ГМП : Приказ Федерального казначейства от 12 мая 2017 г. № 11н // СПС «КонсультантПлюс».

[1020] Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[1021] О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152 ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

платежей. Электронные каналы информирования (уведомления, личные кабинеты, пуш-сообщения) повышают дисциплину исполнения и прозрачность процедур для сторон. Для управления результатами целесообразно применять метрики: средняя длительность прохождения документа по процессу (*lead time*), доля полностью электронных кейсов, процент успешных сопоставлений платежей с начислениями в ГИС ГМП, доля обращений через ЕПГУ, количество межведомственных запросов, обработанных через СМЭВ, и др.

Наряду с прогрессом сохраняются вызовы: неоднородность цифровой зрелости участников, зависимость от устойчивости внешних сервисов и каналов связи, риски киберугроз, а также необходимость постоянной актуализации регламентов и интеграционных интерфейсов. Для граждан и бизнеса значимой задачей остаются удобство и предсказуемость электронных процедур (простые сценарии подачи заявлений, понятные статусы, корректная маршрутизация обращений). С точки зрения защиты данных ключевыми являются минимизация избыточной обработки, реализация принципа «минимально необходимого набора данных», а также применение современных средств обнаружения и предотвращения инцидентов.

Хотелось бы еще отметить известную проблему последних лет – криптовалюта. Несмотря на растущую популярность цифровых активов, многие государства сталкиваются с трудностями регулирования этого рынка.

Должники переводят значительную часть активов в криптовалюты и смешивают их через множество адресов и сервисов, что затрудняет розыск и обращение взыскания традиционными средствами. Зарубежные практики показывают несколько рабочих подходов, которые часто применяются в комплексе: оперативное использование инструментов *blockchain-forensics* для трассировки перемещения средств, оперативные запросы и постановления о заморозке активов в отношении криптобирж и провайдеров кошельков, предъявление обеспечительных мер через суд (аналог банковской «ареста»), сопровождение мер принудительного исполнения международной правовой помощью и использование антимониторинговых (*AML/KYC*) требований к участникам рынка для затруднения «обналички» крипторесурсов. Профессиональные обзоры и практики аналитиков / юристов подчеркивают, что сочетание технического трассинга и правовых мер (заморозка у провайдеров, иски о признании и обращении в доход государства) дает наибольший эффект.

В правовом и институциональном плане государства идут по пути обязательного усиления требований к идентификации пользователей и к сотрудничеству провайдеров криптоуслуг с правоохранительными органами: усиление *KYC/AML*-регулирования, введение обязанностей по хранению логов и мгновенному ответу на запросы следствия, а также механизмы административного и уголовно-правового привлечения за содействие в сокрытии преступных поступлений. Европол и другие европейские структуры отмечают, что эффективность конфискации растет при наличии устойчивых каналов обмена информацией с биржами и с поставщиками платежных услуг, а также при координации на уровне трансграничных следственных групп. Прак-

тическое значение имеет также внедрение стандартов по взаимодействию при экстренной заморозке (*takedown/freeze* процедур) и создание регистров подозрительных транзакций.

Для применения в российской практике целесообразны следующие адаптированные меры:

1) законодательно закрепить порядок ускоренного предоставления сведений о счетах / кошельках и процедуру временной приостановки вывода средств на основе постановления судебного пристава (аналог обеспечительных мер при наличии признаков намеренного вывода активов);

2) интегрировать в работу ФССП доступ к инструментам блок-аналитики через специализированные центры или контракт с отечественными / международными сервисами *forensic*-анализа для быстрого идентифицирования «краденых» или вывезенных в крипто-формате активов;

3) обязать отечественные и работающие в РФ криптобиржи и провайдеров кошельков исполнять входящие запросы ФССП и банков в виде сервисов межведомственного электронного взаимодействия;

4) внедрить отдельные регламенты взаимодействия с международными правоохранительными структурами и предусмотреть ускоренные процедуры *MLA* (*mutual legal assistanc*e) в частях, касающихся крипто-переводов и заморозки;

5) разработать практические методики оценки «возвратимости» крипто-активов и учета их волатильности при обращении взыскания и реализации. Эти подходы базируются на международном опыте, где именно сочетание правовых средств и технического анализа дает результат при работе с цифровыми активами.

Китайская юриспруденция активно внедряет «умные суды» и платформы искусственного интеллекта, которые помогают с отбором дел при приеме, автоматической подготовкой процессуальных документов, поиском и сопоставлением аналогичных дел, а также с мониторингом исполнения решений. Верховный народный суд и региональные суды анонсировали / внедрили общенациональные платформы, агрегирующие сотни миллионов судебных документов и дающие инструменты для автоматизированного анализа и рекомендательных функций, что заметно снизило нагрузку на судей и позволило ускорить обработку массовых или типовых дел. Важный эффект таких систем – повышение прозрачности процессов за счет публикации мотивировок, класс-поиск и обнаружение отклонений от «кластерного» стандарта. Вместе с тем китайские публикации подчеркивают риски «алгоритмической слепоты», необходимость аудита моделей и сохранения решения за человеком-судьей.

Какие элементы из китайского опыта могли бы быть полезны для ФССП и системы исполнительного производства в целом? Во-первых, инструменты интеллектуального распределения дел и приоритизации: алгоритмы, предсказывающие вероятность уклонения и экономический эффект взыскания, могут помочь направлять ресурсы на «высоковозвратные» кейсы; во-вторых, автоматизированные модули для генерации типовых постановлений,

уведомлений и запросов (с последующей проверкой человеком) сократят рутинную нагрузку; в-третьих, системы мониторинга исполнения с «панелью» (*dashboard*) и ранним оповещением о попытках размывания активов (включая интеграцию с блокчейн-мониторингом) повысят оперативность реагирования; в-четвертых, единые национальные корпуса судебной и исполнительной аналитики помогут синхронизировать практики и уменьшить коррупционные риски за счет прозрачности и аудита действий. При внедрении необходимо предусматривать строгие требования к объяснимости алгоритмов, журналирование решений, доступ независимых экспертов к моделям и защиту персональных данных, чтобы минимизировать риски и обеспечить соответствие правовым стандартам[1022].

Сочетание мер по усилению регуляции и практик взаимодействия с криптопоставщиками, внедрение технических средств блок-аналитики и поэтапная автоматизация рутинных процессов с использованием ИИ (при условии прозрачности и контроля со стороны человека) представляют собой прагматичную стратегию. Для России полезно перенять из зарубежного опыта не «копию» чужих решений, а набор инструментов: ускоренные обеспечительные процедуры в отношении цифровых активов, межведомственное и международное сотрудничество по обмену данными, интеграция *forensic*-инструментов в рабочие процессы ФССП и осторожное, регулируемое внедрение ИИ-модулей для приоритизации, генерации документов и мониторинга исполнения при обязательном механизме аудита и контролируемой публичной отчетности.

Дальнейшее развитие цифровой экосистемы ФССП логично связывать с углублением аналитики данных (в том числе графовые модели и рискскоринг для оптимизации мер принудительного исполнения), расширением проактивных сценариев взаимодействия с гражданами через ЕПГУ, а также использованием интеллектуальных ассистентов для обработки обращений и типичных запросов. Такие решения должны внедряться при строгом соблюдении требований к безопасности, защите персональных данных и прозрачности алгоритмов (аудит, трассируемость, недискриминационный характер обработки).

ФССП России последовательно выстраивает цифровые процессы исполнительного производства, опираясь на актуальную нормативную базу и межведомственную интеграцию. Электронные сервисы для граждан, взаимодействие с судами и организациями через СМЭВ, прием платежей через ГИС ГМП, применение КЭП и поддержка электронного документооборота уже обеспечивают существенные эффекты эффективности и прозрачности. В перспективе ключевыми факторами успеха станут дальнейшая стандартизация интерфейсов, повышение удобства пользовательских сервисов, развитие аналитики и ИИ при одновременном усилении мер по защите данных и кибербезопасности.

[1022] Об утверждении Порядка ведения ГИС ГМП : Приказ Федерального казначейства от 12 мая 2017 г. № 11н // СПС «КонсультантПлюс».

Список использованной литературы

1. *Саттарова, З. З.* Отдельные аспекты цифровой трансформации исполнительного производства / З. З. Саттарова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2022. – № 1(51). – С. 76–80.
2. *Селионов, И. В.* Исполнение исполнительных документов в отношении государственных (муниципальных) учреждений в Российской Федерации: финансово-правовой аспект : автореф.т дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Селионов. – Москва, 2019. – 18 с.
3. *Устимова, С. А.* Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы / С. А. Устимова, Е. Н. Рассказова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ispolnitelnogo-proizvodstva-preimuschestva-i-problemy
4. Цифровая трансформация: ожидания и реальность : докл. к XXIII Ясинской (апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневский, М. А. Гершман, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С. 9.

БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ОСПАРИВАНИИ ДЕЙСТВИЙ (БЕЗДЕЙСТВИЯ) СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Рузанна Альбертовна Акобян
студентка 2-го курса
Института магистратуры и кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ruzanaakobyan@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности бремени доказывания при оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя. Вопрос распределения бремени доказывания при оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя имеет фундаментальное значение для эффективной защиты прав участников исполнительного производства. Автор рассматривает различия в распределении обязанностей по доказыванию между заявителем и судебным приставом-исполнителем в рамках различных процессуальных кодексов – КАС РФ, ГПК РФ и АПК РФ.

Ключевые слова: доказывание; судебный пристав-исполнитель; исполнительное производство; оспаривание действий (бездействия); исполнительный документ; судебный акт.

Эффективность судебной системы России определяется не только вынесением законных и обоснованных решений, но и их реальным исполнением. Главная цель судебного акта – восстановление нарушенного или оспариваемого права, которое достигается исключительно через своевременное и полное исполнение судебных актов[1023].

Основным механизмом, обеспечивающим реализацию судебных актов, является исполнительное производство, регламентированное Федеральным законом «Об исполнительном производстве»[1024].

[1023] См.: *Круглова Е. А.* Процесс доказывания сторонами по делам об обжаловании действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей в суде // Вестник науки. 2021. № 9. С. 67–70.

[1024] Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Одной из острых проблем в исполнительном производстве является бездействие судебных приставов-исполнителей, то есть невыполнение всех необходимых и предусмотренных законом действий, направленных на исполнение судебного акта, в отведенные законодательством временные рамки. Граждане и организации, имея на руках исполнительный документ, сталкиваются с фактической невозможностью реализовать свои права из-за действий (бездействия) Федеральной службы судебных приставов.

Закон предоставляет участникам исполнительного производства, чьи права нарушены, два основных способа защиты: подача жалобы вышестоящему должностному лицу в порядке подчиненности внутри системы ФССП России либо обжалование в судебном порядке действия (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Обжалование действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя является ключевым механизмом защиты прав участников исполнительного производства. Однако его эффективность напрямую зависит от правильного распределения бремени доказывания – обязанности сторон представить доказательства в обоснование своих требований и возражений. Особенности доказывания существенно различаются, поскольку оспаривание действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя может осуществляться в рамках административного или арбитражного процессов в зависимости от характера спора.

До 15 сентября 2015 года рассмотрение дел, связанных с оспариванием действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей, осуществлялось в рамках гражданского процесса. Данная категория дел возбуждалась не исковым заявлением, а жалобой заинтересованного лица. С принятием Кодекса административного судопроизводства произошла кардинальная реформа системы обжалования. В настоящее время оспаривание действий судебных приставов-исполнителей осуществляется исключительно в порядке административного судопроизводства по правилам главы 22 КАС РФ. Однако понимание исторического контекста и преемственности правового регулирования остается важным для правильного применения современных процессуальных норм.

В качестве ретроспективного анализа отметим, что в рамках гражданского судопроизводства бремя доказывания лежало на заявителе, поскольку каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований (ст. 56 ГПК РФ)[1025]. Лицо, считавшее действия пристава неправомерными, должно было подкрепить свои требования доказательствами, например, подтверждающими нарушения, превышение полномочий, фактическое бездействие. Судебный пристав в ответ

[1025] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г. № 344-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

мог предъявлять доказательства законности и обоснованности своих действий[1026].

Кодекс административного судопроизводства РФ предусматривает, что бремя доказывания законности оспариваемых действий (бездействия) возлагается на соответствующий орган власти или должностное лицо (ст. 62)[1027]. При этом в соответствии с положениями ст. 226 КАС РФ лицо, обращающееся в суд, должно доказать нарушение своих прав, свобод и законных интересов, а также соблюдение сроков подачи иска.

Следовательно, именно пристав-исполнитель обязан в суде представить доказательства, подтверждающие правомерность и своевременность совершения оспариваемого действия, отсутствие нарушений в случае оспариваемого бездействия, а также соблюдение требований Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Так, административный истец обратился в суд с административным иском к ведущему судебному приставу-исполнителю о признании незаконным бездействия судебного пристава-исполнителя, выразившегося в невынесении постановления об окончании исполнительного производства. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50, под бездействием понимается невыполнение всех необходимых и предусмотренных законом действий, направленных на исполнение судебного акта, в отведенные законодательством временные рамки[1028].

Поскольку судебным приставом-исполнителем не были предоставлены доказательства отсутствия нарушения, судом иск был удовлетворен[1029].

Согласно ст. 328 АПК РФ, оспаривание действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя осуществляется по правилам главы 24 АПК РФ. Часть 5 ст. 200 АПК РФ устанавливает схожее с КАС РФ правило: обязанность доказывания соответствия оспариваемых ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) закону возлагается на орган или лицо, которые их приняли. Соответственно, в арбитражном процессе доказывать свою правоту также должен судебный пристав-исполнитель. Заявитель должен дока-

---

1026 *Дорофеева С. Н.* Новеллы процессуального законодательства в оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 декабря 2015 года / отв. ред. Е. В. Трофимов. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. С. 33-40.

1027 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г. № 288-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

1028 О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 // СПС «КонсультантПлюс».

1029 Решение Таганрогского городского суда от 25 июня 2025 г. по делу № 2А-1983/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/vX0taPpvQNY9/ (дата обращения: 11.11.2025).

зать лишь факт нарушения своих прав и законных интересов. Суды при этом обращают внимание на специфику исполнительного производства и возможность пристава обосновать законность своих действий документально.

Арбитражным судом г. Москвы было отказано в удовлетворении требований о признании незаконным бездействия судебного пристава-исполнителя. Судебным приставом были предоставлены реестры запросов и ответов, а также иные доказательства, подтверждающие принятие всех необходимых мер для исполнения решения суда[1030].

Таким образом, правильное понимание распределения бремени доказывания – залог успешного разрешения спора об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя. В настоящее время оспаривание действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя может осуществляться в административном и арбитражном процессе, где законность действий должностного лица доказывается им самим.

Список использованной литературы

1. *Дорофеева, С. Н.* Новеллы процессуального законодательства в оспаривании решений, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя / С. Н. Дорофеева // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 декабря 2015 года / отв. ред. Е. В. Трофимов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015. – С. 33–40.
2. *Круглова, Е. А.* Процесс доказывания сторонами по делам об обжаловании действий (бездействия) судебных приставов-исполнителей в суде / Е. А. Круглова // Вестник науки. – 2021. – № 9. – С. 67–70.

[1030] Решение Арбитражного суда города Москвы от 7 июля 2025 г. по делу № А40-50591/2025. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/M5hWNjyYsDWn/ (дата обращения: 11.11.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Татьяна Алексеевна Крылова
студентка 5-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
tanya.krylov4.04@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности исполнительного производства в России. Рассмотрены актуальные проблемы, связанные со сроками исполнительного производства, обжалованием решений должностных лиц Федеральной службы судебных приставов, кадрового обеспечения и цифровизации исполнительного производства. В результате исследования предложены меры, направленные на решение актуальных проблем исполнительного производства, в том числе связанные с внесением изменений в действующее законодательство о регулировании исполнительного производства.

Ключевые слова: исполнительное производство; сроки рассмотрения; обжалование; пристав-исполнитель; цифровизация.

Исполнительное производство в России занимало и занимает важное место в правовой системе. Связано это с тем, что Россия как правовое государство гарантирует каждому гражданину судебную защиту его прав и свобод. В силу данного положения решение, которое принято судебными органами или органами государственной власти, обязательно для исполнения участниками производства. Однако в практике встречаются случаи, когда некоторые участники исполнительного производства отказываются от выполнения предписанных им требований. В данной ситуации и приводится в действие исполнительное производство, главной целью которого выступает исполнение решения и восстановление социальной справедливости.

Стоит отметить, что исполнительное производство актуально в настоящее время и применяется довольно часто, что объясняется тем, что решения, в рамках которых возбуждается исполнительное производство, выносятся не только судами, но и органами государственной власти. Сказанное подтверждают статистические данные, представленные Федеральной службой судебных приставов (далее – ФССП). Так, общее количество исполнительных

производств за 2024 год составило 126 920 880, из них судебными органами инициировано 71 368 501 решение (56,2%), иными органами – 55 551 587 решений (43,8%)[1031].

В связи с тем, что количество исполнительных производств достаточно высокое, в правоприменительной деятельности возникает ряд актуальных проблем, которые требуют своевременного решения. Рассмотрим некоторые из них.

Остановимся на сроках исполнения решений органами принудительного исполнения. Так, согласно положениям ст. 36 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[1032], срок для исполнения требований исполнительного производства составляет два месяца, однако, по независящим от судебных приставов обстоятельств (например, невыполнение должником условий мирового соглашения), зачастую этих двух месяцев недостаточно, что приводит к нарушению сроков рассмотрения исполнительных производств. Решение данной проблемы нами видится во внесении изменений в рассматриваемую статью. Так, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 36 следующим содержанием: Пристав-исполнитель имеет право продлевать срок рассмотрения дела, с согласия главного судебного-пристава субъекта РФ, но не более чем на один месяц.

Отдельно также можно остановиться на рассмотрении проблемы, связанной с обжалованием действий пристава-исполнителя. Отметим, что положения ст. 121 Федерального закона «Об исполнительном производстве» закрепляют право граждан обжаловать решение ФССП либо по подчиненности вышестоящему должностному лицу, либо в судебном порядке[1033]. Однако положения о подсудности данного обжалования в данном законе отсутствуют, что заставляет нас обратиться к материалам судебной практики.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»[1034] в абз. 3 п. 1 отсылает к нормам административного судопроизводства и арбитражного процесса при определении подведомственности дел об оспаривании действий (бездействия) лиц, осуществляющих исполнительное производство.

1031 Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2024 году // Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://fssprus.ru/ (дата обращения: 08.11.2025). – Текст : электронный.

1032 Российская Федерация. Законы. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ : // СПС «КонсультантПлюс».

1033 *Зиновкина А., Калинина Л. Е.* Проблемы обжалования в исполнительном производстве // Общество и государство. 2025. № 1 (49). С. 23.

1034 О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 // Российская газета. 2015. № 270.

С целью решения данного вопроса нами предлагается внести изменение в положения ст. 121 Федерального закона «Об исполнительном производстве», дополнив ее ч. 5 следующего содержания: «*Решения органов исполнительной власти, на основе которых инициировано исполнительное производство, обжалуются в порядке подчиненности. Решения органов судебной власти, на основе которых инициировано исполнительное производство, обжалуются в судебном порядке*».

Также одной из проблем выступает организация внешнего взаимодействия ФССП с другими государственными органами. Так, ФССП не всегда своевременно может получать запрашиваемую информацию. В настоящее время отсутствует единая полноценная информационная система для обмена и анализа данных, что замедляет исполнительное производство[1035]. Решение данной проблемы нами видится в расширении функциональных возможностей СМЭВ с целью анализа данных о должниках. Также целесообразно внедрить в данную систему искусственный интеллект, который позволит найти несоответствия, например, между декларацией о доходах должника и его реальными тратами.

Решение указанных нами проблем возможно с помощью цифровых технологий, которые повсеместно внедряются в деятельность органов исполнительной власти. Важно отметить, что в настоящее время используется ряд цифровых технологий в деятельности ФССП, однако современные вызовы и рост исполнительных производств свидетельствуют о необходимости более интенсивного внедрения цифровой среды в данное правовое поле[1036]. Цифровизацию исполнительного производства следует рассматривать как способ не только повышения эффективности работы, но и снижения нагрузки на персонал ФССП. Здесь стоит рассмотреть вопрос кадрового обеспечения ФССП, что также влияет на эффективность исполнительного производства. Так, согласно штатному расписанию, количество должностей ФССП составляет 76 555 единиц, из них фактически укомплектовано только 65 976 единиц (некомплект составляет 13,9%). Решение указанной проблемы возможно путем повышения престижа службы в ФССП, повышения уровня заработной платы и расширения перечня социальных гарантий по аналогии с МВД или ФСИН. Использование цифровых технологий также способствует снижению времени на личный прием граждан и в настоящее время он составляет до десяти минут на человека, что значительно ускоряет обслуживание участников исполнительного производства.

[1035] *Борисов А. Н.* Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный) : комментарий. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 420.

[1036] Исполнительное производство : учебник и практикум для вузов / С. Ф. Афанасьев, О. В. Исаенкова, В. Ф. Борисова, М. В. Филимонова ; под ред. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 193.

Таким образом, отметим, что исполнительное производство нуждается в совершенствовании, а предложенные нами решения могут быть использованы в правоприменительной деятельности.

Список использованной литературы

1. *Борисов, А. Н.* Комментарий к Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (постатейный) : комментарий / А. Н. Борисов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 716 с. – ISBN 978-5-7205-1615-4. – Текст : непосредственный.
2. *Зиновкина, А.* Проблемы обжалования в исполнительном производстве / А. Зиновкина, Л. Е. Калинина // Общество и государство. – 2025. – № 1 (49). – С. 21–25. – Текст : непосредственный.
3. Исполнительное производство : учебник и практикум для вузов / С. Ф. Афанасьев, О. В. Исаенкова, В. Ф. Борисова, М. В. Филимонова ; под ред. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 250 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-19486-9. – Текст : непосредственный.

ВЗЫСКАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Алексей Павлович Полионов
студент 4-го курса юридического факультета
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
pattuicideboy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной и сложной проблеме обращения взыскания на цифровые активы (криптовалюту и *NFT*) в рамках исполнительного производства. Рассматривается правовая природа цифровых активов в свете закона «О цифровых финансовых активах» и их признания имуществом для целей налогообложения. Основное внимание уделено ключевым практическим проблемам, с которыми сталкиваются судебные приставы. В качестве инструмента преодоления этих препятствий анализируется роль блокчейн-аналитики.

Ключевые слова: цифровые активы; Федеральная служба судебных приставов; блокчейн; арест криптовалюты.

С появлением блокчейн-технологий мир столкнулся с новым классом собственности – цифровыми активами. Криптовалюты и *non-fungible tokens* (далее – *NFT*) стали не только объектом инвестиций, но и частью имущества, на которое может быть обращено взыскание. Однако процесс их ареста и изъятия судебными приставами напоминает попытку поймать призрака в сети: объект существует, но стандартные инструменты для работы с ним пока неэффективны.

Первый и ключевой шаг для любого взыскания – юридическое признание объекта имуществом. В России этот процесс находится в стадии становления. С 1 января 2021 года вступил в силу закон «О цифровых финансовых активах» (ЦФА), который закрепил понятие цифровых прав. В соответствии со ст. 1 «Предмет регулирования и сфера действия настоящего Федерального закона)» Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровые активы – это цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бума-

гам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы[1037].

В свою очередь, криптовалюта представляет собой набор концептов и технологий, которые совместно образуют основу для экосистемы цифровых денег. Денежные единицы, например биткоины, используют для сохранения и передачи стоимости между участниками сети. Именно такая трактовка электронной валюты изложена в книге А. Антонопулоса «*Mastering Bitcoin*»[1038]. Под *NFT* понимается уникальный невзаимозаменяемый токен. С его помощью возможно закрепить экономические права собственности на новые интеллектуальные цифровые активы. В роли цифрового актива могут выступать различные объекты интеллектуальных прав: изображение, видео, песни, цифровые торговые карточки любимых персонажей из видеоигр, цифровая одежда, пост в социальных сетях, виртуальное имущество[1039].

Закон не регулирует напрямую криптовалюту как средство платежа. Более поздние инициативы и законопроекты направлены на то, чтобы определить статус криптовалюты и установить правила ее оборота. Важно, что Министерство финансов и Федеральная налоговая служба России уже позиционируют криптовалюту как имущество, с которого необходимо платить налоги. Это создает правовую основу для судов и приставов, которые могут признавать цифровые активы частью конкурсной массы должника.

Блокчейн – это программный продукт, который позволяет хранить и преобразовывать величины или данные при помощи Интернета защищенным и прозрачным способом, не имея при этом центрального управляющего органа. Проще говоря, это большая бухгалтерская книга, или журнал (гроссбух), куда каждый может вносить записи и который каждый может прочитать, разбросанный по огромному количеству компьютеров во всем мире[1040].

Законодательство содержит значительные пробелы цифровых активов, которые осложняют работу приставов. Одной из проблем является идентифи-

---

[1037] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[1038] *Антонопулос А.* Осваиваем биткоин. М., 2018.

[1039] См.: *Шомахов А. Р.* NFT и права интеллектуальной собственности: экономико-правовой аспект // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации : сборник трудов IV ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции. Симферополь : Изд-во Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, 2021. С. 284.

[1040] См.: *Степанова А. Н.* Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. М.: Эксмо, 2018. С. 10.

кация владельца. Ключевой принцип блокчейна – псевдонимность. У пристава может быть решение суда о взыскании средств с «Ивана Иванова», но как доказать, что конкретный криптокошелек с адресом «0xAbC...» принадлежит именно ему? Для этого требуются данные от криптобирж, провайдеров кошельков или интернет-провайдеров, что приводит к данной проблеме. Выделяют также проблему в области юрисдикции: криптовалютные биржи часто зарегистрированы в иностранных юрисдикциях, которые не обязаны исполнять запросы российских судов. Должник может хранить активы на децентрализованном кошельке, который физически не находится ни в одной стране. Это делает традиционные механизмы международного правового сотрудничества малоэффективными.

Главным инструментом в преодолении анонимности стала блокчейн-аналитика. Специализированные компании разрабатывают программное обеспечение, которое позволяет отслеживать движение средств по блокчейну. Аналитики могут идентифицировать кошельки, принадлежащие централизованным биржам, и через судебный запрос установить личность владельца. Можно отследить путь средств от жертвы мошенничества до кошелька преступника и далее, до момента обналичивания. Данные манипуляции помогают приставам в работе.

Обратимся к практике по взысканию цифровых активов. В 2021 году в Петербурге районный суд дал разрешение следователю на арест криптовалюты – *Ethereum* (эфир). Ранее российские суды не налагали таких мер на цифровые валюты. Предполагаемый преступник взломал кошелек криптомиллиардера, который в 2017 году зачислил на него 7 тысяч эфиров, и перевел токены себе. Потерпевший написал заявление в полицию, в результате чего правоохранительные органы возбудили уголовное дело по двум статьям – о неправомерном доступе к компьютерной информации и краже в особо крупном размере. Наиболее частым поводом привлечения к ответственности, связанным с цифровыми валютами, в России является нелегальный майнинг – деятельность по созданию новых структур для обеспечения функционирования криптовалютных платформ[1041]. Например, в декабре 2021 года в Саратове уволили сотрудника ГИБДД, майнившего криптовалюту на рабочем месте. Материальный ущерб от незаконной деятельности полицейского составил 231 тысячу рублей. За это бывшему полицейскому грозит лишение свободы от трех до десяти лет[1042].

Даже если актив идентифицирован и арестован, возникает новый комплекс задач. Из-за того, что курс криптовалюты крайне неустойчив, возникают вопросы: На какую дату проводить оценку? По какому курсу? Требуется привлечение экспертов и использование данных авторитетных бирж. Также присутствуют проблемы касательно хранения и реализации: Как пристав

[1041] См.: *Воропаева Э.* Майнинг-прорыв 2021–2022 Как заработать на майнинге с нуля, сохранив свой капитал. Интеллектуальная издательская система Ridero, 2021. С. 36.

[1042] *Ермакова С. В.* России впервые арестуют украденную криптовалюту по решению суда // Экономика. LENTA : сайт. URL: https://lenta.ru/news/2022/04/05/arestcrypto/

должен хранить изъятые приватные ключи? Это требует высочайшего уровня кибербезопасности, чтобы активы не были украдены хакерами; Продажа арестованного имущества должна проводиться через официальные торги. Как законно продать криптовалюту, не нарушая законов? Этот вопрос в России пока не имеет четкого ответа.

С принятием более четких законов данная область будет стремительно развиваться. Можно ожидать следующих изменений:

1) обязательная идентификация, которая приведет к ужесточению требований к криптобиржам и обменникам по проведению *KYC*, что упростит идентификацию;

2) технологическое оснащение Федеральной службы судебных приставов (ФССП). Создание в структуре приставов специальных цифровых подразделений, оснащенных инструментами блокчейн-аналитики и безопасными крипто-хранилищами;

3) международное сотрудничество, благодаря которому будут разработаны международные стандарты и соглашения о правовой помощи, касающиеся конфискации цифровых активов.

На данный момент ФССП вместе с другими ведомствами работает над методикой изъятия у преступников криптовалюты. По словам директора ФССП Дмитрия Аристова, в ходе расследования одного из уголовных дел были выявлены биткоины, и сейчас приставы вместе с другими органами работают над методикой реализации этого вида финансовых инструментов. «Пока не нашли решения, ищем», – признался Аристов, отвечая на вопрос, как служба намерена изымать и реализовывать крипту. Тенденция на самом деле во всем мире движется в определенном направлении, чтобы все открыто контролировалось и официально могло это восприниматься как в банковской финансовой системе, так и в судебной практике.

Взыскание цифровых активов – это сложный симбиоз права и технологий. Пока закон догоняет реальность, приставы учатся работать в новых условиях. Очевидно, что будущее исполнительного производства лежит в глубокой интеграции с цифровой средой, где блокчейн-аналитик станет такой же привычной фигурой, как и судебный пристав-исполнитель[1043].

Список использованной литературы

1. *Антонопулос, А.* Осваиваем биткоин / А. Антонопулос. – М., 2018.
2. *Воропаева Э.* Майнинг-прорыв 2021–2022. Как заработать на майнинге с нуля, сохранив свой капитал. – Интеллектуальная издательская система Ridero, 2021. С. 36.

[1043] *Гирич М. Г.* Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. С. 180.

3. *Гирич, М. Г.* Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах / М. Г. Гирич // Вестник международных организаций. – 2022. – С. 176–192.
4. *Ермакова, С.* В России впервые арестуют украденную криптовалюту по решению суда // Экономика. LENTA : сайт. – URL: https://lenta.ru/news/2022/04/05/arestcrypto/
5. *Степанова, А. Н.* Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия / А. Н. Степанова. – Москва : ЭКСМО, 2018. С. 376.
6. *Шомахов, А. Р.* NFT и права интеллектуальной собственности: экономико-правовой аспект / А. Р. Шомахов // Актуальные проблемы частного права в Российской Федерации : сборник трудов IV ежегодной Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Симферополь : Изд. Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, 2021. – С. 282–286.

ЦИФРОВОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Дана Ивановна Серебрякова
студентка 3-го курса Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
tianablist@yandex.ru

Аннотация. В материале рассматриваются текущие направления цифровизации в сфере принудительного взыскания в России. Оцениваются плюсы от введения цифрового профиля задолжника и платформы «Цифровое исполнительное производство», а также выделяются трудности, связанные с кадровым обеспечением и техническими возможностями ФССП. Формулируется потребность в интегрированном методе цифровой модернизации для роста производительности в исполнительной работе. Изучаются возможности применения ИИ и взыскания через цифровые рубли, плюс даются рекомендации по оптимизации ситуации.

Ключевые слова: цифровизация; принудительное исполнение; исполнительное производство; ФССП.

Директор Федеральной службы судебных приставов России Дмитрий Аристов заявил в Санкт-Петербурге 21 мая 2025 года, что основная задача службы – найти доход должника. По его словам, службе важно знать своевременно и быстро о трудоустройстве должника, поскольку разыскиваемые лица перемещаются по всей стране. Аристов отметил, что физически контролировать всех должников невозможно. Как только службе удается найти неплательщика, он увольняется и переходит на другое место работы. Руководитель ведомства подчеркнул необходимость помощи других институтов общества в решении этой проблемы. Новые технологические возможности призваны повысить эффективность взыскания долгов и сократить время поиска источников доходов должников. Автоматизация процесса позволит приставам получать актуальную информацию о трудоустройстве в режиме реального времени, что существенно усложнит уклонение от исполнения обязательств.

В сегодняшнем обществе цифровые технологии активно внедряются в различные области, в том числе в юридическую сферу. Особый акцент де-

лается на преобразовании системы исполнительного производства, которая гарантирует выполнение решений судов и постановлений иных инстанций. В России эта область подчиняется Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Цифровая модернизация ориентирована на рост производительности Федеральной службы судебных приставов (ФССП России), уменьшение административных барьеров и оптимизацию контактов с населением. Тем не менее интеграция цифровых инструментов несет в себе как заметные выгоды, так и существенные препятствия, особенно в свете национальной инициативы «Экономика данных», запущенной в 2025 году (утверждена Указом Президента РФ от 24 июня 2024 г.).

Среди основных векторов цифровой трансформации выделяется платформа «Цифровое исполнительное производство», введенная в 2025 году на портале госуслуг (ЕПГУ) в составе завершенной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (заменена на «Экономику данных»). Эта система дает возможность сторонам процесса получать оповещения, направлять запросы и мониторить статус дела в сети. Автоматизированные механизмы, установленные Федеральным законом от 24 июля 2023 г.[1044], позволяют принимать решения без вовлечения пристава в простых ситуациях, к примеру, при удержании штрафов за административные нарушения с счетов или в формате цифровых рублей. Начиная с 1 января 2025 года приставы вправе взыскивать обязательства в цифровых рублях при отсутствии у задолжника средств в обычной валюте.

Хотя преимущества очевидны, цифровая трансформация принудительного взыскания сопряжена с определенными сложностями. Прежде всего, сохраняется роль человеческого элемента. Роботизированные платформы, включая автоматизированные системы для запуска дел, развернутые во всех субъектах РФ к ноябрю 2024 года, не в состоянии целиком подменить пристава в запутанных сценариях, таких как выполнение требований нематериального характера (например, возвращение на должность или эвакуация), где нужен прямой контакт[1045]. К тому же недостаточная подготовка части персонала ФССП и ограниченные ресурсы приводят к замедлению обработки цифровых файлов. Согласно отчетам ФССП, за первые восемь месяцев 2025 года собрано свыше 251 млрд руб., однако цифровая программа все еще запаздывает из-за неполного онлайн-обмена с финансовыми институтами (лишь 18% банков подключены на старте 2025 года)[1046]. Это осложняется вопросами верификации задолжников: требование указывать уникальные коды (СНИЛС, ИНН), введенное ранее, порой вызывает неточности и лишние обращения, растягивая сроки. С 24 февраля 2025 года добавлены лимиты на электронные уведом-

---

[1044] Российская газета. 2023. 26 июля.

[1045] См.: *Гуреев В. А.* Цифровизация исполнительного производства: актуальные тенденции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 10. С. 15–20.

[1046] https://www.interfax.ru/russia/1006919

ления через СМЭВ и ЕПГУ (не чаще раза в час), что идет вразрез с задачами цифровизации и усиливает давление на участников[1047].

Еще одной трудностью выступает неполная цифровизация. Взаимодействие с кредитными организациями и судебными органами часто остается на бумаге, что ослабляет потенциал платформы. Более того, автоматизированные вердикты подлежат оспариванию, давая задолжникам шанс спрятать имущество во время проверки претензии. При огромном потоке дел автоматизация не устраняет проблему невыполненных обязательств, связанных с плохим финансовым состоянием обязанных лиц. Риски коррупции и споры из-за неверной идентификации (например, удержания с тезок) продолжают быть актуальными, даже с учетом связи с биометрией и ИИ-ботами для голосового общения.

Будущие направления цифровой трансформации принудительного взыскания кажутся перспективными. В 2025 году ФССП намерена внедрить цифровой профиль задолжника, обеспечивающий поступление данных в автоматическом режиме за два дня вместо двух месяцев, с ростом онлайн-связи с банками до 60%. Объединение с ИИ для рутинных задач, вроде наложения запретов или отмены ограничений на поездки, увеличит открытость и снизит нагрузку на сотрудников. Инициатива Международного союза судебных исполнителей по глобальному кодексу цифрового взыскания предлагает нормы для операций с виртуальными активами, удаленной медиацией и охраной информации, которые можно применить в РФ. К 2027 году ожидается полный сдвиг к электронному обмену, с биометрическим входом в мобильные приложения и удержаниями в цифровых рублях, делая процедуру удобной везде.

Чтобы оптимизировать ситуацию, предлагается несколько шагов. Сначала ввести единую электронную базу взысканий, где документы создаются только в цифровом виде, исключая фальсификации и дубликаты. Далее – расширить роль ИИ, включая голосовых ассистентов для обработки запросов и автораспределения задач, плюс доступ к локации задолжников в случаях защиты интересов несовершеннолетних. Третье – облегчить удержание сумм до 30 тыс. руб. через автоматику и разрешить операции с цифровыми активами, включая рубль в цифровом формате. Помимо этого, обновить правовую базу для регулировки взысканий с банкротов и государственных структур, а также расширить цифровые каналы для компенсации ограничений 2025 года (например, беспрерывная рассылка). В завершение – организовать обучение сотрудников ФССП по новым инструментам и нарастить бюджет на переход к российскому софту, как запланировано в стратегии цифровой трансформации ФССП на 2025–2027 годы.

Подводя итог, заметим: цифровая модернизация принудительного взыскания представляет собой важный этап в обновлении юридической системы России. Выгоды, включая ускорение операций и рост удобства, не вызывают сомнений, но их достижение требует всестороннего подхода к устранению

[1047] https://www.nalog.gov.ru/rn67/news/activities_fts/13703574/

барьеров: повышение квалификации кадров ФССП, улучшение оснащения и доработка норм. Лишь так цифровые изменения принесут реальный подъем эффективности в исполнительной деятельности и обеспечение интересов общества.

Список использованной литературы

1. *Гуреев, В. А.* Цифровизация исполнительного производства: актуальные тенденции / В. А. Гуреев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 10. – С. 15–20.
2. *Данилов, Д. Б.* Цифровизация принудительного исполнения: проблемы и перспективы / Д. Б. Данилов, М. Ю. Порохов // Общество и право. – 2024. – № 3. – С. 130–135.
3. *Лабашова, Е. Р.* Развитие системы исполнительного производства в условиях цифровизации / Е. Р. Лабашова // Вестник университета. – 2025. – № 1. – С. 50–58.
4. *Помигалова, О. А.* Информационные технологии в исполнительном производстве / О. А. Помигалова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 2. – С. 5–12.
5. *Устимова, С. А.* Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы / С. А. Устимова, Е. Н. Рассказова // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 2. – С. 100–110.
6. *Ярков, В. В.* Гармонизация в сфере цифрового исполнения: новый проект МССИ / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 7. – С. 30–38.

ОБРАЩЕНИЕ ВЗЫСКАНИЯ НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Александр Петрович Чуринов
студент 4-го курса Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
alexandrchurinov@yandex.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяет отсутствие правовых механизмов обращения взыскания на цифровые финансовые активы (ЦФА) в условиях их легального закрепления. Целью исследования является выявление ключевых проблем в вопросе обращения взыскания на ЦФА и выработка предложений по правовому регулированию данного процесса. Для ее реализации проанализированы российские нормы права, зарубежный опыт, а также ряд научных статей. В результате мы пришли к выводу о необходимости внесения изменений в ряд НПА для создания возможности реализации функций госорганов.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы (ЦФА); криптовалюта; цифровая валюта; цифровой рубль; обращение взыскания.

В процессе цифровизации общественных отношений в нашу жизнь все плотнее входят новые инструменты, такие как цифровые финансовые активы и криптовалюта (цифровая валюта), которые требуют особого внимания со стороны регулятора в силу существенных отличий от привычных инструментов.

Отметим, что до 2020 года в РФ отсутствовали специальные правовые нормы в сфере регулирования ЦФА, к операциям с ними применяли законодательство о ценных бумагах по аналогии, что нельзя считать эффективным способом, так как указанный инструмент уникален. Однако с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательный акты Российской Федерации» цифровые активы и цифровая валюта приобрели легальный статус.

Для начала обратимся к легальному определению ЦФА, представленному в п. 2 ст. 1 ФЗ № 259. При его анализе можно выявить несколько ключевых характеристик: это цифровые права, включающие право требования; необхо-

димость решения о выпуске в установленном законом порядке; выпуск, учет и обращение возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему. Фактически цифровые финансовые активы – это цифровые аналоги реальных активов; записи в специальной информационной системе, которые подтверждают имущественное право или долговое обязательство.

Криптовалюта или цифровая валюта, в свою очередь, представляет собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения). Она может быть принята в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей РФ или другого государства. И ключевым аспектом является отсутствие лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Главным сходством указанных активов является возможность использования системы блокчейна и в ЦФА, и в криптовалюте.

Несомненно, введение специальных норм регулирования открыло широкий спектр возможностей для использования рассматриваемых инструментов в самых разных сферах, в том числе как имущества, на которое может быть обращено взыскание, однако это выявило и отсутствие правовых механизмов по осуществлению своей деятельности органами исполнительной власти.

Рассмотрим ряд проблем и выявим потенциальные пути их решения, опираясь на научные доктрины и зарубежный опыт.

В качестве первой проблемы необходимо обозначить сложность идентификации и обнаружения ЦФА.

По своей природе цифровые финансовые активы псевдоанонимны. Без добровольного предоставления должником информации о своих ключах доступа или наличии счетов на централизованных биржах, обнаружить их стандартными методами (запросы в банки, Росреестр) практически невозможно. Несмотря на наличие реестра операторов информационных систем, в него попадают далеко не все[1048].

Подход к решению данной проблемы разнообразен. Так, например, в США суды широко используют процедуру *discovery*, обязывающую должника, а также третьих лиц (биржи, криптокастодианы) предоставлять информацию об активах. Выдаются судебные приказы к централизованным биржам (например, *Coinbase*)[1049].

Однако вследствие отсутствия механизмов оказания влияния на платформы со стороны РФ, кажется более целесообразным ввести административную и уголовную ответственность за сокрытие информации о ЦФА.

Следующей проблемой является отсутствие четкого порядка обращения взыскания на ЦФА, особенно на криптовалюту.

[1048] См.: *Незнамов А. В.* Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель // Цифровое право. 2024. Т. 5, № 4. С. 55–66.

[1049] См.: *Phillips K.* IRS Tries Again to Make Coinbase Turn Over Customer Account Data // Forbes.com: сайт. URL: https://www.forbes.com/sites/kellyphillipserb/2017/03/20/irs-tries-again-to-make-coinbase-turn-over-customer-account-data/?sh=3cd5509d175e

Если говорить о возможности обращения взыскания на ЦФА и криптовалюту, то она существует и закреплена с 2021 года. При этом порядок ее осуществления, по сути, отсутствует, что может порождать определенные сомнения у приставов-исполнителей относительно выбора процедуры обращения взыскания. Пункт 2 ст. 6 ФЗ «О цифровых финансовых активах» содержит косвенное указание на порядок внесения изменений в записи о цифровых финансовых активах, указывая на обязанность оператора информационной системы осуществлять такое действие на основании вступившего в законную силу судебного акта, исполнительного документа. Аналогичные действия с цифровой валютой урегулированы в еще меньшей степени.

В связи с этим представляет интерес опыт Республики Беларусь. Во исполнение Указа Президента РБ от 14 февраля 2022 г. № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты» Минюст Республики Беларусь принял постановление от 14 апреля 2022 г. № 67, которым были внесены изменения в Инструкцию по исполнительному производству. Новый порядок предусматривает особенности ареста, оценки и реализации криптовалюты, принадлежащей должнику (абз. 3 п. 1 постановления № 67). Для обращения взыскания судебный пристав-исполнитель выносит постановление о наложении ареста на криптовалюту и при необходимости переводит ее на виртуальный кошелек или субъекта торговли, специализированной организации, о чем выносит постановление о переводе криптовалюты. Криптовалюта передается на реализацию без оценки ее стоимости. Реализацией на договорной основе занимается субъект торговли или специализированная организация. Реализация осуществляется через оператора криптоплатформы и (или) оператора обмена криптовалют с их согласия. Стоимость реализованной криптовалюты составляет фактическую сумму денежных средств, зачисленных на счет после реализации[1050].

Представляется необходимым дополнить главу 8 ФЗ «Об исполнительном производстве»[1051] нормами, регулирующими порядок обращения взыскания на ЦФА и ЦВ.

Кроме того, вследствие высокой волатильности криптовалюты, является затруднительной ее оценка на момент ареста, поэтому применение опыта Белоруссии с обязательным внесением надлежащих изменений кажется весьма целесообразным способом регулирования. При этом альтернативой является разработка метода оценки стоимости актива на момент наложения ареста, в качестве базы для расчета могут использоваться данные крупнейших российских и зарубежных бирж, агрегированные через авторитетные источники.

[1050] *Балмашнов Е. А., Питиримова А. О.* Проблемы совершения исполнительных действий в отношении криптовалюты, цифровых финансовых активов // Вопросы российской юстиции. 2022. № 22. С. 548–554.

[1051] Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Последний вопрос, который нельзя не затронуть в контексте разговора об обращении взыскания на новые виды активов, – это перспективы использования цифрового рубля ((ЦВЦБ, цифровая валюта центрального (национального) банка). Понятие «цифровой рубль» в законе полностью не закреплено. Согласно ст. 128 ГК РФ, он является новым видом безналичных денег[1052]. Содержательно представляет собой уникальный цифровой код, который хранится в цифровых кошельках на специальной платформе Банка России. Кроме того, его стоит признать третьей формой рубля наравне с наличной и безналичной, объединяющей основные преимущества двух этих форм. Расчеты с его использованием будут осуществляться на базе платформы цифрового рубля (ПЦР), предназначенной для регистрации участников и обмена информацией. Стоит отметить, что среди преимуществ, которые можно выявить на основе анализа Концепции цифрового рубля, находятся такие, как контроль за расходованием бюджетных средств, снижение издержек на администрирование бюджетных платежей[1053].

Не оставляет сомнений тот факт, что обращение взыскания на ЦВЦБ не создаст проблем в правом регулировании, напротив, облегчит работу приставам, ведь вся работа по этому направлению будет вестись в рамках цифровой платформы, контролируемой Центральным банком, что значительно ускорит процедуру. Кроме того, цифровой рубль, как инструмент борьбы с теневизацией экономики, будет способствовать уменьшению способов для должника скрыть свои активы, что также положительно скажется на исполняемости судебных актов.

Таким образом, создание условий и механизмов для обращения взыскания на новые виды имущества, такие как цифровые финансовые активы и цифровая валюта, получившие легальное закрепление, является приоритетным направлением в трансформации системы исполнительного производства. Несомненно, потребуется детальная проработка каждого из правовых механизмов, с опорой на существующие примеры в мировой практике, однако в случае успешного закрепления появится возможность для взыскания активов, которые ранее не попадали в поле зрения органов власти, и откроется целый ряд перспектив. Кроме того, появление и развитие новой цифровой формы национальной валюты также может положительно сказаться на исполняемости судебных решений и полноте реализации принципов исполнительного производства.

1052 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

1053 Концепция цифрового рубля // Центральный Банк России. URL: concept_08042021.pdf (cbr.ru).

Список использованной литературы

1. *Балмашнов, Е. А.* Проблемы совершения исполнительных действий в отношении криптовалюты, цифровых финансовых активов / Е. А. Балмашнов, А. О. Питиримова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 22. – С. 548–554.
2. *Незнамов, А. В.* Обращение взыскания на криптовалюту в рамках исполнительного производства: возможная модель / А. В. Незнамов // Цифровое право. – 2024. – Т. 5, № 4. – С. 55–66.
3. *Phillips K.* IRS Tries Again to Make Coinbase Turn Over Customer Account Data // Forbes.com. URL: https://www.forbes.com/sites/kellyphillipserb/2017/03/20/irs-tries-again-to-make-coinbase-turn-over-customer-account-data/?sh=3cd5509d175e (дата обращения: 03.10.2025).

Субсидиарная ответственность в банкротстве и внебанкротных процедур

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ

Магомед Ахмедович Асельдеров
студент Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
aselderov.2005@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи связана с ключевой ролью субсидиарной ответственности в делах о банкротстве как механизма защиты прав кредиторов и обеспечения справедливости. Цель – проанализировать правовую природу, основания и особенности применения данной ответственности. Рассмотрены разграничение понятий «несостоятельность» и «банкротство», нормативная база, научные позиции и судебная практика. Сделан вывод о необходимости единообразия подходов, прозрачности и баланса интересов сторон.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность; банкротство; несостоятельность; кредиторы; законодательство; правоприменение.

Современное развитие института банкротства в России тесно связано с субсидиарной ответственностью, которая выступает ключевым механизмом защиты интересов кредиторов и восстановления справедливости в экономическом обороте, несмотря на сохраняющиеся дискуссии о ее понятии, пределах и применении[1054].

Проблематика определения понятий «несостоятельность» и «банкротство» традиционно является одной из наиболее спорных в юридической науке.

Несмотря на то, что современный законодатель часто использует данные термины как тождественные, доктрина по-прежнему сохраняет устойчивое стремление разграничивать их содержание. Несостоятельность, как указывают многие исследователи, выражает объективное финансовое состояние лица, при котором оно не может удовлетворить требования кредиторов. Банкротство же, напротив, предполагает юридическую процедуру признания этого состояния и применения мер, закрепленных в законодательстве. Подчерки-

---

[1054] См.: *Федоренко Ю. В.* Институт несостоятельности (банкротства): некоторые проблемы его реализации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2024. № 1 (164). С. 109–114.

вается, что от того, насколько четко будет разграничено понимание этих категорий, зависит эффективность правоприменения и корректность применения субсидиарной ответственности. Как отмечала А. Э. Циндяйкина, «отождествление понятий «несостоятельность» и «банкротство» на уровне законодательства является оправданным и целесообразным, поскольку оно исключает двусмысленность в практическом применении права»[1055].

Однако подобная позиция далеко не всегда разделяется в науке, что позволяет рассматривать вопрос как открытый и требующий дальнейшего осмысления. Противоположную точку зрения представляет И. В. Фролов, подчеркивающий, что «разграничение терминов «несостоятельность» и «банкротство» необходимо для правильной юридической квалификации поведения должника и выработки верных критериев его ответственности»[1056].

Такой подход указывает на значимость не только экономической, но и юридической оценки состояния неплатежеспособности. С его позиции, банкротство следует рассматривать как юридическую реакцию государства на несостоятельность, причем именно в тех случаях, когда действия должника могут содержать признаки недобросовестности или противоправности. Это разграничение имеет важное значение при определении оснований субсидиарной ответственности: если несостоятельность может быть вызвана объективными экономическими обстоятельствами, то банкротство часто связано с действиями конкретных лиц, управляющих компанией или распоряжающихся ее активами.

Законодательная база института несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации формируется Гражданским кодексом РФ[1057] и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)»[1058]. В частности, ст. 25 ГК РФ закрепляет возможность признания гражданина несостоятельным (банкротом) только по решению арбитражного суда. Такая процедура обеспечивает баланс интересов должника и кредиторов, исключая произвольное применение данного института. Кроме того, арбитражный процесс по делам о банкротстве предусматривает широкие возможности для участия всех заинтересованных сторон, что обеспечивает принцип состязательности и равноправия участников. В этом контексте субсидиарная ответственность играет роль дополнительной процессуальной гарантии для кредиторов, позволяя восполнить ущерб за счет лиц, виновных в наступлении банкротства.

1055 *Циндяйкина А. Э.* Правовое регулирование конкурсного оспаривания сделок должника при несостоятельности (банкротстве) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/ А.Э. Циндяйкина. М., 2012. 167 с.

1056 *Фролов И. В.* Генезис и теоретические основы института несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права : монография. М. : Юстицинформ, 2020. 272 с.

1057 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

1058 О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Особое внимание в научных исследованиях уделяется критериям несостоятельности, которые служат отправной точкой для анализа правомерности применения субсидиарной ответственности. Важным является вопрос об инициировании процедуры банкротства. Она может быть начата как самим должником, так и кредиторами, чьи интересы нарушены. Формальные условия возбуждения дела закреплены законодательно: наличие задолженности в определенной сумме и просрочка исполнения обязательств. Суд при этом оценивает не только сам факт наличия долгов, но и их соотношение с активами должника. С. А. Карелина отмечает: «превышение обязательств должника над его активами в совокупности с прекращением текущих платежей является достаточным основанием для признания его финансово несостоятельным»[1059]. Этот подход подтверждает необходимость сочетания экономических и юридических критериев для правильной квалификации состояния должника. Более того, практика показывает, что инициирование банкротства должником может носить как вынужденный, так и стратегический характер, когда компания стремится использовать процедуру в качестве механизма реструктуризации долгов и защиты от кредиторов.

Для России актуальной задачей остается совершенствование правового регулирования и выработка единообразных подходов, исключающих произвольность в оценке вины и размера ответственности.

Усиление требований к прозрачности хозяйственных операций, внедрение механизмов внутреннего и внешнего контроля, а также повышение ответственности менеджмента и учредителей напрямую влияет на эффективность применения данного правового инструмента. В условиях глобализации экономики и роста транснациональных корпораций вопросы установления реального контроля и распределения ответственности становятся еще более сложными, требуя адаптации национального законодательства к международным стандартам. Дополнительным вызовом является необходимость учета добросовестности поведения участников: нередко формальные признаки контроля могут присутствовать, но фактического влияния на действия должника не оказывалось, что требует тонкой правовой оценки. В таких ситуациях суды должны находить баланс между защитой интересов кредиторов и недопустимостью чрезмерного вмешательства в свободу предпринимательской инициативы. Более того, практика применения субсидиарной ответственности показывает значимость института банкротства как инструмента перераспределения рисков, что обуславливает необходимость гармонизации правоприменения с принципами справедливости и правовой определенности.

Итак, можно прийти к выводу о том, что субсидиарная ответственность в делах о банкротстве представляет собой сложный и многогранный правовой институт, который выполняет ключевую функцию в обеспечении баланса ин-

---

[1059] *Карелина С. А.* Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности : монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2020. 340 с.

тересов кредиторов и должников, а также в поддержании стабильности экономического оборота.

Список использованной литературы

1. *Карелина, С. А.* Реформирование института несостоятельности (банкротства) в современной России: проблемы правовой эффективности : монография / отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 340 с.
2. *Пирогова, Е. С.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) : учебник / Е. С. Пирогова, А. Я. Курбатов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2025. – 338 с.
3. *Федоренко, Ю. В.* Институт несостоятельности (банкротства): некоторые проблемы его реализации / Ю. В. Федоренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 1 (164). – С. 109–114.
4. *Фролов, И. В.* Генезис и теоретические основы института несостоятельности (банкротства) гражданина в системе российского права : монография / И. В. Фролов. – Москва : Юстицинформ, 2020. – 272 с.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРИ БАНКРОТСТВЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ПРОБЛЕМЫ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Мадина Турдиалиевна Ашурматова
студентка 5-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
17321974z@gmail.com

Аннотация. В статье автор рассматривает актуальные вопросы привлечения к субсидиарной ответственности руководителей и учредителей муниципальных унитарных предприятий в процедурах несостоятельности (банкротства), а также системные проблемы ответственности контролирующих лиц с целью формулирования направлений по совершенствованию действующего законодательства в сфере несостоятельности (банкротства) муниципальных унитарных предприятий. В результате проведенного анализа актуальной судебной практики, включая позиции Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, автор пришел к выводу, что привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих лиц должника должно быть поставлено в зависимость от степени вины и оказанного влияния каждого из указанных лиц.

Ключевые слова: муниципальное унитарное предприятие; несостоятельность; банкротство; субсидиарная ответственность; контролирующие лица должника.

Несостоятельность (банкротство) муниципальных унитарных предприятий (далее – МУП) является на сегодняшний день важной проблемой, так как подобные организации оказывают населению социально значимые функции в сфере поставки коммунальных ресурсов, оказании транспортных услуг и иные. Несостоятельность МУП неизбежно ведет к серьезным последствиям не только экономического характера, но и социального, оказывая влияние на повседневную жизнь населения и функционирование муниципальных образований.

Одним из наиболее острых вопросов в процедуре банкротства МУП является вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности руководителя и собственника имущества (муниципального образования). Материалы судебной практики демонстрируют, что ответственность нередко перекладывается исключительно на руководителя предприятия, тогда как реальные причины кризиса могут скрываться в действиях муниципального образования. В этих условиях институт субсидиарной ответственности становится ключевым механизмом защиты прав кредиторов, однако его применение сопряжено с рядом системных проблем, требующих детального изучения. Вместе с тем указанный вопрос находит широкое отражение и в научной доктрине, что подтверждается, в частности, исследованиями, посвященными привлечению к субсидиарной ответственности собственника имущества и руководителей муниципальных унитарных предприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства[1060].

Анализ судебной практики позволяет заключить, что при разрешении споров о привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве МУП суды учитывают их специфические особенности функционирования, выраженные порой в сложной организационной структуре МУП, осуществления финансирования их деятельности за счет субсидий, что является препятствием оперативного управления и планирования развития предприятия[1061].

Вместе с тем судами принимается во внимание, что рост диспропорции между активами и обязательствами должника, выполняющего социально значимую функцию, обусловлен объективными факторами, такими как низкие тарифы, неплатежеспособность населения[1062]. Однако вопрос о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц разрешается судами положительным образом, если будет установлено, что действия или бездействие ухудшили финансовое положение должника, и невозможность погашения долгов вызвана именно этими причинами[1063].

Указанное означает, что по общему правилу контролирующее лицо, создавшее условия для дальнейшего значительного роста диспропорции между стоимостью активов должника и размером его обязательств, подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в полном объеме, поскольку презюмируется, что из-за его действий (бездействия) окончательно утрачена возможность осуществления в отношении должника реабилитационных

1060 См.: *Марценюк А. Г.* Привлечение к субсидиарной ответственности собственника имущества и руководителей муниципальных унитарных предприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства: актуальные вопросы правоприменения // Пролог: журнал о праве. 2022. № 4. С. 77.

1061 Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 8 октября 2025 г. № 03АП-3560/25 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

1062 Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 23 апреля 2025 г. № 04АП-5588/24 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

1063 О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности, и, как следствие, утрачена возможность реального погашения требований.

Однако в большинстве случаев суды отказывают в привлечении к субсидиарной ответственности муниципальных образований по обязательствам должника, если муниципальным образованием будет доказано, что их действия отвечали признакам добросовестности и разумности, и они не несут ответственности за деятельность должника, повлекшую его объективное банкротство. При этом в судебной практике все-таки встречаются решения судов о привлечении муниципальных образований к субсидиарной ответственности, если доказано, что их действия (например, изъятие имущества предприятия) привели к невозможности удовлетворить требования кредиторов, а меры по восстановлению платежеспособности не принимались[1064].

Таким образом, материалы судебной практики демонстрируют случаи привлечения к субсидиарной ответственности преимущественно руководителей МУП, хотя муниципалитет при этом может выступать непосредственным виновником банкротства, тем не менее доказать причинно-следственную связь между действиями собственника и несостоятельностью предприятия крайне сложно.

Между тем с принятием Верховным Судом РФ определения от 21 мая 2021 г. № 302-ЭС20-23984 тенденция привлечения к субсидиарной ответственности только руководителя МУП существенно изменилась. Так, Верховный Суд РФ указал на недопустимость автоматического возложения ответственности исключительно на руководителя предприятия. Для возложения такой ответственности судам необходимо устанавливать следующие обстоятельства: разрабатывал ли руководитель антикризисный план; действовал ли он добросовестно и разумно; не является ли банкротство следствием решений, принятых на уровне собственника[1065].

Таким образом, в правоприменительной практике после 2021 года сформировался определенный правовой подход, согласно которому учредитель предприятия, деятельность которого направлена на решение социально значимых задач, заведомо знавший, что организация не имеет возможности вести нормальную предпринимательскую деятельность в этой сфере ввиду явного несоответствия полученного ею имущества и объему планируемых мероприятий, не может быть освобожден от субсидиарной ответственности, поскольку избранная учредителем модель поведения уже в момент ее выбора приводила к очевидному дисбалансу прав должника и его кредиторов[1066].

[1064] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2025 г. № 02АП-3216/25 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

[1065] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 302-ЭС20-23984 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

[1066] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2021 г. № 302-ЭС20-23984 по делу № А19-4454/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/

В практике же Европейского суда по правам человека при разрешении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности муниципалитета суд руководствуется степенью зависимости МУП от муниципального образования, признавая государство ответственным по его долгам, если предприятие социально значимо и контролируется муниципалитетом (дело «Лисейцева и Маслов против России», «Ляцкая против России»)[1067]. Данная практика служит ориентиром для российских судов, подчеркивая, что формальный правовой статус МУП как самостоятельного юридического лица не всегда освобождает публичного собственника от ответственности.

На основе анализа проблематики вопроса можно выделить несколько направлений совершенствования действующего законодательства о несостоятельности муниципальных унитарных предприятий.

Детализировать в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» основания и процедуру привлечения муниципального образования к субсидиарной ответственности по обязательствам должника за бездействие, в частности, за непринятие мер по восстановлению чистых активов.

Установить возможность применения при банкротстве муниципальных унитарных предприятий в сфере жилищного коммунального хозяйства реабилитационных процедур, аналогичных тем, что предусмотрены для градообразующих предприятий (§ 6 главы IX Закона о банкротстве), что позволило бы сосредоточиться на спасении предприятия, а не на его ликвидации.

Муниципальным образованиям разработать регламенты взаимодействия с муниципальными унитарными предприятиями, четко определяющими порядок принятия решений об их финансовом оздоровлении, ликвидации и участии в собраниях кредиторов.

В качестве ключевого аспекта решения проблемы можно отметить необходимость балансирования между строгим контролем над расходованием бюджетных средств и созданием условий для устойчивого функционирования МУП, что потребует внедрения специализированных механизмов поддержки и мониторинга, а также обучения кадров.

Таким образом, изучение вопроса привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве муниципальных унитарных предприятий позволяет сделать вывод, что привлечение к субсидиарной ответственности перестало быть исключительно мерой наказания только недобросовестных руководителей. Современная правоприменительная практика, дополненная позициями Верховного Суда Российской Федерации и международным опытом, движется в сторону поиска справедливого балан-

---

[1067] См.: *Сучкова М.* Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против России: ответственность государства по долгам унитарных предприятий. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 года // Международное правосудие. 2015. № 1 (13). С. 5.

са интересов, поскольку ответственность должна быть дифференцированной и соразмерной степени вины и влияния каждого из контролирующих лиц – как руководителя, так и учредителя-собственника.

Список использованной литературы

1. *Марценюк, А. Г.* Привлечение к субсидиарной ответственности собственника имущества и руководителей муниципальных унитарных предприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства: актуальные вопросы правоприменения / А. Г. Марценюк // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 4. – С. 76–85.
2. *Сучкова, М. А.* Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против России: ответственность государства по долгам унитарных предприятий. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 года / М. А. Сучкова // Международное правосудие. – 2015. – № 1 (13). – С. 3–9.

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ ПРИ ПРОДАЖЕ ДОЛИ ОДНИМ ИЗ УЧАСТНИКОВ

Марина Сергеевна Мережкина
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
meregkina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы защиты прав сособственников при продаже доли в праве общей собственности на недвижимость постороннему лицу. Анализируется вопрос нотариального удостоверения указанных сделок и реализация цели защиты прав сособственников при нотариальном удостоверении. Предлагаются изменения в законодательство с целью улучшения защиты прав сособственников.

Ключевые слова: право собственности; доля; сособственники; нотариальное удостоверение.

Среди существующих форм сделок необходимо особо выделить письменную форму с нотариальным удостоверением (ст. 163 Гражданского кодекса Российской Федерации)[1068].

Нотариальное удостоверение сделки обеспечивает законность ее заключения, способствует стабильности гражданского оборота, снижает количество судебных споров.

Введение нотариального удостоверения применительно к тем или иным сделкам обосновывают именно необходимостью защиты прав субъектов гражданского оборота.

29 декабря 2015 года вступили в силу положения Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты»[1069], которым были

[1068] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (далее – ГК РФ).

[1069] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 11.

внесены изменения, в том числе в Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»[1070]. Обязательному нотариальному удостоверению стали подлежать сделки по продаже доли в праве общей собственности на объект недвижимости постороннему лицу.

В действующем Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости»[1071] аналогичная норма содержится в ч. 1.1 ст. 42.

Условием законности совершения сделки по продаже доли является соблюдение преимущественного права покупки участника долевой собственности, предусмотренного ст. 250 ГК РФ.

Очевидно, что установление требования обязательного нотариального удостоверения сделок по продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу направлено на контроль нотариусом соблюдения преимущественного права сособственников. Если предположить, что установление обязательного нотариального удостоверения указанных сделок направлено на соблюдение таких общих требований закона, как проверка дееспособности участников сделки, их воли на совершение сделки, проверка законности содержания сделки, то мы придем к выводу о необходимости установления нотариального удостоверения всех сделок.

Методические рекомендации по проверке нотариусом соблюдения преимущественного права покупки участника долевой собственности при удостоверении договоров по продаже доли в праве общей собственности на недвижимое имущество постороннему лицу, утвержденные решением Правления Федеральной нотариальной палаты (протокол № 03/16 от 28 марта 2016 г.)[1072], закрепляют порядок такой проверки.

В Методических рекомендациях (п. 2.1) содержатся требования к извещению сособственников: в извещении должны быть указаны объект продажи и цена продажи. С учетом сложившейся практики оборота недвижимости в извещении должны быть указаны и другие значимые для сторон условия, например: порядок расчетов; сохранение установленного законом права зало-

---

[1070] О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним : Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594 (утратил силу).

[1071] О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4344.

[1072] О направлении Методических рекомендаций по проверке нотариусом соблюдения преимущественного права покупки участника долевой собственности при удостоверении договоров по продаже доли в праве общей собственности на недвижимое имущество постороннему лицу : Письмо ФНП от 31 марта 2016 г. № 1033/03-16-3 (вместе с Методическими рекомендациями по проверке нотариусом соблюдения преимущественного права покупки участника долевой собственности при удостоверении договоров по продаже доли в праве общей собственности на недвижимое имущество постороннему лицу, утв. решением Правления ФНП (протокол от 28 марта 2016 г. № 03/16)) // https://legalacts.ru/doc/pismo-fnp-ot-31032016-n-103303-16-3-o/ (далее – Методические рекомендации).

га при рассрочке платежа или нет; наличие лиц, сохраняющих право пользования в жилых помещениях; сроки передачи имущества и т.д.

При проверке адреса направления извещения Методические рекомендации исходят из того, что нотариус должен полагаться на добросовестность участников гражданских правоотношений, презюмируемую ст. 10 ГК РФ.

В связи с этим при передаче извещения продавца нотариусом в порядке, предусмотренном ст. 86 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[1073], нотариус не проверяет достоверность предоставленных заявителем сведений о сособственнике и адресе, по которому должно быть направлено извещение.

По смыслу п. 1 ст. 165.1 ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, должно быть направлено по адресу его регистрации по месту жительства или пребывания либо по адресу, который гражданин указал сам (например, в тексте договора), либо его представителю (п. 1 ст. 165.1 ГК РФ).

В соответствии с Методическими рекомендациями, если лицу, направляющему сообщение, известен адрес фактического места жительства гражданина, сообщение может быть направлено по такому адресу.

В случае отсутствия сведений о регистрации участника долевой собственности по месту жительства или пребывания, в том числе в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, в Федеральной миграционной службе, допускается направление извещения по адресу места нахождения имущества (п. 2.7 Методических рекомендаций). При этом с 1 марта 2023 года при получении третьим лицом выписки из ЕГРН закон ограничил доступ к персональным данным правообладателей – физических лиц[1074]. Получить выписку из ЕГРН, содержащую сведения о фактическом месте жительства гражданина, сообщенном им самим, при совершении сделок с недвижимостью в случае обращения гражданина с просьбой направить извещение о продаже доли нотариус не вправе.

Таким образом, при направлении, а далее при проверке надлежащего извещения о продаже доли нотариус полагается на сведения об адресе фактического места жительства, имеющиеся у гражданина, направляющего извещение, либо – при отсутствии таких сведений – направление извещения производится по адресу места нахождения имущества. Во втором случае Методические рекомендации также полагаются на добросовестность собственника, который должен предпринять необходимые меры для получения корреспонденции по адресу принадлежащего ему объекта недвижимости.

[1073] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I // Российская газета. 1993. 13 марта.

[1074] О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации о признании утратившей силу части 14 статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5233.

При отсутствии возможности нотариуса проверить адрес фактического места жительства сособственника, на который должно было быть направлено извещение о продаже доли, преимущества нотариального удостоверения продажи доли теряют смысл. Неочевидно, какие преимущества в настоящее время имеет нотариальное удостоверение сделки по продаже доли в праве общей собственности на объект недвижимости постороннему лицу перед ранее действовавшим порядком, при котором надлежащее извещение о продаже доли проверялось непосредственно государственным регистратором при регистрации перехода права собственности на долю.

В связи с изложенным полагаем, что необходимо внести изменения в Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных», отдельные законодательные акты Российской Федерации о признании утратившей силу части 14 статьи 30 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», предоставив нотариусу право получать сведения ЕГРН об адресе фактического места жительства сособственника при направлении извещения о продаже доли в праве общей собственности на объект недвижимости. Законодательно необходимо установить обязанность нотариального направления извещения, при этом закрепить запрет на разглашение указанных сведений обратившемуся за направлением извещения лицу. В этом случае нотариальное удостоверение сделки по продаже доли в праве общей собственности на объект недвижимости постороннему лицу сохранит свою логику. Гражданин – сособственник доли получит возможность внести в данные ЕГРН единый адрес для направления извещений по всем принадлежащим ему объектам недвижимости, сняв с себя обязанность контролировать поступление корреспонденции по всем адресам имеющихся объектов недвижимости.

При несогласии с такого рода законодательными изменениями, полагаем необходимой отмену нотариального удостоверения сделок по продаже доли в праве общей собственности на объект недвижимости, поскольку при сложившемся законодательном регулировании возложенные на такое удостоверение функции оно не выполняет, лишь вынуждает участников сделки нести дополнительные расходы.

Список использованной литературы

1. *Корсик, К. А.* Нотариальная форма сделок с недвижимостью / К. А. Корсик // Нотариальный вестник. – 2022. – № 12.
2. *Левушкин, А. Н.* Новые нотариальные действия: современные реалии, оценка законодательных изменений и перспективы их правоприменения / А. Н. Левушкин, И. В. Долганова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 3. – С. 9.
3. *Наземцев, Д. М.* Проблемы применения правил о нотариальной форме сделок с долями в праве собственности на недвижимое имущество / Д. М. Наземцев // Нотариальный вестник. – 2023. – № 3.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Олеся Насировна Фаталиева
студентка 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
fatalieva.o06@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется зарубежный опыт регулирования банкротства физических лиц и возможности его адаптации в российской правовой системе. Рассматриваются правовые модели США, стран Европейского Союза и Азии, уделяется внимание процедурам реструктуризации долгов и институту «второго шанса» для добросовестных должников. На основе сравнительно-правового анализа выдвигаются предложения по совершенствованию российского законодательства о несостоятельности (ФЗ № 127-ФЗ), направленные на гуманизацию процедур, ускорение освобождения от долгов и усиление социально-экономической эффективности института банкротства.

Ключевые слова: правовые модели; банкротство физических лиц; реструктуризация; реабилитация.

Институт банкротства физических лиц в России сравнительно молод: он был введен Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ и действует с октября 2015 г.[1075] Однако уже спустя почти десятилетие практика выявила ряд структурных проблем: длительность процедур, высокий порог для подачи заявления, ограниченные механизмы реструктуризации и слабая экономическая реабилитация должников.

Между тем международный опыт показывает, что институт личного банкротства способен служить не только инструментом ликвидации долгов, но и механизмом социально-экономической реабилитации граждан – так на-

[1075] О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования реабилитационных процедур, применяемых в отношении гражданина-должника : Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 476-ФЗ.

зываемым *fresh start* («второй шанс»). Изучение зарубежных моделей позволяет определить направления реформирования отечественного законодательства.

Правовые модели банкротства физических лиц в зарубежных странах:

1. США: концепция «второго шанса» и гибкая реструктуризация

Американская система личного банкротства регулируется *Bankruptcy Code* (*Title* 11 *U.S.C.*). Ключевая особенность – наличие двух процедур:

Chapter 7 – ликвидационная, когда имущество должника реализуется для погашения долгов, а оставшиеся обязательства списываются;

Chapter 13 – реструктуризационная, предусматривающая составление *repayment plan* на срок до 5 лет[1076].

В США приоритетом является *fresh start*: добросовестный должник получает освобождение от долгов после завершения процедуры, что стимулирует его экономическую активность и снижает социальную напряженность.

2. Европейский союз: баланс интересов кредиторов и должников

В государствах ЕС действуют разные подходы, однако большинство стран (Германия, Франция, Испания, Польша) реализуют положения Директивы (ЕС) 2019/1023 о реструктуризации и освобождении от долгов. Эта директива закрепляет:

– право на освобождение от долгов в течение максимум трех лет после начала процедуры;

– стимулирование досудебных соглашений с кредиторами;

– обязанность государств обеспечивать доступность процедуры, в том числе для малоимущих граждан.

Немецкая модель (*Insolvenzordnung*) сочетает судебное производство и *Restschuldbefreiung* – освобождение от долгов при условии добросовестности должника. Французская система (*procédure de rétablissement personnel*) позволяет избежать ликвидации имущества при минимальной задолженности[1077].

3. Великобритания: гибкость и реабилитация

Великобритания использует три формы: *bankruptcy*, *individual voluntary arrangement* (*IVA*) и *debt relief order* (*DRO*)[1078].

Особенность – упрощенная процедура *DRO* для должников с малым доходом и активами менее £2 000. Освобождение от долгов наступает через 12 месяцев, а информация о банкротстве хранится ограниченный срок.

Эта модель показывает, как можно сочетать интересы кредиторов с сохранением экономической активности гражданина.

4. Азия: социально-государственный подход

В Японии и Южной Корее процедуры личного банкротства акцентированы на социальной реабилитации: должник проходит программу финансово-

---

[1076] U.S. Bankruptcy Code (Title 11 U.S.C.), Chapters 7 и 13.

[1077] Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council on preventive restructuring frameworks and discharge of debt.

[1078] Insolvency Act 1986 (UK) и последующие поправки.

го консультирования, а освобождение от долгов допускается при доказанной утрате платежеспособности. Государство активно содействует реструктуризации через государственные агентства.

Проблемы и пробелы российского регулирования:

Длительность процедур и высокая стоимость (госпошлина, вознаграждение управляющему, оценка имущества).

Недостаточная защита добросовестных должников: отсутствие правового механизма *fresh start*, длительный срок ограничения повторного банкротства (5 лет).

Ограниченные возможности реструктуризации: редкое использование мировых соглашений, формальный характер планов погашения.

Отсутствие института финансового консультирования и программ реабилитации.

Недостаточная цифровизация процесса и слабая интеграция с налоговыми, социальными и кредитными системами.

Предложения по совершенствованию законодательства (новизна исследования):

На основе анализа зарубежного опыта предлагаются следующие меры для реформирования российского института банкротства физических лиц:

1. Введение института «второго шанса»:

Внести изменения в ФЗ № 127-ФЗ, предусматривающие возможность полного освобождения добросовестного должника от обязательств по истечении трех лет после завершения процедуры, независимо от степени удовлетворения требований кредиторов[1079].

2. Упрощенная процедура для граждан с малым доходом:

Создать упрощенный механизм банкротства, аналогичный британскому *Debt Relief Order*:

– задолженность до 1 млн руб.;

– доход ниже прожиточного минимума;

– отсутствие ликвидного имущества;

– срок процедуры – не более 6 месяцев, без суда, через МФЦ.

3. Введение института финансового консультирования:

До подачи заявления должник обязан пройти консультацию у финансового омбудсмена или независимого консультанта, который оценивает возможность реструктуризации и предупреждает злоупотребления.

4. Усиление реструктуризационных механизмов:

Ввести обязательный этап досудебного урегулирования (аналог *pre-insolvency procedure* в ЕС), где должник и кредиторы при поддержке медиатора могут согласовать план реструктуризации.

5. Электронизация процедур:

Создание единой цифровой платформы банкротства физических лиц, объединяющей подачу документов, регистрацию кредиторов, взаимодействие с банками и ФНС. Это повысит доступность и снизит издержки.

[1079] О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ.

Зарубежный опыт демонстрирует, что институт банкротства физических лиц может выполнять не только фискальную, но и социально-реабилитационную функцию. Для России важно переосмыслить назначение этой процедуры: она должна стать инструментом восстановления экономической активности граждан, а не только удовлетворения кредиторов[1080].

Реализация предложенных изменений – сокращение сроков освобождения, введение упрощенных процедур, цифровизация и финансовое консультирование – позволит российскому праву приблизиться к современным мировым стандартам и повысить эффективность института несостоятельности.

Список использованной литературы

Круглова, Н. В. Институт банкротства граждан в России: проблемы и перспективы реформирования / Н. В. Круглова // Журнал российского права. – 2024. – № 10.

[1080] См.: *Круглова Н. В.* Институт банкротства граждан в России: проблемы и перспективы реформирования // Журнал российского права. 2024. № 10.

Российская конституция: современное право и традиционные ценности

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ТРАДИЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Александр Владимирович Абрамов
студент 2-го курса юридического факультета
Средне-Волжского государственного университета, г. Саранск, Россия
ghost12349@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена усилением информационного противоборства на международной арене и попытками фальсификации истории, представляющими угрозу национальной безопасности и конституционным устоям Российской Федерации. Целью исследования является комплексный анализ конституционно-правового закрепления защиты исторической правды как фундаментальной ценности и выявление эффективных правовых механизмов ее обеспечения. В работе проанализированы нормы Конституции РФ, а также развитие отечественного законодательства, направленного на криминализацию реабилитации нацизма и противодействие иностранному влиянию в исторической сфере. В результате мы пришли к выводу, что защита исторической правды, будучи неразрывно связанной с традицией патриотизма, эволюционировала в полноценный элемент духовно-правового фундамента российской государственности, обеспечивающий суверенитет и конституционный строй.

Ключевые слова: историческая правда; конституционные ценности; защита исторической памяти; фальсификация истории; реабилитация нацизма; патриотизм; государственный суверенитет.

В современной геополитической реальности, характеризующейся высокой динамикой трансформации международных отношений и обострением информационного противоборства, вопрос сохранения исторической памяти приобретает характер фундаментальной основы государственного суверенитета и национальной идентичности. Для Российской Федерации, чья история неразрывно связана с трагическими и героическими событиями XX века, защита исторической правды о Великой Отечественной войне и о ключевых

этапах становления государственности трансформировалась из сугубо академической или морально-нравственной категории в полноценную конституционную ценность.

Так, Основной Закон Российской Федерации в п. 2 ст. 67.1 закрепляет: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство»[1081]. Таким образом, нормативное закрепление защиты исторической правды, как конституционной ценности России, обусловлено нарастающими попытками пересмотра итогов Второй мировой войны, реабилитации нацистской идеологии и ее пособников, что представляет собой прямую угрозу как международной безопасности, так и конституционным устоям России.

Особую остроту проблеме защиты исторической правды придает ее международный контекст, в котором ключевую и крайне деструктивную роль играют страны постсоветского пространства, а также государства – члены НАТО. Процесс реабилитации нацизма и национализма в ряде стран Восточной Европы и Прибалтики представляет собой целенаправленную политику, имеющую глубокие исторические и геополитические корни.

Так, П. А. Астафичев отмечает, что одним из инструментов этой политики стало идеологическое и историческое обоснование русофобии, которое зачастую строилось на реабилитации местных коллаборационистских движений времен Второй мировой войны, представлявших их в качестве «борцов за национальную независимость» против «советского тоталитаризма»[1082].

На постсоветском пространстве и в странах Восточной Европы начала активно насаждаться идеологическая платформа, основанная на двух ключевых тезисах: тотальной критике исторической роли СССР, включая принижение его вклада в победу во Второй мировой войне, и отождествлении современной России с «советским тоталитарным наследием». Таким образом, это поспособствовало формированию устойчивой русофобской риторики.

В исторической литературе ряд отечественных авторов, впоследствии признанных иностранными агентами, стали принижать заслуги Советского Союза в победе над нацизмом. Зарубежные историки в своих работах вторили в том же ключе. В последнее время русофобия и искажение исторической правды только увеличивается. Так, в частности, принятие на Украине зако-

---

[1081] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «Гарант».

[1082] *Астафичев П. А.* Обеспечение исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4., № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschity-istoricheskoy-pravdy-kak-novyy-printsip-v-konstitutsionnom-prave-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 29.11.2025).

на от 21 августа 2025 г. «Об основах государственной политики национальной памяти Украинского народа» направлено на построение целостной системы контроля над исторической памятью и правдой. Содержание закона характеризуется признанием коммунистического режима в СССР «тоталитарным и преступным», ставя его на «один уровень» с нацистским режимом, и, как следствие, проведением так называемой чистки публичного пространства от символики и идеологического наследия коммунистического прошлого. Закон создает новую, упрощенную и политически удобную мифологическую версию истории.

Именно поэтому Российская Федерация, как преемница СССР, ставит своей задачей борьбу с фальсификацией истории Великой Отечественной войны. Этот процесс был не «навязан сверху», а стал «ответом на запрос общества», ощущавшего «необходимость в восстановлении исторической преемственности и национального достоинства»[1083]. Государство, в свою очередь, активно включилось в формирование политики памяти, что выразилось в создании таких институтов, как Российское военно-историческое общество, в запуске масштабных проектов типа «Бессмертный полк», ставшего всенародной гражданской инициативой, и в принятии упомянутого выше антиревизионистского законодательства. Таким образом, защита исторической правды стала элементом формирования новой российской гражданской идентичности, основанной на патриотизме и суверенитете.

Знаковым событием развития идеи защиты исторической правды стало принятие Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», который установил правовые основы сохранения памяти о великом подвиге и закрепил «недопустимость отрицания решающей роли советского народа в разгроме нацизма»[1084].

Однако наиболее жесткую и системную правовую позицию государство обозначило в последнее десятилетие, что является прямым ответом на эскалацию исторического ревизионизма на международной арене. Федеральный закон от 19 мая 2023 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» существенно ужесточил ответственность за реабилитацию нацизма. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 354.1, устанавливающей уголовную ответственность за «публичное распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», а также «за публичное

1083 *Астафичев П. А.* Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pravda-kak-kategoriya-sovremennogo-konstitutsionnogo-prava-opyt-konstitutsionnyh-popravok-2020-g/viewer (дата обращения 29.11.2025).

1084 Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ // СПС «Гарант».

одобрение преступлений нацистского режима, отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацизма»[1085]. Данная правовая норма является прямым инструментом защиты конституционной ценности исторической правды, создавая юридический барьер для распространения деструктивных идеологий.

С 1 января 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». Как отмечает П. А. Астафичев: «принятие закона является ответом на попытки в некоторых странах пересмотреть итоги Второй мировой войны, преуменьшить или отрицать преступления нацизма и его пособников»[1086]. Таким образом, целью данного нормативного акта является «сохранение исторической памяти о целенаправленном уничтожении гражданского населения на оккупированных территориях, которое осуществлялось по расовым, национальным и иным мотивам»[1087].

Защита исторической правды является обороной не только прошлого, но и будущего страны, ее конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, что прямо вытекает из смысла ст. 4 Конституции РФ, гарантирующей «целостность и неприкосновенность территории Российской Федерации, что включает в себя и информационно-историческое пространство».

В заключение необходимо констатировать, что защита исторической правды в Российской Федерации эволюционировала от моральной категории до полноценной конституционной ценности, находящей свое выражение в системе конкретных правовых механизмов. Конституционные нормы создают нормативную основу для противодействия попыткам фальсификации истории. Развитие уголовного и административного законодательства в части запрета реабилитации нацизма демонстрирует готовность государства защищать эту ценность самыми жесткими средствами.

1085 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «Гарант».

1086 Астафичев П. А. Обеспечение исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschity-istoricheskoy-pravdy-kak-novyy-printsip-v-konstitutsionnom-prave-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 29.11.2025).

1087 Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ // СПС «Гарант».

Список использованной литературы

1. *Астафичев, П. А.* Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. / П. А. Астафичев // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 5. – С. 116–121. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pravda-kak-kategoriya-sovremennogo-konstitutsionnogo-prava-opyt-konstitutsionnyh-popravok-2020-g/viewer (дата обращения 29.11.2025).
2. *Астафичев, П. А.* Обеспечение исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России / П. А. Астафичев // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 5–11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-zaschity-istoricheskoy-pravdy-kak-novyy-printsip-v-konstitutsionnom-prave-sovremennoy-rossii/viewer (дата обращения: 29.11.2025).

ВОЗРАСТНОЙ ЦЕНЗ КАК УГРОЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЮ ВЛАСТИ, ИЛИ ПРАВОВЫЕ ПРОБЕЛЫ В ВОПРОСЕ ФОРМИРОВАНИЯ «ВЕРХНЕЙ» ПАЛАТЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асият Солтанбековна Аташева
студентка 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
cyberlemon13@gmail.com

Аннотация. В статье обозначается пробел в законодательстве о порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, рассматривается вопрос о целесообразности существующего возрастного ценза для сенаторов, предлагается и обосновывается решение по соответствующему вопросу, который вытекает непосредственно из пробела. В научно-исследовательской работе мы пришли к выводу о необходимости снижения ценза возраста для сенаторов и привели к этому соответствующие доводы и аргументы.

Ключевые слова: Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; возрастной ценз; депутаты; законодательство.

Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации вызывал и до сих пор вызывает множество вопросов, порождающих различные дискуссии среди ученых – юристов, теоретиков и исследователей. В частности, вопросы касаются полномочий Президента РФ в формировании состава Совета Федерации, «представительности» органа Совета Федерации, требований, предъявляемых к кандидатам на должность сенатора РФ, в том числе повышения возрастного ценза от 30 лет до 35 и так далее[1088].

Тем не менее не столь популярным является вопрос о существующей, на наш взгляд, не менее важной проблеме возрастного ценза как угрозы формирования «верхней» палаты парламента РФ. И в данном случае речь идет

[1088] См.: Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://council.gov.ru/events/news/15745/

не столько о повышении возрастного ценза с целью назначения на должность более опытного потенциального сенатора РФ, а о пробеле в законодательстве, из которого вытекает необходимость урегулирования данного вопроса либо путем снижения возрастного ценза, предъявляемого к сенаторам, до 21 года, либо повышением его до 30 лет в отношении депутатов законодательного (представительного) органа субъекта РФ. О статусном различии между парламентариями обеих палат в свое время высказывался также В. Л. Шейнис: «Возникает вопрос: реализация каких функций Совета Федерации требует большего жизненного опыта, чем у депутатов Думы?»[1089].

Статья 95 Конституции РФ предусматривает, что Совет Федерации состоит из сенаторов. В него входят по два представителя от каждого субъекта: по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти – на срок полномочий соответствующего органа. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» сенатором может быть гражданин Российской Федерации, достигший 30 лет[1090].

В соответствии со ст. 61 Конституции РД депутатом Народного Собрания Республики Дагестан может быть избран гражданин Российской Федерации, достигший 21 года, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, и обладающий в соответствии с федеральным законом, законом Республики Дагестан пассивным избирательным правом.

Из вышесказанного вытекает вопрос: как быть, если в законодательный орган государственной власти субъекта РФ будут избраны депутаты до 30 лет? В данном случае представительство от данного органа власти субъекта РФ в Совет Федерации представляется невозможным в связи с несоблюдением ценза «возраста».

Не будем прибегать к рассуждениям о том, насколько реальна ситуация, при которой все депутаты представительного органа субъекта (в нашем случае – Республики Дагестан) окажутся моложе 30 лет. Тем не менее отрицать наличие пробела невозможно, и требуется его восполнение. На наш взгляд, необходимо именно понижение возрастного ценза, предъявляемого на должность сенатора Совета Федерации, – 21 год. В этом случае все депутаты законодательного (представительного) органа будут иметь возможность стать сенаторами. Это также явится стимулом для них уже в молодом возрасте набираться опыта и повышать свою правовую грамотность, стремиться к луч-

---

[1089] *Шейнис В. Л.* Как реформировать Совет Федерации // Газета «Независимая» : сайт. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-05-31/8_sov_fed.html

[1090] О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 439-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

шим результатам в своей деятельности. России нужны новые, свежие и молодые умы.

А к вопросу об их «опытности», о которой так часто говорят противники понижения возрастного ценза для сенаторов и сторонники его повышения, у нас есть простой и логичный ответ. Среди требований к кандидатам в сенаторы Российской Федерации есть те, которые в достаточной мере отсекают все сомнения в их подготовленности и экспертности. В частности, это требование безупречной репутации, о которой так много дискуссий среди юристов. Тем не менее оно представляется нам не менее ключевым. Стоит отметить, что своеобразным поручителем за репутацию члена Совета Федерации является региональный орган законодательной власти, который сенатор и будет представлять. Также необходимо отметить, что окончательное решение о наделении полномочиями сенатора Российской Федерации принимается Президентом Российской Федерации.

Таким образом, пробел в части различий возрастного ценза для депутатов и сенаторов представляется существенным и может нести угрозу формирования «верхней палаты» Федерального Собрания Российской Федерации, а также стать барьером в реализации и развитии своего потенциала для депутатов. Мы находим нецелесообразным такое ограничение и считаем важным, в первую очередь, избавится от такого пробела в целях совершенствования законодательства.

Список использованной литературы

1. *Айвазян, С. А.* Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / С. А. Айвазян // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-formirovaniya-soveta-federatsii-federalnogo-sobraniya-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 06.09.2025).
2. *Булаков, О. Н.* Развитие Совета Федерации Российской Федерации / О. Н. Булаков // Образование и право. – 2021. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-soveta-federatsii-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 06.09.2025).

ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ РФ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Виктория Геннадьевна Борисова-Жарова
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России);
доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству», г. Москва, Россия
vzharova@yahoo.com

Аннотация. Институт совместного завещания в Российской Федерации имеет относительно недавнюю историю – он появился с 1 июня 2019 года. Ранее супруги могли делать распоряжения лишь своими долями в совместной собственности, как отдельные завещания. Предпосылки возникновения совместного завещания связаны с необходимостью систематизации порядка распоряжения общей собственностью супругов, что особенно важно в случае наследования после их кончины. В настоящей статье проведен комплексный анализ данного института, введенного Гражданским кодексом РФ: рассмотрены его основные характеристики, условия составления, юридические последствия и практика применения.

Ключевые слова: совместное завещание супругов; завещание; супруги; наследственная масса; нотариус; завещательные распоряжения; совместная собственность.

Совместное завещание супругов представляет собой правовой документ, в котором супруги вместе устанавливают правила распоряжения как общей, так и личной собственностью в случае ухода из жизни одного из них или обоих одновременно. В российском праве такой вид распоряжения имуществом возник относительно недавно. В традиционном завещании волеизъявление исходит от одного человека, тогда как в совместном варианте оно отражает общую волю супругов о распределении их имущества на случай смерти одного либо обоих супругов.

Пункт 4 ст. 1118 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что совместное завещание супругов – это один составленный совместно документ, посредством которого супруги распоряжаются имуществом, принадлежащим им на праве общей совместной или личной собственности[1091]. Таким образом, в этом определении выявляются ключевые признаки, отличающие совместное завещание от индивидуального.

1. Право на составление совместного завещания имеют лишь официально зарегистрированные супруги. Внебрачные отношения, даже при продолжительном совместном проживании и ведении общего хозяйства, такого права не предоставляют.

При сожительстве мужчины и женщины без регистрации брака закон предоставляет два варианта оформления наследственных прав: составление индивидуальных завещаний либо заключение наследственного договора.

Расторжение брака либо его признание недействительным влечет утрату юридической силы завещания, которым оформлялась воля супругов. Между брачным статусом и юридической значимостью завещательного распоряжения существует прямая связь – прекращение брачных отношений порождает недействительность совместного завещания[1092].

2. Совместное завещание подлежит такой же конфиденциальности, как и завещание, составлявшееся каждым наследодателем отдельно. Участники не вправе разглашать его содержание, информировать о внесенных корректировках или об отмене завещания до момента вступления наследства в права наследников. Нарушение этих правил несет не только этические последствия, но и юридическую ответственность.

Нотариус и исполнитель завещания вправе сообщать содержание завещания лишь в отношении имущества умершего супруга и его распоряжения. При этом иные сведения остаются закрытыми до момента смерти пережившего супруга[1093].

3. Каждый из супругов сохраняет право в любой момент отменить совместное завещание (даже после смерти второго супруга) или составить новое, включая закрытое[1094].

При оформлении нового завещания, которое составляет один из супругов, нотариус обязан уведомить второго супруга об этом – это предписано ст. 1118 ГК РФ. Нотариус информирует второго супруга о том, что первый супруг отменил совместное завещание. Последующее завещание отменяет предыдущее, но только в части, где между ними существуют расхожде-

---

1091 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552 (далее – ГК РФ).

1092 См.: *Цыбульская А. Д.* Актуальные проблемы совместных завещаний супругов // Молодой ученый. 2020. № 18 (308). С. 341-343.

1093 См.: Там же.

1094 См.: *Герасимов Е. В.* Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 58-6. С. 21–23.

ния. Если же аннулируется последнее завещание, то применяется предыдущее.

4. Необходимо, чтобы оба супруга одновременно присутствовали у нотариуса для оформления совместного завещания. Содержание завещания может быть написано супругами собственноручно либо нотариусом с их слов. Также допустимо составление документа с использованием технических устройств, например, компьютера или пишущей машинки. Вне зависимости от способа подготовки текста, супруги должны подписать завещание вместе и одновременно – свидетельство их единого волеизъявления.

Согласно ст. 1127 ГК РФ, оформление совместного завещания супругов допускается только нотариусом. В случаях, когда закон разрешает составить так называемое приравненное к нотариальному завещание через уполномоченных должностных лиц – к примеру, руководителя арктической экспедиции, капитана судна, главного врача больницы – эти способы удостоверений возможны лишь для личных завещательных распоряжений и не распространяются на совместные завещания.

Правила оформления завещаний в чрезвычайных ситуациях (пожар, угроза жизни) также не применяются к совместному завещанию: при возникновении угрозы жизни выразить свою последнюю волю в простой письменной форме можно лишь при составлении индивидуального завещания. Совместное завещание требует обязательного нотариального заверения. Даже в критических ситуациях оформить совместное завещание в простой письменной форме невозможно, и супругам придется составлять отдельные завещания (ст. 1129 ГК РФ).

В соответствии с положениями ст. 1126 ГК РФ, оформление супругами совместного закрытого завещания не допускается и будет считаться недействительным. Оформление совместных завещаний подлежит обязательному нотариальному удостоверению, что способствует соблюдению прозрачности процедур и предотвращению злоупотреблений.

Следует также отметить ряд дополнительных аспектов, среди которых:

Порядок действий при оформлении совместного завещания начинается с устного разъяснения нотариусом правил конфиденциальности. Специалист информирует супругов о недопустимости разглашения содержимого документа до даты открытия наследственного дела. При этом супруги вправе обсуждать детали завещания исключительно между собой, а любое распространение информации за пределами семейного круга может стать поводом для инициирования судебных разбирательств.

Нотариус обязан обеспечить видеозапись процесса удостоверения совместного завещания, что служит гарантией добровольности и осознания действий каждого из завещателей. Однако существует право отказаться от такой записи, что закреплено в ст. 1125 ГК РФ; в этом случае производится оформление документа без фиксации видеоматериалов.

Для юридической корректности текста совместного завещания нотариус заменяет термин «завещатель» на множественное число – «завещатели» –

и удостоверяет факт заключения брака, что подтверждает супружеский статус лиц, участвующих в оформлении наследственного распоряжения, и исключает возможность составления такого документа посторонними лицами[1095].

Законодательный акт предоставляет супругам многообразие прав и обязанностей, обеспечивая возможность адаптации его положений под особенности каждой конкретной семьи. В перечень элементов, включаемых в содержание такого документа, входят:

– назначение наследников. Супруги могут составить завещание как в отношении общей собственности, так и в отношении принадлежащего каждому личного имущества, оставляя наследство как родственникам, так и любым третьим лицам. Однако при этом важно учитывать право определенных категорий родственников на обязательную долю в наследстве;

– определение долей. В тексте завещания возможно зафиксировать конкретные доли в наследственном имуществе для всех наследников; распределение этих долей может быть как одинаковым, так и дифференцированным, согласно соглашению супругов;

– распределение имущества по видам. Закон позволяет супругам заблаговременно договориться о распределении наследственного имущества после смерти каждого из них, указав, кому из наследников передается квартира или дача, несмотря на различия в рыночной стоимости объектов;

– лишение наследников по закону. Супруги могут отказать в наследстве одному или всем наследникам без необходимости объяснения причин, за исключением тех, кто имеет право на обязательную долю – несовершеннолетних детей, нетрудоспособных наследников первой очереди и иждивенцев;

– особые распоряжения. В совместное завещание супругов можно также включить дополнительные условия, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, к которым относятся назначение исполнителя завещания, а также наложение обязательств на наследников, например, по уходу за определенным лицом или поддержанию имущества в надлежащем состоянии;

– последствия одновременной смерти супругов. Совместное завещание супругов предоставляет возможность заблаговременно определить условия раздела имущества на случай одновременной кончины супругов. Например, супруги могут установить в совместном завещании, что имущество, которое принадлежит им при жизни на праве совместной собственности, после смерти одного из них целиком переходит в собственность пережившего супруга. А после кончины второго из супругов все имущество распределяется между наследниками, например, так: квартира предоставляется дочери, автомобиль и гараж – сыну, дача – родителям[1096].

[1095] См.: Рассказова Н. Ю. Совместное завещание супругов и основанные на нем права: трудности правоприменения // Закон. 2024 – № 4. С. 110–119 https://zakon.ru/publication/igzakon/10674 (дата обращения: 29.11.2025).

[1096] См.: Там же.

Обобщая все изложенное в настоящей статье, делаем вывод, что совместное завещание предоставляет супругам, состоящим в зарегистрированном браке, широкий спектр возможностей для самостоятельного распоряжения своим имуществом (в том числе и бизнесом) на случай смерти каждого из них или одновременной кончины, в интересах близких родственников и других наследников. Вместе с тем закон несколько ограничивает свободу волеизъявлений необходимостью учитывать интересы лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве.

Список использованной литературы

1. *Антонова, А. А.* Совместное завещание супругов как новый институт гражданского права / А. А. Антонова // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. Конф. – Пенза, 2020. – С. 59–61.
2. *Герасимов, Е. В.* Совместное завещание супругов: вопросы толкования и применения / Е. В. Герасимов // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 58-6. – С. 21–23.
3. *Рассказова, Н. Ю.* Совместное завещание супругов и основанные на нем права: трудности правоприменения / Н. Ю. Рассказова // Закон. – 2024 – № 4. – С. 110–119. https://zakon.ru/publication/igzakon/10674 (дата обращения: 29.11.2025)
4. *Цыбульская, А. Д.* Актуальные проблемы совместных завещаний супругов / А. Д. Цыбульская // Молодой ученый. – 2020. – № 18 (308). – С. 341–343.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Виктория Евгеньевна Буракова
студентка 1-го курса Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
bvika_06@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль традиционных ценностей в формировании конституционной основы развития российского государства. Анализируется понятие традиционных ценностей, их закрепление в Конституции Российской Федерации и влияние на различные сферы жизни общества. Подчеркивается важность сохранения и защиты этих ценностей для укрепления суверенитета и обеспечения устойчивого развития России.

Ключевые слова: традиционные ценности; Конституция; российское государство; историческая память; права и свободы.

В настоящее время вопрос о сохранении и укреплении традиционных ценностей приобретает особую актуальность. Для России, с ее богатой историей и уникальной культурой, традиционные ценности являются фундаментом государственности и общества.

Общественное и государственное развитие во многом определяется историческими и традиционными ценностями, отражающими уникальные особенности и путь формирования общества. При этом государство, формируя модель общественных отношений, руководствуется нормами, закрепленными в Конституции.

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» традиционные ценности – это исторически сложившаяся система представлений, норм и практик, передающихся поколениями и формирующих поведенческие модели и идентичность общества[1097]. Закрепление традиционных ценностей

[1097] См.: *Дежнев В. Н., Новикова О. В.* Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 71–74.

в нормативных правовых актах демонстрирует, что государство рассматривает их как основу конституционного строя, культурной идентичности и национальной безопасности. Установленный в указе перечень таких ценностей (жизнь, достоинство, семья, патриотизм, справедливость, гуманизм и др.) возлагает на органы власти обязанность по их защите и продвижению[1098]. Таким образом, обращение к традиционным ценностям в правовом поле выражает стремление государства обеспечить духовное единство общества, устойчивость социальных институтов и сохранение культурной преемственности. Их правовое закрепление свидетельствует о включении морально-нравственных оснований в систему публичного регулирования, что подчеркивает их значимость в структуре российского государственного устройства[1099].

Конституция РФ прямо не использует термин «традиционные ценности», однако ее содержание и принципы воплощают их в правовой форме. Конституционные нормы определяют ценностную основу государства, закрепляя фундаментальные духовно-нравственные ориентиры, исторически сложившиеся в российском обществе[1100]. Через конституционные положения реализуется правовое признание таких основ, как человеческое достоинство, социальная справедливость, коллективизм, патриотизм, приоритет семьи и культуры. Упоминание ценностей в Основном Законе служит юридической опорой для всей системы законодательства[1101].

Следует учитывать и тот факт, что Конституция выполняет не только юридическую, но и мировоззренческую функцию: она закрепляет ключевые ценностные ориентиры, выражающие историческую преемственность и культурную идентичность российского народа, а также является ценностным кодексом государства, в котором выражены и закреплены традиционные представления о добре, справедливости, достоинстве и долге – категории, имеющие духовно-культурное происхождение и общеобязательное значение[1102].

1098 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

1099 См.: *Баева Л. В.* Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. 2021. Т. 1, № 3. С. 8–22; *Дежнев В. Н., Новикова О. В.* Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 71–74.

1100 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

1101 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

1102 См.: *Дежнев В. Н., Новикова О. В.* Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (28). С. 71–74; *Салимова А. Г.* Традиционные ценности как предмет междисциплинарных исследований // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3А. С. 169–175. DOI: 10.34670/AR.2020.20.86.021

Необходимо обратить внимание, что не прописанные напрямую в Конституции РФ традиционные ценности, не теряя своего значения (определения и смысла), трансформируются в Основном Законе, а впоследствии интегрируются и в остальные, в так называемые конституционные ценности. Например, патриотизм и верность Отечеству как духовно-нравственная категория – это одна из центральных традиционных ценностей российского общества. В то же время в Конституции РФ она выражена через нормы о защите суверенитета, территориальной целостности и служении Отечеству. Следовательно, из нравственного идеала осуществляется трансформация в юридическую обязанность и политический принцип государства.

Более того, конституционные ценности определяют необходимые ориентиры законодательного регулирования наиболее важных вопросов функционирования и взаимодействия общества и государства и служат критериями оценки нормативных правовых актов, принятых в развитие конституционных положений, наполняющих последние конкретным нормативным содержанием[1103].

Следует отметить, что в настоящее время прямое конституционное закрепление традиционных ценностей необходимо потому, что оно придает им правовой статус общеобязательных ориентиров, обеспечивая их сохранение, преемственность и защиту от идеологических деформаций. Так, в 2021 г. была принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[1104]. В данном документе традиционные ценности рассматриваются как один из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности страны и признаются приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации.

Как отмечает Л. В. Баева, «традиционные ценности, переходя в юридическую сферу, становятся элементом нормативного порядка, задающим смысловое единство государства и общества»[1105]. Это означает, что закрепление таких ценностей в Конституции РФ позволяет государству формировать единую мировоззренческую основу законодательства и политики. Кроме того, государственное признание традиционных ценностей способствует укреплению культурной идентичности народа и духовной безопасности страны[1106]. Таким образом, конституционное закрепление традиционных ценностей выступает гарантом их устойчивости и непрерывности, превращая морально-культурные ориентиры в основу правовой и государственной системы.

1103 См.: *Суханова А. А.* Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 185 с.

1104 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

1105 См.: *Баева Л. В.* Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. 2021. –Т. 1, № 3. С. 8–22.

1106 См.: *Салимова А. Г.* Традиционные ценности как предмет междисциплинарных исследований // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3А. С. 169–175. DOI: 10.34670/AR.2020.20.86.021.

Итак, традиционные ценности – динамичное и развивающееся явление, так как, сохраняя свою историческую основу, они адаптируются к изменениям общества, культуры и правовой системы. Как отмечает Л. В. Баева, ценности «не существуют вне исторического времени» и «переосмысливаются в новых социальных контекстах»[1107]. Это значит, что традиции не застывают, а переходят из поколения в поколение, обновляясь и приобретая современное звучание, сохраняя при этом связь с культурными корнями.

Традиционные ценности России составляют конституционные правовые основы государства и общества. Они являются важным фактором стабильности и устойчивого развития страны. Защита и укрепление таких ценностей – это гарантия сохранения суверенитета, обеспечения благополучия граждан и преемственности поколений. В условиях современных вызовов, таких как глобализация и информационная война, традиционные ценности играют роль своеобразного иммунитета, защищающего общество от деструктивных влияний. Важно помнить, что традиционные ценности развиваются и адаптируются к меняющимся условиям, сохраняя при этом свою сущность. Роль ценностей в жизни государства и общества огромна. Они формируют моральный компас и определяют систему приоритетов. Традиционные ценности способствуют укреплению семьи, воспитанию патриотизма, развитию культуры и образования. Они являются основой для формирования гражданского общества и правового государства. Защита и укрепление традиционных ценностей в России – это комплексная задача, требующая усилий от всех членов общества. Это задача, решение которой позволит России сохранить свою уникальность и обеспечить процветание в будущем.

Список использованной литературы

1. *Баева, Л. В.* Традиционные ценности: понятие и смыслы / Л. В. Баева // Patria. – 2021. – Т. 1, № 3. – С. 8–22.
2. *Дежнев, В. Н.* Традиционные ценности: к определению понятия / В. Н. Дежнев, О. В. Новикова // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (28). – С. 71–74.
3. *Салимова, А. Г.* Традиционные ценности как предмет междисциплинарных исследований / А. Г. Салимова // Культура и цивилизация. – 2020. – Т. 10, № 3А. – С. 169–175. – DOI: 10.34670/AR.2020.20.86.021
4. *Соловьев, В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 1. – 824 с.
5. *Суханова, А. А.* Конституционные ценности как основа содержания и реализации государственных программ Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Суханова. – Москва, 2025. – 185 с.

[1107] См.: *Баева Л. В.* Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. 2021. Т. 1, № 3. С. 8–22.

«ДРУЖБА НАРОДОВ РОССИИ» КАК ПРИНЦИП РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНЕСЕНИЯ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Даниил Владиславович Ваховский
студент 4-го курса Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
zdaniil.vakhovskiy@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается вопрос актуальности принципа российской государственности «дружба народов России» как традиционной ценности. Обосновываются перспективы конституционализации ценности «дружба народов России» в текст Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: дружба народов России; традиционные ценности; единство народов России; российская цивилизация; духовная безопасность России.

В масштабах социокультурных деструктивных воздействий на российское общество сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – традиционные ценности) как элемента духовной безопасности ставятся во главу угла политики Российской Федерации. В правовом отношении традиционные ценности не только получили свою нормативно-правовую регламентацию в Указе Президента РФ № 809, но и закрепление в тексте Конституции РФ. Актуальность же данной работы обусловлена постановкой вопроса о дополнении традиционных ценностей и конституционно-правовой защиты «дружбы народов России» как принципа российской государственности.

Согласно сведениям ВЦИОМ, от 18 июля 2024 года 60% респондентов уверены, что многонациональность делает Россию сильнее, 81% наших сограждан не испытывают тревоги или страха к представителям других национальностей. В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах относятся к людям других национальностей скорее доброжелательно и спокойно (86% и 87%

соответственно)[1108]. Указанные данные свидетельствуют о положительном межнациональном диалоге и стабильности межнациональных отношений, особенно в федеральных округах с большим представительством различных национальностей и культур.

Традиционно в теории государства наличие государственных герба, флага и гимна выделяется в качестве признака, отличающего государство от догосударственных и негосударственных организаций[1109]. Эти атрибуты служат также элементом идентичности отдельного государства. Основная часть государственного гимна РФ содержит известную гражданам России формулировку «братских народов союз вековой». Для России, уважающей и признающей национальную идентичность всех народов, вопрос мирного созидательного сосуществования народов определяет устойчивость и безопасность страны, а значит, характеризует целостность российской государственности, ее основу. Исторические примеры национальной разобщенности и недоверия между народами РФ стабильно предопределяли кризисы российской государственности, упадок социальной жизни. В целом, мировая практика, напротив, содержит прямо противоположные сценарии, например, в США доминирует концепция ассимиляции, где все граждане равны и наделены одинаковыми правами и обязанностями, независимо от этнического и расового происхождения[1110], что позволяет судить о том, что традиционная ценность «дружба народов» характерна ограниченному количеству государств, но особо актуальна по отношению к нашей стране.

Р. А. Данакари в 2019 году высказал мысль, что «патриотизм и дружба народов – важнейшие детерминанты, специфические свойства, необходимые для интеграции нашей многонациональной федерации, обеспечения порядка и стабильности в стране, ее устойчивого и динамичного развития, постепенного формирования новых надэтнических и надконфессиональных ценностей, общекультурной идентичности»[1111]. Применительно к современному российскому законодательству и его интерпретации, в частности, Указа Президента РФ № 809, «дружба народов России» может быть отнесена к перечню традиционных ценностей наряду с патриотизмом. Многие научные исследования также апеллируют к тесной взаимосвязи и взаимообусловленности «дружбы

[1108] Межнациональные отношения и проблема иммиграции // ВЦИОМ : сайт. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnoshenija-i-problema-immigracii (дата обращения: 05.10.2025).

[1109] См.: *Матузов Н. И., Малько А. В.* Теория государства и права : учебник. 5-е изд. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.

[1110] См.: *Низамова Л. Р.* Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 4. С. 222–233.

[1111] См.: *Арами Д. Р.* Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, №. 5. С. 193–204.

народов» и цивилизационной основы российской государственности, что в условиях правовой апробации концепции традиционных ценностей и на уровне их конституционно-правовой и нормативно-правовой защиты требует учета «дружбы народов» как традиционной ценности[1112].

Отдельное внимание стоит уделить вопросу соотношения категорий «дружба народов» и «единство народов» России. В соответствии со ст. 5 Указа Президента РФ №809, к традиционным ценностям относится «единство народов России». На наш взгляд, важно определить тесную взаимосвязь этих категорий и их отличия. Объем рассматриваемых понятий разнится, категория «единство народов России» может включать в себя «дружбу народов России», но не всегда предполагает ее наличие. Таким образом, «единство народов России» – более широкое понятие, которое включает в себя общность, сотрудничество и консолидирующую основу народов России в рамках единого федеративного государства, а «дружба народов России» – конкретное проявление отношений между народами, основанное на уважении, взаимопомощи и братстве.

Обращаясь далее к вопросу конституционно-правовой защиты ценности «дружба народов», отметим, что, безусловно, знаменателен советский опыт. В Конституции СССР 1977 года в ст. 19 декларировалось, что государство способствует всестороннему развитию и сближению всех наций и народностей СССР. Преамбула включала в себя неоднократные формулировки, фиксирующие ценность «дружбы народов». Советская идеологическая доктрина исходила в-первую очередь из новой исторической общности советского народа. «Дружба народов» транслировалась в числе прочего и за пределы территории СССР, например, в ст. 30 закреплялось, что «СССР как составная часть мировой системы социализма развивает и укрепляет дружбу и сотрудничество, товарищескую взаимопомощь со странами социализма». Таким образом, дружба народов в советской конституции «развитого социализма» проецировалась на государственном и международном (интернациональном) уровне.

Специфика советского законодательства проявлялась также в том, что оно включало в себя директивные нормы, содержащие юридически значимые положения. П. В. Крашенинников в 2025 году ввел в научный оборот термин «право катастроф» – период, когда формально соблюдались юридические предписания, но фактически государство управлялось директивным методом[1113]. В связи с этим, проанализировав советское директивное право, отметим: прослеживается прямая взаимосвязь Указа Президента РФ № 809 с Моральным кодексом строителя коммунизма. Моральный кодекс строителя коммунизма (далее – Кодекс) – свод принципов коммунистической морали, вошедший

[1112] См.: *Коженко Я. В., Ваховский Д. В.* Духовно-нравственная безопасность России: особенности государственной политики и правовой защиты // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2025. № 1. С. 251–260.

[1113] См.: *Крашенинников П. В.* На пути к сверхдержаве. Государство и право во времена войны и мира (1939–1953). М. : Эксмо, 2025. 400 с.

в тексты Третьей Программы КПСС и Устава КПСС, принятых XXII съездом (1961 год). Текст состоял из 12 пунктов, провозглашающих коммунистические идеалы. Предназначался для нравственного воспитания молодежи и определял тенденции нравственного развития человека в социалистическом обществе. Главным принципом считается преданность делу коммунизма и любовь к Родине. Кроме того, кодекс регламентировал отношение человека к труду, интересам общества, общению, семейным отношениям и отвергал пороки буржуазного мира. В нем провозглашалось братство народов Советского Союза, а также солидарность с трудящимися всех стран. В. Г. Борщевский указывает, что 92% пунктов Кодекса соответствует традиционным ценностям Указа Президента РФ № 809[1114]. Таким образом, подход к содержательной стороне общечеловеческих ценностей в советский и в современный период на уровне законодательства практически идентичен, имеет свою различную специфику и незначительные содержательные отличия.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать следующее. Во-первых, под «дружбой народов России» как традиционной ценностью следует понимать институт межнациональных, межрелигиозных и гражданских отношений граждан РФ, являющийся основой их единого созидательного сосуществования и развития на основе взаимоуважения, дружбы и братства, лежащий в основе российской государственности, исторической памяти и современного российского социокультурного пространства. Во-вторых, актуально, на наш взгляд, включение «дружбы народов России» в перечень традиционных ценностей в ст. 5 Указа Президента РФ № 809. На конституционном уровне предлагаем создать прецедент по внесению поправки к преамбуле Конституции РФ, которая закрепит дружбу народов России, ценность интеграционных процессов многонационального народа России. В-третьих, «дружба народов России» – консолидирующее российское общество начало, отражение которого в праве определит фундаментально-ценностный подход политики РФ по отношению к лучшим проявлениям «дружбы народов России» в спорте, литературе, культуре, в том числе героического исторического подвига братского многонационального советского народа, победившего в Великой Отечественной войне. Как отметил Президент РФ В. В. Путин: «в верности, единстве и дружбе народов России – ее великая сила и самая прочная основа для общего благополучия в будущем»[1115].

[1114] См.: *Борщевский Г. А.* Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 67–93.

[1115] Путин назвал основу для будущей силы народов России // IZ.ru : сайт. URL: https://iz.ru/1398467/2022-09-20/putin-nazval-osnovu-dlia-budushchei-sily-narodov-rossii (дата обращения: 05.10.2025).

Список использованной литературы

1. *Арами, Д. Р.* Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации / Д. Р. Арами // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – Т. 24, № 5. – С. 193–204.
2. *Борщевский, Г. А.* Традиционные российские ценности: институциональный анализ / Г. А. Борщевский // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2023. – № 4 (111). – С. 67–93.
3. *Крашенинников, П. В.* На пути к сверхдержаве. Государство и право во времена войны и мира (1939–1953) / П. В. Крашенинников. – Москва : Эксмо, 2025. – 400 с.
4. *Коженко, Я. В.* Духовно-нравственная безопасность России: особенности государственной политики и правовой защиты / Я. В. Коженко, Д. В. Ваховский // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2025. – № 1. – С. 251–260.
5. *Матузов, Н. И.* Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько . – 5-е изд. – Москва : ИД «Дело» РАНХиГС, 2022. – 528 с.
6. *Низамова, Л. Р.* Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США / Л. Р. Назимова // Ученые записки Казанского университета. – Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, № 4. – С. 222–233.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА В РОССИИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Андрей Германович Лебедев
студент 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
andykio@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает понятие «гражданство», подводя к актуальности проблемы правового регулирования двойного гражданства. В статье отражены полярные взгляды ученых на институт двойного гражданства. Автор проводит анализ причин двойного гражданства, выделяет положительные аспекты, отмечает ограничения, которые действуют при двойном гражданстве, а также ставит дискуссионные вопросы, затрагивающие основы национальной безопасности государства.

Ключевые слова: гражданство; двойное гражданство; бипатриды; конституционное право; международные договоры.

Гражданство представляет собой самостоятельный комплексный межотраслевой институт права, субъективное право по поводу гражданства, особого рода длящееся правоотношение, существующее как в общей, так и в конкретной форме, правовое состояние, а также часть правового статуса личности. Оно представляет собой охраняемую законом меру возможного поведения, направленную на удовлетворение интересов человека, возникающих в связи с приобретением, изменением и выходом из гражданства. В современной юридической науке и практике термин «гражданство» употребляется в трех значениях: как правовое состояние личности, как конституционно-правовой институт и как суверенное право государства. Как правовое состояние личности понятие гражданства сформулировано в ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: «Гражданство – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»[1116]. Как конституционно-правовой инсти-

[1116] О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

тут гражданство представляет собой совокупность правовых норм, регламентирующих критерии, которые определяют принадлежность лица к данному государству; способы и процедуры приобретения и утраты гражданства; особенности правового положения личности, обусловленные способом приобретения гражданства или фактом двойного (множественного) гражданства[1117]. Как суверенное право гражданство означает, что государство может самостоятельно определять политику в области гражданства и в одностороннем порядке регулировать отношения в этой сфере. А именно – все отношения относительно гражданства регулируются конституциями государств, специальными законами, а также общепризнанными принципами и нормами международного права. Согласно ст. 62 Конституции Российской Федерации: «Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации»[1118].

Обращение к проблеме двойного гражданства является весьма актуальным на сегодняшний день, что обусловлено многими факторами, одним из которых является факт эмиграции граждан Российской Федерации в другие страны. Чтобы конкретней разобраться в указанном вопросе, обратимся к анализу самого рассматриваемого понятия. Двойное гражданство имело множество определений, которые отражали подходы государств, а также ученых-правоведов к данному явлению. Так, двойное гражданство определялось рядом ученых и в законодательном праве как состояние, которое характеризуется наличием у гражданина одного государства гражданства (подданства) иного государства (С. А. Авакьян, А. С. Автономов, Ю. Р. Боярс, С. В. Черниченко и др.). В настоящий момент определение двойного гражданства как правового состояния личности, характеризующегося комплексом взаимных прав и обязанностей между ним и государствами, гражданином которого он является, при котором государство заключило международный договор (соглашение), а следовательно, и правовое признание статуса такого лица, закреплено на законодательном уровне: как в ст. 62 Конституции РФ, так и в п. 4 ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». Данная позиция ранее прослеживалась во взглядах Я. Л. Ванюшкина, Н. В. Витрука и других ученых.

В России институт двойного гражданства начал формироваться в постсоветский период. После распада Советского Союза Россия столкнулась с притоком мигрантов из новых независимых государств. По мнению Е. С. Смирновой, некоторые страны, вдохновляясь европейским опытом, пытаются найти способы укрепления связей и защиты прав человека, не затрагивая суверe-

---

[1117] См.: Гражданство Российской Федерации : учеб. пособие / М. С. Савченко, В. Н. Опарин, Е. Г. Петренко. Краснодар : КубГАУ, 2018. С. 3.

[1118] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

нитет через институт гражданства[1119]. Признание института двойного гражданства в России через заключение международных договоров (соглашений) ориентировалось на возможную интеграцию в рамках Содружества Независимых Государств. Следует отметить, что среди международных договоров, заключенных Российской Федерацией с другими странами по вопросу двойного гражданства, на сегодняшний день действующими являются только договоры с Республикой Таджикистан 1995 г., с Республикой Абхазия 2023 г., Республикой Южная Осетия, 2025 г. Указанные договоры обеспечивают права и свободы человека и гражданина двух государств.

Наличие у гражданина Российской Федерации гражданства иностранного государства не освобождает его от обязанностей, вытекающих из российского гражданства, если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации. До момента выхода из гражданства Россия продолжает рассматривать человека как своего гражданина и возлагает на него соответствующие обязанности. Подобно любому другому государству, Российская Федерация принимает на своей территории не только граждан, но и другие категории лиц, такие как лица без гражданства, иностранные граждане (временно или постоянно находящиеся или проживающие) и граждане с двойным гражданством (бипатриды), множественным гражданством.

Актуальность проблемы двойного гражданства в современной России сохраняется еще и в связи с тем, что является многогранной, тесно переплетенной с конституционным развитием страны, ее внутренней политикой и позицией, занимаемой на международной арене. Возникновение двойного гражданства обусловлено различными факторами, среди которых преобладают причины, связанные с миграционными процессами: заключение браков с гражданами других государств, рождение детей в смешанных семьях или на территории иностранных государств. Двойное гражданство является одним из самых сложных аспектов гражданства в международных отношениях, поскольку его регулирование вызывает значительные трудности. Одной из проблем в данной области является отсутствие единообразия в законодательстве различных стран, даже в рамках одного региона. Такое расхождение связано с тем, что рассмотрение вопросов гражданства относится к сфере внутригосударственного регулирования, и каждое государство придерживается в этом вопросе своих интересов с учетом политических позиций, международных договоров, в рамках своей стратегии национальной безопасности. Данный факт может приводить к коллизии в области бипатризма. Само предоставление бипатридам прав и возложение на них обязанностей решается в международных договорах по-разному. На межгосударственном уровне оно порождает ряд проблем, включая конфликт обязанностей по военной служ-

---

[1119] См.: *Смирнова Е. С.* Институт гражданства: статичность или перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 25.

бе, вопросы двойного налогообложения и неопределенность в предоставлении дипломатической защиты. Сложность указанных проблем значительно возрастает в периоды международной напряженности и военного противостояния стран, гражданство которых имеется у одного человека. В этом смысле возникает вопрос: могут ли бипатриды проявлять заинтересованность в развитии обоих государств? Насколько данная ситуация является естественной?

Правовое регулирование двойного гражданства не является статичным явлением и подвержено изменениям в связи с эволюцией как социальных условий, так и международной обстановки и внешнеполитических приоритетов.

Получение второго гражданства имеет положительную сторону только в отношении самого бипатрида. Оно выступает определенным стимулом для граждан в связи с тем, что выявляются экономические выгоды, такие как оптимизация налогов, инвестиционное планирование и банковские операции. Это явление даже получило название «экономическое гражданство», когда второе гражданство приобретается через инвестиции в экономику другой страны[1120]. Примерами таких стран являются Черногория, Австралия, США и прочие. Также следует отметить, что, согласно п. 3 ст. 6 Конституции РФ, «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Политический аспект бипатризма заключается в том, что лицо с двойным гражданством пользуется защитой нескольких государств. В большинстве стран законодательство о гражданстве предусматривает правовые гарантии для своих граждан, в том числе находящихся за рубежом, обязывая государственные органы оказывать им поддержку и обеспечивать защиту. В этом контексте двойное гражданство и институт гражданства в целом выходят за рамки простого права лица, становясь выражением взаимодействия государства и гражданина[1121].

Таким образом, гражданство – это фундаментальный институт, связывающий человека с государством и определяющий объем их взаимных прав и обязанностей, становление которого тесно связано с развитием российской государственности. Институт двойного гражданства вызывает неоднозначные оценки в науке конституционного права. Его сторонники видят в нем демократический подход, соответствующий принципам прав человека, и призывают к расширению практики его применения, высказывают предложения по его более детальному регулированию и заключению международных соглашений. В то же время оппоненты считают двойное гражданство неудачным регулятивным инструментом, возникшим после распада СССР, и предлагают исключить его из правовой системы. Несмотря на широкий спектр оценок –

[1120] См.: *Клокова Э. Э.* Перспективы развития двойного гражданства // Юридическая наука. 2019. № 2. С. 91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-dvoynogo-grazhdanstva/viewer

[1121] См.: *Клокова Э. Э.* Перспективы развития двойного гражданства // Юридическая наука. 2019. № 2. С. 91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-dvoynogo-grazhdanstva/viewer

от оптимистичных ожиданий по решению интеграционных задач до резкого неприятия из-за потенциального негативного влияния на правовую систему – оно стало реальностью и закреплено как в Конституции РФ, так и в федеральном законодательстве. Вместе с тем проблема регулирования двойного гражданства требует дальнейшего рассмотрения, поскольку в целом затрагивает вопросы обеспечения национальной безопасности.

Список использованной литературы

1. Гражданство Российской Федерации : учеб. пособие / М. С. Савченко, В. Н. Опарин, Е. Г. Петренко. – Краснодар : КубГАУ, 2018 – 146 с.
2. *Клокова, Э. Э.* Перспективы развития двойного гражданства / Э. Э. Клокова // Юридическая наука. – 2019. – № 2. – С. 90–93. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-dvoynogograzhdanstva/viewer.
3. *Клокова, Э. Э.* Институт двойного гражданства в Российской Федерации: теоретические аспекты, законодательство и правоприменение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Э. Клокова. – Москва, 2019. С. 20.
4. *Пронякина, С. Ю.* Подходы к определению и значению двойного гражданства / С. Ю. Пронякина // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2022. – № 3 (50). – С. 50–63.
5. *Пронякина, С. Ю.* Двойное и множественное гражданство в Российской Федерации: перспективы развития правового регулирования / С. Ю. Пронякина // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, вып. 2. – С. 203–210.
6. *Смирнова, Е. С.* Институт гражданства: статичность или перспективы национального и международно-правового регулирования / Е. С. Смирнова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 24–30.

ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИНСТИТУТ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА НА СТЫКЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА И ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Надежда Константиновна Лысенко
студентка 4-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
nadalysenko16@gmail.com

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ деятельности органов опеки и попечительства в Российской Федерации в контексте защиты прав несовершеннолетних, проживающих в неблагополучных семьях. Исследуются существующие правовые нормы, регламентирующие их обязанности и полномочия. Выявляются системные проблемы, снижающие эффективность профилактической и контрольной работы, в частности: ограниченный круг лиц, имеющих право на обращение, уведомительный характер проверок и недостаточный контроль за целевым расходованием средств, выделенных на воспитание детей. На основе анализа действующего законодательства предлагается ряд мер, которые направлены на совершенствование механизмов защиты прав и воспитание детей, усиление предупредительной функции опеки и обеспечение приоритета интересов ребенка при сохранении конституционных основ семьи.

Ключевые слова: конституционные ценности; органы опеки и попечительства; защита прав ребенка; неблагополучная семья; материнский (семейный) капитал; анонимное обращение; внезапная проверка; отчетность опекунов.

Конституция Российской Федерации[1122] провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ч. 1 ст. 38). Данное по-

[1122] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.

ложение определяет социальный характер государства и его обязанность создавать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, в первую очередь – ребенка. Реализация этой нормы находит свое выражение в деятельности многочисленных институтов, среди которых ключевую роль играют органы опеки и попечительства.

Институт опеки и попечительства в России, с одной стороны, призван быть гарантом соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, оставшихся без родительского попечения, а с другой – выполнять предупредительную функцию в отношении детей, оказавшихся в социально опасном положении. Однако на современном этапе возникает проблема, связанная с необходимостью безусловной защиты ребенка от угроз его жизни и здоровью и недопустимостью необоснованного вмешательства государства в частную семейную жизнь, которая также является конституционной ценностью.

Целью исследования является анализ действующей системы работы органов опеки и попечительства с неблагополучными семьями, выявление ключевых пробелов в их деятельности, а также разработка конкретных предложений по повышению ее эффективности. Ключевыми аспектами исследования являются: порядок обращения в органы опеки, процедура проведения проверок условий жизни детей и контроль за использованием целевых денежных выплат.

Правовой статус и обязанности органов опеки и попечительства регламентированы федеральным законодательством. Ведущими актами в данной сфере являются Семейный кодекс РФ[1123] (далее – СК РФ) и Федеральный закон «Об опеке и попечительстве»[1124] (далее – Закон об опеке).

В соответствии со ст. 121 СК РФ именно на органы опеки и попечительства возлагается защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, а также выявление и учет таких детей. Согласно ст. 122 СК РФ, органы опеки обязаны в течение трех рабочих дней со дня получения сведений о ребенке, оставшемся без попечения, провести обследование условий его жизни и при установлении факта отсутствия попечения обеспечить его защиту.

Закон об опеке конкретизирует эти обязанности. В частности, к ним относятся:

– выявление лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства;

– обращение в суд с заявлениями о лишении или ограничении родительских прав, о признании гражданина недееспособным и т.д.;

– надзор за деятельностью опекунов и попечителей, в том числе за сохранностью имущества подопечных;

– проверка условий жизни подопечных, соблюдения их прав и законных интересов (ст. 8 Закона об опеке).

[1123] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

[1124] Об опеке и попечительстве : Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

Таким образом, законодатель закрепляет за органами опеки широкий спектр полномочий, сочетающий контрольные и надзорные функции. Однако эффективность реализации этих полномочий на практике сталкивается с рядом систематических проблем.

В первую очередь остановимся на проблеме ограниченного круга лиц, имеющих право на обращение. В настоящее время процедура инициирования проверки органами опеки регламентирована ведомственными актами, в частности, такими как Приказ Министерства просвещения РФ от 10 января 2019 г. № 4[1125]. Сложившаяся практика такова, что приоритет в обращении отдается официальным заявлениям от близких родственников, должностных лиц образовательных или медицинских организаций. Хотя формально право на обращение имеют любые граждане, включая соседей или иных свидетелей неблагополучия, на деле анонимные обращения зачастую не являются достаточным основанием для проведения проверки.

На наш взгляд, для расширения каналов поступления информации о семейном неблагополучии необходимо законодательно закрепить механизм анонимного обращения. Это может быть реализовано через внесение изменений в Закон об опеке, где будет прямо указано, что анонимные сообщения, содержащие конкретные сведения о непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка (например, факты жестокого обращения, оставления в опасности, антисанитарных условий), подлежат обязательной проверке органом опеки в установленные кратчайшие сроки. Это позволило бы привлекать к раннему выявлению проблем различных категорий граждан – соседей, работников сферы услуг, – не опасающихся конфликтов или мести со стороны проверяемой неблагополучной семьи. При этом для исключения злоупотреблений следует установить административную ответственность за заведомо ложный анонимный донос.

Еще одной важной проблемой является проблема уведомительного характера визитов опеки. Одной из наиболее критикуемых практик является заблаговременное уведомление семьи о визите представителей опеки. Данная процедура хотя и создана из соображений соблюдения прав граждан и административного регламента, фактически сводит на нет эффективность контроля. Родители, ведущие девиантный образ жизни, получают возможность на короткое время «привести себя и жилье в порядок», скрыть следы пьянства, насилия или пренебрежения нуждами ребенка. В результате проверка фиксирует искаженную картину, и реальные проблемы остаются скрытыми и невыявленными.

По нашему мнению, законодательство РФ должно предоставить органам опеки право на внезапные проверки, которые проводятся без предварител-

---

[1125] О реализации отдельных вопросов осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан : Приказ Минпросвещения России от 10 января 2019 г. № 4 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2025).

ного уведомления. Основанием для такого визита должно служить поступление оперативной информации из любых источников (включая анонимные), указывающей на присутствие реальной угрозы ребенку. Безусловно, данное полномочие должно быть уравновешено требованием обязательного присутствия при проверке сотрудника полиции и, по возможности, представителя общественной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, для обеспечения объективности и прозрачности проведенной проверки.

Наконец не менее важной является проблема недостаточного контроля за целевым расходованием средств. Особо острым остается вопрос нецелевого использования средств, выделяемых государством на поддержку детей, в частности, материнского (семейного) капитала (далее – МСК), алиментов и иных социальных выплат, предоставляемых государством. В настоящее время, по общему правилу, родители, не лишенные родительских прав, не обязаны отчитываться перед органами опеки о расходовании средств на ребенка. Это создает почву для злоупотреблений в неблагополучных семьях, где родители могут иметь административные или уголовные судимости, либо злоупотребляющие спиртными напитками, наркотическими средствами или психотропными веществами.

В целях решения названной проблемы имеет смысл ввести обязательную отчетность для определенных категорий родителей или опекунов, в отношении которых имеются установленные факты, свидетельствующие о риске нецелевого расходования средств. Это могут быть:

– родители, ранее ограниченные в родительских правах;

– родители, имеющие непогашенную судимость за преступления против личности, общества и собственности;

– родители, в отношении которых имеются вступившие в силу решения суда по административным правонарушениям, связанным с пьянством или жестоким обращением.

Данная норма должна обязывать таких родителей предоставлять в органы опеки чеки, квитанции и иные документы, подтверждающие, что средства МСК или иные значительные выплаты были израсходованы именно на нужды ребенка, такие как: улучшение жилищных условий, образование, лечение и т.п. Контроль за этим должен быть возложен непосредственно на органы опеки и попечительства.

Совершенствование деятельности органов опеки и попечительства является неотъемлемым элементом построения в России сильного социального государства, отвечающего духу и букве Конституции. Предложенные в статье меры – легализация анонимных обращений, введение института внезапных проверок при наличии веских оснований и установление контроля за расходованием целевых средств в группах риска – направлены на усиление предупредительной и защитной функций этого института.

Данные предложения не противоречат принципу невмешательства в частную жизнь благополучных семей, а направлены на создание адресного механизма реагирования на реальные угрозы. Они позволяют перейти от формаль-

ного, зачастую запоздалого, контроля к оперативной защите самого уязвимого звена общества – ребенка. Для реализации этих механизмов потребуется внесение изменений в действующее федеральное законодательство, что должно стать предметом широкого общественного и экспертного обсуждения, основанного на приоритете защиты жизни, здоровья и законных интересов несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. *Муратова, С. А.* Способы и формы защиты прав несовершеннолетних детей / С. А. Муратова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 43–46.
2. *Кайль, Я. Я.* Порядок осуществления и защиты жилищных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей / Я. Я. Кайль, А. С. Калинина // Правовые вопросы недвижимости. – 2025. – № 1. – С. 10–12.
3. *Карпова, О. А.* Место органов опеки и попечительства над несовершеннолетними в системе органов публичной власти Российской Федерации / О. А. Карпова, Э. Ю. Балаян // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 4. – С. 24–28.
4. *Лукьянова, Н. А.* Защита имущественных прав несовершеннолетних / Н. А. Лукьянова, О. В. Мисякова, А. В. Олейникова // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 1. – С. 11–13.

К ВОПРОСУ О ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Исмаил Апасович Магомедов
студент 3-го курса Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
ismail_magomedov.2005@mail.ru

Аннотация. В научно-исследовательской работе рассматривается вопрос о восстановлении духовных и культурных ценностей и внедрении их в законодательство. Также рассматриваются понятие духовности непосредственно нашего государства и ее составляющие элементы, образующие единую систему ценностей.

Ключевые слова: духовность; общество; идеология; ценности; культура.

Нет необходимости доказывать, что изучение молодым поколением российского общества культурного наследия имеет воспитательное значение. Оно помогает познать, как развивалась духовная культура, какие идеи и идеалы выдвигались в каждую эпоху передовыми людьми и какими духовно-нравственными ценностями, и прежде всего, патриотизмом и любви к Родине, жили ушедшие поколения, какие ценности они оставили нам. Особенно важно осмысление культурного наследия. Всемирно известный российский ученый М. В. Ломоносов сказал: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего».

Прошлое в духовной культуре российского общества неотделимо от настоящего, оно не отмирает, а служит основой настоящего и оказывает на него влияние. Старое сохраняется не только в письменных источниках, но и в памяти народа. Исследуемая тема представляется не только актуальной, но и жизненно необходимой для современного российского общества и цивилизации. Российская государственность проходит сложное испытание. Безусловно, многое зависит от того, сможет ли она «выдержать ответ» на сегодняшние вызовы. Не исключено, что нынешние испытания могут быть самыми суровыми в истории нашей страны.

Долгое время Россию признавали и воспринимали в качестве оппонента, другой цивилизации. Однако относительно недавно нашу страну открыто объ-

явили врагом. Причем война ведется и в отношении нашей культуры, искусства, науки и спорта. Произведения всемирно признанных писателей, поэтов исключают из университетов курсов Европы и США; российские спортсмены подвергаются настоящей дискриминации; массовые ограничениям вводятся в отношении простых российских граждан, которые не могут получить визы, необходимые лекарства, научную и иную информацию для творческой деятельности.

Однако не это самое главное. Основным объектом, безусловно, является наше государство, которое служит гарантом функционирования российского общества и цивилизации. Сильная публичная организация с эффективными силовыми ресурсами является важным аргументом в современных международных отношениях. Такой вывод, как ни странно, оказался актуальным в период, когда противостояние между различными общественно-экономическими системами позади, когда эпоху холодной войны многие забыли. Национальные и наднациональные элиты долгое время убеждали всех, что наступила новая эпоха в развитии человечества, когда право, и особенно международное право, стало определяющим регулятором, а мировое сообщество будет вместе бороться с экологическими, демографическими и иными проблемами. Однако все это оказалось ширмой, искусственной завесой, прикрывающей настоящие стремления «лучшей части» человечества – Западного мира. Примитивные стремления, которые прежде всего направлены на устранение другого, имеющего свои предпочтения и интересы, опять оказались актуальными. Российская цивилизация, или «русский мир», воспринимают как конкурента, как неудобного и независимого субъекта, который может стать «плохим» примером для других стран. Именно поэтому российское государство как хранитель особой цивилизации, как сила, способная противостоять различным вызовам, оказалось мишенью для известных стран, претендующих на исключительность во всем, в том числе и в духовных ценностях. В таких условиях необходимо усилить единство нации, народностей, этнических групп, входящих в состав российского общества, цивилизации. Попытки внести раскол, спровоцировать межэтнические распри предпринимаются со всех сторон. Особенно это касается молодежной среды.

Иностранные специальные службы, международные и иные организации фактически ведут психологическую обработку молодых людей, у которых еще не сформировались устойчивые социально-психические установки. Как нам представляется, научные, просветительские и иные мероприятия должны учитывать эти новые реалии нашей действительности.

В новых исторических условиях происходит становление нового Отечества, в связи с этим определяется и новое культурное явление – рост патриотизма российского общества. Его рождение представляет собой, с одной стороны, новый социокультурный феномен, с другой – сложный и противоречивый процесс. До недавнего времени дефицит патриотических чувств у населения привел к тому, что у значительной части молодого поколения

оказались несформированными такие традиционные нравственно-психологические черты российского менталитета, как романтизм, самоотверженность и любовь к Отечеству, готовность к подвигу, честность, добросовестность, вера в добро и справедливость, стремление к правде и к поиску идеалов, к позитивной реализации не только личных, но и социально значимых интересов.

Полный отказ от идеологии нереалистичен: без закрепленных в Конституции и законах принципов развитие государства может пострадать. Общество всегда существует в рамках идеологии, интересов и ценностей, которые формируют духовную культуру и менталитет. Для русского народа это ключевой элемент уникальности. Отсутствие духовности искажает менталитет. Духовная основа всегда была частью государства – она отражается в демократических идеалах Конституции РФ и в стратегии развития России.

Многие страны скрывают свою идеологию по понятным причинам: неудачные попытки ее регулирования, как в советском опыте России, привели к краху и потере ориентиров в постсоветском пространстве. Но идеология неизбежно присутствует. России нужна своя национальная концепция: включение идеологического плюрализма в Конституцию не дало результатов, и сейчас ощущается дефицит идеологии. Копирование западных либеральных ценностей не мобилизовало общество, в отличие от большевиков в начале XX века. Либерализм, фокусирующийся на потребностях без нравственной базы, ставит под вопрос выживание России. Ведь русский человек всегда жил высокими смыслами и ценностями, которые стали основой общества и государства. Национальная идеология опирается на духовную, моральную и религиозную историю.

В странах Западной Европы акцент на материальных достижениях и благополучии: свобода, равенство, процветание – это цивилизация потребления. Приоритет материального над духовным и нравственным может привести к деградации и гибели государства.

После распада СССР реформы следовали западной модели, ориентированной на материальное, а не на духовно-нравственное. Но развитые западные страны сталкиваются с кризисом: демографическим спадом, высоким уровнем самоубийств, распространением нетрадиционных форм поведения, наркотизацией, эгоизмом, дефицитом сострадания и милосердия, потерей смысла жизни. Это указывает на духовный кризис и разрушение традиций.

Все это требует пересмотра либеральных принципов в Конституции РФ. Нужно внести базовые ценности прямо в текст, чтобы укрепить их юридический статус. Поскольку идеология важна для общества, государство должно изменить подход к ней.

Для здоровой общественной жизни требуется восстановление культурных и психологических механизмов объединения, возрождение общих ценностей – это усилит патриотизм, исторический оптимизм по поводу будущего России и настоящий гражданский дух.

Список использованной литературы

1. *Байдиков, К. Г.* Духовный суверенитет как ценность российской государственности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnyy-suverenitet-kak-tsennost-rossiyskoy-gosudarstvennosti (дата обращения: 10.11.2023).
2. *Байдиков, К. Г.* Духовный суверенитет современной России: состояние и приоритет укрепления : автореф. дис... канд. юрид. наук / К. Г. Байдиков. – Москва, 2023. – 20 с.
3. *Грицюк, М. В.* К вопросу об идеологии российской государственности / М. В. Грицюк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 24–30.
4. *Медушевская, Н. Ф.* Интеллектуально-духовные основания российского права : автореф. дис... д-ра юрид. наук / Медушевская Наталья Федоровна. – Москва, 2010. – 57 с.
5. *Перевезенцев, С. В.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе / С. В. Перевезенцев, Д. А. Ананьев // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 21–37.

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТИРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ярослав Артурович Парфенчиков
аспирант 2-го курса Института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yparfenchikov@inbox.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявления соотношения традиционных ценностей и института биологической безопасности. Целью статьи является поиск возможных путей их взаимной интеграции в правовом поле. В результате исследования сделан вывод о важности традиционных ценностей для дальнейшего развития законодательства о биологической безопасности, предложена возможность рассмотрения традиционных ценностей как биоэтических принципов в данной сфере законодательства, основ для развития института этико-экспертной деятельности в области биотехнологий.

Ключевые слова: традиционные ценности; биобезопасность; биотехнологии; биоэкономика; биополитика; биоэтика.

Национальная безопасность Российской Федерации представляет собой состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны[1126]. Данный феномен является основополагаю-

[1126] См.: О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

щим вектором для стратегического планирования во всех сферах отношений, формирующихся в нашем обществе. В соответствии с Конституцией Российской Федерации в нашем государстве гарантируется идеологическое многообразие, и никакая идеология не может быть признана общеобязательной (ч. 1 и 2 ст. 13)[1127]. В связи с этим на протяжении новейшей истории российской государственности с регулярной периодичностью возникали дискуссии, связанные с необходимостью разработки и юридического закрепления государственной идеологии. В 2022 году был принят Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1128] (далее – Основы, утвержденные Указом № 809).

Здесь отдельно стоит упомянуть о месте традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – традиционные ценности) в политико-правовой системе Российской Федерации. Учитывая положения Конституции Российской Федерации, рассмотрение традиционных ценностей в качестве идеологии российского государства представляется некорректным. При этом идеология подразумевает системную формализацию совокупности идей, принципов, ценностей, ценностных установок. В связи с этим традиционные ценности можно рассматривать как промежуточный этап на пути становления государственной идеологии современной России.

В соответствии с Основами, утвержденными Указом № 809, традиционные ценности, то есть «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России», являются основой российского общества. При этом, согласно п. 8 Основ, эффективное реагирование на возникающие угрозы напрямую связывается с необходимостью осмысления общественных процессов, в том числе и технологических, с опорой на традиционные ценности.

В связи с этим интерес представляет соотношение биотехнологий и традиционных ценностей, учитывая их влияние на социокультурную и экономическую сферы общественных отношений. Становление биоэкономики в XXI веке породило разрыв между научным и технологическим развитием и готовно-

---

[1127] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (дата обращения: 18.10.2025).

[1128] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

стью человечества к гуманитарному, этическому, юридическому осмыслению данных процессов. Бесконтрольное развитие технологий, спатиальное расширение производства вызывает возникновение реакционных изменений в окружающей среде, порождающих формирование неизвестных науке вирусов и патогенов. В связи с этим ключевую роль играет формирование института биологической безопасности, направленного на обеспечение защищенности населения от биологических угроз, как природного, так и антропогенного происхождения.

А. А. Моховым предложена концепция четырех «био»: биотехнология – биобезопасность – биоэкономика – биополитика[1129]. Лишь при обеспечении должного уровня безопасности возможно эффективное использование биотехнологий в целях обеспечения всей системы национальной безопасности (через обеспечение продовольственной безопасности, экологической безопасности и т.д.), построение новой системы экономики, основанной на использовании биотехнологий, и, как следствие, преобразование ее результатов в политический капитал, позволяющий удерживать конкурентоспособность Российской Федерации в условиях продолжающегося геополитического противостояния с коллективным Западом. В то же время институционализация биологической безопасности как правового института невозможна без создания и нормативного закрепления системы этико-правовых норм[1130]. «При определении принципов права через этические категории возможно синергетическое взаимодействие принципов биоэтики и принципов права»[1131], при этом данный тезис справедлив и в отношении правового регулирования биологической безопасности. Именно биоэтика потенциально станет «основой права в области биомедицинских исследований и манипуляций, возникшей как ответ на угрозы моральному и физическому благополучию человека, порождаемые бурным прогрессом биомедицинской науки и практики»[1132].

Учитывая экстраординарный характер возникающих биологических угроз и рисков, именно биоэтика видится категориальным инструментом, позволяющим обеспечить системность в регулировании данной сферы общественных отношений. Однако стоит отметить, что на начальном этапе конституирования правовых норм, регулирующих сферу биоэтики, некоторыми учеными выделяется ряд проблем, в том числе в сфере терминологии, применяемой в биоправе. Так, по мнению Е. С. Третьяковой, «биоправо – новая и весьма

1129 См.: *Мохов А. А.* Концепция четырех «Био» в праве и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 146–154.

1130 См.: *Мохов А. А.* Роль биоправа и биоэтики в биополитике // Юрист. 2022. № 1. С. 16–21.

1131 *Леснова Н. И.* Принципы биоэтики и механизм правового регулирования медицинских правоотношений // Правовое регулирование экономической деятельности. 2023. № 4. С. 36–42.

1132 *Крылатова И. Ю.* Значение конституционной категории достоинства личности в биоэтике и биомедицине // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 10 (43). С. 46–53.

специфическая сфера юриспруденции», в которой «остро встает вопрос проработки и юридического оформления соответствующих специальных терминов», причем зачастую используемая «терминология не унифицирована, крайне пробельна, что порождает сложности и, несомненно, требует доработки»[1133]. Полагаем, что определенно решением проблемы единства терминологии, применяемой в сфере биоправа в целом, и сфере правового регулирования биобезопасности в частности, может стать применение терминологии Основ, утвержденных Указом № 809. Традиционные ценности могут стать важнейшим регулятором развития биотехнологий и, следовательно, стать ориентиром для государственной политики в области обеспечения биологической безопасности.

В данном контексте следует отметить, что, традиционные ценности могут рассматриваться как фундамент для построения целостной биоэтической системы, направленной на превентивное обеспечение биологической безопасности. Так, векторы развития современных биотехнологий ведут к структуризации права на биобезопасность на три группы правомочий: перинатологические, соматические и танатологические[1134]. Вопросы обеспечения биобезопасности в данном контексте связаны с этическим наполнением такого рода вопросов, как эвтаназия, трансплантация органов (в том числе ксенотрансплантация), экстракорпоральное оплодотворение и аборты, клонирование и генная инженерия, проведение клинических испытаний. Правомочность таких процедур должна быть изначально подвергнута этической экспертизе на предмет соответствия традиционным ценностям, как нравственным ориентирам российского общества, поскольку вне этической оценки их проведение, не учитывающее социокультурные последствия подобного рода вмешательств, может привести к дестабилизирующим последствиям для окружающего нас социума. Таким образом, именно соблюдение традиционных ценностей в процессе биотехнологической деятельности может стать отправной точкой для широкого внедрения этико-экспертной деятельности.

В отдельных странах (например, во Франции), а также на международном уровне биоэтические принципы уже получили законодательное закрепление. Так, во Всеобщей декларации о биоэтики и правах человека, принятой резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г.[1135] (далее – Декларация),

---

[1133] *Третьякова Е. С.* Проблемы терминологии в биоправе // Наука. Общество. Государство. 2023. № 3 (43). С. 59–68.

[1134] См.: Право на биологическую безопасность в Российской Федерации : монография / И. А. Умнова-Конюхова. И. А. Алешкова, А. О. Филатова, Н. Е. Сапельченко; отв. ред. И. А. Умнова-Конюхова; ИНИОН РАН. Москва, 2024. 230 с.

[1135] Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19 октября 2005 г.) // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.un.org (дата обращения: 18.10.2025).

закреплены следующие принципы биоэтики: принцип человеческого достоинства и прав человека; принцип максимизации блага и минимизации вреда для пациентов; принцип самостоятельности и индивидуальной ответственности; принцип согласия на медицинское вмешательство; принцип признания уязвимости человека и уважения неприкосновенности личности; принцип неприкосновенности частной жизни и конфиденциальности; принцип равенства, справедливости и равноправия; принцип недопущения дискриминации и стигматизации; принцип уважения культурного разнообразия и плюрализма; принцип солидарности и сотрудничества; принцип совместного использования благ; принцип защиты будущих поколений; принцип защиты окружающей среды, биосферы и биоразнообразия. Отдельные вышеуказанные принципы пересекаются с такими традиционными ценностями, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение. Вместе с тем идеологическое наполнение Декларации носит индивидуалистический характер, в то время как к традиционным ценностям относится коллективизм.

При этом, к сожалению, требуется обратить внимание, что профильный Федеральный закон «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – Закон № 492-ФЗ)[1136] фактически никак не затрагивает этико-правовую сферу регулирования безопасности. Обращаясь к Указу Президента Российской Федерации «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу»[1137], также следует отметить, что содержательно он не связан с Основами, утвержденными Указом № 809.

Таким образом, становление традиционных ценностей и биологической безопасности в системе отечественного права сталкивается с проблемой неопределенности места традиционных ценностей в системе российского законодательства. Их закрепление в документах стратегического планирования играет важную роль, однако четкая регламентация их правового статуса позволила бы решить проблемы, связанные с фактическим игнорированием «ориентиров государственной политики» в специальном законодательстве, и уйти от их декларативности. Как отмечает А. А. Мохов, дальнейшим вектором развития законодательства в контексте сохранения и укрепления

[1136] О биологической безопасности в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

[1137] Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 11. Ст. 1106.

традиционных ценностей может стать одноименный федеральный закон[1138]. Его принятие позволило бы полноценно начать работу по ревизии всей совокупности нормативных правовых актов, направленной на внедрение в них правовых принципов и норм, развивающих положения Основ, утвержденных Указом № 809, в том числе и в Закон № 492-ФЗ.

Список использованной литературы

1. *Крылатова, И. Ю.* Значение конституционной категории достоинства личности в биоэтике и биомедицине / И. Ю. Крылатова // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 10 (43). – С. 46–53.
2. *Леснова, Н. И.* Принципы биоэтики и механизм правового регулирования медицинских правоотношений / Н. И. Леснова // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2023. – № 4. – С. 36–42.
3. Мохов, А. А. Концепция четырех «Био» в праве и законодательстве / А. А. Мохов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 8 (117). – С. 146–154.
4. *Мохов, А. А.* Роль биоправа и биоэтики в биополитике / А. А. Мохов // Юрист. – 2022. – № 1. – С. 16–21.
5. *Мохов, А. А.* От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? / А. А. Мохов // Современное право. – 2024. – № 8. – С. 5–10.
6. *Третьякова, Е. С.* Проблемы терминологии в биоправе / Е. С. Третьякова // Наука. Общество. Государство. – 2023. – № 3 (43). – С. 59–68.
7. Право на биологическую безопасность в Российской Федерации : монография / И. А. Умнова-Конюхова. И. А. Алешкова, А. О. Филатова, Н. Е. Сапельченко; отв. ред. И. А. Умнова-Конюхова; ИНИОН РАН. – Москва, 2024. – 230 с.

[1138] См.: *Мохов А. А.* От Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к одноименному федеральному закону? // Современное право. 2024. № 8. С. 5–10.

ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ РАВЕНСТВА

Магомед Махачевич Саадуев
студент 2-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
Saaduyev.magomed@mail.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются права национальных меньшинств и конституционные гарантии равенства. Отмечается, что в настоящее время дискриминация запрещена национальным законодательством и многими международными соглашениями. Отмечено, что в Конституции Российской Федерации содержатся три близких по содержанию понятия: «национальное меньшинство», «коренные малочисленные народы» и «малочисленные этнические общности», определено их соотношение. Выделяются проблемы осуществления прав национальных меньшинств и меры поддержки со стороны государства.

Ключевые слова: права меньшинств; национальное меньшинство; коренные малочисленные народы; малочисленные этнические общности; гарантии; государство.

Проблема прав национальных меньшинств и конституционных гарантий равенства остается одной из ключевых в современном правовом пространстве и в обществе в целом. Несмотря на то, что современные конституции и международные правовые акты гарантируют равенство перед законом и защиту прав всех граждан, защита прав меньшинств остается важным элементом поддержания социальной гармонии и предотвращения конфликтов.

Актуальность этой темы обусловлена и тем, что современное общество становится все более многоэтническим, мультикультурным и многообразным по религиозному, языковому и социальному признакам, и права меньшинств становятся не только локальной, но и глобальной проблемой, требующей осознания и действия со стороны как государственных структур, так и общества в целом. А в России с ее традициями полиэтничности

проблема национальных меньшинств, конечно, не теряет своей значимости[1139].

В Конституции Российской Федерации содержатся три близких по содержанию понятия: «национальное меньшинство» (подп. «в» п. 1 ст. 71, п. «б» ст. 72), «коренные малочисленные народы» (ст. 69) и «малочисленные этнические общности» (п. «м» ст. 72)[1140].

Из анализа содержания этих норм полагаем, что понятие «национальное меньшинство» является более широким, точнее – родовым понятием для двух других. Отличия, на наш взгляд, имеют место исходя из конкретных критериев – места проживания, национальности и др. И коренные малочисленные народы, и малочисленные этнические общности являются национальными меньшинствами с рядом особенностей. При этом, согласно Федеральному закону от 30 апреля 1999 г. № 82 «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», определение коренных малочисленных народов в России имеет несколько требований:

– проживание на исторических территориях своих предков;
– сохранение традиционного образа жизни и занятий;
– признание себя отдельной этнической группой;
– численность не более 50 000 человек в пределах России[1141].

Представители национальных меньшинств могут быть укоренившимися гражданами данного государства, отличающимися от остального населения страны своей культурой, языком, религией и традициями. Критерием их отличия от коренных малочисленных народов является то, что последние проживают на территориях традиционного расселения своих предков[1142]. К национальным меньшинствам можно отнести следующие виды этнических общностей:

– общности, проживающие на территории России, но имеющие государственные образования за ее пределами, например, поляки;

– общности, проживающие на территории России и не имеющие своих государственных образований, как в составе РФ, так и за рубежом, например, цыгане;

1139 См.: *Алешкина А. А., Немечкин В. Н.* Актуальные вопросы правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7, № 2. С. 282–286.

1140 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

1141 См.: *Дамшаева Л. К.* Проблемы коренного населения в РФ на современном этапе развития общества // Научный аспект. 2020. Т. 3, № 4. С. 300–304.

1142 См.: *Суханов К. А.* Права национальных меньшинств в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование и судебная защита : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 252 с.

– общности, проживающие за пределами своих национально-государственных и национально-территориальных образований в составе РФ, например, карелы[1143].

Под этническими отличиями социальной группы от основного населения государства предлагается понимать присущую данному коллективу специфическую национальную культуру – совокупность духовных и материальных ценностей, традиций, моральных норм и установок, стереотипов и образцов межличностного и межгруппового поведения и самовыражения, взаимодействия с природой, особенностей образа жизни, а также языка, присущих определенной социальной общности[1144].

Конституционные отношения с участием меньшинств затрагивают вопросы языка, культуры, образования, политического участия и территориального самоуправления. Эти аспекты требуют комплексного анализа с позиций конституционного права, международных стандартов и практики их реализации[1145].

Изучение норм Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в нашей стране все указанные национальные группы наравне со всеми признаются субъектами права. При этом они наделены всеми правами и свободами, которые только имеются в рамках отечественного правового пространства, и это является одним из определяющих признаков современного развитого демократического государства, каковым является Российская Федерация[1146].

Так, следует отметить, что гарантии равенства в Конституции РФ могут включать следующие аспекты:

1143 См.: *Мурашев А. Т., Хевсаков В. В.* Основные направления нормативно-правового регулирования положения национальных меньшинств в Российской Федерации // Актуальные проблемы права : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования РФ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет)». Выпуск 10. Владикавказ : Терек; Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. С. 214–219.

1144 См.: *Бражников О. А.* Этническое меньшинство как субъект конституционного права в Российской Федерации и за рубежом // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 10 (125). С. 83–88.

1145 См.: *Банникова А. М., Рукавишникова Т. Д.* Национально-культурная автономия как форма защиты прав меньшинств // В зеркале права : сборник научных трудов. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 89–93.

1146 См.: *Рабазанов С. А.* Народ как коллективный субъект конституционных отношений: проблемы правового регулирования // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения : материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 17–18 декабря 2021 года. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. С. 225–230.

– равенство перед законом: все граждане должны иметь равные права в правовой системе. Это означает, что любые законы или действия государства не должны предвзято относиться к какой-либо группе;

– запрет дискриминации: Конституция РФ может прямо запрещать дискриминацию по различным основаниям, включая расу, пол, религию и другие признаки;

– защита меньшинств: важным аспектом является предусмотрение специальных механизмов для защиты прав меньшинств[1147].

В то же время, говоря о гарантиях равенства в Конституции, полагаем возможным законодательное закрепление такого механизма защиты политических прав национальных меньшинств, как квоты или особые представительства в органах государственной власти для того, чтобы гарантировать, что голос национальных меньшинств будет услышан. В противном случае недостаток политического представительства приводит к тому, что интересы национальных меньшинств остаются незамеченными.

Культура и традиции различных групп также оказывают значительное влияние на восприятие прав меньшинств. Культурные барьеры могут служить причиной недопонимания и предвзятости, что ведет к нарушениям прав. Здесь важно проводить работу по просвещению и повышению уровня интеграции различных культур, чтобы создать среду, где будет понимание и уважение к правам всех групп. В этом плане решающую роль играет образование. Учебные заведения должны внедрять программы, посвященные правам человека и культурной осведомленности, чтобы воспитать новое поколение, способное уважать и защищать права меньшинств[1148]. Формирование уважительного и инклюзивного окружения с самого раннего возраста поможет уничтожить стереотипы и предвзятости.

В Российской Федерации в последнее время существенно изменился подход к защите прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, что следует из изменений в законодательстве и практике государственной политики.

В частности, в Федеральном законе от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ предусмотрены механизмы поддержки коренных малочисленных народов (финансирование развития языков, традиционных промыслов, образовательных программ). Это не привилегии в смысле дискриминации других, а меры, направленные на обеспечение равноправия фактически, учитывая реальные особенности. Общий правовой подход – равенство для всех – является базовым.

[1147] См.: *Коженко Я. В., Волкодав А. М., Борцова А. В.* Конституционные гарантии национальной безопасности: теоретико-правовой аспект // Научные исследования: проблемы и перспективы в контексте глобальных вызовов : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. Анапа, 2022. С. 5–9.

[1148] См.: *Шевчук П. В., Царенкова Е. А.* Политические предпочтения современной молодежи // Правовое образование : сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 2021. С. 703–708.

Нельзя не отметить, что поддержка со стороны государства национальным меньшинствам осуществляется не только за счет средств федерального бюджета, но и за счет средств регионального и муниципального бюджетов, средств внебюджетных фондов. Финансирование мероприятий государственной поддержки осуществляется в рамках целевых программ, грантов и мероприятий внепрограммного характера.

В 2017 году создан Благотворительный фонд, деятельность которого направлена на оказание поддержки малочисленным народам Сибири, Дальнего Востока и Севера. Все средства данного фонда формируются благодаря взносам граждан, пожертвованиям, вкладам спонсоров.

В целях сохранения традиций коренных малочисленных народов, их культуры, повышения уровня социально-экономического развития, реализуется государственная программа «Реализация национальной политики», включающая в себя подпрограмму «Коренные малочисленные народы РФ». В рамках данной подпрограммы предусмотрено финансирование из государственного бюджета в размере 1,5 млрд рублей в период 2021–2025 гг.

На сегодняшний момент приоритетные направления поддержки составляют развитие промыслов, сохранение быта, благоприятной экологической обстановки, традиционных мест проживания народов.

Полагаем, что в программах государственной поддержки следует делать акцент на регулировании миграции, приумножении человеческого капитала. Немаловажное значение имеет межрегиональное взаимодействие для того, чтобы перераспределить дефицитные ресурсы. Кроме субсидирования развития традиционного хозяйства коренных народов, целесообразно привлекать представителей таких народов в различного рода сферы.

Таким образом, права национальных меньшинств и конституционные гарантии равенства представляют собой основные элементы демократического общества. Защита этих прав требует совместных усилий со стороны государств, международных организаций и гражданского общества. Важно помнить, что равенство – это не только юридическая концепция, но и практическое воплощение, необходимое для создания справедливого и равноправного мира.

Список использованной литературы

1. *Алешкина, А. А.* Актуальные вопросы правового регулирования и защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации / А. А. Алешкина, В. Н. Немечкин // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 282–286.
2. *Банникова, А. М.* Национально-культурная автономия как форма защиты прав меньшинств / А. М. Банникова, Т. Д. Рукавишникова // В зеркале права : сборник научных трудов. – Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. – С. 89–93.

3. *Бражников, О. А.* Этническое меньшинство как субъект конституционного права в Российской Федерации и за рубежом / О. А. Бражников // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 10 (125). – С. 83–88.
4. *Дамшаева, Л. К.* Проблемы коренного населения в РФ на современном этапе развития общества / Л. К. Дамшаева // Научный аспект. – 2020. – Т. 3, № 4. – С. 300–304.
5. *Коженко, Я. В.* Конституционные гарантии национальной безопасности: теоретико-правовой аспект / Я. В. Коженко, А. М. Волкодав, А. В. Борцова // Научные исследования: проблемы и перспективы в контексте глобальных вызовов : сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции. – Анапа, 2022. – С. 5–9.
6. *Мурашев, А. Т.* Основные направления нормативно-правового регулирования положения национальных меньшинств в Российской Федерации / А. Т. Мурашев, В. В. Хевсаков // Актуальные проблемы права : сборник научных статей / Министерство науки и высшего образования РФ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (Государственный технологический университет)». Выпуск 10. – Владикавказ : Терек; Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2021. – С. 214–219.
7. *Рабазанов, С. А.* Народ как коллективный субъект конституционных отношений: проблемы правового регулирования / С. А. Рабазанов // Публично-правовые аспекты юридической компаративистики. V Прокопьевские чтения : материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 17–18 декабря 2021 года. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. – С. 225–230.
8. *Суханов, К. А.* Права национальных меньшинств в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование и судебная защита : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Суханов. – Москва, 2023. – 252 с.
9. *Шевчук, П. В.* Политические предпочтения современной молодежи / П. В. Шевчук, Е. А. Царенкова // Правовое образование : сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 703–708.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Ч. 3 СТ. 44 КОНСТИТУЦИИ РФ

Платон Александрович Сотников
студент 5-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
platonsotnikov22@yandex.ru

Аннотация. Статья раскрывает конституционные обязанности как правовое воплощение традиционных ценностей российского общества. Через призму новой интерпретации части 3 статьи 44 Конституции РФ доказывается, что обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия является не только юридической нормой, но и моральным императивом, связующим поколения. Этот подход укрепляет конституционный строй, подчеркивая неразрывную связь прав личности с ее ответственностью перед обществом и государством.

Ключевые слова: конституционное право; традиционные ценности; сохранение культурного наследия; Конституция РФ; взаимная ответственность.

Всякое право человека, прямо или косвенно,
сводится к обеспечению за ним возможности
исполнять его обязанности
С. Л. Франк

В современной российской конституционно-правовой доктрине все большее внимание уделяется ценностному измерению Конституции. Зачастую конституционные права и свободы находятся в центре научного дискурса, обязанности же, которые закреплены в Конституции РФ, часто рассматриваются лишь как их производная, некое дополнение. Однако в контексте укрепления национальной идентичности возникает потребность переосмыслить роль конституционных обязанностей. Необходимо взглянуть на обязанности иначе: как на правовое отражение традиционных ценностей для российского

общества, где ответственность, долг и «служение» коллективным интересам исторически всегда занимали центральное место.

Одним из ярких примеров такой трансформации понимания выступает норма ч. 3 ст. 44 Конституции РФ, закрепляющая обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В российском обществе последние несколько лет обязанности стали наполняться аксиологическим содержанием. Такие обязанности, как защита Отечества (ст. 59), забота о детях и нетрудоспособных родителях (ст. 38), сохранение природы и окружающей среды (ст. 58), взаимосвязаны с традиционными ценностями, закрепленными в документах, определяющих основы государственной политики России.

Эти нормы выступают своеобразным мостом, который соединяет *formal law* («официальное» право) с *living law* («живым» правом), т.е. с исторически сложившимися ожиданиями народа о справедливом, правильном пути. Таким образом, конституционные обязанности перестают быть ограничителем свободы личности, сейчас они становятся возможностью консолидировать все российское общество вокруг традиционных норм.

Часть 3 ст. 44 Конституции РФ гласит: «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». В течение долгого времени данная норма воспринималась в основном как конкретное предписание, адресованное гражданину по отношению к объектам культурного наследия.

Новая интерпретация предлагает рассматривать эту обязанность намного шире:

1. Как долг перед прошлыми и будущими поколениями: в традиционной системе ценностей связь поколений является основой, фундаментом и базой. Забота о наследии становится не просто юридическим требованием, а проявлением ответственности перед предками, которые передали это наследие, и перед потомками, которые имеют право получить его. Можно воспринимать это как этический долг памяти и преемственности в российском обществе.

2. Как форма коллективной идентичности: историческое и культурное наследие – это основа национального единства. Его сохранение является одним из основных условий сохранения и развития нации. Поэтому обязанность по его сохранению трансформируется из индивидуальной в солидарную ответственность всего общества и государства.

3. Как антитеза индивидуализму и разрыву традиций. В эпоху глобализации, которая началась в России в конце прошлого века, где доминировали тенденции к унификации, «традиционная» обязанность приобретает характер защитного механизма. Она закрепляет ценность культурного многообразия и уникальности, способствует противостоянию забвению и разрушению традиций.

Обязанность из ч. 3 ст. 44 Конституции РФ предстает нам как осознанная необходимость, которая вытекает из принадлежности к конкретному куль-

турно-историческому сообществу. Она отражает ценность собственной истории и культуры, что полностью соответствует положению о том, что Россия является правопреемником и продолжателем своего тысячелетнего прошлого.

Переосмысление конституционных обязанностей и, в частности, нормы ч. 3 ст. 44 Конституции РФ при помощи традиционных ценностей открывает горизонты для понимания российской конституционной модели. Она предстает не как сугубо «либеральный договор» между индивидом и государством, а как осознанный ценностно ориентированный порядок, основанный на принципах взаимной ответственности, солидарности. Обязанность заботиться о сохранении исторического и культурного наследия в такой интерпретации становится ключевым элементом формирования «особого пути» и конституционной идентичности гражданина России. Она связывает и правовой статус личности, и моральные устои общества, и стратегические интересы государства, обеспечивает духовно-нравственную легитимность основ конституционного строя. Дальнейшее развитие этого подхода может способствовать укреплению конституционно-правовой культуры в Российской Федерации и более эффективной реализации государственной политики в сфере сохранения национального наследия.

Новая интерпретация конституционных обязанностей раскрывает их роль, которая выходит за рамки привычного и обыденного, выходит за рамки «взаимосвязанности» прав и обязанностей. Рассмотрение обязанности по сохранению культурного наследия (ч. 3 ст. 44 Конституции РФ) в качестве морально-правового императива позволяет пересмотреть модель конституционализма, в которой права личности и ее ответственность перед обществом не противостоят, не борются, а взаимодополняют друг друга и благодаря этому обеспечивают устойчивость конституционного строя. Данный подход обладает значительным потенциалом для переосмысления всей системы публично-правовых обязанностей в контексте традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Список использованной литературы

1. *Дзидзоев, Р. М.* Конституционное право Российской Федерации : электронное учебное издание (учебник) / Р. М. Дзидзоев, М. Р. Хамкокова, Р. А. Тлепцок; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. М. Дзидзоева. – Майкоп : ЭлИТ, 2022. – 582 с. – URL : https://201824.selcdn.ru/elit-164/pdf/978_5_6048615_0_9.pdf (дата обращения: 22.10.2025).
2. *Прудников, А. С.* Статья 44 Конституции Российской Федерации 1993 года о закреплении основных прав в области культуры: качество и проблемы функционирования в условиях глобализации / А. С. Прудников // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statya-44-konstitutsii-rossiyskoy-federatsii-1993-goda-o-zakreplenii-osnovnyh-prav-v-oblasti-kultury-kachestvo-i-problemy (дата обращения: 22.10.2025).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Артем Сергеевич Смоляров
студент 5-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
smolyarov.03@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена снижением рождаемости и естественного прироста населения в России. В рамках исследования рассмотрены традиционные ценности, конституционно-правовые нормы, являющиеся основой современной демографической политики. Вместе с этим выявлены проблемы, влекущие убыль населения, предложены меры правового регулирования для преодоления демографического кризиса. По результатам исследования был сделан вывод, что для преодоления демографического кризиса необходимо придерживаться традиционных ценностей, закрепленных в Конституции России.

Ключевые слова: Конституция России; традиционные ценности; демографическая политика; демографический кризис; правовое регулирование.

В соответствии с п. 4 Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны[1149].

Данный Указ относит к традиционным ценностям: жизнь, достоинство, крепкую семью, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений.

[1149] Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2025).

Традиционные ценности закреплены и обусловлены самой Конституцией Российской Федерации. В ст. 2 Конституции РФ установлено, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а в ст. 20 подчеркивается, что каждый имеет право на жизнь. В ст. 7 и ст. 38 Конституции РФ закреплено, что обеспечивается государственная поддержка и защита семьи, материнства, отцовства и детства. В ч. 4 ст. 67.1 указывается, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. В силу ст. 40 Конституции РФ органы государственной власти должны поощрять жилищное строительство, создавать условия для осуществления права на жилище[1150].

Таким образом, Конституция РФ закрепляет и придает нормам о традиционных семейных ценностях высшую юридическую силу на территории России, что является основой современной демографической политики нашего государства.

По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) население России с 2020 по 2025 г. сократилось с 147,9 млн до 146,028 млн человек, коэффициент рождаемости с 2014 по 2024 г. уменьшился с 1.7 до 1.4. С 2013 по 2024 г. количество родившихся сократилось с 1 895 822 чел до 1 222 408 чел[1151].

Данные официальной статистики свидетельствуют о сокращении населения, что несет угрозу национальной безопасности. Мы полагаем, что убыль населения может быть вызвана конкретными проблемами.

Одной из проблем, по нашему мнению, является снижение доступности жилья для молодых семей с детьми.

Несмотря на действие льготной ипотеки, согласно статистике от ПАО «Сбербанк», цены на жилье выросли с 2020 по 2024 год в среднем на 77%, а новостроек на 111%, в это же время зарплаты увеличились только на 71%. Также сократилось количество квадратных метров, которые в России может купить гражданин, получающий медианную зарплату: на 6 кв. метров на первичном рынке, и на 9 кв. м на вторичном рынке[1152].

По словам председателя комитета Госдумы по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству С. А. Пахомова, льготная ипотека привела к росту цен и работала в большей степени на инвестора.

Вместе с тем материнского капитала не хватает для первоначального взноса на льготную ипотеку. Согласно аналитическому исследованию агрега-

---

[1150] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2025).

[1151] Официальная статистика // Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 02.10.2025).

[1152] «Абсолютное дно»: доступность жилья в России упала до минимума за 10 лет // Группа компаний «РБК». – URL: https://realty.rbc.ru/news/6672c9b09a7947d59e3bec9a (дата обращения: 02.10.2025).

тора «Яндекс-Недвижимость», по всем мегаполисам, материнского капитала хватит для первого взноса только для 4,3%, маткапитала на двух детей хватит только для 17% продающихся квартир в новостройках[1153].

В связи со снижением способности граждан покупать жилье, застройщики все чаще осуществляют строительство однокомнатных и маленьких квартир-студий. Согласно данным Газеты.ру, 60% рынка новостроек Москвы – это студии и однокомнатные комнаты, с 2021 по 2023 год предложение квартир с тремя и более комнатами сократилось с 20% до 11% в целом по всей стране[1154].

Возникает вопрос о том, как создавать молодым людям многодетные семьи, если доступным и массовым жильем являются студии и однокомнатные квартиры?

По нашему мнению, данное обстоятельство и снижение доступности жилья являются одними из ключевых проблем, влекущих демографический кризис в нашей стране.

Для решения указанной проблемы мы предлагаем внести следующие изменения в законодательство России:

1. Внести изменение в Федеральный закон от 3 июля 2019 г. № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», заменить меру поддержки в размере 450 тыс. рублей на погашение задолженности – на погашение ипотечной задолженности за рождение второго ребенка в размере 15%, за третьего и последующего в размере 25% от суммы задолженности.

2. Дополнить ч. 10 ст. 1 Федерального закона от 3 июля 2019 г. № 157-ФЗ: «реализации мер государственной поддержки семей, имеющих детей по государственной программе льготного ипотечного жилищного кредита (займа) распространяется на квартиры и жилые помещения площадью не ниже 40 квадратных метров».

Еще одной проблемой, влекущей демографический кризис, является трудовая дискриминация матерей, что снижает желание женщин заводить детей.

Согласно выводам научного сотрудника МГУ им. Ломоносова А. В. Гизатуллиной, гендерная дискриминация на рынке труда является распространенным явлением. При найме и увольнении работодатели часто ставят во главу угла не профессиональные качества, а семейное положение, возраст и наличие детей[1155].

Вместе с этим, исходя из опроса работодателей, многие из них отвечали, что имеют положительное отношение к трудовой деятельности матерей

[1153] Маткапитала хватит на первый взнос для покупки 4,3% жилья в мегаполисах// Группа компаний «РБК». – URL: https://realty.rbc.ru/news/67ceb8d69a794723b8571c18 (дата обращения: 02.10.2025).

[1154] Куда рожать, если кругом одни студии? // Gazeta.Ru. – URL: https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/19763155.shtml (дата обращения: 02.10.2025).

[1155] *Гизатуллина А. В.* Диагностика проблем социальной политики в сфере трудовых отношений российских матерей с детьми дошкольного возраста // Вестник ГУУ. 2021. № 8.

с детьми, но одним из условий должно быть наличие родственников / друзей, которые смогут сидеть с заболевшим ребенком.

Указанную проблему возможно решить с помощью обеспечения семей услугами социальной няни. В некоторых субъектах России такая программа уже действует. Например, в Сахалинской области региональный бюджет компенсирует услуги няни в размере 50% от их стоимости, в результате стоимость услуги составляет 500 рублей в час[1156].

В связи с этим мы предлагаем разработать федеральную программу по обеспечению услугами социальной няни: для семей с детьми в размере 50% от стоимости услуг, для многодетных семей бесплатно.

Это позволит решить проблему трудовой дискриминации: снимет с матерей клеймо «ненадежного сотрудника» и повысит их конкурентоспособность на рынке труда.

Также одной из важнейших проблем является упадок традиционных ценностей. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2024 году был побит рекорд разводов за все время наблюдения: 80% из заключенных браков распались, что вывело Россию на третье место в мире по количеству разводов[1157].

Данная проблема, вероятно, вызвана не экономическими причинами, а нравственными. Об этом свидетельствует исследование Н. В. Головко и Г. С. Сагатовой, выводом которого стало следующее: самыми распространенными причинами развода являются: измена, легкомыслие супругов, алкоголизм и наркомания, физическое и сексуальное насилие[1158].

Мы полагаем, что подобная проблема отчасти вызвана правовым пробелом в Конституции РФ: закреплена защита и поддержка института семьи, но не закреплен основополагающий принцип традиционных ценностей: «крепкая семья».

В связи с этим мы предлагаем дополнить ст. 67.1 Конституции РФ пунктом 4 следующего содержания: «Семья, брак и многодетность являются фундаментальной основой общества и главным условием демографического благополучия России. Государство создает условия для укрепления института семьи, повышения ее материального благосостояния, престижа и духовно-нравственного благополучия».

Подводя итог исследования, можно прийти к выводу, что для преодоления демографического кризиса необходимо придерживаться традиционных ценностей, закрепленных в Конституции Российской Федерации, и на них

[1156] Социальная няня для детей обойдется в 500 руб./час в Сахалинской области // Медиахолдинг «Губернские ведомости». – URL: https://sakh.online (дата обращения: 02.10.2025).

[1157] Восемь из десяти браков распались в 2024 году. В чем причина // РБК. – URL: https://www.rbc.ru/life/news/6762c5149a79475fb2fd64b7 (дата обращения: 02.10.2025).

[1158] *Головко Н. В., Сагатова Г. С.* Психологические аспекты развода в семье: причины и последствия // Universum: психология и образование. 2023. № 12 (114).

основывать политику государства. На таких ценностях, как: высокая нравственность, гражданский долг, патриотизм, крепкая семья, гуманизм и милосердие, справедливость и историческая память, преемственность поколений и единство народов России.

Демографическая политика, основанная на традиционных ценностях, позволит создать необходимые правовые, экономические, идеологические условия для повышения естественного прироста населения, преодоления демографического кризиса и обеспечения национальной безопасности России.

Список использованной литературы

1. *Головко, Н. В.* Психологические аспекты развода в семье: причины и последствия / Н. В. Головко, Г. С. Сагатова // Universum: психология и образование. – 2023. – № 12 (114). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-razvoda-v-semie-prichiny-i-posledstviya (дата обращения: 02.10.2025).
2. *Гизатуллина, А. В.* Диагностика проблем социальной политики в сфере трудовых отношений российских матерей с детьми дошкольного возраста / А. В. Гизатуллина // Вестник ГУУ. – 2021. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-problem-sotsialnoy-politiki-v-sfere-trudovyh-otnosheniy-rossiyskih-materey-s-detmi-doshkolnogo-vozrasta (дата обращения: 02.10.2025).

СТАТЬЯ 67.1 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОПЛОТ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ВОЗМОЖНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Софья Равилевна Фурсова
курсант 4-го курса факультета подготовки следователей
Московской академии Следственного комитета
имени А. Я. Сухарева, г. Москва, Россия
so.fursova@mail.ru

Аннотация. В работе автор анализирует значение статьи 67.1 Конституции Российской Федерации[1159] в современных реалиях, когда наблюдаются угрозы для идеологической и культурной идентичности российского народа, государства. Актуальность обусловлена конфронтацией в информационном, культурном и политическом контекстах, сложившейся между российским государством, его союзниками и коллективным Западом. Цель работы – исследовать, насколько формулировки, закрепленные в статье 67.1 Конституции Российской Федерации, являются действенными в настоящих реалиях и какие потенциальные противоречия, проблемы могут возникнуть. По результатам сделаны выводы о том, что статья 67.1 Конституции Российской Федерации является тем самым ориентиром, который необходим для выработки качественного законодательства в области защиты традиционных ценностей и исторической правды.

Ключевые слова: традиционные ценности; историческая правда; Конституция Российской Федерации; российское государство.

На сегодняшний день российское государство и общество находятся в непростых условиях: идет довольно жесткая информационная война, в рамках которой со стороны коллективного Запада предпринимаются все попытки к подмене ценностей, к разрушению культурных ориентиров. В таких условиях особенно важно демонстрировать единство во взглядах, вырабатывать идеологическую непротиворечивость.

[1159] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.

Относительно недавно на конституционном уровне была акцентирована важность традиционных ценностей и исторической памяти. Речь идет о ст. 67.1 Конституции Российской Федерации, которая до сих пор вызывает довольно интенсивные дискуссии.

Стоит подробнее рассмотреть, что собой представляет структурное содержание ст. 67.1 Конституции РФ. Итак, она состоит из четырех логически взаимосвязанных частей. Причем каждая последующая часть фактически представляет собой продолжение предыдущей.

Часть 1 посвящена такому важному понятию, как преемственность. Прямо указано, что российское государство является «наследником» СССР, причем речь идет не просто о территории, а прежде всего об идеологической и социокультурной общности. Соответственно, далее, уже во второй части, обозначается важность сохранения памяти предков – исторической памяти. Вера в Бога при этом рассматривается как неотъемлемый компонент традиционных ценностей и исторического наследия. В третьей части особенно подчеркивается, что обеспечивается защита исторической правды, в частности, о подвиге народа по защите Отечества. Здесь речь идет в принципе о защите Отечества – как во время Великой Отечественной войны, так и в современности[1160]. Наконец, последняя, четвертая, часть посвящена закреплению положений, касающихся воспитания детей как поколения, которое является безусловным преемником всех ценностей, ориентиров, истории и идеологии российского общества, государства.

С одной стороны, формулировки, закрепленные в указанной статье, важны и необходимы, особенно в современных реалиях информационной войны. С другой же стороны может показаться, что часть положений может, как минимум косвенно, противоречить принципу светскости. Так, в частности, данная статья закрепляет необходимость чтить традиционные ценности и защищать историческую правду, кроме того, особый акцент сделан на «идеалы и веру в Бога». Как раз последнее и может вызывать особенный политический резонанс ввиду того, что фактически речь идет о религии.

Само по себе упоминание религии не может расцениваться как прямое противоречие тому, что российское государство в ст. 14 Основного Закона объявляет себя светским государством. В указанной статье закрепляется, что никакой религии не отводится главенствующее значение, отсутствует государственная религия.

Тем не менее косвенным образом тут усматривается противоречие: власть и государство в принципе никак не должны быть связаны с религией, верой в Бога. При всем этом такое противоречие значительно нивелируется, если анализируемое положение не рассматривать в узком смысле. Под узким смыслом понимается сугубо правовое, юридическое поле. Но стоит учитывать, что сама по себе ст. 67.1 Конституции РФ – это квинтэссенция положений, ко-

---

[1160] *Кожевина М. А.* Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта // Правоприменение. 2021. № 3. С. 5–19.

торые касаются культурно-исторических, правовых и идеологических ценностей России. Соответственно, прежде всего, положение про идеалы и веру в Бога относится именно к попытке обозначить, закрепить на конституционном уровне традиционные ценности, их приоритетность для российского государства и общества[1161].

Статья 67.1 Конституции РФ в контексте закрепления традиционных ценностей и защиты исторической правды является тем самым необходимым ориентиром для выработки специальных норм. Закрепляя подобные положения, российское государство и общество, во-первых, обозначают важность таких ценностей и защиты исторической правды, расставляют соответствующие приоритеты; во-вторых, формируют необходимые конституционно-правовые основы для дальнейшей выработки законодательных норм и механизмов, при помощи которых можно будет эффективно защищать все обозначенные компоненты[1162].

Так, в частности, несколько позднее в специальном Указе Президента Российской Федерации[1163] были закреплены основы государственной политики в области утверждения и защиты традиционных ценностей, а также исторической правды. Кроме того, и в самом Основном Законе, в других его статьях, закрепляются базисные формулировки.

В частности, в ст. 68 Конституции РФ отражается такая формулировка, как «государствообразующий народ», что указывает на первичность российского общества и его ценностей в соотношении «государство и общество»[1164].

Таким образом, рассматривая ст.67.1 Конституции РФ как безусловный важнейший оплот традиционных ценностей и защиты исторической правды, стоит сказать, что необходимо правильно оценивать ее содержание в контексте современных реалий, чтобы избежать противоречий. В частности, важно формулировку «вера в Бога» не рассматривать как возможное косвенное противоречие принципу светскости, то есть положениям, закрепленным ст. 14 Конституции РФ, ввиду того, что данная формулировка, во-первых, выходит за рамки сугубо правового пространства, затрагивая базовые идеологические ценности, ориентиры в социокультурном смысле; во-вторых, стоит учитывать сам контекст ст. 67.1 – там речь идет именно о приоритете традиционных ценностей и защиты исторической правды.

1161 *Астафичев П. А.* Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. № 4. С. 5–11.

1162 *Дорская А. А.* Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление // Юридические формы переживания истории: практики и пределы : моногр. / под ред. С. В. Бочкарева. СПб. : Астерион, 2020. С. 340–345.

1163 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС «КонсультантПлюс».

1164 *Небратенко Г. Г., Студеникина С. В.* Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2(4). С. 24–30.

При всем этом, что касается эффективности проанализированной статьи, можно сказать, что ее положения действительно задают правильные направления для развития российского законодательства, направленного на закрепление и защиту традиционных ценностей, исторической правды. Но на сегодняшний день возникает необходимость в разработке полноценного федерального закона, посвященного четкому и тщательному регулированию порядка реализации традиционных ценностей, а также защиты исторической правды.

Список использованной литературы

1. *Астафичев, П. А.* Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России / П. А. Астафичев // Правоприменение. – 2020. – № 4. – С. 5–11.
2. *Дорская, А. А.* Мемориальные законы – кризисные явления в праве или их преодоление // Юридические формы переживания истории: практики и пределы : монография / под ред. С. В. Бочкарева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2020. – С. 340–345.
3. *Кожевина, М. А.* Реализация статьи 67.1 Конституции Российской Федерации в контексте научного историко-правового опыта / М. А. Кожевина // Правоприменение. – 2021. – № 3. – С. 5–19.
4. *Небратенко, Г. Г.* Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Г. Г. Небратенко, С. В. Студеникина // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 2(4). – С. 24–30.

ПРАКТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Егор Дмитриевич Хомич
аспирант 1-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
khomich-ed@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу утилитарного направления деятельности Государственного Совета Российской Федерации в области гарантирования и поддержки традиционных ценностей. Определены первостепенные контексты работы компетентных комиссий данного органа. Обозначена возможность расширения системы таких комиссий, а также рассмотрены наиболее актуальные вопросы их функционирования с целью повышения гарантированности обеспечения традиционных ценностей в России.

Ключевые слова: Государственный Совет; традиционные ценности; комиссии.

Одним из наиболее важных органов государства, в деятельности которого прослеживается значимая роль по реализации государственной политики в сфере защиты и укрепления традиционных ценностей, выступает Государственный Совет Российской Федерации (далее – Государственный Совет). Именно Государственный Совет управомочен содействовать Президенту Российской Федерации в вопросах взаимодействия органов публичной власти, обсуждения основных векторов усовершенствования внутренней и внешней политики, определения направления социально-экономического развития, в том числе основных направлений регионального и муниципального развития[1165], в урегулировании которых так или иначе могут возникать вопросы обеспечения традиционных ценностей в государстве.

Важно отметить, что традиционные ценности в общепринятом понимании формировались столетиями и стали выражать в себе различные идеалы, присущие нашему многонациональному и многоконфессиональному обществу.

[1165] См.: *Осипов А. П.* О правовом статусе Государственного Совета Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 3. С. 32.

Их защита и поддержка является, на основании действующих законов, одним из основных направлений деятельности различных государственных органов. Реализация данных направлений происходит не только из-за вызовов и угроз против национальной безопасности исходящих извне, но и проявляющихся внутри страны[1166].

Одним из ключевых нормативных правовых актов в защите традиционных ценностей является Конституция Российской Федерации, провозглашающая неотделимые для человека и гражданина свободы и права, такие как: жизнь, достоинство, свобода вероисповедания; защита семьи, культуры и отечества, а также многие другие.

Важнейшим нормативным документом, определяющим национальные традиции и ценности в системе законодательства, является Указ Президента Российской Федерации 2022 года, утверждающий Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1167]. Данный акт регламентирует многочисленные аспекты государственной политики, например, сферы по оцениванию ситуаций, угроз и рисков против традиционных ценностей, определяет цели, задачи, инструменты и результаты реализации государственной политики по сохранению таких ценностей[1168].

Перейдя к практическому рассмотрению роли Государственного Совета в обеспечении традиционных ценностей, обозначим, какими именно характерными чертами обладает данный орган по мнению исследователей. Государственный Совет на основе законодательства является конституционным государственным органом. Формулировка «конституционный государственный орган» – уникальное обозначение, присущее лишь данному органу власти, что отражает его особенность и в законодательных обозначениях[1169].

Основные задачи Государственного Совета сводятся к различным направлениям, как отмечалось ранее, орган содействует Президенту Российской Федерации в отношении различных вопросов. К тому же данный орган подготавливает высшему должностному лицу России предложения по вопросам, связанным с определением приоритетных направлений и целей социально-экономического развития, основных направлений регионального и муници-

---

1166 См.: *Юзиханова Э. Г., Смелова С. В.* Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. №12. С. 11–12.

1167 См.: *Небратенко Г. Г., Студеникина С. В.* Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 4. С. 28.

1168 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

1169 См.: *Кожевников О. А., Безруков А. В., Мещеряков А. Н.* Конституционно-правовой статус Государственного Совета Российской Федерации в зеркале современных конституционных преобразований // Правоприменение. 2021. № 3. С. 63.

пального развития, а также создания механизмов формирования эффективного осуществления такого развития и содействие их реализации, а также рассматривает, по предложению Президента Российской Федерации, проекты федеральных законов и указов Президента Российской Федерации, имеющих общегосударственное значение, обсуждает основные параметры проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период, а также информирует Правительство Российской Федерации о ходе исполнения федерального бюджета и о реализации национальных целей развития Российской Федерации, что полностью или частично может затрагивать вопросы обеспечения традиционных ценностей, ко всему прочему перечень задач не полный и может быть дополнен по решению Президента России[1170].

В структуре Государственного Совета функционируют особые рабочие органы, часть из которых является государственными комиссиями, совокупность некоторых из них участвует в направлениях деятельности по социально-экономическому развитию государства. Другая часть комиссий не объединена в единую группу в соответствии с нормативными актами и призвана реализовывать свою деятельность в специальных направлениях, что не менее важно для государства, например, комиссия Государственного Совета по вопросам поддержки ветеранов боевых действий – участников специальной военной операции и членов их семей[1171].

Комиссии, действующие по социально-экономическим направлениям, образованы для различных областей реализации государственной политики, но наиболее связанными с традиционными ценностями выступают комиссии по следующим направлениям: культура и традиционные духовно-нравственные ценности; семья; молодежь и дети[1172].

Комиссия по культурным и традиционным духовно-нравственным ценностям, председателем которой назначен губернатор города Севастополя Михаил Развожаев, реализовывает государственную политику по сохранению и укреплению традиционных ценностей. Цель комиссии напрямую соответствует реализации положений, закрепленных в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Среди них провозглашается противодействие распространению деструктивной иде-

---

1170 Статья 5 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 50 (часть III). Ст. 8039).

1171 Пункт 3 Положения о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации (Указ Президента РФ от 21 декабря 2020 г. № 800 «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8793).

1172 Пункт 1 Указа Президента РФ от 22 июля 2024 г. № 613 «О комиссиях Государственного Совета Российской Федерации по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации и их председателях» (СЗ РФ. 2024. № 31. Ст. 4627).

ологии, сохранение общенародных традиционных ценностей и их передачу будущим поколениям, а наряду с этим создание особого образа российского государства на международном уровне как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей[1173].

Наряду с другими комиссиями Государственного Совета важные задачи в защите традиционных ценностей выполняет немаловажная комиссия «Семья», возглавляемая главой Республики Мордовия Артемом Здуновым, концентрирующая свое внимание на улучшение и расширение возможных мер социальной поддержки семей с детьми и семей участников специальной военной операции.

Комиссия «Молодежь и дети» с председателем Дмитрием Артюховым, губернатором Ямало-Ненецкого автономного округа, работает на достижение национальной цели «Реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности». Комиссия координирует национальный проект «Молодежь и дети», анализирует практику в областях воспитания и просвещения и выполняет ряд иных задач, связанных с обеспечением традиционных ценностей.

Важно выделить комиссию по вопросам поддержки ветеранов боевых действий – участников специальной военной операции, возглавляемую губернатором Астраханской области Игорем Бабушкиным, именно в рамках представленной комиссии осуществляется помощь военнослужащим, вернувшимся с фронта, реализовать себя в мирной жизни. На комиссию возлагаются крайне важные задачи поддержки определенной социальной группы, в числе которых: координация действий федеральных и региональных органов власти по поддержке ветеранов специальной военной операции и их близких; отработка всего комплекса вопросов по поддержке наших героев и членов их семей: от оказания медицинской помощи до реабилитации, трудоустройства и адаптации к мирной жизни; разработка различных мер их поддержки, а также осуществление иных обязанностей установленных подзаконным актом.

Периодически Президентом Российской Федерации инициируется процесс по расширению количества комиссий, что позволяет обеспечивать более четкую и продуктивную проработку актуальных тем и идей государственной политики по тем или иным вопросам. Дальнейшее развитие Государственного Совета теоретически может затронуть увеличение числа комиссий на тех же основаниях. Например, на сегодняшний день не выделена комиссия по взаимодействию государства с религиозными конфессиями. Создание таковой позволило бы наиболее оперативно и точно решать вопросы и сложности, возникающие в данной области.

Подводя итог проведенному исследованию, важно отметить, что практическая роль Государственного Совета в обеспечении традиционных ценностей

[1173] ТАСС : информационное агентство России : сайт. Госсовет. – Комиссия «Культура и традиционные духовно-нравственные ценности». – URL: https://tass.ru/gossovet/24412565 (дата обращения: 14.10.2025).

выполняет незаменимую и кране необходимую функцию на современном этапе развития Российской Федерации. Своевременная и продуктивная деятельность рабочих комиссий обозначенного органа способствует поддержке и развитию духовно-нравственных и традиционных ценностей, провозглашенных в государстве.

Список использованной литературы

1. *Кожевников, О. А.* Конституционно-правовой статус Государственного Совета Российской Федерации в зеркале современных конституционных преобразований / О. А. Кожевников, А. В. Безруков, А. Н. Мещеряков // Правоприменение. – 2021. – № 3. – С. 57–74.
2. *Небратенко, Г. Г.* Нормативно-правовое закрепление государственной политики по сохранению традиционных российских духовно-нравственных ценностей / Г. Г. Небратенко, С. В. Студеникина // Правовой порядок и правовые ценности. – 2024. – № 4. – С. 24–30.
3. *Осипов, А. П.* О правовом статусе Государственного Совета Российской Федерации / А. П. Осипов // Закон и право. – 2021. – № 3. – С. 31–32.
4. *Юзиханова, Э. Г.* Государственная политика защиты традиционных ценностей / Э. Г. Юзиханова, С. В. Смелова // Право и управление. – 2022. – № 12. – С. 11–15.

Научное издание

XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(Москва, 5–7 ноября 2025 года)

Сборник статей

Выпускающий редактор
Кирсанова Екатерина Васильевна

Корректор
Соболева Ольга Васильевна

Верстка
Лопушанская Ольга Сергеевна

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тираж 500 экз. Объем 5 Мб.
Подписано к использованию 23.10.2026